

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

3 (254)

Июль–Август–Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
акад. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, к.и.н. *А.О. Большаков*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
член-корр. РАН *Н.Н. Казанский*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, член-корр. РАН *С.А. Старостин*,
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

А.Ю. Алексеев, *Е.В. Антонова*, *Д.Е. Афиногенов*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко* (зам. главного редактора), *Е.В. Ляпустина*,
Л.П. Маринович, *А.И. Павловская*, *А.В. Подосинов*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Н.А. Фролова*, *Э.Д. Фролов*, к.и.н. *Г.П. Чистяков*
Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

D. Afinogenov, *A. Alekseev*, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *G. Chistyakov*, *M. Dandamayev*,
M. Dandamayeva, *N. Frolova*, *E. Frolov*, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpyuk*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *A. Smyshlyayev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigin*

Head of the Editorial Office *I. Malkova*

И. В. Богданов

СВИДЕТЕЛЬСТВА О *smdt* В ЕГИПЕТСКИХ ИСТОЧНИКАХ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА*

Положение социальной категории *smdt* наиболее хорошо освещено в источниках Нового царства, прежде всего в документах из Дер эль-Медина. Сейчас благодаря работам Я. Черного, Е.С. Богословского, Як.Я. Янсена, Д. Вальбель и других египтологов мы уже располагаем полной картиной жизни работников некрополя в Дер эль-Медина, которая постоянно дополняется и корректируется новыми публикациями. В проблематике социально-экономических отношений в этом знаменитом поселке вопрос о *smdt* занимает одно из самых важных мест. Основным трудом, освещающим положение *smdt* в эпоху Нового царства, является монография Е.С. Богословского¹.

Исходя из данных новоегипетских источников, можно вывести две характеристики людей *smdt*:

smdt – люди, лишённые профессиональных навыков и подлежащие распределению на работы «сверху» (они рассматривались в таком качестве еще до вступления в большую жизнь и применения их труда на практике)²;

smdt – категория трудящихся без профессиональной нагрузки, занимающихся подсобными работами (в частности в некрополе и на других объектах государственных работ). Эта характеристика является, конечно, лишь нюансом первой.

В литературе уже предпринимались попытки раскрыть проблему формирования и начальных этапов функционирования института *smdt*. Однако в источниках Нового царства он предстает, как правило, уже важной составляющей механизма социальной политики государства в области занятости населения и регламентации труда. Данные же среднеегипетских текстов слишком фрагментарны, и порой их рассматривают в свете обширных сведений поздних времен, без учета исторической специфики эпохи. В результате мы не можем серьезно говорить об истоках этой системы. Для того, чтобы выяснить значение термина и исходный характер деятельности людей *smdt*, приходится обращаться к текстам до Нового царства.

Сведения о *smdt* в ранних источниках почти не вызывали специального интереса. Впервые этому вопросу уделили особое внимание Абд эль-Мохсен Бакир³

* Автор признателен «Фонду содействия отечественной науке» за финансовую поддержку.

¹ Богословский Е.С. Древнеегипетские мастера (по материалам из Дер эль-Медина). М., 1983.

² P. Anastasi V, 10, 4–7; ср. P. Anastasi V, 26, 5–6; P. Leiden 348 vs, 10, 1; P. Lansing, 15, 3; P. Sallier I, 3, 6–9 (издание: Gardiner A.H. Late-Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937; см. также Caminos R.A. Late-Egyptian Miscellanies. L., 1937; Богословский. Ук. соч. С. 270 сл.) и др.

³ Bakir Abd el-Mohsen. Slavery in Pharaonic Egypt. Le Caire, 1952. P. 34–35 (с литературой).

и Я. Черный⁴, которые привели списки ранних свидетельств. Некоторые титулы начальников *smdt* Среднего царства отмечены и в справочнике У. Уорда⁵. Самым полным является список свидетельств в статье Д. Вальбель⁶, посвященной публикации двух текстов с упоминанием *smdt*, которым я и воспользовался, кое-что добавив.

Впервые *smdt* упоминаются на стеле «князя» (*h3tj-c*) *Tm-mrrj* из Нага эд-Дейр, датируемой концом I Переходного периода – началом Среднего царства. Он носил титул «начальника (*jmj-r3*) *smdt*»⁷. Никакой пояснительной информации стела, к сожалению, не содержит. Прочие свидетельства относятся уже к эпохе Среднего царства, из них отдельную группу составляют титулы начальства *smdt*:

1. Стела из Серабит эль-Хадим (*Inscr. Sinai Nr.116 + 164*). Титул «писец *smdt*» (*zš smdt*)⁸. Время Аменемхета III.

2. Надпись из Куммы (Верхняя Нубия). Титул «районный писец *smdt*» (*zš smdt n(j) wrt*) – принадлежал двум лицам (*Jnj-jt.f u Sbk-htp(.w)*)⁹.

3. P. Berlin 10068 гес. из иллахунского архива. Титул «заведующий гаремом всяких *smdt*» (*jrj n(j) jpt n(j)t smdt nbt*)¹⁰.

Титул «писец *smdt*» можно отыскать и в бюрократической номенклатуре института *smdt*, известной по документам из Дер эль-Медина и другим ново-египетским источникам. Писцы занимались организацией труда и руководством *smdt*¹¹. Что касается титула из иллахунского папируса, то его чтение, принятое У. Уордом и Д. Вальбель, – «заведующий учетом *smdt*» – мало вероятно. Слово *jpt* в данном титуле детерминируется знаком «женщина», т.е. означает «гарем», поэтому титул должен читаться по-другому, а вся фраза звучит так, как считали ранее Г. Шефер и У. Каплони-Хекель:

53_A [...] ... [*Sbkj-nht(.w) dd r rdjt rh.k hr nb(t) rdjt jn.tw jrj n(j) jpt n(j)t smdt nbt* ... 53_E *n nhj hnrj jn* [...] *hr* [...] – 53_A «[*Sbkj-nht(.w)* сообщает, чтобы дать знать тебе обо всем, что приказано: привести заведующего гаремом всяких *smdt*... 53_E для регистрации гаремных женщин [...]».

То, что речь идет именно о гареме, подтверждается заключительной фразой, где вместо *jpt* с детерминативом «женщина» стоит *hnrj* с детерминативом «женщины» pl., которые, оказывается, подлежали учету как *smdt*. К сожалению, в публикации даны лишь первая и последние строки, поэтому отношение гаремных женщин к *smdt* (с детерминативом «мужчина и женщина» pl.) неясно. Вероятно, имеются в виду музыканты и певицы при заупокойном храме царя Сенусерта II (*Shm-Z(j)-n(j)-wsrt-m3c-hrw*) в Иллахуне.

⁴ Černý J. A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period. Le Caire, 1973 (2001²). P. 183–184.

⁵ Ward W.A. Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom. Beirut, 1982. P. 56 (451), 156 (1430–1431).

⁶ Valbelle D. Les plus anciennes listes connues de personnel auxiliaire (*smdt*): les tablettes hiératiques CGC 25367 et 25368 // CRIPEL. 1991. № 13. P. 123 ff.

⁷ Ste. California № 3746; Dunham D. Naga-ed-Dêr Stelae of the First Intermediate Period. Boston–London, 1937. P. 43 f. Pl. 13 (30).

⁸ Gardiner A.H., Peet T.E., Černý J. The Inscriptions of Sinai. Oxf., 1952–1955. Vol. I. Pl. 36 + 54; Vol. II. P. 119–121. Fig. 8.

⁹ Hintze F., Reineke W. Felsinschriften aus dem sudanesischen Nubien. B., 1989. Bd I. S. 136–137; Bd II. Bl. 190 (481).

¹⁰ Kaplony-Heckel U. Aegyptische Handschriften. T. I / Hrsg. von E. Lüdeckens. Wiesbaden, 1971. S. 31–32 (53). Публикация первой и последней строк (повтор ранней публикации Г. Шефера).

¹¹ Богословский. Ук. соч. С. 245.

Особое значение для проблемы имеют тексты абидосских стел *jmj-r3 pr* (начальника царского хозяйства) *Jnj-jt.f* сына *Z3t-Jmn* от 25-го года правления Сенусерта I¹², и *jmj-r3 ḥnwtj* (начальника дворцовой канцелярии) *Jnj-jt.f* сына *Znt* от 39-го года правления Сенусерта I¹³.

Первый из них приводит такую самоаттестацию:

4[jrr m3w n(j) rmt ḥn(n)t mn]5mnt nbt djdj ḥbsw wd [cḳw n smdt jmjt pr njswt djdj wrw ḥr t3w.sn wpp mrjt sḥw] – «4проводящий смотр людей, птиц¹⁴ и 5всех стад, дающий одежды и отказывающий довольствие людям-*smdt*, которые в доме царя, приводящий вельмож на их созовы, распределяющий челядь знати».

Отсюда следует, что *smdt* являлись людьми, находящимися на государственном довольствии. Однако имеется ли в виду нетрудящаяся молодежь (как в источниках Нового царства) или государственные работники вообще, сказать пока трудно.

Другой *Jnj-jt.f* (сын *Znt*) по долгу службы занимался судебными и хозяйственными делами, а также контролировал всякую деятельность в «доме царя»:

5ḥd n šnwt rdj ḥr n ḥrjw j3wt.sn m-ḥnw šḥn ḡrr jḥw dd.w n.f z3w.t(j) jwḥ.f jn ḥrj smdt.f nbt spd-jb ḥr-ḥ(wj) – «5Наставник для клиентов, внимательный к тем, кто на своих должностях, включенных в наряд¹⁵, 6поставляющий скот. (Когда) говорит о нем: «Скорее бы он пришел!» тот, кто на всех его *smdt*, – он тотчас же реагирует».

Обозначение *ḥrj smdt.f nbt* вряд ли стоит считать титулом. Хотя оно и напоминает новоегипетский титул «бригадира-*ḥrj*» *smdt*, в данном случае перед нами нечто иное. Очевидно, что обозначения *ḥrjw j3wt.sn – ḥrj smdt.f nbt* параллельны, т.е. должностные лица (профессионалы) противопоставлены здесь людям *smdt*. Причем местоимение *f* «свой, его» явно относится к самому *Jnj-jt.f*, а не к человеку, находившемуся, как можно подумать, на положении *smdt*, поскольку добавление *nbt* снимает неуверенность в этом (ср. также стк. 12 – *ḥ3m rmn.f n ḥrjw-tp.f*).

Для обеих аттестаций характерно, что их авторы, как тот, так и другой, выражают подлинную заботу о *smdt* – один [*Jnj-jt.f*] снабжает их продовольствием, другой также осуществляет какую-то опеку.

О.Д. Берлев считал, что среднеегипетских *smdt* можно сблизить по характеру с *mrjt*¹⁶: и та, и другая категории формировались из людей, принадлежавших государству (*ḥmw njswt*), однако *mrjt* пополняли частные хозяйства, а *smdt* распределялись только по собственно царским рабочим местам. Кроме того,

¹² Ste. Louvre C167, 4–5. Ныне утраченные места (здесь они заключены в скобки) восстанавливаются по ранней архивной копии Дж. Бартона (*Moss R. Two Middle-Kingdom Stelae in the Louvre // Studies presented to F. Ll. Griffith. L., 1932. P. 310–311. Pl. 47*); в издании стел из собрания Лувра (*Gayet A. Musée du Louvre, stèles de la XIIIe dynastie. P., 1889*) и в ANOC (*Simpson W.K. The Terrace of the Great God at Abydos: The Offering Chapels of Dynasties 12 and 13. New Haven–Philadelphia, 1974. P. 23. Pl. 10, ANOC 4.1*) этот разрушенный ныне фрагмент текста не воспроизведен. К чтению см. Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. Л., 1972. С. 107; он же. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Л., 1978. С. 42.

¹³ Ste. BM 140 [572], 5–6. Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, & c., in the British Museum. P. II. L., 1912. Pl. 22. Simpson. Op. cit. Pl. 12 (ANOC 5.1).

¹⁴ Ср. перевод О.Д. Берлева: «составляющий сводки» (Берлев. Трудовое население... С. 107); т.е., видимо, *jrr... šhwjt*; понимание этого слова зависит от того, как читать знак G41 «садящаяся шилохвость» – *ḥn* или *šhw*.

¹⁵ Букв. «внутри наряда».

¹⁶ Берлев. Трудовое население... С. 107.

как отметила Д. Вальбель¹⁷, ни в архиве Хеканахта, ни в папирусах Райзнера из Нага эд-Дейр *smdt* не упоминаются; значит, они не были задействованы ни в сельском хозяйстве, ни на государственных работах, требовавших профессиональной подготовки. Подтверждение тому мы находим и в некоторых приведенных источниках, согласно которым *smdt* привлекались для колонизаторской деятельности (вероятно, в качестве ремесленников или чернорабочих), т.е. входили в сферу государственных работ. С другой стороны, в приведенных текстах стел из Абидоса специфика их работ не уточняется; можно лишь подразумевать, что и здесь речь идет именно о ремесленниках-*smdt*, работавших на каких-либо хозяйственных объектах (например в некрополе) округа. В иллахунском письме это и вовсе храмовые певцы.

Еще в конце XIX в. Ф.Лл. Гриффит, работая с текстом Поучения Аменемхета I, предложил такую этимологию слова *smdt*: *s(i)-m-dt* «subordinates»¹⁸ (т.е. в современной системе транслитерации *s(t)-m-drt* – «т(о), что в руке»). С тех пор многие египтологи, занимавшиеся поучением, переводят это слово как «подданные» (к примеру, в англоязычной египтологии – «subjects», «subordinates», «dependents» и т.п.), хотя Я. Черный впоследствии отметил неверность такого толкования термина. Сам он предположил другое – от слова *smd* «декан» или «15-й день лунного календаря», т.е. *smdt* – это «люди полумесяца», поскольку именно этим периодом, вероятно, ограничивалось время их службы в работе, организованной по сменам¹⁹. Эта точка зрения выглядела гораздо убедительнее, чем устаревшее мнение Гриффита, но и она, как оказалось, не выдерживает проверки: по документам из Дер эль-Медина Е.С. Богословский установил, что *smdt* работали в некрополе постоянно, ни о каких полумесячных сменах в источниках речи нет²⁰. И пока по вопросу об этимологии слова *smdt* в этом значении можно сказать следующее: делить слово на элементы бессмысленно.

Для понимания содержания собственно термина важны таблички из Ахмима от 38-го года (Сенусерта I)²¹ с перечнями нескольких десятков личных имен. Д. Вальбель, посвятившая им специальную публикацию, полагала, что они содержат списки *smdt*, и считала поэтому, что это – наиболее важный источник по их ранней истории. Первый список предваряется заголовком *zš n(j) jmj-rn.f dd z m rn.f* – т.е. «запись перечня имен, называющего человека по имени» и подзаголовком *smdt nt rnw*, который есть и во втором списке. Т. Джеймс, обративший внимание на эти фразы в комментариях к папирусам архива *Hkz-nht(.w)*²², не перевел подзаголовков. Д. Вальбель же переводит его примерно так: «*smdt*, чьи имена (следующие)»²³, что грамматически проблематично. На мой взгляд, проще понять эту строку так: «*smdt* имен», где *smdt* значит «раздел, колонка», стало быть, «колонка имен», только и всего. На это значение слова стоит обратить отдельное внимание.

¹⁷ Valbelle. Op. cit. P. 128.

¹⁸ Griffith F.Ll. The Millingen Papyrus (Teaching of Amenemhat) // ZÄS. 1886. 34. S. 39. Not. b); ср. *idem*. Hieratic Papyri from Kahun and Gurob. Textes. L., 1898. P. 73.

¹⁹ Černý. A Community of Workmen... P. 183–184.

²⁰ Богословский. Ук. соч. С. 231 слл.

²¹ Tabl. CG 25367, 25368 (JdE 26441, 26442); Daressy G. Ostraca. Le Caire, 1901 (CG 25001–25385); Valbelle. Op. cit. P. 123–128 (с литературой).

²² James T.G.H. The Hekanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents. N.Y., 1962. P. 61, 126.

²³ Valbelle. Op. cit. P. 126 («*smdt* dont les noms (suivent)»); этот перевод вошел в словарь: Hannig R. Die Sprache der Pharaonen. Grosses Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v.Chr.). Mainz, 1995. S. 1017.

Как отмечено в Словарях, слово *smdt* (варианты *sdt*, *sd*) «раздел (текста), колонка»²⁴ известно прежде всего из источников Нового царства. Определенно в значении «раздел (письма)» оно употребляется в папирусах Анастаси I, 6, 1; 7, 8 и Анастаси VI, 59²⁵. Здесь *smdt* – структурная единица текста, подразделяющегося на отдельные параграфы колонка за колонкой²⁶. Поскольку случаи выпадения *m* отмечены и в социальном термине *sdt* < *smdt*²⁷, а также на основании детерминации этих слов знаком А 2, Х.-В. Фишер-Эльферт говорит об этимологической связи этих слов²⁸. Прибавлю, что примерно то же содержание слово *smdt* имеет, видимо, и в формуле приветствия, известном из архива *Hk3-nht(.w)* (IV, 1) и из P. Kahun 30, 1: *h3 n(j) smdt m nd hrt.t* – «1000 *smdt* в пожелание тебе здоровья»²⁹. Т. Джеймс считал, что слово *smdt* здесь – это форма приветствия у египтян (что-то вроде подмигивания, букв. «(движение) бровью»), образованная от слова *smd* (*n(j) jrtj*) – «подмигивание, знак (глазками)»³⁰. Это вполне вероятно, но возможен и вариант «тысяча перечислений (или списков) в твое приветствие». Речь идет об эпистолярном штампе – автор готов исписать для адресата, можно сказать, «1000 страниц приветствий». Эта форма обращения явно изысканная, и мой вариант, конечно, также неустойчив. Как бы то ни было, к мнению Х.-В. Фишера-Эльферта остается только присоединиться³¹.

Итак, хотя ахмимские таблетки свидетельствами о людях-*smdt* не являются, может быть, они хотя бы позволят нам разобраться с вопросом о значении термина? Дают ли они нам право предположить, что *smdt* – это «люди перечня, списка (имен)», составлявшегося при их распределении на рабочие места? В таком случае можно было бы объяснить и выражение «гарем всяких *smdt*» в P. Berlin 10068 rec. – «гарем (состоящий из) людей списков», т.е. подлежащих учету, каталогизации.

И все-таки содержание термина *smdt* глубже, чем может показаться. В его основе лежит корень *smd*, от которого возникло и слово *smdt* в значении

²⁴ Hannig. Op. cit. S. 788; ср. Wb. IV. S. 365. 12.

²⁵ Издания: Fischer-Elfert H.-W. Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I. Textzusammenstellung. Wiesbaden, 1983. Т 62, 75; Gardiner. Late-Egyptian Miscellanies. P. 77; ср. Černý J., Gardiner A.H. Hieratic Ostraca. Vol. I. Oxf., 1957. Pl. 108 (O. Gardiner 364 г., 9): [...] *smdr rn.j* [...].

²⁶ Posener G. Pap. Anastasi I: restitutions d'apres les ostraca // Mélanges Maspero. Т. 1. Fasc. 1. Le Caire, 1934. P. 330 sqq.; Caminos. Op. cit. P. 295; Fischer-Elfert H.-W. Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I. Übersetzung und Kommentar. Wiesbaden, 1986. S. 56.

²⁷ Černý. A Community of Workmen... P. 184. Not. 7.

²⁸ Fischer-Elfert. Die satirische Streitschrift... Überstezung... S. 56. Трудно сказать, детерминировалось ли слово знаком А 2 и в Среднем царстве (ср. Bakir. Op. cit. P. 35).

²⁹ James. Op. cit. Pl. 9. 1. P. 51; Griffith F.Ll. Hieratic Papyri from Kahun and Gurob. Plates. L., 1898. Pl. 30.

³⁰ James. Op. cit. P. 126 и Not. 10 (ссылка на: Petrie W.M.F. Six temples at Thebes, 1896. L., 1897. Pl. 9, 4, которая есть и в Blgst. IV. S. 25 к Wb. IV. S. 146. 11); См. также Hannig. Die Sprache der Pharaonen... S. 711. В сходном контексте (царь дает знак азиатам) в Среднем царстве употреблялось слово *jmt* (Berlev O.D. Rez.: Sadek A.I. The Amethyst Mining Inscriptions of Wadi el-Hudi. Pt I: Text. Warminster, 1981 // Bibliotheca Orientalis. 1983. Vol. 40 (3/4). P. 356 f.; подсказка А.Е. Демидчика).

³¹ В мифологических и ритуальных текстах отмечены случаи записи слова *smdt* в значении «распоряжение, распоряжаться(?)» через знак *md* (Assmann J. Liturgische Lieder an den Sonnengott. Untersuchungen zur altägyptischen Hymnik I. В., 1969. S. 83. Anm. 25). Это противоречие можно снять, если учесть, что данные варианты засвидетельствованы в поздних текстах, когда написание слова уже трансформировалось под более удобную основу (от глагола *mdwj* «говорить»). Так, слово *smdt* в значении «бровь» появляется лишь в фараоновскую эпоху (Wb. IV. S. 146. 10), возможно, столь же искусственным путем.

«край» или «раздел»³² в самом прямом смысле этого слова. С ним же, вероятно, связано и древнейшее слово с корнем *smd* – «полумесяц». Конечно, мы не располагаем ранними случаями употребления слова *smdt* в значении «край», и в первую очередь здесь мы можем назвать лишь упомянутые источники, где встречается слово *smdt* в значении «колонка, раздел (текста)», но оно явно вторично, поскольку в конечном счете во всех отмеченных случаях основа одна и та же – «край».

Именно это исходное значение можно отнести и к социальному термину *smdt*. Выходит, что на стеле *Jnj-jt.f* сына *Znt* выражение *hrj smdt.f nbt* значит «тот, кто на всех его краях», где *smdt* – сфера распределения непрофессионального трудящегося населения «дома царя», противопоставленная «профессиональной, должностной» – *ḫwt*. Именно потому, что «должностные» лица, занимавшиеся профессиональным трудом, были включены в наряд, их положение конкретизировано, меж тем как иные государственные работники, но непрофессионалы, находившиеся на попечении *Jnj-jt.f*, расцениваются буквально как «все остальное». Стоит пересмотреть и свидетельствование иллахунского письма P. Berlin 10068 гес. Термины *jpt* и *ḫnrj*, обозначающие «гарем», противопоставляются здесь потому, что *jpt n(j)t smdt* (с детерминативом «люди») *nbt* – это женщины, набранные извне, не входящие в собственно гарем-*ḫnrj*. Гарем-*ḫnrj/ḫnrt* – это в буквальном смысле «замкнутое, недоступное (пространство)»³³, а *jpt n(j)t smdt nbt* – это «гарем (из) всего остального», иначе говоря, здесь почти антитеза: «включенное» – «исключенное».

Вспомним в связи с этим, что и в текстах из Дер эль-Медина проводится четкое разделение работников некрополя на *ḫmw n-ḫnw* и *smdt n-bnr (n-bl)*, т.е. «мастеров внутри» и «*smdt* снаружи», поскольку *smdt* не допускались к художественным и вообще профессиональным работам³⁴. По другим документам, как уже было сказано, *smdt* – это люди без определенных профессий, подсобные рабочие. Так иногда этот термин и переводят, что довольно близко и к буквальному значению слова.

Казалось бы, источники Среднего царства дают нам право утверждать, что, поскольку такая система деления на профессионалов и подсобных рабочих прослеживается и в эту эпоху, это и есть ключ к разгадке всей проблемы. Действительно, еще в конце Старого царства, в период ломки социальных структур, возникают и исчезают новые социальные термины, так и оставшиеся знаками времени. Впоследствии же, с ростом влияния государства на общественные структуры, стала вырабатываться и стандартная терминология в сфере организации труда, но зачастую «по остаточному принципу»: один и тот же термин мог иметь и широкое и узкое значение. По нашим источникам получается пока следующая картина: *smdt* – это государственные работники, подлежащие надзору и учету со стороны краевого чиновника. Круг их занятий был, вероятно, довольно широк, но в основном они пополняли массы трудящихся, не обладавших необходимыми профессиональными навыками. После распределения *smdt* либо растворялись в среде таких же, как и они сами, чернорабочих, формально теряя это категориальное определение, либо и фактически оставались в таковом качестве, если работали на том же объекте, что и мастера-профессионалы. Скучность упоминаний термина в какой-то мере подтверждает его общий характер,

³² Hannig. Die Sprache der Pharaonen... S. 711. Ср. Wb. IV. S. 146. 12.

³³ Иная трактовка термина *ḫnrt* в иллахунских письмах принадлежит С. Квёрку (Quirke S. State and Labour in the Middle Kingdom. A Reconsideration of the Term *ḫnrt* // RdE. 1988. Т. 39. P. 87–90). P. Berlin 10068 гес. с упоминанием *ḫnrj* здесь, правда, не рассматривается, хотя перед нами явно тот же термин.

³⁴ Černý. A Community of Workmen... P. 184; Богословский. Ук. соч. С. 250, 294.

а в итоге становятся шаткими и основания для определения *smdt* как «социальной категории».

Обратимся к оставшимся текстам Среднего царства с упоминанием *smdt*.

В особом значении это слово употребляется в надписи из Вади Магара (Inscr. Sinai Nr. 25) от 2-го года правления Аменемхета III³⁵. Она была составлена казенным кастиеляном (*jrj-ct n(j) pr-ḥd*) по имени *Hr-nḥt(.w)Nfr-Hr-n(j)-t3-mḥw*:

2stp(w) ḥnt smdt.f 3mdd w3t nt smnh sw jw d3(j).n(j) 4nwnw hr špss m wpwt Hr nb cḥ
«₂избранный из своих *smdt*, ₃разделяющий путь своего покровителя³⁶. Я пересек океан с богатствами по поручению Хора-владыки-дворца».

Выражение *stp(w) ḥnt smdt.f* не значит, что *Hr-nḥt(.w)* стал начальником людей-*smdt* (как экспедиционные чиновники-писцы, чьи титулы приведены выше). Оно построено по образцу таких самоаттестаций, как *stnn.f ḥnt mjtww.f*³⁷, *tn.n.f wj ḥntw scḥw.f*³⁸ и т.п. Таким образом, термин «крайние» здесь применяется к людям, равных *Hr-nḥt(.w)* изначально по статусу, из среды которых он вышел, но благодаря удачным обстоятельствам превзошел их на службе.

Сравнивая подобные самоаттестации, бросается в глаза близость терминов *smdt* и *šwt*. По поводу значения последнего существует дискуссия, и в данной работе решить этот вопрос я не берусь, ограничусь лишь замечаниями. Согласно толкованию О.Д. Берлева, *šwt* – это поколение на грани детства и юности, еще безработные, но близкие к тому этапу, когда им предстоит вступить в большую жизнь; однако и после преодоления этого этапа группа сверстников, одновременно начавших карьеру, продолжает именоваться *šwt*. Изначальное его значение, по мнению О.Д. Берлева, – «пустые»³⁹. Но этот тезис, основанный на сближении *šww* «пустых» и *šwt*, как раз и кажется сомнительным. Если считать, что основа этого термина – все-таки слово *šw* в значении «край, сторона, бок», то выходит, что *šwt* – это «крайние», «сторонние» – толкование, которое О.Д. Берлев изначально и не принял. Однако в любом случае пока ни то, ни другое толкование ничего не дает для понимания термина. Многие источники⁴⁰ говорят о почтительном отношении к *šwt*, и наоборот, презрения к ним не высказывается ни в одном из них. Следовательно, если избавиться от связи термина *šwt* с обозначениями низов общества, то нет причин и видеть в нем уничижительный оттенок.

При всем многообразии мнений я могу лишь присоединиться к мнению Р. Ханнига, который дает в своем словаре для слова *šwt* значения «старослужащие, отслужившие, бывшие солдаты или чиновники»⁴¹. При этом нельзя, однако, не учитывать, что этот термин все-таки служил и как возрастное определение. *šwt* – это сверстники-«сослуживцы», или «ветераны», которые стали считаться таковыми с момента поступления на службу. Это следует из максимы 35 «Поучения Птаххотепа» (Ph. 487–490), которая логически примыкает к последней сентенции максимы 34⁴²:

³⁵ Gardiner et al. The Inscriptions of Sinai. Vol. I. Pl. 10; Vol. II. P.68.

³⁶ Весьма распространенная самоаттестация; ее примерное содержание – «строющий карьеру».

³⁷ Janssen J. De traditioneele Egyptische autobiographie vóór het Nieuwe Rijk. D.1. De texten. Leiden, 1946. S. 109.

³⁸ Ibid. S. 117.

³⁹ Берлев. Общественные отношения... С. 71–72.

⁴⁰ Основные свидетельства приведены О.Д. Берлевым (там же) и И.Ф. Кваком (Quack J.F. Studien zur Lehre für Merikara. Wiesbaden, 1992. S. 37. Anm. d).

⁴¹ Hannig. Die Sprache der Pharaonen... S. 808-809; idem. Ägyptisches Wörterbuch. Altes Reich und Erste Zwischenzeit. Mainz, 2003. S. 1283. Ср. Helck W. Die Lehre für König Merikare. Wiesbaden, 1977. S. 35.

⁴² Издание: Žába Z. Les Maximes de Ptahhotep. Prague, 1956.

⁴⁸⁷sh3w pw n(j) z(j) jm3t⁴³ ⁴⁸⁸m⁴⁴ rnpwt jmjwht ht w3s ⁴⁸⁹tr šwt.k⁴⁵ wnn (j)ht.k ⁴⁹⁰m hz bjt.k r hnmsw.k – «⁴⁸⁷Дружелюбие – вот память о человеке ⁴⁸⁸в годы, следующие за службой⁴⁶. ⁴⁸⁹Уважать своих сверстников⁴⁷ – (значит) сохранять свое достоинство. ⁴⁹⁰Не ухудшай свои отношения со своими друзьями».

Главный источник – Поучение Мерикара Е 57–60 – слишком неоднозначен, и мой перевод не претендует на точность⁴⁸:

⁵⁷tz d3mw mrj tw hnw sč3 mrw.k m šwt ⁵⁸mk njwt.k mh.tj hr srd m3(w) rnpt 20 n3 d3mw ndm(.w) hr šms-jb.f šwt hr ⁵⁹[pr(j)]t hr snnw.t.s sčkj(w) hr čk n.f m hrdw [...] ⁴⁹jn jswt čh3j n.n tz. ⁶⁰n.j⁵⁰ jm.s m hč(j)t.j – «⁵⁷Набирай молодежь, чтобы столица любила тебя. Умножай своих сторонников из числа ветеранов, ⁵⁸ведь твой город полон новой порослью. 20 лет – это (тот возраст, когда) юноши предаются удовольствиям, (а между тем) ветераны ⁵⁹уходят в запас, а рекрут становится таковым в подростковом возрасте [...]. Только старики сражаются за нас⁵¹, ⁶⁰из которых я набирал (солдат) еще при моем воцарении».

Смысл этого завета, на мой взгляд, заключается в следующем. Поскольку войско царя состоит из стариков, необходимо набирать новобранцев из юнцов, которые проводят жизнь в удовольствиях, хотя должны быть уже давно призваны. Изменив эту ситуацию, царь решит сразу две задачи: войско пополнится здоровыми силами, а ушедшие со службы будут ему верными сторонниками в городе. Таким образом, именно набор вводил молодых людей в новый статус, который определялся как šwt только применительно к сверстникам-старослужащим. Как известно из других текстов того времени, вообще люди в этом статусе именовались просто «воплощением» (hprw), иначе говоря, «состоявшимися личностями». В хатнубских текстах это слово выступает как собирательный термин:

Надпись K3j II сына Nhrj I⁵²:

jw tz(j).n.j d3mw.s n(j) hrdw n-mr(w)t č3 hprw.s jw grt d3mw.s sčk n ndsw (j)hms(j) m prw.sn n mšc.sn m rk snd(w) n(j)7 pr njswt – «⁶Я набрал его (гóрода) юношей из отроков, чтобы увеличить его воплощение, меж тем как его юноши, призванные в солдаты, сидели в своих домах, они не ходили в походы в период «страха 7дома царя»⁵³.

⁴³ Вариант L1: jm3.n.f (см. Burkard G. Textkritische Untersuchungen zu ägyptischen Weisheitslehren des Alten und Mittleren Reiches. Wiesbaden, 1977. S.152).

⁴⁴ Вариант папируса Присса: n.

⁴⁵ Начало раздела в папирусе Присса (Максима 35); вариант папируса Присса: rh šwt.k. В обоих случаях šwt с детерминативом A1 pl.

⁴⁶ То есть в «пенсионные годы».

⁴⁷ Похожие выражения: стела Mrr (Краков, Muzeum Narodowe MNK-XI-999. Černý J. The Stela of Merer in Cracow // JEA. 1961. 47. P. 5–9. Pl. 1, l. 6); стела Hnj (ГМИИ I.1.a.1137, стк. 3; Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow–Leningrad, 1982. P. 63 ff. Not. 1)). С.И. Ходжаш и О.Д. Берлев понимают слово šwt в этом месте по-другому: «тень» (от дома господина).

⁴⁸ Издание: Quack. Op. cit.

⁴⁹ Знаки не разобрать, из-за этого трудно понять и начало фразы. Слово sčk значит «призывать на воинскую службу» (шире – «вводить в должность»), с управлением п: sčk n nds – «призывать в солдаты». Слово hrdw с детерминативом «люди» pl. значит «детство».

⁵⁰ Вариант M: tzt[...].

⁵¹ «Расщепленное» предложение, букв.: «Это старость, сражающаяся за нас».

⁵² Anthes R. Die Felseninschriften von Hatnub. Lpz, 1928. S. 54. Gr. 24. Taf. 24. Ср. Берлев. Общественные отношения... С. 109.

⁵³ «Страх дома царя» = «гражданская война». Параллель этому выражению: nrw Hr «ужас Хора» в титуле djdj nrw Hr, что значит «осуществляющий экспансию, интервенцию» (Египта в соседние страны), в то время как «страх» (snd(w)) царь внушал своей стране. Ср. Anthes. Op. cit. Gr. 24, 7–8; ibid. S. 52. Gr. 23, 4. Taf. 20.

Надпись *Nhrj* I сына + *Dḥwtj-nḥt(.w)*⁵⁴:

15ḥwtj tꜣ.f bjn tꜣj dꜣmw.s n(j) ḥrdw n 16-mr(w)t cꜣḥ ḥprw.s – 15 «Тот, у кого не было плохого войска, тот, кто набирает его (гóрода) молодежь из отроков, 16 чтобы увеличить его воплощение».

В этом значении, которое можно понять иначе, – как «утвердившееся в жизни» или «получившее статус» – термин *ḥprw* употреблялся и в некоторых других текстах I Переходного периода⁵⁵. Что касается *ḥwt*, то это слово употреблялось и как социальное обозначение, и как фигура речи. При этом все-таки мало вероятно, что сочетание *ḥwt.f* значит «его (т.е. автора надписи) однокашники», те, что были «бок о бок» с ним от начала службы⁵⁶. Во всяком случае, близость *ḥwt* – *smdt* оказалась мнимой, хотя оба они в какой-то мере ориентированы на возрастной рубеж: все-таки одна из характеристик новоегипетской категории *smdt* – безработные по своей молодости, еще не приобретшие профессиональных навыков, «недоросли». Именно в таком значении, вероятно, употребляется этот термин в надписи Sinai Nr. 25 – мелкий чиновник сделал более продвинутой карьеру, чем те его сверстники, вместе с которыми он проходил распределение. По своему характеру это значение слова – нюанс уже установленного⁵⁷.

Последний среднеегипетский текст, в котором упоминаются люди-*smdt*, – это Поучение Аменемхета I (раздел Па-е)⁵⁸. В этой части произведения царь, павший в результате заговора придворных, советует своему наследнику Сенусерту вообще никому не доверять, чтобы и с ним не случилось такой же беды. Несмотря на литературный характер этого источника, его следует признать главнейшим из всех.

Существует несколько вариантов чтения II раздела Поучения, поскольку в рукописных текстах, основную массу которых составляют острака, написанные начинающими «студентами» из Дер эль-Медина, очень много разночтений. Помимо прочего, язык поучения пестрит метафорами. В итоге оно представляет исключительную сложность для перевода. Во II разделе особенно трудна для понимания первая фраза, где как раз и упоминаются *smdt*. Можно предложить несколько основных вариантов ее чтения:

⁵⁴ Ibid. S. 43. Gr. 20. Taf. 18.

⁵⁵ Подробнее об этом см. *Buchberger H. Transformation und Transformat. Sargtextstudien I. Wiesbaden, 1993. S. 420 ff.*

⁵⁶ Новоегипетский литературный текст P. Anastasi I, 10, 2 (издание: *Fischer-Elfert. Die satirische Streitschrift... Textzusammenstellung. T 92, 261*) как будто подтверждает по параллельным местам перевод термина *ḥwt* как «отставка» (*idem. Die satirische Streitschrift... Übersetzung und Kommentar. S. 78*), но его происхождение от слова «бок, сторона» (как и от слова «пустота»), однако, совершенно исключает. Впрочем, отношение этого места к данному вопросу сомнительно. Все зависит от того, как восстанавливать *ḥꜣ[...]* в O. DM 1623, ибо вариантов слишком много; не исключено соответствие (r) *ḥwt* – *ḥꜣ[wbj]/ḥꜣ[wj]*, т.е. «до вечера».

⁵⁷ Глагол *stp* в аттестации рассматривается как вариант глагола *stp* «избирать», хотя, возможно, он и не является таковым. Тогда перед нами еще более красноречивая формулировка: «выпрыгнувший из (среды) своих сверстников», где уничижительное отношение к последним подчеркнуто еще сильнее.

⁵⁸ Издание и рубрикация текста: *Helck W. Der Text der «Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn».* Wiesbaden, 1969 (далее аббревиатуры даются по этому изданию). Новые рукописи: *Posener G. Catalogue des ostraca hiératiques littéraires de Deir el-Médineh. T. III (Fasc. 1). № 1267–1409. Le Caire, 1977 (O. DM 1267 ff.); Goedicke H. Studies in «The Instructions of King Amenemhet I for his Son».* Plates. San Antonio, 1988. Pl. 3–6 (O. Berlin 11268, 12385); *Burkard. Textkritische Untersuchungen... [S. 341] (P. Berlin 23045); idem. Zwei weitere Belege für die Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn // GM. 1980. H. 38. S. 38–40 (O. Heidelberg 1005b/2012a + 2012b); Winter E. Ein Ostrakon samt der Bitte um eine Inventarnummer // Festschrift Arne Eggebrecht. München, 2002. S. 137 f. Taf. 31 (O. Hildesheim).*

1. Вариант перевода, ставший более или менее традиционным, звучит следующим образом⁵⁹:

s3k tw r smdt rf tm.t hpr(w) tmmt rdj(w) jb m-s3 hrw.s – «опасайся подчиненных, которые суть ничто и на планы которых не обращают внимания».

Этот перевод основан на чтении *tm(t) hpr(w)* в отрыве от слова *tmmt*. Дело в том, что пункты в разных списках и расставлены по-разному: Р. Mill, О. Mi 20 – после *hpr(w)*, Р. SII – после *tmt*, О. G 324 – после *smdt* и т.д. Но большинство египтологов следует традиции папируса Миллинген XVIII династии, так как это один из самых ранних списков поучения. В результате выражение *tmt hpr(w)* переводится как «суть ничто», хотя *hpr* – это либо инфинитив (т.е. надо читать *tmt hpr*), либо, скорее всего, – псевдопричастие (*tm hpr.w*). Кроме того, понимание *tmmt* как отрицательной формы основано лишь на том, что в Р. Millingen это слово не детерминировано знаком множество людей. Наконец, опять же в Р. Millingen, в отличие от большинства списков, сохранивших конец фразы, выражение *hrw / jt hr.s<t>* сокращено до *hrw.s*. Между тем слово *hr(jt)* (букв. «ужасное») в Поучении передает дурные замыслы покушавшихся на жизнь царя. Его можно перевести как «козни, заговор». Слово *hrw*, стоящее в папирусе Миллинген, впрочем, тоже можно понять как «дурные планы». Ср. раздел IVb: *jw rdj.n.j n.f cwj.fj hr shpr.w hrw hr.s<t>*⁶⁰ – «Тот, кому я давал, своими руками стал плести козни⁶¹ за это». Наконец, слово *tmmt*, на мой взгляд, все-таки означает здесь человеческий коллектив, а выражение *rdjw jb m-s3* следует переводить в повелительном наклонении; значение *rdj jb* – «заботиться, обращать внимание» и т.п. – имеет и негативный оттенок – «опасаться, быть настороже».

2. *s3k tw r smdt rf tm.tj hpr tmmt* – «Будь осторожен со сбродом, и тогда он не превратится в группировку».

Общепринятый перевод слова *smdt* как «подданные», «подчиненные» явно не подходит, я склонен понимать его в общем значении – «сброд, сволочи». Здесь это нюанс слова *smdt* в значении «крайние, маргиналы», которое применяется для крайне негативной характеристики случайных выдвиненцев и карьеристов при дворе. Чтение второй части фразы основано на противопоставлении слов *smdt* и *tmmt*. Значение последнего (в форме *tmm* с детерминативом «люди») – «человечество», «все люди», но в данном случае это может быть и субстантивированное part. perf. pass. (gem.) от глагола *tm*, т.е. нечто «замкнутое, совершенное». Можно сослаться и на уникальный старо- и распространенный среднеегипетский титул *hrj (n(j)) tm*⁶², где слово *tm*, возможно, идентично позднему *knbt* – «судебная коллегия», «управа», букв. «угол» (от глагола *knb* «связывать, склонять»), т.е. оба термина генетически близки. Выходит, если *smdt* – «крайнее, лишнее, внешнее», то *tmmt* – наоборот, «единое, внутреннее», т.е. «организованная группировка» (ср. антитезу *smdt* – *hnrj*). Впрочем, сближение терминов *tm* и *knbt*, судя по контекс-

⁵⁹ Blumenthal E. Die Lehre des Königs Amenemhat (Teil I) // ZÄS. 1984. 111. S. 87. Anm. 11 (с литературой); Burkard. Textkritische Untersuchungen... S. 32 f., 212, 307; *idem*. «Als Gott erschienen spricht er». Die Lehre des Amenemhet als postumes Vermächtnis // Literatur und Politik im pharaonischen und ptolemäischen Ägypten. Le Caire, 1999. S. 166–171; ср. перевод Р.О. Фолкнера: Simpson W.K. The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions and Poetry / With Translations by R.O. Faulkner, E.F. Wente, Jr. and W.K. Simpson. New Haven–London, 1977. P. 194 и др.

⁶⁰ Вариант Pp. SI–II и некоторых других рукописей, вариант папируса Миллинген и его традиции совсем иной.

⁶¹ Букв. «его руки стали производить ужасное».

⁶² Jones D. An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom. Vol. I–II. Oxf., 2000. P. 646 f. (2369); Ward. Op. cit. P. 128 (1087–1088); Fischer H.G. Sur les routes de l'Ancien Empire // CRIPEL. 1991. № 13. P. 60–62.

там употребления титулов, весьма сомнительно. Псевдопричастие *tm.tj* стоит только в варианте P. Berlin 23045⁶³, следом идет инфинитив *hpr*. Интересно в этой связи, что в P. III стоит фраза *r tmt hpr.w tmmt*, – достаточно добавить к глаголу *tmt* суффикс *s*, и перед нами будет редкая форма *r tmt.f sdm.w* (см. Ph. 466), однако оmissия субъекта в этой форме исключена.

3. *s3k tw r smdt rf tm(t) hpr.w tmmt* – «Будь осторожен со сбродом, (ведь) ничто становится всем».

Слово *tm/tmt*, стоящее в начале придаточного предложения, в некоторых рукописях снабжено детерминативом абстракта, поэтому перевод «ничто» совершенно несомненен. В этом варианте также подчеркивается уничижительное отношение к *smdt*. Этот вариант и принимается как наиболее подходящий.

Мой перевод всего II раздела Поучения Аменемхета I звучит так:

s3k tw r smdt rf tm(t) hpr.w tmmt rdjw jb m-s3 hrw hr.s<t> m tkn jm.sn m w<(j)w n.k m mh jb.k m sn m rh hnm s m shprw n.k ckw nn km (n) jrj – «Будь осторожен со сбродом, (ведь) ничто становится всем, опасайся козней за это. Не сближайся с ними, будучи один. Не доверяй брату, не признавай друга. Не создавай себе приверженцев, ибо это бесполезно».

Слово *smdt* в этом тексте – не социальный термин, а фигура речи автора литературного произведения, которая добавляет лишний штрих к характеристике людей-*smdt*. Здесь они – не просто «крайние» как подсобная рабочая сила или «подчиненные» и не только пока еще не состоявшиеся в жизни личности, это люди – вообще «лишние» в обществе.

Добавим, что, по мнению Д. Франке, II раздел Поучения Аменемхета представляет собой перечисление близких людей от *smdt do ckw*, и самым похожим на него оказывается перечень на стеле Louvre C 173, где «братья» и «друзья» стоят между *h3w* «окружением из родственников, близких» и *dt* «собственными людьми»⁶⁴. Если считать оба перечня параллельными, то *smdt* Поучения оказываются близкими царя (может быть, его сверстниками? см. выше). Тогда «по данному пункту» Аменемхет оказывается в разногласиях с другим царственным знатоком жизни (Поучение Мерикара E50–51). Впрочем, статус первой группы перечня в разных источниках настолько варьируется, что любое сравнение с целью выяснить, чем же были *smdt* для царя, оказывается беспомощным.

EVIDENCE ON *SMDT* IN MIDDLE KINGDOM EGYPTIAN SOURCES

I. V. Bogdanov

The author suggests several variant interpretations of the word *smdt* based upon his analysis of Middle Kingdom texts:

1) «a section, a column», i.e. a structural unit of text (Tabl. CG 25367 and 25368; P. Heqanakhte IV, 1; P. Kahun 30, 1);

2) «outsiders, marginals», i.e. state-employed unskilled workers who were to be controlled and registered by the district official; originally, unemployed (Ste. California N3746; Inscr. Sinai Nr. 116 + 164; Inscr. Sinai Nr. 25; Gr. Kumma 481; P. Berlin 10068; Ste. Louvre C167; Ste. BM 140 [527]);

3) «rabble» (The teaching of Amenemhet I).

⁶³ Папирус датируется временем XXVI–XXX династий (Burkard. Textkritische Untersuchungen... S. 7–8; Burkard G., Fischer-Elfert H.-W. Ägyptische Handschriften. T. 4 / Hrsg. von E. Lüddeckens. Stuttgart, 1994. S. 119 (177).

⁶⁴ Franke D. Altägyptische Verwandtschaftsbezeichnungen im Mittleren Reich. Dissertation. Hamburg, 1983. S. 362, к тексту стелы Louvre C 173 см. S. 219. О *h3w*: ibid. S. 215 ff.; о *dt*: Берлев. Трудовое население... С. 172 слл.

Э. В. Рунг

ФЕНОМЕН МИДИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Мидизм (или иначе «персофильство») представляет собой интересное и в то же время довольно необычное явление. Часто воспринимаемый как деятельность греков в интересах Персии¹, мидизм получил широкое распространение в Греции, особенно в период Греко-персидских войн².

В данной работе предполагается определить то значение мидизма, которое придавали ему современники, и таким образом выйти на понимание всего феномена в целом. В ходе рассмотрения темы планируется осветить следующие вопросы: к какому времени можно относить возникновение мидизма; какое значение греки вкладывали в понятие мидизма в наиболее активный период употребления ими этого термина (ассоциировался ли мидизм изначально с предательством или далеко не всегда мидизм и предательство были явлениями одного порядка; всегда ли мидизм воспринимался только как деятельность греков в интересах Персии или мог быть также связан с принятием греками персидских обычаев); было ли восприятие мидизма греками всегда неизменным, или оно претерпевало определенную эволюцию с течением времени; каковы были особенности употребления терминологии мидизма различными античными авторами по сравнению друг с другом.

Все современные исследования проблематики мидизма могут быть распределены по трем группам: первую составляют несколько работ, так или иначе затрагивающих терминологию³; вторая включает главным образом работы, по-

¹ Это значение «мидизма» лучше всего описывает выражение τὰ Μηδῶν φρονεῖν – «приверженность мидянам» (*Herod.* VIII. 34; *Schol. Thuc.* I. 95. 5; *Suid.*, s.v., μηδίζω; μηδισμός, *Phrynich. Attic.* s.v. μηδίζω; *Ps.-Zonar.*, s.v. μηδισμός), хотя в своей основе субстантивированный глагол φρονεῖν, как и существительное τὸ φρόνημα, означает не деятельность как таковую, а скорее образ мыслей. Поэтому нужно с осторожностью проводить ассоциации мидизма с сотрудничеством или взаимодействием греков с персами. Последние два понятия предполагают равное участие сторон. Если о мидизме и можно говорить как о сотрудничестве, то необходимо добавлять «в интересах Персии»; в английском и французском языках тому есть великолепное соответствие – «collaboration» («коллорабационизм»), но даже этот термин едва ли может быть эквивалентом глаголу φρονεῖν.

² Достаточно сказать, что из всех городов материковой Греции только 31 полис встал на защиту греческой свободы (*ML.* 27; ср. *Plut. Them.* 20. 3; *Paus.* V. 23).

³ *Myres J.L.* Μηδίζειν Μηδισμός // *Greek Poetry and Life: Essays Presented to Gilbert Murray.* Oxf., 1936. P. 97–105; *Jonkers E.J.* Μηδοί, τὰ Μηδικά, Μηδισμός // *Studia varia Carolo Guiliemo Vollgraff.* Amsterdam, 1948. P. 78–83; *Gugel H.* Medismos // *Der Kleine Pauly. Lexikon der alten Welt.* München, 1979. Bd III. Sp. 1133; *Graf D.* Medism: the Origin and Significance of the Term // *JHS.* 1984. 104. P. 15–30; *Tuplin C.J.* Persians as Medes // *Achaemenid History / Ed. H. Sancisi-Weerdenburg, A.T. Kuhrt, M.C. Root.* Vol. 8. Leiden, 1994. P. 235–256; *idem.* Medism and Its Causes // *Transeuphratène. Recherches pluridisciplinaires sur une province de l'Empire Achéménide.* Vol. 13. Gabalda, 1997. P. 155–185.

священные политическому значению мидизма в классической Греции, без какого-либо значимого внимания к терминологическому аспекту темы⁴; третья объединяет работы как по мидизму отдельных греческих государств (в дальнейшем мы будем говорить «полисный мидизм»)⁵, так и наиболее влиятельных политических деятелей («индивидуальный мидизм»)⁶.

Одним из первых развернутых определений мидизма дал американский исследователь Д. Граф. Он отмечал, что греки использовали глагол *μηδίζειν* («быть на стороне мидян») или существительное *μηδισμός* («расположенность по отношению к мидьянам») с намерением обозначить сотрудничество с Персией (*collaboration*)⁷. Д. Граф обратил внимание, что термин «мидизм» включал в себя социальные и культурные аспекты обвинения в деятельности в интересах Персии, которые подразумевали, что сотрудничавшие с Великим царем отвергали особый образ жизни, характерный для греческого мира в пользу ущербного образа жизни Востока. Это свое заключение исследователь подтверждает, во-первых, ссылкой на употребление античными авторами терминов *ἑλληνίζειν* и *βαρβαρίζειν*, которые «означали говорить или действовать подобно грекам или подобно варварам», а во-вторых, на описание Фукидидом (I. 95. 128–134) мидизма Павсания, которое, по мнению автора, «дает классическую иллюстрацию этому обвинению» (Павсаний одевался и вел себя на персидский манер, добивался руки дочери персидского царя и его сопровождала чужеземная охрана из мидийцев и египтян)⁸. Таким образом, Д. Граф заложил основы понимания мидизма не только как политического сотрудничества греков с Персией, но и как социокультурного явления, и эти его представления на природу мидизма нашли восприятие в историографии.

⁴ *Wolski J.* ΜΗΔΙΣΜΟΣ et son importance en Grece à l'époque des Guerres Mediques // *Historia*. 1973. Bd 22. Ht 1. S. 3–15; *Hegy D.* Μηδισμός Perzsalbarat iranyzat görgörszaglan i.e. 508–479. Budapest, 1974; *Gillis D.* Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979.

⁵ Фессалия: *Westlake H.D.* The Medism of Thessaly // *JHS*. 1936. 56. P. 12–25; *idem.* Thessaly in the Fourth Century BC. L., 1935. P. 28–31; *Keaveney A.* The Medisers of Thessaly // *Eranos*. 1995. Vol. 93. № 1. P. 29; Беотия: *Buck R.J.* A History of Boeotia. Edmonton, 1979. P. 107–120; *idem.* Boiotians at Thermopylae // *AHB*. 1987. Vol. 1. № 3. P. 54–60; г. Кари: *Huxley G.* The Medism of Caryae // *GRBS*. 1967. Vol. 8. № 1. P. 29–32; *Vickers M.* Persepolis, Vitruvius and the Erechtheum Caryatids: The Iconography of Medism and Servitude // *Rev. Arch.* 1985. 1. P. 3–28; Афины: *McGregor M.F.* The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 BC. // *HSCPh*. 1940. Suppl. 1. P. 71–95; *Holladay A.J.* Medism in Athens 508–480 B.C. // *GR*. 1978. Vol. 25. P. 174–191; *Gillis D.* Marathon and the Alcmeonids // *GRBS*. 1969. Vol. 10. № 2. P. 133–145; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 72; *он же.* Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // *ВДИ*. 2001. № 2. С. 129; *Владимирская О.Ю.* Алкмеониды и мидизм в Афинах во время Греко-персидских войн // *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / Под ред. проф. Э.Д. Фролова.* СПб., 2002. С. 43–48.

⁶ Мидизм Павсания: *Lippold A.* Pausanias von Sparta und die Perser // *RhM*. 1965. 108. S. 320 ff.; *Blamire A.* Pausanias and Persia // *GRBS*. 1970. Vol. 11. № 4. P. 295–305; *Evans J.A.S.* The Medism of Pausanias: Two Versions // *Antichthon*. 1988. 22. P. 1–11; *Паришков А.Е.* Павсаний и политическая борьба в Спарте // *ВДИ*. 1968. № 1. С. 126–137; *Строгецкий В.М.* Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н.э. // *Проблемы античной государственности / Сб. статей под ред. проф. Э.Д. Фролова.* Л., 1982. С. 60–85.

⁷ *Graf.* Medism... P. 15. Здесь следует снова обратить внимание на значение английского слова *collaboration*, который в отличие, например, от *cooperation* выражает более точно именно факт предательского сотрудничества с врагом (см. прим. 1).

⁸ *Graf.* Medism... P. 15.

И.Е. Суриков замечает по поводу мидизма: «Собственно, слово *μηδισμός* имело широкое значение и могло означать не только измену как таковую, сотрудничество с “мидянами”, но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни»⁹. Однако далеко не все исследователи были согласны с подобными трактовками мидизма. К. Таплин, изучив всевозможные случаи употребления терминологии мидизма в античной литературной традиции, пришел к заключению, что коннотации слова в подавляющем большинстве примеров политические, подразумевают проперсидские действия, измену, а не просто умонастроение и тем более социокультурное поведение¹⁰. Исследователь определяет мидизм как «акт предательского сговора грека против свободы другого грека»¹¹. Стремление опровергнуть социокультурное значение мидизма побуждало К. Таплина прийти к заключению, что принятие греками чужеземных (варварских, персидских) обычаев, одежды и других атрибутов было почти что обычным делом среди граждан греческих полисов (особенно их политической элиты – аристократии) и это не могло дать никакого повода к обвинению в мидизме. Нет нужды в данном контексте воспроизводить, вслед за К. Таплином и другими исследователями, многочисленные примеры греко-персидского социокультурного взаимодействия, факт которого, впрочем, ни у кого не может вызвать какое-либо серьезное сомнение; однако, с другой стороны, нельзя также совсем не выразить свое отношение к популярному в историографии мнению о том, что обвинение в мидизме было связано с принятием греками персидских обычаев.

Первым по хронологии греческим автором, который не только сообщает о мидизме, но и позволяет составить достаточно определенное представление о самом явлении, был «отец истории» Геродот. В сохранившихся фрагментах логографов, произведениях греческой драматургии (например, в «Персах» Эсхила) мидизм вообще не упоминается. Именно в свидетельствах Геродота предстоит найти ответы на вопросы, касающиеся возникновения мидизма и значений самого термина. Ссылки Геродота на случаи мидизма не дают возможность понять происхождение явления. «Отец истории» в своем труде никогда не говорит непосредственно об этом, видимо, справедливо предполагая, что феномен мидизма должен был быть хорошо известен его греческим читателям, которые не встретили бы особых трудностей для себя при его истолковании. Тем не менее периодичность употребления Геродотом глагола *μηδίζω* и его производных в различных грамматических конструкциях (34 раза) предполагает, что автор рассматривал мидизм как распространенное и влиятельное движение в Греции периода Греко-персидских войн.

В отличие от Геродота Фукидид только четырежды обращается к теме мидизма на страницах своего труда, причем, дважды историк сообщает о примерах полисного мидизма (III. 34. 1; 56. 4) и дважды об индивидуальном мидизме (I. 95. 5; 135. 2). Столь незначительный интерес к теме мидизма со стороны знаменитого афинского историка, очевидно, может быть объяснено тем, что в центре внимания автора были главным образом события Пелопоннесской войны, когда, как мы увидим, мидизм уже переставал быть значимым фактором в политической жизни греков (как собственно и терминология мидизма, которая использовалась античными авторами сугубо к ситуации Греко-персидских войн). Поэтому три примера мидизма у Фукидида относятся к периоду Греко-персидских

⁹ Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 72; он же. Политическая борьба в Афинах... С. 129. Не дается никакого определения понятию «мидизм» в работе: *Владимирская*. Алкмеониды и мидизм в Афинах... С. 43–48.

¹⁰ *Tuplin*. *Medism*... P. 159.

¹¹ *Ibid*. P. 162.

войн (мидизм фиванцев, Павсания и Фемистокла) и только один – к событиям 430 г. до н.э. (мидизм в Колофоне).

Другие историки и писатели конца V–IV в. до н.э. не дают ничего нового для осмысления феномена мидизма. Ксенофонт упоминает мидизм зретрийца Гонгила (Xen. Hell. III. 1. 6). Исократ в «Панегирике» обобщенно говорит о смертных приговорах неким афинянам по случаю их мидизма в период Греко-персидских войн (IV. 157). Демосфен упоминает мидизм фиванцев (LIX. 95) и обвинение в мидизме Фемистокла (μηδισμὸν κατέγνωσαν) (XXIII. 205). Остальные ораторы вообще не сообщают о мидизме. Примечательно, что терминологии мидизма избегает также и комедиограф Аристофан, хотя и ссылается на «заговоры» некоторых афинян с мидянами и царем (Aristoph. Eq. 475–478), т.е. на явление, которое могло хорошо подходить под определение мидизма. Однако парадоксально встретить ссылку на мидизм у Плутарха в ироническом замечании некоего спартанца, что благодаря Анталкидову миру «лакедемоняне стали сторонниками мидян» (τοὺς Λακεδαιμονίους μηδίξειν), на которое Агесилай отвечал, что «скорее мидяне стали сторонниками лакедемонян» (μᾶλλον τοὺς Μήδους λακωνίζειν) (Plut. Ages. 23). В рассказе Плутарха, сохранившего этот довольно распространенный анекдот, с одной стороны, термины «мидяне» и «мидизм» употребляются в не свойственной той эпохе манере, а с другой, «мидизм» противопоставляется «лаконизму». Это единственная отсылка к мидизму, относящаяся к истории IV в. до н.э., которая непосредственно не относится к событиям Греко-персидских войн.

Надо думать, что заключение Каллиева мира афинянами с Персией в 449 г. до н.э., прекратившего непосредственную конфронтацию, а затем подкрепленного Эпиликовым мирным договором ок. 423 г. до н.э., и, наконец, установление союзнических отношений Спарты и Персии в 412–411 гг. до н.э., несомненно способствовали вытеснению из употребления термина «мидизм» и его производных¹² (в противном случае, позорное клеймо мидизма могло быть применено к самой Спарте, однако мы знаем, что ни о чем подобном в источниках не упоминается). И в этой ситуации довольно необычно встретить ссылку на сотрудничество с Персией среди обвинений, предъявленных спартанцами фиванцу Исмению в 383 г. до н.э. (например, ему в вину вменялось заключение «союза гостеприимства» с персом), хотя, примечательно, что Ксенофонт, передающий этот эпизод, избегает вполне уместных для того контекста терминов μηδισμός или μηδίξειν, но использует их замену в виде глагола βαρβαρίζειν (Xen. Hell. V. 2. 35). Последнее, думается, не случайно (это единственная подобная замена) и может свидетельствовать о нежелании Ксенофонта употреблять термин «мидизм», который, очевидно, был сочтен историком неправомерным по отношению к данному случаю. Едва ли может выглядеть уместным ссылка автора III в. н.э. Флавия Филострата на «мидизм» Демосфена и «филиппизм» Эсхина (Philostr. Vit. Soph. II, p. 580).

Как уже было замечено выше, в лексиконе Суды глагол μηδίξειν определяет как τὰ τῶν Μήδων φρονῶ – «приверженность мидянам», и чуть далее μηδισμός непосредственно связывается с деятельностью спартанского полководца Павсания (Suid., s.v., μηδίξω; μηδισμός). Примечательно, что и Геродот единож-

¹² Подробнее о политическом контексте этих событий (с дальнейшими ссылками на литературу) см. *Строгоцкий В.М.* Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 1991. № 2. С. 158–168; *Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 85–96; *Печатнова Л.И.* Спарта и Персия в конце V в. до н.э. // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 85–108; *она же.* Спарта и Персия: история отношений (середина VI – 413 г. до н.э.) // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 73–97.

ды употребляет выражение τὰ Μήδων φρονεῖν в качестве замены обычного для него глагола μηδίζεῖν, что также может свидетельствовать в пользу адекватного понимания термина лексикографами (в VIII. 34 «отец истории» сообщает, что македонские гарнизоны взяли под охрану беотийские города, желая показать Ксерксу, что беотийцы на стороне персов; ранее Геродот говорит, что Βοιωτῶν δὲ πᾶν τὸ πλῆθος ἐμηδίε). Глагол μηδίζεῖν и существительное μηδισμός прочно вошли в греческий лексикон. Д. Граф и К. Таплин обращали внимание на то, что в конечном итоге глагол μησίζεῖν обозначал «делать что-то как мидяне» и отсюда могли происходить всевозможные коннотации термина¹³. При выяснении значения терминов мидизма необходимо обратиться к примерам использования греками глаголов на -ίζεῖν и существительных на -ισμός. Наряду с глаголом μηδίζεῖν греки в своей речевой практике наиболее часто употребляли такие глаголы на -ίζεῖν, как ἀττικίζεῖν, λακωνίζεῖν, ἐλληνίζεῖν, βαρβαρίζεῖν и крайне редко – βοιωτίζεῖν, ἰωνίζεῖν, αἰολίζεῖν, δωρίζεῖν и даже λυδίζεῖν и περσίζεῖν. Некоторые из указанных глаголов встречаются уже в текстах греческих авторов классического периода, другие появляются только в произведениях писателей эллинистического и римского периодов¹⁴. Однако в общем эти глаголы употреблялись по большей части для характеристики поведенческих стереотипов и обычно имели более одного значения: от выражения речевых особенностей и до политической или социокультурной коннотации¹⁵. Производными от названных глаголов являются существительные со сходными значениями – ἀττικισμός, λακωνισμός, ἐλληνισμός, βαρβαρισμός. Таким образом, важнейшая задача при рассмотрении данной темы – изучение греческой литературной традиции на предмет выявления соответствующих контекстов, в которых авторы считали уместным применение терминологии мидизма¹⁶.

¹³ Graf. Medism... P. 15; Tuplin. Medism... P. 156.

¹⁴ См. употребление терминов в произведениях авторов классической Греции: ἀττικίζεῖν: Isocr. VIII. 108; Xen. Hell. VI. 3. 14; Hell. Oxy. XVII. 1; ἀττικίζων: Thuc. VIII. 87. 1; Isocr. VIII. 108; Xen. Hell. VI. 13; ἀττικισμός: Thuc. III. 65. 1; IV. 133. 1; VIII. 38. 3; λακωνίζεῖν: Xen. Hell. V. 4. 55; VI. 3.14; Plato. Prot. 342e; Isocr. IV. 110; VIII. 108; Dem. LIV. 34; LIX. 36; λακωνισμός: Xen. Hell. IV. 4. 15; VII. 1. 46; λακωνίζων: Xen. Hell. IV. 8. 19; VI. 4. 18; Hell. Oxy. VII. 3. 25; XVIII. 1; Isocr. VIII. 108; XII. 155; Plato. Prot. 342b-c; ἐλληνίζεῖν: Xen. Anab. VII. 3. 27; Aesch. III. 172; Plato. Meno. 82b; περσίζεῖν: Xen. Anab. IV. 5. 34.

¹⁵ Например, глагол ἀττικίζεῖν в зависимости от контекста мог означать «говорить как житель Аттики» – на аттическом диалекте или быть на стороне Аттики – занимать проафинскую позицию; λακωνίζεῖν – «говорить как лаконец», лаконично, быть на стороне Лаконики, являться сторонником спартанцев или следовать спартанским обычаям; ἐλληνίζεῖν – «говорить как грек», на греческом языке или «делать греческим»; βαρβαρίζεῖν – «говорить как варвар», т.е. неправильная греческая речь или даже «быть на стороне варваров»; ἰωνίζεῖν, αἰολίζεῖν, δωρίζεῖν – говорить как иониец, эолиеца и дориеца, на соответствующих диалектах; λυδίζεῖν и περσίζεῖν – говорить как лидиец и перс, по-лидийски и по-персидски соответственно и т.д. О значениях этих терминов: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958. Ср. также Liddle H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. 9th ed., with New Supplement. Oxf., 1996. В лексиконе подражание спартанским обычаям и одежде указывается даже как первое значение глагола λακωνίζεῖν (Liddle, Scott. A Greek-English Lexicon, s.v. λακωνίζω) (Xen. Hell. IV. 8. 18; Plut. Alc. 23: τῆ διαίτῃ λακωνίζων).

¹⁶ К. Таплин предполагает, что первоначальной коннотацией глаголов с основой, оканчивавшейся на -ίζ, была политическая (Tuplin. Medism... P. 156). Однако, на наш взгляд, все же в первую очередь глаголы на -ίζ и существительные на -ισμός должны были быть связаны с особенностями речи. Наглядным примером тому является происхождение термина δατισμός, которое, по данным античной традиции, возникло из-за ошибки, допущенной персидским полководцем Датисом, сказавшим χαίρομαι вместо грамматически правильного χαίρω (Ps-Zonar., s.v. χαίρομαι; Schol. Aristoph. Pax. 289e-g; Suid. s.v. Δάτις; χαίρομαι).

Происхождение мидизма несколько раз становилось специальным объектом изучения в историографии. Первые работы, посвященные этой теме, относили возникновение мидизма к началу или середине VI в. до н.э., связывая мидизм с практикой, принятой малоазийскими греками обозначать как мидян своих иранских врагов – персов. Такого взгляда придерживались Дж. Майерс и Э. Джонкерс, которые тем не менее расходились во мнениях на конкретные обстоятельства возникновения мидизма¹⁷. Д. Граф датировал возникновения мидизма и появление соответствующей терминологии серединой VI в. до н.э.¹⁸

Источники не позволяют достоверно определить, появился ли термин «мидизм» еще до начала Греко-персидских войн (даже связь этого термина с отождествлением персов с мидянами не может непосредственно свидетельствовать в пользу этого предположения¹⁹), или он восходил своими истоками только к периоду первых персидских походов против Балканской Греции в 492–490 гг. до н.э. (в качестве своеобразной реакции общественного мнения греков на деятельность сторонников персов в греческих полисах).

Если мы, вслед за некоторыми современными исследователями, принимаем более раннюю датировку – VI в. до н.э., то с большей долей вероятности можно говорить о появлении этого термина в среде малоазийских греков, которые первыми из эллинов вступили в открытый конфликт с Персией. Однако против этого предположения свидетельствует довольно очевидный факт: термин «мидизм» в значительном большинстве случаев не употреблялся применительно к малоазийским грекам. Здесь следует оговориться, что среди малоазийских греческих полисов, несомненно, были и такие, которые добровольно перешли на сторону Персии; отдельные представители греческих полисов оказались предателями еще в период первого персидского завоевания Ионии в 546 г. до н.э. Общеизвестен случай Милета, заключившего отдельный договор с Киrom (Herod. I. 141, 4; 143, 1), или эфесца Эврибата, который в античной традиции характеризуется как *πρόδοτης* и *πονηρός* (Ephor. FGrH 70. F. 58a-d)²⁰. Но ни в одном из примеров не присутствует упоминание мидизма. Термин «мидизм» не употреб-

¹⁷ Дж. Майерс, например, считал, что термин *μηδίζειν* возник на рубеже VII–VI вв. до н.э., в период лидийско-мидийского конфликта, и в своем первоначальном значении обозначал политику малоазийских греков, направленную на сотрудничество с мидянами в ущерб интересам лидийских правителей (*Myres. Μηδίζειν..* P. 97–105). Это предположение еще находит некоторую поддержку в историографии. Э. Джонкерс, однако, датировал появление термина временем конфликта малоазийских греков с Киrom Великим после 550 г. до н.э. (*Jonkers. Μηδοί..* P. 78–83).

¹⁸ Д. Граф относил возникновение терминологии мидизма ко времени Лидийско-персидской войны, когда греки, которые сдались без всяких условий или добровольно сотрудничали с персидскими войсками Кира, могли уместно и закономерно быть обвинены в мидизме (*Graf. Medism... P. 30*).

¹⁹ Первые случаи применения термина «мидяне» по отношению к персам становятся известны из фрагментов авторов второй половины VI в. до н.э.: Ксенофана Колофонского (*Xenophan. F.18 Diehl³ = F. 22 Diels-Kranz⁶*) и Феогнида Мегарского (*Theogn. Eleg. I. 764, 775*); далее эта традиция находит воплощение в эпиграммах и эпитафиях Симонида Кеосского, «Персах» Эсхила, трудах Геродота и Фукидида, хотя явное разграничение между двумя этносами – персами и мидянами – отчетливо проявляется уже после 479 г. до н.э. С другой стороны, под определение «мидийских войн» (*τὰ Μηδικά, ὁ Μηδικὸς πόλεμος*) попадали только события 490 и 480/79 гг. до н.э., но не эпизоды персидского завоевания малоазийских греков 546 г. до н.э. или Ионийское восстание 499–494 гг. до н.э.

²⁰ См. Функ Б. Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. № 2. С. 21.

ляется и в связи с деятельностью персофильских тиранов при Дарии I, когда Малая Азия была уже под властью персов²¹.

Единственное исключение представляет Фукидид (III. 34.1), который казалось бы свидетельствует в пользу возможного применения термина «мидизм» к грекам Малой Азии в первые годы Пелопоннесской войны. Он сообщает о существовании в Колофоне персофильской группировки (οἱ μηδίσωντες). Однако определение μηδίσωντες употребляется афинским автором по отношению к городу, входившему в состав Афинского морского союза; поэтому пример Фукидида только демонстрирует афинское восприятие ситуации, но не может считаться свидетельством в пользу использования терминологии мидизма среди самих малоазиатских греков в VI–V вв. до н.э.²²

Таким образом, если относить возникновение мидизма к ситуации Греко-персидских войн, то совершенно недопустимо квалифицировать как мидизм все известные по источникам примеры сотрудничества греков с персами во второй половине VI в. до н.э. С этих позиций трудно согласиться с попытками некоторых исследователей увидеть проявление мидизма в согласии афинских послов предоставить царю Дарию I «землю и воду» (γῆς καὶ ὕδωρ) в 507 г. до н.э. в обмен на условия военного союза с Персией (Herod. V. 73)²³.

Однако даже независимо от того, знаком ли был грекам термин «мидизм» еще до 490 г. до н.э., можно с определенностью утверждать, что именно в ходе борьбы греков против персидской агрессии в 490–480 гг. до н.э. этот термин получил наибольшее распространение в греческом мире. В этом случае победа патриотических сил в войне с Персией главным образом могла способствовать видоизменению значения термина «мидизм», принятию им более негативной окраски, делавшей его равносильным понятию измены²⁴. Именно тогда он мог приобрести, по выражению К. Таплина, то самое «узкое семантическое поле», в рамках которого греки понимали мидизм как антигреческое, направленное против свободы сотрудничество с Персией²⁵.

Выяснение значения мидизма как политического феномена начнем с обращения к свидетельствам Геродота. «Отец истории» дважды использует термин μη-

²¹ См. *Graf D. Greek Tyrants and Achaemenid Politics // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / Ed. J.W. Eadie, J. Ober. Lanham, 1985. P. 79–86, 96–99; Austin M.M. Greek Tyrants and the Persians // CQ. 1990. Vol. 40. № 2. P. 289 f.*

²² В афинских регуляциях в отношении Эрифр (ок. 450 г. до н.э.), эрифрейцы дают клятву, в числе прочего, не убеждать никого бежать к мидянам (IG. I³. 14. стк. 27 = ML. 40), и, таким образом, сторонники персов здесь также могли быть названы οἱ μηδίσωντες.

²³ Так, по мнению У. Хау и Дж. Уэллса, шокирует то, что именно главный защитник Греции против персов впервые предложил союз с ними (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. 1. Oxf., 1912. P. 40*). Э. Уолкер замечал, что в результате предоставления афинянами «земли и воды» была написана первая глава в долгой истории мидизма (*Walker E.M. Athens: The Reforms of Cleisthenes // C.A.H. 1930. Vol. 4. P. 158*). Таким же образом и Дж. Холлэдэй предполагает, что направление послов в 508/7 г. было первым знаком мидизма при демократии (*Holladay. Medism in Athens... P. 178*). Подобным образом переговоры с Персией определяет и О.Ю. Владимирская (Алкмеониды и мидизм в Афинах... С. 43; возражения см. *Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии. С. 71*).

²⁴ Об этом см., например: *Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 72*. По заявлению Дж. Холлэдэя, мидизм стал «позорным» термином после того, как произошел серьезный конфликт между греками и персами (сделана ссылка на мнение А. Гомма: *Holladay. Medism in Athens... P. 174*).

²⁵ *Tuplin. Medism... P. 163*.

διςμός, из которых один раз применительно к Аркесилаю IV, царю Кирены²⁶. Это вообще одна из первых ссылок на мидизм, встречающихся в труде историка. Пример этот не был замечен К. Таплином, который полагал, что Геродот при обращении к мидизму отсылает «всегда к поведению государства, а не индивидуума, и обычно к его позиции в отношении возможности непосредственной военной угрозы». Однако Геродот, упоминая о мидизме Аркесилая, во-первых, приводит его вне контекста Греко-персидских войн; во-вторых, употребляет термин «мидизм» не по отношению к тому или иному государству, а применяет его к личности; в-третьих, придает термину политическое звучание утверждением, что Аркесилай выдал Кирену персидскому царю Камбизу и в течение некоторого времени платил ему подать; в-четвертых, подразумевает личные связи Аркесилая с персами (Herod. IV. 165).

Если Геродот правомерно употребляет термин «мидизм» применительно к Аркесилаю IV и в том значении, как его понимали современники, то он представляет самую раннюю по времени ссылку к мидизму, вероятно, в том самом «первоначальном» значении, которое греки вкладывали в этот термин (который еще исключал его восприятие как политической измены, возможно, впервые появившейся в год битвы при Марафоне). В подобном же значении мог употребляться термин «мидизм» в греческих рассказах о милетянке Фаргелии, дочери Агесагора, жившей на рубеже VI–V вв. до н.э.²⁷

Уже следующая ссылка Геродота к термину μηδισμός встречается в отношении Эгины (Herod. VIII. 92) и непосредственно отражает события 490 г. до н.э. Далее на протяжении всего своего труда Геродот неоднократно использует глагол μηδίζειν в значениях «перейти на сторону персов» или «быть на стороне персов», а также причастие μηδίζοντες или аористное причастие μηδίσαντες в различных исторических контекстах, чтобы отметить действия отдельных греческих полисов или отдельных лиц, занимавших персофильскую ориентацию в период Греко-персидских войн²⁸. Значительное большинство греков вступили на путь мидизма в 481 г. до н.э., накануне вторжения Ксеркса в Элладу. Исключением может быть пример Фессалии, политическая элита которой (однако не все фессалийцы) проявила себя сторонником персов еще за несколько лет до этого события, или, например, уже упоминавшийся случай Эгины, которую обвиняли в мидизме в 490 г. до н.э., однако десять лет спустя эгинцы также сража-

²⁶ По рассказу Геродота, Феретима, мать Аркесилая IV, убитого в Барке, бежала в Египет, где припала к ногам сатрапа Арианда с мольбами о помощи, уверяя его, что ее сын погиб из-за мидизма (διὰ τὸν μηδισμὸν ὁ παῖς οἱ τέθνηκε) (Herod. IV. 165).

²⁷ Общим топомосом всех античных авторов выступают сведения о ней как о гетере, которая сожительствовала с 14 наиболее выдающимися мужами Греции, в том числе и с «царем» Фессалии Антиохом (Plut. Pericl. 24. 3; Athen. XIII. 608 f.; Philostr. Epist. I. 73; Paradoxogr. I. 11; Phot., s.v. Θαρρηλία; Hesych., s.v. Θαρρηλία; EM., s.v. Θαρρηλία; Suid., s.v. Θαρρηλία). Эсхин Сократик сообщает, что Фаргелия посредством своих многочисленных мужей сеяла в городах начала мидизма (apud Plut. Pericl. 24. 3).

²⁸ Упомянут мидизм Эгины (Herod. VI. 64; VIII. 92), неоднократно подчеркивается мидизм фиванцев (VII. 206, 233; IX. 15, 40, 67, 86–88) и в целом беотийцев (VIII. 34), мидизм жителей Дориды (VIII. 31), мидизм фессалийцев (VII. 130, 132, 172–174; VIII. 27–31, IX. 31). Геродот указывает, что фокейцы были единственными народами своего региона, которые не перешли на сторону Персии (οὐκ ἐμηδίζον) (VIII. 30), и в тех же выражениях историк описывает отказ платейцев перейти на сторону персов (VIII. 50). «Отец истории» говорит далее о мидизме греков без дальнейшей конкретизации (VII. 138–139), сообщает о последствиях, которые ждали бы греков в случае мидизма афиня (VI. 109; VIII. 144; IX. 8).

лись против персов на стороне полисов Эллинского союза. Однако обращает внимание, что Геродот во всех случаях под мидизмом понимал главным образом непосредственное военно-политическое сотрудничество греков с мидянами/персами и не сообщает ни одного примера «социокультурного мидизма»; кроме того, как справедливо отметил К. Таплин, у «отца истории» нельзя найти примеров, в которых терминология мидизма была бы применима к варварам или даже к малоазийским грекам²⁹. Геродот считает одним из проявлений полисного мидизма предоставление персидскому царю «земли и воды» – γῆς καὶ ὕδαρ. Современные исследователи относительно мало внимания уделяли персидскому обычаю требовать «землю и воду», чаще всего они ограничивались краткими суждениями о нем как о символе подчинения власти Персии³⁰. Вопрос специально исследовала Э. Курт, заметив, что «явление, которому нет объяснения, обязательно само поднимает проблему»³¹. Э. Курт пришла к некоторым весьма важным выводам. Во-первых, она отмечала, что для персов этот обычай означал возможность расширить свою империю без военных действий. Во-вторых, греки, которые предоставили «землю и воду», как замечает автор статьи, ожидали остаться незатронутыми вторжением персов. Значимость этих двух выводов обусловлена тем, что они хорошо раскрывают цель, стоявшую перед персидской дипломатией в эпоху персидских завоеваний, и показывают, что средством достижения этой цели был обычай требовать «землю и воду». Понятно, что греки, которые предоставили «землю и воду» Великому царю попадали в категорию царских подданных³².

Концепция «земли и воды» не находит параллелей в истории держав древней Передней Азии первой половины I тыс. до н.э. (и прежде всего Новоассирийского, Нововавилонского и Мидийского царств), на основе которых возникла Персидская империя. Тем не менее остается открытым вопрос, была ли концепция «земли и воды» заимствована или имеет персидские корни (Л. Орлин и Э. Курт, например, считают, что она восходит к типично иранским обычаям, причем первый связывает ее с религией зороастризма³³). В период завоеваний Кира и Камбиза вообще не встречается упоминания о требовании персами «земли и воды». Объясняется ли это простым отсутствием данных, или же само явление появилось только в более поздний период и может в полной мере ассоциироваться с имперской политикой Дария I? Это другой вопрос, который не может быть пока разрешен в силу отсутствия каких-либо конкретных данных на этот счет. Во всяком случае, все эпизоды требования «земли и воды» относятся только к

²⁹ См. Tuplin. *Medism...* P. 161–162.

³⁰ Walker. *Athens...* P. 158; Olmstead A.T. *The History of the Persian Empire (Achaemenid Period)*. Chicago, 1948. P. 159.

³¹ Kuhrt A. *Earth and Water // Achaemenid History / Ed. A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg*. Vol. 3: *Method and Theory*. Leiden, 1988. P. 87–99.

³² Представление греков о всех подданных персидского монарха как рабах царя можно найти во многих греческих текстах. См. *Herod.* I. 89, 114; III. 140; VII. 135; *Xen. Hell.* VI. 1. 12; *Anab.* I. 1. 4; I. 9. 29; *Andoc.* III. 29; *Dem.* XV. 23; *ML.* 12. Афинский драматург Эврипид в своей трагедии «Елена» восклицает в отношении персов: «Все варвары – рабы, кроме одного» (τὰ βαρβάρων γὰρ δούλα πάντα πλὴν ἑνός) (*Eur. Hel.* 276; cf. *Iphig. Aul.* 1401). А. Миссиу показала, что термин δούλος βασιλέως отражает не столько представление греков о социальной структуре и иерархии в Персидской державе, сколько может быть переводом соответствующего древнеперсидского выражения *mana ba[n]daka*, описывающего подданство по отношению к царю (*Missiou A.* ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: *The Politics of Translation // CQ.* 1993. Vol. 43. №3. P. 377–391).

³³ Kuhrt. *Earth and Water*. P. 98; *Orlin L.L.* *Athens and Persia ca 507 BC.: a Neglected Perspective // Michigan Oriental Studies in Honor of G.G. Cameron.* Ann Arbor, 1976. P. 265–266.

периоду Дария и Ксеркса; из них один связан со скифским походом Дария I (Herod. IV. 132), другой заявлен в связи с подчинением персами Македонии еще при Аминте I (Herod. V. 17–18); в третьем случае требование «земли и воды» было предъявлено афинским послам, добивавшимся союза с Персией в 507 г. до н.э. (Herod. V. 73).

Наконец, Геродот неоднократно упоминает о миссиях персидских глашатаев в Грецию с требованием земли и воды в 491 г. до н.э. по приказанию Дария I (Herod. VI. 48–49; VII. 32, 133) и в 481 г. до н.э., когда посланцы были направлены уже царем Ксерксом (VII. 32, 132–133)³⁴. Список перешедших на сторону персов греческих племен и городов, приводимый Геродотом (VII. 132), разумеется, должен был включать как тех, которые заняли персофильскую ориентацию добровольно, так и тех, которые поступили подобным образом под угрозой применения военной силы. Поэтому трудно согласиться с К. Таплиным, что мидизм был сугубо добровольным актом³⁵. Кроме того, существовала традиция, известная Геродоту (IX. 32), об участии в битве при Платеях на стороне персов до 50 тысяч греков, которые характеризуются в источниках (правда, не у Геродота, который говорит о них как об эллинских союзниках Мардония) как τῶν Ἑλλήνων οἱ μηδίσαντες (Plut. Arist. 18. 7; 40 тыс.: Aristodem. FGrH. F. 1. 2. 3 = P. Оху. XXVII. 2469 s. 2); понятно, что далеко не все они были добровольными сторонниками персов в Элладе.

Вообще, надо сказать, что среди основных причин полисного мидизма в представлении Геродота страху греков перед могуществом Персидской империи отводится едва ли не первое место. Именно этот фактор – «великий страх» (δειῖμα μέγος) – называет Геродот (VII. 138; ср. VIII. 36), повествуя о умонастроении греков накануне похода Ксеркса: «Некоторые из них уже дали персидскому царю “землю и воду” и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе (ἐν δειῖματι μεγάλῳ)... Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но ревностно сочувствовало персам (μηδίζοντων δὲ πρὸς ἑμῶς)». Сохранившаяся в изложении галикарнасского историка клятва греков призывает наказать города, перешедшие на сторону Персии, «не вынужденные к этому необходимостью» – μὴ ἀναγκασθέντες (VII. 132). Рассуждая о печальной судьбе, которая могла бы постичь греков в случае отказа афинян от участия в войне, «отец истории» говорит о том, что спартанцы остались бы наедине с врагом, покинутые на произвол союзниками не по доброй воли, а в силу необходимости – οὐκ ἐκόντων, ἀλλ’ ὑπ’ ἀναγκαιῆς (VII. 139) Та же самая необходимость – ἀναγκαιῆ, по мнению Геродота, была основной причиной, побудившей фессалийцев перейти на сторону Персии (VII. 172). Действия, причиной которых был страх, обусловленный невозможностью сопротивляться, историк склонен оправдывать и не считать «предательством».

Среди других причин полисного мидизма Геродот упоминает персофильскую политику правящей элиты, которая далеко не часто соответствовала позиции основного населения. Так, например, историк возлагает главную вину за мидизм

³⁴ Комментарии по предоставлению «земли и воды» см. *Wery L.M.* Le meurtre des hérauts de Darius en 491 et l’inviolabilité du héraut // *L’Antiquité Classique.* 1966. Vol. 35. P. 468–488; *Sealey R.* The Pit and the Well. The Persian Heralds of 491 B.C. // *CJ.* 1976. Vol. 72. P. 13–20; *Orlin.* Athens and Persia... P. 255–266; *Kuhrt.* Earth and Water. P. 87–99. Некоторые исследователи, однако, необоснованно отрицают достоверность традиции направления глашатаев Дарием I в 491 г. до н.э. (*Will Ed.* Le monde grecque et l’Orient. T. 1. P., 1972. P. 96–98).

³⁵ *Tuplin.* Medism... P. 160.

фессалийцев не на весь фессалийский народ, а на Алевадов из Лариссы³⁶. Следует заметить, что подобная мотивация мидизма, правда, применительно уже к фиванцам, присутствует и у Фукидида при его описании «Платейского дела» – разбирательства, учиненного спартанскими судьями после захвата Платей в 427 г. до н.э. Во время этого процесса платейцы, говоря о причинах своей вражды с Фивами, обвиняли фиванцев, в числе прочего, также и в мидизме (Thuc. III. 56. 4). В свою очередь, фиванцы, оправдываясь от этого обвинения, заявляли, что причина мидизма периода Греко-персидских войн крылась в политике правящих кругов Фив: «Ведь тогда у нас не было ни равноправной олигархии, ни демократии. Наш тогдашний государственный строй являл собой полную противоположность законности и порядку и ближе всего был к тиранническому произволу. Власть находилась в руках самовластной кучки людей (*δυναστεία ὀλίγων ἀνδρῶν εἶχε τὰ πράγματα*). Правители надеялись в случае победы Мидянина еще больше укрепить свое личное господство, держали народ в подчинении насилем и призвали мидийского царя в страну» (Thuc. III. 62. 3). Данный отрывок представляет интерес с точки зрения отношения в период Пелопоннесской войны к движению мидизма. Во-первых, довольно любопытно видеть в этом пассаже Фукидида прямую ссылку на виновность в мидизме не фиванцев, как таковых, но только правящей элиты. Мы выше уже отмечали, что подобным образом Геродот объясняет мидизм фессалийцев (Herod. VII. 130, 172), но в отношении мидизма фиванцев он придерживается иного мнения, представляя их наиболее последовательными сторонниками персов (IX. 40, 87)³⁷. Во-вторых, обращает внимание прямо заявленная вина фиванских олигархов: приглашение Ксерксу совершить поход в Элладу. Это, видимо, и было составом преступления мидизма и непосредственно перекликается с тем, что Геродот говорит в отношении Алевадов (VII. 6) и аргосцев (VII. 152).

Кроме уже названного, мидизм, как это также явствует из свидетельств Геродота, в значительной мере зависел также от традиционных приоритетов во внешней политике, фактически исключавших занятие одной и той же стороны в греко-персидском конфликте враждующими между собой греческими племенами и полисами. Стародавняя вражда не позволила прийти к общему соглашению фессалийцам с фокидянами (Herod. VIII. 27–30)³⁸, фиванцам с феспийцами

³⁶ Геродот рассказывал о посольстве Алевадов в Сузы, убеждавшее Ксеркса совершить поход в Грецию (VII. 6, 130). Далее, он заявлял, что фессалийцы прежде всего перешли на сторону персов по необходимости (*Θεσσαλοὶ δὲ ὑπὸ ἀναγκῆς τὸ πρῶτον ἐμῆδισαν*), поскольку им не нравились козни Алевадов (*οἱ Ἀλευάδοι ἐμυχαίνοντο*) (VII. 172; ср. VII. 174). Попытки объяснить мидизм Фессалии были предприняты в работах ряда исследователей (*Westlake. The Medism of Thessaly. P. 12–25; idem. Thessaly in the Fourth Century BC. Camb., 1935. P. 30; Brunt P. The Hellenic League against Persia // Historia. 1953/4. Bd 2. Ht 1. S. 162–163; Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 BC // JHS. 1976. 96. P. 102–108; Keaveney. The Medisers of Thessaly. P. 29 ff.*).

³⁷ При объяснении причин тенденциозного освещения Геродотом поведения фиванцев исследователи обычно ссылаются на личные мотивы «отца истории». В этой связи, как правило, обращаются к приведенному Плутархом в произведении «О злокозненности Геродота» сообщению Аристофана Беотийского: «Аристофан Беотийский писал, что Геродот требовал от беотийцев денег, но не получил их, что он начал было беседовать с юношами и преподавать им, но беотийские власти запретили ему это вследствие их некультурности и их враждебности к науке» (FGhN 379 F. 5). С другой стороны, исследователи принимают во внимание также враждебные отношения афинян и фиванцев в период написания Геродотом своего труда, наложившие отпечаток на сообщения историка (*Buck. Boiotians at Thermopylae. P. 54–60; Лурье С.Я. Геродот. М.-Л., 1947. С. 74–76*).

³⁸ Геродот заявлял, что фокидяне исключительно из ненависти к фессалийцам (*τὸ εἶθρὸς τὸ Θεσσαλῶν*) не перешли на сторону Персии; будь фессалийцы на стороне греков, то фокидяне поддерживали бы персов (VIII. 30).

и платейцами (VIII. 50), спартамцам с аргосцами (VII. 148–152). Что касается Аргоса, то этот полис представляет собой совершенно особый случай. Собственно говоря, необычность всей ситуации вокруг Аргоса заключалась в том, что Геродот (VII. 132) не упоминает аргосцев в своем списке племен и городов, предоставивших «землю и воду» персидскому царю в 481 г. до н.э., не употребляет он по отношению к ним и термина «мидизм». Вообще же, к позиции Аргоса в период Греко-персидских войн «отец истории» обращается всего лишь дважды (VII. 148–152; IX. 12), а это значительно реже, чем он говорит, например, о фессалийцах или фиванцах. Однако среди таких обращений есть подробный рассказ, включающий различные версии отказа аргосцев от приглашения присоединиться к Эллинскому союзу для борьбы с Персией (VII. 148–152): от ссылки на изречение Дельфийского оракула и упоминания тягостных последствий битвы при Сепее³⁹, до предположения о генеалогическом родстве аргосцев с персами посредством их общего предка – мифологического героя Персея⁴⁰ (VII. 150; ср. FGrH 105. F. 3, где также причиной отказа аргосцев от участия в войне выставлено πρὸς Πέρσας συγγένειον). Впрочем, для современников Геродота одной из наиболее вероятных причин персофильтства аргосцев выступает традиционная вражда со Спартой, которая породила версию о том, что аргосцы призвали персов в Грецию, поскольку терпели поражение в войне со спартамцами и надеялись любой ценой избавиться от своих проблем (VII. 152)⁴¹. Геродот предполагает существование договора, устанавливавшего дружбу аргосцев с Ксерксом (VII. 151: φίλη), однако даже если это соглашение действительно существовало, то оно, вероятно, было заключено при условии предоставления «земли и воды» царю Персии (как это наблюдается на примере афинского посольства в Сарды 507 г. до н.э.). Попытки Геродота, по возможности, обойти молчанием или даже, до известной степени, оправдать мидизм аргосцев, вполне объяснимы с учетом существования союзнических отношений Аргоса с Афинами на протяжении большей части V в. до н.э. (с 461 г. до н.э.)⁴².

Несомненно, что во время написания Геродотом своего труда в общественном мнении греков, в частности в Афинах, где долгое время жил «отец истории», должно было сформироваться определенное, «дифференцированное», отношение к мидизму, вольно или невольно оправдывавшее бы государства, перешедшие на сторону Персии (среди которых был, например, преданный афинский союзник – Аргос), а также отделявшее добровольных персидских союзников от тех, которые стали такими по жизненной необходимости. И это отношение, прямо выраженное галикарнасским историком, верно отметил Плутарх в своем сочинении «О злокозненности Геродота» (De Herod. malign. 864d), резко критикуя «отца исто-

³⁹ Степень воздействия поражения аргосцев в битве при Сепее на внутреннюю и внешнюю политику Аргоса полностью зависит от датировки этого сражения. В современной научной литературе обычно можно встретить две альтернативные даты (520 г. до н.э. или 494 г. до н.э.), каждая из которых находит своих сторонников. Об историографии вопроса см. *Строгоцкий В.М.* О дате битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108–117.

⁴⁰ О мифологизации персидской истории в общественном сознании греков подробнее см. *George P. Barbarian Asia and Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon.* Baltimore, 1994. P. 47–75.

⁴¹ Традиционная вражда Аргоса со Спартой не вызывает сомнения, несмотря на попытки Т. Келли объявить это поздним «мифом» (*Kelly T. The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth* // AHR. 1970. Vol. 25. P. 971 ff.).

⁴² *Лурье.* Геродот. С. 77–78. О внешней политике Аргоса в V в. до н.э. см. *Kelly T. Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C.* // CPh. 1974. Vol. 69. № 2. P. 81–99.

рии» за сознательное нежелание каким-либо образом оправдать мидизм фиванцев⁴³. Принуждение греков под страхом силы к подчинению или «предательская» позиция правящей элиты служили достаточным поводом для Геродота и его современников к тому, чтобы снять обвинение в предательстве; однако тем самым не устранялся сам факт мидизма этих греческих полисов. Таким образом, как станет очевидно, даже в период Греко-персидских войн мидизм не следует автоматически приравнивать к политической измене – *προδοσία*.

Подобный подход к объяснению мидизма, продемонстрированный Геродотом (и присутствующий также у Фукидида), хорошо объясняет почему «отец истории» лишь трижды сопоставляет мидизм с прямой изменой (*προδοσίη*), и то один раз только применительно к конкретному полису, а дважды – в несколько обобщенном смысле. Примечательно, что во всех трех случаях речь идет о предательстве греками интересов не своего родного полиса, но *всей Эллады* в целом. Упоминание об Элладе не лишено оснований, так как во времена Геродота Греко-персидские войны мыслились как время небывалого патриотического подъема и политической консолидации эллинов.

Первый случай описания мидизма как *предательства Греции* встречается у Геродота при обращении к характеристике политики Эгины в 490 г. до н.э. Он сообщает, что согласие эгинцев подчиниться Персии афиняне восприняли как подходящий повод к возобновлению враждебных действий против этого государства и направили своих послов в Спарту с тем, чтобы обвинить эгинцев в предательстве Эллады (*προδόντες τὴν Ἑλλάδα*) (Herod. VI. 49). Другой непосредственный пример отождествления мидизма с изменой предстает в ответе фокидян на предложение своих врагов фессалийцев заплатить определенную денежную сумму, чтобы уберечь свою страну от бедствий предстоящего персидского вторжения в 480 г. до н.э. Фокидяне отвергли это предложение, заявив о том, что они могли, если бы захотели, подобно фессалийцам перейти на сторону персов (*μηδίσειν*), но они никогда добровольно не будут предателями Эллады (*προδοτάς τῆς Ἑλλάδος*) (VIII. 30).

Геродот проводит параллели между мидизмом и предательством и при обращении к роли Афин в период Греко-персидских войн. Особенно это становится очевидно при изложении «отцом истории» афинского ответа спартанским послам, опасавшимся заключения договора Афин и Персии в 479 г. до н.э.: «Нет на свете столько золота, нет земли столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и поработить Элладу (*ὄν μηδίσαντες καταδουλώσαι τὴν Ἑλλάδα*)» (Herod. VIII. 144). Заключить мир с Ксерксом, по словам афинян, значит предать кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношение на празднествах и одинаковый образ жизни, стать предателями (*προδοτάς γένεσθαί*) – не благо для афинян. Тенденция вполне ясна, так как и ранее Геродот представлял афинян спасителями Эллады (*σωτῆρες τῆς Ἑλλάδος*) вследствие их отказа перейти на сторону персов и доказывал, что в ином случае Грецию ожидало бы неминуемое порабощение (VII. 139).

Впрочем, надо думать, как не любой мидизм мог считаться изменой, так далеко не любая измена могла быть квалифицирована как мидизм. Геродот иногда

⁴³ Сам Плутарх, рассматривая положение фиванцев в начале вторжения Ксеркса в Грецию, заключает, что им ничего не оставалось, как в силу крайней нужды (*ὕπο τῆς μεγάλης ἀνάγκης*) отказаться от сопротивления в войне против персов (De Herod. malign. 864 f.).

сообщает о случаях предательства греками интересов своего родного полиса, но он не связывает их с мидизмом. Среди таких примеров: измена некоторых эретрийцев в 490 г. до н.э. (VI. 100); предательство Эпиальта при Фермопилах (VII. 213); предательство стратега скионян Тимоксейна при осаде персами города Потидеи (VIII. 128)⁴⁴. Возможно, действия упомянутых лиц показывают, что мидизм, как таковой, менее всего мог состоять в конкретном действии измены (например, в сдаче своего родного города врагу): предательство, которое не влечет за собой долгосрочного сотрудничества с Персией, едва ли могло быть названо мидизмом во времена Греко-персидских войн (что, собственно, и отражает Геродот).

Итак, Геродот демонстрирует понимание причин полисного мидизма в Греции, которое с определенными поправками, пожалуй, можно признать адекватным отражением политической реальности периода Греко-персидских войн. Однако необходимо заметить, что в редких ссылках на случаи индивидуального мидизма «отец истории» называет как тех, кто обладали властными полномочиями (киронец Аркесилай – IV. 165; фессалийские Алевады – VII. 6; IX. 1; 58; фиванцы Аттагин и Тимегенид – IX. 15–16; 86–88), так и тех, которые таковых не имели (например, некие аркадяне – VIII. 26; жрец Гегесистрат – IX. 37–38). Причем Геродот совершенно игнорирует мотивацию, побудившую тех или иных представителей греческой политической элиты занять сторону Персии и очень скупо сообщает о проявлениях их мидизма⁴⁵. Было ли это «восхищение автократией», как считает С. Хорнблауэр⁴⁶, или ожидание неких политических или материальных выгод от персофильской позиции, трудно сказать определенно. Хотя, несомненно, в действиях персофилов можно предположить политический расчет, возможно, направленный на то, чтобы, подчинив своих сограждан власти персидского монарха, самим сохранить власть и положение в государстве.

К числу проявлений индивидуального мидизма политической элиты, несомненно, следует отнести роскошный пир, устроенный Аттагином в Фивах, на котором присутствовало пятьдесят знатнейших персов во главе с Мардонием (Herod. IX. 16). Плутарх, хорошо знавший местную беотийскую традицию, дополняет здесь Геродота. Он объясняет мидизм Аттагина тем, что он стал φίλος καὶ ξένος царя Ксеркса, причем отмечает роль Демарата в оформлении отношений ксении этого фиванца с персидским царем, поскольку Аттагин и Демарат сами были связаны узами ксении (De Herod. malign. 864 f.). Геродот сообщает также о присутствии в войске Ксеркса в 480 г. до н.э. фессалийцев Форака из Лариссы и его братьев Эврипила и Фрасидея в качестве представителей рода Алевадов (IX. 58), однако ничего конкретного не сообщает о причинах их мидизма⁴⁷. Между тем софист Критий приписывает мидизм фессалийцев (несо-

⁴⁴ Й. Вольский, однако, считает, что поведение Тимоксейна подпадало под обвинение в мидизме (*Wolski. ΜΗΔΙΣΜΟΣ...* S. 11).

⁴⁵ Геродот (VII. 6) называет Алевадов «царями Фессалии» (Θεσσαλίας βασιλέες), а некоторые исследователи предпочитали видеть в Фораке выборного предводителя Фессалийского союза в должности тага (τάγος). Однако Н. Робертсон доказывал, что Алевады были наследственными правителями Лариссы, и титул βασιλεύς подчеркивал их социальный статус (*Robertson. The Thessalian Expedition...* P. 104–108). Властные полномочия Аттагина и Тимегенида в Фивах отмечает Геродот (IX. 86), называя их ἀρχαῖται ἀνα πρώτους – «предводителями первых граждан», вождями олигархов (ср., например: *Thuc.* III. 62. 3).

⁴⁶ *Hornblower S. The Greek World, 479–423 BC. L., 1983. P. 18.*

⁴⁷ Ктесий Книдский дополняет здесь Геродота, сообщая о том, что фессалиец Форака и влиятельные трахинцы Каллиад и Тимаферн пропустили войско Ксеркса через свои владения (FGrH. 688. F. 13).

мненно, речь идет о фессалийской аристократии) их приверженности к роскоши (apud Athen. XIV. 662 f.), что, если понимать не столь буквально, может означать ожидание материальных выгод от персов. В то же время, когда Геродот упоминает о прибытии к Ксерксу некоторых перебежчиков из Аркадии (αὐτομόλοι ἄνδρες ἅπ' Ἀρκαδίας), он объясняет их решение принести пользу персам (ἐνεργοὶ βουλόμενοι εἶναι) нехваткой средств, необходимых для жизни (βίου τε δεόμενοι) (Herod. VIII. 26). Вероятно, это можно считать одним из объяснений мидизма среди простого населения.

Как уже было замечено, Геродот, впервые сообщивший о мидизме, понимал его главным образом как феномен политического сотрудничества греков с Персией, однако уже у Фукидида можно обнаружить примеры иного понимания мидизма, причем, исключительно в тех частях, где говорится о случаях индивидуального мидизма (Павсания и Фемистокла). Так, в отношении Павсания, спартанского военачальника и победителя в битве при Платеях, историк сообщает, что его обвиняли прежде всего в приверженности к персам – мидизме (Thuc. I. 95. 5). Затем Фукидид делает необходимые пояснения по поводу состава его преступления, которые на первый взгляд могут предполагать, что в основе обвинения Павсания лежал только «социокультурный мидизм» – подражание персидским нравам и обычаям. Историк замечает: «Не довольствуясь простым образом жизни, Павсаний стал носить мидийское платье (σκευάς τε Μηδικὰς ἐνδύμενος) и после отъезда из Византия ехал через Фракию в сопровождении мидийских и египетских телохранителей; он завел роскошный персидский стол (τρόλεζάν τε Περσικὴν), и не будучи в состоянии скрыть свои настроения, уже в мелочах обнаруживал, что можно ожидать от него в будущем» (Thuc. I. 130.1). Далее Фукидид продолжает развивать ту же тему: «Тем не менее его образ жизни, несхожий с установленными обычаями (παρονομία), и стремление подражать варварам (ζηλώσει τῶν βαρβάρων), давали множество поводов подозревать, что он не желает, как равный, подчиниться спартанским обычаям» (Thuc. I. 132. 1). Другие, более поздние, античные авторы также акцентируют внимание на подражании Павсания персидским нравам (см., например, Duris FGtH. 76 F.14: «Павсаний снял с себя отеческий грубый плащ и надел персидскую одежду»; cf. Aelian. Var. Hist. VI. 7; IX. 41). Окончательный вывод о том, что обвинение в мидизме могло включать приверженность персидским обычаям, казалось бы, может следовать из замечания Афинейя, что Алкивиад подражал мидизму Павсания (ἐμίμητο Ἀλκιβιάδης τὸν Παυσανίου μηδισμόν) и привлек на свою сторону Фарнабаза тем, что оделся в персидскую одежду и выучил персидский язык подобно тому, как Фемистокл (Athen. XII. 49)⁴⁸. По мнению К. Таплина, Афиней мог самостоятельно несколько расширить смысл термина «мидизм», т.е. придать ему значение, которое не следует из текстов других авторов⁴⁹. Если дело обстоит таким образом, то неправомерным было бы использовать сообщение Афинейя для суждений о «социокультурном» мидизме. За разъяснениями обратимся опять же к Фукидиду. Историк сообщает, что во время первого суда в Спарте Павсаний был оправдан из-за недостатка доказательств его вины, а его подражание персидским нравам воспринимали просто как нежелание подчи-

⁴⁸ Ср. замечание лексикона Суды о Павсании, где схожим образом определяется мидизм: «Мидизм начинался с того, что он (Павсаний. – Э.Р.) в Византии имел египетских и финикийских телохранителей, употреблял мидийскую трапезу, помышлял о дочери Ксеркса в обмен на Грецию» (Suid., sv. Παυσανίας). Однако и здесь, наряду с упоминанием «социокультурного» мидизма, свидетельствуется о предательских замыслах Павсания.

⁴⁹ Tuplin. Medism... P. 160.

няться спартанским обычаям, как это следует из приведенной выше цитаты (Thuc. I. 132. 1). Но было ли это достаточным для обвинения в мидизме? Очевидно, нет, если впоследствии у спартанских судей возникла необходимость заполнить письма Павсания, которые определенно свидетельствовали бы о связях регента с персидским царем (и эти письма, как известно, были получены уже при помощи некоего аргилийца, близкого Павсанию) (Thuc. I. 132. 5; 133; 134. 1)⁵⁰. Таким образом, обвинение в мидизме после 479 г. до н.э. должно было исходить не из манеры поведения или образа мыслей, а из вполне конкретных действий, направленных на установление и осуществление контактов с Персией в ущерб интересам своего родного города или Эллады в целом. Хотя здесь же можно с большим основанием предположить, что подражание Персии в одежде или обычаях могло послужить (и в действительности послужило) поводом к подозрению в мидизме, однако нуждающемуся в дальнейших доказательствах, которые еще не были собраны в период первого суда над спартанским военачальником.

Однако кроме случая Павсания трудно найти примеры, где как-то явно можно было бы проследить связь обвинения в мидизме с принятием греками персидских обычаев и традиций. Тема нуждается в дополнительном развернутом исследовании, особенно с акцентом на реакцию общественного мнения греков на эти явления греко-персидского (и даже в общем эллино-варварского) культурного взаимодействия⁵¹. Тем не менее можно уверенно утверждать, что, во-первых, принятие греками отдельных атрибутов персидской одежды или некоторое следование персидским обычаям, несомненно, имело место в тот период. Однако если не принимать во внимание примеры греческих эмигрантов в Персии⁵², то немногочисленные сведения о таких случаях в полисах Балканской Греции относятся к концу V–IV в. до н.э., когда конечно, никаких ассоциаций с мидизмом уже не могло возникнуть⁵³. Во-вторых, даже если гипотетически можно допустить, что были и другие современники Павсания, воспринявшие персидские *mores* (например, эретриец Гонгил), то все равно трудно однозначно утверж-

⁵⁰ О «деле Павсания» существует значительная литература. Подробнее см. *Lippold*. Pausanias von Sparta und die Perser. S. 320 ff.; *Balcer J.M.* The Medizing of the Regent Pausanias // Actes du Ier congrès d'études balkaniques. Sofia, 1966. P. 105–114; *Fornara C.W.* Some Aspects of the Career of Pausanias of Sparta // Historia. 1966. Bd 15. P. 257–271; *Rhodes P.J.* Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. 1970. Bd 19; *Blamire*. Pausanias and Persia. P. 295–305; *Westlake H.D.* Thucydides on Pausanias and Themistocles – a Written Source // CQ. 1977. Vol. 27. P. 95–110; *Evans*. The Medism of Pausanias: Two Versions. P. 1–11; *Schumacher L.* Themistokles und Pausanias. Die Katastrophe der Sieger // Gymnasium. 1987. Bd 94. S. 218–246; *Паришков*. Павсаний и политическая борьба в Спарте. С. 126–137; *Строгецкий*. Политическая борьба в Спарте в 70-е годы V в. до н.э. С. 60–85.

⁵¹ Большой материал по греко-персидским культурным взаимодействиям содержится в монографии М. Миллер (*Miller M.C.* Athens and Persians in the Fifth Century BC.: A Study in Cultural Receptivity. Cambr., 1997. P. 135–258), некоторые существенные сведения собрал в своей статье К. Таплин (*Tuplin*. Medism... P. 162–185).

⁵² Например, Демарат (*Plut. Them.* 29. 7; *Phylarch.* FGrH. 81 F. 22 = Suid., s.v. *τιάρά*) или Фемистокл (*Thuc.* I. 137–138; *Plut. Them.* 27–32). Наиболее полную подборку сведений о греках в Персии специально см. *Hofstetter J.* Die Griechen in Persien: Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. B., 1978.

⁵³ Разведение павлинов Перилампом (*Plut. Per.* 13.15; *Athen.* IX. 56) (см. *Miller M.C.* Peacocks and Tryphe in Classical Athens // Arch. News. 1989. Vol. 15. P. 1–10). Неизвестно, по какому случаю Гераклид из Клазомен получил в Афинах прозвище «царь» (*Arist. Ath. pol.* 41. 3), однако наиболее вероятна ассоциация с Великим царем Персии, которому клазоменец мог подражать, например, в одежде или манерах поведения (о роли Гераклида в заключении Эпиликова мирного договора: *Рунг*. Эпиликов мирный договор. С. 88).

дать, что этот их поступок уже сам собой должен был повлечь обвинение в мидизме. Среди таких примеров времени Греко-персидских войн, где можно было бы предполагать некую связь ношения персидской одежды с мидизмом, – случай Каллия, сына Кратия из Алопеки, который был изгнан посредством остракизма в 480-е годы до н.э. Наряду с приписками на острака, таких, как ὁ Μῆδος или ἕκ Μῆδων, на одном имелось его изображение в персидском одеянии⁵⁴. Правда, этот пример также в своем роде относителен. Применение процедуры остракизма, как известно, не дает весомого основания утверждать, что Каллию было предъявлено официальное обвинение афинянами в мидизме как политической измене⁵⁵. С другой стороны, в глазах общественного мнения ношение Каллием персидской одежды могло быть достаточным основанием для возникновения подозрений в мидизме, хотя отсутствие существенных доказательств не способствовало возбуждению против него судебного преследования. Если дело обстояло таким образом, как мы предполагаем, то можно увидеть сходную ситуацию с первым судебным процессом против Павсания в Спарте, завершившимся его оправданием.

После побед в решающих сражениях Греко-персидских войн (равно это может относиться как к битве при Марафоне 490 г. до н.э., так и к битвам периода похода Ксеркса 480/79 г. до н.э.) греки попытались дать свое собственное, политически ангажированное, толкование мидизму как измене делу свободы и единения Эллады. Эти попытки, в свою очередь, привели, с одной стороны, к военно-политическим акциям, направленным на наказание полисов, обвиненных в мидизме, а с другой, к первым судебным процессам против отдельных лиц по подозрению в мидизме. В числе военно-политических акций, предпринятых в 490 г. до н.э., можно назвать побужденное афинянами вторжение спартанского царя Клеомена I на Эгину, под предлогом наказания местных персофилов (Herod. VI. 49–50, 73; Paus. III. 4. 3)⁵⁶.

Названная Геродотом клятва греков 481 г. до н.э. (τὸ ὄρκιον) включала в себя условие, что в случае успешного завершения войны, полисы, добровольно предавшиеся персидскому царю, должны будут посвятить десятину дельфийскому богу (τοῦτους δεκατέσσα τῶ ἐν Δελφοῖσι θεῶ) (VII. 132). Требование десятины выглядит довольно мягким наказанием за «предательство», и поэтому вполне объяснимо стремление исследователей доказать, что десятин в данном случае выступает как часть добычи, собранной победителями после разрушения горо-

⁵⁴ См. Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. № 1. P. 71. Предположение в отношении личности Каллия, сына Кратия, и времени его изгнания остракизмом из Афин см. Суриков И.Е. Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 2000. С. 103; *он же*. Из истории греческой аристократии... С. 71; *он же*. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. ... С. 120.

⁵⁵ Об остракизме см. Суриков И.Е. Остракизм как политический институт Афинского полиса классической эпохи: Автореф. дис... д.и.н. М., 2004.

⁵⁶ Об этих событиях см. Andrewes A. Athens and Aegina 510–480 // *BSA*. 1936–1937. Vol. 37. P. 1–4; Helmbold W.C. Athens and Aegina // *CPh*. 1952. Vol. 47. P. 95–97; Leahy D.M. Aegina and the Peloponnesian League // *CPh*. 1954. Vol. 49. № 1. P. 232–243; Jeffery L.H. The Campaign between Athens and Aegina in the Years before Salamis (Herodotus VI 87–93) // *AJPh*. 1962. Vol. 83. № 1. P. 44–54; Hegyi D. Athens and Aegina on the Eve of the Battle of Marathon // *AAH*. 1969. P. 171–181; Amit M. Great and Small Poleis. A Study in the Relations between the Great Powers and Small Cities in Ancient Greece. Bruxelles, 1973. P. 23–30. Иногда в литературе видны сомнения в отношении обоснованности обвинений эгинцев в мидизме.

дов, обвиненных в мидизме⁵⁷. Собственной говоря, такой вывод следует из известного обычая посвящения десятины как части военных трофеев⁵⁸. Хотя Геродот упоминает примеры наказания персофилов после 479 г. до н.э., но ни один из них не говорит о том, что греки на практике стали следовать принесенной ими клятве. Среди примеров, отмеченных «отцом истории», т.е. эпизод о том, как Фемистокл во главе флота предпринимал осаду островов Эгеиды, намереваясь собрать с них деньги, но выставив предлогом их приверженность к персам – мидизм (Herod. VIII. 111–112; Timocr F.1 Page)⁵⁹, а Павсаний, победитель при Платеях, осадив Фивы, потребовал выдать Тимегенида и Аттагина, лидеров местных сторонников персов (IX. 86–88); наконец, спартанский царь Леотихид предпринял карательную экспедицию в Фессалию с целью наказать фессалийских Алевадов за их сотрудничество с персами, которая, однако, завершилась провалом (Леотихид был привлечен к суду эфорами по обвинению в подкупе и вынужден был даже бежать из Спарты) (Herod. VI. 72; Paus. III. 7. 8; Plut. De Herod. malign. 859d).

Однако информация, неожиданно предоставленная римским писателем Витрувием (I. 5) при объяснении происхождения Кариатид Эрехтейона, свидетельствует о жестоком наказании полиса, обвиненного в мидизме: «Карии, город в Пелопоннесе, вступил в соглашение с персидским врагом против Греции (Carya, civitas Peloponnensis, cum Persis hostibus contra Greciam consensit). Позднее греки в результате прославленной победы избавились от своей войны и сообщая начали войну против кариатов (communi consilio Caryatibus bellum indixerunt). В результате, захватив крепость, убив мужчин и предав огню город (itaque oppido capto, viris interfectis, civitate deflagrata), они увели женщин в рабство...». И хотя современные исследователи, как правило, не принимают связь между наказанием Кариий и Кариатидами, тем не менее они признают достоверным рассказ о судьбе этого пелопоннесского городка, территория которого позднее оказалась присоединенной к Тегее (Paus. VIII. 45. 1; Strabo. VIII. 3. 2)⁶⁰. Таким образом, можно предполагать, что в случае с Кариями, греки поступили так, как велела им клятва. Однако, участь этого города, по-видимому, не была типична. Последний раз вопрос о наказании за мидизм возник на совещании членов Дельфийской амфикистии в 478 г. до н.э. Тогда спартанцы предлагали исключить из этого священного греческого объединения те государства, которые не сражались против Персии. Однако их намерение встретило противодействие Фемистокла, который из-за возможного исключения фессалийцев, фиванцев и аргосцев опасался

⁵⁷ Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 273; она же. Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 17–35. Едва ли можно согласиться с О.В. Кулишовой, что указание Диодора (XI. 3. 3) поддерживает вывод о посвящении десятины после разрушения городов, обвиненных в мидизме (комментарии к этому сообщению Диодора см. Строецкий В.М. Диодор Сицилийский о походе Ксеркса против Эллады (XI, 1–10). Объединение патриотических сил эллинов и битва при Фермопилах. Перевод и комментарий // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 16–17).

⁵⁸ Десятину, например, греки посвятили в Дельфы и Олимпию с военной добычи после битвы при Платеях (Herod. IX. 81; ср. IG. I³. 1463 A1–B1 = FD. III. 2. 2; IG. I³. 1467).

⁵⁹ Строецкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 41.

⁶⁰ Huxley. The Medism of Caryae. P. 29–32; Vickers. Persepolis, Vitruvius... P. 5. Дж. Хаксли правомерно связывает упоминание Витрувием мидизма Кариий со свидетельствами Геродота в отношении предательства аркадцев (VIII. 26; IX. 77).

укрепления влияния Спарты в амфикионии (Plut. Them. 20)⁶¹. Вероятно, лишь после этого наступило «примирение» греков с бывшими сторонниками Персии.

Теперь обратимся к случаям наказания за индивидуальный мидизм. Как известно, самые ранние примеры обвинений в предательстве можно обнаружить на афинском материале, и неопределимую помощь в этом оказывают остраки. На одном из них, поданном против Калликсена в 483 г. до н.э., имелась приписка *πρόδοτης*, на другом – Аристид назван «братом Датиса» (*Δοτίδος ἀδελφόν*), еще на нескольких – Каллий, сын Кратия, – «мидянином»⁶². И хотя не было сделано ни одной конкретной отсылки собственно к «мидизму», отмеченные выражения, очевидно, подразумевали, что некоторые афиняне действительно подозревались в измене в пользу Персии (однако их изгнание посредством остракизма исключало их судебное преследование). Много в научной литературе было написано о пресловутом «мидизме» Алкмеонидов, о персофильстве группировки «друзей тиранов»⁶³, нам лишь остается заметить, что в период Марафонской битвы и после нее фактически отсутствуют основания говорить о том, что мидизм мог использоваться в качестве официального обвинения. Тем более, что перед лицом персидской угрозы в 480 г. до н.э. афиняне принимают решение о досрочном возвращении всех подвергнувшихся остракизму (Arist. Athen. pol. 22. 7; Andoc. I. 77; ML. 23. 44).

Эпизод с Павсанием в изложении Фукидида демонстрирует первое официально сформулированное обвинение в мидизме, подкрепленное соответствующими доказательствами⁶⁴. Кроме этого, можно найти несколько подобных примеров, когда мидизм также звучал как официальное обвинение. Среди таковых можно назвать судебные процессы против Фемистокла и Анаксагора в Афинах, все относимые к периоду после отражения нашествия Ксеркса⁶⁵. Фемистокл, провед-

⁶¹ Кулишова. Дельфийский оракул... С. 292.

⁶² Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 183; он же. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. ... С. 129; он же. О функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 26.

⁶³ Различные мнения см. McGregor. The Pro-Persian Party at Athens... P. 71–95; Holladay. Medism in Athens... P. 174–191; Gillis D. Marathon and the Alcmeonids. P. 133–145; Kinzl K.H. Athens: between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to Fritz Schachermeyer on the Occasion of his Eightieth Birthday / Ed. K.H. Kinzl. B.-N.Y., 1977. P. 210–214; Суриков. Из истории греческой аристократии... С. 71–73, 173; он же. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. ... С. 124–125, 129; Владимирская. Алкмеониды и мидизм в Афинах... С. 43–48.

⁶⁴ Можно согласиться с мнением Д. Графа, что в греческом праве (в том числе и в Спарте, где вообще не было писанного права!) обвинение в мидизме было разновидностью обвинения в *πρόδοσία*; в Афинах, например, такое обвинение подпадало под действие νόμος εισαγγελτικός (Dem. XXIV. 144). См. Graf. Medism... P. 16. Not. 4 (со ссылками на литературу, посвященную процедуре *εἰσαγγελία*). Об исангелии см. также Никитюк Е.В. Процедура судебного преследования по γραφή ἀσεβείας в классических Афинах // Проблемы античной истории... С. 142–144.

⁶⁵ О последних годах жизни Фемистокла см. Суриков И.Е. Фемистокл: Homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 361–364; кроме этой статьи см. также Forrest W.G. Themistocles and Argos // CQ. 1961. Vol. 10. № 1. P. 221–241; O'Neil G.L. The Exile of Themistocles and Democracy in the Peloponnese // CQ. 1981. Vol. 31. № 2. P. 335–346; Podlecki A.J. The Life of Themistocles. Montreal, 1975. P. 131 ff.; Lenardon R.J. The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 118 ff. Из недавних работ см. Behmel A. Themistokles, Sieger von Salamis und Herr von Magnesia. Die Anfänge der athenischen Klassik zwischen Marathon und Salamis. Stuttgart, 1999.

ший последние годы своей жизни в качестве изгнанника в Малой Азии, изучил персидский язык, носил персидское одеяние, согласился следовать персидским традициям, даже исполнять проскинесис (Thuc. I. 138.1; Plut. Them. 27–29). В отношении состава обвинения в мидизме Фемистокла Фукидид не сообщает ничего определенного, замечая только, что оно было сформулировано спартамцами в ходе расследования «дела Павсания» и возбуждено в Афинах уже после изгнания афинского политика посредством остракизма (Thuc. I. 135. 2–3). Другие авторы фактически ничего не прибавляют к отмеченным сведениям (о «мидизме» Фемистокла см. также Arist. Ath. pol. 25. 3; Dem. XXIII. 205; Plut. Them. 21. 7). Во всяком случае, определено, что обвинение было выдвинуто еще до прибытия Фемистокла ко двору персидского царя, когда современники получили основание говорить о конкретном проявлении измены афинского политика в пользу Персии (Thuc. I. 138. 2). Плутарх сообщает об изгнании лирического поэта Тимокреонта, родом из родосского Иалиса, осужденного за мидизм, по обвинению, выдвинутому Фемистоклом – ἐπὶ μιδισμῷ φυγεῖν συγκαταψηφισαμένου τοῦ Θεκίστοκλέους (Plut. Them. 21)⁶⁶. В ответ на осуждение за мидизм самого Фемистокла поэт сочинил эпиграмму, гласившую: «Видно, не только Тимокреонт / Другом верным мидянам был / Есть другие – не лучше его / Нет, не один я лисою стал / Лисы есть похитрей меня» (Timocr. F. 3 Page, пер. С.И. Соболевского). Определено, что все эти и другие судебные процессы по обвинению в измене, связанные с мидизмом, должны были фактически прекратиться уже вскоре после заключения афинянами Каллиева мира с Персией в 449 г. до н.э., и с этого момента в восприятии греками мидизма должны были произойти изменения: терминология мидизма становилась реликтом прошлого⁶⁷. Бегство Анаксагора из Афин, приговоренного к смерти по предложению Фукидида, сына Мелесия, политического противника Перикла, по мнению исследователей, было последним известным случаем обвинения, включавшего мидизм, и это событие обычно датируют 440 гг. до н.э. (Diog. Laert. II. 12)⁶⁸.

Итак, на основе рассмотрения представлений греков о мидизме можно прийти к следующим основным выводам. Прежде всего, мидизм в понимании греков означал в широком смысле сотрудничество с Персией. Правда, само понятие мидизма определено видоизменяло свое содержание в различные исторические периоды, причем в большей степени под влиянием двух событий: Греко-персидских войн и дипломатического сближения греков с Персией в период Пелопоннесской войны. Первое событие привело к негативной оценке греками мидизма как явления; второе, напротив, способствовало фактическому ограничению случаев употребления терминологии мидизма.

Как можно полагать, мидизм мог применяться для обозначения разнообразных явлений греко-персидского взаимодействия, осуществляемых на уровне ин-

⁶⁶ О мидизме Тимокреонта: Горлов Ю.В. Родос. Проблемы социально-политического и экономического развития. М., 1996. С. 93.

⁶⁷ Примечательно, что термин “мидизм” не использовался по вполне понятным причинам по отношению к грекам, которые были тесно связаны с Персией в конце V–IV в. до н.э. Алкивиад и Конон, побывавшие при дворе царя и сатрапов, были с помпой приняты у себя на родине в Афинах. Об их связях с персами см. Mitchell L.G. Greek Bearing Gifts. The Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 BC. Cambr., 1997. P. 111–133.

⁶⁸ Подробнее см. Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 122 слл.

дивидуумов или всего коллектива граждан (если речь идет о мидизме полисов). В деле коллективного (полисного) мидизма важным была персофильская позиция греческих государств по отношению к Персии, проявлявшаяся по различным случаям, от простого изъявления покорности греков (предоставление «земли и воды» с последующей даннической зависимостью) и до открытого участия на стороне персов в военных действиях против греков. В случае же индивидуального мидизма первостепенное значение для определения этого понятия играли личные связи (союзы гостеприимства), установленные отдельными греками с персами или агитация сторонниками персов сограждан своего государства в пользу Персии.

Отношение греческих авторов к феномену мидизма определяло их оценку причин этого явления. Так, например, Геродот склонен оправдывать мидизм, неоднократно заявляя, что многие греки вступили на путь сотрудничества с Персией по необходимости, из страха перед персидским могуществом. Предателями, следовательно, могли считаться только те греки, которые перешли на сторону Персии добровольно. Но даже при оценках мидизма как измены «отец истории» руководствовался представлениями своего времени, которые побуждали его занять оправдательную позицию по отношению к афинским Алкмеонидам или, например, аргосцам, обвинять в мидизме фессалийцев исключительно политическую элиту, и, напротив, представлять фиванцев последовательными сторонниками Персии.

Что касается представлений о мидизме как социокультурном явлении, то текст самого Геродота не показывает подобное восприятие мидизма автором. Однако на основании прочих данных, в частности предоставленных Фукидидом, можно предполагать, что восприятие персидского образа жизни (причем исключительно в случае с той или иной личностью) могло способствовать возникновению подозрения в мидизме, но само по себе едва ли могло быть достаточным для непосредственного обвинения в мидизме.

Наконец, данные выводы усиливают наблюдение, что феномен мидизма возник и развивался на фоне греко-персидского антагонизма V в. до н.э., однако по мере укрепления дипломатических отношений греков с Персией в конце V–IV в. до н.э. термин «мидизм» стал выходить из употребления (изредка к нему обращались при отсылках к событиям Греко-персидских войн) и ему не было предложено фактически никакой замены.

THE PHENOMENON OF MEDISM IN THE POLITICAL LIFE OF CLASSICAL GREECE

E. V. Rung

The article is devoted to the study of the phenomenon of medism. The terms «medismos» and «medizein» were used by the Greek authors to designate collaboration with the Persians. The greatest part of references to medism occur in Herodotus' *History*, which may be considered as the main source for our understanding of the phenomenon. Thucydides mentions medism only four times, other Greek writers mention it occasionally when treating the Persian wars. An analysis of the contexts in which Greek authors used the term «medism» leads the author to the following conclusions.

One may make a distinction between the medism of Greek states or ethnic groups and individual medism of some prominent persons. Herodotus, for the greatest part, mentions state medism (of Aegina, Thessaly, Thebes and other Boeotians) and gives full explanation only to these cases. Medism had been caused by three main reasons: a) great fear of Persian invasion;

b) the «medization» of Greek political elite; c) traditional rivalry of various Greek states and ethnic groups, which prevented them from uniting against the Persian enemies. Herodotus rarely comments on individual medism (the Aleuadai, Attagines and Timegenides etc.) and never mentions its reasons.

Medism and treason (*prodosia*) are not directly interrelated. The terminology of medism was applied to medizing states and peoples who sided with the Persians under the pressure of military threat, but only those of them which collaborated with the enemy deliberately may be considered as traitors.

The author of the article considers as well the possibility of applying the definition of medism to the Greek attitude towards Persian dress and customs. It may be concluded that the Greek perception of Persian *mores* could only put somebody under suspicion of medism, but it was not sufficient for an official accusation of medism as of a crime (treason).

In general, the phenomenon of medism reflects the development of Greco-Persian antagonism; it came to its end after Callias' peace treaty of 449 BC, and the Spartan-Persian treaties of the Peloponnesian War opened the era of diplomatic involvement of Persia in the Greek affairs.

А. В. Махлаюк

ВОЙСКОВАЯ КЛИЕНТЕЛА В ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОМ И РАННЕИМПЕРСКОМ РИМЕ

По справедливому замечанию Р. Сэллера, «язык и идеология патроната пронизывали римское общество»¹. Действительно, исследования последнего времени показывают, что отношения и идеология патроната-клиентелы – феномена, в известной степени чуждого социокультурному опыту греков, – имели центральное значение для социокультурной и потестарной практики римлян, составляя неотъемлемую часть их общественного бытия и самосознания². По словам А. Уоллес-Хэдрилла, патронат для социально-политических структур и идеологии римского общества был столь же значим, как феодализм для социальной системы средневековья, конституируя определяющие социальные взаимосвязи между правителями и подвластными, выступая в качестве одного из ключевых механизмов социальной интеграции и осуществления власти³. В изучении всеохватывающей системы патронатно-клиентских связей невозможно и недопустимо отделять объективно существовавшие отношения и структуры от ценностных представлений и идеологии, ибо для римлян их реальный мир формировался их взглядами на прошлое и теми их идеалами, которые показывали, каким он должен быть⁴. Конкурируя с другими социальными и властными механизмами, система патроната-клиентелы была подвижной и динамичной, благодаря чему она могла адаптироваться к меняющимся историческим условиям и оставаться эффективной на протяжении столетий⁵. В конце Республики наряду с переживавшей кризис традиционной (плюралисти-

¹ Saller R.P. *Personal Patronage under the Early Empire*. Camb., 1982. P. 37.

² Wallace-Hadrill A. *Patronage in Roman society: from Republic to Empire* // *Patronage in ancient society* / Ed. A. Wallace-Hadrill. L.-N.Y., 1989. P. 65. См. также в этой коллективной монографии главы, написанные Р. Сэллером (*Saller R. Patronage and friendship in early Imperial Rome: drawing the distinction* // *Ibid.* P. 49-62), Дж. Ричем (*Rich J. Patronage and interstate relations in the Roman republic* // *Ibid.* P. 117-135) и Д. Браундом (*Braund D. Function and dysfunction: personal patronage in Roman imperialism* // *Ibid.* P. 137-152) (указанием на это издание и возможностью познакомиться с ним я обязан А.Л. Смышляеву, которому я также искренне признателен за ценные замечания, высказанные при обсуждении данной статьи). С точки зрения Р. Сэллера, отношения патроната-клиентелы характеризуются тремя отличительными чертами: 1) реципрокным (т.е. взаимовыгодным) обменом благами и услугами; 2) персональным и достаточно продолжительным характером соответствующих связей; 3) асимметричностью отношений – в том смысле, что две стороны, вступающие в эти отношения, имеют неодинаковый статус и предлагают для обмена различные виды благ и услуг; такая асимметричность отличает патронат от дружбы между равными субъектами (*Saller. Personal Patronage... P. 1*; ср. *idem. Status and patronage* // *САН*². Vol. XI. 2001. P. 817 ff.).

³ Wallace-Hadrill. *Op. cit.* P. 68.

⁴ *Ibid.* P. 66, 73.

⁵ *Ibid.* P. 78.

ческой по своему характеру) системой аристократического патроната складывается новая система, во многом благодаря которой революционный лидер (имеется в виду Октавиан) достигает власти и обеспечивает ее за собой. Таким образом, персональный патронат отнюдь не утрачивает своего значения с установлением принципата. Более того, «римская императорская власть имеет в своей основе трансформированные патронатные структуры республиканского Рима»⁶, и император становится универсальным (хотя и не единственным) патроном, в чьих руках сосредотачиваются основные ресурсы влияния⁷.

Учитывая отмеченную значимость феномена патроната-клиентелы, возникает закономерный вопрос: была ли включена в систему патроната-клиентелы армия и если да, то каким образом? Ведь особые отношения армии с военными лидерами поздне-республиканского времени сыграли исключительно важную роль в процессе перехода к принципату, а в эпоху Империи армия была ключевым элементом государственно-политической структуры, одной из главных опор императорской власти.

Надо сказать, что в научной литературе уже достаточно давно было высказано и получило широкое распространение мнение о том, что отношения между военными лидерами и войском в последние десятилетия Республики, равно как и отношения принцепсов и армии в Ранней империи, строились на основе связей, которые можно отнести к патронатно-клиентским. При этом данная клиентела определяется как войсковая (военная)⁸. Впервые понятие войсковой клиентелы (*Heeresklientel*) использовал А. фон Премерштайн в своем известном труде «О становлении и сущности принципата»⁹. Уделив основное внимание не юридическим, а философско-психологическим и социологическим основам созданного Октавианом режима личной власти, немецкий исследователь одной из главных опор принципата считал традиционные отношения патроната-клиентелы, закрепленные присягой на верность, принесенной Октавиану в 32 г. до н.э. жителями Италии и ряда западных провинций, а позднее и населением восточных провинций Рима (*RgdA.* 25). С точки зрения Премерштайна, собственно войсковая клиентела и армии-*clientes* появились еще в первые десятилетия I в. до н.э., когда материальные интересы солдат реформированной Марием армии, которая сделалась в значительной части пролетарской по составу и фактически профессиональной, стали удовлетворяться в первую очередь за счет тех «благодеяний» (*beneficia*), которые командующие предоставляли воинам из военной добычи в виде наград, денежных и земельных пожалований, получая взамен их политическую поддержку в своих притязаниях на власть в Республике. Эти взаимные (синаллагматические) обязательства, развившиеся из традиционных форм патронатно-клиентских связей, закреплялись особой присягой на верность (*Treueid*), отличной от собственно военной присяги (*sacramentum militiae*), и превращали войско в личную «свиту» (*Gefolgschaft*) полководца. И в эпоху принципата такие же по своей сути отношения связывали армию и императора, ставшего единственным и единоличным патроном солдат.

Концепция войсковой клиентелы как одного из источников и одной из ключевых опор императорской власти получила достаточно широкое признание в

⁶ Ibid. P. 79.

⁷ Ibid. P. 79, 80.

⁸ Определения «войсковая» и «военная» в данном случае выражают по сути одно и то же и могут употребляться как взаимозаменяемые, указывая, что субъектами патроната-клиентелы являются командующий и войско.

⁹ *Premierstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. München, 1937. S. 13 ff., 23–32, 36 ff.*

научной литературе. Об Августе как патроне войска писал Р. Сайм¹⁰. На связь процесса пролетаризации состава легионов и профессионализации армии с феноменом военной клиентелы обратил внимание Э. Габба, который полагал, что происхождение военной клиентелы можно отнести уже ко времени Второй Пунической войны или Сципиона Эмилиана, и отметил также, что одним из ее источников были выводимые военачальниками ветеранские колонии¹¹. Особо отмечается значение уз патроната-клиентелы для взаимоотношений Цезаря и армии¹². Но, по мнению Ж. Армана, и для Августа узы клиентелы между императором и армией имели такое же значение, как и для Цезаря¹³.

Многие современные авторы пишут о войсковой клиентеле как об одном из решающих факторов гибели Республики и становления принципата. Так, довольно развернутые суждения на сей счет высказал И. Бляйкен. Отношения личной преданности и патроната-клиентелы, которые связывали отдельных представителей знати с подчиненными им армиями в конце Республики, он характеризует как эмбрион императорской власти, подчеркивая, что эти отношения отнюдь не являлись правовыми, но, базируясь на неформальных узях *fides*, имманентных самой сути клиентелы, были основой военной деспотии¹⁴. Наряду с изменением социального состава и способов обеспечения армии причиной появления нового типа клиентелы стали и результаты Союзнической войны: стремление многочисленных новых граждан войти в существующие клиентелы нарушило их равновесие, что определенным образом расчистило почву для складывания войсковой клиентелы¹⁵. С установлением Империи принцепсы стремились не допустить представителей старинных аристократических семейств ни к войсковой, ни к гражданской клиентелам. Для легитимации императорской власти позиция армии была особенно важна, поэтому от императоров требовалось щепетильное и серьезное отношение к своим обязанностям патрона, настойчивое утверждение среди солдат преданности правящей династии, постоянные усилия по материальному обеспечению войска, созданию особого имиджа победоносного правителя, покровителя своих солдат¹⁶. К аналогичным выводам приходит и К. Крист, отмечая, в частности, что образование войсковой клиентелы стало решающим фактором для общественных изменений в Поздней республике, что эта клиентела превзошла по своей значимости прежнюю систему социальных связей между аристократическими семьями и их клиентелами¹⁷.

¹⁰ *Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 352 f., 364 ff.*

¹¹ *Gabba E. Ricerche sull'esercito professionale romano de Mario a Augusto // Athenaeum. 1951. N.S. Vol. 29. P. 183–184 (= idem. Esercito e società nella tarda Republica Romana. Firenze, 1973. P. 61 sgg.).*

¹² *Schuller W. Soldaten und Befehlshaber in Caesars «Bellum civile» // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honour of Zvi Yavetz / Ed. I. Malkin, Z.W. Rubinson. Leiden, 1995. S. 194 ff.*

¹³ *Harmand J. Les origines de l'armée impériale. Un témoignage sur la réalité du pseudo-Principate et sur l'évolution militaire de l'Occident // ANRW. Bd II. 1. 1974. P. 288. Cp. idem. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 442–445; Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 150 ff.*

¹⁴ *Bleicken J. Verfassung- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches. Bd I. Paderborn, 1978. S. 18, 27, 49.*

¹⁵ *Ibid. S. 17, 50 f.*

¹⁶ *Ibid. S. 86 ff., 93, 118, 217, 243.*

¹⁷ *Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 40.*

Подобные оценки разделяются и другими исследователями¹⁸, в том числе и отечественными специалистами. Например, А.В. Игнатенко пишет, что в связи с переходом к добровольному набору воинов-профессионалов и изменением всей системы снабжения легионеров и оплаты службы отношения между воинами и полководцами стали строиться на соглашениях, которые могут быть уподоблены безымянным контрактам¹⁹. Об узах военной клиентелы, сыгравших важную роль в социально-политической борьбе последнего века Республики и затем монополизированных принципсом, упоминает В.Н. Парфенов, не развивая подробно данный тезис²⁰. Складывание особых личных клиентел у полководцев конца Республики отмечает также А.В. Колобов, указывая, что свои требования государству солдаты и ветераны выражали в категориях античной гражданской культуры²¹. В.Н. Токмаков элементы отношений типа патроната-клиентелы усматривает даже в раннереспубликанский период, полагая, что воины, приносившие присягу (*sacramentum*) лично консулу и вручавшие свои жизни высшей власти его империя, тем самым становились как бы его клиентами, но, утрачивая при этом гражданские права, они смотрели на командующего как на своего покровителя, взявшего на себя обязательство беречь их и содействовать их обогащению за счет добычи, и в случае невыполнения этого обязательства воины считали себя вправе реагировать неповиновением нарушителю контракта²². Эти интересные заключения не получили, однако, достаточно развернутой аргументации.

На один немаловажный фактор, способствовавший возникновению в конце Республики клиентских армий, обращает внимание Г. Борен. Он связывает этот процесс не только с изменениями социального состава и принципов комплектования легионов, но и с появившейся в послегракханский период тенденцией ко все более частому отказу отпрысков знатных семейств, составлявших основу олигархии (*the core oligarchs*), служить в армии на младших и средних командных должностях²³. В результате эти должности заполнялись сыновьями малых сена-

¹⁸ См., например: *Harmand L. Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire*. P., 1957. P. 133 suiv., 155 suiv.; *Meier Chr. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. Wiesbaden, 1966. S. 100 ff.; *Keppie L. The Making of the Roman Army. From Republic to Principate*. L., 1984. P. 149; *Dettenhofer M.H. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat. Die Konkurrenz zwischen res publica und domus Augusta*. Stuttgart, 2000. S. 110 f., 191.

¹⁹ *Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Историко-правовое исследование*. Свердловск, 1976. С. 169–170; *она же. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре*. Свердловск, 1985. С. 126 сл.

²⁰ *Парфенов В.Н. К оценке военных реформ Августа // Античный мир и археология*. Вып. 7. 1990. С. 73, 75–76.

²¹ *Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней Империи)*. Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999. С. 22; 25; 36; *он же. Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионов (первый век Империи) // ПИФК*. 2000. Вып. 8. С. 129. Ср. также *Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата*. Л., 1985. С. 99–100.

²² *Токмаков В.Н. К вопросу о военных полномочиях консулов в публичном праве архаического Рима // Forum Romanum. Докл. III Международной конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права»*. Ярославль-Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 41–42. Ср. *он же. Римлянин ранней Республики на войне: права и обязанности // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004*. М., 2005. С. 13.

²³ Эта тенденция специально отмечалась в литературе. См. *Suolahti J. The Junior Officers of the Roman Army in the Republican Period*. Helsinki, 1955 (особенно с. 140–145); *Smith R.E. Service in the Post-Marian Roman Army*. Manchester, 1958. P. 59 ff.; *Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens*. Paris-Rome, 1988. P. 44 suiv.; *Evans R.J. Gaius Marius. A Political Biography*. Pretoria, 1994. P. 177–181.

торов, надевшимися пробиться в высший слой правящей элиты, или выходцами из политически незначительных семей всадников и средних землевладельцев, для которых должность военного трибуна была едва ли не пределом карьерных надежд. Такие офицеры, отчасти отбравшиеся лично полководцами, отчасти делавшие карьеру в самих войсках, превращались фактически в профессионалов, и именно от их поддержки, а не от клиентской преданности рядовой солдатской массы во многом зависел успех или неудача политических планов амбициозных военных лидеров. Все это усиливало отчуждение армии от правящего режима²⁴. Аналогичные идеи получили развитие и более фундаментальное обоснование в работах Л. де Блуа²⁵, который отмечает, что все более значительная часть штабных офицеров и средних командиров не принадлежала к семьям сенаторской элиты и связанных с ними всадников, лояльность же новых офицеров была связана в первую очередь с их командующим, а не с правящей олигархией. Автор, однако, указывает, что «сезонные» армии и ветеранов Поздней республики нельзя считать послушной «свитой» (retinue) их полководцев, сплоченными, социально изолированными *clientelae*, которые бы следовали за своими лидерами в любой ситуации и были послушным орудием в их руках, так как они поддерживали действия своих командующих только тогда, когда те обеспечивали интересы подчиненных²⁶. В таких случаях солдаты, по мнению де Блуа, действовали как *ad hoc clientela*, подобно лавочникам Клодия в Риме; в то же время легионеры не были сосредоточены исключительно на собственных материальных интересах и не были абсолютно чужды республиканской политической культуре, оставаясь вооруженными гражданами. В целом же в армиях Поздней республики получили развитие прочные горизонтальные связи среди солдат, которые знали своих офицеров лучше, чем своих патронов в Риме, и в первую очередь шли за этими командирами. Поэтому для командующих важно было прежде всего обеспечить лояльность этих офицеров и центурионов²⁷.

Среди современных исследователей, пожалуй, наиболее подробное освещение сущности войсковой клиентелы и ее роли в период становления принципата дает К. Раафлауб²⁸. Он констатирует, что в конце Республики войсковая клиентела, частично состоявшая из традиционных клиентов знатных римлян, давала возможность полководцам и после сложения своих магистратских полномочий оказывать через ветеранов политическое давление, что превращало войсковую клиентелу в политическую и служило основой экстраординарной личной власти. Возрастанию роли войсковой клиентелы способствовали разобщенность нобилитета, неспособность сената принять важные для солдат решения и готовность отдельных «генералов» использовать армии во внутривойсковой борьбе за власть. Упорядочение Августом условий службы, выплат жалованья и премий лишило войсковую клиентелу ее прежней существенной основы. Патронат над

²⁴ Boren H.C. Rome: Republican Disintegration, Augustan Re-integration: Focus on the Army // Thought. A Review of Culture and Idea. 1980. Vol. LV. № 216. P. 57 ff.

²⁵ De Blois L. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hrsg. von G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. P. 15 ff., 29 f. (с указанием других работ автора).

²⁶ Ibid. P. 18–21. Ср. *idem*. The Roman army and politics in the first century before Christ. Amsterdam, 1987. P. 20; Erdmann E.H. Die Rolle des Heeres in der Zeit von Marius bis Caesar. Militärische und politische Probleme einer Berufsarmee. Neustadt, 1972. S. 56 ff.

²⁷ De Blois. Army and Society... P. 21 ff.

²⁸ Raaflaub K. Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft / Hrsg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 254 ff.

войском стал наследственной монополией принцепса и его семьи, к нему присоединился патронат над ветеранскими колониями и городами, возникшими на основе поселений ветеранов. Сознание солдатами своей принадлежности к клиентеле принцепса – и только принцепса – парализовывало возникновение альтернативной лояльности и делало ничтожно малой опасность новой политизации армии. Особое значение для создания тесных отношений между императором и войском имела также монополизация принцепсом и членами его семьи императорских аккламаций и триумфов. В целом вооруженные силы Империи, несмотря на создание *aerarium militare* и другие мероприятия по упорядочению военной организации, имели характер персональной армии. Август и другие императоры стремились не допускать образования конкурирующих клиентел, которые могли быть созданы успешными и популярными в войсках военачальниками. При этом патронатно-клиентские отношения отнюдь не действовали автоматически и переплетались с отношениями и обязательствами иного рода, завися в первую очередь от эффективности заботы императора-патрона о войске. Донативы, материальные, юридические и прочие привилегии стали средством обеспечения лояльности армии, которая продолжала оставаться главной опорой императорской власти. Но это вело к игнорированию конституционной роли сената и превращало армию в *Kaisermacher*²⁹. Опасность создания конкурирующих войсковых клиентел была редуцирована при помощи системы военно-организационных и социально-политических мер (включая такие шаги, как деполитизация «генералитета», использование на командных должностях *homines novi* и членов ближайшего окружения принцепса, чередование военных и гражданских постов в должностной карьере, постоянный личный контроль принцепса за назначениями и т.д.), но отнюдь не исчезла полностью. Созданная Августом система в целом оказалась настолько прочной и эффективной, что была в состоянии справляться со случайными сбоями, династическими проблемами и попытками военных мятежей.

Система особых персональных связей императора и армии совсем недавно получила специальное и детальное исследование в монографии Я. Штекера³⁰. Автор начинает свое исследование с рассмотрения армии как клиентелы отдельных полководцев в период Поздней республики и, переходя далее к эпохе Империи, акцентирует символические и моральные элементы во взаимоотношениях принцепса и рядовых воинов, связывает их специфику с традиционными взаимными обязательствами, существовавшими между патронами и клиентами. С этой точки зрения оцениваются такие аспекты, как практика использования *praemia militiae* и donатив (которые отнюдь не были средством простой «покупки» лояльности войска – важен был сам акт их предоставления, а не размер), организация ветеранских поселений, воинская присяга, роль принцепсов в качестве боевых соратников (*com-militones*) своих солдат, значение триумфов, императорской титулатуры и императорских изображений на военных штандартах, знаках отличия (*dona militaria*) и представленных в виде статуй, воздвигаемых в лагерях, а также другие формы императорского культа в армии. Выводы и исследовательские подходы, представленные в книге, несомненно, очень интерес-

²⁹ Ibid. S. 282, со ссылкой на ст.: *Alföldi A. Insignen und Tracht der römischen Kaiser // MDAI(R). 1935. 50. S. 44 ff.*

³⁰ *Stäcker J. Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim, 2003.* Содержание этой работы известно мне только по рецензии Э. Уиллера (*Wheeler E.L.*) в *Bryn Mawr Classical Review*. 2004. 06. 27 (<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2004-06-27.html>), поэтому конкретные суждения автора по отдельным вопросам не были в полной мере учтены в данной статье.

ны, хотя далеко не бесспорны и отнюдь не исчерпывают всех проблем, относящихся к данной теме.

Нельзя, однако, утверждать, что концепция военной клиентелы имеет в современной литературе всеобщее признание. В некоторых работах, даже в тех, в которых специально рассматриваются взаимоотношения императоров и армии, понятие войсковой клиентелы вообще не употребляется³¹ или используется очень осторожно³². Х. Грасль считает даже, что точка зрения на войско как клиентелу принцепса не находит опоры в источниках³³. Вместе с тем значение персональных связей правителя и войска единодушно признается фактором первостепенной значимости. Так, П. Вейн, касаясь в своей известной книге «Хлеб и зрелища. Историческая социология политического плюрализма» проблемы взаимоотношений императора и армии (в разделе с характерным заголовком-вопросом – «Солдаты на продажу?»), пишет, что вопрос о том, был ли титул императора как верховного главнокомандующего официальным или персональным, по существу, относится к проблеме покровительства («патримониализма», по терминологии автора), а истинный ответ на вопрос, кем были солдаты императорской армии – приверженцами принцепса, связанными с ним воинской присягой, или же продажными наемниками (*fidèles ou vendus?*), является хотя и довольно банальным, но не столь простым³⁴. По мнению французского историка, они не были ни тем, ни другим, но были профессионалами, которые представляли только самих себя, свои идеалы, мифы и корпоративные интересы и для которых личная верность командующему является эквивалентом того, что у нас именуется профессионализмом³⁵. По мнению Р. Сэллера, императорам для сохранения своего властного положения необходимо было избегать двух опасностей – заговоров среди ближайшего окружения и восстаний тех, кто командовал армиями. Для этого не было нужды иметь всю империю в личной клиентеле – достаточно было обеспечивать лояльность только этих двух критических групп с помощью патримониальных ресурсов. Кроме того, сами сенаторы отнюдь не перестали быть патронами³⁶.

Специальный критический разбор концепции персональных армий и военной клиентелы в позднереспубликанскую эпоху предпринял Н. Рулан³⁷. Констати-

³¹ Например, Б. Кэмпбелл (*Campbell J.B. The Emperor and the Roman army: 31 BC – AD 235. Oxf., 1984. P. 7, 25 ff., 198, 393*), с одной стороны, отмечает, что воинская присяга акцентировала персональную связь принцепса и войска, а с другой – пишет, что императорская армия фактически была частной наемной силой правителя, готовой продать тому, кто предложит более высокую цену, хотя правящие императоры стремились не эксплуатировать этот факт. Никаких суждений по поводу войсковой клиентелы нет и в недавних обобщающих работах по императорской армии: *Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с франц. М., 2001; Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit... S. 34 ff.*

³² *Aigner. Op. cit. S. 150 ff. Cp. Brunt P.A. The Army and the Land in the Roman Revolution // JRS. 1962. 52. P. 77: «clientela объясняет меньше, чем иногда думают; она сама есть выражение более глубоких нужд и интересов».*

³³ *Graßl H. Untersuchungen zum Vierkaiserjahr 68/69 n. Chr. Ein Beitrag zur Ideologie und Sozialstruktur des frühen Prinzipats. Wien, 1973. S. 143. Amn. 1. Это в общем-то верно, если искать в источниках прямое употребление терминов «патронат» и «клиентела» применительно к отношениям императора и армии.*

³⁴ *Veyne P. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976. P. 610.*

³⁵ *Ibid. P. 614, 619.*

³⁶ *Saller. Personal Patronage... P. 74.*

³⁷ *Rouland N. Armées «personnelles» et relations clientélaires au dernier siècle de la République // Labeo. 1979. 25. P. 16–38.*

ровав, что недостаточно признать наличие феноменов клиентелы в армии, чтобы *ipso facto* говорить о «военной клиентеле» как о клиентеле особого рода, он приходит к заключению, что выделять таковую неправомерно ни с политической, ни с социологической, ни с моральной точки зрения, ибо феномены, обычно относимые к ней, являются по своей природе теми же, что и феномены гражданской клиентелы. По общему заключению автора, выражения «армии-клиенты» и «военная клиентела» суть лишь несовершенные интерпретации (причем опасные с терминологической точки зрения) того понятия, которое обозначается в немецком языке труднопереводимым словом *Gefolgschaft*³⁸. Эти общие выводы Рулана базируются на следующих положениях и доводах.

1. То, что сообщают наши источники о присяге, приносимой солдатами в позднереспубликанский период, не позволяет рассматривать ее как акт, порождающий вступление в особую клиентелу. Древняя же республиканская *sacramentum* вообще не имеет отношения к клиентеле, поскольку содержала обязательство повиноваться власти магистрата, а присяга на верность, приносимая отдельным лицам (Цинне, Катилине, Фимбрии и др.), использовалась в экстраординарных обстоятельствах и не создавала уз клиентелы *stricto sensu*. Присяга же на верность Октавиану, принесенная в 32 г. до н.э., тем более не может считаться актом, создающим военную клиентелу, так как эту клятву давали как воины, так и гражданские лица.

2. Соглашаясь, что в I в. до н.э. полководцы стали единоличными распорядителями наград среди подчиненных им войск, Рулан полагает, что здесь нельзя видеть гигантские *sportulae* (как это делает Ж. Арман³⁹), ибо «генералы» лишь приспособливали древние республиканские принципы к потребностям новой эпохи, когда значение военной добычи и соответствующих сумм, распределяемых среди солдат, возросло и требования последних стали более решительными, а авторитет сената падал, не позволяя ему играть традиционную роль. *Veneficia* военных лидеров сами по себе не доказывают существования уз военной клиентелы.

3. В свою очередь, те услуги, которые оказывали солдаты и ветераны своим вождям в политических и избирательных акциях, тоже нельзя расценивать как выполнение клиентских обязательств. Даже там, где сообщается о применении (или угрозе применения) вооруженного насилия как средства воздействовать на решения политических собраний, речь идет лишь о действиях полководцев, стремящихся силой оружия захватить власть в условиях смуты и гражданской войны. Нельзя, конечно, отрицать, что полководцы обращались к голосам своих солдат, но обязанность голосовать всегда была элементом клиентелы и речь идет не о специфически военном характере клиентелы, а только о благосклонном голосовании избирателя в пользу кандидата, окруженного престижем выдающегося военного вождя.

4. Патронат, который те или иные римские нобили осуществляли над общинами, мог использоваться в военных целях, в частности для набора среди клиентов рекрутов, но эти коллективные клиентелы на местах также не имели ничего специфически военного, оставаясь по своей природе гражданскими. Само же использование клиентов для военных нужд относится к очень древней традиции и не представляет ничего принципиально нового.

³⁸ Ibid. P. 38.

³⁹ Harmand. L'armée et la soldat... P. 469.

5. Наконец, автор приходит к выводу, что и создание ветеранских колоний не приводило к возникновению уз собственно военной клиентелы, ибо в этом случае возникал обычный патронат над гражданской общиной.

Отдельные критические замечания Рулана нельзя не признать справедливыми (в частности, это касается политических обязательств солдат и призыва клиентов в войско патронов). Вместе с тем, многое в его подходе и выводах представляется неприемлемым. Это прежде всего – вольное или невольное стремление свести патронатно-клиентские отношения между военными вождями и армиями к неким формальным, специфическим, можно сказать, юридическим критериям и элементам, оставляя за кадром многие факты, не поддающиеся формализованным определениям и характеризующие такие стороны во взаимоотношениях полководцев и войска, которые сами римляне передавали емким понятием *fides*, выступающим в определенных аспектах как синоним понятия клиентелы вообще⁴⁰. Несводимость патроната-клиентелы только к эксплицитным, объективированным структурам и ошибочность юридической интерпретации данного комплекса отношений, которые по сути своей были связаны не с правовыми, но прежде всего с моральными обязательствами, вполне обосновано, на наш взгляд, подчеркивается в современных исследованиях⁴¹.

Подводя общий итог историографического обзора, следует, во-первых, отметить, что проблема войсковой клиентелы выходит на очень широкий круг вопросов и аспектов, связанных с социально-политической ролью и правовым положением армии в эпоху принципата, с истоками и основами императорской власти, с организацией материального обеспечения солдат и ветеранов, наконец, с системой их идеологических и ценностных представлений. Во-вторых, можно констатировать, что в научной литературе намечены отдельные направления исследования феномена войсковой клиентелы (в частности, это касается роли младшего и среднего командного состава), но в целом в его оценке присутствуют весьма разноречивые подходы и трактовки и в то же время фактически нет работ, которые были бы специально посвящены изучению этого феномена на материале императорского периода. Поэтому остается неясным целый ряд принципиальных вопросов: насколько вообще правомерно те особые отношения между полководцами и войском, которые появились в последнее столетие Республики и в той или иной форме продолжали существовать в эпоху принципата, интерпретировать как персональные, взаимобязательственные связи типа патроната-клиентелы; можно ли видеть в них некую военную специфику, сочетание как древних традиций, так и неких новых элементов, служивших источником и основой принципата, который, как резонно отмечается некоторыми исследователями, никогда не мог отречься от своего революционного и военного происхождения⁴²; насколько допустимо об армии раннеимператорского времени говорить как о «персональной» («частной») армии принцепсов, а о ее солдатах как о клиентах императора-патрона; не является ли понятие войсковой клиентелы конструктом, искусственно созданным и используемым современными историками, или же оно действительно отражает существенные стороны взаимоотношений армии и правителя Империи? Чтобы прояснить данные во-

⁴⁰ См. *Rich. Op. cit.* P. 128–129. О значениях понятия *fides* см. *TLL. VI. 1. Col. 663–691*, особенно 664–665.

⁴¹ *Rich. Op. cit.* P. 119; *Saller. Patronage and friendship...* P. 60; *Wallace-Hadrill. Op. cit.* P. 66.

⁴² *Bleiken. Op. cit.* S. 81. Cp. *Dahlheim W. Die Arme eines Weltreiches: der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. 1992. 72. S. 214.*

просы, обратимся к источникам, уделив внимание главным образом анализу тех моментов, которые непосредственно связаны с такой ключевой для патронатно-клиентских отношений категорией, как *fides*.

Разумеется, было бы ошибочным сводить все многообразие отношений между полководцами (императорами) и их подчиненными только к узам патронат-клиентелы (тем более что и солдаты, и командиры разных рангов в период Империи, как и при Республике, продолжали входить в различные клиентелы, которые отнюдь не исчезли с установлением принципата⁴³). Важно, однако, отметить, что личный, можно даже сказать «частный», характер армий конца Республики и начала Империи вполне отчетливо сознавался современниками и более поздними античными историками. Такое понимание сложившейся ситуации с очевидностью присутствует в ряде авторских рассуждений и в речах исторических персонажей в «Гражданских войнах» Аппиана. В 17-й главе V книги он пишет с присущей ему пронизательностью о безначалии: «Причинами его было то, что полководцы занимали свои должности по большей части, как это бывает в период междоусобных войн, не на основании выборов, а также то, что войска набирались не по установленным издревле воинским спискам и не для нужд всей родины, служили не для общественного блага, а в интересах только тех, кто их в войска зачислял; да и им они служили, подчиняясь не силе закона, а потому, что их привлекали данные отдельными лицами обещания; и сражались они не против врагов всего государства, а против врагов отдельных лиц... Солдаты считали себя не столько отправлявшими военную службу, сколько помощниками своих начальников на основе личного расположения, личного желания и полагали, что правители нуждаются в них в личных своих интересах»⁴⁴ (пер. Т.Н. Книпович). В речи Кассия (App. В.С. IV. 93) прямо констатируется, что «войска, принадлежавшие до сих пор государству, Цезарь превратил в свою личную собственность» (στρατοπέδων, ἃ καὶ αὐτὰ, τέως ὄντα τῆς πόλεως, ἑαυτοῦ πεποιήτο ἦδία). Так же и в письмах и «Филиппиках» Цицерона солдаты, ветераны и сподвижники Цезаря предстают как сплоченный блок, доминирующий в политике и после гибели диктатора⁴⁵. По сути дела, аналогичным образом выглядели и армии противников Цезаря. У Лукана в «Фарсалии» один солдат-помпеянец заявляет Катону: «... в Помпеево войско влекла нас / Вовсе не

⁴³ Примечательно в этом плане, что Клавдий запретил солдатам входить в дома сенаторов для приветствия, опасаясь, по-видимому, образования слишком тесных клиентских связей (Suet. Claud. 25. 1). О солдатах как клиентах Юлии Месы упоминает Геродиан, отмечая, что именно они сыграли главную роль в провозглашении императором Гелиогабала (Herodian. V. 3. 9 sqq.). Можно отметить и тот факт, что солдаты-бенефициарии (само название их должности указывает на ее происхождение из особых отношений между военачальником и солдатом, получавшим от него пост в свите или в канцелярии-officium) часто в надписях в честь своих начальников (иногда и членов их семей) именуют их *patroni*, подчеркивая личный характер отношений. См. *Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s.a.C. – VIe s.p.C.)*. Bordeaux, 2000. P. 71, 297. Подробнее о солдатах как клиентах влиятельных лиц см. *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit*. Stuttgart, 1998. S. 118; О покровительстве, оказываемом императором и высокопоставленными сенаторами при назначении на командные должности, см. *Saller. Personal Patronage...* P. 37, 74, 157 ff.

⁴⁴ Об этом пассаже см. *Jal P. Le «Soldat des Guerres Civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // Pallas*. 1962. T. XI. Fasc. 2. P. 7–9.

⁴⁵ *Botermann H. Die Soldaten und römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats*. München, 1968. S. 4–14, 21–36 (с указанием источников).

страсть к гражданской войне: любя полководца, / Мы помогли ему» (IX. 227–229). Негодующий Катон отвечает: «Значит с желанием таким и вы воевали, солдаты, / Бились вы лишь за господ: вы были войсками Помпея, а не боролись за Рим»⁴⁶ (IX. 257–258. Пер. Л.Е. Остроумова).

В современной литературе уже обращалось внимание на тот факт, что в долговременных кампаниях после 89 г. до н. э. солдаты стали именоваться по именам своих командующих: Sullani, Fimbriani, Valeriani (Plut. Lucul. 7. 2; Sall. Cat. 11. 4; 16. 4; 37. 6; App. В.С. II. 2), miles Caesaris, miles Pompei (Caes. B. civ. II. 32. 14; V. Hisp. 17. 1)⁴⁷. Подобные прецеденты имели место и в период Империи – и не только в «год четырех императоров», когда в ходу были наименования «вителлианцы», «отониацы», «флавианцы» (см. Tac. Hist., passim). В сенатском постановлении по делу Гн. Пизона-отца, среди прочих преступных деяний сирийского наместника, указывается, что он пытался развязать гражданскую войну и разлагал воинскую дисциплину во вверенных ему частях, «раздавая от своего имени подарки из казны нашего принцепса, а сделав такое, потешался, называя одних воинов пизионянами, а других цезарианцами, предпочитая <всем> тех, кто после присвоения такого прозвища усердствовал в подчинении» (SC de Cn. Pisone patre, 54–57. Пер. П.А. Князева)⁴⁸. Отметим также, что Пизон фактически пытался создать из подчиненных ему легионов собственных приверженцев, присвоив себе то, что считалось исключительной прерогативой принцепса, – раздачу донатив. Случай с Пизоном, конечно, стоит особняком. Однако он может свидетельствовать, что абсолютной монополии принцепса на покровительство войску в период раннего принципата еще не существовало, тем более она оказывалась под вопросом в моменты династических кризисов⁴⁹.

Говоря о персональном характере императорской армии, следует еще раз обратить внимание на тот факт, что уже в правление Августа происходит отказ от употребления такой официальной формулы, как *legiones (exercitus) populi Romani*: в своих «Деяниях» принцепс именуется и солдат, и войско, и флот *milites mei, exercitus meus, classis mea* (RgdA. 15, 26, 30)⁵⁰. Еще более примечательно, что и

⁴⁶ Последняя строка в подлиннике звучит гораздо выразительнее: *Pompeiana fuisti, non Romana manus*. Однако отнюдь не все солдаты слепо следовали даже за любимыми вождами. Тот же Аппиан (В.С. IV. 133) признает, что войска Брута и Кассия, в немалой своей части состоявшие из бывших воинов Цезаря и относившиеся к нему с необычайной любовью, выступили против триумфиров и до конца хранили верность вождям республиканцев, действуя не из личных интересов, но ради республики. Еще ранее, в 100 г. до н.э. Марий вынужден был противодействовать своим ветеранам, которые последовали за Сатурнином и Главцией (App. В.С. I. 29–31).

⁴⁷ *Smith R.E.* Service in the post-Marian Roman army. Manchester, 1958. P. 14 f.; *Harmand.* L'armée et le soldat... P. 231–243; *De Blois.* The Roman Army and Politics... P. 11; *idem.* Army and Society...

⁴⁸ ... *etiam donativa suo | nomine ex fisco principis nostri dando, quo facto milites alios Pisonianos, alios Caesarianos dici laetatus sit...* (приводится по ст.: *Князев П.А.* Правосудие принцепса и сената в уникальном документе 20 г. н.э.: *Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre* (характеристика документа и его перевод) // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 39–61). Ср. Tac. Ann. II. 55. 5: *eo usque corruptionis proventus est, ut sermone vulgi parens legionum haberetur* («...довел войско до такой степени разложения, что получил от толпы прозвище “Отца легионов”»).

⁴⁹ Ср. передаваемые Тацитом обвинения Л. Вителлия в адрес Юния Блеза: «Другого врага нам следует опасаться... кто хвастается своими предками – Юниями и Антониями, кичится своим происхождением из императорского рода и выставляет напоказ перед солдатами свою доброту и щедрость» (Tac. Hist. III. 38. Пер. Г.С. Кнабе).

⁵⁰ *Парфенов.* Ук. соч. С. 75, со ссылкой на ст.: *Wickert L.* Prinzipat und Freiheit // Prinzipat und Freiheit. Darmstadt, 1969. S. 117.

воины указывают на то, что они сами или их легион принадлежит императору. Так, известна надпись (ILS, 2231), в которой один центурион именуется *centurio leg(ionis) XXXXI Augusti Caesaris*⁵¹, а в почетной надписи, отмечающей почести, предоставленные городом Немаусом ветерану XVI легиона Т. Юлию Фесту, этот последний назван *Ti. Caesaris divi Aug(usti) f(iilii) Augusti miles missicius*, т.е. «отставной солдат Тиберия Цезаря Августа, сына Божественного Августа» (CIL XII. 3179 = ILS, 2267). Эти свидетельства, как и характерные указания в эпиграфических документах на получение наград, почетной отставки и связанных с нею привилегий лично от императора⁵², могут служить подтверждением того, что военная служба действительно стала рассматриваться как служба лично императору, а сама армия – как принадлежащая персонально ему не только в силу его полномочий главнокомандующего, но на основе обязательств персонального характера, в противоположность той ситуации периода Республики, когда, по словам Цицерона, все легионы и все войска, где бы они не находились, принадлежали государству⁵³. Для Тацита, во всяком случае, представлялось очевидным, что после битвы при Филиппах войско как институт, подчиненный государству в целом, перестало существовать (Ann. I. 2. 1: *nulla iam publica arma*); и, судя по всему, такое же положение, по мнению римского историка, сохранялось и с установлением принципата. Отметим и другое свидетельство Тацита, согласно которому Тиберий, только что занявший императорский престол, в обращении к мятежным легионам в Паннонии стремился создать впечатление, что забота об армии является не только делом принцепса, но и сената (Ann. I. 25), но именно эту ссылку на сенат легионеры восприняли с возмущением и недоумением, увидев в ней нечто новое, так как для солдат естественным представлялся порядок, когда и приказы о военных действиях, и наказания, и награды исходят от одного источника – императора⁵⁴.

Очевидно, истоки такого состояния дел коренятся в обстоятельствах эпохи гражданских войн, когда прочность и перспективы положения отдельных военных лидеров обуславливались поддержкой солдат, которые, в свою очередь, были заинтересованы в сильной власти своего вождя, чтобы иметь надежные гарантии предоставления обещанного вознаграждения и закрепления полученных земельных пожалований, которых, естественно, не мог (и не хотел) дать се-

⁵¹ Ср. *Raaflaub. Op. cit. S. 276–277.*

⁵² О значении данного момента см. *Eck W. Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit... S. 483–496, особенно 493 ff.; Эк В. Император во главе войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. 2004. № 3. С. 44 сл. 50, 55.*

⁵³ *Cic. Phil. X. 12: omnes legiones, omnes copiae, quae ubique sunt, rei publicae sunt.* Ср. приводимые Дионом Кассием (LVII. 2. 3) слова Тиберия, который, хотя и не без иронии и как бы вступая в полемику с Августом, воспроизводит по сути ту же установку, чтобы продемонстрировать свою приверженность республиканским традициям: «воины принадлежат не мне, а государству» (*οἱ στρατιῶται οὐκ ἐμοὶ ἀλλὰ δημοσίοι εἰσιν*).

⁵⁴ *Tac. Ann. I. 26. 3: novum id plane quod imperator sola militis commoda ad senatum reiciat. eundem ergo senatum consulendum, quotiens supplicia aut proelia indicantur. an praemia sub dominis, poenas sine arbitro esse? («Но вот и нечто новое: император отсылает к сенату только в тех случаях, когда дело идет о выгоде воинов! Пусть же сенат запрашивают всякий раз и тогда, когда должна быть совершена казнь или дано сражение. Или награды распределяют властители государства, а наказания налагает кто вздумает?».* Пер. А.С. Бобовича). Ср. также приводимые Тацитом слова Тиберия в ответе на предложение Юния Галлиона даровать отставным преторианцам право занимать место в первых четырнадцати рядах амфитеатра (*ibid. VI. 3. 1: ...quos (sc. milites) neque dicta [imperatoris] neque praemia nisi ab imperatore accipere par est – «...воинам полагается получать приказы и награды только от императора и больше ни от кого».*

нат (App. В.С. V. 13)⁵⁵. В период гражданских войн, последовавших за смертью Цезаря, сенат de facto устраняется от какого бы то ни было реального участия в контроле за армией и полководцами, в лучшем случае выступая только как институт легитимации статуса того или иного вождя. Наиболее, быть может, показателен в этом плане эпизод, связанный с получением в начале 43 г. до н.э. империя юным наследником Цезаря: по сути дела, он был предоставлен ему волей солдат и ветеранов Цезаря. И это вынужден был признать (и в силу сложившейся ситуации даже оправдывать!) сам Цицерон, заявляя в XI «Филиппике»: «... ветераны, которые взяли в руки оружие для защиты государства, увлеченные его авторитетом, командованием, именем, хотели, чтобы ими командовал именно он: Марсов и четвертый легион подчинились авторитету сената и достоинству государства при условии того, что их императором и предводителем будет Гай Цезарь» (Phil. XI. 20. Пер. В.Г. Боруховича и Е.В. Смыкова). Аналогичным образом эти события излагаются и у Аппиана (В.С. III. 48, 65). Показательно, что переход этих воинских частей на сторону Октавиана произошел несмотря на то, что Антоний попытался увеличить обещанные донативы⁵⁶. Весьма примечательно, что спустя многие годы и сам Август поставил себе в заслугу то, что он по собственной инициативе и на собственные средства (*privato consilio et privata impensa*) снарядил войско, с помощью которого разгромил Антония, и за это получил от сената пропреторский империй и другие почести (RgdA. 1. 1).

Такой набор войска стал возможен главным образом потому, что за Октавианом последовала большая часть солдат и ветеранов Цезаря, которые, разумеется, нуждались в вознаграждении и закреплении за ними прав собственности на полученные земли, что могло быть обеспечено при условии преемственности власти (ср. Nic. Dam. Vita Caes. 18. 56)⁵⁷. Но вместе с тем они, очевидно, руководствовались и чувством личной верности по отношению к приемному сыну и наследнику своего полководца, рассматривая Октавиана и как наследника того патроната, который имел по отношению к ним Цезарь⁵⁸. Думается, нет веских оснований преуменьшать значение этого субъективного фактора, который прямо акцентируется в некоторых источниках, пусть даже эти свидетельства и принадлежат таким тенденциозным авторам, как Николай Дамасский. Последний, рассказывая о взаимоотношениях Антония и Октавиана, прибывшего в Рим после смерти диктатора, передает рассуждения ветеранов Цезаря, которые полагали, что для них делом благочестия является соблюдать все, что относится к доброй памяти Цезаря, и опекать его сына и наследника (Vita Caes. 29. 115). Один из солдат заявляет даже, что все они входят в состав наследства Октавиана и готовы все перенести и сделать ради наследника Цезаря (*ibid.* 29. 117). Такого рода расположение Цезаревых ветеранов к юному Октавиану отмечают и Аппиан (В.С. III. 11–12, 32, 40), и Веллей Патеркул (II. 59. 5). Надо сказать, что подобная лояльность ветеранов и солдат, распространяющаяся на сыновей и наследников политических лидеров, не является в истории I в. до н.э. чем-то исключительным. Она отмечается, в частности, в отношении ветеранов Мария к его сыну (Diod. XXXVIII–XXXIX. 12), ветеранов-помпеянцев к Сексту Помпею (App. В.С.

⁵⁵ *Premmerstein*. Op. cit. S. 25; *Aigner*. Op. cit. S. 134, 148 ff.

⁵⁶ См. *Liv. Perioch.* 117; *Vell. Pat.* II. 61. 2; *Dio Cass.* XLV. 13; *Cic. Phil.* III. 3, 30; IV. 2; V. 23, 46; XI. 37; *Fam.* XIX. 28. 3; *Brut.* 5. 1 sq.; 9. 1.

⁵⁷ Так, еще осенью 44 г. до н.э. Октавиан привлек на свою сторону ветеранов VII и VIII легионов, поселенных в Кампании, обещав им огромные донативы – 500 денариев каждому (*Cic. Att.* XVI. 8–9; *Dio Cass.* XLV. 12; *Suet.* Aug. 10. 3; *App.* В.С. III. 40; *Nic. Dam. Vita Caes.* 31. 131). См. *Botermann*. Op. cit. S. 36 ff.

⁵⁸ *Aigner*. Op. cit. S. 151.

IV. 83). Но в борьбе за власть после смерти Цезаря конституционные аргументы, по словам Л. де Блуа, были отброшены и впервые на передний план стала выдвигаться династическая лояльность⁵⁹. Было бы, конечно, ошибкой видеть подоплеку таких отношений исключительно в клиентской верности, переносимой на наследника покойного патрона, но нельзя и исключать этого мотива.

Представляется также вполне правомерным видеть в этих отношениях истоки того династического чувства, которое с началом принципата утверждается – и начиная с Августа – целенаправленно формируется в императорской армии. В источниках императорского времени обнаруживаются многочисленные указания на сильно развитую приверженность солдат правящей династии, *domus Augusta* в целом. Приведем некоторые наиболее показательные примеры. Так, у Тацита в рассказе о происках Гн. Пизона против Германика в качестве фактора, способного помешать реализации узурпаторских планов, выделяется присущая солдатам «глубоко укоренившаяся любовь к Цезарям» (*Ann. II. 76. 3: penitus infixus in Caesares amor*). Это же почтение к Германику и его семейству, связанному родством с Августом, сыграло, по Тациту, решающую роль в изменении настроений мятежных легионов в Германии (*Ann. I. 41. 2*). По утверждению того же Тацита, после усыновления Августом и выбора в качестве наследника Тиберий стал открыто почитаться и превозноситься в войсках (*Ann. I. 3. 3*). В сенатском постановлении по делу Пизона воины удостоиваются официальной похвалы за сохранение преданности и верности дому Августа (*SC de Cn. Pisone patre, 161: fidem pietatemque domui Aug(ustae) praestarent*). Принадлежность к дому Августа и любовь народа к Германику, как хорошо известно, сделали сначала Калигулу желанным правителем, а потом сыграли ключевую роль в выборе императором Клавдия (*Ios. Ant. Iud. XIX. 3. 2*). Характерно также, что после убийства Каракаллой его брата Геты солдаты II Парфянского легиона, расположенного в Италии, выражали крайнее возмущение, заявляя, что обещали быть верными и служить обоим сыновьям Севера (*Herodian. III. 15. 5; SHA. Carac. 2. 7–8; Geta. 6. 1*).

Укорененное в сознании солдат династическое чувство, вероятно, побуждало претендентов на престол, стремившихся к власти в моменты династического кризиса, предпринимать соответствующие меры, чтобы обеспечить определенную легитимность своих притязаний через подчеркивание связи с популярной в солдатской массе династией или предшествующими правителями. Особенно показательны в этом плане действия Септимия Севера, который сначала провозгласил себя Севером Пертинаксом, учитывая то уважение, какое снискал Пертинакс в иллирийских легионах, а потом официально объявил себя сыном Марка, братом Коммода, внуком Антонина, правнуком Адриана и т.д., проведя династическую линию до Нервы (*Herodian. II. 10. 1; Dio Cass. LXXV. 7. 4; LXXVI. 9. 4; Aur. Vict. Caes. 20. 30*), и именовался так в официальных надписях⁶⁰. Соответственно, его сыновья также стали именоваться Антонинами, чтобы подчеркнуть возрождение популярной в войсках и народе династии (*Herodian. III. 10. 5; II. 10. 3; SHA. Sept. Sev. 10. 1; Geta. 1. 4–6*). В биографии Каракаллы сообщается

⁵⁹ *De Blois. The Roman Army and Politics... P. 51.*

⁶⁰ См., например, надпись, сделанную центурионами I Итальянского легиона в Новах: *Imp(eratori) Caesari, divi M(arc)i | Antonini Pii Germ(anici) Sarm(atici) fil(io), divi Commoldi fra<tr>ri, divi Antonini Pii (nepoti), divi Hadriani pronep(oti)|, divi Traiani Parth(ici) abnep(oti), dilvi Nervae adnep(oti), L(ucio) Septim(io) | Severo Pio Pertinaci Aug(usto), | Arab(ico), Adiab(enico)... (Цит. по ст.: *Sarnowski T. Primi ordines et centuriones legionis I Italicae und eine Dedikation an Septimius Severus aus Novae in Niedermoesien // ZPE. 1993. 95. S. 206*). Соответственно образом именовался и Каракалла (см., например, *RIB, 1202, 1235*).*

даже, что Антонином его провозгласило войско (SHA. Carac. 1. 1). Стоит также отметить, что после убийства Коммода преторианцы потребовали от претендовавшего на власть Дидия Юлиана принять его имя (Herodian. II. 6. 10–11). Имя Антонина, чтобы снискать расположение воинов, использовал и Опилий Макрин, назвавший так своего сына Диадумена на воинской сходке (SHA. Opil. Macr. 3. 9; Diad. Ant. 1. 2; 3. 1; Dio Cass. LXXVIII. 19. 2; Aur. Vict. Caes. 22. 2). Имя Марка Аврелия Антонина получил при провозглашении императором Гелиогабал, в происхождение которого от Каракаллы охотно поверили солдаты (Herodian. V. 3–4; 7. 3; SHA. Diad. Ant. 9. 4; Heliog. 1. 4). Принадлежность (реальная или вымышленная) к семейству популярного в войсках императора и в IV столетии служила одним из средств обоснования претензий на власть и легитимации положения узурпаторов⁶¹. Так, Прокопий, родственник императора Юлиана, попытавшийся после его смерти захватить власть, для привлечения на свою сторону войска всюду возил с собой и демонстрировал солдатам маленькую дочь Констанция, чтобы подтвердить свое родство с этим последним и Юлианом (Amm. Marc. XXVI. 7. 10; 9. 3).

Надо сказать, что верность членам императорской семьи, помимо всего прочего, обуславливалась приносимой воинами присягой, которая, по всей видимости, в императорское время стала включать обязательство хранить преданность не только императору как главнокомандующему, но и его семейству, как в клятвах, даваемых сенаторами и другими гражданами (см., например, ILS, 190; ср. также Dio Cass. LX. 9. 2)⁶². Судить об этом, правда, приходится только по ко-

⁶¹ Глушанин Е.П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С. 11.

⁶² *Premmerstein*. Op. cit. S. 76 ff. (с указанием других источников). См. также *Herrmann P.* Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968. S. 114. Об институте воинской присяги в императорское время см. *Watson G.R.* The Roman Soldier. New York-Ithaca, 1969. P. 48–49; *Vendrand-Voyer J.* Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 36 suiv.; *Campbell*. Op. cit. P. 22 ff.; *Stäcker*. Op. cit. S. 182 ff. Надо сказать, что вопрос о *sacramentum militiae* остается, ввиду скудости имеющихся свидетельств, спорным. Его специальное рассмотрение в рамках данной статьи не представляется возможным. Отметим только следующее. Большинство исследователей склоняется к выводу, что в эпоху принципата существовала одна воинская присяга, центральным пунктом которой было обязательство личной верности и повиновения императору. Она приносилась при вступлении на службу и возобновлялась в начале каждого года. По мнению же А. фон Премерштайна (Op. cit. S. 81 f.), наряду с *sacramentum militiae* воины ежегодно приносили особую клятву верности – ту же, что и гражданское население Империи. Но как бы ни решался этот вопрос, важно иметь в виду, что создаваемая присягой связь императора и войска коренным образом отличалась от той, которая возникала в раннем Риме на основе *sacramentum* между консулами и присягавшими им воинами. В последнем случае магистрат, наделенный империем и правом ауспий, выступал прежде всего в качестве посредника между войском и богами и только как таковой мог требовать присяги и повиновения (см. *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 38–41; *Токмаков В.Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 125–147; *он же*. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 43–59). Присяга же на верность принцепсу предполагала (подобно тому как это было в позднереспубликанский период в отношениях отдельных военных вождей и их солдат, которые давали им особую клятву, или в случае с присягой римских граждан Октавиану в 32 г. до н. э.) подчинение ему не только как легитимному носителю сакральной, военной и государственной власти, но как конкретной личности. Это подтверждается тем фактом, что присяга могла быть принесена еще до того, как провозглашенный войском император официально признавался сенатом и народом, т. е. до наделения его империем и правом ауспий (см. *Premmerstein*. Op. cit. S. 81, с конкретными примерами, относящимися прежде всего к событиям гражданской войны 68–69 гг.; *Campbell*. Op. cit. P. 28).

свенным данным, поскольку полная формула *sacramentum militiae* императорского времени не сохранилась. Можно, к примеру, сослаться на приводимый у Тацита ответ Бурра на вопрос Сенеки, спросившего, можно ли отдать преторианцам приказ умертвить Агриппину? Начальник преторианцев ответил отрицательно, сказав, что они связаны присягой верности всему дому Цезарей и не осмелятся поднять руку на дочь Германика (Тас. *Ann.* XIV. 7. 4: *toti Caesarum domui obstrictos*; ср. *Hist.* I. 5. 1). Интересно также отметить, что когда Калигула решил умертвить Тиберия Гемелла, внука императора Тиберия, то, по свидетельству Филона Александрийского (*Leg. ad Gaium.* 5), мальчика заставили покончить с собой в присутствии преторианских центурионов и трибунов, которые не захотели его умертвить (даже после того как тот сам просил их об этом), – возможно, потому, что не хотели нарушить присягу⁶³. Полтора столетия спустя подобные соображения уже не останавливали воинов-преторианцев, убивших Пертинакса, за что их укорял Септимий Север, говоря, что они запятнали свою присягу и предали верность (*Herodian.* II. 9. 8; 13. 8). Важно также отметить, что *sacramentum militiae* со времени Августа приносилась на имя принцепса войсками, расположенными не только в императорских, но и в сенатских провинциях⁶⁴, и все воины считались связанными одной присягой, принесенной одному императору-главнокомандующему (ср. Тас. *Hist.* IV. 46. 3: *eiusdem sacramenti, eiusdem imperatoris milites*).

Несмотря на нередкие в условиях гражданских войн случаи перехода как отдельных солдат, так и целых воинских формирований на сторону противника, измена своему полководцу, а позже принцепсу часто воспринималась как ни с чем несравнимый позор. По сообщению Диона Кассия (LI. 10. 1–2), когда Антоний во время военных действий в Египте попытался подкупить солдат Октавиана, пообещав им награду в 1500 драхм, Октавиан сам прочитал листовки с этим обещанием своим воинам, противопоставив позор предательства доблестной верности своему полководцу, и вполне убедил солдат, так что они, оскорбленные самой попыткой их соблазнить и не желая показать себя способными на измену, сражались с особенным рвением. Так же и для солдат Цезаря подозрение в неверности (*infidelitatem suspicionem*) казалось оскорбительным и они просили командовавшего ими Куриона поскорее дать сражение, чтобы испытать их *fidem virtutemque* (*Caes. B. civ.* II. 33. 1–2). Обвинение в измене или недоверие со стороны полководца могли восприниматься настолько остро, что ради сохранения воинской чести некоторые солдаты и офицеры предпочитали покончить с собой. Такое высокое понимание своего воинского долга и чести обнаруживается во многих ярких примерах⁶⁵, которые подтверждают, что верность полковод-

⁶³ Ср. *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht.* Bd II. Lpz, 1876. S. 819.

⁶⁴ *Klingmüller. Sacramentum // RE.* Bd I. A. 2 (1920). Sp. 1668.

⁶⁵ Так, попавший в плен к Сципиону квестор Цезаря Граний Петрон не пожелал получить пощаду от врага и бросился на свой меч (*Plut. Caes.* 16). Центурион Титиний, который во время битвы при Филиппах не успел вовремя сообщить Кассию сведения о положении дел у Брута, вслед за Кассием покончил с собой (*Val. Max.* IX. 9. 2; ср. *Vell. Pat.* II. 70. 3). Во время египетской кампании Октавиана его центурион Г. Мевий попал в плен и был приведен к Антонию и в ответ на вопрос, как с ним надлежит поступить, заявил: «Прикажи убить меня, потому что ни благом спасения, ни смертной казнью невозможно добиться, чтобы я перестал быть воином Цезаря и стал твоим» (*Val. Max.* III. 8. 8). Тацит (*Hist.* III. 54) рассказывает о центурионе Юлии Агресте, который с разрешения Вителлия отправился в расположение флавианцев, чтобы выяснить, что произошло под Кремоной. Когда он, вернувшись, рассказал Вителлию об увиденном, тот ему не поверил и обвинил в измене. Тогда Агрест в доказательство

цу (императору) была в сознании солдат неотделима от высшей доблести, достоинства войска, его благочестия (ср. также [Caes.] В. Afr. 45. 3; Tac. Hist. II. 69. 1; Amm. Marc. XXVII. 6. 13)⁶⁶. Иногда она даже приобретала демонстративно-экзальтированный, иступленный характер, как в коллективном самоубийстве солдат Отона во время его похорон (Suet. Otho. 12. 2; Plut. Otho. 17; Dio Cass. LXIII. 15. 1²-2^b; Aug. Vict. Caes. 7. 2). Как констатирует Тацит, они покончили с собой не из страха, но из ревнивого чувства чести и любви к принцепсу (Hist. II. 49. 5: neque ob metum, sed aemulatione decoris et caritate principis), и смерть их вызвала восхищение в войсках. Любовь и преданность к умершему императору солдаты выражали и по-другому, но при этом характерно, что они демонстрировали особый военный характер своей связи с покойным. Ветераны Суллы шествовали в его похоронной процессии строем со знаменами и в полном вооружении (App. В.С. II. 105-106); старые легионеры Цезаря сжигали оружие, которым украсились для похорон (Suet. Div. Iul. 84. 4), а на похоронах Августа воины бросали в погребальный костер боевые награды, полученные от императора (Dio Cass. LVI. 42. 2).

Вопреки распространенному в литературе мнению, что моральные обязательства воинов по отношению к императору в условиях гражданских войн насколько не препятствовали изменам и переходу на сторону другого вождя⁶⁷, что решающим фактором преданности солдат было их материальное благополучие, а солдатская масса в целом была склонна к политической взятке⁶⁸, следует, на наш взгляд, поддержать ту точку зрения, что во многих случаях неповиновение командирам, измена одному военному лидеру или императору могли расцениваться солдатами как проявление особой лояльности по отношению к другому лидеру, претендовавшему на власть, верности своему воинскому долгу и тому делу, за которое они сражались⁶⁹. Как пишет П. Вейн, профессиональные солдаты, даже продаваясь тому, кто больше предлагал, сами выбирали своего вождя. Верность императору выступала как эквивалент и квинтэссенция верности воинскому долгу⁷⁰.

Ряд примеров показывает, что преданность императору не в последнюю очередь обуславливалась мнением солдат о том, насколько он соответствует их представлениям о должном моральном облике военного лидера и выполняет

своей верности покончил с собой. Таким же образом покончил с собой и один солдат Отона, которому не поверили, когда он принес известие о разгроме при Бедриаке (Dio Cass. LXIII. 11. 1-2; Suet. Otho. 10. 1), а другой пронзил себя мечом, чтобы доказать преданность солдатам Отону (Plut. Otho. 15). Готовность до последнего вздоха хранить верность своему императору проявили солдаты-вителлианцы, которые на предложение Цивилиса принести присягу Веспасиану ответили, что у них есть один принцепс – Вителлий, за которого они, сохраняя верность, будут сражаться до последнего вздоха (Tac. Hist. IV. 21. 2: pro quo fidem et arma ad supremum spiritum retenturos). Как образец бескомпромиссной верности долгу прославился центурион Семпроний Денс, который единственный из всей когорты бросился на защиту Гальбы (или Пизона, по Тациту) и погиб (Plut. Galba. 26; Tac. Hist. I. 43. 1; Dio Cass. LXIII. 6. 4). Показательно, что в большинстве приведенных примеров образцом подлинной верности и преданности являются офицеры разных рангов. Это, возможно, объясняется не только тем, что они чаще привлекали внимание античных авторов, но и особым характером взаимоотношений полководцев и принцепсов с младшим командным составом. См. выше прим. 24-27.

⁶⁶ Ср. Schuller. Op. cit. S. 197.

⁶⁷ Aigner. Op. cit. S. 150-151.

⁶⁸ Campbell. Op. cit. P. 198, 383.

⁶⁹ Jal. Op. cit. P. 24-26.

⁷⁰ Veyne. Op. cit. P. 610.

свои обязательства перед войском или отдельными воинами. Характерную в этом плане реплику произносит в «Анналах» Тацита (XV. 67. 2) преторианский трибун Субрий Флав, участвовавший в заговоре против Нерона. На вопрос Нерона, почему он дошел до забвения присяги, он ответил: «Я возненавидел тебя. Не было воина преданнее тебе, пока ты был достоин любви». Напротив, память о благодеяниях, оказанных императором отдельным солдатам или воинским частям, часто являлась решающим фактором сохранения их преданности. Так, отмеченный Нероном за заслуги в подавлении восстания в Британии XIV легион долго сохранял ему верность и потом был наиболее предан Отону (Tac. Hist. II. 11). Так же и часть британских войск очень неохотно отказалась от верности Вителлию, который на деле доказал им свою благосклонность, предоставив повышения по службе (Tac. Hist. III. 44). При провозглашении императором Юлиана один префект отказался приносить ему присягу, заявив, что не может связать себя клятвой против Констанция как человек, обязанный ему частыми и различными благодеяниями (Amm. Marc. XXI. 5. 11).

Все эти факты позволяют заключить, что воинская *fides* была понятием более широким и емким, нежели обычная верность клиентов по отношению к патрону, непосредственно пересекаясь с ключевыми категориями воинской этики. Более того, в источниках отношение солдат к полководцу или императору нередко обозначается понятием «любовь». Именно это чувство в первую очередь двигало солдатами Отона⁷¹. Оно же отмечается и в других источниках, например, у «Писателей истории Августов», а также в тех Латинских панегириках, которые были обращены к императорам, которым предстояла борьба с соперниками: здесь лозунг «любви» воинов к своему императору выдвигается на первый план, в отличие от более ранних речей сборника, где это понятие вообще отсутствует⁷². Эта категория, таким образом, обнаруживает свое политическое значение. Так, в панегирике неизвестного автора в честь Константина Августа провозглашается: «Лишь тот страж государства является надежным и верным, кого воины любят ради него самого, кому служит не вынужденная и продажная угодливость, но простая и искренняя преданность» (Pan. Lat. VII. 16. 6). Такая преданность противопоставляется оратором той краткой и непрочной популярности, которую некоторые вожди пытались снискать щедростью. В другом панегирике, посвященном Константину, подчеркивается, что его войско было счастливо носить оружие и выполнять воинские обязанности благодаря своей любви к императору, которого оно так же любило, как и было дорого ему, и вообще любовь к принцепсу делает воина храбрее (X. 19. 4–5; ср. XI. 24. 5–7).

Такого рода сентенции можно было бы считать голой риторикой, если бы приведенные выше фактические свидетельства не убеждали в том, что во многих случаях искренняя любовь воинов к тем, кому они служили и за кого сражались, не была для них пустым звуком. Стоит в этой связи отметить и еще один весьма примечательный момент: преданность, обусловленная присягой, и любовь воинов к полководцу довольно часто упоминаются как некая идеальная модель в текстах философов и христианских писателей, стремящихся подчеркнуть значение глубокой и искренней верности принципам добродетели или Богу. Сенека,

⁷¹ Ср. *Dio Cass.* LXIII. 12: ἐφίλουν τε τὸν Ὀθωνα καὶ πᾶσαν αὐτῷ εὐνοίαν οὐκ ἀπὸ τῆς γλώττης μόνον ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῆς ψυχῆς εἶχον. Ср. также *Tac. Hist.* I. 83. 2, где в речи Отона, обращенной к преторианцам, говорится об *amor* и *caritas*.

⁷² *Шабига И. Ю.* Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 76–77.

например, утверждает (*De vita beata*. 15. 5), что поборник добродетели будет помнить древнюю заповедь: «Повинуйся Богу!», подобно тому как доблестный воин будет переносить раны, считать рубцы и, умирая, будет любить того полководца, за которого погибает (*amabit eum, pro quo cadet, imperatorem*; ср. *Epist. CVII*. 9). Эпиктет, рассуждая о служении высшему разуму, приводит сравнение с воинской присягой, которая требует от солдат превыше всего ставить спасение цезаря (I. 14–17). Из христианских авторов уже у апостола Павла используется сравнение из военной сферы: подчеркивая необходимость самоотречения в служении Богу, он пишет: «Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (2 Тимоф. 2:4). Климент Римский (*Epist. ad Corinth. I*. 37) упоминает о воинах, которые слаженно, усердно и покорно исполняют приказания императора и полководцев каждый в своем звании. Нельзя не процитировать слова Юстина Философа из его первой Апологии (I. 39) о том, что воины, присягающие императору, держатся данного слова и предпочитают это и собственной жизни, и родителям, и отчизне, и всем домашним, хотя и не могут немедленно получить за это награды. Представляется, что в такого рода *locus communis* не мог возникнуть на пустом месте и в общественном сознании императорского времени, несмотря на общее негативно-настороженное отношение к военным, присутствовало и убеждение в наличии особых, освященных присягой уз, объединяющих воинов и императора. Показательно, что в приведенных сентенциях на первый план выдвигается преданность полководцу (императору), а не любовь к отечеству, не служение государству как таковому.

Следует обратить внимание и на то, что отношения императора и армии, подобно отношениям патрона и клиентов, в некоторых случаях трактовались в патерналистских понятиях. Среди многих почетных прозвищ, которые получил Калигула, были и такие, как «сын лагеря» и «отец войска» (*pater exercituum* – *Suet. Cal.* 22. 1). По утверждению Диона Кассия (LXIII. 14. 1), солдаты, эмоционально реагируя на заявление Отона о желании уйти из жизни, называли своего императора отцом, говорили, что он им дороже детей и родителей. Каракалла в одной из надписей назван *pater militum* (ILS, 454). Рисуя идеал дисциплинированного войска во время Парфянского похода Александра Севера, автор его биографии подчеркивает, что воины любили юного императора как брата, как сына, как отца (SHA. *Alex. Sev.* 50. 3). Малолетнего императора Гордиана III воины называли сыном (SHA. *Gord. tres.* 31. 6; *Max. et Balb.* 9. 4–5). В данном контексте уместно вспомнить и о титуле *Mater castrorum*, который носили с конца II в. императрицы⁷³. *Fides* войска, безусловно, имела первостепенное политическое значение. Не случайно она в своих военных аспектах, как *fides militum*, *fides exercituum*, *fides legionum*, начиная с Траяна присутствует в монетной пропаганде многих императоров, преимущественно III столетия⁷⁴. На утверждение идеи благочестивой верности было нацелено и присвоение воинским частям, легионам и когортам почетных наименований *pia*, *fidelis*, иногда с добавлением имени

⁷³ Первой его получила Фаустина Младшая в 174 г. после победы Марка Аврелия над квадами (*Dio Cass.* LXXI. 10. 5; SHA. *M. Aug.* 26. 8), а потом – Бруттия Криспина, жена Коммода, и императрицы северовской династии.

⁷⁴ *Renel Ch. Cultes militaires de Rome. Les enseignes.* Lyon-Paris, 1903. P. 317 suiv.; *Premierstein.* Op. cit. S. 84 ff.; *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 109 сл., 131 сл., 142; *Wittwer K.* Kaiser und Heer im Spiegel der Reichmünzen. Untersuchungen zu den militärpolitischen Prägung in der Zeit von Nero bis Caracalla. Diss. Tübingen, 1987.

императоров (Claudia, Domitiana, Antoniniana, Severiana)⁷⁵. Военская «верность» почиталась и как обожествленная абстракция, о чем свидетельствует, например, алтарь из Аквинка, посвященный Юпитеру Наилучшему Величайшему и Fidei veteranorum (CIL III. 14342).

Учитывая отмеченные моменты, следует признать, что между императором и армией действительно существовали особые связи, носившие персональный характер и не в последнюю очередь обусловленные военной присягой. Обязательство личной верности императору и его семейству, включенное, по всей видимости, в текст присяги, можно, наверное, рассматривать как продолжение и развитие тех прецедентов, которые имели место в позднереспубликанский период, когда воины Суллы, Цинны, Цезаря или Помпея приносили особую присягу верности своему полководцу (ср., например, Vell. Pat. II. 20. 4; Plut. Sulla. 27. 5; App. B.C. I. 66; III. 46; Caes. B. civ. I. 76; III. 13), создававшую особые персональные обязательственные связи между солдатами и военными вождями⁷⁶. Разумеется, наряду с идеальными и правовыми факторами существенное (а иногда, несомненно, и определяющее) значение имело выполнение императором обязательств материального плана, относящихся к снабжению войска, награждению отличившихся, заботе о повседневных нуждах солдат и об обеспечении вышедших в отставку ветеранов.

Не останавливаясь подробно на этих аспектах⁷⁷, отметим только следующие принципиальные моменты. Надежное удовлетворение материальных потребностей солдат в целях недопущения возможных мятежей и солдатского диктата периода гражданских войн было одной из важнейших задач Августа в рамках его политики стабилизации⁷⁸. Для этого необходимо было выработать приемлемый и для власти, и для солдат служебный договор (condicio)⁷⁹. Основателю принципата удалось в целом успешно решить эту непростую задачу. При этом можно говорить об установлении фактической монополии принцепса на снабжение и награждение войск. Соответственно, и жалование, и разного рода льготы (commoda), и praemia militiae, и донативы стали рассматриваться как исключительная прерогатива императора, как проявление его персональных «благодеяний» и щедрости по отношению к солдатам и ветеранам⁸⁰. Как таковые они рассматривались и на официальном уровне, и самими солдатами. Например, Август в «Деяниях» особо подчеркивает свои личные благодеяния и расходы на содержание войска. По словам Гигина Громатика (De cond. agr. P. 84 Thulin), наделение ветеранов земельными участками в Паннонии осуществлялось ex voluntate et liberalitate («по воле и в силу щедрости») императора Траяна. В надписи, относящейся, вероятно, ко времени Каракаллы, ala I Hispanorum Campagonum почтила Августа, «отмеченная его милостями и обогащенная его щедротами»

⁷⁵ Ritterling E. *Legio* (Prinzipatszeit) // RE. Bd XII. 2 (1925). Sp. 1249, 1368 ff., 1617, 1691; Campbell. Op. cit. P. 93 f.; Fitz J. Honorific titles of Roman military units in the 3^d century. Budapest, 1983.

⁷⁶ Premerstein. Op. cit. S. 80–81.

⁷⁷ См. об этом: Wesch-Klein. Op. cit.; Campbell. Op. cit.; Watson. Op. cit.

⁷⁸ Ср. Suet. Aug. 49. 2: ne aut aetate aut inopia post missionem sollicitari ad res novas possent. Ср. Dio Cass. LIV. 25. 5. Подробно см. Campbell. Op. cit. P. 181 ff.

⁷⁹ Speidel M.A. Sold und Wirtschaftslage der römischen Soldaten // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit... S. 65 ff.

⁸⁰ Ср. Keppie L. The Army and the Navy // CAH². Vol. XI. 2001. P. 378. Характерно, что в неофициальной титулатуре императоров получают распространения такие наименования, как indulgentissimus, liberalissimus. См. Frei-Stolba R. von. Inoffizielle Kaisertitulaturen in 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. // Museum Helveticum. 1969. Vol. 26. № 1. S. 36–37.

(CIL III. 1378: *indulgentiis eius aucta liberalit[at]ibus ditata*). Армия оказывалась на особом попечении императоров, и императорские подарки солдатам (*donativa*)⁸¹ можно сопоставить с *congariatium* плебсу, связанным по своему происхождению не с выплатами солдатам во времена гражданских войн, но с практикой завещаний, в соответствии с которой видные римляне завещали дары своим согражданам и клиентам; донативы следует поэтому рассматривать отнюдь не как средство подкупа войска, но как знак политического престижа армии, символ особо близких отношений между императором и солдатами, которые в обмен на получаемые дары и преимущества обязывались верностью⁸².

С этой точки зрения, убедительно аргументированной в литературе, взаимоотношения между императором и войском действительно можно трактовать как связи типа патроната-клиентелы, столь характерные для римского социума в целом на разных этапах его истории. Но при этом необходимо подчеркнуть их военную специфику. Она, на наш взгляд, заключалась в том, что армия, прежде всего войска из граждан, т.е. легионеры и преторианцы, выступала как одна из «договаривающихся сторон», которая, в отличие от столичного плебса, брала на себя весьма серьезные обязательства и сохраняла своего рода гражданское самосознание, а потому и от правителя-патрона могла при необходимости требовать твердого выполнения соответствующих обязательств. В такой системе взаимоотношений воины, оставаясь приверженцами единодержавия, ощущали себя не подданными монарха, но своеобразными партнерами и опорой императорской власти⁸³. Учитывая вышеизложенное, при использовании понятия войсковой клиентелы для характеристики социально-политических и морально-психологических отношений между императором и армией необходимо иметь в виду, что связи патроната-клиентелы хотя и составляли основу этих отношений, но отнюдь не исчерпывали всего их комплекса, включавшего и другие аспекты, в том числе военно-правовые и военно-этические, которые, в свою очередь, в немалой степени определяли специфический характер *Heeresklientel*. И хотя данное понятие как таковое напрямую нигде в источниках не употребляется, оно, на наш взгляд, позволяет более точно, нежели понятие наемной армии, акцентировать специфику того положения, какое занимали вооруженные силы в государственно-политической структуре императорского Рима. Рассмотренный материал, как представляется, показывает, что система взаимоотношений войска с носителем высшей власти в Империи, подобно другим государственно-правовым и социально-политическим структурам принципата, впитала в себя как древние римские традиции, полисно-республиканские по своему характеру, так и те их «мутации» и новшества, которые появились в период кризиса Республики и, в свой черед подвергшись определенным трансформациям, определили двойственную природу Ранней Римской империи.

⁸¹ В целом о донативах: *Fiebiger O.* *Donativum* // RE. Bd V. 1905. Sp. 1542-1543; *Kloft H.* *Liberalitas principis. Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie.* Köln, 1970. S. 104–110.

⁸² *Veyne.* Op. cit. P. 613-617; *Flaig E.* *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation in romischen Reich.* Frankfurt am Main, 1992. S. 165–166.

⁸³ Примечательно в этом плане и, на наш взгляд, очень симптоматично, что в период Ранней империи (до правления Северов) императорский культ в армии – во всяком случае среди легионеров – носил весьма сдержанный характер, далекий от всякого сервизма и чрезмерного рвения, которые нередко обнаруживаются в среде провинциального населения. Ср. *Ле Боэк.* Ук. соч. С. 379; *Stäcker.* Op. cit.

ON MILITARY CLIENTELE IN ROME OF THE LATE REPUBLICAN AND EARLY IMPERIAL PERIODS

A. V. Makhlayuk

The author raises the question whether the term «military clientele» may be applied to the complex of relations between the emperor and the army during the period of Principate. Modern scholarship does not give a uniform answer to this question. Some scholars put a special stress on the personal character of relations between military leaders and the army in the late republican and early imperial periods and think it possible to speak about mutual duties of patronate-and-clientele type as one of the main factors of the transition from republican rule to principate. Other researchers either use the term of military clientele very cautiously or avoid it when describing relations between the *princeps* and the army, or else consider that these phenomena had no special military specifics and must be classed among usual patronate-and-clientele relations.

The author of the paper maintains that patronate-and-clientele relations (very much characteristic of the Roman society in different periods of its development) constituted an important aspect of the relations between the emperor and the army; secured by the military oath and custom they were based upon a kind of contract. Personal character of late republican and early principate armies was very well realized by the contemporaries. Monopolization of the military clientele on the part of *principes* was one of the key factors in achieving political stability. After the establishment of the principate military service came to be regarded as a service rendered personally to the emperor and the army as belonging to him personally not just because of his position as commander-in-chief, but also because of personal duties and relations. The military clientele included various specific informal components (the idea of emperor as a the only source and distributor of marks of distinction and material benefits, strong dynastic feelings among the soldiers, identification of military duties with personal faithfulness to the emperor and his family). Together with ideal, symbolic and legal factors, of great importance was the way the emperor fulfilled his material duties and met the soldier's everyday needs. Military clientele was specific because of the fact that the army, especially the detachments consisting of citizens, i.e. legionaries and praetorians, acted as one of the contracting sides, which (unlike the city plebs) would take up serious responsibilities and preserved a sort of civic consciousness, thus being able to insist on fulfilment of the patron's duties if this became necessary. This system of relations implied that the military men, remaining adepts of monarchy, could think of themselves not as of subjects, but as of partners and warranty of the emperor's power. The specific character of military clientele was to a great extent determined by the ethnic parameters. Describing the relations between the emperor and the army as a kind of clientele makes it possible to define more precisely (than the term of hired army) that specific position which military forces held in the political structure of the imperial Rome. The material analyzed in the article shows that the system of relations between the army and the emperor, like other legal, social and political structures of the Empire, absorbed both the old Roman republican traditions and their «mutations» and the innovations that appeared during the crisis of the republic, which, having undergone in their turn some transformations, determined the double (republican and imperial) nature of the Principate.

Памяти Сергея Сергеевича Аверинцева

Выдающийся российский ученый, академик РАН Сергей Сергеевич Аверинцев долгие годы был тесно связан с «Вестником древней истории»: на страницах журнала публиковались его статьи о Плутархе, рецензии, затем он стал членом Редакционного совета.

В январе этого года, когда исполнился год со дня смерти Сергея Сергеевича, редакционная коллегия «Вестника» приняла решение посвятить его памяти специальный раздел в одном из ближайших выпусков.

По замыслу редколлегии, в раздел должны были войти исследования, близкие по тематике к научным интересам Сергея Сергеевича. Так как Сергей Сергеевич широко охватывал своим исследовательским взглядом античные источники самого разного времени и характера, в этот раздел изъявили желание поместить свои статьи, посвященные памяти блистательного ученого, исследователи самых разных областей антиковедения.

© 2005 г.

Г. М. Бонгард-Левин, В. А. Гаибов, Г. А. Кошеленко

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА ВОСТОКЕ (В свете исследований памятников Дура-Европос)

Одним из самых значимых и впечатляющих достижений христианской археологии XX в. было открытие дома христианской общины в Дура-Европос (в течение четвертого и пятого сезонов раскопок)¹. Однако здание христианской общины – не единственный памятник, свидетельствующий о распространении этой религии в городе. Новым подтверждением важности роли христианства в жизни жителей Дура-Европос стали раскопки шестого сезона, когда был найден фрагмент пергамента, который первоначально был определен как часть текста Евангелия от Марка. Вскоре, однако, ученые пришли к другому выводу, о чем мы узнаем из письма М.И. Ростовцева К. Холкинсу от 28 апреля 1933 г.: «Пишу Вам только для того, чтобы сказать, что я получил Ваши письма, последнее из которых уведомляет о прибытии древностей 3 мая... я показал фрагмент Евангелия от Марка профессору Торри, и, как я и подумал

¹ Об истории исследований этого памятника подробнее см. Парфянский выстрел / Под общей редакцией академика РАН Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003. Предварительная публикация результатов раскопок: The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report. Fifth Season. October 1931 – March 1932. New Haven–London–Prague, 1934. P. 238–288. Окончательная публикация: Kraeling C.H. The Christian Building (with a Contribution by C.B. Welles) (The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. Pt II / Ed. C.B. Welles). N.Y., 1967.

при первом взгляде на изготовленную Вами копию, это оказался не Марк, но «Диатессарон» Татиана. Мы располагаем только арабским переводом этого заменителя Евангелия, использовавшегося в Месопотамии, и, таким образом, фрагмент греческой рукописи труда Татиана оказался в наших руках впервые. Татиан написал его около 170 г., так что наша рукопись почти современна первому изданию этого труда»².

Обнаружение фрагмента «Диатессарона» Татиана было действительно выдающимся открытием³. Мнение М.И. Ростовцева позднее поддержали крупнейшие папирологи⁴.

Татиан, как известно, был одним из создателей сирийской культуры⁵. Написанный ок. 175–180 гг. «Диатессарон» представляет собой последовательное изложение жизни Иисуса Христа, сделанное на основе четырех Евангелий (τὸ διὰ θεοσάρων εὐαγγέλιον)⁶. При этом он убрал все противоречия и повторения в текстах и создал целостное произведение, которое было очень популярно среди христиан, говоривших на сирийском языке⁷. Важность этого произведения трудно переоценить⁸. Знаменательно, что впервые о нем упоминает Евсевий Кесарийский⁹. Фрагменты его были найдены даже в Восточном Туркестане. Широкую популярность «Диатессарона» доказывает и тот факт, что с ним был знаком и Мани (как и с Евангелием Фомы)¹⁰. Около 200 г. Паллут ввел в употребление сирийский перевод четырех Евангелий, однако они не смогли заменить «Диатессарон». В V в. н.э. была предпринята еще одна попытка вытеснить «Диатессарон» новым пересмотренным вариантом перевода четырех Евангелий, выполненных епископом Раввулой. Известно, что более 200 экземпляров «Диатессарона» были обнаружены Феодоритом и сожжены им¹¹.

Появление «Диатессарона» не было случайным: на Востоке ощущалась потребность в такого рода произведении и сложилась своя аудитория¹². Такая ау-

² Парфянский выстрел. С. 141.

³ Первая публикация: *Kraeling C.H.* A Greek Fragment of Tatian's Diatessaron from Dura // *Studies and Documents*. 5 / Ed. K. Lake, S. Lake. L., 1935.

⁴ *Welles C.B., Fink R.O., Guillam J.F.* The Parchments and Papyri (The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report V. Pt I). New Haven, 1959. P. 73–74. № 10.

⁵ Время его жизни – примерно 110–180 гг. н.э. Татиан родился в северной части Месопотамии (откуда и происходит его прозвище «Ассириец») в языческой семье. Около 150 г. он прибыл в Рим, где примкнул к христианской общине, крестился и стал учеником выдающегося церковного деятеля того времени Юстина (позднее названного Юстином Мучеником). Именно Юстин был первым из христиан, который утверждал, что для церкви «воспоминания апостолов» столь же важны, как и писания «Ветхого Завета». После мученической кончины Юстина (ок. 165 г.) Татиан открыл свою собственную школу, но в 172 г. покинул Рим и возвратился на родину. См. *Moffett S.H.* A History of Christianity in Asia. Vol. I. Beginnings to 1500. San Francisco, 1992. P. 72–75.

⁶ *Baumstark A.* Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922. S. 19; *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979. С. 116–117.

⁷ За основу Татиан взял Евангелие от Иоанна, дополнив его материалами из остальных трех текстов. Он опустил генеалогию Иисуса Христа, а также почти все эпизоды, связанные с его рождением и детскими годами, и начал основное изложение с первой проповеди.

⁸ Подробнее см. *Petersen W.L.* Tatian's Diatessaron. Its Creation, Dissemination, Significance, and History of Scholarship. Leiden–New York–Köln, 1994 (Supplementum to Vigiliae Christianae. Vol. XXV).

⁹ Hist. Eccl. IV. 29. 6, а также Ep. Ad Caprianum. О нем говорится и в «Учении апостола Аддая».

¹⁰ См. *Hammerschmidt E.* Das Thomasevangelium und die Manichäer // *Oriens christianus*. 1962. 46. S. 120–123.

¹¹ Подробнее см. *Ранович А.Б.* О раннем христианстве. М., 1959. С. 342.

¹² *Asmussen J.P.* Christians in Iran // *The Cambridge History of Iran*. Vol. III (2). 1983. P. 927.

дитория, видимо, существовала и в Дура-Европос. Тот факт, что текст был найден вне помещения христианской общины, показывает, что и в домах христиан жителей города имелись, если не библиотеки, то хотя бы отдельные книги христианского содержания.

Открытие в Дура фрагмента пергамента поставило перед учеными несколько сложных вопросов, в частности о языке оригинала произведения. Имеются две точки зрения: согласно одной, язык оригинала – греческий, согласно другой – сирийский. К. Крэлинг предполагал, что фрагмент из Дура подтверждает тезис о греческом языке, и его аргументы были приняты большинством исследователей¹³.

Хотя открытие фрагмента «Диатессарона» вызвало значительное внимание специалистов, все же это не идет ни в какое сравнение с тем интересом, который на протяжении нескольких десятилетий вызывает архитектура и особенно живопись дома христианской общины в Дура-Европос в связи с общими проблемами возникновения и ранней истории христианского искусства¹⁴.

Однако в изучении истории раннего христианства есть еще одна проблема, которая, с нашей точки зрения, может считаться не менее важной, но для решения которой практически никогда не привлекались материалы из Дура-Европос. Речь идет о распространении христианского вероучения на Востоке (на самом римско-иранском рубеже и в пределах западной части Парфии, а позднее государства Сасанидов). При исследовании этой проблемы специалисты сосредотачивают свое внимание почти исключительно на данных литературной традиции. Христианские же памятники Дура-Европос в лучшем случае лишь вкратце упоминаются, а исторические выводы, которые наглядно проистекают из факта их существования, практически не учитываются. А между тем именно материалы из Дура-Европос открывают исключительную возможность для восстановления целого ряда важных историко-культурных реконструкций.

В связи с этим следует обратить внимание на один важный факт. В литературной традиции христианская община Дура, несмотря на ее значительные по тогдашним меркам масштабы, никогда не упоминалась. Естественно, что возникает неизбежно вопрос о степени достоверности самой письменной традиции, а точнее о степени ее «представительности». Нередко современные исследователи придерживаются мнения, что традиция о распространении христианства на Востоке не очень достоверна, что она преувеличивает число христианских общин и «углубляет» время их возникновения в этом регионе. Пример Дура-Европос заставляет посмотреть на эту проблему по-иному. Если в христианской традиции отсутствуют сообщения об общине этого города, то вполне допустимо предположить, что и ряд других существовавших в этом регионе общин также не был упомянут. В таком случае можно считать, что христианская традиция, сознательно или неосознанно, преуменьшала степень христианизации Востока.

¹³ Welles, Fink, Guillam. *The Parchments and Papyri...* P. 74. См. также Millar F. *The Roman Near East. 31 BC – AD 337.* Cambr. (Mass.)–London, 1993. P. 460.

¹⁴ Перечислить все работы, посвященные данному памятнику, невозможно. Отметим только важнейшие из опубликованных общих очерков по истории раннехристианского искусства, в которых дается оценка значения этих памятников: Morey C.R. *Early Christian Art.* Princeton, 1942; Grabar A. *The Beginnings of Christian Art.* L., 1967; Krauthheimer R. *Studies in Early Christian, Medieval and Renaissance Art.* N.Y.–L., 1969; Deichman F.W. *Archeologia cristiana.* Roma, 1983; Snyder G.F. *Ante Pacem. Archaeological Evidence of Church Life before Constantine.* Mercer, 1985; Milburn R. *Early Christian Art and Architecture.* Berkley–Los Angeles, 1988; Thiede C.P. *The Heritage of the First Christians.* Oxf., 1992; Frend W.H.C. *The Archaeology of Early Christianity.* L., 1996; Беллев Л.А. *Христианские древности.* М., 1998.

История христианства на Востоке в пределах Парфянского, а затем Сасанидского государств четко распадается на два периода. Первый охватывает время от начала миссии и до времени царствования второго из царей Сасанидской династии Шапура I. Это время можно определить как период «естественной миссии». В принципе распространение христианства на Востоке ничем не отличалось от того, что мы видим на Западе – в пределах Римской империи. Начиная со времен апостолов странствующие христианские миссионеры распространяли вероучение, создавали общины, которые разрастались и давали, в свою очередь, рождение новым.

Совершенно иная картина наблюдается во времена Шапура I. Победоносные походы персов в Сирию и Малую Азию в середине III в. привели к массовым депортациям населения в пределы Сасанидского государства. Значительная часть депортированных уже приняла христианство. Наряду с простыми верующими среди переселенцев оказывались и представители клира. Известно, например, что в их числе был епископ Антиохии. Результатом переселения было не только увеличение числа христиан в ряде районов Сасанидского государства, но и появление в отдельных городах двух христианских общин, каждую из которых возглавлял свой епископ. При этом местная община, как правило, пользовалась сирийским языком, а община из депортированных граждан – греческим. Несколько позднее церкви Востока пришлось приложить немало усилий, чтобы интегрировать воедино подобные общины.

В этом отношении христианская община Дура-Европос для нас особенно показательна, так как она существовала только в рамках первого периода, поскольку город был разрушен уже во время походов Шапура I в 50-х годах III в.

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению проблем распространения христианского вероучения на Востоке, необходимо сделать некоторые предварительные замечания. Отметим, что данная проблема занимает второстепенное место в общих штудиях по проблемам христианской миссии, ибо основное внимание исследователей, как правило, обращено на Запад. Отчасти это объясняется характером источников. Письменных текстов для понимания истории распространения христианства на Запад гораздо больше, и они яснее, чем источники, характеризующие христианскую миссию на Востоке. Подобная ситуация – объективная реальность. Но есть еще некоторые обстоятельства более субъективного характера. Мы имеем в виду определенную предубежденность, порожденную в значительной мере религиозными пристрастиями. Иногда она проявляется самым неожиданным образом. Даже такой объективный и добросовестный исследователь, как К. Крэлинг, анализ начала христианской миссии на Востоке начинает с утверждения о том, что эта задача весьма сложна, поскольку мы имеем дело с «достаточно отдаленной частью античного мира»¹⁵. При этом, однако, забывается, что Месопотамия расположена неизмеримо ближе к Палестине, чем Рим, не говоря уже о Галлии, Германии или Испании.

В целом проблема евангелизации Востока, к сожалению, не получила того внимания, которое она заслуживает. Одной из важных причин этого, безусловно, является отсутствие достаточного количества источников. Кроме того, некоторые из них – весьма поздние и часто малодостоверные. Вместе с тем информация, присутствующая в текстах, многими исследователями отвергается огульно, хотя несомненно, что даже в поздних источниках, пристрастных и в некоторых отношениях во многом легендарных, содержится немало фактов, достаточно аутентично отражающих реальность. Постараемся при рассмотрении этих вопросов избежать крайностей и предвзятого подхода.

¹⁵ *Kraeling. The Christian... P. 102.*

Древнейшим свидетельством о начале христианской миссии на Востоке можно считать сообщение из «Деяний апостолов», когда в Иерусалиме собрались на праздник Пятидесятницы (Деян. 2, 9–11) иудеи из различных регионов. Очень показателен сам список: «Парфяне и Мидяне и Еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Кириноее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне»¹⁶. Первыми в списке, и это подчеркивает их значение, поставлены иудеи из стран, входящих в состав Парфянского царства. Исходя даже из этого свидетельства, кажется, нет оснований, как это часто делается, преуменьшать значение христианской миссии, обращенной к Востоку.

Из Восточного Средиземноморья в пределы Парфянского царства вело несколько путей. Особое значение имели три из них. Первый шел из Малой Азии, пересекая Евфрат у Милитены, в направлении к северо-восточным рубежам бассейна Тигра и Евфрата – к Забдикене (Бет Забдай) и Адиабене (Бет Гармай)¹⁷. Второй путь – из Сирии через Долихе к Зевгмам, где осуществлялся переход через Евфрат, а затем в направлении к Каррам, Эдессе и Сингарам¹⁸. Имелся также и третий путь – вдоль Евфрата на юг, в Месену. Этот путь для нашей темы наиболее интересен, поскольку он проходил через Дура-Европос. В отличие от мнения К. Крэлинга, надо отметить, что начальная часть этого пути имела два варианта. Первый вел из Сирии через Зевгмы (как и второй), а затем поворачивал на юг. На участке от Зевгм до Селевкии на Тигре он как бы повторял старую парфянскую «царскую дорогу», о которой писал Исидор Харакский. Второй вариант первого этапа третьего пути – из Сирии через Сирийскую пустыню и Пальмиру, к Евфрату (немного севернее Дура-Европос). Окончание этого пути было в Месене, на берегах Персидского залива.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что христианские миссионеры двигались по этим путям в составе (и под защитой) караванов¹⁹. Особенно много свидетельств сохранилось о пальмирских караванах, достаточно часто ходивших из Пальмиры в Селевкию на Тигре, Вологазокерт и столицу Месены – Спасину Харакс.

Показательно, что у христиан Востока сохранилась в течение многих веков собственная традиция о начале и развитии христианской миссии в этом регионе. Когда великий периодест несторианской церкви раббан Саума в конце XIII в. встретался в Риме с кардиналами католической церкви, на их вопросы о том, кто из апостолов проповедовал в той стране, откуда он пришел, отвечал: «Мар Фома,

¹⁶ Мы пользуемся синодальным переводом Библии. О значении этого свидетельства см. *Haencken E. The Acts of the Apostles. A Commentary. Oxf., 1971. P. 175; Tisserant E. L'Église nestorienne // Recueil Cardinal Eugène Tisserant. «Ab Oriente et Occidente». T. I / Ed. S. Pop. Louvain, 1985. P. 142; Левинская И. Деяния апостолов. Историко-филологический комментарий. Главы I–VIII. М., 1999. С. 112–125; Asmussen. Christians in Iran. P. 924.*

¹⁷ *Kraeling. The Christian... P. 104.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ О связи миссионерской деятельности с караванной торговлей имеются прямые указания источников. Так в «Хронике Арбелы» в рассказе о приходе Мазры, епископа Бед Забдай в Адиабену для проповеди сообщается о том, что «прибыл с караваном купцов» (*Die Chronik von Arbela / Übersetzt von P. Kawerau. Louvain, 1985. S. 21*). В «Деяниях Фомы» отправление апостола в Индию совершается также с помощью купца Хаббана (Деяния Иуды Фомы апостола. Пер. / Е. Мещерской // *Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997. С. 156*). В Эдессу с Востока приходят под видом купцов персы, желающие приобщиться к христианскому вероучению. См. Учение Адаа апостола / Пер. Е. Мещерской // *Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов... С. 103.*

мар Аддай и мар Мари проповедовали в нашей стране»²⁰. Можно полагать, что мар Саума перечислял миссионеров в хронологическом порядке и не случайно поставил на первое место апостола Фому²¹. Подтверждение этому сохранила и христианская сирийская традиция. В частности, в ней прямо утверждается, что Аддай в Эдессу направил Фома²², и это указывает на приоритет последнего.

Соответственно древнейшим свидетельством о христианской миссии в этом регионе могут являться «Деяния апостола Фомы». Изучая это произведение, мы в свое время пришли к выводу, что в основе сочинения лежат реальные факты, сохранные восточнохристианской традицией, которая, однако, подверглась определенной трансформации в Эдессе (возможно, в кругах учеников Бардесана)²³. В этой традиции самый спорный момент – сообщение о маршруте путешествия апостола в Индию. Апостол прибыл туда по морю, но очень странным выглядит путь – из Палестины на корабле. Поскольку из Палестины прямого морского пути в Индию не существует, то нужны были промежуточные пункты, откуда корабли уже прямым путем плыли в Индию. Таких промежуточных пунктов могло быть два: Египет (и путь по Красному морю и Индийскому океану) и Месена (и путь по Персидскому заливу и Индийскому океану). Поскольку в тексте нет никаких указаний ни на один из этих маршрутов, то однозначно решить этот вопрос вряд ли удастся. Можно только предположить, что более предпочтительным являлся второй вариант, ибо традиция об апостоле Фоме (традиция в целом, а не только «Деяния») слишком тесно связывает его с Парфией²⁴.

Исходя из этого можно полагать, что апостол Фома, путешествуя по Месопотамии (видимо, по третьему из выделенных нами маршрутов), во время путешествия проповедовал сам и посылал своих учеников в различные города этого региона. Таким образом, есть основания предполагать, что начало христианской миссии в Месопотамии приходится на 50-е годы I в. н.э.²⁵, но первоначально она развивалась достаточно медленно.

Традиция о распространении христианства в Эдессе наиболее полно представлена в «Учении Аддая (Фаддея) апостола»²⁶, а в более краткой форме зафиксирована и в других произведениях²⁷. Согласно этому произведению, царь Осроены Абгар (столицей был город Эдесса), узнав о деятельности Христа в Палестине, посылает к нему своих сановников и доверенное лицо – архивиста Ханнана

²⁰ История мар Ябалахи III и мар Саумы / Пер. Н.В. Пигулевской // *Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы.* СПб., 2000. С. 700.

²¹ Подробнее см. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А.* Проблемы изучения миссии апостола Фомы // *Проблемы истории, филологии, культуры.* X. Москва-Магнитогорск, 2001. С. 31.

²² Подробнее см. Там же. С. 30.

²³ Там же. С. 31; см. также *Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancienne.* II. Louvain, 1990, s.v. Thomas.

²⁴ См. также *Huxley G.* Geography in the Act of Thomas // *Greek, Roman and Byzantine Studies.* Vol. 24. 1983. P. 72–75.

²⁵ Согласно традиции Церкви христиан св. апостола Фомы в Индии, его прибытие сюда датируется 52 г., а его мученическая кончина имела место в 68 г. н.э. См. *Lévi S.* Notes sur les indo-scythes // *JA.* 1897. 9 série. T. IX. P. 29–41.

²⁶ См. *Меццерская Е.Н.* Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник. М., 1984; *Учение Аддая апостол.* С. 77–111.

²⁷ Например, рассказ об этом содержится в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. См. *Euseb. Hist. Eccl.* I. 13; II. 1. 6–8. В этом сочинении, как и в ряде других грекоязычных текстов имя апостола – Фаддей. Любопытный вариант легенды содержится в сборнике Тер Исраэля (*Le synaxaire armenien de Ter Israel / Publié et traduit par Le D^r. G. Bayan // Patrologia Orientalis.* T. V. P., 1910. P. 420–421). В нем апостол Фома посылает своего брата Фаддея в Эдессу, к царю Армении Абгару. Подобные представления были характерны для всей армянской традиции.

(Аннанию) – с приглашением прибыть в Эдессу. Христос отказывается, поскольку его судьба на земле предрешена, он обещает послать к нему одного из своих учеников. Позднее апостол Фома посылает в Эдессу Аддая, который вылечивает царя и совершает множество чудес. Благодаря этому почти все население города крестится, строятся церкви, отсюда распространяется христианство дальше на Восток.

Как известно, ученые уже давно пришли к выводу, что данное произведение – благочестивая легенда, созданная в Эдессе для возвеличивания истории собственной церкви²⁸. В «Учении Аддая» содержится много анахронизмов, которые говорят о том, что в окончательной форме текст сложился в III, а возможно, и позднее – IV в., вероятнее всего, в бардесанитских кругах²⁹. Другое произведение, специально посвященное данному персонажу – «Деяния апостола Фаддея» – еще менее достоверно; кроме того, в тексте говорится, что он не смог прибыть в Эдессу, а остановился в Амиде (Диярбекир)³⁰. Соответственно встает вопрос о справедливости соотнесения этой легенды с реальной картиной истории распространения христианства в Эдессе.

Однако имеются бесспорные факты, которые говорят о раннем этапе христианского присутствия в Эдессе: в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского под 197 г. впервые упоминается христианская община Осроены в связи с широко дебатировавшимся тогда вопросом о том, когда нужно праздновать Пасху (V. 23. 2–3)³¹, в «Эдесской хронике» под 201 г. сообщается о грандиозном наводнении в городе, в результате которого была разрушена христианская церковь³², в том же тексте отмечаются события, связанные с христианской историей: выход Маркиона из кафолической церкви (под 107 г.), рождение Бардесана (153 г.)³³, а с 312 г. начинают упоминаться епископы Эдессы и их деятельность и т.д.³⁴ Вместе с тем нет никаких указаний на принятие христианства кем-либо из царей Осроены. До самого момента перехода страны под полную власть Рима царская династия в Эдессе оставалась языческой³⁵. Однако это обстоятельство не может рассматриваться как решающее. Современник событий, лично бывавший в Эдессе, Секст Юлий Африкан характеризует царя Абгара Великого как «свято-

²⁸ В текстах специально подчеркивается то обстоятельство, что Абгар – первый на земле царь, принявший христианство. См. *Segal J.B. Edessa, «the Blessed City»*. Oxf., 1970. P. 63.

²⁹ О конце III в. как наиболее вероятной дате см. *Moffett. A History...* P. 25. Идея о связи «Деяний апостола Фомы» с бардесанитскими кругами высказывалась уже в XIX в. См. *Gutschmid A. von. Die Königsnamen in der apokryphen Apostolgeschichte // Rheinische Museum. N.F. Bd XIX. 1869. S. 161–183; 380–401 (= Kleine Schriften. Bd II. Lpz, 1890. S. 332–394)*. См. также *Tisserant. L'Église nestorienne*. P. 143; *Millar. The Roman Near East...* P. 363. Вместе с тем, нельзя согласиться с отнесением времени создания «Учения Аддая апостола» к V в., поскольку уже у Евсевия (со ссылкой на эдесские архивы) полностью представлено все основное содержание легенды. См. *Duval R. Histoire politique, religieuse et littéraire d'Edessa jusqu'à la première croisade*. P., 1892. P. 90–91.

³⁰ *Tixeront J. Les origines de l'Église d'Édesse et la légende d'Abgar*. P., 1888. P. 69 sq.; *Tisserant. L'Église nestorienne*. P. 144.

³¹ *Duval. Histoire...* P. 113.

³² Эдесская хроника / Пер. Н.В. Пигулевской // *Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография...* С. 468.

³³ О нем см. *Drijvers H.J.W. Bardaisan of Edessa*. Assen, 1966.

³⁴ Эдесская хроника / Пер. Н.В. Пигулевской // *Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография...* С. 469–470.

³⁵ *Millar. The Roman...* P. 463–464, 475. Однако некоторые исследователи продолжают думать, что при Абгаре Великом христианство было принято царствующей династией. См. *Asmussen. Christians in Iran*. P. 926.

го человека», «в высшей степени благочестивого и ученого», но нигде не говорит о принятии им христианства. Подобная характеристика могла означать, что царь Абгар был благожелательно настроен по отношению к христианам, хотя сам и не стал христианином³⁶. Напомним, что и император Константин, признанный христианами святым, принял христианство только на смертном одре, оставаясь в течение всей жизни язычником. Таким образом, можно полагать, что в основе легенды лежали некоторые достоверные факты, а не вымысел³⁷.

Распространение христианства в Эдессе началось, очевидно, во II в., а возможно, уже в конце I в.³⁸ Создание церкви, разрушение которой упоминается в городской хронике, предполагает наличие достаточно большого здания, значимого в общей системе городской застройки³⁹. Это, в свою очередь, свидетельствует о существовании в городе многочисленной и влиятельной христианской общины. Совершенно очевидно, что появление в христианской среде города деятеля такого ранга, как Бардесан, говорит не только о многочисленной христианской общине, но и о соответствующей ей интеллектуальной христианской среде. Показательно, что в «Эдесской хронике» (при всей краткости ее основной части) упоминается выход Маркиона из церкви, что может свидетельствовать о том, что его сторонники были многочисленны и влиятельны в Эдессе. Не зря позднее Бардесан создал несколько полемических произведений против маркионитов⁴⁰.

Апостол Аддай упоминается и в ряде других восточнохристианских произведений⁴¹, всегда в хронологическом контексте, указывающем на конец I в.⁴² Можно, следовательно, предполагать, что именно это время и было началом проникнове-

³⁶ См. *Segal. Edessa...* P. 70.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Drijvers H.J.W. Cults and Beliefs at Edessa. Leiden, 1980. P. 193; Segal. Edessa...* P. 65.

³⁹ Помимо безличных упоминаний о домах и лавках, разрушенных наводнением, специально упоминаются только царский дворец, портик у реки и христианская церковь. В связи с этим необходимо обратить внимание на толкование этого места П. Каверая (*Kawerau P. Ostkirchengeschichte. I. Das Christentum in Asien und Afrika bis zum Auftreten der Portuguisen im Indischen Ozean. Lovani, 1983. S. 6*), который указал, что сирийский термин, обозначающий здания церкви, переводится как «большой храм». Поэтому мнение Ф. Миллара (*Millar. The Roman... P. 474*) о том, что это здание напоминало дом христианской общины в Дура-Европос, выглядит неубедительно.

⁴⁰ *Drijvers. Cults...* P. 193.

⁴¹ Например, в сирийском тексте «Учения апостолов» (издана: *Ancient Syriac Documents / Ed. W. Cureton. L., 1864. P. 33*; переиздано – *Amsterdam, 1967*), датированном примерно 250 г., в котором говорится об Аддае как просветителе Эдессы.

⁴² Загадочным остается одно из упоминаний Фаддея (Аддая) в христианской традиции. Начало ей положили слова апостола Петра в его «Первом соборном послании»: «Ἀσπάζεται ὑμᾶς ἢ ἐν Βαβυλῶνι συνεκλεκτῇ, которое в Синодальном переводе представлено следующим образом: «Приветствует вас, избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне...» (1. Петр. 5:13). Продолжением является развитие этой мысли у Космы Индикоплова, который, кстати, был убежденным несторианином. В своем труде он кратко рассказывает о распространении христианства на Востоке (см. *Cosmas Indicopleustes. Topographie chretienne. T. I / Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par W. Wolska-Conus. P., 1968*): «Действительно, именно на земле римлян во времена апостолов впервые распространилось Христово послание, а тут же за этим и в Персии благодаря посредству апостола Фаддея. И действительно, ведь написано в Соборных посланиях: «Церковь, которая в Вавилоне, тебя приветствует» («Ἐν γῆ γὰρ Ῥωμαίων ἢ πρῶτον ἐπὶ τῶν ἀποστόλων διέδρασε τὸ χριστιανικὸν κηρύγμα καὶ εὐθεὶς πόλιν ἐν Περσίδι καὶ Θαδδαίου τοῦ ἀποστόλου. Ἀμελεῖ καὶ ἐν ταῖς καθολικαῖς ἑργαλισταῖς ἀσπάζεται σε ἢ ἐν Βαβυλῶνι ἐκκλησία – II. 27»). Косма ясно связал возникновение христианской церкви в Вавилоне с апостольской эпохой и назвал основателем ее Аддая (Фаддея). Тем самым он выразил общее мнение одной из ветвей несторианской традиции.

ния христианства в Эдессу. Согласно «Учению Адая апостола», преемником Адая стал Аггай, который «поставил священников и наставников во все области Междуречья»⁴³.

Материалы из самой восточной части региона – Адиабены и Забдикены – также говорят о присутствии христиан в этом районе в конце I в.⁴⁴ Согласно «Хронике Арбелы»⁴⁵, первым епископом в Арбеле был Пекида (примерно 104–106 гг.)⁴⁶, которого лично рукоположил апостол Адай⁴⁷. Однако после его смерти Адиабена оставалась в течение шести лет без епископа, и только позднее епископ Забдикены Мазра рукоположил дьякона Шемшону⁴⁸, после мученической смерти которого во главе христиан этого региона встал (после перерыва в 12 лет) епископ Исаак. Характерно, что только в связи с последним говорится о многочисленности христиан в Адиабене⁴⁹. Таким образом, история христианства в Эдессе и Адиабене оказывается связанной хронологически и персонально, поскольку апостол Адай рукоположил первого епископа Арбелы.

Наличие христианского населения в Нисибине во II в. подтверждается и документальными материалами: на некрополе малоазийского города Маббуга (Иераполь) была найдена надгробная надпись епископа Аверкия (датируемая концом этого века), в которой сообщается о том, что он побывал на полях Месопото-

⁴³ Учение Адая апостола. Р. 109. В более краткой форме об Аггае, как преемнике Адая, действующего на территории Персии, говорится в «Учении апостолов» (Ancient Syriac Documents. P. 33).

⁴⁴ Kraeling. The Christian... P. 106; Kawerau. Ostkirchengeschichte... S. 10; Asmussen. Christians in Iran. P. 925; Neusner J. The Conversion of Adiabene to Christianity // Numen. 1966. 13. P. 144–150.

⁴⁵ Это произведение было открыто только в самом начале XX в. Первым издателем и переводчиком его был А. Миньяна (*Mignana A. Sources syriaques. I. Mossoul, 1907*), перевод на немецкий язык осуществил Э. Захай (*Sachau E. Die Chronik von Arbela. Ein Beitrag zur Kenntniss des altesten Christentums im Orient // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaft. Phil.-Hist. Klasse. Jahrgang 1915. № 6. S. 12–17*). На высокую ценность этого источника указывал такой выдающийся специалист как М. Гарнак (*Harnack M.A. von. Die Mission und Ausbreitung des Christentums. 4 Aufl. T. II. Lpz, 1924. S. 683–691*). В дальнейшем историческая ценность «Хроники» была подвергнута резкой критике (*Peeters P. Le «passionnaires d'Adiabene» // Analecta Bollandiana. 1925. T. XLIII. P. 261–304*). В результате ряд современных исследователей полностью отказывает ей в достоверности (*Fiey J.-M. Auteur et date de la Chronique de l'Arbèles // L'Orient syrien. 1967. XII. P. 265–302*). Однако переводивший произведение на латинский язык П. Зорелли (*Chronica Ecclesiae Arbelensis ex idiomate Syriaco in Latinum vertit // Orientalia christiana. T. VIII. Fasc. 4. № 31. Roma, 1927*) и П. Каверау, осуществивший новый перевод на немецкий и детальное исследование текста (*Die Chronik von Arbela*) склонны отвергать взгляды Пеетерса, как гиперкритические. Критические замечания Физя на это издание (RHE. 1986. 81. P. 544–548) не добавили ничего принципиально нового к старой дискуссии. Наиболее распространена в настоящее время точка зрения (представленная в ряде работ), согласно которой в «Хронике Арбелы», несмотря на ряд анахронизмов (естественных в такого рода произведениях), присутствует заслуживающая доверия информация относительно ранней истории христианства на Востоке, в частности в Северной Месопотамии. См. *Chaumont M.-L. La christianisme de l'Empire iranien des origines aux grandes persécution du IVème siècle. Louvain, 1988. P. 29–38*. Сходные мысли присутствуют и в работе Н.В. Пигулевской (Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л., 1956. С. 141–145). И. Асмуссен также считает, что в произведении сохранена ценная «монастырская» традиция (*Asmussen. Christians in Iran. P. 925*).

⁴⁶ Мы следуем датировкам, предложенным Каверау, которые на несколько лет расходятся с датировками Э. Захай.

⁴⁷ Die Chronik von Arbela. S. 19; Segal. Edessa... P. 65.

⁴⁸ Die Chronik von Arbela. S. 21.

⁴⁹ Ibid. S. 24.

тами и встретил там «наших братьев», даже в Нисибине⁵⁰. В его «Житии» упоминается его встреча с Бардесаном – факт, который, видимо, можно считать историческим⁵¹. Начало христианизации города Карха де Бет Селох относится, согласно местной хронике, по крайней мере к 171 г.⁵² К концу парфянского периода в этом регионе насчитывалось, согласно «Хронике Арбелы», примерно двадцать отдельных общин во главе со своими епископами⁵³.

Во II в., согласно «Хронике Арбелы», христианство проникает и в Месену, где к 222 г. уже появляется свой епископ (хотя иногда в научной литературе и встречаются сомнения в достоверности такого свидетельства⁵⁴, серьезных оснований для них нет). Месена сыграла выдающуюся роль в распространении христианства по всему Востоку⁵⁵.

С Аддаем и его учеником Аггаем связан и св. Мари, которому в восточнохристианской традиции приписывается заслуга распространения христианства в центральной части Междуречья. Мари в этой традиции считается учеником Аддая. Согласно «Деяниям св. Мари апостола»⁵⁶, Мари совместно с Аггаем проник сначала в треугольник, расположенный между Тигром и Малым Забом, центром которого была Арбела, затем спустился по дороге, которая шла по предгорьям Иранского плато, пересек Бет Гармай, оттуда спустился между Диялой и Адхемом, основал епископскую кафедру в Кашкаре в Нижней Месопотамии, затем отправился в Сузиану и, наконец, стал проповедовать христианское вероучение в столице – Селевкии-Ктесифоне (куда сначала он не смог проникнуть), основав здесь епископскую кафедру, добрался до Персидского залива и умер в Дара Конай⁵⁷. Перед смертью он назначил преемником своего ученика Папа.

Эта информация часто полностью отвергается, как не имеющая исторической ценности и включенная в текст только для того, чтобы доказать древность ряда упомянутых в сочинении церквей, находившихся в последующее время под юрисдикцией католиков церкви Востока. При этом один из основных аргу-

⁵⁰ *Duchesne L.* L'épithaphe d'Abercius // *Melanges d'archéologie et d'histoire.* 1895. XV; *Ramsay W.M.* The Sites and Bishoprics of Phrigia. Vol. II. Oxf., 1897. P. 709–715; *idem.* Studies in History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire. Vol. II. L., 1906. P. 656; *Abel A.* Étude sur l'inscription d'Abercius // *Byzantion.* 1926. III; *Segal.* Edessa... P. 69; *Snyder.* Ante Pacem... P. 138–140; *Беляев.* Христианские древности. С. 113–114. Выскзывавшиеся сомнения в христианской принадлежности документа (*Ранович.* О раннем христианстве. С. 149) объясняются излишним пафосом модной тогда атеистической пропаганды. Даже самые резкие критики христианской традиции (см., например: *Каждан А.П.* От Христа к Константину. М., 1965. С. 53) не отвергают христианской принадлежности лица, оставившего эту надгробную надпись.

⁵¹ *Drijvers.* Bardaisan... P. 170–171; *Asmussen.* Christians in Iran. P. 927.

⁵² *Fiey J.M.* Ver la réhabilitation de l'Histoire de Karka d'bét Slök // *Analecta Bollandiana.* 1964. T. 82. P. 190–191.

⁵³ *Mignana A.* The Early Spread of Christianity in Central Asia and Far East: A New Document // *Bulletin of the John Rylands Library.* 1925. Vol. 9. № 2. P. 298–299.

⁵⁴ *Lieu S.N.C.* Manichaeism in Mesopotamia and Roman East. Leiden–New York–Köln, 1994. P. 5–6.

⁵⁵ *Chaumont.* La christianisme... P. 11, 21–22.

⁵⁶ *Abbeoos J.-B.* Acta Sancta Maris, Assyriae, Babyloniae, ac Persidis secula I Apostoli // *Analecta Bollandiana.* 1885. T. IV. P. 43–138. О значении этого источника см. *Kawerau.* Ostkirchengeschichte... S. 9–10.

⁵⁷ О местонахождении этого пункта см. *Kollaparambil J.* The Native Place of Thomas Kinayi // V Symposium Syriacum. 1988. Katholieke Universiteit, Leuven, 29–31 août 1988 / Ed. R. Lavernant. Roma, 1990. P. 383–391; *idem.* The Babylonian Origin of the Southist among the St. Thomas Christians. Roma, 1992. P. 1–2.

ментов состоит в том, что имя Папа появляется в списке, представленном Мари, 'Амром и Слибой, только во второй половине III – начале IV в.⁵⁸

В труде этих трех авторов⁵⁹ дается иной список епископов Селевкии-Ктесифона: после Мари следуют Абрес (90–107 гг.), Авраам (130–152 гг.), его сын Иаков (172–190 гг.), Ахадабухи (205–220 гг.), наконец, Шахлупа (205–220 гг.). При этом рассказ о деятельности Мари в основном совпадает с тем, что говорится о нем в «Деяниях». В поздней сирийской традиции сохранялась информация о первых епископах Селевкии-Ктесифона, практически полностью совпадающая с только что упомянутой⁶⁰. Хотя начало рукописи сильно пострадало, тем не менее из текста ясно, что авторы связывают начало миссии здесь с апостолом Фомой; упоминается Абрес, который был послан на Восток во времена Симона, епископа Иерусалима, а также Авраам, который будто бы излечил царицу от какой-то душевной болезни. Относительно Иакова сообщается, что он получил в один день все священные чины, и т.д.

Ряд исследователей считает, что в период между 79 и 116 гг. в Селевкии-Ктесифоне была основана первая церковь, ставшая позднее патриаршей⁶¹. Важнейшим доказательством историчности миссии апостола Мари является то, что рассказ о его пребывании в этом районе полностью согласуется с исторической географией – в период между 79 и 116 гг. течение реки Тигр изменилось, что не могли придумать более поздние авторы⁶².

Некоторые исследователи подвергают сомнению подлинность этого списка прежде всего в отношении первых трех имен⁶³. Иногда подлинными считают Абреса, Ахадабухи и Шахлуфа, поскольку первое из имен – явно персидское, а два других – сирийские. Что же касается имен Авраама и Иакова, то предлагают убрать их из списка, так как это обычные, постоянно встречающиеся имена⁶⁴. Такая аргументация выглядит достаточно странно. На всем протяжении истории церкви Востока среди клириков и мирян библейские имена были очень популярны, но почему этот факт должен свидетельствовать против подлинности информации в данном источнике, понять абсолютно невозможно. Й. Асмуссен, напротив, считает, что еврейские имена преемников Пекиды, первого апостола Арбелы, являются доказательством аутентичности традиции⁶⁵.

Таким образом, даже краткое рассмотрение данных письменной традиции о ранней христианской миссии на Востоке, несмотря на ряд противоречий в текс-

⁵⁸ См., например: *Tisserant. L'Eglise nestorienne*. P. 144.

⁵⁹ Список патриархов несторианской церкви с характеристикой каждого из них (вплоть до середины XII в.) был дан Мари ибн Сулейманом в его книге «Башня». Амр ибн Маатай написал двумя веками позднее книгу под тем же названием, включив в нее (правда, в сокращенном виде) произведение своего предшественника, но одновременно он в некоторых местах ее расширил, доведя до 1329 г. Эта книга очень скоро была переработана жителем Мосула Слиба ибн Юханна. Текст был издан с латинским переводом в конце XIX в. См. *Maris Amri et Slibae De patriarchis nestorianorum commentaria. Ex codicibus vaticanis edidit et latine reddidit H. Gismondi. Pars altera. Amri et Slibae textus. Versio latina. Romae, 1897.*

⁶⁰ *La chronographie d'Élie Bar-Šinaya, métropolitain de Nisibe / Traduit pour la première fois d'après le Manuscrit Add. 7197 du Musée Britannique par L.-J. Delaporte. P., 1910.*

⁶¹ *Fiey J.M. Les communautés syriaques en Iran des premiers siècles à 1552 // Commemoration Cyrus. Actes du Congrès de Shiraz 1971. Hommage universel. III. Teheran-Liège, 1974. P. 280.*

⁶² *Fiey J.M. Topographie chrétienne de Mahozé // L'Orient Syrien. 1967. XII. P. 402–403.*

⁶³ *Tisserant. L'Eglise nestorienne*. P. 144.

⁶⁴ *Labourt J. Le christianisme dans l'empire perse sous la dynastie sassanide (224–632). P., 1904. P. 17.*

⁶⁵ *Asmussen. Christians in Iran*. P. 925.

тах, позволяет наметить некоторые основные этапы процесса христианизации этого региона. Проникновение христианства в Месопотамию и Вавилонию началось достаточно рано, очевидно, в 50-е годы I в. В это время возникли отдельные общины, еще достаточно слабые и разрозненные. Важный этап в распространении христианства – конец I – начало II в. Этот период нашел отражение в ряде источников, напрямую не связанных друг с другом, что придает особую достоверность традиции. Важная роль в процессе христианизации принадлежит Адиабене и Забдикене. В это же время возникает, по всей вероятности, и христианская община в столице Парфянского царства. II век – время широкого распространения христианства во многих районах за Евфратом⁶⁶, особенно в Эдессе и Осроене, появления своих теологов и общей «интеллектуализации» христианской среды в этих регионах. Бардесан в «Книге законов стран» перечисляет те страны, где представлены «наши братья»⁶⁷. В этот список входят (на Востоке): Парфия, страна гелов, Персия, страна кушан, Мидия, Эдесса, Хатра⁶⁸. Сомневаться в достоверности этой информации нет оснований⁶⁹.

Соответственно можно предполагать, что, подобно многим другим городам этого региона, расположенным как к северу, так и к югу, небольшая группа христиан появилась и в Дура-Европос значительно ранее, чем время строительства здесь дома христианской общины. Чтобы возникла потребность в таком строительстве, во-первых, должно было значительно возрасти число членов общины и, во-вторых, должны были появиться в ней достаточно обеспеченные люди, которые хотели и смогли приобрести дом, перестроить его в соответствии с потребностями общины и украсить баптистерий живописью.

Решение проблемы о степени распространения христианства в данном регионе непосредственно связано с вопросом о том, из какой среды рекрутировались первые адепты учения. Не подлежит сомнению, что такой средой были евреи. Еврейское население было здесь многочисленно и поддерживало постоянные связи с Палестиной, о чем говорят многие источники⁷⁰. Известно, что уже в начале I в. царская династия в Адиабене приняла иудаизм⁷¹. Этим, видимо, объяс-

⁶⁶ См., например: *Ploeg J.P.M. van der. Le christianisme en Perse sassanide // Persica. 1975–1978. № VII. P. 137; Asmussen. Christians in Iran. P. 928.*

⁶⁷ *Bardesane l'Astrologue. Le livre des lois des pays. Texte syriaque et traduction française avec introduction et de nombreuses notes par F. Nau. P., 1899. P. 55–56; Drijvers H.J.W. The Book of Laws of Countries. Dialogue on Fate of Bardesane of Edessa. Assen, 1965.*

⁶⁸ Подтверждением достоверности информации Бардесана служит то обстоятельство, что в первой части своей книги он дает пространный список народов со своими своеобразными законами. Однако, когда он говорит о том, как изменились нравы после принятия христианства, то дает краткий список – тот, который мы привели. Конечно, Бардесан не говорит о полной христианизации этих стран, ибо выражение «наши братья» в этих странах указывает, что остальное население сохраняло традиционные верования.

⁶⁹ Подробнее см. Парфянский выстрел. С. 397–398.

⁷⁰ *Segal J.F. The Jews of North Mesopotamia before the Rise of Islam // Studies in the Bible Presented to M.H. Segal / Ed. J.M. Grintz, J. Liver. Jerusalem, 1964. P. 32–63; Neusner J. A History of the Jews in Babylonia. Vol. I–II. Leiden, 1965–1966; idem. Jews in Iran // The Cambridge History of Iran. Vol. III (2). 1983. P. 909–923; Гафни И. Евреи Вавилонии в Талмудическую эпоху. Иерусалим-Москва, 2003.*

⁷¹ *Neusner J. The Conversion of Adiabene to Judaism // Journal of Biblical Literature. 1964. LXXXIII. P. 60 ff.; Neusner. Jews in Iran. P. 912.* Известно, что наиболее активную роль в распространении и принятии иудаизма сыграла мать правящего монарха – Елена. Поздняя христианская легенда об обретении Креста императрицей Еленой, матерью императора Константина, в значительной степени строилась по этой «модели». См. *Segal. Edessa... 1970. P. 41.*

няется и то, что уже в первый период значительный успех христианская миссия имела именно в данном районе⁷². Однако главной твердыней иудаизма в Северной Месопотамии был Нисибин с многочисленным и активным еврейским населением⁷³. В Эдессе синагога находилась в самом престижном районе города, недалеко от дворца⁷⁴. Не подлежит сомнению, что первые христиане в Эдессе рекрутировались среди еврейского населения города⁷⁵. Показательно, что во время парфянской войны Траяна еврейское население Эдессы, Нисибина и Адиабены с оружием в руках сражалось против римлян⁷⁶. Очень многочисленным и влиятельным было иудейское население Месены⁷⁷. Именно в Спасину Хараксе принял иудаизм, согласно Иосифу Флавию (Ant. XX. 34–35), правитель Адиабены Изат⁷⁸. Мы оставляем без рассмотрения еще один важный источник, который позволяет говорить об иудео-христианстве в северомесопотамском регионе (включая Эдессу), – «Оды Соломона», которые могут быть датированы концом I или началом II в.⁷⁹ Проблемы, связанные с интерпретацией этого текста исключительно сложны, и касаться их попутно, без серьезного специального анализа представляется нецелесообразным. Важно, что иудео-христианский характер этого сочинения не подвергается сомнению большинством исследователей.

На Востоке, как и на Западе, первые христианские миссионеры проповедовали в синагогах⁸⁰. Подобная ситуация вполне естественна, так как на раннем этапе христиане не воспринимали себя, как нечто принципиально отличное от еврейского мира; точно также иудеи считали христиан одним из ответвлений иудаизма, хотя, может быть, слишком крайним, но все-таки находящимся в пределах общей доктрины⁸¹.

⁷² *Asmussen*. Christians in Iran. P. 925.

⁷³ *Segal*. Edessa... P. 41.

⁷⁴ *Ibid*.

⁷⁵ *Drijvers H.J.W.* Jews and Christians in Edessa // *Journal of Jewish Studies*. 1985. 36. P. 88–102; *Moffett*. A History... P. 51–52.

⁷⁶ *Neusner*. Jews in Iran. P. 912.

⁷⁷ *Oppenheimer A.* Babylonia Judaica (Tübinger Atlas des Vorderen Orients). Wiesbaden, 1983. P. 252–254.

⁷⁸ *Lieu*. Manichaeism... P. 8.

⁷⁹ Это произведение было открыто только в 1909 г. (см. *Harris J.R.* The Odes and Psalms of Solomon: Now First Published from the Syriac Version. Cambr., 1909), хотя отдельные стихи были известны еще с 1812 г., они входили в состав так называемой *Pistis Sophia* (см. *Braun F.M.* L'Énigme des Odes de Salomon // *Revue de théologie et des questions religieuses*. 1957. 57. P. 597 s.). Первоначальный язык этого произведения – сирийский, наиболее вероятная дата создания – примерно 80–100 гг. (см. *Abbott E.A.* Light on the Gospel from an Ancient Poet // *Diatessarica*. 9. Cambr., 1912; *Testuz M.* Papyrus Bodmer X–XII. Cologne–Geneve, 1959. P. 58; *Charlesworth J.H.* The Odes of Solomon. The Syriac Textes Edited with Translation and Notes. Oxf., 1971; *Chadwick A.* Some Reflections on the Character and Theology of the Odes of Solomon // *Kyriakon* / Ed. P. Granfield, J.A. Jungmann. Vol. I. Munster, 1971). Предлагалась и другая дата – II в., точнее его первая половина (см. *Klijn A.F.J.* Edessa. Die Stadt des Apostels Thomas: Das Altteste Christentum in Syrien. Giessen, 1965. S. 42). Высказывалось, правда, и предположение о III в. как времени создания произведения: оно рассматривается как пример литературы антимаркионитского характера (см. *Drijvers H.J.W.* Studies in Gnosticism and Hellenistic Religion // *Quispel Festschrift*. Leiden, 1981). Подробнее см. *Moffett*. A History... P. 51–57.

⁸⁰ *Duval*. Histoire... P. 107–108; *Segal*. Edessa... P. 42.

⁸¹ О иудео-христианстве и последующем резком размежевании см. *Шиффман Л.* От текста к традиции. История иудаизма в эпоху второго храма и период Мишны и Талмуда. М., 2000. С. 144–150. Характерно, что защитником последователей Христа в Синагедрионе выступил общепризнанный глава фарисеев Раббан Гамлиэль. См. *Штерн М.* Период Второго храма // История еврейского народа / Под ред. Ш. Эттингера. Иерусалим–Москва, 2002. С. 136.

О роли евреев в процессе христианизации Востока говорят и христианские источники. Так, в «Учении Аддая» сообщается о том, что Аддай, прибыв в Эдессу, остановился в доме еврея Товия, сына Товии⁸²; позднее среди уверовавших в Христа специально упоминаются еврей-торговцы шелком⁸³, о многочисленности евреев в Адиабене говорит «Хроника Арбелы»⁸⁴, даже в Индии царская служанка-флейтистка, первой понявшая, кем является апостол Фома, была еврейкой⁸⁵.

Поэтому вполне реальным представляется вывод ряда авторов об иудео-христианском характере первых общин Северной Месопотамии⁸⁶. Два века позднее именно в этих иудео-христианских (баптистских) общинах вызревает манихейское учение⁸⁷. Претензии манихеев на то, что они наследуют и развивают учение Христа⁸⁸, привели к тому, что они стали связывать раннюю христианскую миссию с историей своей секты и в описаниях деяний манихейских миссионеров появились имена Фомы и Аддая⁸⁹.

⁸² Учение Аддая апостола. С. 80.

⁸³ Там же. С. 99.

⁸⁴ Die Chronik von Arbela. S. 32.

⁸⁵ Деяния Иуды Фомы апостола. С. 158.

⁸⁶ *Danielou J.* Théologie du judéo-christianisme. Tournai, 1958 (второе издание: P., 1991); см. также *idem.* Les manuscrits de la Mer Morte et les origines du christianisme. P., 1957. P. 110–114; *idem.* Nouvelle histoire de l'Église. P., 1963. P. 79–81; *Gibson C.L.* From Qumran to Edessa or Aramaic Speaking Church before and after 70 A.D. // Annual Leads University Oriental Society. 1963–1965. V. P. 24–39; *Bernard L.W.* The Origines and Emergence of the Church in Edessa during the First Two Centuries A.D. // *Vigilia Christianae.* 1968. 22. P. 161–175; *Drijvers H.J.W.* Edessa and judische Christentum // *VC.* 1970. 24. P. 3–33; *Quispel G.* L'Évangile selon Thomas et les origines de l'ascèse chrétienne // *Aspects du judéo-christianisme.* Colloque de Strasbourg 23–25 avril 1964. P., 1965. P. 35–52; *idem.* The Discussion of Judaic Christianity // *VC.* 1968. 22. P. 81–93; *Klijin A.F.J.* The Influence of Jewish Theology on the Odes of Solomon and the Acts of Thomas // *Aspects du judéo-christianisme.* Colloque de Strasbourg 23–25 avril 1964. P., 1965. P. 167–179. Попытки опровергнуть эти концепции (см. *Mimouni S.C.* Le judéo-christianisme syriaque: mythe ou réalité historique? // VI Symposium Syriacum. 1992. University of Cambridge, Faculty of Divinity. 30 August – 2 September 1992 / Ed. R. Lavenant. Roma, 1994. P. 269–279) совершенно не убедительны.

⁸⁷ *Luttikhuisen G.* The Revelation of Elchasai. Investigations into the Evidence of a Mesopotamian Jewish Apocalypse of the Second Century and its Reception by a Judeo-Christian Propagandists // *Texte und Untersuchungen zum Antiken Judentum.* 8. Tubingen, 1985; *Lieu.* Manichaeism in Mesopotamia... P. 8–15, 25.

⁸⁸ Для ряда современных исследователей несомненным представляется зависимость многих манихейских концепций (в теодицее, сотериологии и антропологии) от христианских, выраженных в Новом Завете. См. *Böhlig A.* The New Testament and the Concept of the Manichaean Myth // *The New Testament and Gnosis. Essays in Honor of R. McL. Wilson / Ed. A.H.V. Logan, A.J.M. Weddeburn.* Edinborough, 1983. P. 90–104.

⁸⁹ *Lieu.* Manichaeism in Mesopotamia... P. 33. Иногда, правда, рисуется обратная картина: христиане делают манихейских миссионеров героями своих легенд, чтобы противопоставить натиску манихеев (см., например: *Drijvers.* *Cults...* P. 195–196; *idem.* *Addai und Mani.* Christentum und Manichaismus in dritten Jahrhundert in Syrien // *Orientalia Christiana Analecta.* 1983. 201. P. 171–185). Этот тезис не верен, так как в этом случае весь процесс ставится в обратную хронологическую систему. В действительности манихеи пытались присвоить себе популярных христианских героев в Месопотамии. См. *Lieu.* *Manichaeism in Mesopotamia...* P. 40–44. Ученые, отстаивающие приоритет манихеев, опускают прямое свидетельство Блаженного Августина, который писал о том, что манихеи используют «Деяния Фомы» (*Augustin.* *De serm. dom. in mont. I.* 20. 65; *Contra adiantant.* 17; *Contra Faust.* XIV, XXII, 79. Подробнее см. *Klijin A.F.J.* *The Acts of Thomas.* Introduction, Text, Commentary. Leiden, 1962. P. 20–21.

В связи с этим необходимо напомнить: в Дура-Европос было открыто здание синагоги⁹⁰, а это позволяет предполагать, что и здесь еврейское население было тем источником, откуда пришли в христианство первые прозелиты. Вопрос этот, однако, не может быть решен однозначно. Поскольку среди имен, процарапанных на стенах дома христианской общины, нет типично еврейских, высказывалось предположение, что первые христиане в городе были из числа солдат римского гарнизона. Отряды прибыли в Дура из тех мест Сирии и Палестины, где христианство укрепилось очень рано, и поэтому можно вполне резонно предполагать, что среди этих солдат были и христиане. Правда, это предположение весьма сомнительно, поскольку ни одно из имен, процарапанных на стенах, не сопровождается указанием на воинский ранг, что было обычным для римских военных. Таким образом, наиболее естественным в данном случае является вывод о том, что членами христианской общины в Дура-Европос были обычные рядовые граждане города.

Подводя итоги, можно прийти к заключению, что, несмотря на всю сложность анализа данных традиции о христианизации Востока, процесс евангелизации этого региона начался довольно рано и к середине III в. достиг заметных масштабов. Хотя Дура-Европос и не упоминается в христианской традиции, археологические материалы, обнаруженные в ходе ее раскопок, помогают проследить этот процесс и его динамику. Многолетние исследования франко-американской экспедиции в Дура-Европос стали важнейшим событием в изучении восточных древностей, в том числе и процесса христианизации в этом регионе.

THE SPREAD OF CHRISTIANITY IN THE EAST
(*In the Light of Dura Europos Studies*)

G. M. Bongard-Levin, V. A. Gaibov, G. A. Koshelenko

The discovery of the house of Christian community and of a fragment of Tatian's Diatessaron in Dura Europos (1930s) makes the scholars pay more attention to the data given by the tradition on the time and scale of the spread of Christianity in the East. One may assume that the beginning of the Christian mission must be dated back to the middle of the 1st c. AD. As early as the 2nd c. AD several dozens communities existed in Mesopotamia and Babylonia. The process of their consolidation may have begun in the 3rd c. AD.

⁹⁰ *Kraeling C.H.* The Synagogue (The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters. Final Report VIII. Pt I). N.Y., 1956.

Н. В. Брагинская

«ИОСИФ И АСЕНЕТ»: «МИДРАШ» ДО МИДРАША И «РОМАН» ДО РОМАНА

I

Первым знакомством с повестью «Иосиф и Асенет» я обязана переводу, который Сергей Сергеевич Аверинцев поместил в своем сборнике «От берегов Босфора до берегов Евфрата» (М., 1987). Это был перевод краткой («Филоненковской») версии. В 2002 г. С.С. Аверинцев поддержал своей рекомендацией проект изучения этого памятника в его более пространной версии («Бурхардовской») группой из четырех человек (М.С. Касьян, А.И. Шмаина-Великанова, В.В. Писляков и Н.В. Брагинская). Члены группы (при участии И.В. Чаброва) подготовили перевод большой версии (все цитаты даются по этому неопубликованному переводу) и работают над подробным комментарием совместно, а над научными исследованиями индивидуально, хотя при тесном сотрудничестве непросто бывает установить авторство той или иной мысли¹. Я приношу благодарность всем названным выше коллегам и всем участникам семинара 2002 г. в РГГУ, с которыми читался текст «Иосифа и Асенет» и обсуждались высказанные ниже соображения.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ИОСИФА И АСЕНЕТ»

Небольшой написанный по-гречески языком близким Септуагинте ветхозаветный апокриф, условно именуемый «Иосиф и Асенет» (ИА)², рассказывает историю женитьбы Иосифа на Асенет – дочери Гелиопольского жреца Пентефрея. В Книге Бытия об Асенет сказано только, что она стала женой Иосифа и родила Ефрема и Манассию³.

Апокриф разворачивает эти скупые упоминания в подробный рассказ о надменной красавице, живущей в недоступной башне с семьей девами прислужницами в десяти чертогах: три чертога принадлежат Асенет, семь – прислужницам. Покои Асенет полны блеска и драгоценностей и украшены бесчисленными изо-

¹ Опубликовано: *Касьян М.С.* Пища богов и Божия трапеза (Мед и пчелы в апокрифе «Иосиф и Асенет»). Балканские чтения 7. В поисках ориентального на Балканах: от античности до современности. 24–26 марта 2003 г. Тезисы и материалы. М., 2003. С. 42–45; *она же.* Божественные пчелы – gens aeterna // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 21–23 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 323–336; *она же.* Пчелы для Асенет – жрецы, священники или ангелы? (К трактовке образа пчел и меда в средиземноморской культуре). В печати; *Брагинская Н.В.* Что если «Иосиф и Асенет» первый греческий любовный роман? // Балканские чтения 7... С. 34–41; *она же.* *Opowiadanie/narracja jako produkt uboczny egzegezy* // *Opowiadanie w perspektywie* *Vadań prównawczych/Red. Zofia Mitosek.* Kraków, 2004. S. 285–301; *Шмаина-Великанова А.И.* Повесть об Иосифе и Асенет как Пасхальная Аггада для прозелитов. Доклад на Десятой ежегодной международной конференции по иудаике 28–30 января 2003 г.

² В дальнейшем этому сокращению «присваивается» единственное число женского рода. Подразумевается «Повесть об Иосиф и Асенет», причем слово «повесть» не имеет здесь терминологического смысла, равноценным было бы *повествование* или *рассказ*, или *история*.

³ Быт 41:45, 50, 52; 46:20.

бражениями богов, которым она поклоняется и приносит жертвы. Рядом сад, описанный «в терминах» рая. Молва о божественной красоте Асенет заставляет воевать из-за нее самых знатных и храбрых юношей, но она всех мужчин ненавидит и презирает, однако с первого взгляда влюбляется в Иосифа; Иосиф же отвергает ее как идолопоклонницу, но, видя ее горе, произносит над ней молитву, прося Бога о преображении Асенет и причислении ее к народу, избранному до сотворения мира. Он отправляется делать запасы зерна, а Асенет отрекается от веры своих родителей, от «мертвых и глухих» богов, разбивает и выбрасывает идолов, которым поклонялась в своей башне, и семь дней, не принимая ни воды, ни пищи, во власянице и, посыпав голову золою, совершает покаяние перед Богом Иосифа. Утром восьмого дня она произносит несколько молитв. Две безмолвные, а третью вслух – длинный псалом. Молитвы содержат не только покаяние и мольбу, но и выразительное поэтическое богословие. В ответ на молитву на небо восходит звезда, небо раскалывается, сияет несказанный свет, и является муж, «во всем подобный Иосифу, в одеянии длинном, в венке и с жезлом царским, только лик его подобен молнии, и очи блистают, как солнце, и волосы на голове его – словно пламя огня в горящем светильнике, а руки и ноги – как железо, в огне раскаленное, и от рук и от ног его летят искры». Он именуется автором «Человек» (в краткой версии «Вестник» или «Ангел»), но сам себя называет «князем (архонтом) дома Господа» и «вождем (архистратигом) всего воинства Всевышнего». Он посвящает Асенет «в мистерию Всевышнего», провозглашая, что Асенет будет «заново обновлена, заново вылеплена, заново оживотворена», и будет «есть благословенный хлеб жизни, и пить благословенную чашу бессмертия, и помазываться благословенным помазанием нетления». Он велит Асенет снять одежды покаяния и надеть белые одежды, дает ей вкусить чудесного белого меда, который есть пища всех ангелов и сыновей Бога. Ее имя вписывается в Книгу Жизни, и она получает новое имя «Град Убежища», ей открывается, что она станет вечной невестой Иосифа и убежищем для многих народов: «Потому что многие племена, к Господу Богу Всевышнему <прибегшие>, в тебе найдут убежище, и многие народы, Господу Богу покорившиеся, под крылами твоими укроются, и спасутся в стенах твоих те, кто прилепился к Господу Богу Всевышнему во имя Обращения». Обращение – это вечно смеющаяся Дева, сестра Человека и Дщерь Всевышнего, которая любит всех «дев», т.е. прозелитов. Получив чудесный мед как одновременно хлеб жизни, чашу бессмертия и помазание нетления, Асенет получает и вечную молодость, и бессмертие⁴.

Затем следует загадочная сцена. Человек провел по соту перстом с востока на запад и с севера на юг, крестообразный след «стал, как кровь», и мириады пчел по зову Человека взлетели из ячеек сота: «И пчелы были белые, как снег, а крылья их – как пурпур, и как яхонт, и как багрец, и как вышитый золотом покров из виссона, и золотые диадемы были на головах их. Жала у них были острые, но они никому не вредили. И облепили все эти пчелы Асенет с ног до головы. А были и иные пчелы, крупные и необычные, словно царицы их, и поднялись они из [следа на] соте, и стали роиться вокруг лица Асенет, и сотворили во рту и на устах ее сот, подобный соту, лежавшему перед Человеком. И все пчелы

⁴ ИА 16:16: «Смотри, отныне плоть твоя процветет, как цвет жизни от земли Всевышнего, и кости твои утучнятся, как кедровый рая радости Божия, и силы неиссякаемые окружают тебя, и молодость твоя старости не узрит, и красота твоя вовек не прейдет. И для всех прибегающих во имя Господа Бога [Царя веков] будешь как мать городов, стеной окруженная».

ели сот, бывший на устах Асенет. И молвил Человек пчелам: “Отправляйтесь в место ваше”. И все пчелы поднялись, и улетели, и удалились в небеса. А те, которые хотели повредить Асенет, упали наземь и умерли. И протянул Человек жезл свой к умершим пчелам и сказал им: “И вы поднимитесь, и удалитесь в место ваше”. И поднялись умершие пчелы, и отлетели в прилегавший к дому Асенет двор, и сели на плодоносных деревьях»⁵. Сот исчезает в пламени и благоухании, вестник уходит в небо на колеснице, подобной пламени, с конями, подобными молнии, а Асенет понимает, что это была теофания.

Изможденная постом Асенет чудесно преображается, обретая невиданную божественную красоту. Она облачается в брачные одежды, а Иосиф, возвратившийся в дом Пентефрея, уже знает, что Асенет уготована ему в невесты, и фараон венчает их венцом, который предназначен для этого брака от века.

После этого начинается несколько отличная от законченного браком сюжета вторая часть, похожая на «продолжение» или «вторую серию». Она развивает интригу, в которой фигурирует влюбившийся в Асенет старший сын фараона и дети Иакова от служанок. Действие происходит, когда во время семилетнего голода Израиль пришел в Египет. Сын фараона пытается вступить в сговор с сыновьями Лии – Симоном и Левию, предлагая им убийство Иосифа, который женился на предназначенной-де ему, сыну фараона, Асенет и намерен расправиться с братьями после смерти Иакова, чтобы им отомстить и чтобы не делить с ними наследства. Сыновья Лии дают сыну фараона отповедь, но тот обманом подбивает на предательство сыновей служанок Иакова. Они вступают в сговор, чтобы похитить красавицу Асенет, убить и Иосифа, и его детей, и даже фараона. Но их замысел терпит поражение, так как Бог воюет на стороне Иосифа и Асенет, сын фараона смертельно ранен, братья Иосифа прощены благодаря заступничеству Асенет и благочестивого Левия. Даже умирающего сына фараона Левий поднимает с земли и привозит к его отцу, фараон умирает от горя, передав Иосифу царский венец. Иосиф правит Египтом 48 лет, после чего передает престол младшему сыну фараона. Через всю вторую часть проходит мысль о том, что муж богобоязненный не отвечает злом на зло, которую неоднократно высказывает родоначальник священнического сословия Левий.

ДАТИРОВКА: ЯЗЫК ОРИГИНАЛА И SITZ IM LEBEN

На протяжении последних ста лет, особенно за последнюю треть XX в., из «позднего» и вторичного по характеру текста, маргинального для всех дисциплин и специальностей ИА стала предметом оживленной полемики в разных дисциплинарных перспективах, изучения в университетских аудиториях и многочисленных противоречащих друг другу интерпретаций⁶. Изучение памятника вышло из рук библеистов и исследователей апокрифов и оказалось на перекрестке мнений исследователей самых разных школ. ИА можно было бы сравнить

⁵ ИА 16:18–23.

⁶ После Филоненко, который издал основанную на одной группе рукописей (d) краткую версию с монографического характера ведением и подробным комментарием (*Philonenko M. Joseph et Aseneth: Introduction, Texte Critique, Traduction, et Notes. Leiden, 1968 (Studia Post Biblica. 13)*), исследовательская эстафета перешла к Кристофу Бурхарду, который работал не только с греческими рукописями, но и с сирийским, армянским, латинским, славянским, румынским и новогреческим переводами повести, занимаясь как текстологией, так и исследованиями содержательного характера. Он опубликовал предварительный текст большой версии (основанной на рукописях семейства b) в 1979 г. (*Burchard Ch. Ein vorläufiger griechischer Text von Joseph und Aseneth // Dielheimer Blätter zum Alten Testament. Bd 14. S. 2–53; дополнения: 1982. Bd 16. S. 37–39*), а в 1996 г. вышел

с виртуозной пианистической или скрипичной пьесой, предлагаемой на конкурс исполнителей-интерпретаторов. Даже чрезвычайно сложный и не решенный чисто текстологическими методами вопрос о том, какая из версий – краткая («Филоненковская») или длинная («Бурхардовская») – ближе к первоначальной, привел к тому, что каждая из версий признается самостоятельным произведением, имеющим свою тенденцию⁷.

сборник основных, но далеко не всех, его ранее опубликованных трудов по «Иосифу и Асенет»: *Burchard Ch. Gesammelte Studien zu Joseph und Aseneth berichtigt und ergänzt/Hrsg. mit Unterstützung von C. Burfeind. Leiden–New York–Köln, 1996 (Studia in Veteris Testamenti Pseudepigrapha. 13)*. После работ М. Филоненко и К. Бурхарда произошел настоящий взрыв интереса к «Иосифу и Асенет», особенно в последнее десятилетие. Статьи и диссертации (кроме одной) мы опустим, а монографии укажем: *Sänger D. Antikes Judentum und die Mysterien. Religionsgeschichtliche Untersuchungen zu «Joseph und Aseneth»*. Tübingen, 1980 (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. II/5); *Bohak G. Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis*. Atlanta, 1996 (Early Judaism and Its Literature. 10) (монография по материалам диссертации: *Bohak G. Joseph and Aseneth and the Jewish Temple at Heliopolis*. Diss. Princeton University Princeton (N.J.). 1994); *Chesnutt R.D. From Death to Life: Conversion in Joseph and Aseneth*. Sheffield, 1995 (Journal for the Study of the Pseudepigrapha. Supplement Series. 16); *Humphrey E.M. The Ladies and the Cities: Transformation and Apocalyptic Identity in Joseph and Aseneth, 4 Ezra, the Apocalypse and the Shepherd of Hermas*. Sheffield, 1995 (Journal for the Study of the Pseudepigrapha. Supplement Series. 17); *Standhartinger A. Das Frauenbild im Judentum der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag anhand von «Joseph und Aseneth»*. Leiden, 1995 (Arbeiten zur Geschichte des antiken Judentums und des Urchristentums. XXVI); *Kraemer R.Sh. When Aseneth Met Joseph. A Late Antique Tale of the Biblical Patriarch and his Egyptian Wife Reconsidered*. Oxf., 1998; *Inowlocki S. Des idoles mortes et muettes au Dieu vivant: Joseph, Aséneth et le fils de Pharaon dans un roman du Judaïsme hellénisé*. Brepols, 2002. К сожалению, западным ученым практически не известна работа В.М. Истрина, во многих отношениях очень интересная, хотя с точки зрения текстологии она устарела: *Истрин В.М. «Апокриф об Иосифе и Асенефе» // Древности: Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. III. М., 1898. С. 146–199*.

⁷ Краткая версия признается более феминистической, менее патриархальной. В краткой Асенет – высшее существо, в длинной – скорее предназначенная Богом жена Иосифа. В длинной версии в Иосифе и Иакове присутствие божества заметнее, чем в краткой, и они затеяют Асенет; в длинной больше стремления согласовать и связать текст с Библией (см. *Kraemer*. Op. cit. P. 50–88, особенно p. 80; *Standhartinger A*. Op. cit. Passim, особенно p. 216–219). Однако отличия краткой и длинной версий невозможно считать либо целиком результатами дополнений краткой версии текста, либо целиком результатами сокращения длинной. Мне представляется наиболее убедительной точка зрения К. Бурхарда, который считает, что большая часть отсутствующего в краткой версии присутствовала в первоначальном тексте. Но есть (и в длинной, и в краткой версиях) явные дополнения поясняющего, иногда тавтологического характера, и комментарии, причем иногда с позиций более поздней традиции. Рукописная история ИА так сложна, что К. Бурхард, обещавший подготовить критическое издание 40 лет тому назад и выпустивший 25 лет тому назад предварительный текст, а также свои переводы длинной версии на немецкий и английский языки (*Burchard Ch. Joseph und Aseneth // Unterweisung in erzählender Form / Ed. W.G. Kümmel. Gütersloh, 1983 (Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit. 2). S. 577–735* и *Burchard Ch. Joseph and Aseneth: A New Translation and Introduction // Old Testament Pseudepigrapha / Ed. J.H. Charlesworth. Vol. 2. Garden City, 1985. P. 177–247*), так и не опубликовал окончательный критический текст. Правда, переводы, особенно немецкий, снабжены таким подробным текстологическим комментарием и текстологическим введением, что в какой-то мере они служат приближением к критическому изданию (см. также *Burchard Ch. Zum Text von Joseph und Aseneth // Journal for the Study of Judaism. 1970. Vol. I. P. 3–34*; *Burchard Ch. The Present State of Research on Joseph and Aseneth // Religion, Literature, and Society in Ancient Israel, Formative Christianity and Judaism / Ed. J. Neusner, P. Borgen, E.S. Frerichs, R. Horsley. Vol. 2. Lanham, 1987. P. 31–52*). После сдачи статьи в печать я узнала, что критическое издание появилось примерно за год до ее написания: *Joseph and Aseneth kritisch herausgegeben von Christoph Burchard mit Unterstützung von Carsten Burfeind und Uta Barbara Fink. Leiden, 2003 (Pseudepigrapha Veteris Testamenti Graece 5)*.

Между *terminus post quem* и *ante quem* для ИА диапазон довольно широкий. Язык ИА – это язык Септуагинты, ибо автор определенно приводит цитаты или скорее парафразы из Бытия, Псалмов и других книг в переводе LXX⁸, а поскольку в конце VI в. был осуществлен перевод на сирийский⁹, временной диапазон простирается от конца III в до н.э. и до начала VI в. н.э.

По содержанию апокриф считали христианским, иудейским, иудео-христианским, гностическим, есенским, терапевтическим, раввинистическим или относящимся к среде так называемых «богобязненных», находили в нем символы древнеегипетской религии или поздней иудейской мистики. В коптской и армянской церкви ИА не была апокрифом, скорее считалась канонической. После включения ее Иоанном Дяконом (Ованессом Саркавагом, 1045/55–1129) вместе с Ветхим и Новым Заветом в число священных книг, предназначенных для богословского образования, под названием «Молитва Асенет» повесть входила в рукописи армянских Библий, наряду с другими – с точки зрения иных конфессий – апокрифами¹⁰. Коптский перевод не сохранился, но статус его был тоже, видимо, весьма почтенный. Коптский Синаксарий включает гимн, который содержит перифразы несомненно нашего сочинения, упоминается и сцена с пчелами¹¹.

Попадая в плен очарования самой истории, рассказанной с несомненной и трудно определимой силой, интерпретаторы ищут ключ, отгадку, отмычку. Филоненко так и называет «Иосиф и Асенет» – роман с ключом¹². Ключ был утрачен уже в VI в. Некий сириец в письме к Моисею из Агелы просил перевести повесть об Иосифе и Асенет на сирийский, ссылаясь на то, что при слабом знании греческого ему внятна только *ιστορία*, но не *θεωρία* этого сочинения. Моисей, не только перевел ИА, но, видимо, составил и христианское аллегорическое толкование. Оно не сохранилось¹³.

Весь донаучный период существования повести ИА считалась христианской, в средние века она становилась предметом мариологической интерпретации¹⁴ и даже инсценировки в католической Испании на празднике Тела Господня в XVI в.¹⁵ Автор первого научного издания греческого текста и латинского перевода П. Баттифоль¹⁶ был уверен, что сочинение христианское, что на страницах еврейского сочинения не могли появиться небесный Спаситель и таинство, так сильно напоминающее Евхаристию. Действительно, в ИА присутствуют обра-

⁸ *Burchard*. Joseph und Aseneth... S. 593 и указатель мест 721–724.

⁹ *Brooks E.W.* *Historia Ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta*. P., 1919. P. 21–55.

¹⁰ *Stone M.E.* *Armenian Canon Lists of Mechtar of Ayrivank (c. 1285 C.E.) // Harvard Theological Review*. 1977. Vol. 70. P. 289–300; *Burchard*. Joseph and Aseneth... P. 197.

¹¹ См. *The Book of the Saints of the Ethiopian Church*. Vol. I. Cambr., 1928 (2 ed. Hildesheim–New York, 1976). P. XXXVII.

¹² *Philonenko*. Op. cit. P. 61–79.

¹³ Письмо Анонима и ответ на него цитируется в предисловии к «Церковной истории» Псевдо-Захарии (1. 4–5), в которую включен и сам перевод ИА на сирийский, см. *Brooks*. Op. cit.

¹⁴ *The Storie of Asneth // Heroic Women from the Old Testament in Middle English Verse / Ed. Russell A. Peck*. Kalamazoo, 1991; *Reid H.A.* «this was here procreation»: «The Storie of Asneth» and Spiritual Marriage in the Middle Ages. Diss. Univ. of Victoria (Canada). 2003.

¹⁵ *Rouanet L.* *Collección de Autos, Farsas y Coloquios del siglo XVI, III–IV*. Madrid, 1901 (*Bibliotheca Hispanica*. 5–8).

¹⁶ *Battifol P.* *Le Livre de la Prière d'Aseneth // Studia Patristica: Etudes d'ancienne littérature chrétienne*. I–II. P., 1889–1890. P. 1–115.

зы, мысли (например, правило невоздаяния злом за зло¹⁷) и выражения, которые преимущественно или даже исключительно встречаются в раннехристианских сочинениях (дух истины, дочь Всевышнего, хлеб жизни, чаша бессмертия, помазание нетления, Книга жизни и др.¹⁸). П. Баттифоль датировал памятник V в. н.э., считал его ранним византийским сочинением, т.е. возникшим в период сложившейся догматики, разработанной символики и господства христианства.

Между тем ИА строится на пафосе обращения и обращения к единобожию, но не ко Христу. Иисус Христос не упоминается вообще, нет ничего, что указывало бы на исключительно христианский символ. Кровавый крест, который начертал на медовом соте Человек, не имеет аналогов в христианских источниках. Раннее христианство сосредоточено на благой вести Христа. Можно сказать, что в ИА есть даже весть о грядущем Царстве Божиим, но нет никакого следа связи этого пророчества с Иисусом Христом¹⁹. Идея христианских интерполяций в иудейский текст²⁰ тоже не вполне убедительна, потому что предполагаемые интерполяции слишком, так сказать, «бережны», осторожны. «Настоящие» христианские интерполяции, например, в «Завещаниях двенадцати патриархов» дают мессии имя Иисуса, подчеркивают, что мессия будет из колена Иуды, а не Левия, упоминают Антихриста, который выйдет из колена Дана, и добавляют к прегрешениям иудеев распятие Христа²¹. Христианских интерполяций в памятнике нет, поиски их свидетельствуют о неожиданности в иудейском сочинении небесного Человека, посланного Богом и тоже Бога, помазания, которое дает бессмертие, открытости всем язычникам, образа Града Убежища, в котором спасутся все обратившиеся, идеалов кротости и прощения. Причем эти элементы нельзя изъять, как можно изъять интерполяцию. Без них нет ИА. Сквозные мысли, слова и образы, которые служили основанием опознания ИА как христианского сочинения, свидетельствуют – подобно «Премудрости Соломона» и многим текстам Кумрана – о близости идей и образов дохристианского иудаизма и раннего христианства.

Существовала традиция рассказов об Иосифе и Асенет на арамейском языке. Самые ранние свидетельства ее бытования восходят к III в. н.э. Однако это сви-

¹⁷ Bolyki J. «Never Reply Evil with Evil»: Ethical Interaction between the Joseph Story, the Novel *Joseph and Aseneth*, the New Testament and the Apocryphal Acts // Jerusalem, Alexandria, Rome. Studies in Ancient Cultural Interaction in Honour of A. Hilhorst/Ed. F.G. Martínez, Gerard P. Luttikhuisen. Leiden-Boston, 2003 (Supplementum to the Journal for the Study of Judaism. 82). P. 41–53.

¹⁸ См., например: *Burchard Ch. The Importance of Joseph and Aseneth for the Study of the New Testament: A General Survey and a Fresh Look at the Lord Supper* // New Testament Studies. 1987. Vol. 33. P. 102–134; *Dschulnigg P. Überlegungen zum Hintergrund der Mahlformel in JosAs. Ein Versuch* // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1989. Bd 80. P. 272–275; *Chesnutt. Op. cit.* P. 56–61; *Chesnutt R.D. Bread of Life in Joseph and Aseneth and in John 6* // *Johannine Studies in Honor of Frank Pack*/Ed. J.E. Priest. Malibu, 1989. P. 1–16; *Lindars B. Joseph and Asenath and the Eucharist* // *Scripture: Meaning and Method*/Ed. Barry P. Thompson. Hull, 1987. P. 181–199.

¹⁹ В ИА 19:8 Асенет предстает эсхатологическим Градом вечного Царства Божия: «И сказал Иосиф Асенет: “Благословенна ты от Бога Всевышнего и благословенно имя твое вовек, ибо Господь Бог утвердил стены твои [в вышних, и] стены твои алмазные – [стены жизни], потому что сыны Бога Живого вселились в Град убежища твой, и Господь Бог будет царствовать над ними во веки веков”».

²⁰ *Holz T. Christliche Interpolationen in Joseph und Aseneth* // *Holtz T. Geschichte und Theologie des Urchristentums. Gesammelte Aufsätze* / Ed. E. Reinmuth, Ch. Wolff. Tübingen, 1991 (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. 57). P. 55–71.

²¹ *Витковский В.Е. Иудейская и христианская апокалиптика* // *Апокрифические апокалипсисы*. СПб., 2000. С. 37.

детельства о других историях. Одна, подобно нашей, решает галахическую проблему: как мог патриарх жениться на иноземке, дочери египетского жреца?²² Проблема та же, но решение иное: Асенет не египтянка, а еврейка²³. Вторая решила проблему, которой наш текст не знает: как мог Иосиф жениться на дочери своего египетского хозяина Потифара, а стало быть, и коварной «жены Потифара»? Ведь в LXX оба персонажа имеют одно имя Петефр²⁴, по-еврейски имена отличаются незначительно, и отождествление встречается в нескольких источниках²⁵. В еврейских источниках легенда, в которой отождествление хозяина Иосифа и его тестя существенно для всего сюжета, сохранилась только в одном из поздних собраний аггадот. О ее существовании в первые века нашей эры свидетельствует Ориген: «Кто-нибудь подумает, что это [отец Асенет] не тот, кто купил Иосифа. Но совсем не так понимают это евреи, они на основании потаенной книги [ἐξ ὀλοκρύβου] утверждают, что хозяин и тесть – одно лицо. Они говорят, что Асенет предъявила обвинение своей матери в присутствии своего отца, заявив, что это та подстроила ловушку для Иосифа, а не он для нее. Поэтому он выдал ее за Иосифа, чтобы доказать египтянам, что тот не совершил никакого преступления против его дома»²⁶. Аггада дополняет это свидетельство: после того как Асенеф поведала отцу о том, что произошло на самом деле, Бог сказал Асенет: «Поскольку ты защитила то племя, которое я хочу произвести от Иосифа, оно произойдет от тебя». В. Аптовицер указывает на раввинистический нотарикон Асенет, т.е. чтение имени как аббревиатуры, раскрытие которой составляет всю историю носителя имени и полагает, что нотарикон отсылает к истории, сходной с нашей: место, где Асенет выросла – 'wn (город Он), она была скрыта из-за своей красоты – «скрывать» – *sygh*, она пла-

²² Авраам и Иаков запрещали сыновьям браки с иноплеменницами: Быт 24:3; 28:6.

²³ Асенет – внучка Иакова и племянница Иосифа, потому что она дочь Дины, изнасилованной Сихемом. Братья велели ей убить ребенка, она оставила его в пустыне, а орел отнес девочку в Египет и положил ее на altarь бога солнца. Потифар и его жена удочерили ребенка, а когда она выросла, фараон дал ее в жены Иосифу. Иаков и его семья во время голода приходит в Египет к Иосифу, Дина узнает историю Асенет и обнаруживает пеленку подброшенного ребенка. Имплицитно эта легенда присутствует в 97-й главе Берейшит Раба, в толковании рабби Амми на Быт. 41:45 и 48:9. Рабби Амми жил около середины III в., следовательно, древнейший след легенды о происхождении Асенет относится к середине III в. Сама же легенда, видимо, возникла раньше. См. *Aptowitz V. Asenath, the Wife of Joseph: A Haggadic Literary-Historical Study // Hebrew Union College Annual. 1924. I. P. 239–306.*

В нашем тексте есть одно замечание, противоречащее всему прозелитическому строению повести: «Ничем не походила она на дев египетских, а во всем похожа была на дочерей еврейских: величавой была, как Сарра, цветущей, как Ревекка, и прекрасной, как Рахиль» (ИА 1:5). В одном из латинских переводов и сирийском (L2 и Syr), т.е. в версиях, обладающих авторитетом особой приближенности к версии длинной, по Бурхарду, первоначальной, а также и в отдельных рукописях краткой (группа d: SlawBD), текст несколько иной: «Ничем не походила Асенет на дев египетских и еврейских». Вариант в двух «длинных греческих рукописях» (AH): «Ничем не походила Асенет на дев египетских, но во всем была похожа на дочерей еврейских», вероятно, является дополнением в длинную версию, автор которого был знаком с историей Асенет как дочери Дины (см. *Standhartinger. Op. cit. S. 94. Anm. 210.*)

²⁴ Точнее говоря, расхождения в рукописях LXX есть, но варианты имени от рукописи к рукописи (Πετεφρῆ/Πεττεφρῆ/Πεντεφρῆς), не направлены на различие персонажей, а затрагивают имена обоих.

²⁵ Отождествляют жреца и вельможу Test. Jos. 18. 3 и Jub. 34. 2; 40. 10; раввинистические источники чаще их различают: *Aptowitz. Op. cit. P. 262.*

²⁶ *Orig. Selecta in Genesisim. 12. 136. 9–20.*

кала и умоляла, чтобы ее освободили от руки Потифара – «стенать» – *nhm*, все ее поступки были богобоязненны – «непорочность», «удивлять», «совершенство» – *tmh*²⁷. Последний элемент нотарикона, возможно, указывает на преобразование Асенет. Но все-таки это не совсем «наша» история. Иосифа в ней нет, сына фараона в ней нет, и в нашей Потифар-Пентефрей безупречен.

Но и в самой нашей повести В. Аптовицер усмотрел сакральный «каламбур», который убедил его в том, что греческий текст переведен с еврейского. Небесный посланник сообщает героине, что ее имя отныне будет не Асенет, а Град Убежища. Убежище, по-еврейски **hasenet/hasanet/hasana*, фонетически близко (отличие только в придыхании) имени героини *Aseneth/Asnath/Asanath*. Между тем, по-еврейски в имени героини можно услышать *ason* – «развалина», «руина», «беда», тогда как *hsp* – «покрывать», «охранять», «прятать», часто «прятать под крыльями». Поэтому В. Аптовицер видит в изменении имени игру словами – *'snt/hst*. (*hsh* – «место убежища», «укрепленный город», ср. Псалом 91:2).

Итак, сам сюжетный центр нашей истории создан из разницы и сходства двух имен: Асенет, т.е. Разрушение²⁸ (причем, возможно разрушение египетской богини Нейт, и тогда играют обе части имени²⁹), переименована в (X)асенет, т.е. Убежище, Приют, Крепость. Имя героини описывает, что героиня делает с египетскими богами и со своей прежней верой: она разрушает Нейт, а ее новое имя содержит эсхатологический смысл: она Град Убежища для праведных, т.е. Город Праведности или Праведных.

Есть и еще по крайней мере одна игра слов, в греческом утраченная. После посвящения Асенет и сцены с пчелами Человек спрашивает Асенет: «Видела слово сие?» И она ответила: «Да, господин, я видела все это». И продолжил он: «Так исполнятся все слова, что говорил я тебе сегодня» (17:1–2). М. Шнейдер усматривает здесь игру омонимами «слова́» и «пчелы» – *dbrym*. Пчелы, которые хотели причинить вред Асенет – это дурные, «жалящие» слова, а добрые пчелы – приносят мед³⁰.

Поскольку эти игры слов существуют только по-еврейски, а на греческий они переведены без сохранения высокоценимой еврейскими мудрецами омонимичности, предполагать догреческую традицию естественно. И все-таки греческий текст написан эллинизированным иудеем по-гречески, а не переведен. В тексте ИА есть свидетельства знакомства автора с некоторыми понятиями на греческом языке выражаемыми, а на иврит обратного перевода не имеющими³¹. Среди них слова «нетление» (*ἀφθαρσία*) и «бессмертие» (*ἀθανασία*), кроме того, многочисленные сложносоставные слова или выражения, содержащие игру гре-

²⁷ Mid. Agada I. 97 (ed. Buber), см. *Aptowitz*. Op. cit. P. 258.

²⁸ Иероним знал такое значение имени Асенет и так его переводил, как он считал, с еврейского: *Hieron. De nomin. hebr., de Gen., s.v. Aseneth: aseneth ruina*.

²⁹ Библейское имя героини имеет египетское происхождение и значит «Принадлежащая (богине) Нейт». О чертах Нейт в облике Асенет см. *Philonenko*. Op. cit. P. 61–78.

³⁰ Изложено в докладе: Инициация и небесный мед в Повести об Иосифе и Асенеф // Двенадцатая ежегодная международная конференция по иудаике 1–3 февраля 2005. Это объяснение выглядит более убедительным, чем то, которое дано было К. Бурхардом, оставшимся в пределах языка Септуагинты: *A Note on ῥήμα in Joseph und Aseneth // Burchard. Gesammelte Studien... S. 247–262*.

³¹ Список слов, которые едва ли возможны в переводе с еврейского, см. *Burchard. Joseph and Aseneth... P. 181*.

ческими корнями: φαίνόμενα ἐκ τῶν ἄφρασιων³², наконец, понятия о противопоставленности поведения тиранна и свободного и данного свободному права открыто высказывать свое мнение. Когда сын фараона пытается подговорить Симона и Левия убить Иосифа, то автор замечает, что фараонов сын говорит в манере *тиранна*, а братья отвечают ему со свойственной им *парресией*³³. И *тиранн*, и *парресия* – слова, которые встречаются в LXX. Но *тиранн* в LXX – это, как правило, князь, царек, правитель. Никакой оценки в слове нет³⁴. *Парресия* же используется в LXX для характеристики речи пророка, а вовсе не означает право человека и гражданина в лицо владыкам правду говорить³⁵. Автор нашего текста имеет контакты с эллинами, он разделяет некоторые их представления и ценности и переносит их на времена патриархов. Это похоже на Александрию, где иудеи пишут и читают по-гречески, на иудея диаспоры, пишущего книги, обращенные вовне, как, например, история Маккавеев Ясона Киренского, «Иудейские древности» Иосифа Флавия и, наконец, Евангелия.

Консенсус, который установился в научной литературе относительно ИА к началу 1990-х годов, сложился благодаря трудам самого авторитетного и фундаментального исследователя как рукописных вариантов, так и древних и средневековых версий памятника, Кристофа Бурхарда, посвятившего изучению ИА не одно десятилетие. ИА написана в Египте в период от последних десятилетий II в. до н.э. и до подавления Траянском восстания в 115–117 гг. После этих событий и после введения Адрианом смертной казни за вовлечение в иудаизм для прозелитического пафоса и надежд на обращение язычников места не оставалось. Написана ИА для высших слоев городской диаспоры и выражала ее самосознание, для которого много значил приток новообращенных. Жанр – роман в широком смысле, который трудно, однако, соотнести с каким-то определенным известным типом романа. Вторая часть, возможно, содержит позднейшие дополнения (например, 21:10–12), но все в целом было написано «одним духом» и, несмотря на отсутствие исходного текста и невозможность его надежно восстановить, «дух» этот сохранился.

Консенсус был подвергнут радикальному пересмотру Р.Ш. Кремер, которая датирует ИА концом IV–V в. н.э. Она подробно сравнивает ИА с еврейскими мистическими трактатами и полагает, что время создания ИА нужно приблизить ко времени создания литературы Меркавы и Хейхалот, к еврейской ангелологии (ритуалам заклинания ангелов)³⁶.

М. Шнейдер, который сравнивает ИА с еще более поздними средневековыми памятниками, находит в Книге Еноха, в «Сефер Хабахир» (Книга Блеска) и других

³² ИА 12:2. Доказательства исходной грекоязычности ИА см. также *Burchard Ch. Untersuchungen zu Joseph und Aseneth: Überlieferung-Ortsbestimmung*. Tübingen, 1965 (Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. 8). S. 95–96.

³³ ИА 23:6; 10.

³⁴ В книгах Библии, переведенных на греческий, всего несколько случаев пейоративного значения «тиранна»: Ис 25:4; 49:25 и Притч 28:15.

³⁵ В LXX «парресия» часто описывает взаимоотношения с Богом, а не властителем, и означает открытость перед ним; кроме того, «парресия» характеризует пророка и его дар говорить, ни на что не оглядываясь, потому что он опирается на Бога; см., например: Притч 1:20; 13:5; Пс 11:6 и Прем 5:1; Иов 22:26; 27:10.

³⁶ *Kraemer*. Op. cit. P. 89–190; о заклинаниях ангелов в ИА см. также *Rowland A. Man Clothed in Linen, Daniel, 10.6 ff. and Jewish Angelology // Journal for the Study of the New Testament*. 1985. Vol. 24. P. 99–110.

памятниках каббалистической мистики параллели поистине разительные³⁷. На первый взгляд может создаться впечатление, что Асенет живет в своих чертогах по рецептам каббалистической магии и теургии. Это, конечно, не так. М. Шнейдер видит в ИА свидетельство существования еще в эллинистический период тех элементов еврейской мистики, возникновение которых обычно датируется гораздо более поздним временем. Но как целое – это разные явления. Средневековые трактаты не восходят к ИА непосредственно, эзотерические традиции столетиями существуют потаенно, что соответствует их природе, и мы можем фиксировать их отражение в текстах, далеко отстоящих друг от друга как по времени, так и по другим параметрам. И до, и после ИА существует устная или письменная еврейская традиция, которая проступает сквозь греческий текст в сакральных «каламбурах». На датировку ИА параллели со средневековыми памятниками влияния оказать не могут, коль скоро мы признали, что греческий язык – это язык оригинала. Еврейский памятник эпохи Хейхалот не мог быть написан по-гречески, а христианский памятник в эту же эпоху – испытать влияние еврейской мистики.

При согласии с основными параметрами консенсуса о времени, месте и среде возникновения ИА хотелось бы уяснить несколько вопросов:

1) каким образом сочинение на библейскую тему и «апокалиптическое по содержанию» оказалось по жанру античным любовным романом, причем из самых ранних, когда «влиянию» греческого романа еще неоткуда взяться?

2) как определить жанр ИА в категориях не античной, а еврейской словесности?

3) что меняет в наших представлениях об античной литературе обнаружение такого раннего романа в еврейской словесности? Последнему вопросу будет посвящено продолжение этой статьи.

БАШНЯ АСЕНЕТ – ХРАМ ОНИИ: ГИПОТЕЗА Г. БОХАКА

К этим вопросам я перейду, уточнив предварительно датировку, которая и после многочисленных исследований в последней трети XX в. все еще «размазана» на два с половиной века. Если ИА относится к последним десятилетиям II в. до н.э., а это самая ранняя дата по Бурхарду, то ИА оказывается самым ранним любовным романом, написанным по-гречески. Папирусные материалы позволяют документально датировать самые ранние романы первой половиной I в. н.э. Появление «Нина и Семирамиды» и «Сесостриса», предположительно переводных или записанных по-гречески не греческих повествований, относят иногда из общих соображений к I в. до н.э. Петроний в середине I в. н.э. пародировал некие греческие романские образцы, что делает предположение об их существовании в конце I в. до н.э. по крайней мере не невероятным.

Однако Г. Бохак предложил более точную датировку, основываясь на внутренней связи ИА с событиями 60–40-х годов II в. до н.э., с периодом создания храма так называемой «Земле Онии»³⁸ и расцвета еврейского анклава в Египте под покровительством Птолемея Филометора³⁹. Бохак относит создание ИА к 150-м годам. Датировка остается в рамках консенсуса, но примыкает к самой ранней границе, что делает ИА заведомо самым первым любовным романом, написанным по-гречески.

³⁷ Шнейдер М. Сефер 'Йозеф ве-Аснат' ве-га мистика га-йегудит га-кдума («Книга Иосифа и Асенеф и ранняя еврейская мистика») // *Kabbalah. Journal for the Study of Jewish Mystical Texts*. 1998. 3. P. 303–344 (на иврите). Приношу благодарность А.И. Шмаиной-Великановой, переведшей для меня эту статью, а также ее автору за консультацию по материалам его работы.

³⁸ Bohak. Op. cit.

³⁹ *Jos. Flav. Ant.* 12. 387–388; 13. 62–73, 283–287 и *Bell.* 1. 31–33; 7. 420–436.

Я приведу здесь основные аргументы Г. Бохака, дополнив их рядом собственных соображений.

Город Он и Земля Онии

Ония IV, сын первосвященника Онии Праведного, бежал в Александрию в конце 160-х годов⁴⁰. Пойдя на такое сомнительное дело, как учреждение культа вне храмовой горы в Иерусалиме, он опирался на пророчество, как опирались на пророчество и бежавшие, «взыскупя правды и суда», в пустыню⁴¹ будущие кумраниты. Иосиф Флавий дважды говорит о том, что Ония IV ссылался на пророчество Исаяи 19:18–25⁴²: «В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом; один назовется городом солнца. В тот день жертвенник Господу будет посреди земли Египетской, и памятник⁴³ Господу – у пределов ее. И будет она знамением и свидетельством о Господе Саваофе в земле Египетской; потому что они воззовут ко Господу по причине притеснителей, и Он пошлет им спасителя и заступника, и избавит их. И Господь явит Себя в Египте; и Египтяне в тот день познают Господа, и принесут жертвы и дары, и дадут обеты Господу, и исполнят». Итак, ожидается, что согласно пророчеству, египтяне (возможно, не только эллины, но и копты) обратятся в иудейскую веру, и жители Египта получают помощь против притеснителя. Поскольку у Исаяи притеснитель – Ассирия, то ее место в современности занимает Сирия, Селевкиды. В Библии Гелиополь называется по-египетски Он⁴⁴. Это передача египетского названия города IWNW, что значит «Город столпа». Город был посвящен египетскому богу солнца и древнейшее его святилище представляло собой столп или обелиск с лестницей и окном, для наблюдения за солнцем – местопребывание камня бенбен (столпа)⁴⁵. Созвучие имени города в пророчестве и имени Онии должно было звучать провиденциально⁴⁶, а существование реальных обелисков у Гелиополя подтверждало пророчество Исаяи.

⁴⁰ Резюме полемики по поводу истинности тех или иных сведений Иосифа Флавия о бегстве Онии IV (а не сына Симона Онии III) и о создании храма см. в комментарии М. Штерна в кн.: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме / Русское издание под ред. Н.В. Брагинской. Т. 1. От Геродота до Плутарха. Москва–Иерусалим, 1997. С. 406–407, а также *Stern M. Death of the High Priest Onias III // Zion. 1958–1959. XXIII–XXIV. P. 115–123. 1960. XXV. P. 1 ff.*

⁴¹ 1 Макк 2:29–30. Слова Исаяи 32:16: «Тогда суд водворится в этой пустыне, и правосудие будет пребывать на плодоносном поле» часто повторяются в Уставе кумранской общины.

⁴² *Jos. Flav. Bell. 7. 432; Ant. 13. 64.*

⁴³ В еврейском оригинале – «мацева», в переводе LXX – «стела».

⁴⁴ Быт 41:45, 50; 46:20; Исх 1:11; Иез 30:17; Иер. 43:13 = 53:13 LXX и др.

⁴⁵ *Frankfort H. Kingship and the Gods. Chicago, 1948 (1978²). P. 380.*

⁴⁶ Территория, где были еврейские поселения, носила название «Земли Онии» по имени ее основателя (*Jos. Flav. Bell. 1. 190; 7. 421; Ant. 14. 132*). Но впоследствии и египетское название города Он стали воспринимать как происходящее от имени первосвященника. Клавдий Птолемей (*Geog. 4. 5. 53*) полагал, что Гелиополь «переименован» в город Онии; Евсевий и Иероним сообщают, что «город Онии» (не Он, потому что используются родительные падежи имени Онии) был назван в честь священника эмигранта Онии (*Euseb. Chron. 2. 126 (Schoene); Hieron. Comm. In Dan. III. XI. 14*). Параллельно с этим, видимо, возникло представление об Оне как о городе, основанном евреями, и в LXX появилось упоминание его среди городов, построенных евреями для фараона во времена перед рождением Моисея (*Исх 1:11*), тогда как в еврейском оригинале Он-Гелиополь в этом месте не упоминается. Противореча своей «Хронике», Евсевий пишет: «Он: Гелиополь в Египте, который, согласно Семидесяти, построили сыны Израиля. Еврейская книга его не упоминает, и с полным основанием, потому что он был там до прихода Израиля, и там был жрец города, отец Асеннек» (*Euseb. Onom. 176. 3–6*). Существовала традиция, объявлявшая Моисея гелиопольским жрецом (*Jos. Flav. Contra Ap. I. 250, ср. Redford D.B. Pharaonic King Lists, Annals, and Daybooks. Toronto, 1986. P. 284–288*).

Если об этом пророчестве в связи с храмом Онии вспоминают не часто, то виной тому распространенная приписка его к Леонтополю⁴⁷, который упоминается только в подложном письме Онии Птолемию. Больше Леонтополь в связи с храмом Онии нигде не упоминается, даже Иосифом Флавием, который письмо это цитирует⁴⁸. Сам Иосиф помещает храм Онии в 180 стадиях от Мемфиса⁴⁹, что соответствует расстоянию именно до Гелиополя⁵⁰. Еврейское поселение располагалось, видимо, очень близко от Гелиополя, который находился на холме⁵¹.

Апокалипсис в центре ИА и превращение Асенет в Град Убежища для всех язычников служит обоснованию *ex post facto* тому, что беженцы из Палестины нашли приют в Египте возле Гелиополя. Они пришли на свою землю. Здесь, по ИА, была «земля наследия» семьи Пентефрея⁵², полученная Иосифом за Асенет. «Землей наследия» называется в Библии родовая собственность, а земля, дарованная евреям, именовалась «земля наследия» Бога (например: Исх 15:17; Иер 2:7). «Земля Онии» представляется поселением на земле наследия Асенет.

В контексте пророчества получает объяснение прозелитический пафос ИА. Ведь пророчество Исая в этом месте отличает необычный универсализм: оно предполагает обращение в иудаизм Египта и объединение Ассирии, Египта и Израиля. Таким же и даже большим универсализмом отмечен апокалипсис ИА. Сама Асенет – образ преображенного, обратившегося, объединенного и спасенного человечества.

Сивилла о храме Онии

При всей скудости свидетельств о жизни в Земле Онии, особенно жизни духовной, есть памятник, который Г. Бохак не использовал для того, чтобы связать ИА с землей Онии.

В Пятой Сивиллиной Песни рассказывается о храме Онии и его гибели («Наземь повергнут и храм великий в Египетском царстве», 507). Облаченный в длинные льняные одежды первосвященник в Египте проповедует язычникам отречение от идолатрии и призывает их построить храм Богу⁵³. Судя по этим стихам, память о привлечении к иудейскому культу местного населения, вероят-

⁴⁷ Часто упускается из виду, что, по Иосифу Флавию, это не знаменитый Леонтополь, а какой-то другой, находившийся в Гелиопольском номе.

⁴⁸ *Jos. Flav. Ant.* 13. 64–68.

⁴⁹ *Jos. Flav. Bell.* 7. 427.

⁵⁰ *Itinerarium Antonini*, 163 (ed. Miller, LIX).

⁵¹ *Strabo*. XVII. 1. 27, p. 805.

⁵² ИА 3:5; 4:2; 16:4; 24:15; 26:1.

⁵³ Стихи 492–503:

«Люди, построим святыню в честь истинно сущего Бога!
Люди, ужасный обычай, от предков идущий изменим -
Тот, по которому деды богам из глины и камня
Шествия, жертвы, обряды творя, потеряли рассудок.
Несокрушимого Бога восславив, душой обратимся,
Люди, к Нему Самому – Создателю, сущему вечно,
Кто всеми правит, Царю, справедливому мира Владыке,
Душ кормильцу, Отче великому, вечно живому!»
Так возведен будет храм в Египте, великий, священный;
Жертвы к нему понесет народ, наставленный Богом, –
Те, кому вечную жизнь Господь на земле уготовил.

(Пер. М. Витковской и В. Витковского в издании:
Книги Сивилл. М., 1996. С. 92).

но, египтян, сохранялась и после разрушения храма в 73 г.⁵⁴ Считается, что Пятая Песнь создана в Александрии в II в. н.э. Автор Песни – человек, для которого разрушение храма в Египте, который просуществовал около 240 лет, было крушением великих надежд. Евреи земли Онии не были зелотами, и римская администрация закрыла храм, «доверенный ей Богом» (511), на всякий случай⁵⁵. Римляне, «дерзкие Трибаллы», по терминологии Сивиллы, будут наказаны именно за это преступление, даже не за гибель Иерусалимского святилища: «Ибо сберечь не смогли, что Господь им доверил» (511). Гибель храма в Египте означает конец времен, всемирную катастрофу, строка, следующая за упоминанием его гибели, начинается описание знаменитых «звездных войн» – конца света (512–531). Но самые поразительные строки – это 503–504: «Жертвы к нему понесет народ, наставленный Богом, – Те, кому вечную жизнь Господь на земле уготовил». Буквально сказано: «Бог даст им жить нетленно». Надо отдать должное русскому переводчику, сохранившему рукописное чтение, вопреки авторитетным редакторам греческого текста. Ведь в издании Й. Геффкена⁵⁶ *нетленно* заменено на *нетленный* и отнесено к Богу, *жить* – на *поселиться* и отнесено к образованию еврейского анклава⁵⁷. Получилось: «Кому нетленный Бог даст обитать (или поселиться)». Мотивы для исправления текста прежде всего не те лингвистические, которые приводятся, но содержательные⁵⁸. Действительно, намерение жить, не умирая, нетленно, вечно в еврейском анклав в Гелиопольском номе кажется несколько нелепым и странным, если не знать о Граде Убежища, где, по ИА, все обратившиеся обретут вечную жизнь. Видимо, знал о нем и автор Пятой Песни.

⁵⁴ Священник назван «линостояльным», т.е. носящим длинную льняную одежду, которую первосвященник надевает в Йом Кипур. Однако за этим исключением одеяния первосвященников Иерусалимского храма были многоцветными и сложными. «Линостоялия» – ношение длинной белой льняной одежды – термин, который применяется к египетским жрецам (ср. *Plut. Is. et Os. 352C3*). Ония и его священники избирают облачение, похожее на облачение египетских жрецов, чтобы так стать ближе своим «прихожанам»? А свой храм устраивают в бывшем египетском святилище? Как известно, христианская церковь, вводя свои формы богослужения, часто опиралась на традиционные обряды. Возможно, такая практика была предвосхищена в общине храма Онии, с ее установкой не на самоизоляцию, а на привлечение прозелитов.

⁵⁵ Разрушение, о котором говорит Сивилла, произошло либо спустя какое-то время после описанного Иосифом Флавием закрытия храма, либо египетскому храму задним числом приписали судьбу Иерусалимского. Ср. *Jos. Flav. Bell. 7. 420–421* (распоряжение храм уничтожить) и 433–436 (храм ограблен, заперт, ворота закрыты, но он не разрушен).

⁵⁶ *Die Oracula Sibyllina* / Ed. J. Geffcken. Lpz, 1902.

⁵⁷ Издания до Геффкена следовали рукописному чтению, которое в обеих группах рукописей не имеет вариантов. Текст Геффкена учитывает эмендации У. фон Виламовица-Мёллендорфа и К. Буреша, сведения о которых мне предоставил В.Е. Витковский, за что приношу ему благодарность.

⁵⁸ Конечно, нельзя не признать, что наречие ἀφθίτος (*нетленно*), хотя образовано по правилу, раритет, в то время как сочетание прилагательного ἀφθίτος со словом θεός даже в Сивиллиных оракулах встречается неоднократно, в том числе в Пятой Песни еще дважды – стихи 298 и 358 – и в той же метрической позиции. Но исправляя все-таки не редкое наречие, а «нетленную жизнь» людей заменяли понятным «нетленным Богом». Ведь исправляется и βιώτεθειν на ἐμβιώτεθειν, хотя в Сивиллиных оракулах ἐμβιώτεθειν нет, а βιώτεθειν, напротив, есть (2. 56), причем в той же метрической позиции, что и здесь. Иными словами оба исправления убирают эсхатологические ожидания и заменяют их констатацией факта поселения евреев в Египте.

Храм и башня

Башня Асенет преломляется при такой интерпретации многократно. Она получает соответствие в стеле (мацеве) и жертвеннике в пророчестве Исаяи и, видимо, в храме Онии в реальности. Мы знаем, что Ония хотел выстроить подобие Иерусалимского храма⁵⁹. Но увидев результат, Иосиф не узнал в нем Иерусалимского храма: «меньше и бедней»⁶⁰. Он увидел почти башню (πύργος παρὰ πλῆσιον) из больших камней до 60 локтей высоты⁶¹. Размеры Иерусалимского храма в Книге Ездры (6:3) 60 × 60 локтей, и этот храм тоже иногда именуется башней. Но Иосиф сходства увидеть не мог, потому что Ония подражал Иерусалимскому храму Ездры, каким тот был до перестройки Иродом⁶², а Иосиф знал храм уже перестроенный⁶³.

В IV в. н.э. паломнице Эгерии показывали в Гелиополе дом Потифара и башню Асенет⁶⁴. Самые разные источники упоминают некую сакральную вертикаль возле Гелиополя. В городе Оне показывали местную святыню – камень Бенбен, древний храм-жертвенник бога солнца – и говорили, что на этом камне некогда впервые появилось солнце в виде птицы феникса бену⁶⁵. Не строя догадок о том, что это было в действительности (а на месте Гелиополя по сей день сохранился древнейший известный сейчас обелиск, обелиск Сенусерта I), укажем только на то, что столп Господа из Исаяи предсказывал еврейским переселенцам их башнеобразный храм, и на то, что составитель ИА тщательно описывает башню, в которой живет героиня, превращенную из святилища египетских богов в место молитвы Богу и встречи с его посланником.

Ония, как сообщает фиктивное письмо, подыскал для храма заброшенное святилище египетской богини Бубастис вместе с рощей или лесом и священными животными египтян⁶⁶. Едва ли это выдумка, потому что на строительство храма ушли бы годы, а храм возникает почти мгновенно. Ония приспособливает и освящает в качестве иудейского храма египетскую постройку. Это действие тоже требовало самого серьезного оправдания. И тогда сцена разбивания и выбрасывания египетских богов из башни Асенет и посещения ее жилища посланником Бога или даже самим Богом получает явные признаки апологии. Асенет обладает чертами египетской богини Нейт (Асенет = Принадлежащая Нейт), и сама – ее жреческая ипостась. Египетские мотивы оказываются тогда результатом не неопределенного «влияния» египетских образов, а целенаправленного изображения превращения башни Асенет, т.е. египетского храма Нейт – в храм иудейского Бога, а жрицы Нейт – в его почитательницу. Опорой для сжигания столпов и языческих храмов в Городе Солнца, могло служить другое пророчество о том же городе, но названном более обычным словом для обозначения солнца, пророчество о Бет-Шемеше, Доме Солнца: «Он сокрушит столпы (мацевы) в Доме Солнца (Бет-Шемеше), что в земле Египетской, и дома богов Египет-

⁵⁹ *Jos. Flav. Bell.* 1. 33; ср. *Euseb. Chron.* 2. 126; *Hieron. Comm. in Dan.* III. XI. 14.

⁶⁰ *Jos. Flav. Ant.* 13. 72.

⁶¹ *Jos. Flav. Bell.* 7. 427.

⁶² См. *Bohak.* Op. cit. P. 29.

⁶³ 1 Enoch 89:50; 73, ср. Сут 49:12: по Александрийскому кодексу, Богу выстроен не высокий «дом» (οἶκος), а высокая «башня», или «крепость» (πύργος).

⁶⁴ *Wilkinson J. Egeria's Travels.* L., 1971. P. 204.

⁶⁵ *Мамье М.Э.* Древнеегипетские мифы. М.-Л., 1956. С. 18.

⁶⁶ *Jos. Flav. Ant.* 13. 66–67.

ских сожжет огнем»⁶⁷. LXX модифицирует это так: «Он уничтожит столпы в городе солнца, в Оне, и дома их сожжет огнем» (Иер 43:13 = 50:13 LXX).

Апология схизматиков

Вопрос о том, когда Ония IV прибыл в Египет, сложен, источники противоречивы⁶⁸. Но даже если это произошло максимально рано, в 169 г., сразу после убийства Онии III, в 166 г., сразу после осквернения Иерусалимского храма, в 162 г., сразу после назначения Алкима первосвященником, в любом случае альтернатива бегству была, и это было восстание. С точки зрения воевавших с царем, бегство в Египет – «дезертирство». Иосиф не забывает «укусить» Онию, сказав, что тот, создавая храм, руководствовался своими амбициями⁶⁹. В «Иудейской войне» Иосиф и вовсе осуждает это предприятие как порожденное духом соперничества с иерусалимскими евреями, ненавидевшими Онию за бегство в Александрию⁷⁰. Когда в Палестине был патриотический подъем и складывалась держава Хасмонеев, члены еврейской общины, группировавшиеся вокруг храма Онии, должны были иметь весомые оправдания своего выбора, особенно после того, как почти одновременно со смертью Антиоха Иерусалимский храм и жертвенник были очищены и заново освящены. Семь лет после смерти Алкима должность первосвященника оставалась вакантной. Маккавеи долго не решались занять ее. Храм Онии выступал соперником для Хасмонеев, потому что в нем находился законный первосвященник, тогда как Хасмонеи не имели на эту должность столь же бесспорных прав. Перед автором ИА стояла задача оправдать создание нового храма в Египте возле Гелиополя.

Полемика вокруг храма Онии и исправление пророчества

Следы полемики вокруг египетского храма отразились в версиях самого пророчества Исаяи – рукописных и переводных. Проблему составляет имя одного города в Ис 19:18: «В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом; один назовется...». Имя города имеет в рукописной, переводной и комментаторской традициях много вариантов. Как известно, вторжения в текст Исаяи происходили даже в III–I вв. до н.э.⁷¹ Я не буду говорить здесь собственно о тексте Исаяи, о том, какие стихи относятся к первоначальному тексту, а какие могли быть добавлены столетия спустя. Многие комментаторы относят весь фрагмент 19:16–25 как прозаический, а не стихотворный, к позднейшим вставкам. Г. Вилдбергер считает вставкой во вставку упоминание особого города⁷². Но даже если 19:18–22 принадлежит древнейшему тексту пророка, в настоящей работе не очень важно, что имел в виду сам Исаяя: еврейскую диаспору в Египте или обращение египтян к единобожию, реальный город, и какой именно, или символический, мессиан-

⁶⁷ Синодальный перевод: «... и сокрушит статуи в Бефсамисе, что в земле Египетской, и капища богов Египетских сожжет огнем».

⁶⁸ См. *Bohak*. Op. cit. P. 20–21.

⁶⁹ *Jos. Flav. Ant.* 13. 63: «Желая снискать себе славу и вечную память».

⁷⁰ *Jos. Flav. Bell.* 7. 431–434. Хотя, повторяя ошибку Иосифа в «Иудейской войне», авторы Иерусалимского Талмуда считали основателем храма Онию Праведного, они все-таки считали само существование храма чем-то невозможным вне правил: *Yoma IV*, 3:41 с.

⁷¹ См. *Ulrich E. The Developmental Composition of the Book of Isaiah: Light from 1QIsa^a on Additions in the MT // Dead Sea Discoveries. 2001. Vol. 8. 3. P. 288–305; Seeligmann I.L. The Septuagint Version of Isaiah. A Discussion of Its Problems. Leiden, 1948. P. 76–94.*

⁷² *Wildberger H. Isaiah. 13–27. A Continental Commentary. Minneapolis, 1997. P. 270.*

ский и т.д. Меня интересует понимание этого текста в эпоху LXX и последующую, поскольку я предполагаю, что в переименованиях имени города, сохранных рукописной традицией, отразилась эсхатология и апокалиптика Града Убежища, содержащаяся в ИА.

В LXX один из пяти городов в Египте, исповедующих Саваофа, назван $\alpha\sigma\epsilon\delta\epsilon\kappa$, что является транслитерацией еврейского слова $h\ddot{a}š\ddot{e}d\epsilon\dot{e}q$ – «праведность», вместе с артиклем и без передачи буквы $h\epsilon\dot{y}$ в артикле, которая могла восприниматься как греческое придыхание. Это название перекликается с тем, как выше у Исаяи именуется Иерусалим: Город Правды, или Правосудия, или Праведности (1:21, 26). Выделенность одного города в тексте пророчества тем самым понятна: это город, который должен стать египетским Иерусалимом, центром служения Богу. Эсхатологический характер такого города может как предполагать реальное поселение, так и не предполагать такового. Хотя LXX не переводит, а транслитерирует еврейское слово, тем самым указывая на еврейский оригинал, в еврейских рукописях такого чтения нет.

В Масоретском тексте и большинстве еврейских рукописей – $\text{'}\dot{y}r\ h\ddot{a}h\epsilon r\epsilon\acute{s}$, «Город Разрушения» или «Разрушенный». То же в Пешитте и Алеппском кодексе. Как в LXX было записано греческими буквами еврейское слово $h\ddot{a}š\ddot{e}d\epsilon\dot{e}q$ – «праведность», так у Аквилы и Теодотиона было записано греческими буквами $\alpha\rho\epsilon\varsigma$, т.е. $heres/h\ddot{a}h\epsilon r\epsilon\acute{s}$ – «разрушение», а у Иеронима – ars или $ares$ ⁷³, у Евсевия же, который уточняет, что $\text{'}\dot{A}\rho\epsilon\acute{o}\lambda\omicron\lambda\varsigma$ – это чтение еврейского текста, присутствует его греческое осмысление: город Ареса, войны, разрушения с отрицательными коннотациями омонимичного реального топонима⁷⁴.

Но в древнейшем полном кумранском свитке Исаяи (1QIsa^a, а также 4QIsa^b), датированном серединой II до н.э., в некоторых других еврейских рукописях, у Симмаха, в Вульгате, в Вавилонском Талмуде (Menaḥot 110a), у Саадии Гаона – $\text{'}\dot{y}r\ h\ddot{a}š\ddot{e}r\epsilon\acute{s}$ – Город Солнца. Выражение, которое почти не отличается на письме и в произношении от предыдущего, но по семантике скорее подобно Городу Праведности. В Синайском кодексе LXX (κ) сохранилось чтение $\alpha\sigma\epsilon\delta\ \eta\lambda\acute{\iota}\omicron\upsilon$ – сочетание или недовыбор *праведности* и *солнца*, того и другого из «позитивных» вариантов чтения. С другой стороны, Город Солнца можно понимать и просто как топоним, как отсылку к египетскому городу, где поклонялись богу солнца, т.е. к Ону-Гелиополю. Но в любом случае задача автора пророчества не просто раскрыть имя одного из пяти городов, а остальные скрыть, скорее имя «одного из городов» должно сказать нечто об исключительной его особенности. И даже если Город Солнца реальный, его имя символически нагружено: утопический остров Ямбула назывался островом Солнца, а в последней трети II в. до н.э. Аристоник в Пергаме, объявив о создании идеального государства, назвал его Гелиополем.

Разрушение едва ли может быть исходным значением, появление этого слова в тексте Исаяи давно связали с полемикой против египетского храма Онии, ко-

⁷³ *Hieron. Comm. in Isaiam. VII. 19. 1, 21*: «Пять городов, которые говорят в Египте языком хананейским, из которых один в LXX называется $\alpha\sigma\epsilon\delta\epsilon\kappa$. У других переводчиков – город ars или $ares$, или город солнца».

⁷⁴ Так называлась по-гречески столица моавитян Раббат Моав, которая упоминается у Евсевия многократно во многих его сочинениях. В комментарии на Исаяю Евсевий приводит несколько версий названия города, включая 1) $\alpha\sigma\epsilon\delta\epsilon\kappa$, что означает *праведность*, 2) солнце, со ссылкой на Симмаха, причем *солнце* символизирует праведность и 3) «точное слово по-еврейски»: $\text{'}\dot{A}\rho\epsilon\acute{o}\lambda\omicron\lambda\varsigma$ (*Euseb. Comm. In Is. I. 76. 338*).

торый использовал пророчество Исайи для легитимации своего раскольниковства⁷⁵. Историю изменений текста исследователи видят по-разному.

Можно, например, попробовать расположить имеющиеся варианты текста как следы полемики, как обмен репликами в споре, каждая из которых оставляет свою редакцию текста пророка. Примем за исходный, согласно древнейшему кумранскому свитку, Город Солнца (географически неопределенный). Город осмысляется как Он, или Гелиополь, и Ония создает храм в Гелиополе, опираясь при этом еще и на созвучие топонима Он и собственного имени. Затем недоброжелатели Онии вмешиваются в текст пророчества и, путем минимальной замены буквы *хет* на букву *хей* меняют *солнце* в тексте Исайи на *разрушение* и *руину*. *Руина* как образ ада встречается еще в угаритском эпосе⁷⁶, и за подобным переименованием стоит универсальная мифологема двух спорящих городов/миров – Доброграда и Злограда, Града Преисподней и Града Небесного.

Как воспринимают это сторонники храма Онии и истинности пророчества? Они обращаются к другому пророчеству о Городе Солнца, к Иеремии, у которого в Доме Солнца, названному по-еврейски иначе, Бет-Шемеш, уничтожаются языческие идолы⁷⁷, и сочиняют «этиологический» мидраш об Асенет: святилище языческих богов в городе Солнца Гелиополе было разрушено, это произошло, когда Асенет разбила своих богов, а Ония египетское святилище переделал в храм своего Бога. Мы знаем, что для Иеронима имя Асенет еврейское и значит оно *ruina*⁷⁸. Имя не еврейское, Иероним мог узнать это осмысление от своих учителей еврейского только вместе с историей, в которой разворачивалась предложенная В. Аптовичером игра в превращение Асенет-Руины в Хасенет-Крепость. Да, «разрушение», но в контексте обращения Египта к Богу, в контексте чаемого спасения всех обратившихся язычников, это «разрушение» получает смысл покаяния. И как Асенет трансформируется в Град Убежища, так и в тексте пророка исправляют *руину* на *праведность*, на город Садока, Праведного, из рода которого Ония IV⁷⁹. Резюмирую: сначала Город Солнца из пророчества Исайи, который Ония понял как Он-Гелиополь, недоброжелатели переименовали, внося минимальные изменения, в Город Руину. Ониады «согласились» с таким переименованием, только отнесли разрушение к языческим идолам и святилищам, в чем им помогало пророчество о Бет-Шемеш, Городе Солнца, Гелиополе, которому предсказано разрушение идолов. После этого город становится Городом Праведности (или Солнца Правды, как в Синайском кодексе LXX?). Первая фаза истории Асенет в сущности записана в Таргуме на

⁷⁵ Ср. понимание разночтений в Ис 19:18–20 как результата полемики вокруг храма Онии: *Schmitt J.J.* Sun, City of the. *The Anchor Bible Dictionary* / Ed. D.N. Freedman. Vol. 6. N.Y., 1992. P. 239; *Gray G.B.* Critical and Exegetical Commentary on the Book of Isaiah. Vol. 1. Edinburgh, 1980². P. 336; *Kaiser O.* Isaiah 13–39. A Commentary. Trowbridge, 1987. P. 106–108; *Wildberger.* Op. cit. P. 272–274; *Blenkinsopp J.* Isaiah 1–39. A New Translation with Introduction and Commentary. New York–London–Toronto–Sydney–Auckland, 2000. P. 319–320.

⁷⁶ См. О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования / Пер. с угаритского, введ., коммент. И.Ш. Шифмана. М., 1999. С. 145. Стб. II. Сткк. 15–16. Комментарий. С. 180.

⁷⁷ Иер 43:13 = 50:13 LXX.

⁷⁸ См. выше прим. 28.

⁷⁹ Связь Праведности и Онии III достаточно «эксклюзивна», потому что после библейских праведников «титул» праведника был дан только его отцу Симону и ему самому, см. *Бикерман Э.Дж.* Евреи в эпоху эллинизма. Москва–Иерусалим, 2000. С. 170.

Исайю, где в нашем месте привлечено пророчество Иеремии и сказано так: «Город Дома Солнца, который будет разрушен»⁸⁰.

Так завершается круг переименований, параллельно которому в ИА Асенет-Руина разрушает Дом языческих богов в Городе Солнца и становится сама (Х)асенет-Крепостью и прибежищем праведных⁸¹. Преобладание *праведности* в LXX, распространенной в грекоязычной диаспоре Египта, и преобладание *разрушения* в еврейских рукописях дает основания предпочитать такой ход контрверзы, следы которой осели в рукописной традиции.

Рассмотрим и другую возможность, предложенную оксфордским комментатором Исайи до кумранских находок. Д.И. Грей считает последовательность редакторских замен такой: Город Праведности, Город Разрушения, Город Солнца⁸². Я признаю такую возможность, правда, на несколько иных основаниях, чем Грей. Город Праведности действительно осмысленное название для города, выделенного пророком среди прочих почитающих Бога городов Египта. Столетия спустя противники египетского храма, зная об опоре Онии на Исайю, считающего Город Праведности напоминающим об Онии Праведном, заменили Праведность на Разрушение. И тогда сторонники Онии остроумно «исправили» всего одну букву – haḥereš на haḥereš и, использовав очень редкое слово для солнца, получили топоним Гелиополь, Город Солнца, где и находился храм. Серьезной преградой для этой интерпретации служит то, что Город Солнца присутствует в древнем кумранском свитке Исайи: кумраниты на роль поборников храма Онии годятся в последнюю очередь.

Старые комментаторы вне всякой связи с ИА объясняли еврейское имя города, так, словно имели в виду историю Асенет. Гезений, опираясь на арабский, понимал выражение как Город Освобождения, Маурер, основываясь на некоторых второстепенных рукописях, как Город Защиты, это же решение предлагали и с опорой на арабский корень ḥarasa – «защищать», «укреплять»⁸³. Конечно, эти «старые» комментарии требуют дополнительной проверки, но и отбрасывать их не стоит, особенно свидетельства рукописные. Возможно, они отражают участие в полемике не только жителей Земли Онии, но и читателей или автора/авторов нашей повести в первые века нашей эры.

⁸⁰ The Targum of Isaiah / Ed. J.F. Stenning. Oxf., 1953; Gray. Op. cit. P. 335. В Вавилонском Талмуде исходным считается чтение Город Солнца, которое трактуется, однако, как Город Разрушения, иными словами разночтения осознаны и проинтерпретированы (Meḥoṭ 110 a).

⁸¹ Внебиблейская традиция предлагает и иные варианты имени Асенет: Асенек и Асенек. Нет ли здесь попытки связать имя героини со странным городом Аседек, который стал восприниматься как имя собственное женского рода? См. Euseb. Onom. P. 176, 3–6; ср. Arnobius Iunior. Liber ad Gregoriam in Palatio constitutam. Cap. 2, 36; 23, 12 (Asenec); Petrus Diaconus. Liber de locis sanctis. Cap. Y, l. 1617 (asenec); см. выше прим. 46.

⁸² Существует еще ряд конъектур, которые привязывают загадочный город то к арабскому прозвищу льва, чтобы тем самым обозначить Леонтополь (Gray. Op. cit. P. 336–337; Wildberger. Op. cit. S. 262; Jesaja I übersetzt und erklärt von Procksch O. Lpz, 1930. S. 251), то к египетскому выражению, которое отсылает к городу на юге, т.е. к Элефантине (Procksch. Op. cit. S. 251). Из омонимов в еврейском языке исходит древняя трактовка ḥeres как *черепок*, *битая посуда*, а не как *солнце*. В таком значении ḥeres встречается несравненно чаще, чем в значении «солнце», а в городе-обломке можно видеть тот же образ разрушения. Иероним знал о такой омонимии и приводил оба толкования топонима: от *солнца* – Гелиополь, от *черепка* – Остракина (*остракон* по-гречески черепок) – город на краю пустыни (Hieron. Onom. 9 Klostermann, см. Wildberger. Op. cit. S. 262).

⁸³ Procksch. Op. cit. S. 250.

Трудно себе представить, что персонаж, «прообразующий» Птолемея Филометора, пока царь был жив и правил, умирал бы в повести, оставляя правление своему еврейскому «протезе». Думаю что, если не все сочинение, то по крайней мере вторая его часть, в которой фараон умирает, написана после смерти Птолемея VI в 145 г. как продолжение первой, такой законченной, части и, возможно, связана с событиями более отдаленными (между 107 и 101 годами, вероятно, в 103 г.). Положение евреев как при Птолемеях Филометоре, так и при его преемниках было исключительно благоприятным, напоминаям об Иосифе Прекрасном при дворе фараона. Еврей Аристокл был придворным философом, Ония и Досифей играли ведущую роль при дворе⁸⁴. Спасение семьи Иакова от голода в земле Гесем с согласия фараона напоминало о предоставлении убежища от гонений Антиоха. После смерти Птолемея Филометора евреи из Земли Онии были опорой царицы Клеопатры II в ее конфликте с александрийцами и с Птолемеем Фисконом и помогли покончить дело миром⁸⁵. А в следующем поколении сыновья Онии – Анания и Хелкия – и их сограждане из земли Онии одни сохраняли верность александрийской царице Клеопатре III в войне с ее сыном Птолемеем Лафуром⁸⁶.

После того, как Лафур нанес поражение в битве Александру Яннаю и покорил Газу, Клеопатра III послала в поход против него войска под командованием Хелкии и Анании. Хелкия пал в сражении⁸⁷. Анания же защищал перед Клеопатрой независимость евреев и служил посредником в создании союза между египетской царицей и еврейским царем⁸⁸. В поведении Анании, когда он не позволил Клеопатре воспользоваться ситуацией и коварно захватить Иерусалим, важен отказ от реванша. Опираясь на Египет, внук Онии Праведного мог бы вернуть себе положение первосвященника в Иерусалимском храме, тем более, что Александр Яннай популярен не был. Но для него оказалось важнее, как это описывает Иосиф Флавий, спасение и враждебных иерусалимских «братьев», и даже Александра Янная⁸⁹. Это походит на поведение Иосифа и Левия, как оно предстает во второй части ИА. Боящиеся Бога, они прощают своих врагов как братьев, как детей своего отца. Иосифу повести отвечает Ония IV, ведь оба спасают соплеменников в Египте и занимают очень высокое положение

⁸⁴ *Jos. Flav. Contra Ap. 2. 49*: «Птолемей Филометор и его жена Клеопатра доверили иудеям все свое царство, и два еврея, Ония и Досифей, были стратегами всех их военных сил». Возражения против отождествления этого Онии с первосвященником см. *Gruent E.S. Heritage and Hellenism. The Reinvention of Jewish Tradition. Berkeley–Los Angeles–London, 1998. P. 24. Not. 26*. Но имя «Ония» редкое, и вероятность существования соименника в том же месте и времени очень мала.

⁸⁵ *Jos. Flav. Contra Ap. 2. 51–52*.

⁸⁶ *Jos. Flav. Ant. 13. 284–287*: «В это же время дела у иудеев шли хорошо не только в Иерусалиме и по всей стране, но и у тех, кто жил в Александрии, Египте и на Кипре. Ведь царица Клеопатра боролась со своим сыном Птолемеем, прозванным Лафуром. Она назначила военачальниками Хелкию и Ананию, сыновей того самого Онии, который в Гелиопольском номе воздвиг храм <...> Поручив им войско, Клеопатра ничего не предпринимала без их ведома, как нам о том свидетельствует и Страбон Каппадокийский: “Большинство <воинов>, как вернувшихся <из изгнания>, так и посланных позже Клеопатрой на Кипр, сразу же перешли на сторону Птолемея – только иудеи, происходившие из земли Онии, сохранили верность царице, потому что их сограждане Хелкия и Анания пользовались ее величайшим благоволением”».

⁸⁷ *Jos. Flav. Ant. 13. 351*.

⁸⁸ *Jos. Flav. 13. 355*.

⁸⁹ *Jos. Flav. 13. 353–364*.

при дворе, и похоже, что исторические Хелкия и Анания должны угадываться в Левии и Симоне повести⁹⁰.

Просвечивание прошлого в будущем и *vice versa* для древних культур вещь достаточно распространенная. Сознание, ориентированное на пророчества, легко совершает подобные подстановки. Поэтому мне кажется остроумной догадка Г. Бохака, который предположил, что за таинственным, никем не объясненным моавитским царем с еврейским именем Иоаким в ИА тоже стоит некая фигура из середины II в. до н.э. Действительно, нееврейские и небиблейские персонажи никаких имен в ИА не имеют: служанки, гонцы, сын фараона и т.д. Только царь враждебного народа получает имя, хотя и упоминается-то между делом: фараон предлагает своему сыну жениться на дочери моавитского царя Иоакима⁹¹. Имя это близко Иакиму или Алкиму, который в 162 г. стал первосвященником в Иерусалиме вместо законного Онии IV. Как полагает Г. Бохак, Иоаким введен в ИА ради удовольствия дать моавитянину, врагу еврейского народа, имя заклятого врага беглецов, узурпатора должности, принадлежавшей по праву Онии IV⁹².

* * *

Отказавшись от привязок повести к событиям, апологии которых она могла послужить, мы не найдем более ситуации, в которую история Асенет вписывалась бы с такой точностью, как половинки символа.

Серьезных возражений доводам Г. Бохака мне не встречалось, в основном исследователи полагают, что можно обойтись и меньшей определенностью. Одно возражение такое: вторая половина II в. «рановато» для того, чтобы языком Септуагинты стали писать оригинальные сочинения⁹³. Трудно сказать, сколько для этого нужно времени. Мне, например, представляется, что для этого нужно только, чтобы одно поколение выросло, читая Тору по-гречески. Другое возражение: сочинение полно библейских аллюзий, а потому не может служить целям пропаганды веры в Бога среди язычников⁹⁴. Это соображение не кажется мне очень веским. Начитанный в Библии автор, подобно Филону, мыслит ее образами, что бы он ни писал, и иначе не может, а новообращенный внимает в надежде понять со временем. Мне представляется, что ни одна другая гипотеза не предлагает единого решения для стольких проблем, не объясняет стольких фактов. Однако увлеченный своим открытием Г. Бохак попытался подставить реальные события под образы символической мистерии Всевышнего, в которую посвящается Асенет, и этим вызвал несколько скептическое отношение к своим доводам. Прежде всего потому, что смысл ИА не сводится к исторической подоплеке, о которой более двух тысяч лет не подозревали читатели повести. Г. Бохак стремится разом и найти датировку ИА, и разгадать смысл самой загадочной сцены с пчелами. В ней он и усматривает ключ не к собственному смыслу романа, а к аллюзиям на исторические события. Цвета пчел в ИА в своей совокупности встречаются в Библии только при описании облачений священников. Если пчелы – это священники, то когда из чудесного сота вылетает рой и стро-

⁹⁰ Ср. *Inowlocki S.* La figure politique de Joseph dans deux écrits du judaïsme hellénisé // Actes du colloque dédié au De Josepho de Philon d'Alexandrie (Clermont-Ferrand 20–22 décembre 2000). Bruxelles, 2002.

⁹¹ ИА 3:7.

⁹² *Bohak.* Op. cit. P. 86.

⁹³ *Humphrey E.M.* On Bees and Best Guesses: The Problem of «Sitz im Leben» from Internal Evidence as Illustrated by Joseph and Aseneth in *Currents // Research: Biblical Studies*. 1999. Vol. 7. P. 231.

⁹⁴ *Chesnutt R.D.* From Text to Context: The Social Matrix of Joseph and Aseneth // *Society of Biblical Literature 1996 Seminar Papers*. Atlanta, 1996. P. 300.

ит себе особый дом-сот на устах Асенет, Г. Бохак видит здесь образ последователей Онии, покинувших храм в Иерусалиме и выстроивших храм в Египте. А те пчелы, что хотели ужалить Асенет, это враги египтской колонии и ее главы. Сгорание и исчезновение большого сота Г. Бохак считает пророчеством о судьбе Иерусалимского храма и т.д. Семантика всех деталей, конечно, с трудом поддается однозначному толкованию. «Поведение» двух групп пчел, воскресение умерших пчел и поселение одних в раю, а других в саду Асенет – это и многое другое не вполне объяснимо, и отождествление пчел с иерусалимским и гелиопольским священством не делает сцену до конца понятной. Вместе с тем в описаниях путешествий на небо встречается такой мотив: ангелы вредят или препятствуют человеку, причем часть ангелов ему благоприятствует, а часть «вредит». Поскольку мириады пчел, живущих в саду-рае, образ ангелов в той же мере, что и священников, их «поведение» может объясняться и апокалиптическим мотивом, а не схизмой реального священства. Интерпретации не всегда выходят одинаково убедительными, потому что история храма Онии известна мало, и вместо установления соответствия символов исторической реальности сама эта реальность восстанавливается Г. Бохаком из символов, чтобы затем, в свою очередь, их объяснять.

Тем не менее я принимаю датировку Г. Бохака как самую правдоподобную. Создание ИА в период от I в. до н.э. – до начала II в. н.э. не невозможно, но тогда нужно встраивать повесть в иной исторический и литературный контекст.

В КАКОМ КОНТЕКСТЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ «ИОСИФ И АСЕНЕТ» ВО II В. ДО Н.Э.

Датируя ИА серединой II в. до н.э., мы не помещаем ее в пустыню. III–I вв. до н.э. – время, когда создавалась еврейская повествовательная литература, когда были написаны на арамейском или иврите и переведены на греческий повести, которые рассказывали о подлинных с точки зрения авторов и читателей событиях, но которые существенно отличаются от большинства библейских книг своей «занимательностью», новеллистичностью, детализацией, иногда счастливыми развязками, значительными женскими персонажами, наличием исторически малоизвестных или вовсе неизвестных персонажей, а также сильными искажениями исторических фактов в духе народной традиции. Это так называемые «странные книги» Библии, иногда дошедшие только в греческом переводе, иногда с греческими добавлениями, иногда написанные по-гречески сразу иудео-эллинистическими авторами: Эсфирь, Даниил, Иудифь, Товит, а также фрагменты Артапана, Сивиллины книги, Маккавейские книги, Завещание двенадцати патриархов, Библейские древности, некоторые связные повествования известные из «Иудейских древностей» Флавия и др. Многие из этих сочинения принято с некоторыми оговорками называть «романами» (историческими, придворными, семейными) и считать их появление в той или иной мере результатом эллинизации⁹⁵. Но прежде чем искать для ИА место в античной системе жанров попытаемся найти таковое в еврейской словесности.

«ИОСИФ И АСЕНЕТ» И ЖАНРЫ ЕВРЕЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Как уже было сказано, первая часть ИА представляет собою рассказ «по мотивам» нескольких строк Бытия. Они распространены так, что дается решение галахической проблемы. Вторая часть о том, как Асенет встретила Иаковом и о заговоре братьев Иосифа, скорее отталкивается от текста Бытия, неже-

⁹⁵ Бикерман. Ук. соч. С. 238–281; Wills L. The Jewish Novel in the Ancient World. Ithaca-London, 1995.

ли распространяет его эпизоды. В Бытии⁹⁶ Иосиф приводит к отцу для благословения своих детей от Асенет, в ИА – саму Асенет. В Бытии после смерти Иакова братья Иосифа подумали, что Иосиф захочет отомстить им и просили, взывая к завещанию Иакова, простить зло, которое они причинили ему в прошлом. Иосиф простил: он боится Бога, поэтому братьям нечего бояться⁹⁷. В ИА сын фараона настраивает братьев против Иосифа, ссылаясь на его планы после смерти Иакова отомстить им за причиненное ему зло. Повесть комментирует эпизод с прощением братьев, добавляя к библейскому повествованию цельный сюжет, в котором библейская проповедь прощения зла и кротости богобоязненного мужа получает еще большую выпуклость. Повесть «апологетически» трактует библейские события: предлагает освященный жизнью патриарха прецедент для брака с обратившейся в истинную веру иноплеменницей и превозносит прощение зла, которое важно и в библейской истории Иосифа.

Мы видим таким образом, что библейский текст получает различный комментарий и интерпретацию не в виде логического рассуждения, а в форме «иносказания» какого-то события (положения, фразы или слова) священного текста, который и сам представляет собою повествование. Текст мыслится священным, но домыслы людей никак ему не вредили. Даже переводы библейских книг на арамейский, так называемые «таргумы», не были переводами в современном смысле слова. Они часто напоминали вольные пересказы с добавлением не только пояснений и уточнений, но и многих «ниоткуда» взявшихся деталей, микросюжетов и диалогов. Современный человек отнесет эти добавления на счет фантазии автора переложения. Но статус подобного, несомненно вымышленного, развертывания, пожалуй, иной. Вымысел возможен в библейской и послебиблейской религии как раз потому, что смысл Священного Писания мыслится разом и недоступным, и неисчерпаемым, и позволяющим черпать бесконечно. Вымыслом в новоевропейском смысле слова он себя не считает. Истории, разворачивающиеся в нарратив какое-либо упоминание в Танахе, есть и среди древних книг Библии, каковы, скажем, Книга Руфи или Книга Ионы⁹⁸. Они представляют собою «побочный» результат изучения Библии и ее комментирования. Лицо, бегло упомянутое в Библии, становится героем в книге, которая посвящена связанной с ним проблеме. Таков и Даниил. Конечно, письменные результаты изучения Библии известны в основном уже для эпохи раввинистического иудаизма. Раввинистическая литература предлагает сложную систему разнообразных по жанру и направленности комментариев. Среди них и ряд жанров, которые имели характер не рассуждения «о» данном тексте, а параболы, параллельного рассказа, соотношенного с библейским. Это мидраш, а когда экзегеза принимает вид связного и самостоятельного рассказа, то такая форма толкования носит в раввинистической традиции название мидрашистской аггады. Аггадические повествования представляют собою не вымысел, а мудрость, машал – параболу или притчу. Вопрос о природе параболы в иудаизме – повест-

⁹⁶ Быт 48:8 слл.

⁹⁷ Быт 50:15–21.

⁹⁸ Это соображение подсказано А.И. Шмаиной-Великановой: содержание Книги Руфи исходит из того известного в традиции факта, что прабабку царя Давида звали Руфь и она была моавитянка. Не менее общеизвестно проклятие народу Моава, а следовательно, нарушение предками Давида представлений позднейшей галахи. История Руфи представляет собой «комментарий», в котором нет ни прямых заявлений, ни прямых опровержений, но сама история должна убедить читателя в устности буквы закона, согласно которой следовало отослать иноплеменных жен и их детей (ср. 1 Езд 10:10–12; Неем 13:23).

вание ли это или аллегория обсуждается уже давно⁹⁹. Один и тот же текст может выступать и в той, и в другой функции – с преобладанием его собственной сюжетности и как покров для скрытого смысла. Главное же свойство мидрашистской параболы не в преобладании того или другого, а во включенности в конкретную жизненную ситуацию. Библейский текст трактуется применительно к неким обстоятельствам и всегда может их объяснить. Но через сотни и тысячи лет редко бывает понятен этот жизненный, актуальный смысл нарративной экзегезы Библии. В случае ИА он понятен – это апология альтернативного храма. Назвать ИА мидрашом затруднительно из-за его языка, времени создания и некоторых художественных качеств, но по своему устройству это аггадический мидраш на галахическую проблему, включающий апологию, апокалиптику и пророчество.

Как и полагается мидрашу, ИА является толкованием не одного места Библии, а сразу многих. Мы назвали несколько стихов Бытия, пророчество Исаяи и Иеремии. А.И. Шмайна-Великанова предложила учесть Исход 12:38 («множество разноплеменных людей вышли с ними») и Иисуса Навина 5:13 («я архистратиг воинства Господня»). Первый стих помогает обосновать пафос прозелитизма в повести, второй – обосновывает появление в ИА «Человека с небес».

Итак, ИА – это нарратив, который имеет двойную направленность: не только на библейский текст, но и на жизненную ситуацию, понятную аудитории.

Библия толкуется здесь прообразовательно, но объектом прообразования является не текст, а события. Так и для христиан первоначально было важно, что Ветхий Завет содержал прообразования событий жизни Иисуса, а уже потом – текста Нового Завета.

По формальным характеристикам это аггадический мидраш, но мидраш содержит высокотипизированные образы и положения, его повествование тяготеет к параболе, притче, басне – к общему случаю. ИА и мидраш не вполне, это художественное, хочется сказать, повествование, возникшее как побочный продукт апологии и экзегезы.

«ИОСИФ И АСЕНЕТ» – РОМАН ДО РОМАНА

Определение жанра апокрифа зависит от того, в какую традицию его помещают.

В последней трети прошлого века, вскоре после издания Филоненко, ИА была опознана эллинистами внутри античной системы жанров как бастард этой системы, как «еще один» греческий эротический роман¹⁰⁰. При датировке III–VI вв. речь шла о влиянии на автора апокрифа греческого романа, его приемов, системы персонажей, сюжетной схемы и шаблонов. При нашей датировке ИА и вовсе – еврейский роман на греческом языке, который написан раньше всех греческих романов. Не в V в. н.э. после того, как были созданы все известные нам романы, не «еще один», не учтенный до второй половины XX в. филологами-классиками греческий роман, а самый ранний прозаический любовный роман, написанный по-гречески.

⁹⁹ Parris D.P. *Imitating the Parables: Allegory, Narrative and the Role of Mimesis* // *Journal for the Study of the New Testament*. 2002. Vol. 25. № 1. P. 33–53.

¹⁰⁰ О «романности» ИА см. *Philonenko*. Op. cit. P. 53–98; *West S. Joseph and Aseneth: a Neglected Greek Romance* // *The Classical Quarterly*. 1974. Vol. 24. P. 70–81; *Szepessy T. L'histoire de Joseph et d'Aseneth et le roman antique* // *Studia Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis*. 1974–1975. Vol. 10–11. P. 121–131; *Kee H.C. The Socio-Cultural Setting of Joseph and Aseneth* // *New Testament Studies*. 1983. Vol. 29. P. 394–398; *Pervo R.I. Joseph and Asenath and the Greek Novel* // *Society of Biblical Literature Seminar Paper Series* 1976. *Mis-soula-Mont*, 1976. P. 171–181. В настоящее время романность ИА – общее место.

В таком случае черты ИА, которые рассматривались как результат «влияния» греческого романа, например, развернутое описание божественной красоты (ничего подобного нет в библейской традиции), любовь с «первого взгляда»¹⁰¹; описание сначала надменного отвержения любви, а затем любовной болезни, знатный соперник, коварные козни и счастливый конец воссоединения супругов и т.д. – все эти и другие черты, сначала были в еврейском апокрифе или псевдоэпиграфе, а уже потом в греческом романе.

Но потеряв такой удобный инструмент объяснения ИА, как влияние греческого романа, мы не обретаем в ИА такой же удобный инструмент для объяснения греческого романа. Нет никакой возможности доказать, что авторы греческих романов читали ИА¹⁰². Не рискуя рассматривать ИА как сверхвлиятельную книгу, задавшую парадигму греческого романа, я нахожу целесообразным провести сравнение основных элементов эротических романов и ИА, не предваряя его никакими предположениями о генезисе их сходств и различий. По примеру Борхеса. Он предложил как-то вообразить, что Одиссея есть пародия на Энеиду, и посмотреть, как в таком случае будет строиться наша интерпретация того и другого эпоса. Я предлагаю аналогичный умственный эксперимент.

(Продолжение следует)

«JOSEPH AND ASENETH»: A «MIDRASH» BEFORE MIDRASH
AND A «NOVEL» BEFORE NOVEL

N. V. Braginskaya

The author shares G. Bohak's view that the Old Testament apocryphal text «Joseph and Aseneth» (J&A) can be regarded as an apology of the schismatic temple of Onias in Egypt. She amplifies his argumentation. Thus, the prophecy of «incorruptible life» of the Oniades community (Lib. Sibyll. V, ad fin.) finds its parallel in immortality of Aseneth as the City of Refuge. The second part of J&A is considered against a background of the relations between Judaea, Egypt and the Land of Onias in the late 2nd c. BC. She then goes on to a detailed analysis of textual problems of the prophesy about Egypt in Isa 19:18, which Onias saw as a justification of his flight to Egypt. In the variant names of the Egyptian city where Lord Sabaoth would be worshipped, preserved in manuscript tradition and ancient translations, she sees some rejoinders in the argument between supporters and detractors of the Land of Onias, reflecting the eschatological and apocalyptic topics of the City of Refuge to be found in «J&A». The reconstruction of the polemics echoed by the biblical tradition is based upon the presence of the City of the Sun in the earliest manuscript (1QIsa^a, mid 2nd c. BC), upon the prevalence of the City of Righteousness in the Septuagint (widespread among the Greek-speaking diaspora in Egypt), and upon the prevalence of the City of Destruction in Hebrew manuscripts.

Genre identification of «J&A» depends on the context the text is set in. When compared with genres of Jewish literature, J&A appears to be a commentary on several correlating biblical passages, solving an actual problem of Halacha (a possibility of marrying a foreign woman) and presenting an apology of the temple of Onias. The combination of exegetical trend and an actual moral problem is characteristic of midrash, the explicit narrative quality of the commentary reminds of the midrashist Haggadah. Such a definition would, however, sound as anachronistic as the established view of J&A as of a kind of erotic novel.

The paper is to be continued by a research analysing the chronological paradoxes of genre identification of J&A and showing how our idea of the ancient literature shall be changed if we take into consideration the existence of such an early novel in Greek in Jewish literature.

¹⁰¹ Которая имеет, правда, чрезвычайно лаконичное предшествование в сцене, когда Ревекка, увидев Исаака, падает с верблюда (Быт 24:64).

¹⁰² В то же время принято считать, что греческое влияние передается, так сказать, «по воздуху», и не нужно искать доказательств, что еврейский автор эпохи эллинизма читал или мог читать греческую литературу.

ТРИ КРЕЩАЛЬНЫХ ГИМНА С АЛФАВИТНЫМ АКРОСТИХОМ

Сергей Сергеевич Аверинцев, несомненно, был самым поэтичным из антиковедов и византинистов своего поколения. Поэзия и поэтика не просто играли важную роль в его трудах, они стояли в центре работы ученого. Проницательный взгляд исследователя, подобно солнечному лучу, выхватывал из тьмы веков внешне неприметные жемчужины древней литературы, заставляя их засверкать яркими красками. И поэтому кажется уместным почтить его память обращением к замечательному жанру раннехристианской литературы – поэзии с алфавитным акростихом.

В каталоге Ван Хельста¹ указано 12 раннехристианских гимнов с алфавитным акростихом, Ремер² добавила еще 2, существует также ряд текстов не из папирусов. При всем их разнообразии основной темой этих песнопений является Христос и Его земная жизнь. Существуют тексты, посвященные Входу Господнему в Иерусалим, страстям Христовым, Пасхе³. Мы же обратим свой взгляд на три гимна, которые связаны с темой крещения.

Уже достаточно давно Р. Рока-Пуч⁴ издал тексты из барселонского папируса IV в., который можно по праву считать древнейшим списком евхология. И если литургическая часть этого издания подверглась заслуженной критике⁵, то гимн с алфавитным акростихом из этого кодекса так и не был переиздан.

Занимающий шестую и седьмую страницы Барселонского папируса, он был назван первоиздателем по первым словам «'Αρχὴν θυσίαν». Основу его сюжета составляет история жертвоприношения Авраама, но встречаются здесь и другие мотивы: Моисей, Исайя, обращения, наставления и др. К сожалению, Рока-Пуч так и не определил литургическую функцию песнопения. Однако прежде чем обратиться к этому вопросу, следует разобрать отдельные неточности в публикации и интерпретации текста.

С. 6

сткк. 2–3

Рар. Варс.	Рока-Пуч	Виноградов
ΑΡΧΗΝΑΒΡΑΑΜΚΑΙΣ	'Αρχήν. Αβραάμ και	'Αρχήν 'Αβραάμ και
ΑΡΡΑ...	Σαρρα...	Σάρρα...

¹ Van Haelst J. Catalogue des papyrus littéraires juifs et chrétiens. P., 1976. № 857–869.

² Kölner Papyri (P. Köln). Bd 4 / Bearb. von B. Kramer, C. Römer, D. Hagedorn // Papyrologica Coloniensia. VII. 4. Köln, 1982. S. 35–90.

³ Treu K., Diethardt J. Griechische literarische Papyri der christlichen Inhalt // Mitteilungen aus den Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek. 17. Folge. Wien, 1993. S. 32–34.

⁴ Roca-Puig R. Anàfora de Barcelona i alters pregàries (Missa del segle IV). Barcelona, 1994. P. 117–126.

⁵ См. Daniel R., Roemer C., Worp K. [реп.:] // ZPE. 1997. 119. S. 128–131; Merkelbach R. [реп.:] // Abrasax IV. 1996. 64–70. S. 117–126.

Значение слова Ἀρχήν, вместо предложенного Рока-Пучем «начало» (в этом случае оно должно было бы стоять в номинативе, а не в аккузативе), здесь, скорее всего, – асс. temporis «в начале».

сткк. 3

ΒΟΥΛΗΝΑΓΙΑΝΕΡΩΤΟ Βουλὴν ἁγίαν ἐρωτῶν Βουλὴν ἁγίαν ἠρώτουv,
ΥΝ

Конъектура Рока-Пуча ἐρωτῶν (вместо ΕΡΩΤΟΥΝ в папирусе) представляется менее вероятной, чем смешение *эпсилон* и *эты*, не превратившейся еще к IV в. окончательно в «и», – это дает нам форму ἠρώτουv, засвидетельствованную в том числе и в Новом Завете (Мф 15:23).

сткк. 5–7

ΓΝΩΜΗΝΙΑΡΟΝΙΝΑΔ	Γνώμην ἴλαον ἵνα	Γνώμην ἰλαρόν ἵνα
ΩΣΩ	δώσω,	δώσω,
ΙΝΑΜΑΡΤΥΡΩΝΠΑΙΔΑ	ἵνα μαρτυρῶν παῖδα	ἵνα μαρτύρων παῖδα
ΠΟΙΗΣΩ	ἀνοίσω	ποιήσω
ΧΗΝΤΟΥΤΟΝΕΚΟΣΜΗΣ	Χριστόν τοῦτον	χρηστόν τοῦτον
ΑΣ	ἐκόσμησας,	ἐκόσμησας,
ΕΥΜΕΝΟΙΘΕΟΝΟΜΟΛ	εὐμενεῖς θεόν	εὐμενῆ θεόν
ΟΓΕΙΤΑ	ὁμολογεῖτε	ὁμολογεῖται.

Одна из самых спорных реконструкций строф у Рока-Пуча. В оригинале ясно читается ἰλαρόν, а не ἴλαον, как и ποιήσω, но не ἀνοίσω. Последнее снижает вероятность конъектуры μαρτυρῶν («чтобы свидетельствуя, сделать чадо»), заставляя отдать предпочтение вариантам μαρτύρων («чтобы одним из свидетелей сделать чадо») или, на худой случай, μάρτυρον (эпический асс. sing., т.е. «чтобы свидетелем сделать чадо»). ΧΗ папируса – вроде бы явное *nomen sacrum* Χριστόν, которому, однако, стоило бы предпочесть более подходящее χρηστόν («прекрасно его ты украсило» вместо «как Христа его ты украсил»), что не исключает, впрочем, возможности тонкой игры слов, учитывающей прообразовательный аспект сцены. Εὐμενεῖς вместо оригинального ΕΥΜΕΝΟΙ неудачно как по форме, так и по смыслу («благосклонно Бога воспевайте» вместо «Благосклонного Бога воспевают»). Принятие оригинального ὁμολογεῖται вместо ὁμολογεῖτε у Рока-Пуча позволяет элиминировать редкое в гимне обращение во 2 л. мн. ч.

сткк. 7–8

ΔΕΥΔΕΣΠΟΤΑΚΥΡΙΕΠ	Δεῦτε, δέσποτα κύριε	Δεῦ, δέσποτα, κύριε
ΑΝΤΩΝ	πάντων,	πάντων,
ΛΑΒΕΠΑΙΔΑΝΕΜΟΝ	λαβέ παῖδά μου,	λαβέ παῖδα<v> ἔμόν,
ΕΙΣΙΝΘΥΣΙΑΝΕΝΔΟΤΕ	ἀγνήν θυσίαν, ἕναυε	εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται
ΤΕΚΝΟΝ	τέκνον.	τέκνον.

Данная строфа – хороший пример насильственности конъектур Рока-Пуча. Совершенно не оправдано не согласованное в числе исправление Δεῦτε вместо оригинального δεῦ, которое зафиксировано, например, в *Apophthegmata patrum* (Coisl. 126. 7). Также непонятна замена очевидного ἐμόν на произвольное μου. ΕΙΣΙΝ папируса действительно малопонятно, однако это еще не повод для уподобления его началу гимна. Столь же грубо исправление оригинального ΕΝΔΟΤΕ на нигде не засвидетельствованное ἔναυε, хотя параллели в строфах на Θ, Σ и Ω подтверждают подлинность чтения ΕΝΔΟΤΕ/ΕΝΔΥΤΕ: нам кажется возможным реконструировать здесь атематическую форму ἔνδυται (вместо ἔνδυεται), а ΕΙΣΙΝ понимать как εἰς ἦν, так что вся фраза будет означать «в ту жертву, для которой облачается чадо».

сткк. 8–10

ΕΠΙΓΗΡΕΤΕΚΝΑΣΥΜ	Ἐπὶ γῆρας τέκνον σύ	Ἐπὶ γῆρει τέκνα σύ μοι
ΟΙΔΩΚΕΣ	μοι ἔδωκας,	δώκες,
ΓΕΡΙΑΝΠΑΛΑΙΑΝΣΟΥ	γέρας παλαιὸν σὺν	γεραιὰν παλαιὰν σου
ΥΣΑΡΡΑΟΙΚΙΧΑΜΕΝ	Σαρρα ἐκίχαμεν:	Σάρρα ἐκίχαμεν:
ΑΛΛΑΜΕΔΩΚΕΣΑΛΛΑ	ἀλλά μοι ἔδωκες, ἀλλὰ	ἄλλα μ' ἔδωκες, ἄλλα μ'
ΜΕΛΑΒΕΣ	παρ' ἐμοῦ ἔλαβες...	ἔλαβες...

Вместо оригинального ΓΗΡΕ все же предпочтительней читать γῆρει, а не γῆρας. Τέκνα выглядит, конечно, странно, но между тем ясно читается и не требует поправки на τέκνον. ΔΩΚΕΣ папируса, как кажется, можно не заменять на ἔδωκας, но сохранить в виде эпического аориста без приращения δώκες. Конъектура Рока-Пуча γέρας παλαιὸν σὺν Σαρρα ἐκίχαμεν выглядит, на первый взгляд, привлекательно, однако слишком сильно противоречит оригиналу: по-видимому, эта строка – реплика ангелов, и, принимая ее такой, какая она в оригинале, мы должны переводить «к старице древней твоей Сарре пришли мы». Греческий не знает конструкции ἀλλά-ἀλλά, зато широко пользуется выражением ἄλλα-ἄλλα. ΜΕΔΩΚΕΣ вполне можно разделить на μ' ἔδωκες, а не восстанавливать μοι ἔδωκες; еще больший произвол – это конъектура παρ' ἐμοῦ вместо того же μ', апокопированного на сей раз из μου.

сткк. 11–13

ΖΩΝΗΣΣΤΟΛΗΣΕΝΔΟ	Ζώναις στολὴν ἔνδυε,	Ζώνης, στολῆς ἔνδυται
ΤΕΤΕΚΝΟ	τέκνον,	τέκνον,
ΕΥΛΟΝΑΩΜΟΙΣΙΝΕΠΕ	ξύλον δ' ὡμοισι ἐπήρας,	ξύλον δ' ὡμοισι ἐπήρας,
ΡΑΣ	ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον	ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον
ΙΝΑΤΩΠΑΤΡΙΔΩΡΟΝΑ	ἀνοίσω,	ἀνύση,
ΝΥΣΥ	θνητὸν δ' ἐμέ	θνητὸν δέ με
ΘΝΗΤΟΝΔΕΜΟΙΖΩΝ	ζωογονήση.	ζωογονήση.
ΕΣΣΙ		

Несмотря на некоторую синтаксическую неправильность, оригинальную форму первой строки можно, как кажется, сохранить неизменной (относитель-

но ἔνδνται см. комментарий к предыдущей строфе), тогда как конъектура Рока-Пуча предполагает изменение, как минимум, трех слов. Непонятен и его отказ от исходного глагола ἀνώω в пользу ἀνοίγνυμι, и тем паче изменение лица с 1-го на 3-е. Дабы не умножать отступлений от нормы без необходимости, прочтение ΔΕΜΕ как δέ με следует предпочесть варианту δ' ἐμέ.

сткк. 13–14

ΗΩΝΙΩΝΙΩΝΕΣΣΕΤΕΜ	Ἠωνίωνων εσσετε	Αἰωνίων <ιων> ἔσετε
ΑΛΛΟΝ	μᾶλλον,	μᾶλλον,
ΚΑΙΡΩΓΑΡΠΛΟΥΤΟΣΟΡ	καιρω γαρ κλουτος	καιρὸς γὰρ πλουτος
ΡΑΤΕ	οραται:	ὀράται:
ΟΝΠΙΣΤΙΝΕΧΗΣΣΩΘΗΣ	ἐὰν πίστιν ἔχης,	ὦν πίστιν ἔχει,
ΣΟΙ	σωθήση...	σωθήση...

Для первой части, которую Рока-Пуч не восстанавливает (стоит отметить, впрочем, ошибочное чтение ΚΛΟΥΤΟΣ вместо ΠΛΟΥΤΟΣ), мы предлагаем свою реконструкцию. Форму ΟΝ можно прочесть как ὦν, без изменения ее фонетического облика, как у Рока-Пуча (ἐὰν).

сткк. 16–17

ΛΑΒΕΠΑΙΔΑΝΕΜΟΝΜ	λαβὲ παῖδά μου, μέγα	λαβὲ παῖδα ἐμόν, μέγα
ΕΜΕΓΑΔΩΡΟ	δῶρον,	δῶρον,
ΕΙΣΙΝΘΥΣΙΑΝΕΝΔΥΤΕ	ἀγνήν θυσίαν ἔναυγε	εἰς ἣν θυσίαν ἔνδνται
ΤΕΚΝΟΝ	τέκνον.	τέκνον.

См. комментарий к сткк. 7–8

сткк. 17–19

ΙΣΑΚΓΕΛΕΓΕΝΕΥΛΑΚ	Ισαακ δ' ἔλεγε' ξύλα	Ἰσακ δ' ἔλεγεν' ξύλα
ΕΙΝΤΑΙ	κεῖται,	κεῖνται
ΚΑΙΕΝΠΑΤΗΡΘΥΜΑ	καὶ ἔνι, πάτερ, θῦμα	καὶ ἔνι, πατήρ, θῦμα.
ΠΑΥΣΟΙΤΗΝΣΗΝΜΑΧ	που σοι την δε σην	παύση τήνδε σήν
ΑΙΡΑΝ	μαχαιραν	μάχαιραν
ΙΝΑΤΩΠΑΤΡΙΔΩΡΟΝ	ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον	ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον
ΑΝΥΣΙ	ἀνοίσω.	ἀνύση.

Такие конъектуры Рока-Пуча, как Ισαακ, κεῖται и πάτερ, во-первых, не оправданы, а во-вторых, стремятся приблизить достаточно простой язык гимна к не слишком свойственным ему классическим образцам. Для третьего члена строфы, оставленной первоиздателем без интерпретации, мы предлагаем собственное прочтение. Относительно ἀνοίσω см. комментарий к сткк. 11–13.

сткк. 19–20

ΚΑΙΕΙΣΟΥΣΙΑΝΣΟΥΤΟ	Καίεις ούσίαν σου, τὸ	Καίεις {θ}υσίαν σου, τὸ
ΤΕΚΝΟΝ	τέκνον'	τέκνον'

ΣΥΕΙΠΑΤΕΡΘΥΜΑΔΟ	σοῦ εἶ, πάτερ, θῦμα	σὸ εἶ, πάτερ, θῦμα
ΝΑΙ	δοῦναι,	δοῦναι,
ΙΝΑΤΩΠΑΤΡΙΔΩΡΟΝΑ	ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον	ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον
ΝΥΣΙ	ἀνοίσω.	ἀνύση.

Хотя в оригинале стоит ΟΥΣΙΑΝ, слово это кажется здесь менее подходящим по смыслу, чем законная конъектура θυσίαν, находящая себе параллель θῦμα в стк. 2. Совершенно непонятно чтение Рока-Пуча σοῦ (т.е. «твое еси, отче, принести жертву»), в котором он и сам, правда, сомневается, вместо оригинального σὺ (т.е. «ты должен, отче, принести жертву»). Относительно ἀνοίσω см. комментарий к сткк. 11–13.

сткк. 22–23

ΜΗΤΗΡΜΕΤΡΕΦΕΝΜΕ Μήτηρ μ' ἔτρεφεν... Μήτηρ μ' ἔτρεφέν με...

Считая μ' в стк. 1 за сокращенное με, а не μου (ср. строфу на Ε), Рока-Пуч был вынужден совершенно безосновательно выпустить действительно присутствующее в оригинале με.

сткк. 24–26

ΝΥΝΜΑΡΤΥΡΕΣΗΛΘΑ	Νῦν μάρτυρες, ἦλθατε	Νῦν μάρτυρες, ἦλθατε
ΤΕΠΑΝΤΕΣ	πάντες,	πάντες,
ΝΥΝΜΑΡΤΥΡΕΣΟΜΟΛ	νῦν μάρτυρες,	νῦν μάρτυρες,
ΟΓΕΙΤΑΙ	ὁμολογεῖτε,	ὁμολογεῖτε,
ΧΗΨΥΞΑΣΙΝΙΝΑΔΩΜ	χρηστὸν ψυχᾶσιν ἵνα	χρηστὸν ψυχᾶσιν ἵνα
Ν	δῶμεν...	δῶμεν...

Глагольная пара оригинала ΗΛΘΑΤΕ–ΟΜΟΛΟΓΕΙΤΑΙ представляет некоторую сложность для интерпретации, которая, однако, должна быть в любом случае однозначной: это либо императивы (и тогда надо читать ἔλθατε), либо аорист и имперфект (и тогда надо читать ὁμολογεῖτε), что нам кажется предпочтительным. Относительно χρηστὸν см. комментарий к сткк. 5–7.

сткк. 27–28

ΞΕΝΟΣΟΥΤΟΣΟΚΟΣΜ	Ο ξενος ουτος ο κοσμος	Ξένος οὔτος ὁ κόσμος
ΟΣΟΡΑΤΕ	ορατε:	ὄρᾶται:
ΟΝΠΙΣΤΙΝΕΞΗΣΣΩΗ	ἐὰν πίστιν ἔχης,	ὢν πίστιν ἔχης,
ΣΗ	σωθήση...	σωθήση...

К стк. 1, оставленной Рока-Пучем без интерпретации, первоиздатель отнес еще ошибочно кружочек, служащий дополнительным украшением разделителя строф. Относительно ὢν см. комментарий к сткк. 8–10.

С. 7

стк. 2

ΘΗΗΤΟΝΔΕΜΟΙΖΩΓΟΝ	θηητὸν δ' ἐμὲ	θηητὸν δέ με
ΗΣΣΙ	ζωογονήση.	ζωογονήση.

Относительно δέ με см. комментарий к с. 6, сткк. 8–10.

сткк. 4–5

INATONBELIAPKA	ἵνα τὸν Βελιάρ	ἵνα τὸν Βελιάρ
IKATAKAYSH	κατακαύση,	κατακαύση,
YNHTOSEMEZWONH	θνητὸν ἐμὲ ζωογονήση.	θνητὸν [δ]έ με
ΣΣΙ		ζωογονήση.

Здесь писец папируса допустил две явные ошибки: лишнее ΚΑΙ перед ΚΑΤΑΚΑΥΣΗ и ΘΗΗΤΟΣΕΜΕ вместо ΘΗΗΤΟΝΔΕΜΕ, так что нет необходимости, подобно Рока-Пучу, отказываться от δέ, засвидетельствованного на с. 6, стк. 13 и с. 7, стк. 2.

сткк. 5–6

IEENPROPHHTHSPROIZA	εἶξεν προφήτης	εἶξεν προφήτης ροίζον
NANABHNAITOKY	ροιζηδὸν	ἀναβῆναι τὸ κῦμα..
ΜΑ	ἀναβῆναι τὸ κῦμα...	

Слово ΡΟΙΖΑΝ, несомненно, требует конъектуры, однако вариант ροίζον кажется много меньшим насилием над оригиналом, чем ροιζηδὸν Рока-Пуча.

сткк. 7–8

ΛΑΒΕΠΑΙΔΑΝΕΜΟΝΜ	λαβὲ παῖδά μου, μέγα	λαβὲ παῖδα ἐμόν, μέγα
ΕΓΑΔΩΡΟΝ	δῶρον,	δῶρον,
EISINΘYΣIANENΔYTE	ἀγνήν θυσίαν ἔναυγε	εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται
TEKNON	τέκνον.	τέκνον.

См. комментарий к с. 6, сткк. 7–8.

сткк. 10–11

YΠOMEINA TEKALΩΣ	Ἵπομείνατε καλῶς	Ἵπομείνεται καλῶς
ΗΣΑΙΑΣ	Ἡσαίας,	Ἵσαίας,
ATEEPPIZENKAIΠPOΣ	ατεσπριζεν καὶ	ὅτε ἔπριζεν, καὶ
EΦΩNEI	προσεφώνει...	προσεφώνει...

Совершенно непонятно, как у Рока-Пуча согласуются 2 л. мн. ч. ὑπομείνατε и ед. ч. Ἵσαίας. Во втором члене строфы мы предлагаем небольшую конъектуру (ὅτε вместо ΑΤΕ), позволяющую восстановить осмысленный текст.

сткк. 12–14

ΦΕΥΓΩΝΤΟΠΡΩΤΕΡΟ	Φεύγων τὸ πρότερον	Φεύγων τὸ πρότερον
ΤΗΝΙΔΙΑΝΓΑΜΕΤΗΝΑ	ἰδίαν γαμετήν, ἀλ[ὸς	ἰδίαν γαμετήν ἀλίνην
ΛΗΝΗΝΦΕΥΓΕΙ	στήλ]ην,	φεύγει:
EMΠPOCΘENMHBAEΠ	φεύγει, ἔμπροσθεν μὴ	ἔμπροσθεν μὴ βλέπε,

Ε	βλέπε,	μή σε θεὸς πέτραν
ΜΗΣΕΘΕΟΣΠΕΤΡΑΝΣΤ	μή σε θεὸς [εἰς] πέτραν	στήση,
ΗΣΑΙ	[μετα]στήση.	

В этой строфе Рока-Пуч грешит неоправданными дополнениями довольно ясно читающихся слов оригинала: ἄλος στήλην вместо ἀλίνην и εἰς πέτραν μεταστήση вместо πέτραν στήση.

сткк. 15–16

ΤΟΙΣΘΛΙΒΟΜΕΝΟΙΣΔΩ	τοῖς θλιβομενοῖς	τοῖς θλιβομένοις
ΡΟΙΣΙ	δώροισι,	δώροισι,
ΚΟΣΜΟΣΓΑΡΠΛΟΥΤΟ	κόσμος γὰρ πλούτος	κόσμος γὰρ πλούτος
ΣΟΡΑΤΑΙ	οραται.	οῖραται.

Непонятно, почему первоиздатель отказался от интерпретации правильно прочтенного им фрагмента: первую его часть можно перевести «дарами несчастным», а вторая находит параллели на с. 6, сткк. 13–14 и 27.

сткк. 16–18

ΨΥΧΗΝΜΗΣΕΠΑΤΗΡ	Ψυχήν μη σε πατήρ	Ψυχὴ<ν> μου σε,
ΠΡΟΤΟΝΟΙΠΡΟΚΕΟΜΕ	πρὸτον οἱ προκεομεμων	πατήρ,
ΝΩΝΚΑΙΚΑΥΣΙΟΝ	καὶ καυσιον	πρὸ τῶν [κ]{αἰ}
ΚΥΡΙΟΝΟΜΟΛΟΓΕΙΤΑΙ	κυριον ὁμολογεῖται.	προκαιομένων
		καὶ καύσεων
		κύριον ὁμολογεῖται.

Действительно, данная строфа, по-видимому, сильно искажена переписчиком, и поэтому Рока-Пуч отказался ее интерпретировать. Попробуем дать свою реконструкцию: мы вынуждены исправить ΨΥΧΗΝ на ψυχή, ΚΑΥΣΙΟΝ на καύσεων и исключить непонятное ΟΙ; ΜΗ может соответствовать ΜΟΙ оригинала, часто стоящее в гимне вместо μου.

стк. 19

ΛΑΒΕΠΑΙΔΑΝΕΜΟΝΜ	λαβὲ παῖδα ἐμόν [μέγα λαβὲ παῖδα ἐμόν [μέγα	
ΕΓΔΩΡΟΝ	δῶρον],	δῶρον],
ΕΙΣΙΝΘΥΣΙΑΝΕΝΔΥΤΕ	εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται	εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται
ΤΕΚΝΟΝ	τέκνον.	τέκνον.

См. комментарий к с. 6, сткк. 7–8.

Обратимся теперь, наконец, к интерпретации текста. На наш взгляд, существует одна очень близкая аналогия нашему памятнику – крещальный гимн с алфавитным акростихом из папируса Amherst⁶, текст которого относится к III–IV вв. Сравним их структуру (в третьем столбце дан текст еще одного гимна из

⁶ Grenfell B.P., Hunt A.S. The Amherst Papyri. Vol. 1. L., 1900. P. 25; Lodi E. Enchiridion liturgicum graecum. Roma, 1964. P. 173–175.

второй редакции «Деяний Андрея и Матфия в городе людоедов» (AAMt2), о котором речь пойдет ниже).

1. PO 4/2, 207–209	2. Pap. Barc.	3. AAMt2
	<p>Ἄγνην θυσίαν ἵνα δῶμεν, καὶ οὐ μή σε τὸ πῦρ κατακαύσῃ.</p>	
	* * *	
<p>A... ...υν θεὸν ἀν... Αθανατ... Αθάνατον ζωὴν ἵνα λάβῃς. Βαρὺν θεσμόν ἔφυγες ἀνόμου Βα...</p>	<p>Ἄρχῆν Ἀβραάμ καὶ Σάρρα φίλος ἄγγελος ἦλθεν προθύμως Βουλήν ἀγίαν ἠρώτουν, ἅγιος πατριάρχης· θεὸς δέσποτα, καὶ τί ποιήσω.</p>	<p>Ἄρχῆ καὶ τέλος, ἄλφα καὶ τὸ ω αὐτὸς ὑπάρχει· ἀμήν, ἀλληλοῦια. Βασιλεὺς ἐκ βασιλέως ἅγιος· ἀμήν, ἀλληλοῦια.</p>
<p>B... καὺτὸν πρὸς ἀγάπην. Γάμον ἤλυθες βασιλῆος, Γάμον κ... Γ... ἵνα μή σ' ἀφανίσῃς.</p>	<p>Γνώμην ἱλαρὸν ἵνα δώσω, ἵνα μαρτύρων παῖδα ποιήσω· χρηστὸν τοῦτον ἐκόσμ- ησας, εὐμενῆ θεὸν ὁμολ- ογεῖται.</p>	<p>Γένναν δὲ ἐμήν οὐδὲ εἷς δυνήσεται ἰδεῖν ἢ κατειπεῖν, ἄφραστον οὐσαν· ἀμήν, ἀλληλοῦια.</p>
<p>Δυσὶ ρήμασι μηκέτι λάλει, Δίκα τῶν ἐπισ... Δ... ...ολας.</p>	<p>Δεῦ, δέσποτα, κύριε πάντων, λαβέ παῖδα<ν> ἐμόν, [μέγα δῶρον], εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται τέκνον.</p>	<p>Δαυὶδ γὰρ ἔφη κύριον λέγων με, <u>Ἡσαΐας</u> δὲ κράζει ἄφραστον ὄντα με· ἀμήν, ἀλληλοῦια.</p>
	* * *	* * *
<p>Ἐρχονταί τινες προβατίνοις Ἐν σχήμασι ἔσωθεν</p>	<p>Ἐπὶ γῆρει τέκνον σύ μοι δῶκες, γεραιὰν παλαιὰν σου</p>	<p>Ἐπὶ γῆς ἦλθον βροτὸς ὠραθεῖς, θεὸς ὑπάρχων:</p>

λύκοι,
Ἐπιγνώσεσθέ τε
μακρόθεν.

Σάρρα ἐκίχαμεν:
ἄλλα μ' ἔδωκες, ἄλλα μ'
ἔλαβες,
δέσποτα, σὸν γὰρ τὸ
δῶρον.

ἀμήν, ἀλληλούια.

Ζήτηι ζῆσαι μεθ' ἀγίων,
Ζήτηι ζωὴν ἵνα λάβῃς,
Ζήτηι τὸ πῦρ ἵνα φύγῃς.

Ζώνης, στολῆς ἔνδυται
τέκνον,
ξύλον δ' ὥμοισι ἐπήρας,
ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον
ἀνύση,
θνητὸν δέ με ζωογονή-
ση.

Ζωῆς δὲ πάρειμι φῶς
δοῦναι βουλήσει
πατρός μου·
ἀμήν, ἀλληλούια.

Ἦν ἔμαθες ἐλπίδα
κράτει:
Ἦν ὥρισέ σοι ὁ
δεσπότης

Ἦωνίων <ίων> ἔσετε
μᾶλλον,
καιρὸς γὰρ πλοῦτος
ὁρᾶται·
ὧν πίστιν ἔχει, σωθήσει,
καὶ οὐ μὴ σε τὸ πῦρ
κατακαύση.

Ἦλιος δικαιοσύνης
λάμπας πιστοῖς·
ἀμήν, ἀλληλούια.

Ἡμέραν, οὐλδενὶ
δῆλον.

* * *

Θεὸς ἦλυθε πολλὰ
κομίσας,

Θανάτου τριτόπημα
τελέσας.
Θ... ...ους

Θεὲ δέσποτα, κύριε
πάντων.
λαβὲ παῖδα ἐμόν, μέγα
δῶρον,
εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται
τέκνον.

Θαυμάζουσιν δέ με
πάντες προφῆται
καὶ πατριάρχαι,
πῶς θεὸς ὑπάρχων
ἐπὶ γῆς
σαρκοφορῆσαι
κατηξίωσα·
ἀμήν, ἀλληλούια.

* * *

* * *

Ἰησοῦς, ὁ παθὼν ἐπὶ
τούτοις,
Ἰπὼν, ὅτι νῶτα παρέχω,
Ἴνα μὴ θανάτῳ
περιπέσης.

Ἰσακ δ' ἔλεγεν· ξύλα
κεῖνται,
καὶ ἔνι, πατήρ, θῦμα·
παύση τήνδε σὴν
μάχαιραν,
ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον
ἀνύση.

Ἰησοῦς εἰμι, ὁ καλὸς
ἱατρός, ὁ καλῶς
ἰασάμενος πάντας·
ἀμήν, ἀλληλούια.

Κάλ' εἰσι τὰ θεσμὰ τοῦ θεοῦ·
Κατὰ πάντα τύποις ὑπομενει,
Καλὴν ζωὴν ἵνα λάβῃς.
Καίεις {θ}υσίαν σου, τό τέκνον·
σὺ εἶ, πατήρ, θῦμα δοῦναι,
ἵνα τῷ πατρὶ δῶρον ἀνύσῃ.

Κορυφή, κεφαλή,
πίστις ἐκκλησίας
πιστοῖς ἐδείχθη·
ἀμήν, ἀλληλουία.

Λουσάμενος ἐν Ἰορδάνῃ,
Λουσάμενος ἐνὶ τύποις
Λουτρὸν τὸ καθάρισον ἔχει.

Λουσόν με, πάτερ, καὶ δῆσον
καὶ ἐπὶ πῦρ με θές, μέσον ὄρος,

Λύων πάντα
σύνδεσμον ἀδικίας
πᾶσιν ἐδείχθη·

ἀμήν, ἀλληλουία.

Μείνας ἐπειράζετ' ἐν ὄρει,
Μεγάλως δ' ὑπο...
Μ... αὐτὸς εἶης.

Μήτηρ μ' ἔτρεφέν με προθύμως,
ὁ πατήρ μ' ἐφίλει ἀγαπήσας·
εὐχέσθων, πρὸς θεὸν εἶμι.

Μάρτυσιν ἰσχυς καὶ δύναμις καὶ στέφανος ἐγὼ ἐγενόμην·
ἀμήν, ἀλληλουία.

* * *

Νῦν ἔργασαι κληρονομίας,
Νῦν καιρὸν ἔχεις, ὅτι

δίδως
Νῦν τοῖς πεινώσι
μεγάλως.

Ξένους εἶπε θεὸς διατρέφειν,
Ξένους καὶ μὴ δυναμένους·
Ξένιζε, τὸ πῦρ ἵνα φύγῃς.

* * *
Νῦν, μάρτυρες, ἔλθατε πάντες,
νῦν μάρτυρες, ὁμολογεῖτε,
χρηστὸν ψυχᾶσιν ἵνα δώμεν,
καὶ οὐ μὴ σε τὸ πῦρ κατακαύσῃ.

Ξένος οὗτος ὁ κόσμος ὁρᾶται·
ὧν πίστιν ἔχει, σωθήσεται,
καὶ οὐ μὴ σε τὸ πῦρ κατακαύσῃ.

* * *
Νόμος δὲ **Μωσέως** μαρτυρεῖ μοι καὶ βοᾷ·

[ἀμήν], ἀλληλουία.

Ξένον θαῦμα πᾶσιν ὄφθην ἐγὼ βαπτισθεῖς ἐν ποταμῷ, θεὸς ὑπάρχων·
ἀμήν, ἀλληλουία.

* * *

Ὅν ἔπεμψε πατήρ, ἵνα
πάθη,

Ὁ λαβὼν ζωὴν
αἰώνιαν,

Ὁ λαβὼν κράτος

ἀθανασίας.

Παισὶν δ' εὐηγγέλιζε
λέγων·

Πτωχοὶ βασιλείαν
λαβῶσιν,

Παῖδες εἶναι
κληρονομίας.

Ραπισμένος ἐνὶ τύποις,

Ροπὴν ἵνα παντὶ
παρέχη,

Ρήξας θάνατον, ἵν'
ὀλέση

Σὺ θανὼν ἵν' ἀνάστασιν
ἴδῃς,

Σὺ τὸ φῶς ἵν' αἰώνιον
ἴδῃς,

Σὺ θεὸν φῶτων ἵνα
λάβῃς

* * *

Τὰ δ' ἀνάπαυλα
λυπούμενων,
Τὰ δὲ σκιρτήματ'

ἀπίστοις,

* * *

Ὁ παθὼν ἐπὶ γῆς
Χριστὸς

τριήμερος ἠγέρθη,
ἵνα τὸν Βελιάρ
κατακαύσῃ,

θνητὸν δέ με ζωογονή-
σῃ.

Πρὸς πατέρα ἀναβαίνω
προθύμως,

ἀναβῆναι ἱκανός,
ὑπομείνας,

ἵνα τὸν Βελιάρ
κατακαύσῃ,

θνητὸν [δ]έ με ζωογονή-
σῃ.

Ῥοίζας ἐπὶ κύμασι βαί-
νει

Μώσης·

εἶξεν προφήτης ροίζαν
ἀναβῆναι τὸ κύμα,
καὶ οὐ μὴ σε τὸ πῦρ
κατακαύσῃ.

Σὺ, δέσποτα, κύριε
πάντων,
λαβὲ παῖδα ἐμόν, μέγα

δῶρον,
εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται
τέκνον

* * *

Ταῦτα καλῶς ὑπομείνας
Χριστός, σταυρωθεὶς
ἐπὶ ὕλου:

θεὸ δέσποτα, μὴ με

Οὐρανόθεν φωνῇ

τάχος ἠνέχθη: Ἐμὸς
οὗτος υἱός, αὐτοῦ

ἀκούετε:

ἀμήν, ἀλληλουῖα.

Περιστερᾶς

φανείσης, ὁ

Ἰωάννης ἔλεγεν·

ἀμήν, ἀλληλουῖα.

Ῥεῖθρα δέ εὐθύς
ἀνέδραμον ἀπὸ

ποταμοῦ φοβερὰ

ιδόντα ἔργα:

ἀμήν, ἀλληλουῖα.

Στρατιαὶ γὰρ
ἀγγέλων ὕμνους

ἔμελψαν· Ἰησοῦς,

οὗτος ὁ φανεὶς ἐν

εἰκόνι σαρκός·

ἀμήν, ἀλληλουῖα.

* * *

Τὴν ἀπιστίαν

λιπόντες, ὧ βροτοί,

λάβετε πίστιν·
ἀμήν, ἀλληλουῖα.

Τὸ δε πῦρ φοβερὸν παρανόμοις.	παρόψης.	
Ἐπὶ τὴν χάριν ἦλθες ἀκόπως·	Ἐπομείνεται καλῶς Ἡσαίας,	Υἱοὶ τοῦ μόνου πατρὸς τοῦ ἐν οὐρανοῖς, γένεσθε
Ἐπάκουε πένησιν αἰτοῦσιν,	ὅτε ἔπριζεν, καὶ προσεφώνει·	<u>συγκληρονόμοι</u>
Ἐπερηφάνως μηκέτι λάλει.	θεὸς δέσποτα, μὴ με παρίδης.	πιστοῖς· ἀμὴν, ἀλληλούια.

Φοβερὸν ἐστὶ τὸ πῦρ, Φοβερὸν εἰς αἰὲ χρόνον, Φοβερὸν γε τὸ πῦρ παρανόμοις.	Φεύγων τὸ πρότερον ἰδίαν γαμετὴν ἄλινην φεύγη· ἔμπροσθεν μὴ βλέπε, μὴ σε θεὸς πέτραν στήση.	Φῶς εἰμι τοῦ κόσμου, ἐκ φωτὸς ἄνωθεν ἐλθὼν· ἀμὴν, ἀλληλούια.
---	--	---

Χριστὸς ... Χριστὸς καὶ στέμμαθ' ἀγίων,	Χριστὸν καλὸν ἀκούειν καὶ αὐτὸν μόνον λιτα- νεύειν τοῖς θλιβομένοις δώροισι	<u>Χάρις</u> ὑψωθεν ἀνέτειλας· ἀμὴν, ἀλληλούια
Χριστὸς καὶ τὸ πῦρ παρανόμοις.	κόσμος γὰρ πλοῦτος οραταί.	

<u>Ψ...</u> Ψάλλον ψαλμοὺς μεθ' ἀγίων	<u>Ψυχὴν</u> μου σύ, πατήρ, προτόνη προκαιομένων, καὶ καύσεων ὁμολ- ογεῖται.	<u>Ψυχαῖς</u> βροτῶν ἀπάντων· ἀμὴν, ἀλληλούια.
---	---	--

Ψυχὴν λέγε πάντοτε
τρέφειν.

<u>Ω...</u>	Ἐὼ δέσποτα, κύριε πάντων	Ἐὼδαῖς πνευματικαῖς
Ἐὼν ἔμαθες, μηκέτι λάθη,	λαβὲ παιδα ἐμόν [μέγα δῶρον],	ἐν ψαλμοῖς καὶ ὑμνοῖς·
Ἐὼν εἶπέν σοι, ἵνα λάβῃς.	εἰς ἣν θυσίαν ἔνδυται τέκνον.	ἀμὴν, ἀλληλούια.

Μαθὼν δὲ τὰ γράμματα

ταῦτα,
τρεῖν θάνατον οὐκέτι
δύνη.

Чистую жертву чтоб дать
нам,
И огонь пусть тебя не
опалит.

* * *

... Бога,
а бессмертную жизнь чтоб
стяжал ты

...
Вот оков беззаконья бежал
ты
... и его к любви.

Грядешь же на брак ты
царский,
...
... чтоб не погиб ты.

Двусмысленно впредь не
беседуй,
...
...

Есть, кто приходят, как
овцы,
Естеством же сущие волки
—
Еще издали вас все узнают.

Жизни ищи со святыми,
Жизни ищи как достигнуть,
Жара огня как избегнуть.

Аврааму и Сарре в начале
друг-ангел является с рвень-
ем

...
Веленья святого спросили,
святой патриарх так:
«Боже Господи, что же мне
делать?»

[Господи], весело чтоб от-
ветить,
чтобы свидетелем чадо мне
сделать:
чудно его ты украсил,
исповедует радостно Бога.
Да, о Господи всех и Влады-
ко,
прими чадо мое, дар вели-
кий,
к сей жертве дитя
облачилось.

* * *

Ей, в старости чадо Ты дал
мне;
твоей старой жены, мы
Сарры достигли,
то Ты дал мне, это Ты от-
нял,
Господи, все ведь есть дар
Твой.

Жертва-чадо хитон подпоя-
сал,
на плечи же древо ты под-
нял,
чтобы дар свой Отцу так
исполнить.

* * *

Альфой и омегой, началом
и концом, Он является,
аминь, аллилуйа.

Вот Он Царь от Царя
Святой, аминь, аллилуйа.

Где же тот, кто сможет род
Мой увидеть или
высказать, ибо он
неизречен, аминь, алли-
луйа.

Давид ведь сказал,
Господом называя Меня⁷,
Исайа же восклицает, что
Я неизречен, аминь, алли-
луйа

* * *

Есмь Я на землю
пришедший и явившийся
как смертный, будучи
Богом, аминь, аллилуйа.

Жизни прихожу дать свет
по воле Отца Моего,
аминь, аллилуйа.

* * *

⁷ Пс 109:1; ср. Мф 22:44; Мк 12:36; Лк 20:43; Деян 2:35; Евр 1:13.

Есть, кто приходят, как
овцы,
Естеством же сущие волки
—
Еще издали вас все узнают.

Жизни ищи со святыми,
Жизни ищи как достигнуть,
Жара огня как избегнуть.

За надежду держись, что
познал ты:
Знать не можешь ты день
тот,
Знаменует тебе что
Владыка.

* * *

Бог пришел, принеся все с
Собою,
За надежду держись, что
познал ты:
Знать не можешь ты день
тот,
Знаменует тебе что
Владыка.

* * *

Бог пришел, принеся все с
Собою,
Бог, над смертью триумф
Совершивший,
...

Иисус за Своих пострадал,
И сказал Он, что «спину
подставлю»,
И смерти чтоб не подпал
ты.

Ей, в старости чадо Ты дал
мне;
твоей старой жены, мы
Сарры достигли,
то Ты дал мне, это Ты от-
нял,
Господи, все ведь есть дар
Твой.

Жертва-чадо хитон подпоя-
сал,
на плечи же древо ты под-
нял,
чтобы дар свой Отцу так
исполнить.

Знайте, с вечными быть
вам прекрасней,
ведь лишь кажется время
богатством --
кто веру имеет, спасется,
и огонь пусть тебя не
опалит.

Боже Господи всех и
Владыко,
Знайте, с вечными быть
вам прекрасней,
ведь лишь кажется время
богатством --
кто веру имеет, спасется,
и огонь пусть тебя не
опалит.

Боже Господи всех и
Владыко,
прими чадо мое, дар вели-
кий,
к сей жертве дитя
облачилось.

* * *

Исаак говорит: вот и хво-
рот,
вот, отец, здесь и жертва --
отложи этот меч свой,
чтобы дар свой Отцу так
исполнить.

Есмь Я на землю
пришедший и явившийся
как смертный, будучи
Богом, аминь, аллилуйа.

Жизни прихожу дать свет
по воле Отца Моего,
аминь, аллилуйа.

Засияв солнцем
праведности верным,
аминь, аллилуйа.

Богом будучи, на земле
плотонести⁸ Я
Засияв солнцем
праведности верным,
аминь, аллилуйа.

Богом будучи, на земле
плотонести⁸ Я изволил --
этому удивляются все
пророки и патриархи,
аминь, аллилуйа.

* * *

Иисус Я, Добрый Врач,
добро Исцеляющий всех,
аминь, аллилуйа.

⁸ Редкий глагол *σαρκοφορέω* в отношении Христа употребил впервые, по-видимо-
му, Климент Александрийский (Стромата. 6, 16; Педагог. 3, 1).

Коль прекрасны все Божьи законы!
Как пример нам, Он претерпевает,
Краснейшую жизнь чтоб стяжал ты.

Лишь кто в Иордане омылся,
Лишь Тот, кто омылся в пример нам,
Льет очистительных дар омовений.

Молясь на горе, искушаем
Могуче был Он от ...
... сам стал ты.

* * *

Ныне трудись за наследство,
Ныне время пришло, чтоб подал ты
Ныне тем, кто нуждается сильно.

Чужестранцев питать
Божья воля,
Чужестранцев и всех неимущих:
Чти их, чтобы огня избежал ты.

* * *

Он, что послан Отцом на страданье,
Он, вечную жизнь Получивший,
Он, бессмертную власть Приобретший.
Проповедовал Он Своим чадам:
«Получат нищие Царство,
Получат чада Наследство».

Ругательно Он заушаем:
Разумно, чтоб помощь подать всем,
Разрушив смерть, чтоб погибла.

Как? Сжигаешь ты жертву,
о чадо?
Ты принеси, отче, жертву,
чтобы дар свой Отцу так исполнить.

[Лей,] омой и свяжи меня,
отче,
на огонь среди горы положи же,
чтобы Бог мою душу так принял,
и огонь пусть тебя не опалит.
Мать меня воспитала со рвением,

и отец целовал, полюбивши, –
молитесь, гряди я к Богу.

* * *

Ныне, мученики все, грядите,
те,
ныне мученики, исповесьте,
чтобы пользу душам принести нам,
и огонь пусть тебя не опалит.

Чуждым кажется мир этот зримый:
тот, кто веру имеет, спасется,
и огонь пусть тебя не опалит.

* * *

Он, Христос, на земле Пострадавший,
воскрес же тридневен,
чтоб попалить Велиара,
оживить же меня, ведь я тленен.

Поднимаюсь ко Отцу Я со рвением,
подняться могу, пострадавши,
чтоб попалить Велиара,
оживить же меня, ведь я тленен.

[Резво] по волнам Моисей ходит с шумом,
шум этот поднят пророком,
чтоб подняться на волны,
и огонь пусть тебя не опалит.

Как вершина, глава, вера церкви, верным Я явился,
аминь, аллилуйа.

[Легко] разрывая все узы беззакония, Я явился,
аминь, аллилуйа.

Мученикам крепостью,
силой и венцом Я стал,
аминь, аллилуйа.

* * *

Но и закон Моисеев свидетельствует обо Мне и вопиет: [аминь,] аллилуйа.

Чудо странное, всем Я явился, крестившись в реке, будучи Богом, аминь, аллилуйа.

[Очень] быстро с неба голос раздался: «Мой это Сын, Его слушайтесь», аминь, аллилуйа.

Появилась голубка, и сказал Иоанн: аминь, аллилуйа.

Речные потоки же тотчас побежали вверх, увидев страшные дела, аминь, аллилуйа.

Смерть претерпел, чтоб
бессмертье,
Свет чтобы вечный узрел
ты,
Светов чтоб Бога стяжал
ты.

* * *

Тот покой всем скорбящим,
Те метанья неверным,
Тот ужасный огонь
беззаконным.

Упасен благодатью,
пришел ты:
Услышь же прошения
нищих,
Уже не беседуй надменно.
Ужасно есть это пламя,
Ужасно на вечное время,
Ужасен огонь
беззаконным.

Христос ...
Христос, и венцы всем
святым,
Христос, и огонь
беззаконным.

Ч...
Читая псалмы со святыми,
Что душу питаешь ты,
помни.
Я...
Ясно что ты узнал, не
забудь впредь –
Ясно что Он сказал, чтоб
ты принял.

* * *

Познав же писания эти,
Ты смерти бояться не
будешь.

Сам, Господи всех и Влады-
ка,
прими чадо мое, дар вели-
кий,
к сей жертве дитя
облачилось.

* * *

Терпел Перенесший все
это,
Христос, Что был распят на
древе,
Боже Господи, Ты мя не
презри.

Устоял терпеливо Исая,
хоть пилили его, и взывал
он:
Боже Господи, Ты мя не
презри.
Убегая, как прежде,
от жены соляной убегай ты,
перед собой не смотри же,
чтобы Бог тебя камнем не
сделал.

Христа есть благо слушать
и к Ему Одному молиться,
в дар принося сокрушенье,
кажется мир ведь
богатством.

Чтит душа моя, Отче,
Тебя и до всех всессожже-
ний
и жертв исповедует присно.
Я прошу, о Господь, всех
Владыка,
прими чадо мое, дар вели-
кий,
к сей жертве дитя
облачилось.

Стали ведь воинства
ангелов петь песни:
«Иисус, Он Явившийся в
образе плоти»⁹, аминь,
аллилуйа.

* * *

[Теперь,] неверие оставив,
смертные, примите веру,
аминь, аллилуйа.

Унаследуйте часть вместе
с верными, сыновья
Единого Отца Небесного,
аминь, аллилуйа.

[Узрите:] Свет Я мира, от
Света свыше придя, аминь,
аллилуйа.

[Христа] благодать, свыше
ты воссияла, аминь, алли-
луйа.

[Чистым] душам всех
смертных, аминь, алли-
луйа.

[Явно] духовными
песнями, в псалмах и
гимнах, аминь, аллилуйа.

Композиционно Барселонский папирус построен очень четко по двустрофному модулю: он состоит из 3-х четырехстрочных (или восьмистрофного и четырехстрочного), двухстрочного, четырехстрочного и шестистрофного блоков. Первые два посвящены беседе Авраама с Богом, третий – жертвоприношению Исаака, четвертый – обращению к Церкви небесной и земной, пятый – движению к Богу, шестой – терпению и богочитанию. Причем все они завершают

⁹ Ср. *Eiphanius. Ancoratus. 57. 3.*

ся всегда темой жертвоприношения Исаака. Если вся первая половина гимна рассказывает историю Авраама, Сарры и Исаака, то ровно на середине, в строфе 13, тон резко меняется: монолог Исаака сменяет обращение к мученикам и наставления, которые перемежаются с рассказами о Христе и пророках. Кроме того, характерен последний возглас Исаака в строфе 12: «Молитесь, к Богу я иду», а строфой раньше говорится об омовении Исаака перед жертвоприношением, о чем нет речи в Библии. То есть после приготовления (сопровождавшегося беседами о Ветхом Завете) неопит через жертвенное омовение вступает в Церковь и получает заповеди терпения и любви к Богу. Поэтому вполне можно предположить, что здесь мы имеем дело с крещальным гимном (таким же, как и текст в РО), имеющим благодаря теме прообразовательного жертвоприношения Исаака и евхаристический оттенок. В Барселонский служебник он был включен, возможно, лишь потому, что у писца оставались две свободных страницы.

Ничего не говорит Рока-Пуч и о метрической стороне памятника. Конечно, он далек от какого-либо регулярного стихосложения, однако некоторые базовые моменты все следует отметить. Каждая строфа, начинающаяся с одной из букв алфавита, распадается на три или четыре ритмических отрывка, причем последний из них повторяется по несколько раз в разных строфах: всего существует 12 вариантов концовок (они, равно как и другие повторяющиеся элементы во всех текстах, выделены курсивом), и из них лишь две встречаются только по одному разу (еще в четырех случаях совпадение частичное). Каждый из этих членов содержит обычно три базовых ударения, а между этими ударениями расположены чаще всего два безударных слога, а на конце, в подавляющем большинстве случаев, ударение расположено на предпоследнем слоге.

Похожая метрическая схема содержится и в тексте из РО. Родство проявляется и в композиции: здесь каждая строфа содержит также три строки, с той лишь разницей, что каждая начинается на одну и ту же букву. Такая структура не только ставит особый акцент на заглавной букве строфы, но и придает троекратным повторением строк строфе ясную завершенность.

Структура текста здесь, как и в Барселонском папирусе, достаточно ясная и неравномерная, но не модульная: 7 – строф наставлений, 5 – с историей Христа, 2 – снова с наставлениями, 4 – опять с историей Христа и, наконец, 7 последних, которые объединяют обе эти темы. Общим моментом здесь является и ярко выраженный центр между строфами 12 и 13: рассказ о страстях Христа сменяется наставлением (в Барселонском папирусе последнее следует за повествованием о прообразовательном жертвоприношении Исаака). Даже особенность настоящего текста – добавление заключительной, резюмирующей строфы 25 – находит параллель в дополнительной первой, вводной строфе Барселонского кодекса.

Гимн из ААМi2 (III–IV вв.) не имеет столь ясно выраженного ритмического строения, как два предыдущих: длина строф сильно варьируется, иногда они распадаются на две части. Единство частей здесь достигается при помощи повторения в конце строфы припева: «Аминь, аллилуйа». О том, что последний припевался всеми, прямо сказано выше в тексте: «Припевайте после моих слов: “Аминь, аллилуйа”¹⁰». Видимо, такую же функцию имели повторяющиеся последние строки в тексте 2.

В противоположность отсутствию ритмической структуры композиционное членение гимна из ААМi2 предельно четко и схоже с Барселонским папирусом:

¹⁰ Ср. 1Пар 16:36; Отк 19:4.

3 четырехстрочных и 2 шестистрофных блока. Они крайне христологичны и посвящены соответственно следующим темам: природа Христа, воплощение Христа, Христос и Церковь, Крещение Христа, верные и Христос. И здесь, как в предыдущих двух текстах, середина текста озаглавлена знаменательной сменой темы: начинается рассказ о Крещении Христа. Следовательно, и этот гимн является, по всей вероятности, крещальным.

Таким образом, два из трех текстов (1 и Барселонский) представляют собой образцы раннего тонического стихосложения, и все три они были, скорее всего, предназначены для музыкального исполнения (судя особенно по наличию припевов в гимнах из Барселонского папируса и из ААМt2). Определенное родство между ними можно увидеть и в наличии общих начал строф (выделены полужирным шрифтом), хотя иногда эти совпадения могут быть случайными из-за редкости слов на ту или иную букву (например, в случае с ξένος и ψυχή). Все три текста достигают внутреннего единства за счет многочисленных повторений отдельных слов и словосочетаний (выделены курсивом). Наконец, наличие центра композиции посередине каждого гимна, который обозначает резкую смену предмета повествования, сопровождается всегда тематикой крещения. Можно предположить, что крещение происходило в середине исполнения гимна, а его половины пропевались соответственно до и после таинства.

Здесь следует указать на существенное и сущностное различие между акростихом алфавитным и текстовым. Последний может иметь различные функции: скрепы (препятствующей утрате отдельных частей), авторской подписи, «девиза» всего произведения. В любом случае он образует особый и каждый раз новый текст внутри текста, причем чаще всего текст авторский, служащий для выражения его замысла. Форма алфавитного акростиха, напротив, задана изначально: она определяет во многом и объем, и структуру текста. Атекстуальность алфавита заставляет автора наполнить смыслом каждый его член, реплику каждой буквы, ибо «всякое дыхание да хвалит Господа¹¹». Четкая и динамичная структура раннехристианских гимнов, особенно трех крещальных, – это отражение попытки осмыслить ясно очерченное пространство алфавита как полноту Божьего мира и священного времени от предначального (природа Бога) и до самого конца (наказание грешников на Страшном суде). Ибо, по словам Апокалипсиса¹², альфа и омега, заключающие между собой алфавит, и суть Сам Христос, Заключающий в себе всю полноту бытия. Проходя через алфавит гимна, крещаемый минует прошлое, очищается от грехов, вступает в Церковь и достигает Христа.

THREE BAPTISMAL HYMNS WITH ALPHABETICAL ACROSTIC

A. Yu. Vinogradov

In this article, dedicated to the memory of S.S. Averintsev, the author turns to a less studied genre of early Christian literature, hymns with alphabetical acrostic, undertaking a critical analysis of three texts: from PapBarc, PapAmh and ААМt. These hymns have many parallels in contents and structure. The author concludes that the texts have similar structure connected with the topic of baptism. He thinks it probable that these hymns were performed during the baptismal rite in accordance with a uniform reciting model.

¹¹ Пс 150:6.

¹² Откр 1:8, 21:6, 22:13.

А. В. Муравьев

ВРАГ РИМА – «БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ПЕРСИДСКИЙ ЦАРЬ» (Образ Шапура II в двух позднеантичных текстах)*

В начале 1990-х гг. при обсуждении моего диссертационного сочинения мы с С.С. Аверинцевым натолкнулись на один парадоксальный образ сирийской литературы – образ шаха Шапура II. Впоследствии этот загадочный образ еще несколько раз всплывал в наших разговорах с Сергеем Сергеевичем, посвященным уже другим сюжетам. Вновь об этом разговоре я вспомнил уже недавно, когда оказалось, что образ Шапура может пролить свет на соотношение двух памятников сирийской литературы ранневизантийского времени, той самой эпохи, которую так любил Сергей Сергеевич. С радостью посвящаю этот небольшой этюд его светлой памяти.

Как известно, Сасанидский шаханшах¹ Шапур II² (309–379) оставил немалый исторический след в средневековом предании. Вдохновитель и полководец в войнах с Римом, он был возвеличен как герой в персо-арабской литературе, о нем повествует Фирдоуси в «Шах-наме», его вслед за Табари упоминает практически любая средневековая арабская или персидская хроника (тарих).

Официальный образ Шапура складывается из иранских документов и нумизматики. Как известно, Шапур почти не оставил надписей. Исключением является только рельеф из Так-и-бустана, на котором видны четыре фигуры: стоящие – Шапура, бога Митры и бога Ахура-мазды и лежащая – ромейского кесаря Юлиана Отступника. Мы вернемся к этому рельефу чуть позднее. Попытаемся обратиться к персидской письменной традиции.

Как известно, именно при Шапуре II был составлен знаменитый свод «Карнамак-и Артхашатр-и Папакан» (т.е. Деяния Артхашира, сына Папака), который канонизировал официальную генеалогию и раннюю историю Сасанидов. Именно к ней и восходит большинство персидских рассказов о «подвигах Шапура». Так, знаменитое изложение и толкование авестийских текстов и комментариев к ним, составленное в IX в., «Денкарт» (*Книга о вере*) упоминает Шапура в следующем фрагменте: «Царь царей, Шапур II, сын Хормизда, побудил людей из всех областей обратиться к богу и посредством обсуждений вынести все устные предания на рассмотрение и изучение. После триумфа Адурбада, при помощи проверенных речений, над всеми сектантами и еретиками, изучавшими наски, он сделал такое заявление: “Теперь, когда мы увидели, в чем заключается правильная вера, мы не потерпим дикого, придерживающегося ложной веры, и мы будем крайне ревностными в вере”. И так он и делал»³. Этот иранский образ

* Переводы сирийских источников выполнены автором.

¹ Термин шаханшах обозначает «царь царей» (ܩܨܝܗܐ ܩܨܝܗܐ) и записывался арамейской идеограммой.

² Имя Шапур – ŠPWHR' (𐭮𐭲𐭮𐭲𐭮𐭲) восходит к корням šah – «царь» и puhr – «сын» (авест. *puθra*, древнеперс. *puç-*), т.е. «царский сын». Из появившегося в результате озвончения *p* арамейского написания ܩܨܝܗܐ уже возникает греч. Σαβῶρ, лат. Sabar и арабск. سابور.

³ *Dresden M.J. Denkart. A Pahlavi Text. Facsimile Edition of the Manuscript B of the K.R. Cama Oriental Institute. Bombay-Wiesbaden, 1966. P. 413. 2–8; Zaehner R.C. Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. Oxf., 1955. P. 8.*

Шапура – ревностного зороастрийца – вполне совпадает с житийным образом гонителя христиан. Чем более серьезно шахи воспринимали маздейскую ортодоксию, тем более нетерпимо относились они к христианам.

Таким образом, можно сказать, что Шапур II остался в исторической памяти в основном как талантливый правитель, удачливый полководец и строгий маздей⁴. Его репрессии против христиан объяснялись политическими причинами. И даже зверский обычай просверливать арабам лопатки, чтобы подвешивать их на деревьях, за что его и прозвали *ذو الاكتاف* – «человек плеч» (см. Фирдоуси. ШН. 7552), объяснялся, скорее, политическими союзами арабов с Византией⁵. Истории, которые известны многим по «Шах-намэ», имеют несколько выраженных особенностей. У Фирдоуси (а также, возможно, в его источниках) уже спутаны оба Шапура, первый и второй. Вместе с тем история о пленении кесаря и затем о Иовиане (*يونوس*) связана генетически именно с сирийской традицией, о которой речь впереди.

Персидско-арабский историк ат-Табари в своей «Истории пророков и царей», сохранившей некоторые весьма древние предания Сасанидской эпохи, писал: «Затем стал царствовать Шапур, сын Шапура Оплечника, сына Ормузда, сына Нарсе. Подданные возрадовались этому, а равно и тому, что царство его отца вернулось к нему. Он очень охотно пошел им навстречу и написал своим наместникам, чтобы они вели хороший образ жизни и снисходительно относились к подданным. Подобные же приказы он отдал своим везирам, писцам и приближенным и обратился к ним с убедительной речью о том же. Он был неизменно справедлив и милостив к своим подданным, так как их привязанность, любовь и покорность были очевидны. Пред ним смирился и его низложенный дядя Ардашир и выразил ему покорность свою. Но вельможи и знать перерезали веревки его палатки, разбитой им в одном из его дворов, палатка упала на него [и задавила его]»⁶.

Данные нумизматики и искусства интересны, скорее, для иконографии шаха, но даже и тут существует препятствие в виде иконографического типа, стандарта. Шапур изображался подобно Ардаширу или Варахрану в профиль в диадеме, с небольшой бородой⁷ (рис. 1). Бюст из музея Метрополитэн, современный шаханшаху, демонстрирует изображение анфас. Лицо Шапура строгое и торжественное. На голове его не венец, как на монетах, а жреческая тиара (рис. 2). Изображения Шапура на рельефах также следуют канонам царской иконографии. Образ царя, который можно сформировать на основе этих источников, имеет скорее канонически-декоративный смысл. Надо сказать, что деифицированный шах мыслился как некоторая проекция божественного образа. В этом смысле характерным можно назвать сходство образов Ахура-Мазды и Шапура на триумфальном рельефе из Так-и-бустана (см. рис. 3).

Грекоязычные византийские источники рассматривают Шапура обыкновенно с двух сторон: как «восточный курьез» и как врага империи. Причем второй образ явно превалирует в византийской историографии. Так, автор VI в. Агафий Миринейский (IV. 25. 2–5) доносит до нас некое иранское предание о Шапу-

⁴ Как он сам себя характеризует – *mazdyasn* (𐭣𐭥𐭩𐭥𐭭) в накш-и-раджабской надписи.

⁵ Это прозвище приводится и у Табари, хотя понять, к какому из Шапуров оно относится, сложно.

⁶ *Annales quos scripserit abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. II / Ed. M.J. Goeje, rec. J. Barth et Th. Nöldeke. Leyden, 1881–1882. P. 836.*

⁷ Серебряная драхма Gobl. SN Ia/6a: *Gobl R. Sasanian Numismatics, Klinkhardt and Biermann. Braunschweig, 1971.*

Рис. 1. Серебряная драхма с изображением Шапура II. Коллекция Роберта Шаафа

ре: «После них Сапор⁸ на весьма долгое время овладел царской властью. Он царствовал столько лет, сколько и жил. Когда мать его еще носила во чреве, закон наследования царского рода призывал к власти то, что еще должно было родиться. Не знали только, кто будет наследник – мальчик или девочка. Итак, первые люди государства предложили магам награды и дары за предсказание. Они вывели на середину кобылицу, уже близкую к родам, и потребовали, чтобы маги прежде всего предсказали относительно нее, что будет рождено от нее. Полагая, что немного дней спустя узнают, к чему приведет их предсказание, они рассчитывали, что подобный же исход будет и с тем, что они предскажут о человеке. Я не могу точно ответить, что ими было предсказано относительно кобылы. Ничего мне не известно, кроме того, что все случилось так, как ими было сказано. Когда на этом все убедились, что маги прекрасно изучили искусство предсказания, то потребовали, чтобы они предсказали, что произойдет с женщиной. Когда же те ответили, что родится мужское потомство, то нисколько далее не медлили, но положили кидар на чрево, провозгласили зародыш царем, дали имя зародышу, уже настолько выросшему, как полагаю, что он внутри двигался и трепетал. Итак, то, что природа сделала темным и неясным, то они своей надеждой и ожиданием сделали известным и несомненным и не ошиблись в своей надежде. Она осуществилась даже в большем размере, чем ожидали. Немного спустя родился и Сапор, начавший сразу царствовать. В этом состоянии он вырос и состарился, причем прожил до семидесяти лет».

Сирийское церковное предание вспоминает его, прежде всего, как организатора и вдохновителя массовых гонений на христиан в 339–350 гг.⁹ Причиной на-

⁸ Σαπώρ – еще один вариант греческой передачи имени шаха.

⁹ Hoffman J.G.E. Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer übersetzt und durch Untersuchungen zur historischen Topographie erläutert (Deutsche Morgenländische Gesellschaft. Abhandlungen, etc. Bd VII. № 3). Lpz, 1880; Delehaye H. Les versions grecques des Actes des martyrs persans sous Sapor II. P., 1905. Patrologia orientalis. T. 2. Fasc. 4.

Рис. 2. Голова Шапура II. Серебро. Иран, конец IV в. Музей Метрополитен

чала гонений на христиан обычно считают полученное Шапуrom письмо Константина Великого, которое сохранилось в сочинении Евсевия «Жизнь Константина»¹⁰. На современный взгляд это объяснение выглядит несколько натянутым. С. Брок, исследовавший эту ситуацию с точки зрения исторической социологии, считает, что главным вопросом этой переписки было разное видение ситуации в Константинополе и в самой Персии. Персидские христиане, сколько можно судить по деяниям мучеников, не противопоставляли себя персам в качестве «ромеев по рождению», но видели в конфликте противостояние «народа Божия» и «язычников», т.е. сам конфликт представлялся им не как политический, а как онтологический. А вот что в действительности думал по этому поводу шаханшах, остается загадкой.

Евсевий Кесарийский рассказывает, что инициатором переписки был именно Шапур, приславший дары императору ромеев. Тот в ответ послал в Персию

¹⁰ Vita Constantini / Ed. F. Winkelmann. Eusebius Werke. Bd 1.1. (Über das Leben des Kaisers Konstantin). Die griechischen christlichen Schriftsteller. B., 1975. P. 3–15.

письмо. Это письмо есть самый интересный пример имперского самосознания василевса. Похваляя многократно своего корреспондента, император требует от шаха прекращения жертвоприношений и защиты христиан. По сообщениям агиографов получается, что именно письмо императора Константина послужило причиной гонений. Несколько досье, входящих в группу Маруты Майферкатского, свидетельствуют, что инициаторами силовых акций выступал не император, а зороастрийские священники. Шапур, скорее, был орудием их политики вначале, а затем отношение власти к христианам как к нежелательному элементу политического ландшафта просто закрепилось. Гонение длилось сорок лет и оставило около пятидесяти разных документов. Их перечислил в своей известной статье болландист о. Поль Девос¹¹. Основные факты этого гонения стали известны Созомену, а кроме того, еп. Мартиропольский (Майферкат) Марута собрал предание об этих мучениках. Отдельное исследование их преданию посвятил Г. Виссер¹².

Оставляя в стороне множество вопросов этой группы досье (о. Девос в шутку называл ее «флотилией»), попытаемся увидеть в ней образ Шапура. Сразу надо заметить, что Шапур в большинстве этих текстов (возникших, кстати, в V–VI вв.) – просто агиографическая функция, «гонитель-тиран», впадающий в «безудержный гнев» и желающий истребить христиан за их симпатии к Риму. В некоторых мученичествах есть отдельные фрагменты, где Шапур характеризуется более тонко. В мученичестве Шимъона бар саббаэ приводятся следующие слова шаханшаха: «Ибо мы, боги, получаем только страдания от этой войны, а они (т.е. христиане. – А.М.) – удовольствие и отдых. Они живут на нашей земле и сочувствуют Кесарю, нашему врагу!»¹³. Надо сказать (и это пронизательно замечает Лабур¹⁴), что в среде персидских христиан естественно были некоторые симпатии к Риму. «Персидский мудрец» Афраат прямо желал победы ромейского оружия, так что подозрения Шапура нельзя назвать полностью беспочвенными. Из всего корпуса деяний персидских мучеников оказывается положительно невозможно составить какое-либо представление о самом Шапуре в силу высокой типологизации образа. Совершенно ясно, что Марута или другие систематизаторы корпуса деяний не испытывали никаких особых симпатий к шаху-гонителю, чем и объясняется обобщенно-типизированный образ Шапура в этой группе документов.

Кроме того, образ Шапура формировался в свете его военных кампаний. Так, например, три осады Нисибина, запечатленные Мар Афремом, представляют, скорее, портрет эпохи, чем портрет шаханшаха. Особенно интересен период Персидского похода императора Юлиана, отразившийся в двух произведениях сирийской литературы конца IV в. Первое произведение – Стихи духовные (*мадрюше*) Мар Афрема, второе – «Повесть о Юлиане», произведение неизвестного автора. Исторически ситуация состояла в том, что огромная ромейская армия вторглась на территорию Сасанидского государства. Причиной этого похода Юлиан Отступник выставлял как нападения персидских отрядов на города Месопотамии (в частности, Амиду и Нисибин), а также свое стремление стя-

¹¹ Devos P. Les martyrs persans à travers leurs actes syriaques // La Persia nel Medioevo. Accademia nazionale dei Lincei. Roma, 1971. P. 213–225.

¹² Wießner G. Zur Märtyrerüberlieferung als der Christen Verfolgung Schapurs II. Göttingen, 1967.

¹³ Bedjan P. Acta martyrum et sanctorum. Vol. III. P.-Lpz, 1890–1897. P. 143.

¹⁴ Labourt J. Le christianisme dans l'empire Perse. P., 1904. P. 48–49.

жать лавры Александра Великого. С точки же зрения сирийских писателей, осмыслявших происшедшее с христианским Востоком за время отступничества Юлиана и языческой реакции, фигура Шапура была послана промыслительно для некоторого оттенения предателя и преступника Юлиана.

В творчестве Ефрема Сирина, стихи которого переводил и С.С. Аверинцев, есть цикл, называемый обычно «юлиановским»¹⁵. Этот цикл из пяти учительных стихов, сохранившийся в одной-единственной рукописи V в. Именно в этом сирийском цикле Ефрем концептуализирует одну точку зрения, которую можно было бы назвать «оправданием Шапура». Дело в том, что во всем Юлиановском цикле главный персонаж – сам Отступник, а остальные создают контрастный фон. Одной из деталей этого фона стал и Шапур.

Во втором стихе цикла (II, 22) Ефрем говорит о Шапуре так:

Волюх, во град вшедши, святым его, нас обличая, сохранил.
Свой храм огня презрел, святыне нашей почет уделил.
Нашим небрежением построенные жертвенники сокрушил,
В наше обличение гнусные затворения упрямил.
Он знал, что только из храма Божия исходит
Милосердие, трижды нас от него избавлявшее.

Поэт имеет в виду сдачу Нисибина Шапуру в 363 г., когда тот весьма милостиво обошелся с христианскими святынями и даже повелел уничтожить некоторые нововведения Юлиана – объекты языческого культа. Легенда о сопротивлении Нисибина, которая столь ясно выведена в «Шах-намэ», видимо, не имеет под собой исторического основания¹⁶. Город был сдан шаху по договору и без боя.

Истина лик свой граду нашему являла пречасто.
В наших бедах сия явилась всечасно.
Так что даже и слепцы ее признали в нашем спасении.
Царь [персидский] ее познал в нашем избавлении.
Вне града видел ее в нашей победе теми порами,
Вошедши же, град почтил изрядными дарами.

(*Contra Julianum II, 23*)

То есть в пленении Нисибина Шапуром Ефрем видит сияние истины. Действия же Шапура составляют прямую антитезу действиям Юлиана. Какие, собственно, «дары» (هدايا), т.е. «приношения» имеет в виду Ефрем, не вполне ясно. В христианском языке слово qūrbānā имеет значение «литургия», так что при желании можно понять текст и так, что Шапур дал свободу христианам служить литургию.

Тема войны как наказания отчетливо прослеживается в Юлиановском цикле Ефрема. Но если раньше это была война священная, в которой христианам Нисибина помогал Бог, то теперь война стала «наказанием»:

Война была пещью, узрел царь в ней,
Сколь дивна истина, а ложь всего скверней.
От дел узнал, сколь добр Владыка дома сего:
Город обессилел, но Он (т.е. 120Бог) не предал его, покуда веровал он.

Когда же жертвы гнев Его возбудили, Он уступил его без сражения.

(*Contra Julianum II, 24*)

¹⁵ Des heiligen Ephraem des Syrers Hymnen de Paradiso und Contra Julianum / Hrsg. von E. Louvain von Beck, 1957. CSCO, 174/175; Syr. 78/79.

¹⁶ Turcan R. L'abandon de Nisibe et l'opinion publique (363 ap. J.C.). Vol. 2 / Ed. R. Chevalier. Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol. P., 1955.

Ефрем завершает историю о Шапуре такими словами:

Царь, жрецом став, осквернял церкви сверх меры,
Ин же царь волхв храм почтил православной веры.
Утешение нам сугубил Божьей святыни почитанием.
О нас восскорбел, миловал нас и избавил от изгнания.
[Бог] заблудившего другом во лъсти вразумил.
Все, что жрец похитил, волхв стократ возвратил.

(*Contra Julianum II, 27*)

Здесь жрец (zakōgā) Юлиан противопоставлен волхву (т.е. magu, magūšā) Шапуру. Если Юлиан стал жрецом и стал гонителем христиан, то Шапур пощадил Нисибин и почтил христианские церкви. При этом не стоит забывать, что Ефрем был свидетелем всех трех попыток Шапура взять город штурмом и всех бед, которые принесла война его жителям. Но история Нисибина, который был уступлен по договору персам после смерти Юлиана¹⁷, есть основа особой историософии, в свете которой и Шапур и Юлиан – лишь символы некоей всемирной драмы отпадения в нечистоту язычества некогда великой империи.

Тридесять лет войну Персия тщила в вести,
Не смогли враги в пределы града войти.
Хоть сломленный город и испытал падение,
Снизшел Крест граду во избавление.
И видел я страшное: на башне супостата знамя,
Здесь же гонителя тело в гробе лежащее пред нами.

(*Contra Julianum III, 3*)

Итак, Шапур у Ефрема – совсем не злой властитель, как в житийных повествованиях о мучениках. У него совершенно иная функция. Тут он – орудие Божие, средство обличения язычества. В этом смысле персидский шах совершенно имперсонален, он называется либо *شاه*, волхв, либо просто местоимениями. Имя его не важно для поэта-философа. В чем же состоит «доброта» царя-волхва? Милостивое обращение зороастрийского властителя к христианским святыням должны лишь подчеркнуть карательные мероприятия нечестивого императора-отступника. А это с неизбежностью приводит нас к выводу, что для Ефрема не Шапур – добрый, а Юлиан – злой, причем настолько злой, что по сравнению с этим злом все остальное меркнет.

Можно сказать, что такого образа как «добрый царь» (который есть по сути народная мифологема) мы не найдем почти нигде в пределах цивилизаций византийского круга. «Добрый» царь – это либо узурпатор (добрый лишь до своего воцарения), либо – неудачник (то ли некий убиенный царевич, то ли отрешившийся от престола рохля). Царь может быть суровым, может быть милости-

¹⁷ Агафий в своем труде пишет: «...во 2-й год его правления оказался во власти персов город Нисибин, бывший в древности под властью римлян, а Иовиан, их император, его продал и предал. Когда Юлиан, бывший раньше римским императором, внезапно погиб во внутренних областях персидской державы, то [Иовиан] был провозглашен императором военачальниками, войском и прочим народом. Он, только что получив власть внутри вражеской страны, когда дела, естественно, находились в запутанном состоянии, оказался не в состоянии устроить все постепенно и должным образом. Утомленный пребыванием в чужой, враждебной стране, желая как можно скорее возвратиться в свою страну, он заключил постыдный и позорный договор с врагом, который и до сего дня римское государство ощущает как большое бедствие. Он сократил государство в его новых пределах и лишил прежней обширности. То, что произошло в то время, увековечили многие из старых историков» (*Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque / Ed. R. Keydell. B., 1967. S. 33*).

вым, но никак не добрым. Поэтому Шапур – царь суровый, воин, но при этом справедливый. Милостивый царь – это нечто большее, чем царь справедливый, а Шапур в описании Ефрема именно справедливый царь. Милостивый царь, – как правило, христианин.

Второй сирийский текст, о котором мы уже писали¹⁸, «Повесть о Юлиане», также изображает Шапура II, который в ходе повествования выполняет важную сюжетно-идейную задачу. В основе «Повести» – история персидского похода Юлиана Отступника, который привел к смерти самого императора и к общегосударственной катастрофе¹⁹. Шапур появляется в «Повести» сначала как адресат грубого и агрессивного письма Юлиана. Вполне типическую картину рисует нам автор: шах, прочитав письмо, впадает в «страшный гнев» и говорит: «Итак, Рим хочет войны! Пусть Солнце поможет нам!», а затем обращает к императору ромеев ответное послание, начинающееся словами «О, женоподобный ромей!»

Шапур и его советники – отдельная сюжетная линия. Так, обращаясь к придворным, шах говорит: «Вы знаете, сколь я опытен в военном деле и как много подвигов я совершил», тем самым подбадривая их и склоняя к военным действиям. Шапур далее посылает послов к ромеям с предложением сдаться, аргументируя предложение неминуемой гибелью множества народа, которой надо избежать. Шаху тайно сочувствует главный генерал Юлиана Иовиан, который входит в секретные переговоры с посланником Шапура великим мобедам Ар-Махиром и даже обращает его в христианскую веру. Вместе они осуществляют несколько шпионских операций и даже спасают от смерти самого Шапура.

Особенно интересны два эпизода из конца повести: смерть Юлиана и мирный договор. Как рассказывает «Повесть», стрела, прилетевшая из воздуха (ее тайно посылает защищающий христиан мучник Кириос²⁰) поразила Юлиана, а с небес раздался глас. Среди персов и ромеев разгорается спор о том, кто же послал убийственную стрелу. Шапур посылает письмо ромейской армии, объясняя, что стрелу и голод на войско послал сам Ахурамазда. Он призывает оплакать Юлиана и выбрать нового императора. Когда в войске получают письмо, то все произносят ключевую фразу: «Видно, Бог христианский направил Иовиана к Шапуру!» Выше мы упоминали так-и-бустанский рельеф, на котором изображены Митра, Шапур, Ахурамазда и поверженный стрелой Юлиан (см. рис. 3). С одной стороны поражает близость идеи «Повести» и идеи рельефа, а с другой видна разница в трактовке образа Шапура в официальной иконографии и в сирийском повествовании.

После того как Иовиан чудесно венчался на царство короной, спустившейся с Креста, он вступил в самую сердечную переписку с Шапуром. В письмах шах именует Иовиана «сыном» (*ber-y*), а тот в ответ называет Шапура «отцом» (*ab-y*). Отзвуки этого эпистолярного диалога слышны у Фирдоуси. Наконец, в результате долгой и весьма сентиментальной переписки оба властителя встречаются на некоей равнине (87r). Иовиан, оставив свою свиту, приблизился к персидскому стану и, сняв венец, приветствовал шаха. Тот в ответ также снял венец и приветствовал императора ромеев, принеся клятву, что более ни один волос не упа-

¹⁸ Muraviev A. The Syriac Julian Romance and its place in Literary History // Христианский Восток, 1998. 1/7. P. 194-206.

¹⁹ Текст ее опубликован И. Хоффманном: Julianos der Abtrünnige. Syrische Erzählungen / Hrsg. von J.G.E. Hoffmann. Leiden, 1880.

²⁰ Один из знаменитых сорока мучеников, известный в греческом предании под именем Κυρίων.

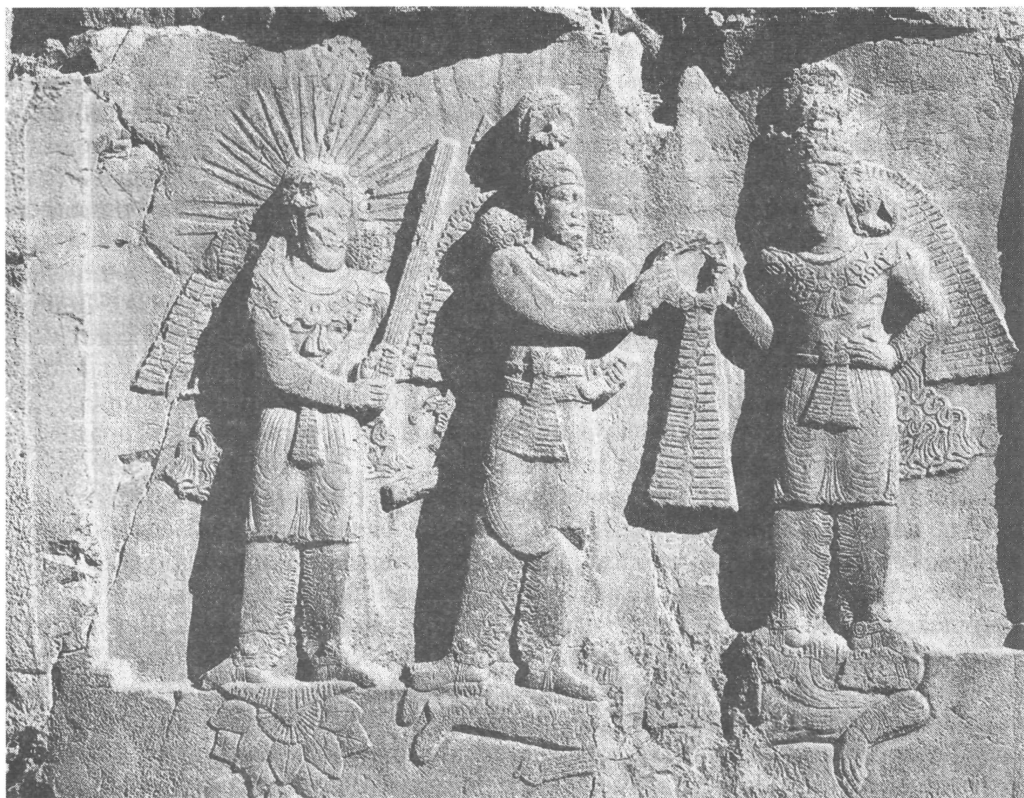

Рис. 3. Барельеф со сценой инвеституры из Так-и-Бустана (Северный Иран)

дет с головы нововенчанного владыки Константинополя. На следующий день Иовиан просит у шаха позволения отправиться в обратный путь. Тот прощается с ним и посылает приказ не причинять более вреда ни одному христианину. Вместе властители въезжают в покинутый Нисибин, жители которого уже перебрались в Эдессу, и там прощаются, чтобы уже более никогда не увидеться.

Это повествование, как кажется, выдается в историографии хотя бы уже по объему материала. Трудно судить о его достоверности уже потому, что перед нами художественный текст. В описанных событиях легко узнать литературный прототип рассказа Фирдоуси (воспроизводящего, собственно, в косвенной передаче «Хватав намак», позднесасанидскую «Книгу владык») о Шапуре и Барануше (برنوش, странное имя, в котором обычно видят искажение Валента²¹). Однако, если верить сообщению армянского историка Моисея Хоренского²², в основе этой «Повести» может оказаться хроника некоего мобеда Хуарра-бохта (Խուարրա Բոխտ), который приняв в крещении имя Елезар, записал в Константинополе историю Персидской войны. Если именно эта хроника находилась в распоряжении анонимного автора «Повести», а Елезар – обратившийся в христианство верховный мобед Шапура Ар-Махир, то в описанных событиях можно увидеть отражение действительных обстоятельств заключения мира 363 г. и роли

²¹ Существует теоретическая возможность считать Baranūš искажением имени Иовиана через сирийское ܒܪܢܘܫܐ и арабское يوبوس. При игнорировании интерпункции и смешении *ya* и *ra* такое вполне возможно.

Шапура в них, отраженных впоследствии в «Карнамаке» в несколько искаженном виде.

Оставив в стороне проблемы исторической критики, скажем несколько слов о художественной и идейной нагрузке образа Шапура в «Повести о Юлиане». Шапур предстает в нем уже не как антитеза отступника Юлиана. Образ шаханшаха сложнее и задача его – свидетельствовать об особом христианском видении мира как условия спасения империи. Иовиан жертвует гордостью ради мира и спасения людей в отличие от Юлиана, который подчинил своей безумной идее завоевания Персии и истребления христиан любой ценой жизнь тысяч людей. Ответственность царя проявляется в виде ответственности за войско. Шапур, как и Иовиан, жалеет людей и стремится к прекращению кровопролитной бойни, не нужной ни Риму, ни Персии. Таким образом, автор стоит несколько ближе к психологическому портрету Шапура, чем Ефрем Сирин, для которого фигура «царя-вохва» – только декорация грандиозной историософской драмы.

Остается ответить на вопрос, поставленный еще Теодором Нёльдеке²³, о зависимости «Повести» от «Юлиановского цикла» Ефрема. В положительном смысле на этот вопрос отвечал Х.Я. Драйверс²⁴, однако его аргументы отличаются некоторой поверхностностью и производят впечатление подобранных под заранее сформулированный тезис о наличии прямой зависимости. Вопрос этот комплексный, но если судить по идейному направлению, то образ Шапура проработан совсем в другой плоскости, что может косвенно свидетельствовать о независимости автора «Повести» от ефремовского цикла стихов. Окончательно решить вопрос о влиянии Ефрема Сирина на автора «Повести» может только выявление стилистических и текстуальных параллелей между двумя текстами, которое обещает в скором времени опубликовать американский ученый Э. Папуцакис. Наше впечатление состоит в том, что если и было какое-то влияние со стороны Ефрема на автора или компилятора «Повести», то оно ограничивалось заимствованием поэтических фигур, но никак не образов и идей.

Пожалуй, остается сказать, что образ Шапура – это образ «чужого» (другого) в культуре поздней античности, культуре, начинающей осознавать ценность личности и ее переживаний, даже если эта личность – монарх и властитель враждебного Риму государства. Именно об этом перевороте в позднеантичной культуре прекрасно написал С.С. Аверинцев и в своей книге, и в нескольких статьях²⁵.

²² Movsēs Xorenac'i, Hist. Armen. II. 22 (Խոռոհրուտ եպիր եղեալ Շապշոյ Թագաւորին Պարսից, և անկեալ ՚ի ձեռն Յունաց, յորձամ Յուլիանոս, որ և Պառաւաթոսն, զորո շանդերձ ՚ի Տիգրոն չոգալ, և ՚ի Օրանելն նորա անդ, ընդ Յորիանո ՚ի Յոյնս ընգ արքունական սպասաւորոն եկն. և Օրոյ շաւատոյն դաւանեալ, անուանեցաւ Եղիադար• և յոյն լեզու ուրբալ, պատմաբրեւաց գործս Շապշոյ և Յուլիանոս)։

²³ Nöldeke Th. Über der syrischen Roman von Kaiser Julian // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1874. 23. S. 263–292.

²⁴ Drijvers H.J.W. The Syriac Romance of Julian. Its Function, Place of Origin and Original Language. *Symposium Syriacum VI*. Roma, 1994 (Orientalia Christiana Analecta. Vol. 247). P. 201–214.

²⁵ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; он же. Происхождение христианства // История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. В 3-х т. М., 1989; он же. Философия // Культура Византии. Т. I. М., 1984.

THE ENEMY OF ROME, «THE PIOUS PERSIAN KING»
(*The Image of Shapur II in Two Texts of the Late Antiquity*)

A. V. Muraviev

The article deals with the image of Shapur II, Sasanian shahanshah of the 4th cent. The official images (coins and a sculptural portrait) contribute to the shaping of his physical portrait, while written sources describe his politics. Two Syriac texts illustrate the attitude of Aramaic Christians toward Shapur. Mar Aphrem of Nisibis portrays Shapur as king-magician who took the city of Nisibis weakened by Julian's apostasy. Textual analysis shows that Shapur's function in the «*Contra Julianum*» was rather to make a vivid contrast with the figure of Julian the Apostate.

Another Syriac text pertaining to Shapur is the «*Syriac Julian Romance*» which is based on a chronicle by a Persian converted to Christianity. The image of Shapur is rather sympathetic. He was portrayed as a pacifier of the Orient and a «father and friend» of the Roman emperor Jovian.

© 2005 г.

Л. В. Семенченко

БЫЛИ ЛИ САДДУКЕИ ЭПИКУРЕЙЦАМИ?
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СУДЬБЫ, ПРОМЫСЛА
И СВОБОДЫ ВОЛИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИОСИФА ФЛАВИЯ

Три отрывка, в которых Иосиф описывает различия между иудейскими течениями ессеев, фарисеев и саддукеев¹, не случайно привлекают особенно пристальное внимание ученых на протяжении уже почти целого столетия. С одной стороны, эти свидетельства Иосифа представляют собой наиболее систематическое сравнительное описание основных религиозных течений иудаизма Второго Храма и поэтому лежат в основе всех исследований по истории этих учений, а также связанных с ними социальных групп. С другой стороны, характер этих описаний и их место в историческом повествовании Иосифа вызывают недоумения и служат источником множества до сих пор еще не разрешенных вопросов.

Пожалуй, наиболее сложным и обсуждаемым среди них оказался вопрос о критерии, который наш автор положил в основу различий между иудейскими течениями. Надо сказать, что сведения о фарисеях, саддукеях и ессеях, которые дает нам Иосиф, не ограничиваются тремя знаменитыми описаниями. Так, во II книге ИВ мы находим пространный экскурс о ессеях (II. 120–161), а XIII книга ИД помимо отрывка о трех течениях содержит ценные замечания о различии между саддукеями и фарисеями в отношении устной традиции, которые Иосиф приводит в связи с описанием конфликта между Ионом Гирканом и фарисеями

¹ ИВ II. 162 слл.; ИД XIII. 171 слл.; ИД XVIII. 11 слл. Вслед за замечательным французским исследователем Ж. Ле Муаном я предпочту отказаться от использования для именовании этих иудейских групп термина «секты», который является калькой употребляемого Иосифом слова *οἱρεσις*. Как и в европейских языках, в русском понятие «секты» предполагает отделение от большей и ортодоксальной части, что совершенно неверно в случае с фарисеями, саддукеями и ессеями, которые занимали (во всяком случае, формально) равноправные позиции в иудаизме I века. Ср. *Le Moyné J. Les Sad-ducéens*. P., 1972. P. 33.

(XIII. 297–298). Однако именно в трех описаниях, упомянутых в начале статьи, наш автор приводит наиболее систематическое сравнение основных иудейских групп, соответствующих различным направлениям иудейской мысли. В XIII книге ИД, где впервые в этом труде появляется упоминание о трех течениях, Иосиф сообщает: «В то время существовало среди иудеев три школы (αἱρέσεις), которые различно судили о человеческих делах» (ИД XIII. 171), затем он излагает взгляды фарисеев, ессеев и саддукеев по вопросу о соотношении судьбы (εἰς αἰῶν) и свободы воли (ἐφ' ἡμῖν αὐτοῖς). Рассуждения на тему отношения к судьбе отличают и два других свидетельства. Почему же наш историк использует в качестве главного критерия для описания различий между иудейскими «школами» вопрос об отношении к судьбе, который, судя по данным раввинистических источников и Нового Завета, играл далеко не определяющую роль в истории противостояния их учений? И что, в сущности, подразумевает наш автор под εἰς αἰῶν: употребляет ли он это понятие в иудейском смысле, т.е. подразумеваемая Бога или промысел, или же в одном из тех значений, которые придавали этому понятию греческие философы, – в значении судьбы как причинно-следственной цепи событий или всемогущей судьбы, определяемой расположением небесных светил? Два этих вопроса легли в основу многолетней дискуссии, разделившей ученых на две основные группы: сторонников понимания εἰς αἰῶν как эллинизированной формы, употребляемой Иосифом для описания промысла, и сторонников «философского» значения этого понятия². Второе из этих предпо-

² Начало этой дискуссии положила статья Дж. Мура: *Moore G.F. Fate and Free Will in the Jewish Philosophies according to Josephus* // *HTHR*. 1929. 22, в которой он высказал гипотезу о том, что сообщения Иосифа о трех течениях отражают словоупотребление стоиков и целиком заимствованы Иосифом из Николая Дамасского. В то же время в остальных частях своего труда Иосиф трактует εἰς αἰῶν – в русле еврейской традиции – как божественное предопределение, а не как судьбу в стоическом (Хрисипповом) смысле. Эта гипотеза была противопоставлена тезису о том, что в вышеуказанных отрывках Иосиф использует понятие εἰς αἰῶν для передачи идеи божественного Промысла, т.е. наделяет греческую философскую концепцию εἰς αἰῶν иудейским смыслом. До Мура эта точка зрения существовала в научной литературе как простое допущение и не обосновывалась никакими аргументами: *Suffrin A.E. Fate (Jewish)* // *ERE*. 1937. Vol. V. P. 793–794; *Broyde I. Fatalism* // *JE*. 1925. Vol. V. P. 351; *Lauterbach J.Z. The Pharisees and Their Teachings* // *HUCA*. 1929. 6. P. 129 f. По поводу значения понятия εἰς αἰῶν у Иосифа сформировались две основных позиции ученых: одни считают, что это понятие означает божественный промысел, – *Marcus R. Josephus, Works. Translation and commentary*. Vol. VII. L. – *Cambr. (Mass.)*, 1943. P. 311. Not. g; *Wächter L. Die unterschiedliche Haltung der Pharisäer, Sadduzäer und Essener zur εἰς αἰῶν nach dem Bericht des Josephus* // *ZRGG*. 1969. 21. S. 101–102, 107–108; *Meyer R.* // *TDNT*. Vol. 7. P. 46; *Le Moynes*. Op. cit. P. 34; *Flusser D. Josephus on the Sadducees and Menander* // *Immanuel*. 1977. 7. P. 61–67; *Weiss H.-F. Pharisäismus und Hellenismus: zur Darstellung des Judentums im Geschichtswerk des jüdischen Historikers Flavius Josephus* // *Orientalistische Literaturzeitung*. 1979. 74. S. 427–429; *Urbach E.E. The Sages: Their Concepts and Beliefs / Trans. I. Abrahams*. Vol. 1. *Jerusalem*, 1987. P. 268. Другие – в их числе *Moore*. Op. cit. P. 379; *Maier G. Mensch und freier Wille: nach den jüdischen Religionsparteien zwischen Ben Sira und Paulus*. Tübingen, 1981. S. 17; *Mason S. Flavius Josephus on the Pharisees. A Composition-Critical Study*. *Leyde*, 1991. Ch. 6 – выступают в защиту корректности употребления Иосифом греческого понятия, доказывая, что речь идет именно о судьбе-предопределении. Обоснованию этой же точки зрения посвящена статья Ф. Шмидта: *Schmidt F. Destin et providence chez Flavius Josephus* // *Pierre Vidal-Naquet, un historien dans la cité / Sous la dir. de F. Hartog, P. Schmitt et A. Schnapp*. P., 1998. P. 169–190. Особняком стоит гипотеза Л. Мартина (*Martin L.H. Josephus's Use of εἰς αἰῶν in the Jewish Antiquities XIII, 171–3* // *Numen*. 1981. 28. P. 127–135), который предполагает, что в трех описаниях Иосиф понимает под εἰς αἰῶν судьбу в астрологическом смысле, как ход вещей, диктуемый неизбежным движением планет, поскольку именно такое значение этот термин имел в популярной литературе. Справедливую критику его аргументов см. в кн.: *Mason*. Op. cit. P. 395–398.

ложений неизбежно приводит исследователя к выводу о том, что в своем рассказе об иудейских учениях Иосиф выставляет на передний план ту проблематику, которая была скорее характерна для греческих философских школ его времени и уж во всяком случае не служила основным объектом разногласий в иудейском обществе, а следовательно, свидетельству нашего автора нельзя доверять. Гораздо большее число сторонников приобрела первая точка зрения. Предположение о том, что, описывая философские или, если угодно, богословские аспекты трех иудейских учений, Иосиф просто облакал в греческие одежды иудейские представления о действии Бога и Его промысла в истории, заняла главенствующие позиции в историографии и вошла в учебники и аннотированные издания «Иудейской войны» и «Иудейских древностей»³. Однако такое понимание поставило перед исследователями другую трудноразрешимую дилемму. Если считать, что в трех описаниях Иосиф отождествляет εἰσαρμένῃ и промысел, то приходится признать, что саддукеи изображаются им как отрицающие промысел, т.е. фактически как безбожники. Наиболее отчетливо эта проблема была сформулирована Шмидтом в его статье о судьбе и промысле у Иосифа. Представление о том, что ессеи объясняют все действием промысла, а фарисеи приписывают часть происходящих событий ему, а другие – свободной воле человека, еще можно принять без особых проблем. «Но как допустить, что саддукеи, со своей стороны, совершенно отрицают промысел? Это возможно только если видеть в них не иудеев, приверженных письменному Закону, но настоящих неверующих, погруженных исключительно в мирские дела... здесь лежит главное возражение» по отношению к теории о тождестве εἰσαρμένῃ и промысла у Иосифа⁴. Пытаясь разрешить это противоречие, Р. Мейер пишет, что в описаниях Иосифа «саддукейство, похоже, представляет собой учение, которое, не отвергая существование Бога теоретически, на практике близко к атеизму»⁵. По мнению Л. Вэхтера и Ж. Ле Муана⁶, в своем описании саддукеев Иосиф, пытаясь приблизить их взгляды к философским доктринам, уже существующим у греческих философов, допустил известную схематизацию и впал в преувеличение. По этой причине его свидетельство о саддукеях нельзя рассматривать как отражающее реальность⁷.

Как кажется, вопрос об интерпретации позиции саддукеев оказывается ключевым при попытке оценить историческую достоверность традиции о трех основных течениях в иудаизме, которую передает нам Иосиф, в ее совокупности. Разнообразие подходов и необычайная широта того спектра мнений, которые высказывают исследователи в связи с интерпретацией этих описаний Иосифа, но в особенности его сообщений об учении саддукеев, свидетельствуют о том, что ключ к решению проблемы еще не найден.

В этой статье я бы хотела опробовать еще один подход к интерпретации иосифовых свидетельств: во-первых, попытаться более четко вычленить те кри-

³ *Schmidt*. Op. cit. P. 172.

⁴ *Ibid*.

⁵ *Meyer*. Op. cit. P. 46.

⁶ *Wächter*. Op. cit. S. 105 ff.; *Le Moynes*. Op. cit. P. 40.

⁷ При этом Ле Муан добавляет еще один нюанс к интерпретации Иосифова свидетельства. Признавая, что саддукеи Иосифа отрицают промысел, он категорически возражает против утверждения Мейера о том, что наш автор отождествляет их с эпикурейцами. По мнению Ле Муана, сходство в описании Иосифом эпикурейцев и саддукеев лишь кажущееся, поскольку «для эпикурейцев (в изображении Иосифа. – Л.С.) характерно отрицание существования Бога как создателя, которого мы не находим у саддукеев» (Op. cit. P. 34).

терии, которые он кладет в основу своих описаний учения фарисеев, саддукеев и ессеев. Во-вторых, рассмотреть проблематику этих отрывков в двойной перспективе, т.е., с одной стороны, выяснить, как она связана с основными историографическими концепциями сочинений самого Иосифа, а с другой – как она соотносится с философскими дискуссиями его эпохи.

Начнем наше рассмотрение с отрывка из ИВ II. 162–166. Здесь Иосиф сообщает о фарисеях, что они «все [происходящее] связывают с судьбой и Богом (εἰμαρμένῃ τε καὶ θεῷ προσάπτουσι πάντα), [считая] при этом, что по большей мере от людей зависит, поступать ли им праведно или нет, но участвует в совершении каждого поступка также и судьба (βοηθεῖν δὲ εἰς ἕκαστος καὶ τὴν εἰμαρμένην). При этом любая душа бессмертна, но переходит в другое тело только душа добродетельных, души же злых подвергаются вечной каре» (II. 163).

Одна из стоических параллелей к терминологии этого отрывка была указана уже Дж. Муром⁸. Примером позднестоического развития идеи о взаимодействии божественной и человеческой воли в пределах одного поступка может служить высказывание Марка Аврелия: «Кто сказал, что боги не участвуют также и в том, что зависит от нас самих?»⁹. Речь идет о том, что боги определяют ход внешних событий, а от человека зависит, сможет ли он воспринять их исходя из «правого разума». Но даже и в этом боги могут ему содействовать, и именно об этом содействии и нужно просить в молитвах.

В противоположность фарисеям саддукеи «совершенно отрицают судьбу и полагают, что Богу не свойственно ни совершать зла, ни наблюдать [за человеческими делами] (вариант: не только творить зло, но и замечать его), (τὴν μὲν εἰμαρμένην παντάλασι ἀναίρουσιν καὶ τὸν θεὸν ἔξω τοῦ δρᾶν τι κακὸν ἢ ἐφορᾶν τίθενται), и говорят, что люди по своему выбору решают, что хорошо, и что плохо и по собственному разумению склоняются к тому или другому. Отвергают они и посмертное существование души, а также загробные наказания и награды» (II. 164–165).

По поводу перевода этого отрывка мнения ученых разделились. Чтение κακὸν в II. 165 вызвало сомнения у значительного числа исследователей, в том числе, у автора стандартного издания текста Иосифа Б. Низе¹⁰, в то время как другие принимают его, как отражающее рукописную традицию¹¹. Действительно, понимание этой фразы в том виде, в котором она дошла в рукописях (δρᾶν τι κακὸν ἢ ἐφορᾶν), представляет некоторую трудность, поскольку при таком толковании в пределах этого словосочетания происходит подмена подразумеваемого при κακὸν субъекта: в первой части говорится о том, что Бог не совершает

⁸ Cic. De Fato. 41; ср. Moore. Op. cit. P. 384.

⁹ τίς δέ σοι εἶπεν ὅτι οὐχὶ καὶ εἰς τὰ ἐφ' ἡμῖν οἱ θεοὶ συλλαμβάνουσιν (Marc. Aur. 9. 40).

¹⁰ Ср. в критическом аппарате ad loc. его издания: κακὸν fort. spurium. Чтение без κακὸν принимает также Л. Вэхтер, и в его переводе Бог, по мнению саддукеев, «ничего не совершает и даже не наблюдает (за мирскими делами)». Таким образом, Вэхтер приписывает саддукеям полное исключение Бога из жизни мира и заключает, что Иосиф сближает их взгляды с позицией эпикурейцев, так же как в другом месте он сравнивает фарисеев со стоиками (Ж 12) и ессеев с пифагорейцами (ИД XV. 371), – Mason. Op. cit. P. 387. Not. 23. «Эпикурейское» прочтение отрывка принимает Р. Мейер (Op. cit. P. 46); Ле Муан, хотя и не полностью соглашается с Мейером, тем не менее в своем переводе тоже исключает κακὸν (см. выше, прим. 7).

¹¹ Ср., например, перевод Шмидта (Op. cit. P. 185): «tiennent Dieu [pour être] en dehors de faire un mal quelconque ou d'en supporter la vue»; Thackeray H.St.J. // Josephus. Works. Vol. II. The Jewish War / English translation. L., 1976. P. 387: «remove God beyond, not merely commission, but the very sight, of evil»; Main E. Les sadducéens vus par Flavius Josephus // Revue biblique. 1990. № 97. 2. P.173.

зла, в то время как τὴ κακὸν... ἔφορῶν можно понять только в том смысле, что Он не взирает на зло, совершаемое людьми. Вариант Теккерей и Шмидта – Бог не только сам не совершает зла, но не переносит даже его вида¹², не кажется удачным выходом из положения. Понимание в данном случае глагола ἔφορῶν как «терпеть, выносить» крайне натянуто. Употребляемый по отношению к божеству, этот глагол всегда имеет ярко выраженный активный характер. То, что боги «взирают», обозначает, прежде всего, что они так или иначе участвуют в человеческих делах. Неслучайно это понятие, часто применяемое по отношению к божеству как в философском, так и в разговорном языке эпохи Иосифа, напрямую связано с характеристикой божественного промысла, а выражение θεὸς τὰ πάντα ἔφορᾷ фактически тождественно θεὸς προνοεῖ¹³. В целом выражение τὴ κακὸν ἔφορῶν представляется с точки зрения греческого словоупотребления странным. Можно предположить, что ἔφορῶν употреблено здесь непереходно¹⁴, а κακὸν служит дополнением только к глаголу δρῶν и переводить: «полагают, что Бог не совершает зла и не наблюдает [за человеческими делами]». Что же касается философской атрибуции отрывка, то даже при условии, что мы принимаем чтение δρῶν τὴ κακὸν ἢ ἔφορῶν, высказывание в целом сохраняет свою «эпикурейскую» направленность. Сама по себе идея о том, что Бог не может служить источником зла, хорошо известна. Ее разделяли во времена Иосифа и стоики, и платоники¹⁵. Однако у Иосифа оказывается, что Бог не только не совершает зла, но и «не взирает» (ἢ ἔφορῶν) на него. Так или иначе присутствие глагола ἔφορῶν во второй части фразы совершенно отчетливо дает нам понять, что вместе с εἰμαρμένη саддукеи отрицают не только возможность для Бога служить источником зла, но и вообще факт Его активного присутствия в мире.

Что касается ессеев, в этом отрывке Иосиф не говорит об их отношении к судьбе, но в своем пространном экскурсе о ессеях, предваряющем сравнение трех течений, упоминает о том, что они признают бессмертие души и загробное воздаяние, представляя его на манер греческих философов (ИВ II. 154–155).

Таким образом, основная проблематика этого отрывка – во-первых, вопрос о соотношении судьбы и свободы воли, во-вторых, вопрос об отношении саддукеев и фарисеев к посмертному воздаянию. Но при этом проблема судьбы и сво-

¹² Ср. понимание Э. Мэн: по мнению саддукеев, Бог «настолько удален от зла, что Он не может ни видеть, ни предвидеть его» (Op. cit. P. 173).

¹³ Ср. например, название одной из глав «Рассуждений» Эпиктета: «Ὅτι πάντας ἔφορᾷ τὸ θεῖον» (Epict. Diss. I.14), Иосиф сам пользуется этим понятием для обозначения промысла. Так, в трактате «Против Апиона» он, демонстрируя несогласие языческих философов относительно природы божества (так что некоторые вообще отрицают его существование, другие же отрицают божественное промышление о человеческих делах), противопоставляет этому разнообразию взглядов единое для всех иудеев представление о Боге, закрепленное в Моисеевом законе, «состоящее в том, что Он наблюдает за всеми вещами» (πάντα λέγων ἐκεῖνον ἔφορῶν – П. 181). Ср. ИД XIX. 61; ИВ I. 631.

¹⁴ Ср. Plut. Aet. Rom. et Gr. 276 A 5: δηλοῖ θεὸν ἐλσκολοῦσαν καὶ ἔφορῶσαν.

¹⁵ При этом платоники считали, что зло порождается факторами, отличными от εἰμαρμένη и πρόνοια, в то время как для стоиков зло не является, а только кажется таковым, на самом же деле, все, что происходит, является наилучшим. Ср. Trapp M.B. // Maximus of Tyre. The Philosophical Orations / Translated, with an Introduction and Notes. Oxf., 1997. P. 123. Not. 33. В качестве иллюстрации платоническо-стоической версии этого взгляда, можно привести отрывок из речей Максима Тирского. Рассуждая о πετρῶμένη, Максим замечает: (οὐδὲ καθ' εἰμαρμένην αἱ ἀνθρώπιναι συμφοραὶ οὐ γὰρ θέμις ἀνάπτειν θεῶν αἰτίαν κακοῦ) (13. 8d). Для Плутарха истинное понятие о Боге состоит в том, что «Он является начальником всех благ и отцом всех добродетелей, и ему не присуще творить никакого зла, так же как и претерпевать его» (ὡς πάντων μὲν ἡγεμὼν ἀγαθῶν πάντων δὲ πατὴρ καλῶν ἐκεῖνός ἐστι, καὶ φαῦλον οὐθεν ποιεῖν αὐτῷ θέμις ὥσπερ οὐδὲ πάσχειν – Non posse 1102 D).

боды воли связывается Иосифом с проблемой моральной ответственности человека за свои поступки. Это, кстати говоря, единственный пункт, по которому мнение фарисеев и саддукеев совпадает (ср. ИВ II. 163 и II. 165). Вместе с тем в отрывке присутствует и проблема промысла: во-первых, в связи с вопросом о воздаянии (который обсуждается для всех трех течений), во-вторых, в связи с позицией саддукеев, которая сводится, по нашему предположению, фактически к отрицанию промысла.

Отрывок, содержащий описание трех течений в XVIII книге, сам Иосиф представляет как резюме его сообщения в «Иудейской войне» (ИД XVIII. 11). Вопрос об отношении саддукеев к проблеме судьбы и свободы воли в этом отрывке Иосиф обходит молчанием. При этом он касается их отношения к бессмертию души, и отмечает, что, по мнению саддукеев, души погибают вместе с телами¹⁶. «Философская» часть описания фарисеев звучит следующим образом: «Они [фарисеи] считают, что все события свершаются силой судьбы, но не отрицают и самостоятельного стремления человеческой воли, поскольку Богу было угодно, чтобы существовало это соединение и чтобы [события] определялись как советом судьбы, так и людьми, проявляющими волю, с их добродетелью или пороком».

πράσσεσθαί τε εἰμαρμένη τὰ πάντα ἀξιοῦντες οὐδὲ τοῦ ἀνθρωπέου τὸ βουλόμενον τῆς ἐπ' αὐτοῖς [ἀπ' αὐτῆς codd.] ὀρμῆς ἀφαροῦνται δοκῆσαν τῷ θεῷ κρίσιν [MWE: κρίσιν] γενέσθαι καὶ τῷ ἐκείνης βουλευτηρίῳ καὶ τῶν ἀνθρώπων τῷ θελήσαντι [MW: τὸ ἐβελῆσαν E: τῷ εβελῆσαντι A] προσχωρεῖν μετ' ἀρετῆς ἢ κακίας (XVIII. 13).

Эта часть текста изобилует разночтениями, и большинство переводчиков предполагает, что в этом месте текст был испорчен. Отметим основные из предложенных вариантов перевода. Наиболее существенно с точки зрения смысла разночтение κρίσιν/κρίσιν. Большинство переводчиков принимают первое чтение¹⁷. В. Тайлер принимает чтение κρίσιν, понимая это слово в значении συγκοτόθεσις – «одобрение» (стоический термин), и предлагает следующий перевод: «так как Бог решил, что должно быть некое согласие в том, чтобы учитывать как совет судьбы, так и волеизъявление людей»¹⁸. Особую позицию занимает Шмидт, который, принимая чтение κρίσιν (в его переводе – «judgement»), считает, что речь идет не о постановлениях судьбы, а о посмертном суде, где решается, в какой мере человек сам отвечает за совершенные им поступки, а в какой мере они предопределены судьбой¹⁹. Мне кажется, что следует предпочесть чтение κρίσιν по нескольким причинам. Во-первых, при таком предпочтении идея сотрудничества судьбы и

¹⁶ Здесь Иосиф вообще уделяет гораздо больше внимания фарисеям, намеренно сокращая сведения о саддукеях. О причинах этого см. *Main*. Op. cit. P. 172, 183.

¹⁷ Маркус и Теккерей переводят его соответственно как fusion, coalition: *Marcus*. Op. cit. P. 13; там же (P. 12. Not. a) приводится перевод Теккерей; см. также *Schmidt*. Op. cit. P. 187.

¹⁸ «da Gott beschlossen habe, daß es eine Zustimmung gebe, sowohl dem Rat der εἰμαρμένη wie dem menschlichen Willen beizutreten» (*Theiler W. Tacitus und die antike Schicksalslehre // Phylologia für Peter von der Mühl zum 60. Geburtstag*. Basel, 1946. S. 40. Anm. 2).

¹⁹ *Schmidt*. Op. cit. P. 187–188. Его перевод: «car il a plu à Dieu qu'il y ait un jugement, et qu'à la délibération de celui-là [i.e. du jugement] s'approche aussi, avec [la] vertu ou [le] vice, le vouloir des hommes», основанный, по-видимому, на указании глоссы в латинской рукописи: iudicium dei futurum esse sentiunt, выглядит несколько натянутым. Если принятое им понимание κρίσις еще можно принять к обсуждению, то в остальном оно просто ошибочно. Во-первых, ничем не оправдан перевод βουλευτήριον как «решение, постановление», поскольку такое значение не зафиксировано античными текстами: см. *Liddel-Scott*. s.v. βουλευτήριον. Тем более фантастичным кажется словосочетание κρίσεως βουλευτήριον, которое видит здесь Шмидт, подразумевая под ἐκείνης не εἰμαρμένη, а κρίσις и переводя всю конструкцию как «постановление суда». Вся дальнейшая интерпретация, основанная на этом неверном переводе, оказывается совершенно надуманной.

человеческой воли выступает в нашем отрывке наиболее отчетливо и все сообщение наилучшим образом согласуется со свидетельством о фарисейских взглядах по вопросу о судьбе в «Иудейской войне». Во-вторых, в пользу этого чтения свидетельствуют параллели. В его поддержку можно привести два отрывка из Максима Тирского, автора, современного Иосифу. В 13-й главе его «Речей» мы находим сходное описание взаимодействия εἰσαρμένῃ и «того, что зависит от нас» – τὸ καθ' ἡμῖν. Максим говорит о том, что способность человека влиять на происходящие события составляет часть εἰσαρμένῃ: «человеческая воля тесно связана (ἀνακέκραται) со всей системой, тоже будучи частью судьбы»²⁰. Более просто та же мысль выражена в 13. 8: «Но как среди амфибий птицы причастны небесам благодаря передвижению в воздухе, таково же, как я вижу, и течение человеческой жизни: оно двойственно и в нем смешаны (κεκραμένῃν) одновременно и возможность, и необходимость»²¹.

Ряд различий в понимании этого отрывка основан на различных толкованиях значения глагола προσχωρεῖν. Если принимать чтение τὸ ἐθελήσαν, как это делают Р. Маркус и Ф. Шмидт, то получится, что человеческая воля принимается в совет судьбы. Если же принимать грамматически более естественное чтение τῷ θελήσαντι и, таким образом, рассматривать τῷ βουλευτηρίῳ и τῷ θελήσαντι как однородные члены предложения, то в этом случае либо субъект при προσχωρεῖν подразумевается, как в нашем переводе, либо оно употреблено в безличном значении, как, например, понимает его Теккерей: «it having pleased God that there should be a coalition between Fate's council-chamber and such men as choose to associate with it»²². Отметим, однако, что при всех различиях в толковании этого запутанного пассажа мысль о взаимодействии силы судьбы и человеческой воли остается неизменной и в целом соответствует тому описанию фарисейского взгляда на судьбу, который Иосиф высказывает во II книге «Иудейской войны».

После этого рассуждения Иосиф приводит убеждение фарисеев в том, что души бессмертны и существует загробное воздаяние, а также говорит о популярности их взглядов и установления в народе (ИД XVIII. 14–15). «Ессеи обычно придерживаются мнения, что все остается в руках Божиих, а душам приписывают бессмертие и полагают, стоит усилий награда за праведность [получаемая после смерти]» или: «считая, что необходимо бороться за приход справедливости»²³.

Итак, в отрывке из 18 книги ИД, так же как в ИВ, присутствует проблематика загробного воздаяния и механизма взаимодействия судьбы и свободной человеческой воли «с ее добродетелью или пороком». Проблема судьбы опять оказывается связанной с вопросом о моральной ответственности человека. Охватывая общим взглядом два разобранных выше отрывка, мы можем отметить, что их объединяет не только использование стоической лексики, но и общность

²⁰ ἀνακέκραται τὸ ἐφ' ἡμῖν τοῖς ὄλοις, μέρος ὄσον καὶ τοῦτο τῆς εἰσαρμένῆς (Max. Tyr. 13. 4). Трапп отмечает, что в этом рассуждении Максим пользуется языком стоиков, хотя в общем разделяет убеждения платонического течения в абсолютной автономности человеческой воли (Trapp. Op. cit. P. 120).

²¹ ἀλλ' ὡσπερ τῶν ἀμφιβίων ζώων οἱ ὄρνιθες κοινωνοῦσιν τοῦ ἐν ἀέρι δρόμου τοῖς μεταρσίοις, τοιαύτην ὄρω καὶ τῷ ἀνθρώπῳ τὴν διαγωγὴν τοῦ βίου, ἀμφίβιον καὶ κεκραμένῃν ὁμοῦ ἐξουσία καὶ ἀνάγκη (Diss. 13. 8b).

²² См. Marcus. Op. cit. P.12. Not. a

²³ ИД XVIII. Различные варианты перевода предлагаются исследователями в зависимости от понимания слова πρόσδοτον. См. комментарий ad loc. Фельдмана в издании «Loeb Classical Library». Нам кажется логичным предположить, что во всех трех пассажах вопрос о бессмертии души увязан с вопросом о воздаянии, и принять, таким образом, первый вариант перевода.

проблематики. Кроме того, особенно важно подчеркнуть еще одно наблюдение: как мы видели, наряду с проблематикой судьбы и свободы воли в обоих отрывках присутствует также и тема воздаяния. Надо сказать, что тема воздаяния, тесно связанная с характеристикой божественного промысла, занимает огромное место в трудах Иосифа²⁴. По сути дела, справедливое воздаяние – это один из аспектов действия промысла. Анализируя понятие промысла у Иосифа, Ф. Шмидт проводит важное различие между двумя основными качествами, в которых *πρόνοια* представлена у нашего автора: в одних случаях она выступает в роли справедливого воздаяния, в других проявляет себя как принцип, направляющий ход событий, т.е. в качестве исторической причинности²⁵. Это различие хорошо отражает два аспекта философского содержания *πρόνοια* не только у Иосифа, но и у его современников, и мы будем пользоваться им в дальнейшем. Пока же заметим, что в рассмотренных нами описаниях Иосиф затрагивает проблему промысла в его первом – ретрибутивном – аспекте.

Посмотрим теперь, как соотношение судьбы и свободы воли книги представлено в отрывке из XIII книги. Здесь Иосиф приводит мнение всех трех течений по вопросу о судьбе и ее роли в «человеческих делах»:

«Фарисеи говорят, что нечто, но не все определяется судьбой, другое же может происходить или не происходить само по себе (вариант: другое же происходит или не происходит в зависти от нас самих)» (*οἱ μὲν Φαρισαῖοι τινὰ καὶ οὐ πάντα τῆς εἰναρμένης ἔργον εἶναι λέγουσι, τινὰ δ' ἐφ' ἑαυτοῖς [ἡμῖν αὐτοῖς LAMWE] ὑπάρχειν συμβαίνειν τε καὶ μὴ γίνεσθαι – XIII. 172).*

«Саддукеи отрицают судьбу, считая, что ее не существует, и что человеческие дела не определяются ею, но все зависит от нас самих, так что мы сами творцы собственного благополучия, а несчастья постигают [нас] из-за нашей же глупости» (*Σαδδουκαῖοι δὲ τὴν μὲν εἰμαρμένην ἀναιροῦσιν, οὐδὲν εἶναι ταύτην ἀξιοῦντες, οὐδὲ κατ' αὐτὴν τὰ ἀνθρώπινα τέλος λαμβάνειν, ἅπαντα δὲ ἐφ' ἡμῖν αὐτοῖς κεῖσθαι, ὡς καὶ τῶν ἀγαθῶν αἰτίους ἡμᾶς αὐτοῦς γινομένους καὶ τὰ χεῖρω παρὰ τὴν ἡμετέραν ἀβουλίαν λαμβάνοντας – XIII. 173).*

«Род ессеев объявляет судьбу повелительницей всех вещей и считает, что все, что бы ни случалось с людьми, происходит в соответствии с ее постановлениями» (*τὸ δὲ τῶν Ἐσσηνῶν γένος πάντων τὴν εἰμαρμένην κυρίαν ἀποφαίνεται, καὶ μηδὲν ὃ μὴ κατ' ἐκείνης ψήφον ἀνθρώποις ἀπαντᾷ – XIII. 172).*

На первый взгляд, проблематика этого отрывка такая же, как и в рассмотренных выше, и единственное отличие состоит в том, что в нем не затрагивается вопрос о посмертном воздаянии, а все внимание Иосифа сосредоточено на проблеме судьбы. Но при этом оказывается, что в отличие от двух предыдущих описаний, в XIII книге речь идет не о внутреннем смысле человеческих поступков и моральной ответственности, а о *внешних событиях* человеческой жизни. Вопрос о соотношении судьбы и свободы воли поставлен в другой плоскости: нужно ли – и в какой степени – считать людей творцами исторических событий или же орудиями судьбы, уже предопределившей эти события. В случае саддукеев различия в постановке вопроса можно сформулировать следующим образом: если в IV и XVIII книге ИД Иосиф выносит на первый план вопрос о том, насколько предопределен наш моральный выбор и в какой мере люди несут от-

²⁴ Наиболее подробный анализ темы божественного промысла в ИД Иосифа содержится в кн.: *Attridge H. The Interpretation of Biblical History in Antiquitates Judaeorum. Missoula, 1976.*

²⁵ *Schmidt. Op. cit. P. 179.*

ветственность за свои дурные или добродетельные поступки, то в XIII книге – насколько человек несет ответственность за свои собственные успехи и неудачи²⁶. И если в первых двух отрывках Иосиф затрагивает проблему соотношения судьбы и свободы воли в собственном смысле, то в описании саддукеев в XIII книге наряду с проблемой судьбы имплицитно присутствует проблема гораздо более широкая, а именно, вопрос о взаимодействии вообще божественной и человеческой воли в истории, иными словами, проблема божественного промысла в его причинном аспекте.

Тема действия божественного промысла в истории занимает центральное место в «Иудейских древностях». С одной стороны, она тесно связана с проблемой справедливого воздаяния. С другой – с вопросом о причинах исторических событий. В данном случае нас будет интересовать именно «причинный» аспект промысла. Сам Иосиф определенным образом выступает сторонником всемогущего характера божественного промысла, который проявляется, в частности, в том, что ничто из задуманного людьми не может успешно исполниться без его участия. Так, рассказывая о чудесном спасении младенца Моисея, автор ИД заключает: через это событие Бог ясно показал, «что человеческий замысел [сам по себе] ничто, в то время как все, что Он сам пожелает совершить, успешно исполняется» (ИД II. 222). После победы над филистимлянами Самсон возгордился тем, что разбил врагов одной ослиной челюстью. Он «рассудил, что это произошло не благодаря божественному содействию, но приписал случившееся собственной доблести». Когда же некоторое время спустя его охватила смертельная жажда, он «уразумел, что человеческая доблесть [сама по себе] бессильна, и все [произошедшее] приписал Богу (τῷ θεῷ πάντα προσεμαρτύρει)» (V. 302). Ярким примером того, как оценивает Иосиф соотношения божественной и человеческой воли в земных делах, служит предсмертная речь Моисея к своему народу. «Так как я отожду к своим предкам, – обращается Моисей к иудеям, – и именно в этот день назначил мне Бог отправиться к ним, будучи еще жив и находясь среди вас, я воздаю Ему благодарность за Его промысление о вас... ибо всякий раз, когда я трудился и предпринимал все усилия, заботясь об изменении к лучшему вашей судьбы, Он содействовал мне и во всех обстоятельствах являл свою благосклонность» (IV. 316). Но «содействие» и «благосклонность» – недостаточно сильные понятия для описания роли божественного промысла в судьбе евреев, и Моисей уточняет: «Нет, скорее Он сам стал моим предводителем в этих трудах и даровал им [успешное] завершение, используя меня как Своего воина и исполнителя того, чем Он пожелал облагодетельствовать наш народ» (IV. 317). В результате этой оговорки акцент смещается: тут уже не Бог содействует человеку в исполнении его замыслов, но сам человек, внимая божественной воле, служит сознательным орудием божественного промысла в мире.

Утверждая, что без участия божественной воли человек не может достичь успеха, Иосиф опирается на традицию, подробно разработанную в предшествующей ему иудейской эллинистической литературе и составлявшую ее существенную особенность. Так, в «Письме Аристея» мы читаем: «Бог владычествует над всем, и в самых наших великих свершениях мы не сами претворяем в жизнь задуманное, но Бог приводит к завершению дела всех [людей] и руководит [ими] своей верховной властью» (Ep. Arist. 195). Эта же идея, а именно, представление о том, что источником и конечной причиной всего, чем обладает человек, явля-

²⁶ Удивительно, что ни один из авторов, писавших о трех заметках Иосифа по поводу фарисеев, саддукеев и ессеев, не отмечал этого различия.

ется Бог, а не человеческий разум, и о том, что человек, приписывая себе функции Создателя, совершает нечестие, лежит в основе таких произведений Филона, как «Аллегорическое толкование законов» и «О херувимах»²⁷. Для иллюстрации приведем отрывок, где он рассуждает о двух видах разума: разуме вселенной, который есть Бог, и индивидуальном. «Один [человек], удаляясь от своего собственного [разума], признает, что ничего не происходит по замыслу человека, но все приписывает Богу (ἅπαντα δὲ προσάττα θεῷ), другой же все время бежит от Бога, утверждая, что Бог ничего не определяет, а все происходит благодаря ему самому (τὸν μὲν οὐδενὸς αἰτιὸν φησὶν εἶναι, τῶν δὲ γινομένων ἁπάντων ἑαυτὸν). В самом деле, многие считают, что все, что происходит в мире, совершается само по себе (ἄταυτοματίζοντα) без руководящего [начала], искусства же, образ жизни, законы и обычаи, и государственное устройство, и правила индивидуального и общественного поведения как для людей, так и для бессловесных животных установлены исключительно человеческим разумом» (Leg. all. III. 29–30). Исследователь Филона В.Фелькер пишет, что доминирующей тенденцией трактата об аллегорическом толковании Закона было стремление его автора опровергнуть взгляд о том, что человеческий ум способен самостоятельно производить акты творения, а человек является мерой всех вещей. Таким образом, его позиция направлена против эпикурейского взгляда на мир²⁸. Как мы увидим дальше, полемика против такого «эпикурейского» взгляда на мир занимает важнейшее место в ИД, и разворачивается она как в этиологическом, так и в этическом аспекте.

Представление об основополагающей роли божественного промысла в жизни людей особенно ярко раскрываются в рассказе о мятеже Корея. Поводом к недовольству против Моисея послужило назначение первосвященником его брата Аарона. Корей, Авирам и Датам объявляют назначение Аарона незаконным и корыстным поступком Моисея. Они утверждают, что все действия Моисея вдохновляются стремлением к славе. При этом, добиваясь своей цели бесчестными средствами, Моисей притворяется действующим от имени Бога (IV. 15, ср. IV. 22). В своем обращении ко Всевышнему Моисей, умоляя Его явить Свою силу и наказать злоумышленников, призывает: «Докажи и ныне, что всем управляет Твой промысел и ничто не совершается само собой, но [все происходит] согласно выносимому по твоей воле решению²⁹, и что Ты заботишься о тех, кто принесет пользу Израилю, наказав Авирама и Датама, которые, считая, что Ты подчиняешься моему искусству, обвиняют Тебя в бессилии» (IV. 47). Иосиф вкладывает в уста Моисея хорошо известный тезис стойков о том, что вселенная существует и движется не сама по себе (αὐτομάτως), но управляется божественным Промыслом, главный тезис в их полемике с эпикурейцами. Это убеждение неоднократно повторяется на страницах ИД, за ним легко угадываются оппоненты Иосифа, а в X книге он прямо называет их эпикурейцами (X. 277). В данном случае нам важно подчеркнуть, что Моисей уличает Авирама и Датама именно в том, что современные Иосифу философы «религиозных» школ ставили в упрек эпикурейцам: в отрицании божественного промысла. Для автора ИД

²⁷ Völker W. Fortschritt und Vollendung bei Philo von Alexandrien. Eine Studie zur Geschichte der Frömmigkeit. Lpz., 1938. S. 119.

²⁸ «Durchgehend wird der Gedanke von der Schöpfertätigkeit des νοῦς zurückgewiesen» (Völker. Op. cit. S. 119. Anm. 7).

²⁹ παράστησον δὲ καὶ νῦν, ὅτι πάντα σὴ προνοία διοικεῖται καὶ μηδὲν αὐτομάτως ἀλλὰ κατὰ βούλησιν βραβεύομενον τὴν εἰς τέλος ἔρχεται.

очевидно, что так же, как вселенная не может существовать сама по себе, течение человеческих дел не может определяться случайными комбинациями человеческих волей. Божественный промысел определяет не только движение планет, но и ход человеческой истории³⁰.

Как сторонников и противников существования промысла как источника воздаяния и причины исторических событий Иосиф изображает и других героев как библейской, так и послебиблейской истории. Так, первые семь поколений людей именно благодаря своей уверенности, что Бог – господин вселенной, «во всем сообразовывались с добродетелью» (I. 72). Напротив того, поколение гигантов «пренебрегало всякой добродетелью, возлагая надежды на [свою] силу» (I. 73), а последующие отступили от отеческих установлений на путь порока и перестали как воздавать должные почести Богу, так и уважать человеческую справедливость (там же). Потомки Ноя не послушались божественной заповеди, считая себя самих причиной своего процветания: «Они не признавали, что владеют этими благами в силу Его благоволения, полагая, что причиной их богатства служит их собственное могущество» (I. 111). В отрицании божественного промысла и сознательном бунте против Бога состоят ошибка и вина Нимрода, которого Иосиф представляет в качестве инициатора строительства Вавилонской башни. Именно убеждение во всеилии человека лежало в основе его «надменности и пренебрежения божеством» (I. 113). Израильские и иудейские цари начинают терпеть военные поражения, едва только забывают о том, что единственным источником их удач служит Бог и его промысел. Так, Иудейский царь Амасия, возгордившись своими успехами, «стал пренебрегать Богом, который послужил причиной его [побед]» (τοῦτων γενόμενον αἴτιον αὐτῷ θεῶν) и обратился к почитанию амалекитских идолов (IX. 193). С этого момента он потерял военную удачу и вскоре погиб в битве. В своей речи к Иеровоаму и его войску праведный Авия советует ему вернуться к почитанию собственного Бога, который «сотворил Себя Сам, и составляет начало и конец всех вещей» и «прославить Того, кто привел вас к столь великому благоденствию» (VIII. 281).

Читая описание саддукеев в XIII книге, трудно отделаться от впечатления, что взгляды саддукеев представлены Иосифом таким образом, что они практически дословно совпадают с позицией тех, кого Иосиф изображает в «Иудейских древностях» как непризнающих божественный промысел. Тезис о том, что «мы сами определяем то, что [с нами] происходит» (ἀγαθῶν αἰτίους ἡμᾶς αὐτοῦς γινόμενους) прямо противоположен высказанному в другом месте убеждению Моисея: «существует единственный источник обладания благами для всех людей – благоволение Бога» (μία λάσιν ἀνθρώποις ἀγαθῶν κτήσεως αἰτία ὁ θεὸς εὐμενής – IV. 180)³¹, и очень созвучен описанной Иосифом

позиции современников Ноя: «они полагали, что источником их благосостояния служит их собственное могущество» (τὴν δ' ἰσχὺν αὐτοῖς τὴν οἰκειάν αἰτίαν τῆς εὐπορίας ὑπολαμβάνοντες). Представление о том, что οὐδὲ κατ'

³⁰ Насколько действие Промысла в человеческой жизни и в отношении вселенной неразделимы для Иосифа, видно из его полемики против эпикурейцев в X книге. По его мнению, истинность пророчеств Даниила одинаково опровергает как взгляд о том, что «Бог не распространяет Свой промысел на человеческие дела» (τῷ θεῷ μηδεμίαν εἶναι περὶ τῶν ἀνθρωπίνων πρόνοιαν), так и мнение о том, что «мир существует сам по себе» (αὐτοματισμῷ τινὶ τὸν κόσμον διάγειν), а не направляется божественным промыслом (X. 280). Ср. также X. 277–278.

³¹ Ср. также: Авраам решает послушаться божественной заповеди, ὡς ἐκ τῆς ἐκείνου [i.e. θεοῦ] προνοίας ἀπαντῶντων οἷς ἂν εὐμενής ᾖ (I. 225).

αὐτὴν [т.е. εἰμαρμένην] τὰ ἀνθρώπινα τέλος λαμβάνειν, ἅπαντα δὲ ἐφ' ἡμῖν αὐτοῖς κείσθαι практически совпадает с мнением Корея, Авирама и Датама, которое Моисей горячо опровергает, доказывая, что все происходящее с людьми направляется божественной волей (= промыслом), а не происходит само по себе: πάντα τῇ σῆ προνοίᾳ διοικεῖται καὶ μηδὲν αὐτομάτως, ἀλλὰ κατὰ βούλησιν βραβευόμενον τὴν σῆν εἰς τέλος ἔρχεται (IV. 47)³². Причем характерно, что под αὐτομάτως Иосиф подразумевает как раз такое положение, когда ход событий определяется исключительно людьми, а не контролируется и не направляется божественным промыслом³³.

Итак, Иосиф придает исключительное значение опровержению «эпикурейского» взгляда о том, что события человеческой жизни определяются только желаниями и усилиями людей. В то же время именно это представление о полной автономности человеческой воли он явственным образом приписывает саддукеям. Проблема состоит в том, что если во всех остальных случаях Иосиф противопоставляет эпикурейской концепции действие божественной воли или промысла, то в нашем отрывке он противопоставляет ей действие εἰμαρμένη.

Посмотрим теперь, каково место этого понятия и вообще представления о судьбе в произведениях Иосифа и как оно соотносится с понятием промысла. Начнем с отрывка, где Иосиф рассказывает о том, какое представление о судьбе (εἰμαρμένη) он считает ошибочным. В XVI книге вопрос о том, кто виноват в том, что все сыновья Ирода погибли от руки своего отца, наводит его на размышления о причинах событий в человеческой жизни вообще. Иосиф разбирает несколько мнений и в числе прочих рассматривает представление о «судьбе (τύχη), которая обладает силой, превосходящей всякое рациональное понимание, в связи с чем мы и убеждены, что человеческие дела заранее predeterminedены ею, так что произойдут с неизбежностью (τῇ τοῦ γενέσθαι πάντως ἀνάγκῃ), и называем ее предпоредлением (εἰμαρμένη), поскольку нет ничего, что бы не происходило помимо нее» (XVI. 397). Представлению о всемогущей судьбе он противопоставляет, ссылаясь на авторитет Закона, взгляд о том, что «мы приписываем *ничто* также и самим себе и не считаем себя безответственными за различия в [нашем] поведении»³⁴. Таким образом, выступая в защиту моральной ответственности, Иосиф отвергает тезис о всемогуществе судьбы. Однако при этом он вовсе не отрицает существования εἰμαρμένη в принципе, и отводит свободе воли лишь определенную часть в управлении происходящими событиями. Его позиция довольно точно совпадает с описанной им в XVIII книге ИД и II книге ИВ позицией фарисеев и не имеет ничего общего со взглядами саддукеев.

³² Помимо двух вышеназванных контекстов противопоставление αὐτομάτως – κατὰ προνοίᾳ θεοῦ встречается у Иосифа еще раз в ИВ VII. 332, в речи Элизера перед защитниками Масады, где он говорит о том, что стена, построенная ими, сгорела не случайно (οὐκ αὐτομάτως), но это был знак божественного гнева, вызванного многочисленными беззакониями, за которые отомстят евреям не римляне, но сам Бог.

³³ Анализируя доктрину саддукеев у Иосифа, Ле Муан пишет следующее. Иосиф говорит, что саддукеи отрицают промысел. Если понимать этот текст буквально, речь должна идти о практическом атеизме. Получается, что позиция саддукеев аналогична позиции беззаконников, о которых говорится, например, в псалмах 14. 1 и 53. 2. Но такого отождествление саддукеев с «атеистами» Ветхого завета у Иосифа нет (*Le Moine J. Op.cit.* P. 38–39). Однако, как показывают наши наблюдения, именно это отождествление доктрины саддукеев со взглядами отступников от Завета характерно для Иосифа.

³⁴ ἡμῖν τε αὐτοῖς ἀλοιδόνητας τι καὶ τὰς διαφορὰς τῶν ἐπιτηδεύματων οὐκ ἀνελευθύνους ποιοῦντας (XVI. 398).

В понимании Иосифа не все события предопределены от начала, но в какой-то определенный момент то или иное событие становится неизбежным. Как правило, неизбежность эта удостоверяется пророчеством. В общем плане исторического повествования εἰς ἄρμηνῆν для Иосифа – это порядок и связь причин, которые с неизбежностью ведут к осуществлению событий, уже предопределенных Богом. Эту концепцию судьбы как предопределенности и неизбежности тех или иных событий Иосиф формулирует с помощью понятий εἰς ἄρμηνῆν, χρέων и τελεωμένην³⁵. Упоминания о судьбе мы встречаем в рассказе о смерти Ахава, так же как и о смерти Иосии. Ахаву было предсказано пророком Михеем, что если он вступит в битву с сирийцами, то будет разбит и погибнет. Однако царь отдаст предпочтение предсказанию ложных пророков, которые посулили ему победу. О причинах гибели Ахава Иосиф говорит: «Я думаю, это судьба (τὸ χρέων) сделала [для него] ложных пророков убедительнее истины, чтобы использовать это как средство [для достижения его] гибели» (VIII. 409). Похожим образом описаны обстоятельства смерти Иосии: вступив в конфликт с фараоном, которого можно было избежать, Иосия получает в битве смертельную рану. По поводу принятия решения о вступлении в войну Иосиф говорит: «Я думаю, его подтолкнула к этому судьба (τῆς τελεωμένης), чтобы использовать этот повод против него» (X. 75–76). В конце рассказа о царствовании Ахава Иосиф приводит рассуждение о силе судьбы (τοῦ χρέων ἰσχύον) «и о том, что ее невозможно избежать, даже если заранее знаешь о ней, но она подчиняет души людей, льстя им добрыми надеждами, при помощи которых приводит их к тому пределу, где [уже сможет] взять верх». В этих описаниях хорошо виден механизм действия судьбы. Она как бы лишает человека возможности правильного выбора, ослепляет его. О последних днях осады Иерусалима Иосиф пишет, что восставшие, даже видя крайнюю нужду и все ужасы голода в городе, не отступились, поскольку «были ослеплены судьбой (ὑπὸ τοῦ χρέων), которая уже предстояла и им и городу» (IV. 572). Вообще рассказ о взятии Иерусалима и сожжении Храма, участь которых Иосиф считал предопределенной еще пророком Даниилом (ИД X. 276 слл.; XII. 322), изобилует упоминаниями о судьбе. Пространное рассуждение о судьбе Иосиф приводит в рассказе о проникновении в Иерусалим идумейских отрядов, союзников zelотов. Этой ночью против обыкновения первосвященник Анан не вышел проверять посты часовых. Произошло же так «не из-за [его] небрежности, но в силу приказа судьбы о том, что ему самому и множеству стражников надлежит погибнуть». Это она ночью, в

³⁵ То обстоятельство, что в своей статье о судьбе и промысле у Иосифа Шмидт рассматривает только термин εἰς ἄρμηνῆν, дает исследователю повод для одного неверного вывода. Шмидт справедливо критикует позицию Г. Аттриджа, который считает, что для ИВ, как для более раннего произведения Иосифа, характерен язык детерминизма, в то время как в ИД зрелый Иосиф использует для объяснения исторических событий по преимуществу понятие промысла. При этом сам Шмидт предлагает другую оппозицию. Отмечая, что понятие судьбы впервые появляется в повествовании ИД только в XII книге, он делит этот труд на рассказ о фактах, сообщенных древними пророками и повествование об «ужасном настоящем», т.е. о постбиблейских событиях: «Пока Иосиф пересказывает богодухновенный текст, единственным принципом, объясняющим историю, является промысел». Судьба (εἰς ἄρμηνῆν) появляется в тот момент, когда умолкают пророки и когда историк погружается в поток недавних событий (*Schmidt*. Op. cit. P. 184). Это, конечно, неверно. В библейском пересказе представление о судьбе-предопределении присутствует так же, как и в остальной части ИД. О лексике, употребляемое Иосифом для передачи понятия судьбы ср. также: *Blenkinsopp J. Prophecy and Priesthood in Josephus // JJS. 1974. 25. P. 249. Not. 41.*

самый разгар бури, усыпила часовых на стенах портика и внушила зелотам мысль взять в Храме пилы и спилить засовы на воротах, ведущих в город (ИВ IV. 298; ср. VI. 250; 267).

И вместе с тем судьба у Иосифа никогда не противоречит воле Бога. Это как бы одна из форм осуществления промысла, и в ее действии, так же как и в чудесных явлениях божества, отражается божественный замысел. Иудейский царь Агриппа, получив знамение о скорой смерти, признает в нем веление судьбы (εἰμαρμένη) и с горечью провозглашает: «Нужно принять судьбу, как того хочет Бог»³⁶. Веспасиан, видя, что удача сопутствует ему во всех его предприятиях, приходит к выводу, что достиг власти над империей «не без участия божественного промысла (οὐ δίχῃ δαιμονίου προνοίας), но что некая справедливая судьба (δικαία τις εἰμαρμένη) возложила на него [обязанность] управлять миром» (ИВ IV. 622). Под властью судьбы находятся те, кого постигло божественное осуждение. Сам Иосиф, обращаясь с речью к восставшим, слышит крики негодования и неожиданно прерывает свою речь восклицанием: «В самом деле, я заслуживаю еще худшего отношения, призывая к тому, что противоречит судьбе (ἀντίκρῶς εἰμαρμένης), и силясь спасти тех, кто осужден Богом». Божественное осуждение – это всегда результат справедливого воздаяния. По своему милосердию промысел оставляет беззаконникам время для раскаяния, но это время не безгранично. В тот момент, когда осуждение выносится окончательно, исполнителем божественной воли становится судьба. Так, праведный царь Иосия, обнаружив в Храме и прочтя книги Закона, понял, что иудеи, столько лет не соблюдавшие божественных заповедей, находятся в большой опасности. Он посылает к пророчице Алдаме с просьбой умолить Бога и склонить Его к милости обещанием раскаяния. Однако Алдама отвечает, что «Бог уже вынес им приговор, который не помогут отменить никакие просьбы» и что Он погубит народ и извергнет его из его земли, и лишит его всех благ, которыми тот владеет. Все это должно произойти с неизбежностью, поскольку народ евреев нарушил законы и столь долгое время не обращался к раскаянию, несмотря на то что Бог посылал к нему пророков, увещевавших и предупреждавших его о грядущем наказании (ИД X. 60). Если предупреждения пророков – это проявления божественного милосердия и промысла, то осуждение с неизбежностью должно привести к изгнанию, под которым Иосиф подразумевает здесь вавилонский плен. И это событие уже находится во власти судьбы.

У античных авторов (как философов, так и не философов) понятие εἰμαρμένη имело два основных значения. Во-первых, εἰμαρμένη могла пониматься как всемогущая судьба, с неизбежностью определяющая течение событий. Такое понимание судьбы вытекало из учения о зависимости человеческих судеб от расположения светил и открывало простор для деятельности астрологов³⁷. Во-вторых, εἰμαρμένη понималась в философском смысле, согласно определению Цицерона, как «порядок и связь причин, связанных таким образом, что каждая предыдущая порождает из себя последующую... Судьба (это не то, что

³⁶ δεκτέον δὲ τὴν περὶ μένην, ἣ θεὸς βεβούληται (ИД XIX. 347).

³⁷ Theiler. Op. cit. P. 47; Gundel W. εἰμαρμένη // RE T. VII. 2. Stuttgart, 1912. Sp. 2632–2634. Представления о том, что за несчастья и дурные поступки человека отвечают слепые силы судьбы, по-видимому, представляли собой отражение концепций греческой трагедии в популярном сознании. Ср. Тацит. Анналы. VI. 22; Максим Тирский говорит о них: «Эти названия [слепых сил судьбы] выглядят как эвфемизмы человеческой порочности, приписывающие ее происхождение божественным силам, или Мойрам, или Эриниям» (13. 9).

под этим понимает суеверие, а то, что понимает физика, – извечная причина всего, что произошло в прошлом, происходит в настоящем, произойдет в будущем»³⁸. Это философское понимание судьбы, изначально принадлежавшее Хрисиппу, лежит в основе практически всех основных философских доктрин (платонической, стоической, перипатетической, пифагорейской), признающих существование божественного промысла.

Вопрос о соотношении εἰμαρμένη и промысла решался различными школами и течениями по-разному. Для стоиков εἰμαρμένη тождественна промыслу, и природе, и неизбежности, и Зевсу³⁹. Для перипатетика Александра из Афродисия происходящее согласно предопределению (καθ' εἰμαρμένη) не является неизбежным, но наиболее вероятным (μὴ ἐξ ἀνάγκης ὡς ἐπὶ τὸν πλείστον). В свою очередь для псевдо-Плутарха εἰμαρμένη подчиняется промыслу: все, что происходит согласно εἰμαρμένη соответствует воле промысла, но не все, что определяется Промыслом, подчинено законам предопределения⁴⁰. Максим Тирский среди сил, влияющих на ход событий в человеческой жизни, выделяет πρόνοια, εἰμαρμένη, τύχη и τέχνη⁴¹. Таким образом, стоики распространяли законы судьбы, действующие в физическом мире, на события человеческой истории. Среди их оппонентов спор идет о том, насколько человеческие дела (в отличие от мира природы) подчиняются закону причинно-следственных связей. Однако нам тщетно пришлось бы искать среди античных философов таких, которые, совершенно отрицая εἰμαρμένη, признавали бы божественный Промысел.

Исключение не составляют ни Филон Александрийский, ни сам Иосиф, который, как мы видели, совершенно не отрицает существования предопределения. О том, что Иосиф выступает против «астрологической» концепции судьбы мы уже говорили выше. У Филона в его трактате «Кто является наследником божественных вещей» есть интересное указание на то, что среди евреев концепция всемогущей судьбы не только была известна, но и пользовалась популярностью. Из трактата мы узнаем, что слова Писания (Быт. 15. 16) «дают повод наиболее слабым умам полагать, будто Моисей считал судьбу и необходимость (εἰμαρμένην καὶ ἀνάγκην) причинами происходящих событий». Сам Филон выступает против этого заблуждения примечательным образом: он отмечает, что как философ и пророк Моисей знал о «следствии, связи и комбинации причин (ἀκολουθίαν μὲν καὶ εἰρμόν καὶ ἐπιπλοκάς αἰτιῶν), но при этом не считал их [т.е. судьбу и необходимость] причинами того, что происходит» (Quis regum. 300–301). Он представлял себе эту окончательную причину как нечто более высшее, что находится над вселенной, и наподобие возникшего или кормчего, управляет как кораблем земных вещей, так и крылатой колесницей небес, «обладая свободой правителя и властью самодержца».

³⁸ Cic. De Div. 125–126 // Цицерон. Философские трактаты / Пер. с лат. М.И. Рижского. М., 1985.

³⁹ Ср., например, Seneca. Nat. Qu. II. 45.

⁴⁰ Alex. De Fato 10. 17. 21; 11. 2–3; см. также о соотношении промысла и εἰμαρμένη краткий очерк в ст.: Dillon J. Providence // Ancor Bible Dictionary / Ed. I. Freedman, David Noel. N.Y., 1992. P. 521.

⁴¹ Dis. 5. 4. М. Трэпп отмечает, что мнение о том, что на судьбу человека влияют несколько факторов, по существу является платонической идеей (в противовес отождествлению судьбы и промысла у стоиков) (Op. cit. P. 45. Not. 18). Источником этого взгляда служит отрывок из «Законов» Платона (Leg. 709 bc). Ср. также Max. Tyr. 41. 2d; 5 passim.

Это величественное утверждение божественного промысла вовсе не означает для Филона отрицания εἰμαρμένη. Речь идет о том, что она не является главной причиной, определяющей ход событий, и находится в подчиненном положении по отношению к промыслу. Так же как и Иосиф, Филон отрицает не сам факт существования судьбы, но представление об абсолютной власти εἰμαρμένη, которое, по его мнению, принижает или исключает роль промысла.

Критикуя взгляды эпикурейцев, античные авторы не делают разницы между отрицанием ими πρόνοια или εἰμαρμένη. Отрицание промысла предполагает также и отрицание судьбы. Так, например, один из поздних доксографов, дошедший в пересказе христианского автора Ипполита, говорит о сторонниках Эпикура, что они «считая, что бог вечен и нетленен, говорят, что он ни над чем не осуществляет своего промысла и вообще, что не существует ни промысла, ни судьбы, но все события происходят случайно»⁴². Нас не должно смущать в данном случае, что в приведенном суждении промысел и судьба противопоставляются «случайному ходу вещей» – αὐτοματισμῶ, в то время как саддукеи Иосифа противопоставляют судьбе τὸ ἐφ’ ἡμῖς αὐτοῖς – человеческую волю. Как правило, первая из этих оппозиций описывает физический мир, в то время как вторая относится к человеческой истории, хотя первая может также встречаться применительно к историческим событиям. Сам Иосиф, как мы уже видели, употребляет оппозицию κατὰ πρόνοιαν – αὐτομάτως в своем рассказе о мятеже Корея, т.е. в связи с описанием исторических событий. Еще одним примером того, что в случае противопоставления божественной воли случайному течению событий πρόνοια и εἰμαρμένη могут употребляться синонимически, служит отрывок из «Застольных бесед» Плутарха. Здесь обсуждается вопрос о том, почему Платон назначил Аяксу двадцатым подойти к выбору своей участи. Ламприй предлагает считать, что из трех составляющих событий – судьбы, случайности и свободной человеческой воли, которые, по его мнению, впервые четко разделил Платон, жребий в данном случае является выражением случайности: «Итак, пожалуй, неосновательно искать причину того, что обусловлено случайностью: ведь если окажется, что определенный жребий выпал, подчиняясь какому-то разумному основанию, то его надо отнести не к случайности, а к некоему воздействию судьбы или провидения» (οὐκέτι γίνεταί κατὰ τύχην οὐδ’ αὐτομάτως ἄλλ’ ἔκ τινος εἰμαρμένης καὶ προνοίας)⁴³. Прекрасным примером рассуждения, где собраны все основные представления об исторической причинности служит отрывок из «Анналов» Тацита: «Когда я слышу о подобных вещах, меня охватывает раздумье, определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью или случайностью. Ведь среди величайших мыслителей древности и их учеников и последователей можно обнаружить приверженцев противоположных взглядов, и многие твердо держатся мнения, что богам нет ни малейшего дела ни до нашего возникновения, ни до нашего конца, ни вообще до смертных... Другие, напротив, считают, что жизненные обстоятельства предугазаны роком (fatum), но не вследствие движения звезд, а в силу оснований и взаимосвязи естественных причин; при этом, однако, они полагают, что мы свободны в выборе образа жизни, который, будучи единожды из-

⁴² τὸν δὲ θεὸν ὁμολογῶν εἶναι ἀίδιον καὶ ἀφθαρτὸν φησιν μηδενὸς προνοεῖν καὶ ὄλωσ πρόνοιαν μὴ εἶναι μηδὲ εἰμαρμένην, ἀλλὰ πάντα αὐτοματισμῶ γίνεσθαι – *Hippolytus. Refutatio*. 1. 22. 3.

⁴³ Quest. Conv. 740 D // *Плутарх. Застольные беседы* / Пер. Я.М. Боровского. М., 1990.

бран, влечет за собою определенную последовательность событий... Но большинство смертных считает, что будущее предопределено с их рождения и если что происходит не так, как предсказано, то в этом повинно невежество предсказателей» (VI. 22).

Похоже, что это описание Тацита отражает типичную картину этиологических споров того времени. Мы видим здесь и точку зрения эпикурейцев, которые считают, что боги не участвуют в делах смертных и поэтому человеческие дела не определяются судьбой (!); и точку зрения стоиков с их физическим пониманием *εἰς αἰῶν*, и популярный – астрологический – вариант фатализма. Характерно при этом, что вопрос о причинах исторических событий Тацит связывает именно с судьбой, а не с промыслом. Как видим, проблема причинности исторических событий активно обсуждалась в литературе времен Иосифа, ею интересовались не только философы и риторы, но и историки. И похоже, центральным понятием в этих этиологических спорах было понятие судьбы. Может быть, этим и объясняется тот странный факт, что Иосиф, излагая «философские» взгляды фарисеев, саддукеев и ессеев сделал основным критерием своего описания именно их отношение к *εἰς αἰῶν*.

Подведем некоторые итоги. При внимательном рассмотрении взглядов Иосифа на причины исторических событий оказывается, что он был гораздо большим приверженцем концепции *εἰς αἰῶν*, чем это обычно принято думать. В его сочинениях представление о судьбе как о причинно-следственной связи событий, определяющей с неизбежностью течение человеческих дел, занимает достаточно большое место. При этом судьба (*εἰς αἰῶν*, *τελευτή*, *χρῆσθαι*) никогда не входит в противоречие с божественным промыслом. Она не захватывает целиком сферу действия промысла, и фактически Иосиф представляет судьбу как одну из форм проявления божественной воли. Подобно Филону и другим иудеям, получившим греческое образование, Иосиф был хорошо знаком как с двумя основными концепциями судьбы, так и с проблемой соотношения судьбы и промысла и пользовался соответствующими терминами точно так же, как это делали греческие писатели и философы. Вопреки мнению Дж. Мура и его последователей, сам термин *εἰς αἰῶν* в «стоическом», т.е. философском смысле, так же как и проблематика судьбы, свободы воли и моральной ответственности за свои поступки, не выглядит чужеродным элементом в повествовательной ткани произведений Иосифа⁴⁴, хотя, конечно, проблематика промысла и воздаяния играет в них гораздо большую роль.

Имея перед глазами эту перспективу, вернемся теперь к вопросу о саддукеях. Было бы некоторым упрощением представлять свидетельства Иосифа о взглядах фарисеев, саддукеев и ессеев в качестве изложения их позиций по вопросу о судьбе и свободе воле, как это делает Шмидт. Как мы видели, их проблематика значительно шире. Действительно, проблема судьбы (в двух различных ее аспектах!) выносится Иосифом на передний план. Однако вопрос об отношении к промыслу также присутствует во всех трех описаниях. В первых двух отрывках отношение саддукеев к промыслу формулируется через отношение к воздаянию, в третьем оно непосредственно вытекает из их позиции по отношению к судьбе: отрицание судьбы саддукеями равнозначно отрицанию промысла, так же как и признание судьбы фарисеями и ессеями предполагает признание промысла. Действительно, судьба в наших отрывках не тождественна промыслу.

⁴⁴ Здесь нужно согласиться с мнением Шмидта (Op. cit. P. 188).

Однако из этого вовсе не вытекает, как полагает Шмидт, что спор о свободе воли и предопределении между тремя течениями – это спор, который ведется ими на фоне общего для всех признания промысла⁴⁵. Наши наблюдения показывают, что в современной Иосифу философской дискуссии о причинности исторических событий *εἰςαορμένῃ* неразрывно связана с промыслом и ее отрицание предполагает также и отрицание промысла. С другой стороны, сам Иосиф формулирует положительные взгляды саддукеев теми же словами, что и взгляды противников промысла. И, наконец, отрывки из ИВ и XVIII книги ИД дают весомые основания заподозрить, что, по мнению нашего историка, саддукеи выступают не только против посмертного воздаяния, но и против концепции воздаяния вообще. Таким образом, нужно признать, что саддукеи Иосифа – это все-таки противники концепции промысла, и наш историк действительно сближает их взгляды с теми, которые в его время было принято приписывать эпикурейцам.

WERE SADDUCEES EPICUREANS?
THE PROBLEM OF INTERRELATION OF FATE, PROVIDENCE AND FREE WILL
IN THE WORKS OF FLAVIUS JOSEPHUS

L. V. Semenchenko

Three descriptions of Pharisees, Sadducees and Essenes in the works of Josephus include a presentation of their philosophical views. The main criterion used by Josephus for the description of the differences between these three currents in the Judaism of his time is their conception of fate, though in contemporary rabbinic literature one can find neither any traces of a similar discussion nor even a term corresponding to the Greek *heimarmene*. This problem caused a discussion among the scholars concerning the meaning of *heimarmene* in the three descriptions given by Josephus. While some of them identify this notion with the divine providence, some others maintain that Josephus used one of the meanings attached to the word by the Greek philosophers implying by *heimarmene* either causality of historical events or an astrological concept. Different ways of understanding *heimarmene* in Josephus resulted in the appearance of completely different interpretations of the views of Judaic «schools», the views of the Sadducees being the subject of the most active disputes. Does refutation of fate mean also refutation of providence? Or do the three currents of Jewish thought, while considering the role of *heimarmene* differently, agree in recognizing providence? Having undertaken a detailed analysis of the mentions of «fate» in the works of Josephus, the author of the article comes to the conclusion that Josephus, as well as Philo and other Jews who had received Greek education, was well acquainted with two major Greek conceptions of fate, as well as with the problems of relation between fate and providence and used corresponding terms in the way the Greek philosophers did. In his descriptions of the Jewish «schools» the word *heimarmene* is used in philosophical and not in a specifically Jewish sense. The use of this term helps Josephus to concentrate his attention on the topical questions of contemporary philosophical discussion, namely, the question of the causality of historical events, that of the moral responsibility and the problem of retribution. Among the Greek philosophical schools of Josephus' time complete refutation of *heimarmene* was characteristic of the Epicurean teaching, which had always denied providence. Thus the position of the Sadducees as deniers of fate (the more so because they denied also retribution after death) should have been perceived by the pagan readers of Josephus' works as that of the Epicureans. On the other hand, Josephus himself identifies to a large extent the Sadducees' teaching with the views of the deniers of providence, which he expounds and criticizes many times in his «Jewish Antiquities». Thus, we should assume that he consciously underlines the «Epicurean» features in the teaching of the Sadducees.

⁴⁵ Ibid. P. 189.

С. А. Степанцов

«КАК ПОТОКИ НА ЮЖНОМ ВЕТРУ»: СТИХ ПС 125:4б В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВГУСТИНА

Когда я работал над этой статьей, из печати вышел очередной том избранных трудов С.С. Аверинцева, объединивший в одном переплете печатавшиеся в разное время и в разных изданиях его библейские переводы¹. Переводы и комментарии на Книгу Иова, Псалмы, некоторые части синоптических Евангелий были известны мне и раньше по журнальным публикациям, но теперь, собранные воедино, дополненные и сопровождаемые обобщающими статьями «от переводчика», эти труды произвели на меня неожиданно волнующее впечатление. Впервые я держал в руках современную русскоязычную книгу комментированных библейских переводов, в которой непривычно сочетается то, что в русскоязычной библеистике новейшего времени сочеталось не очень-то легко: знание оригинальных текстов (во всей текстологической сложности) – и при этом ясность представления о том, что иногда называют «стилистической перспективой» перевода (избранной автором пусть неожиданно, но продуманно и сознательно); свободное владение регистрами современного русского языка при чутком понимании славянского слова, его новых и старых смыслов и обертонов; историко-филологическая эрудиция в том, что касается временных и местных корней библейских книг, – и при этом внимательность к тому, как понимались эти книги в христианской традиции; кроме того, небывалое для русских библейских переводов внимание к жанровой природе текстов, особенно текстов поэтических...

Что говорить: даже простой историко-филологический комментарий к Евангелиям, написанный, созданный по-русски – явление, не виданное со времен Муретова, Глубоковского и почтенной в своем роде, но безнадежно и давно (отчасти до своего выходя в свет) устаревшей «Толковой Библии»; а уж такой комментарий, в котором сведения, добытые современной западной и отечественной библеистикой, включаются в осмысленный диалог с еврейским преданием и древней христианской традицией, обогащаются собственными, столь тонкими наблюдениями и размышлениями исследователя и документируются полным новым переводом текста, – такое невозможно и припомнить².

Будет ли преувеличением сказать, что со времен выхода в свет Синодального перевода русскоязычное общество не знало события для освоения библейского текста столь же значительного, как то, что свершилось с появлением на книжных прилавках упомянутого издания? Может быть, библейские переводы С.С. Аве-

¹ *Аверинцев С.С. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Пер. с древнегреч. и древнеевр. Киев: Дух і літера, 2004.*

² Отсутствие подобного комментария особенно остро ощущалось в учебной практике, в частности при преподавании курса языка Нового Завета. Студентам младших курсов (от которых еще нельзя ожидать свободного чтения иноязычной литературы, а тем более – самостоятельной ориентации в огромном море западной библеистики) было практически невозможно указать надежный русский комментарий, который помог бы им в изучении новозаветных книг (исключение составлял лишь отличный комментарий И.А. Левинской к Деяниям апостолов; при изучении Евангелий приходилось пользоваться переводными «пособиями для переводчиков», выпускаемыми Библейским обществом – обычно добротными, но по большей части односторонними).

ринцева не станут столь же «общепринятыми» и «нормативными», каким стал Синодальный перевод всей Библии или мог бы стать «Кассиановский» перевод Нового Завета; наверное, это не нужно и не важно. Важно то, что русским читателям есть теперь где справиться и с чем сверить свое понимание при чтении соответствующих книг Библии. При этом те переводы и комментарии, к которым он может прибегать, не являются, с одной стороны, просто механическим и некритическим перенесением на отечественную почву чужих находок и достижений, а с другой – весьма далеки от того, чтобы быть воспроизведением общих мест патристического предания. Они являются результатом многолетних раздумий, разысканий и творческой работы ученого, чей авторитет в области классической, библейской и христианской словесности подтвержден множеством других его общих и частных исследований и переводов.

Читая эту книгу, можно пожалеть лишь о двух вещах, и обе они касаются псалмов: во-первых, что переведенными оказались не все псалмы, во-вторых, что комментарий к ним не так подробен, как, например, к Евангелиям. Будь у меня под рукой перевод того же 125 (126) псалма (а тем более с комментарием), писать этот этюд было бы и проще, и удобней.

С сожалением о том, что один из самых больших ученых нашей страны и нашего времени не сделает больше того, что он успел сделать, я посвящаю его памяти это исследование.

* * *

Историческая критика нового времени внесла значительные изменения в понимание псалма 125, и прежде всего в понимание 1-го и 4-го стиха: целый ряд исследователей отстаивали мнение, что речь идет не о «возвращении пленников» (которое естественно связывается с возвращением из «вавилонского плена»), а о понятии более широкого охвата – о «восстановлении» Сиона в прежнем состоянии³. В целом псалом получает тогда более «вневременное» звучание; начальные стихи его можно переводить в настоящем времени: «Когда Господь восстанавливает Сион... тогда говорят народы...». Действительно, если принять такое объяснение, то снимаются многие затруднения, связанные с истолкованием значения глагольных времен в этом псалме⁴, и косвенно находят оправдание, во-первых, колебания в употреблении времен (выбор между прошедшим и будущим) в разных греческих и латинских переводах 1-го и 2-го стиха, а во-вторых, довольно неясная смена временных планов в частности внутри текста этого псалма в Септуагинте и в зависимых от нее латинских переводах, оправдание которой требовало специальных усилий от греческих и латинских толкователей⁵.

При таком понимании просьба, выраженная в 4-м стихе псалма, имеет следующий смысл: псалмопевец просит Бога восстановить Сион наподобие того, как наполняются водой пересохшие русла (вади) в Негеве.

³ См. об этом *Beyerlin W.* Wir sind wie Träumende. Studien zum 126. Psalm. Stuttgart, 1978 (Stuttgarter Bibelstudien. 89). S. 41 ff. Здесь же приводится дальнейшая литература.

⁴ *Ibid.* S. 11 ff. (где очерчивается проблема) и 71 (где Байерлин дает основанный на своей интерпретации перевод; первые два стиха – в настоящем времени).

⁵ Специально рассматривают в своих толкованиях смысл смены времен Августин и Иоанн Златоуст. Тихоний привлекает Пс 125 в качестве иллюстрации формулируемого им правила «рекапитуляции», связанного со смешением временных планов в библейском тексте (см. *Tyconii Liber regularum // Burkitt F.C.* The Rules of Tyconius. Camb., 1984. P. 66; *Dulaey M.* La sixième règle de Tyconius et son résumé dans le *De doctrina christiana // Revue des études augustinienes.* 1989. 35. P. 85).

Но как бы то ни было, авторы перевода LXX видели в 1-м и 4-м стихе еврейского оригинала Пс 125 упоминание о возвращении из плена (как и мы видим его сегодня в масоретском тексте), и понимание всего псалма неразрывно связано в древней христианской литературе с возвращением из вавилонского плена. Да и весь цикл псалмов с надписанием «Песнь восхождения» обычно связывался с этой темой, во всяком случае у тех толкователей, для которых был важен «исторический» смысл.

Итак, для древних толкователей в 4-м стихе заключалась просьба вернуть из плена пленных (исторически – пленных иудеев из вавилонского плена, в иносказательном понимании обычно – людей или людские души из порабощения греху), смысл же сравнения «как вади в Негеве» зависит у того или иного толкователя от того, как он понимает соответствующие слова используемого им греческого или латинского перевода.

Наиболее распространенный греческий перевод второй половины 4-го стиха у греческих христианских толкователей – тот, который соответствует тексту сегодняшних изданий Септуагинты: ὡς χειμάρρους ἐν τῷ νότῳ. В этой фразе еврейскому 'ruqum поставлено в соответствии χειμάρρους, означающее бурные потоки, наполненные талой или дождевой водой (по сезону), а «Негев» переведено не как территориальное понятие, а обозначено названием южного ветра, которое можно понимать и в смысле «южный ветер», и в смысле «юг». Латинская передача этого перевода в той разновидности *Vetus Latina*, которой пользовался Августин, переводит слово χειμάρρους как *torrentes* (или в единственном числе по недоразумению из-за омонимичности греческих форм – *torrentis*), а слово νότος как *auster*. По сравнению с греческим латинский перевод еще более расплывчат, так как *torrentes* – слово более общего значения, однако сама по себе эта расплывчатость не мешает извлекать из латинского текста тот же смысл, что и из греческого, если делать соответствующие уточнения. Но понятие о юге выражено так же, как и в Септуагинте – через название ветра.

Интерпретация 4-го стиха у Августина (в рамках толкования на Пс 125, произнесенного в 407 г.) в целом такова. Псалмопевец (а в его роли выступает общность людей, совершающих восхождение на духовную родину, в Небесный Иерусалим) просит Бога содействовать возвращению из плена (из падшей греховной жизни). Австр – южный теплый ветер, символизирующий действие благодати, она растапливает лед человеческих грехов, разрешает души от оков греховного льда, и люди влекутся к своей небесной родине со стремительностью потоков, бурлящих талой водой.

Рассмотрим сначала, как понимали Пс 125:4b более ранние толкователи и современники Августина. Это необходимо для того, чтобы выяснить, насколько его толкование традиционно или оригинально и в чем именно. После этого, вернувшись к Августину, мы сможем лучше понять смысл и возникновение его интерпретации – и не только в толковании на Пс 125, но и в других его произведениях, где цитируется это полустихие.

К сожалению, от Оригена не осталось текстов, свидетельствующих о понимании им смысла сравнения «как χειμάρρους на южном ветру». Из сохранившихся текстов Евсевия, у которого Августин иногда заимствовал некоторые экзегетические ходы, также не явствует, в чем он видит суть сравнения (хотя именно у Евсевия мы впервые находим четкую связь Пс 125 и вообще всего цикла «Песнь восхождения» с возвращением из вавилонского плена).

Первое сохранившееся от греческой толковательной традиции объяснение сути данного сравнения принадлежит, насколько удастся установить, Афанасию Александрийскому. В одном из признанных за ним фрагментов читаем: «Они

(т.е. те, от чьего лица произносится 4 стих. – С.С.) показывают, что в Вавилоне осталось великое множество людей, и поэтому уподобляют его течению египетской реки, ибо Нотом (Югом) он называет пустыню»⁶. Согласно этому объяснению, сравнение с потоками призвано показать многочисленность оставшихся в плену, подобную обилию вод «Египетской реки», под которой, если текст не несет в себе ошибки, нужно понимать Нил. Нот (Юг) в данном случае – понятие территориально-географическое, определяющее место течения реки. Ничего общего это толкование сравнения с интерпретацией Августина не имеет.

Еще одно греческое толкование, которое обращает специальное внимание на сравнение Пс 125:4b и, возможно, не является более поздним по отношению к толкованию Августина, – это гомилия Иоанна Златоуста на Пс 125. В ней *tertium comparationis* – стремительность потоков: «Как потоки на южном ветру – это значит с большим напором, с большой стремительностью толкая и подвигая...»⁷. Однако, кроме указания на «стремительность», с Августином это толкование ничего не сближает.

Кажется, в грекоязычном ареале нельзя найти других свидетельств о том, как понимали древние толкователи (хронологически предшествующие Августину) данное сравнение. Если же мы теперь переместимся в ареал латиноязычный, нас ждет одно досадное разочарование: Иларий Пиктавийский (чьи толкования на псалмы вообще и на «Песни восхождения» в частности Августин, по всей вероятности, читал, и у которого даже часто заимствовал общее направление интерпретации) вообще не приводит в своем толковании второго полустишия 4-го стиха Пс 125 и никак не объясняет его⁸.

Зато некоторый любопытный материал дает нам толкование на Пс 35 Амвросия Медиоланского. В нем не цитируется весь стих Пс 125:4, но рассматривается символическое значение «потока» и «Австра» по поводу стиха Пс 35:9: «Потоком сладости Твоей Ты напоишь их» (*torrentem uoluptatis tuae potabis eos*). Поток Амвросий истолковывает как Святой Дух: *torrentis uoluptatis spiritus sanctus* («Поток сладости – это Святой Дух»), – читаем мы у него (*Expl. ps. 35, 21, CSEL 64, 15*), а несколько ранее цитирует он и Пс 125:4b: «Благ этот поток, который для них (иудеев) иссяк, и истек для нас обильно, чтобы заглушить жажду человеческой похоти, как поток на Австре. Поэтому и Писание говорит: “Удались (поднимись) ты, Аквилон, и приди ты, Австр” (Песнь 4:17), который овевал дерева в раю» (*Expl. ps. 35, 20*). Кажется, Австр, как и потоки, связывается у Амвросия со Святым Духом. Это общее представление о благотворности Австра – единственное, что сближает цитату Пс 125:4b у Амвросия с толкованием Августина; притом по данному месту нельзя судить, как Амвросий понимал это сравнение в контексте самого Пс 125. Однако, по-видимому, у других латинских авторов до Августина нельзя найти такой цитаты этого полустишия, которая бы стояла ближе к августиновскому пониманию.

Что касается самого Августина, то его восприятие сравнения Пс 125:4b, каким мы видим его в толковании на Пс 125, основано на том, что Австр – это прежде всего ветер, растапливающий лед⁹. Возможно, такое восприятие Австра

⁶ Athan. Fr. in Ps. CXXV. PG 27. 16B15-C3.

⁷ PG 55. 361. Приводимые Иоанном варианты перевода *ῥυγυτ* вместо *χεῖμαρροῦς* (*καταρροῖας*, *ὄχετοῦς*, *ἐφέσεις* или *ἀφέσεις*) призваны подтвердить, как кажется, его понимание.

⁸ Это отмечено уже при издании древнелатинских переводов Сабатье (*Bibliorum Sacrorum Latinae versiones antiquae... opera et studio D. Petri Sabatier. T. 2. P., 1751. P. 254. К стиху 4 в аппарате*).

⁹ О том, что Австр для Августина – строго южный ветер, см. *Congar Yves M.-J. Definition géographique du midi // BA. 28. P. 748.*

естественно именно для жителя Северной Африки, куда южный ветер прилетает из еще более жарких африканских краев, растапливая снег, например, в горном массиве, начинающемся к юго-западу от Гиппона, благодаря чему наполняются реки. Для жителей Италии и Греции Австр – тоже ветер, наполняющий реки, но не столько потому, что он растапливает горные снега, сколько потому, что приносит с собой влагу Средиземного моря, над которым пролетает, и обрушивает ее обильными дождями¹⁰. Как бы то ни было, именно растапливающая и тем самым освобождающая (ибо *soluere* равным образом может означать «развязать, разрешить от уз» и «растопить») сила Австра оказывается «востребованным» признаком в Августиновом толковании. Хотя этому противоречит то, что за словом *togens* стоят зимние потоки (Августин это знает и показывает), важнее именно то, что наполняются они от растаявшего на Австре льда:

Итак, то, о чем молились, когда пели псалмы, уже свершилось. *Возврати, Господи, пленение наше, как поток, на южном ветру*. Как возвращаются потоки на южном ветру, так возврати наше пленение. Можно спросить: что это значит? Но сейчас с Божией помощью откроется нам вашими молитвами. В одном месте Писание говорит: *Как лед в ведро, так разрешатся грехи твои* (Сир 3:15). Значит, нас сковали грехи. Как? Как стужа сковывает воду и не дает ей бежать. Вот и мерзли мы, скованные стужей грехов. А южный ветер – теплый ветер; когда дует южный ветер, лед разрешается и наполняются потоки. Потоками же названы зимние реки; наполнившись бурными водами, они текут с большим напором. Мы прозябали в плену, теснили нас наши грехи – подул южный ветер Святого Духа, отпущены были нам грехи, разрешились мы от мороза неправды, как лед в ведро разрешаются грехи наши. Бежим же на родину, словно потоки на южном ветру (Еп. ps. 125, 10).

Библейским «ключом», как мы видим, служит при изъяснении этого полустигший стих Сир 3:15, в котором грех уподобляется льду. Какую бы роль не играла данная цитата в качестве подоплеку, система образов, построенных вокруг замерзания как порабощения греху, разработана у Августина до тонких деталей, и может реализовываться без привлечения этой цитаты. Особенно ярко и полно представлены эти детали в нескольких местах толкования на Пс 147 в связи с теми природными явлениями, которые упоминаются в этом псалме, в частности туман, снег, лед. При этом лед является самой крайней степенью замерзания и застывания, а символизируемое им (для Августина) состояние души – степень ожесточения сердца, наиболее близкая к гибели. В качестве примера такого оледенения приводится гонитель Савл, по «оттаивании» ставший апостолом Павлом. Задача толкователя в приводимом ниже тексте – показать, что даже из этого до крайности отвердевшего состояния может вывести божественное дыхание. Если бы надо было найти в христианской литературе такие места, где наиболее убедительным образом объясняется символическая знаковая связь холода и твердости с грехом и гордыней, то толкование, из которого берется ниже приведенный отрывок, было бы одним из первых в списке: здесь с особой тонкостью подобраны цитаты, построены образы и даже привлечено разговорное употребление глагола *obstupesco* («затвердевать», «терять гибкость», «оцепеневать») в значении «замерзнуть до потери подвижности, окоченевать». В этом контексте (в конце отрывка) и появится цитата Пс 125:4:

¹⁰ Об обоих этих действиях (принесении влаги и растапливании снегов) в связи с толкованием Пс 125:4 упоминает Феодорит Киррский (*Interpretatio in ps. 125, 4. PG 80. 1889*). В его толковании, датированном более поздним временем, 40-ми годами V в., потоки на южном ветру, наполненные талой водой, – тоже именно бурно, стремительно текущие потоки, как у Иоанна Златоуста, а о символике таяния речи нет. В приводимом им альтернативном толковании Нот (Юг) – просто метонимическое обозначение Иерусалима.

Но пусть даже будут среди predeterminedных [к спасению] наитвердейшие, пусть они от долгого времени как бы застынут и станут льдом – и такие не будут слишком тверды для милосердия Божьего. «Он пошлет слово свое – и размягчит их». Что значит «размягчит»? Не поймите в худом смысле: здесь это значит «растопит, разрешит ото льда». Ибо они затвердели в гордыне. Недаром гордыню можно назвать и окаменением души – ведь от мороза вещи становятся твердокаменными. Застывнув от мороза, люди обыкновенно говорят: «Я просто закаменел от холода». Поэтому гордыня – окаменение души. Но *Он пошлет слово свое – и размягчит их*. В самом деле, когда кучи снега нагреваются, они растекаются и становятся ниже, смиреннее. И подобно тому как морозное окаменение воздвигает снежную гору, так и гордость возносит застывших душою. Но *Он пошлет слово свое – и размягчит их*. Вот, например, Савл, который был как лед, пошел после убийства Стефана, как бы окаменев в своей твердости против Христа, потребовал у священников письма, чтобы повсюду хватать и выдавать христиан, и дышал убийством. Он был тверд и студён против огня Божьего. И хотя он был тверд, хотя был студён, но вот – Тот, Кто *посылает слово свое и размягчает их*, жарко возопил с неба: *Савл, Савл, зачем ты преследуешь Меня?* (Деян 9:1–4). И одно только это слово растопило всю твердость льда. Так вот *посылает Он слово свое – и размягчает их*. Не нужно отчаиваться о льде – значит тем более не нужно отчаиваться о снеге и об облаке. Ведь даже и лед не безнадежен. Послушай, как сам лед говорил о себе: *Я, который раньше был богохульником, и гонителем, и злодеем*. Но почему Бог растопил лед? Чтобы и снег не отчаивался о себе. Ибо тот [бывший лед] говорит далее: *Затем я сподобился милосердия, чтобы Христос Иисус явил на мне долготерпение в назидание тем, кто сможет поверить Ему и получить жизнь вечную* (1 Тим 1:13, 16). Итак, Бог взывает к народам: я растопил лед, придите же ко Мне, снега. *И пошлет Он слово свое – и размягчит их; подует дыхание его – и потекут воды* (Пс 147:7). Вот оттаивают лед и снега и текут водами; кто жаждет, пусть приходит и пьет. Савл, твердый, как лед, преследовал Стефана даже до смерти – а Павел, ставший уже водой живой, зовет народы к источникам. *Подует дыхание его – и потекут воды* (Пс 147:7). Это горячее дыхание [=жаркое дуновение], оттого и в другом псалме говорится: *Обрати, Господи, пленение наше, как поток на Австре*. Ибо пленный Иерусалим как бы заледенел в Вавилоне; дует Австр – и устремляется к Богу поток любви.

Справедливости ради надо отметить, что цитата Пс 125:4 приводится здесь лишь по ходу дела, но не будет слишком смелым сказать, что контекст позволяет судить и о том, как понимается этот стих в связи с самим Пс 125, и что это понимание (и соотношение «исторического» и «духовного» истолкования стиха, плена вавилонского и плена греховного) соответствует тому, что мы видим в толковании собственно на Пс 125.

Раньше толкование на Пс 147 относили к более позднему периоду – от 412 до 420 г. (по датировке Монсо¹¹). Однако недавно Ф. Омбер предположил, что возможна гораздо более ранняя дата – 403 г.¹² Это предположение было сделано со значительными оговорками, притом его нелегко согласовать и с настойчивым упоминанием в этом толковании «предeterminedных» людей (более характерным для позднего, антипелагианского периода проповеднической деятельности Августина). Однако если бы эта датировка оказалась верна, можно было бы заключить, что представленное в толковании на Пс 125 понимание стиха Пс 125:4b созрело, было готово раньше, чем было записано толкование на Пс 125, которое мы имеем в своем распоряжении. Если же верна более поздняя дата, то приведенный текст толкования на Пс 147 свидетельствует о том, что понимание сравнения с потоками на южном ветру было стабильным у Августина, так как

¹¹ См. Müller H. Enarrationes in Psalmos // Augustinus-Lexikon. 2. S. 828.

¹² Hombert P.-M. Nouvelles recherches de chronologie augustinienne. P., 2000. P. 563-588.

основывалось на тщательно выстроенной системе символического понимания холода и твердости (оцепенения).

Дополнительные штрихи к картине понимания сравнительного оборота Пс 125:4b у Августина дает цитирование этого стиха еще в одном тексте, на этот раз бесспорно более позднем, чем собственно толкование на Пс 125. Речь идет о письме 140, т.е. о трактате «О благодати Нового Завета», относящемся к 412 г. В приводимом ниже отрывке, привлекающем ту же цитату Песни Песней (4:16), к которой прибегал и Амвросий в связи с упоминанием Австра (см. выше), символическому значению Австра противопоставлен Аквилон, и действие последнего связывается с пленом, о котором идет речь в Пс 125:4:

Итак, диавол и его ангелы, отстраненные от света и жара любви и слишком далеко зашедшие в гордыне и ненависти, застыли как бы в некоей ледяной твердости. И поэтому о них фигурально говорится, что они поставлены на Аквилоне; так как оттуда диавол навалился на человеческий род, то в Песне Песней о пришествии благодати Спасителя сказано так: *Поднимись, Аквилон, и приди, Австр, овей сад мой, и потекут благоухания* (Песнь 4:16)... Оттого же и в одном псалме говорится: *Обрати, Господи, пленение наше, как поток на Австре*, – тех, стало быть, пленников, которые удерживались под властью диавола, как бы под Аквилоном, и где из-за обилия беззакония своего они замерзли и некоторым образом заledenели. Оттого и Евангелие говорит: *Из-за того, что умножится беззаконие, охладает* [=замерзнет] *любовь у многих* (Мф 24:12). Но при дуновении Австра лед тает и текут потоки – то есть по оставлении грехов, народы по любви стекаются ко Христу. Оттого и в другом месте сказано: *Как лед в ведро, так растают грехи твои* (Сир 3:15).

Итак, понимание Австра в Пс 125 как теплого ветра благодати, разрешающего от оков греха, дает о себе знать у Августина несколько раз и включено в развитую систему символов, основанных на библейских образах, подкрепленную, кроме того, наблюдениями над природой и языком. Символы эти укоренены, видимо, достаточно глубоко в человеческой психологии; наверно, поэтому опирающаяся на них интерпретация остается понятной и убедительной даже в переводе. Но прямого литературного источника, в котором та же система образов использовалась бы для интерпретации Пс 125:4b, мне найти не удалось, и поэтому, несмотря на распространенность разного рода сравнений греха с оледенением, данное построение (т.е. связанное с объяснением роли Австра в Пс 125) можно считать собственно Августиновым.

В связи в этом мне хотелось бы исправить одно недоразумение в обзорной статье А. Ронде о толкованиях Августина на «Песни восхождения», которое, впрочем, возникает, может быть, только из-за не совсем удачной формы, в которой ученый представил свое наблюдение. В одном из примечаний, относящихся к разбору толкования на Пс 125, он пишет: «В связи с этой темой оледенения души см. любопытный текст In Ps. 147, 23 (этот текст я приводил выше. – С.С.), а также In Ps. 118, serm. 20, 3: “Frigore torpescunt”. Идея унаследована, несомненно, от Оригена, возможно, через Амвросия, In Ps. 118, serm. 11...»¹³. Так как ссылки на толкования Пс 147 и 118 поставлены в один ряд, можно подумать, что речь идет о параллельных местах или о близких образах. Однако на самом деле символика, используемая Августином в толковании на Пс 118. serm. 20, 3, – совершенно противоположная. Там толкуется стих Пс 118:83: «Ибо я стал как мех на инее» (Quoniam factus sum sicut uter in gelicidio), и в данном случае именно замораживание, охлаждение, а не оттаивание, выступает у толкователя как действие Духа: от мороза застывают (frigore torpescunt) в данном случае плотские

¹³ *Rondet H. Saint Augustin et les psaumes des montées // Revue d'ascétique et de mystique. 1965. № 41. P. 10. Not. 63.*

похоти (*concupiscentiae carnis*), и это только на благо «меху», под которым понимается человеческое тело. Без сомнения, эту интерпретацию охлаждения Августина мог почерпнуть у Амвросия в толковании на тот же стих Пс 118 (Exp. ps. 118, 11, особенно § 13–15); весьма вероятно также, что первоисточником служит Ориген (во всяком случае, подобное толкование на тот же стих сохранила под его именем Палестинская catena¹⁴). Но все это не имеет никакого отношения к тому, какую роль играют образы замерзания и оттаивания при толковании стиха Пс 125:4 у Августина. И если примечание Ронде ставит своей целью указать на курьезную противоположность использования символики замерзания, толкования на Пс 147 и 118 нужно было ставить не в один ряд, а противопоставлять со специальной оговоркой.

Иными словами, указание Ронде не помогает найти источник Августиновой экзегезы Пс 125:4b. Ориген мог быть, вообще говоря, таким источником, ибо сравнение греха с холодом у него встречается, например, в толковании на стих Пс 38: «В размышлении моем разгорится огонь» (в лат. переводе: *In meditatione mea exardescet ignis*). В переводе толкования Оригена на этот стих, выполненном Руфином (а значит, в принципе доступном Августину), читаем: «Это, несомненно, тот огонь, который прогоняет мороз греха и возвращает тепло духа» (*Hom. in ps. 38.1.7*¹⁵). Однако это сближение очень общее и не связанное с Пс 125:4b. Из данного места явствует только, что метафоры и сравнения подобного рода были в ходу в более ранней христианской словесности.

За неимением более прямых и точных параллелей, мы можем пока полагать, как было сказано выше, что изъяснение смысла сравнения Пс 125:4b посредством символики мороза-греха и Австра-благодати является собственным экзегетическим успехом Августина. От других толкований это отличается еще и тем, что оно более связано с внутренней жизнью человека, так как в нем заметно выступает аффективная сторона покаяния, «оттаивание души», а не просто показывается стремительность возвращения из плена. Само же это возвращение (*conuerte captiuitatem*) тем легче связывается с понятием обращения (*conuersio*), столь важным в августиновской мысли вообще и в толкованиях на «Песни восхождения» в частности.

Удачность такого объяснения, кажется, была признана преемниками Августина. Видимо, вслед за ним именно таким образом, т.е. в непременной связи с растапливанием греховного льда, освобождением от греховного оцепенения, будут понимать это сравнение с «потоками на Австре» и более поздние крупные латинские толкователи псалмов – Проспер Аквитанский¹⁶ и Кассиодор¹⁷.

¹⁴ *La chaîne palestinienne sur le psaume 118*. T. I (SC 189). P., 1972. P. 322-324; T. II (SC 190). P., 1972. P. 670.

¹⁵ *Origène*. Homélie sur les psaumes 36 à 38 (SC 411). P., 1995. P. 350.

¹⁶ *Prosp.* Exp. ps. C-CL. Ps. 125 (CCSL 68A, l. 28 ss.): *Sicut aquae quae gelu fuerint ligatae austro flante laxantur, ita ipsi per Spiritum Sanctum resoluta glacie peccatorum ueloci ad patriam reditu ferantur more torrentis.*

¹⁷ *Cassiod.* Exp. ps. 125, l. 79 ss. (CCSL 98): *Sequitur decora comparatio: sicut torrens in austro. Auster uentus est calidus, qui frigore ligatas aquas uaporis sui uirtute dissoluit et torrentem facit currere de suae afflationis ardore; sic ergo delicta mortis gelu constricta, quia in se non habent uitam, caelestis misericordiae calore soluuntur et uelut turbidus torrens sub celeritate discedunt.*

S. A. Stepanyan

In spite of the fact that the comparison of the sin to the cold (and of repentance to the thaw) was well known in biblical and early Christian literature, St. Augustine seems to be the first to apply it to the interpretation of his Latin text of Ps 125:4b («sicut torrens in austro»), followed by later exegetes Prosper and Cassiodorus.

© 2005 г.

И. Е. Суриков

«СОЛОН» ПЛУТАРХА: НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Как известно, в начале своей научной деятельности С.С. Аверинцев наиболее углубленно занимался проблемами творчества Плутарха. Этой тематике была посвящена его кандидатская диссертация, из которой впоследствии выросла известная книга¹. Немаловажно и то, что в статьях Сергея Сергеевича, публиковавшихся на страницах «Вестника древней истории», речь тоже шла по большей части именно о различных аспектах наследия херонейского биографа.

Поэтому представляется уместным, чтя память безвременно ушедшего из жизни великого русского ученого, рассмотреть в рамках данной небольшой статьи один из «плутарховских» сюжетов. Сразу необходимо оговорить, что мы отнюдь не имеем намерения в каком бы то ни было отношении «конкурировать» с С.С. Аверинцевым, прекрасно сознавая, что на этом исследовательском поле равных ему не было и нет, во всяком случае в отечественной историографии. Статья написана в иной плоскости, с точки зрения не филолога, а историка, и соответственно труд Плутарха будет интересовать нас прежде всего как исторический источник.

Нам хотелось бы привлечь внимание к некоторым аспектам (большого не можем позволить себе в рамках краткой статьи) жизнеописания Солона² – произведения, которое вызывает интерес по целому ряду причин. Во-первых, герой биографии – один из самых замечательных представителей античной цивилиза-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (код проекта 03-06-80066).

¹ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973.

² Эта биография, естественно, входила в состав всех полных изданий Βίοι παράλληλοι Плутарха. Кроме того, имеется и ее отдельное, относительно недавнее издание: *Plutarco. La vita di Solone* / A cura di M. Manfredini, L. Piccirilli. Roma, 1977. Особенно интересен весьма детальный комментарий к произведению, составленный видным итальянским антиковедом Л. Пиччирилли (с. 107-286). Из недавних работ о биографии Солона см. также *Ruschenbusch E. Plutarchs Solonbiographie* // ZPE. 1994. 100. S. 351–380. Из последних работ о Плутархе в целом см. *Lamberton R. Plutarch*. New Haven, 2001.

ции³, уникальный по силе и яркости, разносторонности и одновременно гармоничности⁴ своей личности: законодатель и мудрец, поэт⁵ и путешественник, воин и дипломат, помимо всего прочего – крупнейшая фигура в среде афинской политической элиты, первый в длинном ряду «отцов-основателей» классической демократии⁶.

Во-вторых, биография Солона занимает, как нам представляется, особое место в плутарховском сборнике сравнительных жизнеописаний. Она находится, если можно так выразиться, на стыке легенды и истории. Поясним свою мысль. Биографии, составляющие Βίοι παράλληλοι, можно достаточно четко разделить на две категории в отношении историчности содержащегося в них материала. С одной стороны, некоторые из них всецело или в основном окрашены в мифологические тона; миф как бы «мимикрирует» под историю. Собственно, именно это говорит в данной связи сам автор: «Я бы хотел, чтобы сказочный вымысел подчинился разуму и принял видимость настоящей истории (λόγῳ τὸ μῦθῳδες ὑλακοῦσαι καὶ λαβεῖν ἱστορίας ὄψιν)» (Plut. Thes. 1; перевод С.П. Маркиша). К этой категории относятся жизнеописания Тесея и Ромула⁷, в значительной степени – Ликурга и Нумы, отчасти – Публиколы, Кориолана, Камилла. Тексты такого рода представляют интерес главным образом как источники по формированию соответствующих традиций. Для изучения собственно событийной (в частности политической) истории они мало что дают.

Другая категория включает в себя подавляющее большинство биографий Плутарха. В них рассказывается о лицах вполне историчных (и к тому же весьма известных), чья жизнь и деятельность достаточно детально и достоверно освещена в сочинениях иных античных авторов. И уже в силу этого сведения, сообщаемые Плутархом, – писателем, как-никак, довольно поздним, – неизбежно несут на себе отпечаток некоторой «вторичности». Если ограничиться для примера греческой частью биографического цикла, можно отметить, что Плутарх, бесспорно, приводит ряд немаловажных деталей, скажем, о Фемистокле или

³ Интересно, что Плутарх, насколько можно судить, не смог подобрать Солону достойного визави среди римлян. Вообще легко заметить, что плутарховские «пары» отнюдь не равноценны по степени удачности выбора. В одних случаях автор, что называется, «попал в десятку» (Демосфен и Цицерон, Никий и Красс, Деметрий и Антоний), в других же параллель явно не может удовлетворить читателя, выглядит искусственной (Перикл и Фабий Максим, Алкивиад и Кориолан, Аристид и Катон Старший). Неудачно и сопоставление такой яркой личности, какой был Солон, с довольно бледной и невыразительной фигурой Публиколы. Но вряд ли следует винить в этом Плутарха: лучшей альтернативы у него все равно не было. Римская история не имела своего Солона, и в этом, может быть, одна из причин того, что она пошла совершенно иными путями, нежели афинская. Есть мнение, что мысль сравнить Солона именно с Публиколой возникла у Плутарха под влиянием чтения политических трактатов Цицерона (в частности, *De leg.* II. 58 sqq.); см. *Affortunati M., Scardigli B. Aspects of Plutarch's Life of Publicola // Plutarch and the Historical Tradition. L.-N.Y., 1992. P. 110.*

⁴ О категории гармонии в деятельности Солона см. *Zunino M.L. 'Ομοῦ βίαν τε καὶ δίκην ξυναρμόσιας: Solone e la creazione della giustizia // Klio. 2004. 86. 1. P. 5–15.*

⁵ Между прочим, первый по времени афинский поэт (*Клох В.М. Literature // Athens Come of Age: From Solon to Salamis. Princeton, 1978. P. 43.*)

⁶ К общей оценке личности Солона см. *Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 55 сл.* (со ссылками на важнейшую литературу вопроса).

⁷ А также, несомненно, жизнеописание Геракла; оно не дошло до нас, но о его существовании упоминает сам Плутарх (Thes. 29).

Перикле, Алкивиаде или Демосфене. Но в то же время, если представить, что его «Сравнительные жизнеописания» не сохранились бы, пробелы в наших знаниях об этих деятелях были бы, конечно, прискорбными, но не фатальными. Ведь есть труды Геродота, Фукидида, Ксенофонта, речи Демосфена, Эскина и др.; одним словом, есть широкий спектр ценнейших, современных эпохе источников о политической жизни классической Греции, и без Плутарха ее исследование было бы все-таки возможным⁸.

Но вот с жизнеописанием Солона, повторим, дело обстоит особым образом. История архаических Афин рубежа VII–VI вв. до н.э., основные моменты солоновских реформ – все это освещено в других нарративных памятниках, имеющих в нашем распоряжении (за единственным исключением, о котором будет упомянуто чуть ниже), совершенно неудовлетворительно. Соответственно данные Плутарха получают, без преувеличения, неопределимое значение. Написанная им биография Солона является одной из двух главных сокровищниц информации по этим сюжетом (второй – «Афинская полития» Аристотеля)⁹. Любое изучение судьбоносных для афинского полиса политических и социально-экономических преобразований 594 г. до н.э. возможно ныне только через комбинацию материала этих двух источников. Этим создается как бы «стержень» аутентичных фактов, на который уже можно «наназывать» все прочие сведения.

В-третьих, биография Солона интересна и характерна в том отношении, что в ней очень четко и выпукло предстают основные особенности тех методов анализа, подбора и изложения фактов, которыми руководствовался Плутарх в своей работе¹⁰. Специфика этих методов во многом обусловлена тем, что интересующий нас автор, занимаясь сюжетами вполне историческими, при этом принципиально позиционировал себя не как историк, а как биограф и моралист¹¹. Создается впечатление, что этот добропорядочный любитель спокойной семейной жизни и тихих, пристойных застольных бесед¹², несмотря на все свое непри-

⁸ Нельзя отрицать, что в некоторых случаях Плутарх сохранил для нас более точную или более полную информацию, чем даже великий Фукидид. Это убедительно показано на примере перипетий истории Пентеконтаэтии в кн.: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia.* Baltimore, 1993. Так, если бы не Плутарх, мы вообще ничего не знали бы о понтийской экспедиции Перикла: Фукидид о ней умалчивает. И все же это именно лишь отдельные частные случаи, можно сказать, исключения, а не норма.

⁹ Строго говоря, есть еще одна биография Солона, принадлежащая перу Диогена Лаэртского (*Diog. Laert.* I. 45–67). Но этот краткий компилятивный очерк, составленный без всякого желания углубиться в сложные солоновские проблемы, избилующий грубыми фактическими ошибками и ссылками на откровенные фальсификаты, никак нельзя назвать информативным источником.

¹⁰ Об исследовательских методах Плутарха см. *Pelling C.B.R. Plutarch and Thucydides // Plutarch and the Historical Tradition.* L.–N.Y., 1992. P. 10–40.

¹¹ См. по этому поводу в статье С.С. Аверинцева, которая, кажется, стала последней по времени опубликования из его специальных работ о Плутархе: *Аверинцев С.С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 2-х томах.* 2 изд. Т. 1. М., 1994. С. 637–653. В целом о специфике античного биографического жанра см. *Dihle A. Zur antiken Biographie // Entretiens sur l'antiquité classique.* 1997. 44. P. 119–140.

¹² Некоторые произведения Плутарха, особенно относящиеся к симпозиальному жанру, как будто вдохновлены известными словами Солона (fr. 3. 9–10 Diehl): *παρούσας εὐφροσύνας κοσμεῖν δαίτῳ ἐν ἡσυχίῃ* (в не совсем точном переводе Г. Церетели: «Отдаваясь мирной усадле пиров, их в тишине проводить»). О «симпозиальном духе» у Солона см. *Noussia M. Solon's Symposium // CQ.* 2001. 51. 2. P. 353–359.

ятие какого бы то ни было эпатажа, писал некоторые вещи прямо-таки в пику представителям античной исторической науки. Следы осознанной рефлексии Плутарха по поводу своей методологии наиболее наглядно обнаруживаются в известном пассаже, открывающем биографию Александра Македонского: οὐτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν, ἀλλὰ βίου (Plut. Alex. 1).

Но если этот пассаж неоднократно анализировался и дискутировался в историографии, то значительно реже обращалось внимание на еще одно очень характерное место, в котором Плутарх пусть имплицитно, но тем не менее с предельной ясностью противопоставляет себя историкам – именно с методологической точки зрения. Это место содержится как раз в жизнеописании Солона (Plut. Sol. 27) и заслуживает того, чтобы процитировать его полностью (в переводе С.И. Соболевского).

Речь идет об одном из самых хрестоматийных эпизодов во всей античной топики – встрече Солона в Сардах с лидийским царем Крезом. Зафиксированная преданием со времен Геродота (I. 29–33)¹³, эта встреча, однако, как прекрасно понимали уже наиболее ответственные древнегреческие ученые, никак не могла иметь места в действительности, по той простой причине, что Крез стал царем спустя долгое время после того, как Солон посетил Лидию¹⁴. Вот что пишет по этому поводу Плутарх: «Что касается свидания Солона с Крезом, то некоторые авторы на основе хронологических соображений считают доказанным, что это вымысел. Однако это предание, как известно, засвидетельствовано столькими лицами и, что еще важнее, так соответствует характеру Солона, так достойно его высокого образа мыслей и мудрости, что я не решаюсь отвергнуть его из-за каких-то “хронологических сводов” (χρονικοί τισι λεγόμενοι κανόνες), которые уже тысячи ученых исправляли, но встречающихся в них противоречий до сих пор не могут согласовать» (курсив наш. – И.С.).

Называя вещи своими именами, перед нами, в сущности, некая апология своеобразного «хронологического нигилизма». Коль скоро конкретные даты всегда остаются предметом дискуссий, а в то же время гораздо важнее поучительность повествования и пресловутое «соответствие характеру» (в античном понимании)¹⁵, это должно оправдывать принципиальное пренебрежение любой скрупулезностью в области хронологии. Такая скрупулезность биографу просто не нужна, идет ли речь о хронологии абсолютной или даже относительной. Вывод для исследователя очевиден: ввиду практикуемого Плутархом сознательно отрывочного характера изложения его жизнеописания редко когда могут быть использованы для сколько-нибудь точного решения дискуссионных хронологических вопросов. В том числе и расстановка описываемых событий в правильной

¹³ Fehling D. Herodotus and his 'Sources'. Leeds, 1989. P. 211; Visser E. Herodots Kroisos-Logos: Rezeptionssteuerung und Geschichtsphilosophie // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 2000. 24. S. 5–28; Bichler R. Herodots Welt. B., 2001. S. 247; Rhodes P.J. Herodotean Chronology Revisited // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 64.

¹⁴ По поводу всего этого эпизода см. Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79. Мы не исключаем, что афинский мудрец мог встречаться и беседовать с Крезом в бытность последнего наследником престола. Но разговор Солона и царя Креза, как его передают Геродот и вслед за ним другие писатели, заведомо не историчен.

¹⁵ Об этом понимании см. Суриков И.Е. Греческий роман и греческое понимание характера // ПИФК. 2000. 9. С. 22–28.

последовательности, как правило, требует корректив посредством привлечения независимых данных и текстуально-критических соображений.

Вот, в частности, в каком порядке Плутарх описывает важнейшие деяния Солона, имевшие место до его архонтата и реформ: Солон, притворившись сумасшедшим, инициирует возобновление войны с Мегарами за Саламин (Plut. Sol. 8); афинский отряд под командованием будущего законодателя захватывает спорный остров, причем плечом к плечу с Солоном действует Писистрат (ibid. 8–9); принадлежность Саламина выносится на арбитраж Спарты и усилиями Солона афинские притязания получают признание (ibid. 10); Солон выступает в роли советника Дельфийской амфикистии в ходе Первой Священной войны (ibid. 11); он убеждает Алкмеонидов предстать перед судом, по приговору которого этот род подвергается изгнанию из Аттики (ibid. 12); по приглашению Солона в Афины прибывает критский чудотворец Эпименид для совершения культового очищения полиса и проведения преобразований в сфере религиозной жизни (ibid. 12); в Аттике формируются три региональные группировки (диакрии, педиеи и паралии), что ведет к обострению политической борьбы (ibid. 13); в обстановке смуты Солон избирают первым архонтом и посредником-примирителем, причем в этот момент приверженцы предлагают ему установить тиранию, от чего мудрец с благородным возмущением отказывается (ibid. 14).

Перед нами – пестрый калейдоскоп фактов, и практически каждый из них, взятый в отдельности, несомненно имел место. Но вот последовательность этих событий, как она предстает у Плутарха, лишь мало в чем соответствует действительности, а в основном являет собой продукт большой путаницы¹⁶. Если начало войны с Мегарами и занятие Саламина датируются временем ок. 600 г. до н.э., то окончание этой войны третейским судом следует относить уже к 560-м годам¹⁷. И Писистрат действовал в качестве полководца на завершающем этапе данного вооруженного конфликта, а не тогда же, когда и сам Солон. Далее, суд над Алкмеонидами состоялся существенно раньше, ок. 615 г. до н.э., и Солон вряд ли был к нему непосредственно причастен¹⁸. С деятельностью законодателя следует связывать, напротив, возвращение Алкмеонидов из изгнания; именно в этом смысле трактуется солоновский закон об амнистии (Plut. Sol. 19)¹⁹. В контексте мер, связанных с амнистией осужденных за религиозные преступления, необходимо рассматривать и миссию Эпименида, которая, кстати, имела место во всяком случае не после Первой Священной

¹⁶ К установлению правильной последовательности см. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 36 слл.

¹⁷ Об этой войне см. Legon R.P. Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 104 ff.; Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 247 слл.

¹⁸ В «Афинской политике» Аристотеля – более верная хронологическая перспектива: в ней изгнание Алкмеонидов (Arist. Ath. pol. 1) и деятельность Солона (ibid. 5 sqq.) не ставятся ни в какую связь друг с другом.

¹⁹ Закон несомненно аутентичен. Плутарх не только цитирует его дословно (ὄνομασι), но и в целом ссылается на него с такой точностью и конкретностью, какая только была возможна, даже указывая – крайне редкий случай в традиции – его номер (8-й закон 13-го аксона). См. по поводу этого закона и его значения для общей оценки достоверности традиции о солоновском кодексе: Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S. 5 ff.

войны²⁰. Возникновение региональных группировок в Аттике – факт уже послесолоновского времени. Педиеи и паралии появились не ранее 470-х годов до н.э.²¹, диакрии – еще на десятилетие позже²². Наконец, проект тирании Солона относится скорее не к началу, а к концу его архонтата, когда судьба реформ, в краткосрочной перспективе не удовлетворивших большинство граждан, была в опасности, и вставал вопрос о возможности чрезвычайных мер для обеспечения преемственности политической линии²³.

Все сказанное может произвести удручающее впечатление, даже породить серьезные сомнения в ценности плутарховой биографии Солона как источника. Сомнения эти, однако, вряд ли будут оправданными. Действительно, хронология, повторим, далеко не самое сильное место Плутарха. Но у этого автора есть другие многочисленные достоинства. Прежде всего следует назвать в данной связи его колоссальную эрудицию. В распоряжении херонейского биографа находилось огромное количество сочинений – как исторического, так и иных жанров, – написанных в предшествующие века (значительная часть этих сочинений нам уже недоступна), и он активно пользовался находившимся в них богатым материалом (правда, отнюдь не всегда давая корректные ссылки, но делая это все же чаще, чем, например, Диодор).

Говоря конкретно о жизнеописании Солона, следует отметить, что и оно основано на широком спектре источников, в том числе весьма ранних и аутентичных. Так, автор использовал стихотворения самого Солона, прежде всего его большие политические элегии, которые входят в число наиболее информативных текстов, созданных в Греции архаической эпохи²⁴. Собственно, многие из этих стихотворений дошли до нас только потому, что их процитировал Плутарх. Впрочем, иногда он не цитирует стихи дословно, а парафразирует их в прозаической форме. Такого рода парафразы, несомненно, местами скрываются в тексте анализируемой нами биографии, и иногда они обнаруживаются исследователями²⁵. Постоянно задействует Плутарх в качестве источника также и солоновские законы. Конечно, он работал не непосредственно с аксонами, на которых свод первоначально был начертан (по словам самого биографа,

²⁰ Однако совершенно неоправданной представляется гиперкритическая позиция тотального отрицания участия Афин в этой войне (как, например, в работе: *Tausend K. Amphiktyonie und Symmachie: Formen zwischenstaatlichen Beziehungen im archaischen Griechenland*. Stuttgart, 1992. S. 164 ff.).

²¹ Еще в связи с узурпацией Дамасия (582-580 гг. до н.э.) эти группировки никак не упоминаются.

²² Не можем при этом согласиться с мнением, согласно которому никакой группировки диакриев вообще не существовало, что это фикция политической пропаганды V в. до н.э. (*Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids*, с. 560-510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 99).

²³ В конечном счете эта преемственность была достигнута более легитимным путем: удалось добиться избрания на пост первого архонта на следующий (593/592) год брата Солона – Дропида (об этом архонтате см. *Develin R. Athenian Officials 684-321 BC*. Camb., 1989. P. 38), который обеспечил закрепление результатов реформ. Таким образом, необходимость в установлении тиранического режима отпала.

²⁴ Наиболее фундаментальное (и, кстати, последнее по времени) исследование этих элегий: *Mülke Chr. Solons politische Elegien und Iamben* (Fr. 1–13; 32–37 West). *Einführung, Text, Übersetzung, Kommentar*. Lpz, 2002.

²⁵ Например: *Колобова К.М. Революция Солона // Ученые записки ЛГУ. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 29; Boer W. den. A New Fragment of Solon? // Mnemosyne. 1966. 19. 1. P. 46-47.*

до его времени дошли лишь незначительные фрагменты этих деревянных таблиц, хранившиеся в афинском пританее – Plut. Sol. 25), а в основном с последующими изданиями законов²⁶.

Интересно обратить внимание и на другие источники Плутарха в биографии Солона. Перечень авторов и произведений, на которые он ссылается (пусть даже не все эти произведения он читал сам, а указания на некоторые из них взял «из вторых рук»), впечатляет: комедиограф Кратин (V в. до н.э.), философ Платон, ораторы Эсхин и Демад, аттидограф Андротион, Аристотель («Афинская полития» и трактат «Пифионики»), его преемник по руководству Ликеем Феофраст, Деметрий Фалерский, Фаний Эресский – еще один ученик Аристотеля, Гераклид Понтийский, малоизвестные Патек и Еванф Самосский²⁷ (IV в. до н.э.), историки Полизел Родосский, Герей Мегарский, филолог и биограф Гермипп Смирнский (III в. до н.э.), некий писатель эллинистического периода Филокл, грамматики Асклепиад Мирлейский, Дидим Александрийский (I в. до н.э.), а также документы (ὑπομνήματα) из Дельф, которые он имел все возможности интенсивно использовать, поскольку занимал пост пожизненного жреца дельфийского храма.

В этом списке особый интерес вызывают, естественно, авторы наиболее ранние и тем самым наиболее близкие к описываемым событиям, иными словами, те, которые датируются временем классики и начала эллинизма. Нетрудно заметить, что среди источников Плутарха они преобладают, и это, кстати, делает честь его научному чутью. Некоторые из этих источников заслуживают того, чтобы остановиться на них чуть поподробнее. Андротион, автор одной из самых известных «Аттид»²⁸, известен тем, что придерживался нетрадиционных взглядов на реформы Солона, в частности на знаменитую сисахфию (Androt. FGrHist. 324. F 34): он, отклоняясь в этом вопросе от остальной античной традиции²⁹, считал сисахфию не отменой долгов, а лишь уменьшением процентной ставки

²⁶ Так, у Аристотеля имелось сочинение «Об аксонах Солона» в пяти книгах, представлявшее собой публикацию солоновских законов с подробным комментарием. Этот труд вместе со всей библиотекой Аристотеля–Феофраста более двух веков лежал под спудом в малоазийском Скепсисе (Strabo. XIII. 608–609), но в I в. до н.э. был вновь введен в научный оборот и лег в основу всех последующих изданий свода Солона. См. в связи с этим: Ruschenbusch. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 39 ff. Следует отметить еще и тот факт, что уже Аристотель работал, судя по всему, не непосредственно с аксонами, как таковыми, а с каменными стелами, на которые законы были перенесены в ходе рекодификации конца V в. до н.э. (о ней см. Harrison A.R.W. Lawmaking at Athens at the End of the Fifth Century B.C. // JHS. 1955. 75. P. 26–35; Piérart M. Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // REA. 1987. 89. 1/2. P. 21–37; Carawan E. The Athenian Amnesty and the 'Scrutiny of the Laws' // JHS. 2002. 122. P. 1–23; Whitehead D. Athenian Laws and Lawsuits in the Late Fifth Century B.C. // Museum Helveticum. 2002. 59. 2. P. 71–96). Сами же аксоны к этому времени были в довольно плохом состоянии (Cratin. fr. 274 Kock). Однако при рекодификации уполномоченные лица отнеслись к тексту законов весьма ответственно, стремясь в ходе копирования не изменить в них ни малейшей детали. Как демонстрирует памятник, дошедший до нас от этого мероприятия, – закон Драконта об убийствах (IG. I³. 104) – на стелах сохраняли даже старую разбивку кодекса на аксоны.

²⁷ Строго говоря, сколько-нибудь точное время жизни Патека и Еванфа неизвестно. Но на них ссылается уже Гераклид Понтийский, так что они писали во всяком случае не позже IV в. до н.э.

²⁸ О нем см. наиболее подробно, с изданием всех сохранившихся фрагментов: Harding Ph. Androton and the Atthis. Oxf., 1994.

²⁹ Idem. Androton's View of Solon's Seisachtheia // Phoenix. 1974. 28. 1. P. 282–289.

(τόκων μετρίότητι) в совокупности с возвышением ценности денег (ἐλαύξιν-σιν... τοῦ νομισματοῦς τιμῆς)³⁰. Интересно, что Аристотель в «Афинской политике» также активно использовал труды аттидографов и в наибольшей степени – как раз Андротиона³¹. Местами он даже вступал с Андротионом в полемику, однако, подчеркнем, в полемику скрытую, а само имя этого историка вообще не упоминается в трактате об афинском государственном устройстве³².

Далее, привлекают внимание среди источников Плутарха авторы, вышедшие из перипатетической школы и соответственно отличавшиеся большой скрупулезностью в сборе и исследовании фактологического материала. Среди них – второй схолярх Ликия Феофраст, который в своем фундаментальном труде «Законы» (Νόμοι)³³ собрал и прокомментировал огромное количество законодательных актов из различных полисов, в том числе, конечно, и кодекс Солона. У Деметрия Фалерского – также перипатетика, подвергшегося как в своей практической деятельности, так и в своих теоретических штудиях определяющему влиянию Аристотеля и Феофраста³⁴, – Плутарх (Sol. 23) заимствует важные сведения о том, что в законах Солона одна драхма приравнивалась к стоимости ов-

³⁰ Вопрос о деньгах в связи с реформами Солона сам по себе непрост. С одной стороны, на сегодняшний день можно считать доказанным, что монета во времена Солона в Афинах еще не чеканилась, а начался ее выпуск никак не раньше времени Писистрата (см. к этому вопросу: *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte.* 1969. 19. S. 7–24; *Crawford M.H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene.* 1972. 10. P. 5–8; *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 55 ff.; *Kroll J.H.* From Wappennünzen to Gorgoneia to Owls // *The American Numismatic Society. Museum Notes.* 1981. 26. P. 1–32; *idem.* The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26). Princeton, 1993. P. 5; *Welwei K.-W.* Athen: Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis. Darmstadt, 1992. S. 199; *Reden S. von.* Exchange in Ancient Greece. L., 1995. P. 179–181; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 BC. L., 1996. P. 222; *Rebuffat F.* La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 36–39; *Theodorou J.* Athenian Silver Coins: 6th–3rd Centuries BC. The Current Interpretation // *Μνήμη Martin Jessop Price.* Athens, 1996. P. 53 f.; *Dawson S.* The Athenian Wappennünzen // *Scholia.* 1999. 8. P. 71–77; *Kim H.S.* Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // *Money and its Uses in the Ancient Greek World.* Oxf., 2001. P. 11). Так что же, информация Андротиона (и, добавим, Аристотеля – *Ath. pol.* 10. 2) о солоновской денежной реформе представляет собой анахронизм и не заслуживает доверия? Но такое суждение тоже было бы ошибочным. Методологически неверно отождествлять отсутствие чеканной монеты с отсутствием денег, как таковых. До введения чеканки четко фиксируется стадия домонетных денег. Роль этих последних могли играть в частности нечekanенные слиточки серебра (ср. *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 23; *Kroll J.H., Waggoner N.M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *AJA.* 1984. 88. 3. P. 333; *Furtwängler A.* Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // *Schweizerische numismatische Rundschau.* 1986. 65. S. 164; *Ruschenbusch.* Plutarchs Solonbiographie. S. 362; *Kroll J.H.* Silver in Solon's Laws // *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price.* L., 1998. P. 225–232; *Stanley P.V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999. P. 212), особенно в Аттике, где этот драгоценный металл добывался в значительном по греческим меркам количестве. Такие слиточки имели фиксированный вес и отличались от «настоящих» денег, в сущности, только отсутствием клейма государства.

³¹ *Schreiner J.H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P. 13–20.

³² В «Афинской политике» и в целом, как известно, очень нечасты ссылки на источники. Так, в своем рассказе о Солоне Аристотель ссылается только на его стихи, законы, да еще на одну стихотворную надпись с акрополя.

³³ *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi and Aristotle // *Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson.* Camb. (Mass.), 1940. P. 355–376.

³⁴ Этот вопрос освещен в работе: *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phaleron // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece on Honor of D. Kagan.* Claremont, 1997. P. 327–346.

цы или медимна зерна, пять драхм – к стоимости быка. Эта информация важна для общих представлений о масштабе цен в Афинах на рубеже VII–VI вв. до н.э. (как видим, эти цены были гораздо ниже, чем в классическую эпоху), а также в контексте разработанной законодателем системы имущественных классов³⁵. Достаточно авторитетным автором признается и еще один ученик Аристотеля – Фаний Эресский (Лесбосский)³⁶, между прочим, земляк Феофраста.

Затронем, наконец, вопрос о том, как подходит Плутарх к своим источникам. При работе с жизнеописанием Солона не может не броситься в глаза характерная особенность: биограф очень любит, разбирая какой-нибудь вопрос, сталкивать друг с другом две противостоящие друг другу трактовки, обнаруживаемые им в предшествующей традиции. При этом чаще всего сам он не делает однозначного выбора в пользу одной из версий, предоставляя такой выбор читателю³⁷. На протяжении довольно небольшого сочинения мы находим целый ряд подобного рода случаев, наиболее характерные из которых здесь перечислим.

Plut. Sol. 1 – вопрос об имени отца Солона: противопоставляется мнение Филокла мнению всех остальных писателей.

Plut. Sol. 4 – вопрос о том, в какой последовательности «семь мудрецов» передавали друг другу выловленный в море треножник: противопоставляется мнение Феофраста мнению не указанных эксплицитно авторов.

Plut. Sol. 8–9 – вопрос о завоевании Солоном Саламина: противопоставляются два мнения без указаний на конкретные источники.

Plut. Sol. 10 – вопрос об аргументах Солона на третьей суде с Мегарами: противопоставляется мнение афинян мнению «многих» (οἱ πολλοί).

Plut. Sol. 10 – вопрос о способе похорон у мегарян: противопоставляется мнение самого Солона мнению мегарского историка Герая.

Plut. Sol. 11 – вопрос о роли Солона в Первой Священной войне: противопоставляется мнение Еванфа Самосского данным оратора Эхина и дельфийских документов.

Plut. Sol. 14 – вопрос о «пропагандистской кампании» Солона перед его избранием в архонты: противопоставляется мнение Фания Лесбосского сведениям, почерпнутым из стихов самого Солона.

³⁵ В частности, приведенный пассаж значительно подрывает аргументацию Х. Тумансом тезиса, согласно которому незнатные богачи, не имевшие крупной земельной собственности и доходов, оцениваемых непосредственно в медимнах, автоматически оказывались в классе фетов (Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 241 слл). Независимо от историчности самого этого слоя «новых богачей» (обоснованные сомнения по этому поводу см. Osborne. Op. cit. P. 225) заметим: свидетельство Деметрия Фалерского, сохраненное Плутархом, недвусмысленно показывает, что в таких случаях просто проводился элементарный пересчет иных видов доходов на медимны, согласно приведенной шкале. В рамках данной работы мы не затрагиваем вопроса о том, была ли система из четырех имущественных классов всецело изобретением Солона или же законодатель модифицировал ранее существовавший институт (более верным ответом на этот вопрос, бесспорно, представляется второй).

³⁶ О нем см. Mühl M. Solon und der Historiker Phainias von Lesbos // RhM. 1955. 98. 4. S. 349–354. Есть два варианта написания имени этого историка: Фаний (Φανίας) и Фений (Φαννίας). В книге И.А. Шишовой (Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 107) он почему-то фигурирует как Фаний; такое написание неверно.

³⁷ Ср. Plut. Sol. 19: «Над этим вопросом ты подумай сам (ταῦτα μὲν οὖν καὶ αὐτὸς ἐπισκόπει)».

Plut. Sol. 15 – вопрос о сущности сисахфии: противопоставляется мнение Андриона мнению «большинства» (οἱ πλείστοι).

Plut. Sol. 19 – вопрос о времени учреждения ареопага: противопоставляется мнение «большинства» (οἱ πλείστοι) тексту одного из солоновских законов.

Plut. Sol. 25 – вопрос о соотношении кирб и аксонов: противопоставляется мнение Аристотеля и Кратина мнению «некоторых» (ἑνίοι).

Plut. Sol. 27 – вопрос о встрече Солона с Крезом: противопоставляются два мнения без указаний на конкретные источники.

Plut. Sol. 31 – вопрос об авторстве некоторых законов (Солон или Писистрат): мнения Гераклида Понтийского и Феофраста противопоставлены прочим.

Plut. Sol. 32 – вопрос о времени смерти Солона: противопоставляется мнение Гераклида мнению Фания.

Plut. Sol. 32 – вопрос о месте и способе погребения Солона: мнение Аристотеля противопоставлено соображениям общего характера.

Этот довольно длинный перечень представляется характерным и позволяет, между прочим, правильно определить место Плутарха в античной исторической науке. Дело в том, что практически с самого момента «рождения Клио», уже в V в. до н.э., наметились два противоположных подхода к использованию данных предшествующей традиции. Эти подходы нашли отражение в творчестве двух величайших представителей раннего историописания – Геродота и Фукидида, более того, были ими прямо продекларированы. Вот позиция первого из них: «Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (Herod. VII. 152). А вот что пишет Фукидид, вне сомнения, в пику своему предшественнику: «Я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого» (Thuc. I. 22. 2).

Итак, в первом случае историк считает своим долгом преподнести читательской аудитории всю информацию, которая есть в его распоряжении, во втором же – прибегает к отбору, излагает только те факты и мнения, которые представляются ему, лично ему достоверными. Метод Фукидида обычно считается началом исторической критики³⁸. Пожалуй, что это и так (хотя, наверное, все-таки не лучший способ критики – замалчивание тех взглядов, с которыми автор не согласен). Но в то же время перед нами – начало догматизма в историописании, догматизма, который Геродоту был еще чужд³⁹. Данные соответствующим образом «препарируются» и подаются в таком свете, чтобы не вызвать у читателя и тени сомнения в правильности проводимой историком концепции⁴⁰. А между тем насколько ценнее был бы эпохальный труд Фукидида, если бы в нем, в дополнение к его прочим многочисленным достоинствам, еще и приводились иные точки зрения на спорные вопросы, если бы автор не пытался взять на себя роль высшего арбитра в вопросе о том, «что есть истина»...

³⁸ См., например, его высокую оценку: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 118 слл.

³⁹ Ср. противопоставление Геродота и Фукидида в известной работе: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980. С. 30-31.

⁴⁰ На ряде конкретных примеров это убедительно показано в монографии: *Badian.* Op. cit.

В дальнейшем в античной историографии противоборствовали «геродотовская» и «фукидидовская» линии⁴¹. В частности, «Афинская полития» Аристотеля написана всецело в русле второй из них (не случайно в ней, как и у Фукидида, столь редки ссылки на источники). Плутарх же (и это очень хорошо демонстрирует именно его биография Солона), следуя заветам Геродота, «передает все, что рассказывают», даже если он со многим и не согласен. Херонейский биограф принципиально не догматичен, его стиль проникнут «диалогической» установкой (здесь, между прочим, еще и влияние метода Сократа)⁴², и эта черта – не только одна из самых импонирующих в его творчестве, но еще и одна из особенно коррелирующих с наиболее передовыми ныне методиками исторической науки⁴³. Парадоксальным образом Плутарх оказывается близким и современным нам по своим подходам.

SOLON IN PLUTARCH: SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE SOURCE

I. E. Surikov

Some aspects and problems of Plutarch's historico-biographical method are considered in this article by the example of his «Life of Solon». The author notes that as a biographer Plutarch in some cases made a clear distinction between his methods and those of a historian. Thus, in his work we find an apology of «chronological nihilism», i.e. of fundamental neglect of any kind of exactness in chronology, and of deliberately fragmentary character of the account. Nevertheless, Plutarch's biographies have numerous merits as a historical source. First of all, one must point out his huge erudition. He used intensely the rich material of the preceding Greek historical tradition. Many poems and laws of Solon have survived for us only because they were cited by Plutarch. What is especially important, when analysing problems, Plutarch very often puts side by side two solutions contradicting each other without making any definite choice, and thus leaving it up to the reader. He was not a dogmatist, he tried to «communicate all that people tell», and in this regard he belonged to Herodotus', and not to Thucydides', school of historiography.

⁴¹ *Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 181.*

⁴² Эта черта хорошо видна не только в биографиях, написанных Плутархом, но и в трактатах, входящих в состав его «Моралий». Эти трактаты очень часто принимают форму диалога.

⁴³ См. в частности о необходимости для историка «завязать диалог с культурой иного времени»: *Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 9.*

Б. Л. Фонкич

ВЕНЕЦИАНСКАЯ РУКОПИСЬ «АЛЬМАГЕСТА» ПТОЛЕМЕЯ
(MARC. GR. 313/690): О ДАТИРОВКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ
КОДЕКСА*

Сочинение Клавдия Птолемея «Μαθηματικὴ Σύνταξις», получившее в арабском мире название «Альмагест» (от арабск. al-mağast. < греч. μέγιστος), явилось на греческой почве одним из важнейших памятников научной литературы в эпоху «первого византийского гуманизма», в IX–X вв. До нашего времени сохранился ряд греческих рукописей этого периода, содержащих либо сочинения Птолемея, либо комментарии к ним; списки «Альмагеста» занимают среди них видное место.

В специальной литературе указываются следующие ранние кодексы «Μαθηματικὴ Σύνταξις»: IX в. – Paris. gr. 2389, Vat. gr. 1594; X в. – Marc. gr. 313, Vat. gr. 180¹.

Датировка Парижской и обеих Ватиканских рукописей не вызывает сомнения². Что же касается Венецианского манускрипта, то его непосредственное изучение приводит к выводу о необходимости отнесения рукописи не к середине X в., как это делает в своем описании Э. Мьони³, а к IX в., причем, скорее всего, его первой половине, едва ли позже середины столетия. К такому заключению приводят не столько особенности почерка, которым писан текст манускрипта (недаром ведь и Мьони, и другие исследователи, изучавшие эту рукопись, без колебаний датировали ее X веком), сколько письмо маргиналий, принадлежащее самому писцу текста, но временами имеющее характер менее каллиграфический и даже курсивный, а также (и, быть может, главным образом) не завершенная в своем развитии система надстрочных знаков. Это обстоятельство и константинополь-

* Сердечно благодарим дирекцию Biblioteca Nazionale Marciana (Венеция) за разрешение опубликовать фотографии отдельных листов рукописи Marc. gr. 313/690.

¹ См. Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia. Vol. I. Syntaxis mathematica / Ed. J.L. Heiberg. Pt I. Lipsiae, 1898. P. III–V (отнесение Хайбергом Vat. gr. 180 к XII в. является, с точки зрения наших нынешних представлений о палеографии греческих рукописей, ошибочным: кодекс следует датировать, по-видимому, первой третью X в.); Derenzini G. All' origine della tradizione di opere scientifiche classiche: vicende di testi e di codici tra Bisanzio e Palermo // Physis. Rivista internazionale di storia della scienza. 1976. XVIII. P. 89–90.

² Paris. gr. 2389 писан унциалом; см. Omont H. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VIe au XIVe siècle. P., 1929. Tab. IX; Vat. gr. 1594 – один из самых известных и исследованных кодексов середины – начала второй половины IX в.; см., например: Perria L. Scrittura e ornamentazione nei codici della «collezione filosofica» // Rivista di Studi Bizantini e Neellenici. N.S. 28 (1991), 1992. P. 82–88 (с основной библиографией). О датировке Vat. gr. 180 см. выше прим. 1.

³ Mioni E. Bibliothecae Divi Marci Venetiarum Codices Graeci Manuscripti. Vol. II. The-saurus Antiquus. Codices 300–625. Roma, 1985. P. 24–26.

ское происхождение Marc. gr. 313⁴ не оставляют сомнений в правильности датировки рукописи. Было бы, однако, исключительно важно определить более точно время создания Венецианского списка «Альмагеста».

В истории византийской культуры IX в. немного фигур, проявлявших интерес к такого рода текстам и – одновременно – располагавших возможностями заказывать столь дорогие книги, когда был необходим доступ к редчайшему сочинению, т.е. к имевшей его на своих полках библиотеке, а также средства для приобретения исключительно дорогого материала для письма столь высокого качества, какое мы наблюдаем в Marc. gr. 313, и оплаты труда прекрасного переписчика. Принимая во внимание совокупность указанных моментов, можно было бы прежде всего назвать выдающегося византийского ученого первой половины – середины IX в. Льва Математика и с его именем связать появление Венецианской рукописи.

Лев Математик (называемый также Философом) родился ок. 790 г. и умер не ранее 869 г. Замечательный знаток и преподаватель астрономии, математики, философии, филолог и изобретатель, он располагал единственной для своего времени библиотекой, позволявшей ему создавать новые труды, писать комментарии к древним сочинениям, заниматься критикой текста античных авторов⁵. С деятельностью Льва на его ученом и преподавательском поприще и может быть, по нашему мнению, связано написание Венецианского кодекса «Альмагеста». Существующие трудности датировки греческих минускульных рукописей столь раннего времени не дают возможности подтвердить (или опровергнуть) наше предположение. На помощь приходит почерк маргиналий, особенно тех из них, которые писаны, по сути дела, скорописью (см., например, л. 4) и которые вполне могут быть отнесены к первой половине IX в.

Важнейшим подспорьем в датировке Marc. gr. 313 могла бы стать система надстрочных знаков в том виде, в каком она существует в рукописи. Если следовать примеру студийских рукописей конца VIII – середины IX в.⁶, то мы имели

⁴ Константинопольское происхождение рукописи легко доказывается как наличием в ней столь редкого текста, каким является «Альмагест», сочинения, которое едва ли можно было найти – да еще в полном виде – вне столицы, причем и здесь это должна была быть библиотека «центральная», возможно, патриаршая или императорская, так и кодикологией и палеографией манускрипта: пергамен огромного размера (350/52 × 244/45), отличного качества (плотный, но не толстый и грубый, без каких-либо дефектов, не считаая отрезанных в более позднее время небольших фрагментов пергамена, не имеющих текста, всегда однородной высокого уровня обработки); система разлиновки – 1, тип – 20C1; тетради-кватернионы, сигнатуры писца почти всюду обрезаны при более позднем переплетении рукописи, но находились в верхнем правом углу первого листа тетради (см. л. 212); строки текста почти всегда находятся на линии разлиновки, иногда немного спускаясь ниже; судя по письму текста и многочисленным чертежам, писец – один из лучших мастеров, несомненно, столичного книгописания IX в.

⁵ О нем см., например: *Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle.* P., 1971. P. 148–176; *Wilson N.G. Scholars of Byzantium.* L., 1983. P. 79–88; *Katsaros V. Leo the Mathematician, His Literary Presence in Byzantium during the 9th Century // Science in Western and Eastern Civilization in Carolingian Times / Ed. P.L. Butzer, D. Lohrmann.* Basel, 1993. P. 383–398.

⁶ См. *Фонкич Б.Л. У истоков студийского минускула (Московский и Парижский фрагменты сочинения Павла Эгинского) // Фонкич Б.Л. Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М., 1999. С. 30–31; Fonkič B.L. Aux origines de la minuscule stoudite (Les fragments moscovite et parisien de l'oeuvre de Paul d'Égine) // I manoscritti greci tra riflessione e dibattito. Atti del V Colloquio Internazionale di Paleografia Greca (Cremona, 4–10 ottobre 1998). A cura di G. Prato. T. I. Firenze, 2000. P. 172–174.*

бы возможность утверждать, что и Венецианский «Альмагест» – манускрипт, созданный не позднее середины IX в. И хотя здесь такой вывод нас вполне бы «устроил», нельзя не заметить, что вопрос о формировании системы диакритики в константинопольских рукописях IX в., не считая продукции Студийского скриптория, в научной литературе не только не исследован, но даже не поставлен⁷: для его решения требуется большая предварительная работа по пересмотру тех греческих рукописей, которые в настоящее время относятся к IX–XI вв., передатировке многих неверно хронологически определенных манускриптов, обоснованию новой датировки, созданию на объективных (а не субъективных!) основаниях хронологической последовательности рукописей IX – начала X в., представляющих незавершенную систему надстрочных знаков.

Поскольку такая работа еще предстоит, мы должны отдавать себе отчет в том, что вывод о принадлежности несомненно относящейся ко времени не позже середины IX в. константинопольской рукописи Marc. gr. 313 византийскому ученому Льву Математику является лишь предположением.

THE VENETIAN MANUSCRIPT OF PTOLEMY'S *ALMAGEST*
(Marc. gr. 313 / 690): DATE AND ORIGIN OF THE CODEX

B. L. Fonkich

The author shows that one of the most important codices containing Ptolemy's *Almagest* (Marc. gr. 313), usually dated back to the mid 10th c., must be dated by the 1st half of the 9th c. It is plausible that its first owner was Leo Mathematicus, an outstanding Byzantine scholar.

⁷ Эта тема, насколько мы знаем, присутствует лишь в работе M.L. Agati (*Il problema della progressiva divisione delle parole tra IX e X secolo // I manoscritti greci tra riflessione e dibattito...* P. 191–196), но и там она рассматривается не столько в связи с датировкой ранних минускульных рукописей, сколько в связи с вопросом деления текста в пределах строки.

© 2005 г.

Е. В. Антонец

РУКОПИСИ РИМСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ АВТОРОВ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ*

В настоящей статье представлен каталог рукописей латинских авторов античной эпохи, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Так как фонд латинских рукописей РНБ еще целиком не каталогизирован, данный обзор не может претендовать на исчерпывающую полноту и является предварительным. В то же время в него вошли описания рукописей до XII в. и всех итальянских гуманистических рукописей, т.е. той части собрания, которая имеет наибольшую филологическую ценность. Описания рукописей были составлены с учетом опубликованных палеографических исследований рукописных фондов РНБ. Наша работа рассматривается нами как логическое дополнение отечественных палеографических работ и ставит своей задачей детальное описание текста рукописей (см. ниже), чему в существующих палеографических описаниях уделено минимальное внимание. Тексты всех рукописей были описаны заново с учетом современных требований к подобного рода описаниям. В результате возникли существенные дополнения и исправления, касающиеся прежде всего атрибуции произведений, уточнения в именах авторов, названий произведений и в чтении отдельных слов, расширена библиография; в некоторых случаях были сделаны дополнения к истории рукописей. При поиске рукописей римских классиков и составлении описаний автор использовал печатные каталоги РНБ от сообщения Клоссиуса (1828 г.) до недавно вышедшего каталога выставки рукописей, связанных в своей истории с Британией (2001 г.)¹.

* Пользуясь случаем принести сотрудникам Отдела рукописей РНБ глубокую признательность и искреннюю благодарность за предоставление самых благоприятных условий для осуществления данной работы.

¹ Каталоги РНБ (ГПБ), из которых были почерпнуты сведения о рукописях римских авторов: *Clossius*. Über die Handschriften aus russischen Bibliotheken // *Neues Archiv für Philologie und Pädagogik*. 1828. 3. 2 (далее – *Clossius*). S. 20–32; *Gille F.* Musée de l'Ermitage Imperial. St.-Petersbourg, 1860 (далее – *Gille*); *Gillert K.* Lateinische Handschriften in St. Petersburg // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellenschriften deutscher Geschichten des Mittelalters*. Bd V. Ht 2. S. 243–265; Ht 3. S. 599–617. Hannover, 1880. Bd VI. Ht 3. S. 499–509. Hannover, 1881 (далее – *Gillert*); *Staerk A.* Les Manuscrits Latins du Ve au XIIIe siècle conservés à la Bibliothèque Impériale de Saint-Petersbourg. T. I-II. St.-Petersbourg, 1910 (далее – *Staerk*); *Thibaut J.-B.* Monuments de la Notation Exphonétique et Neumatique de l'Eglise Latine. Exposé documentaire des manuscrits de Corbie, St. Germain-des-Près et de Pologne conservés à la Bibliothèque Imp. de Saint-Petersbourg. St.-Petersbourg, 1912 (далее – *Thibaut*); Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. Ч. I. Рукописи V–VII вв. / Под ред. О.А. Добиаш-Рожественской.

Кроме того, были учтены монографии, в которых исследуются латинские рукописи РНБ², а также статьи, посвященные отдельным рукописям или собраниям³. Из последних наиболее значимыми для данной работы была статья Е.В. Бернадской, в которой содержится обзор гуманистических рукописей античных авторов, и статья В.Ф. Петровой, в которой дается краткая характеристика той части собрания латинских рукописей, которая обозначена шифром «Classici latini». Эта статья была источником шифров рукописей XIII–XVI вв., не вошедших в печатные каталоги.

Каталогизация и изучение рукописей римских классиков. XIX – начало XX в. Идея составления и публикации по возможности наиболее полных списков рукописей римских авторов возникла давно. В XIX в. зародилась традиция предварять издание подробным перечнем всех известных рукописей издаваемого автора и снабжать текст обширным критическим аппаратом. До сих пор не потеряли своего значения, например, editio maior Клавдиана, выпущенное Т. Биртом⁴, издание Солина, подготовленное Т. Моммзенем⁵, фундаментальное издание Горация, осуществленное О. Келлером и А. Хольдером⁶, издание Овидиевых «Метаморфоз» Г. Магнуса⁷ и др. Помимо изданий, перечнями рукописей сопровождалась работы, посвященные истории текста и рукописной традиции отдельных авторов или отдельных произведений. Многие из таких работ XIX в. остаются основой для современных исследований – таковы, например, монографии

Л., 1929; *Laborde A. de. Les principiaux manuscrits à peintures conservés dans l'ancienne Bibliothèque Impériale Publique de Saint-Petersbourg.* Т. I–II. P., 1936–1938 (далее – *Laborde*); Древнейшие латинские рукописи ГПБ. Каталог рукописей VIII – начала IX в. / Сост. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1965 (далее – *Добиаш. II*); 2 изд.: *Les anciens manuscrits latins de la bibliothèque Publique Saltykov-Schedrin de Leningrad. VIIIe – debut IX siècle. Catalogue établi par Olga A. Dobiasz-Rozdestvenskaja et Wsevolod W. Bachtine.* P., 1991 (далее – *Dobiasz, Bachtine*); *Mérindol Ch. de. La production des livres peints à l'abbaye de Corbie au XIIème siècle. Catalogue.* Т. II. Lille, 1976 (далее – *Mérindol*). P. 1014, 1120–1127; Итальянские гуманисты в собрании рукописей Государственной Публичной библиотеки / Сост. Е.В. Бернадская. Л., 1981 (далее – *Бернадская*); Латинские рукописи V–XII веков Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Краткое описание для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Ч. I. Л., 1983 (далее – *Латинские рукописи*); *Ex insula lux. Manuscripts and hagiographical material connected with medieval England* / Ed. M. Kilpiö, L. Kahlas-Tarkka. Helsinki, 2001 (далее – *Ex insula lux*).

² Имеются в виду прежде всего следующие книги: *Dobiasz-Rozdestvenskaia O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reletée dans les Corbeiensis Leninopolitani.* Leningrad, 1934 (далее – *Dobiasz. Corbie*); *Люблинская А.Д. Латинская палеография.* М., 1969 (далее – *Люблинская*); *Киселева Л.И. Готический курсив в XIII–XV вв.* Л., 1974 (далее – *Киселева. Готич. курсив*); *Романова В.Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции XIII–XIV вв.* М., 1975 (далее – *Романова*); *Мокрецова И.П., Романова В.Л. Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях.* Т. 1–2. М., 1983–1984 (далее – *Мокрецова, Романова*).

³ Прежде всего: *Луизова Т.В. Раннеготические рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина* // Труды ГПБ. Л., 1957. I (IV) (далее – *Луизова*). С. 237–264; *Неретина С.С. Из истории каролингского минускула в Северной Франции в середине IX в.* // Средние века. М., 1966. Вып. 29 (далее – *Неретина*) С. 191–207; *Петрова В.Ф. Античные авторы в латинских рукописях ГПБ* // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973 (далее – *Петрова*). С. 169–176; *Бернадская Е.В. Гуманистические списки сочинений античных авторов* // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986 (далее – *Бернадская (2)*). С. 238–254.

⁴ *Claudii Claudiani carmina rec.* Th. Birt. Berolini, 1892.

⁵ *C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium iterum rec.* Th. Mommsen. Berolini, 1895.

⁶ *Q. Horati Flacci Opera rec.* O. Keller et A. Holder. Vol. I. Lipsiae, 1899; Vol. II. Jena, 1925.

⁷ *P. Ouidii Nasonii Metamorphoses ed.* H. Magnus. Berolini, 1914.

Ф. Рюля⁸, С. Доссона⁹, Г. Дессауэра¹⁰, Л. Прюдома¹¹, А. Фергюсон¹² и др. Говоря об изучении рукописной традиции римских классиков, нельзя не упомянуть основополагающих трудов Э. Шатлена, Ж. Шампольон-Фижака и Р. Саббадини¹³. Параллельно публиковались каталоги рукописей латинских классиков отдельных библиотек и каталоги рукописей римских авторов, хранящихся во всех библиотеках отдельных городов или государств. Первыми вышли в свет каталоги национальных библиотек Неаполя и Вены¹⁴, а также монастырской библиотеки Клостернейбурга и библиотек Праги¹⁵. В 1896 г. П. Тома опубликовал такой каталог для Королевской библиотеки в Брюсселе¹⁶. Результатом аналогичной работы, проделанной в Италии, стали публикации в журнале *Studi italiani di filologia classica*, представляющие перечни рукописей латинских классиков различных итальянских городов: Брешии (1906), Феррары (1912), Флоренции (фонд Мальябекки Флорентийской национальной библиотеки – 1902, 1907), Лукки (библиотека капитула – 1906), Пезаро (1920), Пьяченцы (1901), Сиены (1903). Были также описаны фонды библиотек Вроцлава и Дублина¹⁷.

1937–1971 годы. Однако систематическая работа по обнаружению, изучению и каталогизации рукописей римских авторов началась после того, как в 1937 г. французский ученый Феликс Грат основал в Париже Институт исследования и истории текстов (*Institut de Recherche et d'Histoire des Textes – IRHT*). Создание этого института, объединившего ученых разных стран единой программой, стало важной вехой для изучения рукописной традиции римской литературы. Основную задачу института Ф. Грат видел в методичном исследовании библиотек мира с целью обнаружения неизвестных ранее рукописей латинских авторов античной эпохи и составление полного каталога сохранившихся рукописей римских классиков¹⁸. С момента основания институт занимается сбором печат-

⁸ *Ruehl F.* Die Teztesquellen des Justinus // *Jahrb. f. class. Philol. Suppl.* 6. 1872–1873.

⁹ *Dosson S.* Étude sur Quinte-Curce, sa vie et son œuvre. P., 1887.

¹⁰ *Dessauer H.* Die handschriftliche Grundlage der neunzehn grösseren pseudo-quintilianischen Declamationen. Lpz., 1898.

¹¹ *Preud'homme L.* Troisième étude sur l'histoire du texte de Suétone De vita Caesarum. Classification des manuscrits // *Mémoires... publiés par l'Académie royale... de Belgique.* 1903–1904. 63.

¹² *Ferguson A.C.* The Manuscripts of Propertius. Chicago, 1934.

¹³ *Chatelain E.* La Paléographie des classiques latins. Pt. I–II. P., 1884–1900; *Champollion-Figeac J.J.* Introduction de la Paléographie des classiques latins. P., 1839; *Sabbadini R.* Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV. Vol. 1–2. Firenze, 1905–1914; *Sabbadini R.* Storia e critica di testi latini. Catania, 1914.

¹⁴ *Iannelli C.* Catalogus bibliothecae latinae ueteris et classicae manuscriptae quae in Regio Neapolitano Museo Borbonico adseruatur. Napoli, 1827; *Endlicher S.* Catalogus codicum philologicorum latinorum Bibliothecae Palatinae Vindobonensis. Wien, 1836.

¹⁵ *Zeibig H.J.* Die Handschriften der Classiker in der Stiftsbibliothek zu Klosterneuburg // *Notizenblatt. Beilage zum Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen.* 1852. 2. P. 25–26; *Kelle J.* Die klassischen Handschriften bis herauf zum 14. Jahrhundert in Prager Bibliotheken // *Abhandl. der kgl. böhmischen Gesellschaft der Wiss.* 1872. Ser. 6. Vol. 5.

¹⁶ *Thomas P.* Catalogue des manuscrits de classiques latins de la Bibliothèque royale de Bruxelles. Gand, 1896. В 1939 г. появилось дополнение к этому каталогу: *Vernet M.-Th., Herrmann L., Boutemy A.* Notes sur des manuscrits classiques de la Bibliothèque royale de Belgique (Supplément au catalogue de P. Thomas) // *Latomus.* 1939. 3. P. 126–137.

¹⁷ *Ziegler K.* Catalogus codicum latinorum classicorum qui in Bibliotheca Urbica Wratislaviensi adseruantur. Breslau, 1915; *Esposito M.* Classical manuscripts in Irish libraries // *Hermathena.* 1922. 19. P. 123–140.

¹⁸ Об основании и первых годах деятельности IRHT см. *Viellard J., Boucrel M.-Th.* La recherche des manuscrits latins // *Mémorial des études latines* publié à l'occasion du vingtième anniversaire de la Société et de la Revue des études latines offert par la société à son fondateur J. Marouzeau. P., 1943. P. 442–457.

ных каталогов рукописей всех библиотек, исследований, публикаций и фотографий отдельных рукописей, и в итоге в настоящее время он обладает обширной библиотекой и самой богатой в мире коллекцией микрофильмов, что создает превосходные условия для работы филологов, палеографов и историков.

Начиная с 1938 г. IRHT ведет работу по описанию рукописей римских классиков Европы, первым этапом которой было ознакомление сотрудников института с фондами различных библиотек путем личного посещения как городских хранилищ, так и древних монастырей (в особенности Испании и балканских стран). В рамках этой работы были опубликованы списки рукописей римских авторов, хранящихся в библиотеках Мадрида и Толедо¹⁹, Швеции²⁰ и некоторых библиотек юга Германии²¹; вышел каталог университетской библиотеки Саламанки²², выпущен ряд каталогов бельгийских библиотек²³, дополнен каталог П. Тома. Были исследованы фонды библиотек Венгрии, Румынии, Турции, Болгарии, Великобритании, Испании и скандинавских стран; обзоры рукописей римских авторов изученных библиотек публиковались главным образом в Bulletin d'information de l'I.R.H.T.

Работа организованных институтом экспедиций принесла желанные плоды: в ходе нее была найдена ценная рукопись Вегеция (Pal. lat. 1572, IX в.), список комментария Мариа Викторина к De inuentione Цицерона (Vat. lat. 3862), рукопись Ювенала IX в. (Археологический музей Сплита в Хорватии) и др. Каталогизация рукописей стала мощным стимулом для появления новых текстологических исследований. Так, вышли в свет работы, посвященные рукописной традиции Ювенала²⁴, «Фиваиды» Стация²⁵, «Сатурналий» Макробия²⁶, трактата «О сельском хозяйстве» Колумеллы²⁷, был опубликован каталог рукописей «Метаморфоз» Овидия²⁸, сделан обзор рукописей Марциана Капеллы²⁹, описана рукописная традиция поэмы «Moretum»³⁰ и «Сентенций» Публилия Сира³¹, выпущен

¹⁹ Pellegrin E. Manuscrits des auteurs classiques latins de Madrid et du chapitre de Tolède // Bull. Inf. I.R.H.T. 1953. 2. P. 7–22.

²⁰ Idem. Manuscrits d'auteurs latins de l'époque classique conservés dans les bibliothèques publiques de Suède // Ibid. 1954. 3. P. 7–32; 1955. 4. P. 7–33.

²¹ Hudry-Bichelon F. Notes sur divers manuscrits latins conservés en Allemagne du Sud // Ibid. 1964–1965. 13. P. 9–25.

²² Fernández Pouza R. Catálogo de los códices clásicos latinos de la Biblioteca Universitaria de Salamanca // Revista de la Universidad de Madrid. 1942. 2. P. 168–189.

²³ Plancke R. Répertoire des manuscrits de classiques latins conservés en Belgique // Rev. ét. lat. 1940. 18. P. 141–186; Vernet-Boucrel M.-Th. Quelques manuscrits de classiques latins à la Bibliothèque universitaire de Louvain // Mélanges Félix Grat. 2. P., 1949. P. 351–386.

²⁴ Knoche U. Handschriftliche Grundlagen des Juvenaltextes. Lpz, 1940; D. Iunius Iuvenalis Saturae ed. U. Knoche. München, 1950.

²⁵ Boussard J. Le classement des manuscrits de la «Thébaïde» de Stace // Rev. et. lat. 1952. 30. P. 220–251.

²⁶ La Penna A. Studi sulla tradizione dei Saturnali di Macrobio // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Cl. di Lettere e Filosofia. 1953. 22. P. 225–252.

²⁷ Josephson Å. Die Columella-Handschriften. Uppsala, 1955; Hedberg S. Contamination and interpolation. A study of the 15th century Columella Manuscripts. Uppsala, 1968.

²⁸ Munari F. Catalogue of the manuscripts of Ovid's Metamorphoses // Univ. of London, Institute of classical Studies. Bulletin. Suppl. № 4. L., 1957.

²⁹ Leonardi C. I codici di Marziano Capella // Aevum. 1959. 33. P. 443–489; 1960. 34. P. 1–99, 411–524.

³⁰ Salvatore A. Tradizione manoscritta e lingua del Moretum // Studi in onore de L. Castiglioni. Firenze, 1960. P. 835–857.

³¹ Giancotti F. Ricerche sulla tradizione manoscritta delle Sentenze di Publilio Siro // Biblioteca di cultura contemporanea. 79. Messina–Firenze, 1963.

перечень рукописей Витрувия³², появились исследования истории текста Тита Ливия³³, Присциана³⁴ и др. Кроме того, вышли в свет такие обобщающие исследования, как «История текста и рукописной традиции античной и средневековой литературы», созданная трудом крупнейших немецких ученых³⁵, и «История рукописной традиции и критика текста» итальянского филолога Дж. Пасквали³⁶.

70-е годы XX в. За годы своего существования Институт исследования и истории текстов значительно вырос; в нем, помимо латинского сектора, появились отделения палеографии, кодикологии, истории гуманизма, сектор изучения средневековых рукописей, секция греческих, арабских и еврейских рукописей и др. В то же время, сохраняя память об основателе института Ф. Грате и стараясь не отклоняться от его первоначального замысла, руководство ИРНТ отводило особое место деятельности латинского сектора. Итоги его тридцатилетней работы были изложены М. д'Альверни и М. Гаран на Международной конференции «Рецепция античности в европейской культуре», прошедшей в Кембридже в 1969 г.³⁷ Там же были сформулированы две дальнейшие задачи сектора, одной из которых было составление каталога рукописей римских классиков, хранящихся в библиотеках Франции. Вторая задача заключалась в завершении начатой в 1938 г. работы с фондами Ватиканской библиотеки и публикации каталога рукописей классических латинских авторов этого богатейшего хранилища.

Одна из поставленных задач была выполнена в 1975–1982 гг., когда вышел в свет каталог рукописей латинских классиков Ватиканской библиотеки³⁸. Этот грандиозный труд, созданный в ходе сорокалетней работы коллективом французских и итальянских ученых во главе с Э. Пеллегрэн, стал одним из самых знаменательных событий в истории ИРНТ, открыв для исследователей обширные фонды одного из крупнейших рукописных собраний мира. В каталог вошли описания около 3000 манускриптов, содержащих тексты классических римских авторов. Первый том каталога предваряется вступительной статьей, в которой изложена задача издания (подробное описание текстов в соответствии с современными изданиями), оговаривается круг авторов, хронологические рамки, приводится схема описания и т.д. Материал расположен в каталоге по собраниям, формирующим фонд латинских рукописей Ватиканской библиотеки. К каждому тому прилагается указатель вошедших в него классических авторов и произведений. Каталог снабжен обстоятельной библиографией и является ценнейшим инструментом для исследований разного рода.

Успешной деятельности палеографов и кодикологов сопутствовала новая волна текстологических работ. Так, появились новые исследования рукописей

³² *Krinsky C.H.* Seventy-eight Vitruvius manuscripts // *Journ. Warb. Court. Inst.* 1967. 30. P. 36–70.

³³ *Ogilvie R.M.* The manuscript tradition of Livy's first decade // *CQ. NS.* 1957. 7. P. 68–81.

³⁴ *Glueck M.* Priscians Partiones und ihre Stellung in der spätantiken Schule... // *Spudasmata.* 12. Hildesheim, 1967.

³⁵ *Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur.* Bd I–II. Zürich, 1961.

³⁶ *Pasquali G.* Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1962.

³⁷ *d'Alverny M.-Th., Garand M.-C.* L'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes et l'étude des manuscrits des auteurs classiques // *Classical Influences on European Culture A.D. 500–1500* / Ed. R.R. Bolgar. Cambr., 1971. P. 37–42.

³⁸ *Les manuscrits classiques latins de la bibliothèque Vaticane. Catalogue établi par E. Pellegrin et J. Fohlen, C. Jeudy, Y.-F. Riou avec la collaboration d'A. Marucchi.* T. I. P., 1975; T. II/1. P., 1978; T. II/2. P., 1982.

Тита Ливия³⁹, Appendix Vergiliana⁴⁰, грамматических сочинений Присциана⁴¹, обоих исторических произведений Цезаря⁴², «Apolococyntosis» Сенеки⁴³, некоторых сочинений Цицерона⁴⁴; вышло новое критическое издание Катутлла⁴⁵, был опубликован перечень всех известных рукописей «De re militari» Вегеция⁴⁶, каталог рукописей сатир Персия и схолиев к нему⁴⁷ и т.д.

80–90-е годы XX в. Важнейшим событием последних десятилетий XX в. стала публикация в 1982–1989 гг. каталога рукописей римских авторов с IX по XII в., составленного Б. Мунк-Ольсеном⁴⁸. Б. Мунк-Ольсен не ставил задачи охватить в своем издании всех римских классиков, отобрав для изучения 57 авторов и ограничив свое исследование периодом IX–XII вв. Материал каталога организован по авторам, расположенным в алфавитном порядке; каждому разделу предпосылается общая библиография и список инципитов произведений данного автора, встречающихся в изученных рукописях. Отдельный том образует приложение, в котором собраны сведения о классических латинских авторах в средневековых библиотеках, а также приведен указатель инципитов (т. III/2, с. 195–221). Б. Мунк-Ольсен регулярно публикует в «Revue d'histoire des texts» дополнения к своему каталогу, содержащие новую библиографию и вновь обнаруженные рукописи⁴⁹.

В 1984 г. вышел в свет каталог рукописей латинских классических авторов, хранящихся в библиотеках Испании⁵⁰. Он создан на базе предыдущих обзоров и завершает собой работу по описанию рукописей римских авторов испанских хранилищ. Каталог дает краткие описания рукописей, приводя только те листы, которые содержат классические тексты.

Латинский сектор IRHT продолжает свою работу, постепенно приближаясь к выполнению второй задачи, заявленной М. д'Альверни и М. Гаран в 1971 г.: в

³⁹ *De La Mare A.* Florentine manuscripts of Livy in the fifteenth century // *Livy* / Ed. T.A. Dorey. L., 1971. P. 177–195.

⁴⁰ *Zarri G.P.* Une etude quentinienne sur la tradition manuscrite de la Copa // *RELO*. 1974. 1. P. 1–16; *Reeve M.D.* The textual tradition of the Appendix Vergiliana // *Maia*. 1976. 28. P. 233–254.

⁴¹ *Judy C.* La tradition manuscrite des «Partitions» de Priscien et la version longue du Commentaire de Remi d'Auxerre // *Rev. hist. text.* 1971. 1. P. 123–143; *Gibson M.* Priscian «Institutiones grammaticae»: a Handlist of Manuscripts // *Scriptorium*. 1972. 26. P. 105–124; *Judy C. L'* «Institutio de nomine, pronomine et verbo» de Priscien... // *Rev. hist. text.* 1972. 2. P. 73–144.

⁴² *Brown V.* The textual transmission of Caesar's civil war // *Mnemosyne, Bibliotheca classica batava*. Suppl. 23. Leyden, 1972; *idem.* Latin manuscripts of Caesar's Gallic War // *Palaeographica diplomatica et archivistica. Studi in onore di G. Battelli*. Vol. I. Roma, 1979. P. 105–157.

⁴³ *Eden P.T.* The manuscript tradition of Seneca's *Apolococyntosis* // *CQ*. 1979. 29. P. 149–161.

⁴⁴ *Mattmann R.* Studie zur handschriftlichen Überlieferung von Ciceros «De inuentione». Freiburg, 1975; *Rizzo S.* La tradizione manoscritta della Pro Cluentio di Cicerone. Genova, 1979.

⁴⁵ *Catullus: A Critical Edition* / Ed. D.F.S. Thompson. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1978.

⁴⁶ *Schrader C.R.* A Handlist of Extant Manuscripts Containing the «De re militari» of Flavius Vegetius Renatus // *Scriptorium*. 1979. 33. P. 280–305.

⁴⁷ *Scarcia Piacentini P.* Saggio di un censimento dei manoscritti contenenti il testo di Persio... Vol. I-II. Roma, 1973–1975.

⁴⁸ *Munk Olsen B.* L'Étude des auteurs classiques latins aux XIe et XIIe siècle. T. I. P., 1982; T. II. P., 1985; T. III/1. P., 1987; T. III/2. P., 1989 (далее – *Munk Olsen*).

⁴⁹ *Idem.* Chronique des manuscrits classiques latins (IXe–XIIe siècles) I–V // *Rev. Hist. Text.* 1991. 21. P. 37–76; 1991. 24; 1997. 27. P. 29–85; 2002. 32. P. 73–106.

⁵⁰ *Rubio Fernández L.* Catálogo de los manuscritos clásicos latinos existentes en España. Madrid, 1984.

1989 г. появился первый том каталога рукописей римских классиков библиотек Франции⁵¹. В этом каталоге принята та же схема описания рукописей, что и в каталоге Ватиканской библиотеки. Многолетний кропотливый труд сотрудников IRHT и отдельных ученых подготовил почву и создал условия для фундаментальных исследований рукописной традиции и истории текста классических римских авторов, невозможных ранее. В связи с этим появились труды, значительно дополняющие прежние исследования, и работы, посвященные авторам, рукописи которых никогда прежде не изучались в полном объеме. Речь идет, например, об исследованиях рукописей «Риторика к Гереннию»⁵², Плавта⁵³, Гигина⁵⁴, Теренция⁵⁵, Тибулла⁵⁶, Проперция⁵⁷, Присциана⁵⁸, Тита Ливия⁵⁹. Появились полные списки рукописей Горация⁶⁰, Тибулла, «Комментария ко сну Сципиона» Макробия⁶¹, трагедий и писем Сенеки⁶², вышло новое критическое издание Клавдиана⁶³ и т.д. Нельзя не упомянуть также вышедшее в 1983 г. в Оксфорде руководство «Тексты и рукописная традиция. Обзор римской классики»⁶⁴, в котором обобщены итоги двухвековой работы ученых над изучением рукописного предания римской литературы. В последнее время регулярно проводятся конференции и семинары, посвященные изучению рецепции античной литературы и средневековых рукописей латинских классиков; результаты их публикуются⁶⁵.

⁵¹ Les manuscrits classiques latins des bibliothèques publiques de France. Catalogue établi par C. Jeudy et Y.-F. Riou. T. I (Agen-Évreux). P., 1989.

⁵² Zelzer K. Zur Überlieferung der Rhetorik ad Herennium // Wiener Studien. N. F. 1982. 16. S. 183–211; Hafner A. Untersuchungen zur Überlieferungsgeschichte der Rhetorik ad Herennium. Frankfurt, 1989.

⁵³ Questa C. Numeri innumeri. Ricerche sui cantica e la tradizione manoscritta di Plauto. Roma, 1984.

⁵⁴ Viré G. Informatique et classement des manuscrits. Essai méthodologique sur les *Astronomica* d'Hygin. Bruxelles, 1986.

⁵⁵ Grant J.N. Studies in the textual tradition of Terence. Toronto, 1986.

⁵⁶ Список всех известных рукописей Тибулла дан в издании Г. Лука: *Albii Tibulli aliorumque carmina* / Ed. G. Luck. Stutgardiae et Lipsiae, 1998. P. XXVII–XLII. См. также Luck G. Studien zur Textgeschichte Tibulls // Texte und Textkritik. Eine Aufsatzsammlung / Hrsg. von J. Dummer u. a. B., 1987. S. 331–349.

⁵⁷ Butrica J. The manuscript tradition of Propertius. Toronto, 1984.

⁵⁸ Ballaira G. Per il catalogo dei codici di Prisciano. Torino, 1982; Jeudy C. Nouveau complément à un catalogue récent des manuscrits de Priscien // Scriptorium. 1984. 38. P. 140–150.

⁵⁹ Reeve M.D. The transmission of Livy 26–40 // RFIC. 1986. 114. P. 127–172; idem. The third decade of Livy in Italy. The family of the Puteaneus // RFIC. 1987. 115. P. 129–164; idem. The third decade of Livy in Italy. The Spirensian tradition // Ibid. P. 405–440.

⁶⁰ Villa C. I manoscritti di Orazio I–III // Aevum. 1992. 66. P. 95–135; 1993. 67. P. 55–103; 1994. 68. P. 117–146.

⁶¹ Eastwood B. Manuscripts of Macrobius, «Commentarii in Somnium Scipionis», before 1500 // Manuscripta. 1994. T. 38. P. 138–155.

⁶² MacGregor A.P. The manuscripts of Seneca's Tragedies: a handlist // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. 2, 32, 2. B., 1985. P. 1134–1241; Fohlen J. Les manuscrits des Epistulae ad Lucilium // Rev. Hist. Text. 1998. 28. P. 55–91.

⁶³ Hall J.B. Prolegomena to Claudianus. L., 1986; Claudii Claudiani carmina / Ed. J.B. Hall. Lipsiae, 1985.

⁶⁴ Texts and Transmission. A Survey of the Latin Classics / Ed. L.D. Reynolds. Oxf., 1983 (далее – Reynolds).

⁶⁵ См., например, The Classical Tradition in the Middle Ages and the Renaissance / Ed. C. Leonardi, B. Munk Olsen. Spoleto, 1995; Medieval Manuscripts of the Latin Classics: Production and Use / Ed. C.A. Chavannes-Mazel, M.M. Smith. Anderson–Lovelace, 1996.

Расширение технических возможностей и открытие новых материалов позволило выпустить в свет ряд указателей начальных слов (инципитов) произведений римской и латинской литературы. Эти указатели, отличаясь друг от друга характером описываемого материала и выбранными хронологическими рамками, являются необходимым вспомогательным инструментом при работе с рукописными источниками. Перечислим важнейшие из них. Переводы и комментарии, созданные в эпоху средних веков и Возрождения, собраны в единый справочник П.О. Кристеллером и Ф.Э. Кранцем и издавались с 1960 г. (к настоящему времени вышло восемь томов)⁶⁶, инципиты средневековых латинских научных сочинений – в 1963 г.⁶⁷ Г. Вальтер подготовил и опубликовал справочник начальных слов средневековых латинских стихотворений и пословиц⁶⁸. Латинские проповеди 1150–1350 гг. собраны И.Б. Шнейером и изданы в 1973–1978 гг.; средневековым латинским авторам посвящен указатель Ж. Орео⁶⁹. Инципиты стихотворных и прозаических сочинений гуманистов, написанных на латинском языке, собрал известный немецкий филолог Л. Бертало, его фундаментальный труд был опубликован в 1985–1990 гг., уже после смерти автора⁷⁰. Что касается античной литературы, то латиноязычная поэзия до X в. включительно отражена в собрании инципитов, составленном Д. Шаллером (1977 г.)⁷¹. Кроме того, существуют такие фундаментальные справочные издания, как подготовленный IRHT «Биобиблиографический указатель к римским авторам, латинской патристике и литературе»⁷² и *Clavis Scriptorum Graecorum et Latinorum*, подготовленный Р. Лярю и изданный в 1985 г.⁷³

Круг авторов. Грань между античностью и средними веками – понятие весьма размытое и во многом субъективное, и поэтому различные исследователи и научные учреждения определяют его по-разному. Наиболее широко античность понимается в *Thesaurus Linguae Latinae* (TLL). Этот словарь латинского языка, издаваемый в Лейпциге с 1900 г., ставит перед собой задачу максимально полно отразить все случаи словоупотребления классического латинского языка. Рассматривая памятники письменности с этой точки зрения, TLL не делает различия между христианскими и нехристианскими писателями и охватывает всех авторов

⁶⁶ *Catalogus translationum et commentariorum. Medieval and Renaissance translations and commentaries, annotated lists and guides* / Ed. P.O. Kristeller, F.E. Cranz. Vol. I–VIII. Washington, 1960–2003.

⁶⁷ *Thorndike L., Kibre P. A Catalogue of Incipits of Medieval Scientific Writings in Latin.* Camb., 1963.

⁶⁸ *Walter H. Initia carminum ac uersuum medii aevi posterioris latinorum.* Gottingen, 1969 (далее – *Walter*); *idem. Prouerbia sententiaeque latinitatis medii aevi 1–6.* Göttingen, 1963–1969; N.S. 1982–1986. 7–9.

⁶⁹ *Schneyer J.B. Repertorium der lateinischen Sermones des Mittelalters für die Zeit von 1150–1350.* Bd I–VIII. München, 1973–1978; *Hauréau J.-B. Initia operum scriptorum latinorum Medii potissimum Aevi.* Turnholii, 1974.

⁷⁰ *Bertalot L. Initia humanistica latina. Initienverzeichnis lateinischer Prosa und Poesie aus der Zeit des 14. bis 16. Jahrhunderts.* I. Poesie. Tübingen, 1985. II. Prosa A–M. Tübingen, 1990 (далее – *Bertalot. IHL*).

⁷¹ *Initia carminum Latinorum saeculo undecimo antiquiorum. Bibliographisches Repertorium für die lateinische Dichtung der Antike und des früheren Mittelalters* / Bearb. von D. Schaller und E. Königsen unter Mitwirkung von J. Tagliabue. Göttingen, 1977 (далее – *Schaller*).

⁷² *Répertoire bio-bibliographique des auteurs latins, patristiques et médiévaux.* Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, I.R.H.T. P., 1987.

⁷³ *LaRue R. Clavis Scriptorum Graecorum et Latinorum (Répertoire des auteurs grecs et latins).* Vol. 1–4. Trois-Rivières, 1985.

до Исидора Севильского включительно (ум. в 636 г.). Перечень всех включенных в словарь авторов был помещен в I томе и впоследствии дополнялся.

С точки зрения истории литературы конец античности приходится на рубеж V и VI веков, а последними античными латинскими авторами считаются Кассиодор, Марциан Капелла и Боэций. Таких рамок придерживается М. фон Альбрехт, автор новейшей и одной из наиболее авторитетных истории римской литературы⁷⁴. Принятому в истории литературы обыкновению следуют, например, справочники Баварской государственной библиотеки, помещая границу между античностью и средневековьем на стыке V и VI вв.: так, в указатель личных имен античности вошли те лица, которые умерли до 500 г., а в указатель имен средних веков – умершие после 500 г.⁷⁵

В момент основания Института исследования и истории текстов встал вопрос о составлении подробного списка авторов и анонимных произведений, которые можно считать классическими и которые должны войти в каталоги института. Окончательно этот перечень был составлен институтом только в 1987 г. и опубликован в виде микрофишей⁷⁶. Первоначальный же список классических латинских авторов, подготовленный Ж. Вьейяр и М. Букрель при основании IRHT, был сделан на основе «Истории римской литературы» М. Шанца и К. Хозиуса⁷⁷ и включал всех нехристианских авторов до 400 г. Согласно этим рамкам был составлен и список инципитов, служивший основным инструментом работы института⁷⁸.

В 1968 г. со своими предложениями по поводу составления каталога рукописей римских классиков выступил американский ученый Р. Свини. По его мнению, каталог должен включать рукописи всех нехристианских авторов до 600 г., кроме того, следует включить в него «технических» авторов (например грамматиков) независимо от их конфессиональной принадлежности, а также античные комментарии и некоторые поздние произведения, представляющие интерес для филологов-классиков⁷⁹.

Предложения Р. Свини были отчасти учтены составителями каталога Ватиканской библиотеки. В целом они ориентируются на список Ж. Вьейяр и М. Верне-Букрель и включают в каталог всех нехристианских авторов до начала V в., но в то же время ими охватываются и некоторые более поздние авторы: Марциан Капелла, Фульгенций Планциад, Присциан и др., сыгравшие важную роль в сохранении традиции римской литературы. В каталог включены также апокрифические тексты, за исключением тех, относительно которых с полной очевидностью доказано, что они написаны в средние века или в эпоху Возрождения. Включены латинские переводы греческих произведений, сделанные в античности (например, латинская «Илиада»), в то время как средневековые и гу-

⁷⁴ *Albrecht M. von. Geschichte der römischen Literatur. Bd I-II. München, 1992.* Русский перевод: *Альбрехт М. фон. История римской литературы. Т. I–II / Пер. А.И. Любжина. М., 2002; 2004.*

⁷⁵ См. *Personennamen des Antike: PAN / Erarb. von der Bayerischen Staatsbibliothek. Wiesbaden, 1993; Personennamen des Mittelalters: PMA / Bearb. C. Fabian. 2 Aufl. München, 2000.*

⁷⁶ Уже упоминавшийся *Repertoire bio-bibliographique... P., 1987.*

⁷⁷ *Schanz M. von, Hosius C., Krüger G. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Iustinian. Bd 1–5. München, 1914–1935.*

⁷⁸ См. *Vielliard, Boucrel. La recherche des manuscrits latins... P. 446.*

⁷⁹ *Sweeney R.D. The «Catalogus codicum classicorum latinorum». A proposal and progress report // Italia medioevale e umanistica. 1968. 11. P. 339–344.*

манистические переводы в каталог не вошли. Наконец, включены античные комментарии к произведениям римских авторов (Сервий, Псевдоакрон, Порфирион, Лактанций Плацид и др.), но средневековые и гуманистические комментарии и схолии исключены.

Составляя обзор рукописей римских авторов РНБ, мы целиком ориентировались на изложенные выше принципы, принятые в каталоге Ватиканской библиотеки, т.е. включили в наш обзор рукописи, содержащие сочинения нехристианских латинских авторов до 400 г., а также некоторых более поздних авторов, апокрифические тексты, переводы и комментарии, созданные в античную эпоху. Всего путем просмотра печатных каталогов и различных публикаций удалось обнаружить 52 рукописи, в которых представлены тексты 39 античных латинских авторов. Согласно общепринятой традиции, в каталог вошли рукописи до XVI в. включительно.

Рукописи РНБ. Значительная часть рукописей римских авторов, включенных в каталог – 27 из 52 кодексов, принадлежит собранию Петра Петровича Дубровского (1754–1816). П.П. Дубровский долгие годы работал в Европе в составе русской дипломатической миссии, пройдя путь от священника российской церкви до секретаря российского посольства в Париже, и за это время собрал ценнейшую коллекцию рукописей⁸⁰. В августе 1792 г. вместе с посольством он покинул Париж, некоторое время находился в Европе и 12 февраля 1800 г. возвратился в Петербург. Рукописи были отправлены по почте и стали приходить в Россию с мая 1803 г.⁸¹, а с 1804 г. через А.С. Строганова начали вестись переговоры о передаче собрания в императорскую Публичную библиотеку⁸², и 27 февраля 1805 г. Александр I подписал рескрипт о создании «Депю манускриптов», хранителем которого был назначен П.П. Дубровский⁸³.

Со времени прибытия первой части рукописей П.П. Дубровский усердно работал над своей коллекцией⁸⁴. Одной из его важнейших забот было переплетение рукописей: так, в 1810 г. было переплетено 107 томов рукописей XIII–XVIII вв. (АГПБ, 1806, Д. 43, № 25)⁸⁵. Существовала целая иерархия переплетов, которых известно более 10 разных видов: от самых простых до роскошных. В наш каталог вошло 27 рукописей из собрания П.П. Дубровского, из них 18 рукописей были переплетены П.П. Дубровским в России. Среди них восемь рукописей (№ 2, 20, 21, 31, 38, 47, 49, 51)⁸⁶ имеют переплеты, сделанные из картона, оклеенного розовой (или в одном случае – синей) бумагой, уголки и корешок выпол-

⁸⁰ См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1. СПб., 1995. С. 203–205.

⁸¹ Рукописи прибывали в Россию частями: первая часть пришла из Гамбурга в мае 1803 г., вторая – 16 октября 1804 г., остальные продолжали поступать позднее. Подробнее см. *Фонкич Б.Л.* П.П. Дубровский и начало коллекционирования греческих рукописей в России // *Византийский временник.* 1992. № 53. С. 124–139; там же приведен полный список литературы о П.П. Дубровском и его собрании.

⁸² Переписка А.С. Строганова опубликована: *Воронова Т.П.* Первые страницы истории «Депю манускриптов» // *Рукописные памятники.* Вып. 1. СПб., 1996. С. 8–21.

⁸³ См. *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Публичная библиотека глазами современников (1795–1917). Хрестоматия. СПб., 1998. С. 55–59.

⁸⁴ Отметим, что собрание, вывезенное П.П. Дубровским из Франции и переданное в ИПБ, включало, кроме документов, около семисот рукописей на латинском, греческом и западноевропейских языках.

⁸⁵ *Воронова Т.П.* П.П. Дубровский – первый хранитель «Депю манускриптов» Публичной библиотеки // *Археографический ежегодник за 1980 г.* М., 1981. С. 123–130.

⁸⁶ Далее для краткости указываются номера рукописей в нашем каталоге.

нены из красного сафьяна, на корешке золотом вытиснены название произведения, имя автора и дата рукописи⁸⁷. Это самые скромные и простые переплеты. У трех рукописей (№ 9, 23, 34) переплеты изготовлены из картона, обтянутого красным сафьяном с золотым тиснением и золотым обрезом. Это самый распространенный вид переплета, характерный для многих рукописей собрания П.П. Дубровского⁸⁸. Разновидностью простого сафьянового переплета, по-видимому, можно считать переплет рукописи № 10 (картон, обтянутый зеленым сафьяном) и, возможно, рукописи № 37 (картон, обтянутый коричневым сафьяном)⁸⁹. Третий вид переплетов – картон, обтянутый желтым или оранжевым бархатом, форзацы из оранжевой бумаги или шелка – имеют три рукописи (№ 4, 12, 29)⁹⁰. Наконец, две из изученных нами рукописей (№ 14, 50), украшены роскошными дорогими переплетами из красного (и синего) сафьяна с золотым тиснением, медальонами и инкрустацией. Обе рукописи снабжены похожими футлярами из картона, обтянутого красной кожей с золотым тиснением⁹¹. Итак, у рассмотренных нами рукописей П.П. Дубровского можно выделить четыре типа переплетов, изготовленных по заказу самого коллекционера. Одна рукопись (№ 15) имеет картонный переплет, оклеенный коричневой бумагой; из остальных 8 рукописей две лишены переплета (№ 5, 8), а шесть сохранили старые переплеты разного времени (см. описания).

12 ноября 1811 г. новый директор библиотеки А.Н. Оленин, подвергнув сомнению компетентность П.П. Дубровского, организовал срочную проверку «Депю манускриптов», которая длилась до 2 марта 1812 г. В проверке приняли участие библиотекари: В.П. Двигубский, М.А. Семигановский, А.И. Красовский, И.А. Грандидье, А.И. Ермолаев, Ф.И. Ласковский, В.С. Сопиков, П.К. Козловский и Н.И. Гнедич⁹². Следы этой ревизии обнаруживаются в исследованных нами рукописях: подавляющее большинство их содержит цифровую нумерацию листов в правом верхнем углу и расписку библиотекаря на последнем листе рукописи. Иногда в рукописи нет владельческой пометы, но наличествует запись одного из перечисленных библиотекарей: в этом случае рукопись может быть безошибочно отнесена к коллекции П.П. Дубровского.

⁸⁷ Такие переплеты имеют многие другие рукописи П.П. Дубровского. Например, картонные переплеты, оклеенные розовой бумагой, у рукописей: Lat. Q. v. I. 62 (*Луизова*. С. 260), Lat. O. v. XIV. 20 (*Бернадская*. № 31), Lat. Q. v. XV. 80 (*Бернадская*. № 30), Cl. lat. O. 3 (*Бернадская*. № 26), Lat. Q. v. III. 636 (*Бернадская*. № 17), Lat. Q. XV. 81 (*Бернадская*. № 19), оклеенный синей бумагой у рукописи: Lat. Q. v. I. 171 (*Бернадская*. № 24).

⁸⁸ Ср. *Mérindol*. II, 1072.

⁸⁹ Из других рукописей П.П. Дубровского картонный красный сафьяновый переплет имеют, например, Lat. Q. v. I. 51 (*Луизова*. С. 254), Lat. Q. v. XIV. 1 (*Dobiaš*. Corbie. P. 160), а коричневый (?) – Lat. Q. v. I. 62 (*Луизова*. С. 256).

⁹⁰ Отметим точно такие же переплеты у других рукописей собрания П.П. Дубровского – из розового бархата: Fr. F. v. IV. 5 (воспроизведение см. *Мокрецова, Романова*. Т. 1. С. 81), Fr. F. v. IX. 1 (там же, с. 94) и из сиреневого бархата: Fr. F. v. XIV. 9 (там же, с. 106), Lat. Q. v. I. 78 (там же, с. 197). Форзацы в переплетах этих рукописей сделаны из оранжевой бумаги или шелка, у двух рукописей (Fr. F. v. IV. 5 и Fr. F. v. XIV. 9) есть дублюры из зеленой кожи с тисненой рамкой (ср. № 12).

⁹¹ Такой же нарядный инкрустированный переплет с футляром у рукописи Lat. O. v. XVIII. 1 (*Бернадская*. № 10), принадлежавшей П.П. Дубровскому.

⁹² См. *Воронова. П.П. Дубровский – первый хранитель «Депю манускриптов»...* С. 123–130; *Воронова Т.П. Материалы к биографии П.П. Дубровского // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1984. С. 120–130; Сотрудники Российской национальной библиотеки...* С. 204.

Факт наличия или отсутствия расписки о ревизии представляется важным для изучения истории собрания и восстановления его единства⁹³, поэтому мы специально отмечали его в описаниях.

Говоря о коллекции П.П. Дубровского, следует отметить еще и то, что, как известно, значительная часть рукописей, приобретенных коллекционером, входила ранее в богатую библиотеку парижского аббатства Сен-Жермен-де-Пре, где, среди прочих собраний, хранились рукописные книги из бенедиктинского аббатства Корби⁹⁴. Из изученных нами рукописей 10 происходят из Сен-Жермен-де-Пре (№ 4, 12, 15, 19, 26 (?), 29, 33, 37 (?), 42 (?), 50), из них 6 рукописей – корбийские (№ 4, 12, 19, 29, 33, 50). Латинские рукописи Сен-Жермен-де-Пре дважды каталогизировались: в 1677 г. Б. Монфоконом и в 1740 г. после поступления коллекции П. Сегье. Во время второй каталогизации рукописи получили новые цифровые шифры, проставленные в правом нижнем углу первого листа и оглавления, написанные на бумажных чистых листах⁹⁵. Следы каталогизации 1740 г. обнаруживаются в изученных нами рукописях: оглавление, начинающееся словами «*Nic continetur ...*» или «*Nic habetur ...*» и характерный Сен-Жерменский номер есть почти у всех рассмотренных рукописей (далее в описаниях указывается наличие этих помет, но не приводится дата, для всех одинаковая – середина XVIII в.). Те из Сен-Жерменских кодексов, которые прежде принадлежали Корби, снабжены пометой библиотекаря XVII в.: «*Liber S. Petri Corbeiensis*» или «*Bibliotheca Corbeiensis*»⁹⁶, наличие которой также отмечается в описании без указания даты.

Девять рукописей римских авторов, включенные в наш обзор, принадлежат собранию другого известного коллекционера – графа Петра Корнильевича Сухтелена (1751–1836)⁹⁷. Голландец по происхождению, П.К. Сухтелен был приглашен на русскую службу Екатериной II в 1783 г.; в 1802 г. он был инспектором инженерного департамента военной коллегии. В 1808–1809 гг. П.К. Сухтелен как инженер-генерал и дипломат принимал участие в войне со Швецией, а затем до самой смерти был русским посланником в Стокгольме. Свою знаменитую коллекцию, в которую, помимо рукописей, входили книги, медали, эстампы и т.д., П.К. Сухтелен начал собирать в России, но особенно пополнил ее во время своей деятельности за границей с 1808 по 1836 г. После его смерти богатейшее собрание было доставлено в Петербург и поступило частью в Эрмитаж, частью в Публичную библиотеку. Отметим, что в библиотеку П.К. Сухтелена входило 262 рукописи.

Одна рукопись из изученных нами происходит из библиотеки Д.Г. Гинцбурга (1857–1915), две рукописи входили в собрание В.Ф. Груздева, а остальные 10 поступили в Публичную библиотеку от неизвестных лиц или были куплены библиотекой.

⁹³ Единство собрания П.П. Дубровского было нарушено в середине XIX в., когда рукописи различных коллекций были смешаны и расставлены по так называемой Оленинской системе: по языкам, а внутри них по тематике (разделам) и форматам.

⁹⁴ О Корбийской мастерской письма см., например, Ganz D. *Corbie in the Carolingian Renaissance*. Sigmaringen, 1990.

⁹⁵ Воронова Т.П. П.П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 106.

⁹⁶ *Dobiasz. Corbie*. P. 33–35. Ср. *Люблинская*. С. 9, 180, 181. Табл. 19, 21.

⁹⁷ О П.К. Сухтелене и его коллекции см. *Алексеев М.П.* Из истории русских рукописных собраний // *Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков из ленинградских собраний*. М.-Л., 1960. С. 7–122; *Грин, Третьяк*. Публичная библиотека... С. 204, 218, 262.

Описание рукописей. При составлении описаний рукописей мы, с одной стороны, ориентировались на схему каталогов рукописей римских авторов Ватиканской и французских библиотек⁹⁸, полностью заимствовав из них схему описания содержания, а с другой стороны, на принципы описания латинских рукописей, принятые по рекомендации Археографической комиссии АН СССР⁹⁹. Упор сделан на описание содержания, в то время как другие аспекты (внешнее описание, палеографическая характеристика, декор, последующие добавления) характеризуются лишь суммарно. Такой подход диктуется главной задачей нашей работы, которая заключается в подробном описании текстов, содержащихся в рукописи. Выполнение этой задачи предполагает установление автора и названия текста и приведение их в форме, соответствующей современным общепринятым нормам, выявление степени полноты текста, описание лакун, указание критического издания, указание издания, использующего чтения данного петербургского кодекса, определение редакции текста, к которой относится изучаемая рукопись, и т.д.

Так как больше половины рукописей, включенных в наш обзор, входят в собрание П.П. Дубровского, второстепенной нашей задачей было попутное изучение особенностей рукописей этого собрания, которые могли бы иметь существенное значение для изучения истории коллекции П.П. Дубровского. Мы остановили внимание на двух моментах: во-первых, на переплетах рукописей (см. выше) и, во-вторых, на тех аннотациях, которые сам коллекционер записывал обычно на защитных листах своих кодексов. Аннотации нередко содержат ценные сведения о прежних владельцах рукописи, дату ее приобретения П.П. Дубровским, оглавление, датировку (часто весьма точную) и т.д. Оглавления рукописей, составленные П.П. Дубровским, приводятся в описаниях полностью, более пространственные заметки – в сокращенном виде.

Итак, описание состоит из семи разделов и строится по следующей схеме:

I. Порядковый номер рукописи.

II. Шифр.

III. Время и место изготовления, имя переписчика с указанием места колофона.

IV. Внешнее описание.

1. Материал: пергамен или бумага с указанием филиграни для бумаги.

2. Число листов (отмечаются чистые, отсутствующие, испорченные, повторяющиеся, переставленные листы; старая пагинация; сигнатуры).

3. Размер листа в мм.

4. Характеристика переплета с его приблизительной датировкой.

5. Тип письма, число почерков, число строк, число столбцов.

6. Краткая характеристика декора рукописи (указание наличия инициалов, бордюров, рамок, миниатюр, рисунков).

7. Указание наличия глосс, комментария и музыкальной нотации.

8. Различные пометы (выборочно).

⁹⁸ См. *Les manuscrits classiques latins de la bibliothèque Vaticane*. Т. I. P. 23–24.

⁹⁹ См. *Киселева Л.И.* О сводном каталоге рукописей латинского алфавита, хранящихся в СССР // *Проблемы палеографии и кодикологии в СССР*. М.-Л., 1974. С. 290; *Латинские рукописи БАН СССР. Описание рукописей латинского алфавита* / Сост. Л.И. Киселева. Л., 1978. С. 10–15; *Киселева Л.И.* Кодикология и новые методы описания рукописей // *Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности*. Л., 1981. С. 123–129; *Мокрецова, Романова*. Т. 1. С. 45; *Бернадская*. С. VII–IX.

V. Содержание.

1. *Классические тексты*. Имя автора и название произведения в форме, принятой в TLL и тейбнеровских изданиях, сигл в издании, использующем чтения данной рукописи.

2. Отмечается заглавие произведения в рукописи или его отсутствие. Орфография рукописи сохраняется.

3. Incipit и explicit полных текстов, соответствующих изданиям BT, не приводятся. Incipit и explicit фрагментов и извлечений приводятся с точным указанием места (книги, главы, параграфа или стиха) со ссылкой на издание.

4. Отмечаются пропуски текста, не связанные с механическим повреждением рукописи.

5. Лакуны, объясняющиеся утратой части рукописи, обозначаются знаком // следующим образом: приводятся последние слова перед лакуной со знаком // в конце и первые слова после лакуны со знаком // в начале. Указывается число недостающих листов или тетрадей.

6. Различаются следующие виды incipit и explicit: incompletum («неполный») – когда начало или конец текста не переписаны сознательно; mutilum («поврежденный», только для incipit) – когда начало текста пропало в результате утраты части рукописи; imperfectum («незаконченный», только для explicit) – когда фраза обрывается на середине в конце листа.

7. Указывается incipit некоторых маргинальных комментариев и глосс. Античные комментарии, сопровождающие текст, описываются по общей схеме.

8. В конце описания текста указывается издание.

9. *Неклассические тексты* характеризуются кратко: указываются имя автора и название в общепринятой форме, в некоторых случаях приводится incipit.

VI. История рукописи: последующие добавления и владельцы. Позднейшие добавления приводятся только в тех случаях, когда на их основании можно твердо установить владельца рукописи.

VII. Библиография. Сначала перечисляются работы на русском языке в хронологическом порядке, затем – иностранные. Учитываются как работы, посвященные внешнему описанию рукописи, так и исследования ее текста¹⁰⁰.

CATALOGVS CODICVM ANTIQVITATIS SCRIPTORVM ROMANORVM QVI IN BIBLIOTHECA PVBLICA PETROPOLITANA ADSERVANTVR

PS. ACRO

№ 1.

Cl. lat. F. 18

Вторая половина XV в., Италия.

Бумага (филигрань: Вр. № 6276–6280: 1465–1479 гг.), I + 136 лл. + III', 280 × 180 мм. Переплет, современный рукописи – доски, обтянутые темно-коричневой кожей с тиснением. Гуманистический курсив, несколько почерков, 25 строк. На л. 1 золотой инициал и широкая сиреневая рамка с гербом кардинала Асканио Мария Сфорца (1455–1505) (зеленый медальон с изображением змеи, поедающей человека; над ним – кардинальская шапка; внизу – знаки епископского достоинства). Глоссы красными чернилами.

л. 1–136об.: PS. ACRO, *Scholia in Horatium*.

¹⁰⁰ В библиографии при ссылке на многотомный труд римской цифрой обозначается номер тома, далее через запятую арабской цифрой указывается страница.

~ л. 1: *Vita Horatii II.*

без загл.

inc.: «Horatius Flaccus libertino patre natus in apulia...».

expl.: «... comentati sunt in illum porphyrion modestus helenus et acron omnibus melius» (изд.: О. Keller, op. cit. infra, vol. I, p. 2–3).

~ л. 1–Зоб.: *Expositio metrica.*

без заглавия, не отделена от жизнеописания, отсутствуют начальные строки многих стихотворений.

inc.: «Decem et nouem tantum uariis horatius metrorum compositionibus odas...».

expl.: «... nona decima ode monocolos est que constat trimetro iambico. Utitur hoc semel: Iam iam efficaci» (изд.: О. Keller, op. cit. infra, vol. I, p. 6–12).

~ л. Зоб.–4: *Vita Horatii I.*

без заглавия, отделена от предыдущего интервалом и рубрикой.

inc.: «Oratius Q. F. praecone patre natus libertine condicionis oriundus uenusinus est quae ciuitas est apuliae...».

expl.: «... quia egloga uirgilius bucolicorum est» (изд.: О. Keller, op. cit. infra, vol. I, p. 1–2).

~ л. 4–4об.: *Fragmentum metricum.*

без заглавия, не отделен от предыдущего.

inc.: «heroice, amatorie, pragmatice, causative...».

expl.: «... tricolos uel tetracos in qua post duos uel tres uersus alia inchoantur».

~ л. 4об.–120: *In Carmina seu Odas.*

без заглавий, без деления на книги.

inc.: «Metrum asclepiadeum qui constat ex spondeo...».

expl.: «... uenerem laudari uult quia ab iulii descendit origine».

~ л. 120–134об.: *In Epodon librum.*

без загл.

inc.: «Metrum hoc iambicum dicitur...».

expl. incompl.: «... inducit canidiam precibus suis implacabiliter respondentem» (ep. 17. 53).

~ л. 134об.–136об.: *In Carmen Saeculare.*

без загл.

inc.: «Secularis carminis duplex deuotio esse consueuerat...».

expl. incompl.: «... interplosi diane deputati XV uiri tam ad responsa captanda quam ad sacrificia offerenda» (с. s. 70 – изд.: Pseudacronis scholia in Horatium uetustiora rec. О. Keller. Vol. I–II. Lipsiae: Teubner, 1902–1904 (= Stutgardiae, 1967)).

История рукописи. Конец XV – начало XVI в. – рукопись, возможно, входила в библиотеку кардинала Асканио Мария Сфорца (см. Anzeiger Nr. 88 des Antiquarischen Buecherlagers von Gilhofer & Ranschburg Buecher u. Kunstantiquariat. Wien, I. Bognergasse 2, 1. Stock. 1909, S. 1189). До 1909 г. – Венский антикварный магазин Гильхофера и Раншбурга (на внутренней стороне нижней крышки переплета наклейка: «Antiquariat Gilhofer & Ranschburg. Wien, I. Bognergasse 2»); с 1909 г. – Д.Г. Гинцбург (на л. I наклеен экслибрис Д.Г. Гинцбурга, на внутренней стороне верхней крышки переплета надпись карандашом: «In Gilhoferi Vindobonensis officina emptus (v. cat. 88) an. 1909 D. G. K. 240–136 ff. G. l. 1451 № 9»).

Библиография: *Бернадская.* № 44; *Бернадская (2).* № 23; *Петрова.* С. 173–174; Anzeiger Nr. 88 des Antiquarischen Buecherlagers von Gilhofer & Ranschburg Buecher u. Kunstantiquariat. Wien, I. Bognergasse 2, 1. Stock. 1909, S. 1189, № 18998; *Villa C. I* manoscritti di Orazio III // *Aevum.* 1994. 68. P. 133.

№ 2.

Cl. lat. Q. 20

Начало XV в., Западная Украина (?).

Бумага (филигрань: Вг. № 3053: 1359 г.), II + 13 лл. + I', 200 × 150 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный розовой бумагой, уголки и корешок из красного сафьяна. Готический курсив, 13–16 строк. Красные инициалы. Интерлинейные глоссы рукой писца; глоссы написаны латиницей на украинском языке (со значительными вкраплениями полонизмов). На л. II оглавление рукой П.П. Дубровского: «Iulii Catonis Distica moralia cum translatione interlin. sarmatica XV saec.».

л. 1–13: PS. CATO, *Disticha*.

без загл.

(prolog.) inc.: «Cum animaduerterem quam plurimos homines grauitere errare...».

(breu. sent.) inc.: «Itaque deo supplica. Parentes ama. Cognatos cole...».

(dist.) inc.: «Si deus est animus nobis ut carmina dicunt...» (изд.: *Disticha Catonis recensit...* M. Boas. Amsterdam, 1952).

дистихи разделены на IV книги, начало каждой книги выделено инициалом.

expl.: «Noc breuitas fecit sensus coniungere binos. Explicit Katho per manus Zalezlonis. Nomen meum imposuissem si melius scripsissem. Finito libro sit laus et gloria Christo».

История рукописи. Рукопись написана той же рукой и на той же бумаге, что и первая часть кодекса Cl. lat. O. 2 (№ 21). И.А. Залусский (?) (см. *Scaffai M. Tradizione manoscritta dell' Ilias latina*. P. 265); П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsky», нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Петрова. С. 175.

GAIVS VALERIVS CATVLLVS

№ 3.

Cl. lat. Q. 6

Середина XV в., Италия.

Бумага (филигрань: Вг. № 3126: 1375 г.), 58 лл. + I' (л. 47, 48, 56об. – чистые), 208 × 145 мм. Переплет – обложка из синей бумаги. Гуманистический курсив, 26 строк. Большой фиолетовый инициал на л. 1, малые инициалы красными чернилами. Маргинальные и интерлинейные глоссы рукой писца на л. 52–56 (к тексту Овидия).

л. 1: BENEVENTVS CAMPESANVS, *Epigramma de resurrectione Catulli*.

без загл.

inc.: «Ad patriam redeo longis a finibus exul ...» (6 строк – изд.: M. Schuster, 1949, p. 100; D.F.S. Thomson, 1978, p. 195; *Ulmann B.L. The transmission of the text of Catullus // Studi in onore di L. Castiglioni*. Firenze, 1960. P. 1036).

л. 1–7: CATVLLVS, *Carmina* (1–16) (некоторые чтения изданы: *Catulli carmina ed. H. Bardon*. Stuttgartiae: Teubner, 1973. P. XVII).

загл.: «Ad Cornelium».

inc.: «Cui dono lepidum meum (sic) libellum...».

л. 7: FVRIVS BIBACVLVS, *Carmina duo*.

(1) inc.: «Si quis forte mei domum Catonis...» (8 строк).

(2) inc.: «Catonis modo Galle tusculanum» (7 строк – изд.: *Fragmenta poetarum latinorum ed. W. Morel*. Lipsiae: Teubner, 1927. P. 80–81).

л. 7–46об.: CATVLLVS, *Carmina* (17–116)

Порядок стихотворений: 1–17, 21–24, 45–62, 25–44, 63–116.

expl.: «... Affixus nostris tu dabis supplicium. Catulli Veronensis liber explicit feliciter. Finis».

л. 46об.–47: *Epitaphium Cineae*.

загл.: «Epithaphium Cinee equitis romani».

(текст:): «O patrie rector cato pectore uiribus Hector

Heu decus antiquum uir cineae palma quirorum

Ortus Roma tui locus est Papia sepulcri (Walther, № 12854).

Valerius Catullus poeta ueronensis claruit machabeorum temporibus et rome obiit trigessimum annum agens».

л. 48об.–51об.: PS. LACTANTIVS, *De aue Phoenice* (Anthol. lat. 485a).

л. 52–56: OVIDIVS, *Heroides* (XV).

без загл.

inc.: «Num quid ubi aspecta est studiose litora dextre...».

expl.: «... Ut mihi Leucadiae fata petentur aquae. Finis Saphos. Τελοσ».

л. 56–58: BASINIVS, *Isotta Ariminensis ad Sigismundum Pandulphum Malatestam* (lib. Isott. 1.4).

inc.: «Ite iterum in lacrimas in dulces ite querelas...».

expl.: «... Omnia perpetua quae tu care fide. Vale» (ср. Modena Est. lat. 1080 f. 79v–80 – Bertalot. IHL. P. 132).

л. 58об.: PETRARCA, *Epistola ad Italiam*.

История рукописи. П.К. Сухтелен (на л. I' наклеен экслибрис П.К. Сухтелена); с 1889 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 4; *Бернадская* (2). № 20; *Петрова*. С. 174; Catulli Veronensis liber ed. H. Bardon. Stutgardiae: Teubner, 1973. P. XVII; *Zicàri M. Scritti Catulliani*. Urbino, 1978. P. 147, n. 12; Catullus: A Critical Edition. Ed. D.F.S. Thomson. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1978. P. 48–49 (рукопись № 43); *Kristeller P.O. Iter Italicum*. Vol. V. P. 192.

MARCVS TVLLIVS CICERO

№ 4.

Cl. lat. F. v. 8

Вторая половина IX в., Франция (Корби).

Пергамен, I + 87лл. (л. 67лиц., 68об. – чистые; у л. 87 нижняя половина отрезана; при переплете нарушен порядок тетрадей, правильное расположение: л. 1–48об., 65–84об., 49–64об., 85–87лиц.), 270 x 220 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый оранжевым бархатом, форзацы из оранжевой бумаги. Каролингский минускул, несколько почерков, 27 строк (л. 67об.–68лиц.), 28 строк (л. 1–48об., 65–66об., 69–84об.), 29 строк (л. 49–64об., 85–87лиц.). Малые инициалы чернилами. Маргинальные и интерлинейные глоссы на л. 1–4, 9, 34–35. Оглавление рукой П.П. Дубровского на л. I: «Mss. IX. saeculi litteris carolinis».

л. 1–48об.: PS. CICERO, *Rhetorica ad Herennium* (I. 9–IV. 65) (рукопись С класса М в издании Ф. Маркса).

без загл.

inc. mutil.: «// gia (нет инициала) sunt tempora quibus principio uti non possumus...» (I. 9).

expl.: «uix haec dixerat cum ecce iste» (IV. 65).

л. 49–64об.: CICERO, *De inventione* (II. 27–II. 157) (рукопись R класса M в издании Э. Штрейбеля; класс X у Р. Маттманна).

inc.: «// demonstrandum erit defensori neminem... » (II. 27).

expl. «... nam est quiddam quod sua ui nos alliceat ad sese» (II. 157).

л. 65–66об.: PS. CICERO, *Rhetorica ad Herennium* (IV. 65–fin.).

inc.: «praesto sedes inquit audax non uis mea tibi uitam ademit... » (IV. 65).

expl.: «... diligentia consequemur exercitationis».

л. 67об.–68лиц.: MARIUS VICTORINVS, *Explanationes in Ciceronis rhetoricam* (извлечения).

без загл.

inc.: «Virtus est animi habitus in naturae modum rationi consentaneus...» (С. Halm, op. cit. infra, p. 155, 28).

expl.: «... Audacia ergo duplex est nam et ille qui in prosperis rebus temerare (sic) aliquid agreditur audax est et ille qui prouisis rationibus fortiter aliquid incipit //» (p. 167, 18–20 – изд.: *Rhetores Latini minores* ed. С. Halm. Lipsiae: Teubner, 1863. P. 153–304).

л. 69лиц.–84об.: CICERO, *De inventione* (I. 1–I. 61).

без загл.

inc.: «Saepe et multum hoc mecum cogitau...».

expl.: «... atque artificiosissimi putati sunt //» (I. 61).

в тексте лакуна: I. 61–II. 27.

л. 85–87лиц.: CICERO, *De inventione* (II. 157–fin.).

inc.: «non est molomento captans aliquo sed trahens sua dignitate... » (II. 157).

expl.: «... quae restant in reliquis dicemus».

История рукописи. Корби (л. I: «Liber S. Petri Corbeiensis Cicero ad Herennium»); Сен-Жермен-де-Пре (л. I: «Hic continetur Ciceronis liber ad Herennium De Rhetorica»; л. 1, нижнее поле: «228»); П.П. Дубровский (нет владельческой надписи, но есть запись о проверке на л. 87: «Ce present manuscrit contient quatrevingt sept feuillets numerotés. L'abbé de Grandidieu», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 74; *Петрова*. С. 171; *Киселева*. Готич. курсив. С. 115; *Clossius*. P. 22; *Staerk*. № 64, p. 218–219, pl. 67; *Dobiaš*. Corbie. P. 103–104; *Mérindol*. II, 1049–1050; *Incerti auctoris de ratione dicendi ad C. Herennium libri IV iterum rec.* F. Marx. Lipsiae: Teubner, 1964. P. IX–XI; *Mattmann R.* Studie zur Handschriftlichen Überlieferung von Ciceros «De inuentione». Freiburg, 1975. S. 17–28; *Munk Olsen*. I, 205; *M. Tulli Ciceronis rhetorici libri duo* ed. E. Strobel. Lipsiae: Teubner, 1915 (= 1991); *Reynolds*. P. 99; *Taylor R.* Codices integri and the transmission of the Ad Herennium in late antiquity // *Rev. Hist. Text.* 1993. 23. P. 113–114; *Spallone M.* Testo e dintorni in un nuovo testimone delle Rhetorica ad Herennium // *Ibid.* 1997. 27. P. 109–149, passim.

№ 5.

Cl. lat. Q. v. 4

XII в., Франция.

Пергамен, 56 л. (начальная тетрадь утрачена, первая сохранившаяся тетрадь имеет сигнатуру В, следующие: С, D, E, F, G, H), 230 x 140 мм. Переплет отсутствует. Мелкий каролингский минускул, 47 строк. Красные инициалы. Маргинальные и интерлинейрные глоссы рукой писца на л. 39–56. На л. 1 надпись рукой П.П. Дубровского (?): «Priscianus».

л. 1–26об.: CICERO, *De inuentione* (I. 37–fin.).

без загл.

inc. mutil.: « // Deinde ante gestam rem que facta sunt continenter usque ad ipsum negotium deinde in ipso gerendo negotio...» (I. 37).

л. 26об.–56об.: PS. CICERO, *Rhetorica ad Herennium*.

загл.: «(красным:) Marci Tullii Ciceronis rethoricorum liber secundus explicit. Incipit liber tertius. (дописано чернилами:) nouae rethoricae primus liber incipit».

inc. mutil. (л. 26об.): « // Tria sunt tempora quibus principio uti non possumus...» (I. 9).

на полях помета: «require in fine ibi inuenies».

inc. (л. 56, 7 строка–56об.): «Etsi in negotiis familiaribus... – ... Deinceps de infamatione aperiendum est. Tria sunt tempora quibus principio uti non possumus. Verte XXX folia et inuenies tria cum rubrica superius».

expl.: «... nichil diligencia consequemur exercitacionis. M.C.T. liber VI explicit».

История рукописи. Предположительно П.П. Дубровский (владельческой надписи нет).

Библиография: Латинские рукописи. № 120; *Петрова*. С. 171; *Киселева*. Готич. курсив. С. 93–94, прим. 14; *Munk Olsen*. III/2, 31.

№ 6.

Cl. lat. F. v. 17

1425 г., Италия.

Пергамен, I + 155 лл., 270 × 190 мм. Переплет, современный рукописи, – доски, обтянутые коричневой кожей с тиснением и металлическими уголками, корешок обтянут белым пергаменом. Крупное гуманистическое книжное письмо, несколько почерков, 24 строки. Инициалы золотом на синем фоне с растительным белым орнаментом, синие и красные малые инициалы.

л. 1–79: CICERO, *De inuentione*.

без загл.

л. 79–81об.: *Excerpta rhetorica*.

без загл.

inc.: «Si tam agentis persone quam rei geste turpitudine offensionem causa contraxerit...».

expl.: «... et hoc est quod ait aut re hominem» (ср. *Catal. gen.* Т. 2, № 2450. P., 1940).

л. 81об.–155: PS. CICERO, *Rhetorica ad Herennium*.

без загл.

expl.: «... diligencia consequamur et exercitatione. Explicit feliciter M.T.C. Ars noua ad Gaium Herennium scriptum manu mei [имя стерто] die II-a mense aprilis 14XXV».

История рукописи. Рукопись входила в библиотеку известного издателя Лео Самуэле Ольшки (1861–1940) (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис «Ex libris Leonis S. Olschki Bibliopolae Veneti № 14943 Scrin. G. 2»). С 1937 г. – ГПБ (л. 155: «В книге поступлений № 278»).

Библиография: *Бернадская*. № 33; *Бернадская* (2). № 8; *Петрова*. С. 171.

№ 7.

Lat. F. XVIII. 12

1452 г., Падуя, писец Bonifatius Euagniliste (*sic*) de Murgouallium (колофоны на л. 9об., 139об.).

Бумага (филиграни: Вг. № 11702: 1440 г., Вг. № 4544: 1443 г., Вг. № 15308: 1449 г., Вг. № 3661–3664: 1438–1446 г.), I + 166 лл. + II' (старая пагинация: 1A–165; у л. 1–2 срезан нижний левый угол; л. блиц., 9об. – чистые), 289 × 215 мм. Переплет начала XIX в. – картон, обтянутый красным сафьяном с золотым орнаментиро-

ванным тиснением, форзацы из мраморной бумаги, золотой обрез. Гуманистический курсив (л. 1–140), готический курсив (л. 141–166), 42–47 строк, 1 столбец (л. 10, 11–12), 2 столбца (л. 13–166), 3–4 столбца (л. 1–9). Большие золотые и сиреневые инициалы, бордюр из листьев с арабесками. Маргинальные глоссы на л. 13–122.

л. 1–9об.: PS. CICERO, *Synonyma (Abditum, opertum)*.

загл. (рукой XVIII в. на полях): «De scriptoribus Latinis».

(prae-f.) inc.: «Cicero Lu. Vecturio (*sic*) suo salutem. Collegi ea quae pluribus modis dicentur...».

(text.) inc.: «Absconditum: absconditum, abditum, opertum, obscurum, obumbratum, obtusum, cecum, inuolutum, cohopertum...».

expl.: «... Vitare: uitare, declineare, cauere, subterfugere. Velatur: uelatur, operitur, prestolatur, exspectatur, substinctum» (изд.: M. Tullii Ciceronis [quae uulgo feruntur] *Synonyma ad Lucium Veturium secundum editiones Romanas denuo excudi cur. G. L. Mahne. Lugduni Batavorum, 1850; M. Tullii Ciceronis [quae uulgo feruntur] Synonyma ad Lucium Veturium secundum editionem Parisinam denuo excudi cur. G. L. Mahne. Lugduni Batavorum, 1851*).

(колофон): «Deo gratias. Scripta Tullii Sinonima in Sancta Victoria tempore Cancellariatus mei Bonifatii anni 1452 7-a decembre. Amen».

л. 10–139об.: POLENTON SICCO, *Vitae scriptorum illustrium latinae linguae*.

expl.: «Deo gratias refero. Amen. Explicit liber Sicconis Polentoni scriptorum illustrium ad Polidorum filium scriptus per me Bonifatium Euagniliste (*sic*) de Murrouallium sub annis domini millessimo CCCCLII tempore Nicolai papae V-ti die X-a Ianuarii in Murro antedicto».

л. 140–140об.: часть текста, пропущенная после л. 12–12об. (дополнена самим писцом).

л. 141–166: CICERO, *Orationes*.

~ л. 141–149об.: *De lege Manilia (De imperio Cn. Pompei)*.

загл. (на верхнем поле): «M.T.C. Oratio in senatu habita de Pompeio exercitui Romano praeficiendo et uirtutibus eius feliciter incipit».

~ л. 149об.–153об.: *Pro Archia*.

загл. (на полях): «M.T.C. Oratio habita coram iudicibus ad praetorem ne Aulius Lucinius Archita describeretur».

~ л. 153об.–157: *Pro Ligario*.

загл.: «M.T.C. Oratio habita ad Cesarem pro Quinto Ligario descripto ut posset reuerti Romam».

~ л. 157об.–162об.: *Oratio cum senatui gratias egit*.

загл. (на верхнем поле): «M.T.C. Oratio pro se ipso gratias referente populo romano dum cederet ex exilio».

~ л. 162об.–166: PS. CICERO, *Oratio pridie quam in exilium iret*.

загл. (на верхнем поле): «M.T.C. Oratio habita coram populo Romano ne ipsum Tullium in exilium mittent».

История рукописи. Л. 13: «Collegii Societatis [стерто одно слово и часть второго] //eratis».

Библиография: *Бернадская*. № 18; *Бернадская* (2). № 9.

№ 8.

Cl. lat. F. 16

XVI в.

Бумага (Br. № 7702: 1512 г. или № 7813: 1537 г.), 10 л. (одна тетрадь, в левом нижнем углу каждого листа сигнатура: a1, a2, a3, a4, a5), 290 x 227 мм. Переплет отсутствует. Мелкий готический курсив, 34 строки. Глоссы на л. 1–4.

л. 1–10об.: CICERO, *Topica*.

загл. (на верхнем поле рукой глосс): «*Topica Tullii*».

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 1: «*Ex Museo Petri Dubrowsky*», нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Петрова*. С. 171.

CLAVDIVS CLAVDIANVS

№ 9.

Cl. lat. O. v. 3

Первая половина XIII в., Франция.

Пергамен, III + 90 лл + III' (л. 1 – чистый, у л. 2 большая часть отрезана), 209 x 120 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый красным сафьяном с золотым тиснением, золотой обрез. Мелкое книжное готическое письмо, 40 строк. Золотые инициалы. Немногочисленные глоссы.

л. 2об.: *Оглавление рукой писца*.

(текст): «*liber inuectiuarum / claudiani / in ruphinum / pro honorio / theodoro / et stylicone / De raptu proserpine*».

л. 3–90: CLAVDIANVS, *Carmina maiora 2–25* (рукопись Mazarinianus в издании Н. Гейнзия; рукопись Ptr. класса «*deteriores*» в издании Т. Бирта).

загл. (другой рукой): «*Claudiani opera 1 liber*».

inc. mutil.: «*// Qui spiris tegeter montes, hauriret hiatu...*» (2. 3).

порядок стихотворений: 2, 3, 5, 4, 15, 18–20, 11–14, 9, 10, 6–8, 16, 17, 21–24, 27, 28, 25 (Класс I у Дж. Холла – *carm.* 4 перед *carm.* 15).

expl.: «*... Vel meritum belli uel Stilichonis amor*» (25 – изд.: *Claudii Claudiani carmina* ed. J.V. Hall. Lipsiae: Teubner, 1985).

История рукописи. XVII в. – библиотека кардинала Мазарини; с 1791 г. (?) – П.П. Дубровский (л. 2, 89об.: «*Ex Museo Petri Dubrowsky*»; л. 89: «*Ce present manuscrit contient quatrevingt neuf feuillets numerotés. L'abbé de Grandidieu*», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Петрова*. С. 174; *Романова*. С. 86, 219 (табл. 12a); Cl. Claudiani quae exstant: Ex emendatione Nicolai Heinsii Dan. F. Amstelodami, Typis Ludouici Elzeuirii, 1650. P. 5; *Claudii Claudiani carmina* ed. L. Jeep. Lipsiae, 1876–1879. Vol. I. P. XLVIII; *Claudii Claudiani carmina recensuit* Th. Birt. Berolini, [1892] 1961 (MGH AA, X). P. CXXII; *Hall J.V. Manuscripts of Claudian in the USSR and Poland // PACA*. 1977. 14. P. 16–17; *Reynolds*. P. 143; *Claudiani carmina* ed. J.V. Hall. Lipsiae: Teubneri, 1985. P. XIX, рукопись λ; *Hall J.V. Prolegomena to Claudian*. London, 1986. P. 35.

№ 10.

Lat. Q. v. XVII. 2

1438 г. (л. 13об.), Италия.

Пергамен, I + 116 лл. + I', 270 x 190 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый зеленым сафьяном с золотым тиснением, на корешке вытиснено золотом «*Catonis Sacci Semidei liber*», золотой обрез. Итальянское книжное готическое письмо, 15 строк. Большие золотые инициалы, синие и золотые малые орнаментальные инициалы, золотые рамки с растительным орнаментом, миниатюры, рисунки пером, герб «*dux Mediolani*» (герцогов миланских,

см. *Litta P. Celebri famiglie italiani. T. V. Visconti di Milano*). На л. I рукой П.П. Дубровского: «Catonis Sacci Papiensis Liber Semideus. Ce Cato Sacci (ou Sacco) étoit jurisconsulte de François Sfors, Duc de Milan. Le Mss. est l'original même présenté par l'auteur à le Duc».

л. 1–116: CATO SACCO, *Semideus*.

л. 116об.: CLAVDIANVS, *In sphaeram Archimedis* (Carm. min. 51, 1–6).

без загл.

inc.: «Iuppiter in paruo cum uerteret (sic) ethera uitro...».

expl. incompl.: «... Ecce syracusius transtulit arte senex» (6 строк – изд.: Claudii Claudiani carmina ed. J.B. Hall. Lipsiae: Teubner, 1985. P. 403).

История рукописи. XV в. – библиотека Висконти-Сфорца; XVI в. – семья Бюженси (л. 1: записи семьи Бюженси); конец XVI – начало XVII в. – поэт Шарль Манье (л. 2, 3: стихотворения Шарля Манье); конец XVIII в. – П.П. Дубровский (л. 2, 9, 116: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; л. 116: «В сей книге перемеченных листов сто шестнадцать. Библиотекарь В. Двигубский», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 23; *Laborde*. P. 81; *Pellegrin E. La Bibliothèque des Visconti et des Sforza ducs de Milan, au XVe siècle*. Paris, 1955, рукопись В. 599, p. 37, 53, 317, 362, 489, 490, 491.

CODEX IVSTINIANI

№ 11.

Lat. F. v. П. 4

Начало XIV в., Франция.

Пергамен, I + 286 лл. + I' (л. 1, 285, 286 – чистые), 355 × 218 мм. Переплет начала XIX – картон, обтянутый красным сафьяном с золотым тиснением, форзацы из мраморной бумаги, золотой обрез. Книжное готическое письмо, 40–41 строка, 2 столбца; л. 284–284об. – готический курсив, 63–67 строк, 4 столбца.

л. 2–283: CODEX IVSTINIANI (I–IX).

загл.: «In nomine domini nostri Iesu Christi. Codicis domini Iustiniani sacratissimi principis perpetui augusti repetite prelectionis incipit liber primus de summa trinitate et fide catholica ut nemo de ea publice contendere audeat».

inc.: «Cunctos populos quos clemencie nostre...».

expl.: «... libertatem non dampnacionis sed lenitatis sentiant» (fin. lib. IX).

л. 284–284об.: *Оглавление*.

inc.: «De sancta trinitate et fide catholica...».

expl.: «... de famosis libellis».

История рукописи. XIV в. – дар аббата Николая де Лира (ок.1270–1349; см. РМА, 503; LMA, VI, 1185) (л. 282об. (XIV в.): «Iste liber est donum Abbatis de lira cuius precium est centum solidum parisiensium»); П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена).

Библиография. *Романова*. С. 58, 90, 164, 226 (табл. 28).

LVCIVS IVNIVS MODERATVS COLVMELLA

№ 12.

Cl. lat. F. v. 1

IX в., Франция (Корби).

Пергамен, I + 138 лл. + I', 277 x 240 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый желтым бархатом со слепым тиснением, дублюры из зеленой кожи с золотым тиснением, форзацы из бежевого шелка, корешок утрачен. Каролингский минускул, 30 строк. Большие и малые инициалы чернилами. На л. I оглавление рукой П.П. Дубровского: «L. Iunii Moderati Columellae de Re Rustica libri XII. Mss. sur velin en Ecriture Caroline du VIIIe siecle».

л. 1–138: COLVMELLA, *De re rustica* (рукопись S в издании В. Лундстрема).

загл.: «L. Iuni Moderati Columelle rei rustice liber primus incipit».

expl.: «... dicuntur non omnia. L. Iuni Moderati Columelle rei rusticae liber XII explicit feliciter» (изд.: L. Iuni Moderati Columellae opera quae exstant. Rec. V. Lundstrom, Å. Josephson, S. Hedberg. Upsaliae–Gotoburgi–Lipsiae, 1898–1968).

История рукописи. Корби (л. 2, верхнее поле: «Bibliotheca Corbeiensis»); Сен-Жермен-де-Пре (л. 1: «L. Iunii Moderati Columellae de Re Rustica libri XII»); П.П. Дубровский (л. 1, 138об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky», л. 138об.: «В сей книге перемеченных листов сто тридцать восемь. Помощник хранителя манускриптов Александр Ермолаев», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Латинские рукописи. № 67; *Троцкий И.М.* Критические заметки к V книге «De re rustica» Колумеллы // Доклады АН СССР. 1928. Серия В. № 6. С. 115–120; *Люблинская.* С. 181, табл. 21; *Staerk.* I, 219–220, II, pl. 68; *Delisle.* II, p. 55, № 1128; *Schmitt J.C.* De codice Sangermanensi qui continet L. Iunii Moderati Columellae de re rustica libros XIII // Festschrift fuer L. Urlichs zur Feier seines 25jaehrigen Wirkens an der Universitaet Wuerzburg. Wuerzburg, 1880. S. 139 sqq.; *Haessner J.* Die Handschriftliche Ueberlieferung des L. Iunius Moderatus Columella (De re rustica) mit einer kritischen Ausgabe des X. Buches. Karlsruhe, 1889. S. 20; *Langlet V.* Ad Columellae codicem Sangermanensem qui vocatur // Eranos. 1896. 1. P. 86 sqq.; L. Iuni Moderati Columellae opera quae exstant. Rec. V. Lundström, Å. Josephson, S. Hedberg. Upsaliae–Gotoburgi–Lipsiae, 1898. Fasc. 1. P. VII–VIII; *Dobiasz.* Corbie. P. 162–164, fig. 92, 93; *Mérindol.* II, 1047–1049; *Josephson Å.* Die Columella-Hss. Uppsala et Wiesbaden, 1955 (sigle S). S. 5, 17, Taf. I; *Bischoff B.* Mittelalterliche Studien. I. 1966. S. 59; *Hedberg S.* Contamination. S. 1–2; *Corsetti P.P.* // Rev. Hist. Text. 1977. 7. P. 109–133; *Reynolds.* P. 146; *Munk Olsen.* I, 353, III / 1, 87; *Ganz D.* Corbie in the Carolingian Renaissance. Sigmaringen, 1990. P. 151; *Munk Olsen.* Chronique II. P. 240; *Garcia Armendáriz J.-I.* Un nouveau manuscrit de Collumelle // Rev. Hist. Text. 1993. 23. P. 194; L. Iuni Moderati Columellae rei rusticae liber decimus (carmen de cultu hortorum) a cura di F. Boldrer. Pisa, 1996. P. 35, 49, 389.

DIGESTA

№ 13.

Lat. F. v. II. 25 (2 тома)

XIV в., Франция.

Пергамен, I + 124 лл. + I' (том 1), I + 125 лл. + I' (том 2), 410 × 265 мм. Переплет XIX в. – картон, оклеенный коричневой крапчатой бумагой, корешок из светло-коричневой кожи. Книжное готическое письмо, 50–52 строки, 2 столбца. Красные и синие инициалы. Комментарий рукой писца обрамляет текст; глоссы готическим курсивом по всей рукописи.

том 1, л. 1–124об.: DIGESTA (I–XII. 6. 28).

загл. (др. рукой): «Domini Iustiniani sacrificissimi (sic) principis perpetui principis augusti iuris enucleati ex omni uetere iure collecti digestorum seu pandectarum incipit liber primus de iusticia et iure».

expl.: «... Iudex si male absoluit idem» (XII. 6. 28).
том 2, л. 1–125об.: DIGESTA (XII. 6. 28–XXIV. 3. 2. 1).
без загл.

inc.: «uel absolutus sua sponte soluerit repetere non potest...».

expl. incomplet.: «... petere dotem nec per se nec per procuratorem potest» (XXIV. 3. 2. 1 – изд.: Digesta Iustiniani Augusti rec. Th. Mommsen. Vol. I–II. Berolini, 1870).

История рукописи. А.-А. Монтейль ? (Amans-Alexis Monteil, 1769–1850); до 1833 г. – английский книготорговец Т. Торп (Т. Thorpe); 1833–1896 гг. – собрание Томаса Филлипса (1792–1872) (на внутренней стороне верхней крышки переплета I тома надпись: «Phillipps Ms 7123 (uol. I)», на внутренней стороне верхней крышки переплета 2-го тома: «Phillipps Ms 7123 (uol. II)»); 1896 г. – рукопись купил Густав Эмих (13 июня, лот 780, at Sotheby) (Hofrat Gustav Ritter von Emich, 1843–1911; о нем см. Österreichisches biographisches Lexikon 1815–1950. Ed. L. Santifaller et al. Vienna, 1957–. Vol. 1. P. 245).

Библиография. Thorpe T. Catalogue of twelve hundred manuscripts. [1832] P. 134, № 739; The Phillipps Manuscripts. Catalogus librorum manuscriptorum in bibliotheca D. Thomae Phillipps, Bt. impressum typis Medio-Montanis 1837–1871. With introduction by A.N.L. Munby, Litt. D. L., [1968]. P. 107, № 7123; Sotheby, Wilkinson & Hodge. Bibliotheca Phillipica. Catalogue of a portion of the famous collection of classical, historical, topographical, genealogical, and other Manuscripts and Autograph Letters, of the late Sir Thomas Phillipps, Bart. F.R.S. of Middle Hill, Worcestershire, and Thirlestaine House, Cheltenham. 10–17 June, 1896. P. 138, lot 780; Dolezalek G. Verzeichnis der Handschriften zum römischen Recht bis 1600. Bd I. Frankfurt am Main, 1972 («Leningrad GPB, lat. F. II vel. 25»).

EVTROPIVS

№ 14.

Cl. lat. Q. v. 9

IX в., Италия (Верона).

Пергамен, I + 22 лл. + I' (у л. 22 отрезана нижняя половина; сигнатуры: VIII (л. 8об.), VIII (л. 16об.)), 183 × 139 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый темно-синим сафьяном с золотым тиснением и медальонами, форзацы из фиолетового шелка; футляр из картона, обтянутого красной кожей с золотым тиснением. Каролингский минускул, 23 строки. Многоцветный большой инициал (оранжевая, зеленая и желтая краски), малые оранжевые инициалы.

л. 1–22: EVTROPIVS, *Breuiarium ab urbe condita* (I–VII, извлечения).

загл.: «Eutropi VC historiarum Romanorum liber primus incipit».

inc.: «Romanum imperium quod neque ab exordio fere minus neque...».

lib. I; lib. II. 1–6, 18, 21, 23, 24. 2–25; lib. III. 1. 1, 7. 2–14. 3, 17. 1–18. 2, 20. 1–23; lib. IV. 1–2. 1, 3–5, 18; lib. VI. 8. 1, 14, 17. 1–17. 3, 19–25; lib. VII. 1–9. 1.

expl. incompl.: «... nullo tempore ante eum magis Roma res floruit» (VII. 9.1 – изд.: Eutropii breuiarium ab urbe condita rec. C. Santini. Lipsiae: Teubner, 1979).

История рукописи. Верона; Мец; до 1600 г. перевезен из Меца в парижский коллеж Клермон, где находился до 1763 г. Первоначально входил в состав сборника и составлял единое целое с рукописями Lat. Q. v. IV. 5 (РНБ), Berol. Phill. 1885 (= 136) и Berol. Phill. 1896 (= 137) (Deutsche Staatsbibliothek), представляя тетради VIII и IX. Затем (до 1754 г.) в Клермон первоначальный кодекс был разделен на две части: Clarom. № 680 (cat., p. 261) = Berol. Phill. 1885 (= 136), которая имела

самостоятельный переплет уже в конце XVI – начале XVII в. и Clarom. № 627 (cat., p. 235) = Lat. Q. v. IV. 5 + Cl. lat. Q. v. 9 + Berol. Phill. 1896 (= 137), которая оставалась непереплетенной. После 1763 г., когда был распущен Орден иезуитов и его рукописи распродавались, первая, переплетенная часть первоначального кодекса была куплена Г. Меерманом в 1764 г., затем после его смерти в 1824 г. – Т. Филлипсом, затем приобретена Немецкой Гос. б-кой в Берлине, где и хранится по сей день (Clarom. № 680 = Meerm. 794 = Phill. 1885 = Berol. Phill. 1885 (= 136)). Вторая, непереплетенная часть первоначального кодекса была снова разделена на части: одна из них была куплена Меерманом, потом – Филлипсом, затем приобретена Немецкой Гос. б-кой в Берлине, где и хранится ныне (Clarom. № 627 = Meerm. 821 = Phill. 1896 = Berol. Phill. 1896 (= 137)); две другие части (Lat. Q. v. IV. 5 (№ 23 настоящего каталога) и Cl. lat. Q. v. 9) были куплены П.П. Дубровским. П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsky», там же: «В сей книге перемеченных листов двадцать два. Библиотекарь В. Двигубский», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 70; *Добиаи*. II. С. 119–120; [Clément F.] *Catalogus manuscritorum codicum collegii claromontani. Parisiis, 1754. P. 235, 261; Delisle. I, 43; Die lateinischen Meerman-Handschriften des Sir Thomas Phillipps in der königlichen bibliothek zu Berlin beschrieben von Valentin Rose. Berlin, 1892. S. 299–307 // Verzeichniss der von der königlichen bibliothek zu Berlin erworbenen Meerman-Handschriften des Sir Thomas Phillipps); Staerk. I, 129–130; Cessi R. Di due miscellanee storiche medioevali // Archivio muratoriano. 1913. 13. P. 71, 72, 77; Eutropii breuiarium ab urbe condita rec. C. Santini. Lipsiae: Teubner, 1979. P. IX; Reynolds. P. XXX, 160–161; *Dobias, Bachtine*. P. 89.*

PS. HEGESIPPVS

№ 15.

Cl. lat. F. v. 14

XI–XII вв., Франция.

Пергамен, I + 253 + I' л. (л. 2лиц., 253об. – чистые, л. 74 – in quarto, у л. 156 оторван правый нижний угол с текстом, у л. 183 отрезана правая половина), 373 × × 253 мм. Переплет начала XIX в. – картон, оклеенный коричневой бумагой, корешок из коричневой кожи с золотым тиснением. Письмо переходное от каролингского минускула к раннеготическому письму, несколько почерков, 46 строк, 2 столбца. Большие оранжевые инициалы (л. 2об., 14об., 25об., 36об., 48об., 135, 139об.), малые оранжевые инициалы. Немногочисленные глоссы и номера книг на верхнем поле каждого листа («liber I iosephi» – «liber XIX iosephi») готическим курсивом.

л. 2об.–144об.: PS. HEGESIPPVS, *Antiquitates Iudaicae* (I–XII).

два произведения объединены в одно, единая нумерация книг: I–XIX.

(praef.) загл., л. 2об.: «Incipit proemium Iosephi nobilissimi atque clarissimi hystoriographi in libro antiquitatum».

(argum. lib. I) загл., л. 3об.: «Incipiunt capitula libri primi».

(text.) загл., л. 3об.: «Incipit liber primus Antiquitatum Iosephi hystoriographi. Constitutio mundi et elementorum cap. I».

inc.: «In principio creauit deus celum et terram sed dum terra ad aspectum non ueniret et profunditate tenebris celaretur...».

expl.: «... tribus annis habuisset defunctus est. Explicit liber duodecimus».

л. 144об.–252об.: PS. HEGESIPPVS, *De bello Iudaico* (I–VII).

(argum.) загл.: «Incipit eiusdem de bello iudaico aduersus romanos peracto».
(praef.) загл.: «Incipit praefatio in libro XIII antiquitatis iudaice».
(text.) загл.: «Quomodo antiochus cognomento Epiphanes deuictis penitus ierosolimis cum triennium sexque menses eam tenuisset a Samonei filiis expulsus est».
inc.: «Cum potentes iudeorum inter se...».
лакуны на л. 156 и л. 183.

expl.: «... per omnia quae scripsi habuerint coniecturam. Explicit liber nonus decimus».
История рукописи. Сен-Жермен-де-Пре (л. 3, нижнее поле: «N. 447»); П.П. Дубровский (л. 2об., 252об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; л. 252об.: «Ce manuscrit contient deux cent cinquante trois feuillets numerotés. L'abbé de Grandidieu», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 140; *Петрова*. С. 175; *Staerk*. I, 287; *Gillert*. VI, 507; *Mérindol*. II, 1121.

QVINTVS HORATIVS FLACCVS

№ 16.

Cl. lat. O. v. 4

XII в., Франция.

Пергамен, 88 лл. + I', 221 × 102 мм. Переплет XVI в. – картон, обтянутый коричневой кожей со слепым тиснением, металлические застёжки. Мелкое готическое книжное письмо, 48–49 строк, л. I' – готический курсив. Инициалы чернилами. Маргинальные и интерлинейные глоссы рукой писца, рукой XIV в. и рукой XVI в. На л. 84 помета XIV в.: «In isto uolumine continentur iuuenalis oratius in odis in erodon in poetria in sermonibus in epistolis cum metris». Нотация: л. 1–1об., 2–2об., 3–3об., 10об., 26об., 27об., 28лиц., 30об., 39лиц. (невмы франко-аквитанские района городов Невера и Отёна). На внутренней стороне верхней крышки переплета рукой П.П. Дубровского написаны оглавление и отрывок из стихотворения Вольтера. л. 1–84об.: HORATIUS, *Opera omnia* (рукопись *p* в издании И.-К. Орелли и И.-Г. Байтера, рукопись *σ* в издании О. Келлера и А. Хольдера). загл.: «Quinti Horatii Flacci carminum liber incipit Ad Mecenatem». Порядок произведений: *Carmina seu Odae* (л. 1–33об.), *Ars poetica* (л. 33об.–39), *Epodon liber* (л. 39–45об.), *Carmen saeculare* (л. 45об.–46об.), *Epistulae* (л. 46об.–62), *Sermones* (л. 62об.–84об.).

(глоссы) inc.: «Satyra dicitur a lancea uel scutella quod non ualet quia [неразб. 2 или 3 слова] uel dicitur a satira quia illi satyra autem denudat uicia uniuscuiusque. Oda dicitur laus...» (значительная часть глосс – почти все интерлинейные глоссы – представляет собой выдержки из схолиев Псевдо-Акрона, остальные глоссы (в основном маргинальные) являются средневековыми комментариями).

л. 84об.: PS. ACRO, *Vita Horatii I*.

загл.: «Vita eiusdem».

inc.: «Horatius Quintus Flaccus praecone patre natus libertine conditionis...».

expl.: «... in extremis esquilis iuxta mecenatis tumultum» (в тексте две вставки из *Vita Horatii II* и концовка из *E Suetonio vita Horatii* – изд.: (uita I et II) Pseudacronis scholia in Horatium uetustiora rec. O. Keller. Stutgardiae: Teubner, 1902 (= 1967). Vol. I. P. 1–3; (e Suetonio uita); F. Klingner, op. cit. infra, p. 1*–4*).

л. 85–85об.: SVETONIVS, *Vita Horatii*.

без загл.

inc.: «Horatius pro dubium est utrum apulus an etiam uenusinus fuerit...».

expl.: «... porphyriion modestus helenus et acron sed acron melius» (в тексте две вставки из *Vita Horatii I* и концовка из *Vita Horatii II* – изд.: Q. Horati Flacci opera tertium rec. F. Klingner. Lipsiae: Teubner, 1959. P. 1*–4*; O. Keller, op. cit., p. 1–3).

л. 85об.: *Fragmentum metricum I*.

без загл.

inc.: «In carmine suo X et VIII uarietatibus metrorum usus est...».

expl.: «... peon proseutice laudatiue uel deprecatorie».

л. 85об.–87: *Expositio metrica*.

загл.: «Incipit metra» (изд.: O. Keller, op. cit., uol. I, p. 6–12).

л. 87–87об.: *Fragmentum metricum II*.

загл.: «De finalibus metris».

inc.: «Adonium metrum constat ex dactilo et spondeo ut est illud Terruit urbes...».

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 1, 88об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky», л. 88об.: «Ce manuscrit contient quatrevingt huit feuillets. L'abbé de Grandidieu»). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 256; *Петрова*. С. 169–173; *Романова*. С. 86, 114–115, 204; *Киселева*. Готич. курсив. С. 115, табл. 38; *Антонец Е.В.* Петербургская рукопись Горация Cl. lat. O. v. 4 (РНБ) и проблемы ее изучения // ВДИ. 2000. № 1. С. 135–143; *Horatius Flaccus Quintus... recensuit J. G. Orellius*, 3 ed. cur. J.G. Baiterus. Vol. I. Turici, 1852. P. VII; *Q. Horati Flacci opera recensuerunt O. Keller et A. Holder*. 2 ed. Vol. I. Lipsiae, 1899. P. XL–XLI; *Munk Olsen*. III / 2, 68–69; *Siewert K.* Die Althochdeutsche Horazglossierung. Göttingen, 1986. P. 387; *Riou Y.-F.* Chronologie et provenance des manuscrits classiques latins neumes // *Rev. Hist. Text.* 1991. 21. P. 90, 106; *Villa C.* I manoscritti di Orazio II // *Aevum*. 1993. 67. P. 86.

№ 17.

Cl. lat. Q. 36

Середина XV в., Италия.

Бумага (филигрань: Вг. № 11720–11727: 1428–1456 гг.), III + 64 лл. + III', 217 × 140 мм. Переплет начала XIX в. – картон, обтянутый темно-лиловым бархатом. Гуманистическое книжное письмо с элементами курсива, несколько почерков, 29 строк. Немногочисленные глоссы.

л. 1–64об.: *HORATIVS, Opera*.

~ л. 1–52: *Carmina seu Odae*.

загл. (на верхнем поле рукой XIX в.): «Ode prima Horatii».

нет деления на книги.

expl.: «... progeniem Veneris canemus. amen. Finito libro referamus gratiam Christo amen. amen».

~ л. 52–63: *Epodon liber*.

без загл.

~ л. 63–64об.: *Carmen saeculare*.

без загл.

expl.: «... dicere laudes. [стерпо] Amen» (изд.: Q. Horati Flacci opera. Ed. Stephanus Borzsák. Leipzig, 1984).

История рукописи. С 1889 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 39; *Бернадская (2)*. № 15; *Петрова*. С. 173; *Villa C.* I manoscritti di Orazio II // *Aevum*. 1993. 67. P. 86.

№ 18.

Erm. lat. 36

XV в., Франция.

Бумага (филигрань: Br. № 6497: 1460 г.), I + 168 лл. + I' (л. 42лиц. – чистый; старая пагинация: I–СХХIII на л. 43–168), 292 × 216 мм. Переплет XIX в. – картон, оклеенный синей мраморной бумагой, корешок и уголки из синей кожи. Книжное готическое письмо, несколько почерков, 12–29 строк; л. 42об. – гуманистическое книжное письмо. Многочисленные глоссы рукой писца.

л. 1–41об.: HORATIVVS, *Sermones seu Saturae*.

загл. (на верхнем поле): «Quinti Flacci Oratii liber primus sermonum incipit».

есть деление на книги: I книга (л. 1–19об.), II книга (л. 19об.– 41об.).

л. 42об.: *Оглавление сатир Ювенала*.

inc.: «I. Semper ego auditor tantum nunquam ne reponam ...».

expl.: «... СХХIII. Quis numerare queat felicitis premia gule».

л. 43–168об.: IVVENALIS, *Saturae* (I–XVI).

есть деление на книги, сатиры XV и XVI на своих местах.

~ л. 43–70об.: *Liber primus* (сатиры I–V).

загл. (на верхнем поле): «Iuuenalis liber [стерто: primus incipit]».

~ л. 70об.–91: *Liber secundus* (сатира VI).

загл.: «Explicit liber primus. Incipit secundus».

~ л. 91об.–112об.: *Liber tertius* (сатиры VII–IX).

загл. (на полях): «Incipit tertius liber qui tribus satyris consumatur».

~ л. 112об.–137об.: *Liber quartus* (сатиры X–XII).

загл.: «Incipit quartus liber satyrarum in cuius prima satira de indiscretis hominum notis agit».

~ л. 137об.–168об.: *Liber quintus* (сатиры XIII–XVI).

загл.: «Decimi Iunii Iuuenalis satirarum liber quartus explicat. Incipit quintus ad Caluium cuius amicus abnegauerat depositum».

expl.: «... ut leti faleris omnes et torquibus omnes. Finitur liber» (изд.: Iuuenalis saturae ed. J. Willis. Lipsiae: Teubner, 1997).

Библиография: Петрова. С. 173.

PS. HYGIVS

№ 19.

Lat. Q. v. I. 34

Конец IX – начало X в., Франция (Корби).

Пергамен, I + 88 лл. + I' (старая пагинация: 1 (на л. 1), 9 (на л. 9), 25 (на л. 24), 35 (на л. 34), 44 (на л. 43), 102 (на л. 45), 107 (на л. 50), 122 (на л. 65), 137 (на л. 80)), 245 × 190 мм. Переплет конца XVIII в. – картон, обтянутый коричневой кожей с золотой тисненой рамкой (воспр.: *Mérindol*. III, pl. 276). Каролингский минускул, две руки (л. 1–44 и 45–88), 23 строки. Оранжевые инициалы. На л. I оглавление рукой П.П. Дубровского: «Ordo Scrutinii IX saeculi litt. carolinis».

л. 1–6: *Ordo Scrutinii ad electos*.

л. 6–8: CHROMATIVS AQVILEIENSIS, *Praefatio orationis dominicae*.

л. 8об.–21об.: THEODVLFVS AVRELIANVS, *De ordine baptismi*.

л. 22–23об.: *Interrogationes de trinitate, de unitate patris et filii et spiritui sancti*.

л. 23об.–33об.: *Expositio missae*.

л. 33об.–42об.: AMALARIVS TREVIRENSIS, *Liber officialis*.

л. 43: *Aetas lunae*.

л. 43об.–44об.: PS. HYGINVS, *Excerptum de astrologia Arati*.

без загл.

inc.: «Duo sunt extremi uertices mundi quos apellant polos...».

expl.: «... qui ad ipsum usque decurrit accipiens» (изд.: Hyginus philosophus. *De imaginibus coeli...* hrsg. von Dr. L.W. Hasper. Leipzig, 1861. S. 11–15; *Commentariorum in Aratum reliquiae...* rec. E. Maass. Berolini, 1898. P. 309–312 [anonymus III]; M. Manitius. *Das sogenannte Fragment Hygins // RhM.* 1898. 53. S. 393–398).

л. 45–88: HALITGARIVS CAMERACENSIS, *De uititiis et uirtutibus, Liber poenitentialis*.

л. 88: *Corpus astronomicus de statu aegroti*.

История рукописи. Кодекс составлял единое целое с рукописями Lat. Q. v. II. 5 и Lat. Q. v. I. 56 (Латинские рукописи. № 58, № 61).

Корби (л. 1, верхнее поле: «Corbeiensis»); Сен-Жермен-де-Пре (л. 1, нижнее поле: «N. 686»); П.П. Дубровский (л. 1, 8: «Ex Museo Petri Dubrowsky», л. 88об.: «Ce manuscrit contient quatrevingt huit feuillets numerotés. L'abbé de Grandidieu», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 53; *Неретина*. С. 193–205; *Delisle*. II, 438; *Staerk*. I, 173–192; *Gillert*. V, 253–254; *Dobiasz*. Corbie. P. 104–105; *Mérindol*. II, 1072–1075; *Ex insula lux*. P. 53–55.

№ 20.

Lat. Q. v. IX. 2

XI в., Франция.

Пергамен, II + 8 лл. + I' (л. 8лиц. – чистый), 175 × 132 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный розовой бумагой, уголки и корешок из красного сафьяна. Раннеготическое письмо, л. 8об. – готический курсив. Маленькие красные инициалы, рисунки чернилами, красной и желтой краской. На л. II оглавление рукой Дубровского: «Ordo et positio stellarum XI-imi saeculi».

л. 1–8:

~ *De ordine ac positione stellarum in signis*.

загл. (на верхнем поле, рукой П.П. Дубровского): «Ordo et positio Stellarum. Saec. XI-imi».

inc.: «Est quidem hic ordo et posicio siderum que fixa celo...».

expl.: «... descriptio in medium huiusmodi proferatur» (изд.: *Commentariorum in Aratum reliquiae...* rec. E. Maass. Berolini, 1898. P. 312).

~ PS. BEDA, *De signis coeli*.

inc.: «Helix id est arcturus maior...».

expl.: «... anticanis habet stellas III subtus geminos quarum una splendidiorem ceteris et ideo anticanis uocatur quot contraria sit cani» (изд.: *Commentariorum in Aratum reliquiae...* rec. E. Maass. Berolini, 1898. P. 582–594; PL. Vol. 90. Col. 945–948).

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 1, 7об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 119; *Staerk*. I, 240–242, II, pl. LXXXI–LXXXVII; *Deslandres Y.* Les manuscrits décorés au XIe siècle a Saint-Germain-des-Prés par Ingelard // *Scriptorium*. 1955. 9. P. 11; *Vieillard-Troiekouff M.* Art carolingien et art roman parisiens. Les illustrations astrologiques jointes aux Chroniques de Saint-Denis et de Saint-Germain-de-Pres (IXe–XIe siècles) // *Cahiers archéologiques*. 1966. 16. P. 81, 82, 88, 91, 92.

№ 21.

(non uidi)

Lat. Q. v. XIV. 6

1455 г., Италия, писец Petrus de Rubeis.

Пергамен, 24 лл., 193 × 140 мм. Гуманистическое книжное письмо. Большой золотой инициал на л. 1, малый синий инициал на л. 2об.

л. 1–24: BAEBIVS ITALICVS, *Ilias latina*.

без загл.

inc.: «Iram pande mihi Pelide diua superbi...» (изд.: *Baebii Italici Ilias latina... a cura di M. Scaffai. 2ed. Bologna, 1997; Poetae latini minores ed. F. Vollmer. Vol. II. Fasc. 3. Lipsiae: Teubner, 1913*).

(колофон:) «Petrus de Rubeis de quadraginta hunc libellum accropiauit die uigesimono nono martii 1455 indictione tertia».

История рукописи. XX в. – собрание В.Ф. Груздева; с 1959 г. – ГПБ.**Библиография.** *Бернадская* (2). № 17.

№ 22.

Cl. lat. O. 2

Начало XV в., Западная Украина (?).

Бумага (филиграни: Br. № 3053: 1359 г.; Br. № 3847: 1368 г.; Br. № 7331: 1373 г.), П + 30 лл. + Г' (л. 29–30 – чистые), 213–223 × 143–150 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный розовой бумагой, уголки и корешок из красного сафьяна. Готический курсив, 26–32 строки. Малые инициалы чернилами на л. 1 и 20об. Маргинальные и интерлинейрные глоссы рукой писца. На л. II оглавление рукой П.П. Дубровского: «Homerium poema cum annotationibus ineditis XIII saec.».

л. 1–19: BAEBIVS ITALICVS, *Ilias latina*.

без загл.

inc. (text.): «Iram pande mihi Pelide diua superbi...» (изд.: *Baebii Italici Ilias latina... a cura di M. Scaffai. 2ed. Bologna, 1997; Poetae latini minores ed. F. Vollmer. Vol. II. Fasc. 3. Lipsiae: Teubner, 1913*).

(comment.) inc.: «Homerus fuit quidam [1 слово неразб.] qui multos annos descripsit gesta belli troyani...».

л. 20–28: ARISTOTELES (sp.), *Economica, recensio Durandi*.

без загл.

inc. (text.): «Iconomica et politica differunt non solum sicut domus et ciuitas haec enim subiecta sunt eis uerum etiam quod politica ex multis principibus quidem est yconomica uero monarchia...».

(commet.) inc.: «Iste liber cuius subiectus est homo felicitabilis...».

expl. (text.): «... ad omnes deos leges ac homines enim qui uitam habet et multum ad suam uxorem et filios et parentes» (изд.: *Aristotelis... de Republica libri octo Leonardo Aretino interprete... his accessere ipsius D. Thomae De regimine... Oeconomica etiam ex antiqua interpretatione, e duobus manuscriptis codicibus desumpta, ne perirent... sunt addita. Venetiis apud Iuntas, 1557/1558; см. также specimen uersionis в кн.: Aristoteles Latinus. Codices. Descripsit G. Lacombe. Pars prior. Roma, 1939. P. 166–167*).

(comm.) expl.: «... qui cuncta dispensat recte et iuste qui uiuit et regulat per infinita secula seculorum. Amen».

История рукописи. Первая часть рукописи («Илиада») написана той же рукой и на той же бумаге, что и рукопись Cl. lat. Q. 20 (№ 2). И.А. Залусский (?) (см. *Scaffai M. Tradizione manoscritta dell' Ilias latina*. P. 265); П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubowsky», нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. *Петрова*. С. 175–176; Aristoteles Latinus. Codices. Supplementa altera. Ed. L. Minio-Paluello. Bruges–Paris, 1961. P. 226; *Scaffai M. Tradizione manoscritta dell' «Ilias latina» // In verbis verum amare. Miscellanea dell'Istituto di filologia latina e medioevale dell'Universita di Bologna*. Firenze, 1980. P. 265.

MARCVS IVNIAN(I)VS IVSTINVS

№ 23.

Lat. Q. v. IV. 5

IX в., Италия (Верона).

Пергамен, I + 28 лл. + I' (первые два листа рукописи вырезаны; сигнатуры: IV (л. боб.), V (л. 14об.), VI (л. 22об.), VII (л. 28об.)), 198 × 140 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый красным сафьяном с золотым тиснением, форзацы из фиолетовой бумаги. Каролингский минускул, 23 строки. Малые инициалы чернилами. Маргинальные глоссы IX–X вв.

л. 1–11: IVSTINVS, *Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi, liber I* (рукопись Y, класс π в издании Ф. Рюля).

загл.: «Incipit liber de regno assiriorum».

л. 11–28об.: IVSTINVS, *Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi, liber II*.

загл.: «De scitharum regno».

expl. incompl.: «... se in regnum coegit» (2. 15. 20 – изд.: *Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi* ed. O. Seel. Lipsiae: Teubner, 1985).

История рукописи. Верона; Мец; до 1600 г. перевезен из Меца в парижский коллеж Клермон, где находился до 1763 г. Первоначально входил в состав сборника и составлял единое целое с рукописями Cl. Lat. Q. v. 9 (РНБ), Berol. Phill. 1885 (= 136) и Berol. Phill. 1896 (= 137) (Deutsche Staatsbibliothek), представляя тетради IV, V, VI, VII. Затем (до 1754 г.) в Клермоне первоначальный кодекс был разделен на две части: Clarom. № 680 (cat., p. 261) = Berol. Phill. 1885 (= 136), которая имела самостоятельный переплет уже в конце XVI – начале XVII в. и Clarom. № 627 (cat., p. 235) = Lat. Q. v. IV. 5 + Cl. lat. Q. v. 9 + Berol. Phill. 1896 (= 137), которая оставалась непереплетенной. После 1763 г., когда был распущен Орден иезуитов и его рукописи распродавались, первая, переплетенная часть первоначального кодекса была куплена Г. Меерманом в 1764 г., затем после его смерти в 1824 г. – Т. Филлипсом, затем приобретена Немецкой Гос. б-кой в Берлине, где и хранится по сей день (Clarom. № 680 = Meerm. 794 = Phill. 1885 = Berol. Phill. 1885 (= 136)). Вторая, непереплетенная часть первоначального кодекса была снова разделена на части: одна из них была куплена Меерманом, затем – Филлипсом, затем приобретена Немецкой Гос. б-кой в Берлине, где и хранится ныне (Clarom. № 627 = Meerm. 821 = Phill. 1896 = Berol. Phill. 1896 (= 137)); две другие части (Lat. Q. v. IV. 5 и Cl. lat. Q. v. 9 (№ 14 настоящего каталога)) были куплены П.П. Дубровским. П.П. Дубровский (л. 1, 28об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; л. I': «В сей книге перемеченных листов двадцать восемь. Франц Ласковской», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 64; *Добиаш*. II. С. 121–123; *Петрова*. С. 171; *Блескина О.Н.* Западноевропейские рукописи античных историков об Александре Македонском в фондах РНБ // *Западноевропейская культура в ру-*

копиях и книгах РНБ. СПб., 2001. С. 179–190; [Clément F.] *Catalogus manuscritorum codicum collegii claromontani. Parisiis, 1754.* P. 235, 261; *Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi* ed. F. Ruehl. Lipsiae, 1886 (рукопись Y, класс π); *Gillert.* VI, 507; *Die lateinischen Meerman-Handschriften des Sir Thomas Phillipps in der königlichen bibliothek zu Berlin* beschrieben von Valentin Rose. Berlin, 1892. S. 299–307 // *Verzeichniss der von der königlichen bibliothek zu Berlin erworbenen Meerman-Handschriften des Sir Thomas Phillipps*; *Staerk.* I, 129, pl. XIX; *Cessi R.* *Di due miscellanee storiche medioevali* // *Archivio muratoriano.* 1913. 13. P. 71, 72, 77; *Munk Olsen.* I, 545, III/2, 82–83; *Reynolds.* P. XXX, 198; *Dobiaš, Bachtine.* P. 90–91.

№ 24.

Cl. lat. Q. v. 13

Середина XV в., Италия.

Пергамен, 363 лл. + I' (л. I' оборван, у л. 128 срезан угол), 234 × 148 мм. Переплет, современный рукописи – доски, обтянутые темно-коричневой кожей с орнаментированным тиснением, золотой обрез, корешок утрачен. Гуманистическое книжное письмо, несколько почерков, 25 строк. На л. 1 большой золотой инициал на фоне плетенки с растительным орнаментом с бордюром, bianchi girari, с изображением птиц, путти, внизу медальон для герба. Малые синие инициалы.

л. 1–363: *IVSTINVS, Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi.*

загл. (др. рукой черными чернилами): «Iustini Historia ex Trogo Pompeo».

expl.: «... in formam prouinciae redegerit. Laus Deo. Finis» (изд.: *Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi* ed. O. Seel. Lipsiae: Teubner, 1985).

История рукописи. Куплена библиотекой в 1862 г. (см.: Отчет ПБ за 1862 г. С. 57).

Библиография: *Бернадская.* № 43; *Бернадская (2).* № 22; *Петрова.* С. 171; *Блескина.* *Западноевропейские рукописи...* С. 179–190.

№ 25.

Cl. lat. F. 2

1504 г., Нидерланды.

Бумага (филигрань: Вг. № 11421–11423: 1483–1496 гг.), I + 83 лл. + П', 276 × 206 мм. Переплет начала XIX в. – картон, обтянутый коричневым сафьяном с золотой тисненой рамкой, форзацы из мраморной бумаги. Индивидуальный почерк, 32 строки, 2 столбца. Большие красные инициалы. Маргинальные пометы рукой писца.

л. 1–83: *IVSTINVS, Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi.*

(praef.) загл.: «Iustini historici clarissimi in Trogi Pompei historias Exordium».

(text.) загл.: «Iustini historici in Pompei Trogi historias liber primus».

expl.: «... In formam prouinciae redegit. Iustini historici Viri Clarissimi Epithomatum in Trogi Pompeii Historias liber quadragesimus quartus et ultimus feliciter finit. Anno domini 1504» (изд.: *Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi* ed. O. Seel. Lipsiae: Teubner, 1985).

История рукописи. П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена; на л. 83об. – штамп «Bibliotheca Suchtelen»).

Библиография: *Петрова.* С. 171; *Блескина.* *Западноевропейские рукописи...* С. 179–190.

№ 26.

Cl. lat. O. v. 5

1478 г., Венеция, писец Marcus de Cribellariis (колофон на л. 84об.).

Пергамен, I + 84 лл. + IV', 166 × 115 мм. Переплет, современный рукописи, – доски, обтянутые темно-коричневой кожей с золотым тиснением, золотой обрез. Мелкое гуманистическое книжное письмо с элементами курсива. Золотые инициалы на зеленом и синем фоне; на л. 1 рамка из античных ваз и медальонов, выполненная красной, золотой и синей красками.

л. 1–84об.: IUVENALIS, *Saturae* (I–XVI).

загл.: «Iunii Iuuenalis Aquinatis Satyra prima».

нет деления на книги, у каждой сатиры заглавие: «Satyra prima» и т.д., сатиры XV и XVI переставлены.

expl.: «... non omne legumen» (изд.: Iuuenalis saturae ed. J. Willis. Lipsiae: Teubner, 1997).

(колофон:) «Explicit opus Iuuenalis Aquinatis feliciter emendatum per M. M. A. S. M. Marcus de Cribellariis Ciuis Vincentiae scripsit 1478 die XXVI mensis Maii Venecii» (ср. Colophons de manuscrits occidentaux des origins au XVIe siecle. Fribourg, 1965. T. IV. № 12960–12964, 13006).

История рукописи. Сен-Жермен-де-Пре (л. I: «N 24»); П.П. Дубровский (л. 1об., 84об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; л. 85: «В сей книге перемеченных листов во семьдесят четыре. Франц Ласковской»); с 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 41; *Бернадская* (2). № 19; *Петрова*. С. 174; *Конелевич Ю.Х.* Поздние сатиры Ювенала. Автореферат. Л., 1955. С. 15.

TITVS LIVIVS

№ 27.

Cl. lat. F. v. 2

Вторая половина XV в., Италия.

Пергамен, II + 463 лл. + III' (л. 177об., 178лиц., 342 – чистые; сигнатуры в правом нижнем углу; в правом верхнем углу – номер книги в декаде), 320 × 228 мм. Переплет XVII в. – картон, обтянутый пергаменом, на корешке надпись Titus Livius, на верхней крышке переплета эпиграмма рукой П.П. Дубровского (ср. Mart. Ep. 14, 190). Гуманистическое книжное письмо с элементами курсива, несколько почерков, 34–35 строк, 2 столбца. Цветные инициалы на золотом фоне; бордюры с животным и растительным орнаментом, путти и солнышками; пейзажи; рубрики золотом; на л. 2 миниатюра с изображением ученого за работой. На л. 1 аннотация П.П. Дубровского, излагающая историю рукописи.

л. 2–463: LIVIVS, *Ab urbe condita*.~ л. 2–177: *Decas I*.

загл.: «Titi Liuii patauni ab urbe condita liber primus incipit».

~ л. 178об.–342об.: *Decas III*.

загл.: «Titi Liuii patauni de secundo bello punico liber primus incipit».

~ л. 344–463: *Decas IV* (XXXI–XXXII, XXXIV–XL. 37. 3).

загл.: «Titi Liuii patauni de bello Macedonico liber primus inceptus».

expl.: «... decem uiri supplicationem in biduum valitudinis causa et per omnia fora conciliabulaque edixerunt» (XL. 37. 3 – изд. Titi Liui ab urbe condita libri XXXI–XL ed. J. Briscoe. T. I–II. Lipsiae: Teubner, 1991).

История рукописи. П.П. Дубровский излагает историю рукописи следующим образом (аннот. на л. 1): XVI в. – библиотека Медичи; аббатство Сен-Дени (в действительности рукопись не принадлежала Сен-Дени (см. библиогр.)); библиотека Марии Люксембургской в Вандоме; конец XVI – начало XVIII в. – рукопись переходила из рук в руки (на внутренней стороне верхней крышки переплета запись одного из владельцев: «181. Non sine numine. Laurentius Bochellus Crespeiensis Valesius et in suprema Paris. Curia aduocatus hunc librum habui ex Bibliotheca Vindocinensi Mariae Luxemburgiae Anno D. 1588»). С 1750 г. – маркиз де Польми; Кур де Жебелен; Ж.-Ж. Руссо. С 1779 г. – П.П. Дубровский (л. 2, 177об., 178, 179, 342об, 344, 463об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky», л. 463об.: «В сей книге перемеченных листов четыреста шестьдесят один. Библиотекарь В. Двигубский»); с 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 38; *Бернадская (2)*. № 14; *Петрова*. С. 174–175; *Laborde*. II, 112–113; *Gille*. P. 77–78; *Люблинский В.С.* Жан-Жак Руссо // Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков из ленинградских собраний. М.–Л., 1960. С. 127–128; *Люблинская*. С. 189, табл. 52; *Nebbiai-Dalla Guarda D.* La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Denis en France du IXe au XVIIIe siècle. Paris, 1985. P. 322 («manuscripts examinés et rejetés»); *Reeve M.* The third decade of Livy in Italy: the family of the Puteanus // RFIС. 1987. 115. P. 132–133; *Franchis M. de.* Le livre 30 de Tite-Live et la double tradition des livres 26 à 30 // *Revue de philologique*. 2000. 74. P. 38.

AMBROSIVS THEODOSIVS MACROBIVS

№ 28.

Lat. Q. v. XVII. 3

X–XI вв., Франция.

Пергамен, 2 лл., 245 × 190 мм. Переплет отсутствует. Каролингский минускул. Рисунки чернилами с использованием желтой, синей, фиолетовой, оранжевой и зеленой красок.

л. 1: MACROBIVS, *Mappa mundi (Commentarii in Somnium Scipionis 2. 5. 13; 2. 6. 2)* без загл.

(текст): «Arctica. S. / Refusio oceani ab occidente in septentrionem / Refusio oceani ab oriente in austrum / Refusio oceani ab occidente in austrum / Refusio oceani ab oriente in austrum / (zonae:) Septentrionalis frigida inhabitabilis / Orcades / Temperata nostra / Mare Caspium / Perusta zona / Mare Rubrum / Mare Indicum / Perusta zona / Temperata antipodum / Frigida australis inhabitabilis / Antarctica. A.» (cp. Paris, B.N.F., lat. 6371, fol. 20v (XI s.) (воспроизведение см. *Gautier Dalché P.* *Mappe mundi antérieures au XIIIe siècle dans les manuscrits latins de la Bibliothèque Nationale de France // Scriptorium*. 1998. 52. Pl. 26, p. 121–122) – изд. карты без текста: *Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis ed. I. Willis. Lipsiae: Teubner, 1970. P. 165).*

л. 1об.: *Rota uentorum* (текст: ISIDORVS HISPALENSIS EPISCOPVS, *De rerum natura 37, 1–4).*

без загл.

(текст): «Septentrio / Oriens / Meridies / Occidens / Cosmos / (uenti:) Ventorum primus cardinalis septentrio qui et aparthias frigidus et niualis. Flat rectus ab axe facit aridas et siccas nubes. / Aquilo uentus qui et boreas ex alto flans et sine pluua quia non discutit nubes sed constringit. / Vulturinus qui et caetias uocatur dextera subsolani hic dissoluit cuncta atque siccat. / Secundus cardinalis subsolanus qui et apeliotes hic et ab ortu intonat

et est temperatus et flat ab ortu solis. / Eurus ex sinistro latere ueniens subsolani orientem nubilus irrigat. Eurus eo quod ab eo flat id est ab oriente. / Euro Auster calidus a dextris intonat austri. Euro Auster dicitur eo quod una parte habeat eurus et altera austrum. / Tertius cardinalis uentus auster qui et nothus plage meridiane humidus ac fulminosus generans largos imbres et solis florem. / Euro nothus uentus temperatus et calidus a sinistra austri spirat. / Africus ex parte dextra Zephyri intonans generat tempestates et pluuias et nubium collisiones et tonitrua et fulgura et fulminum impulsus. / Quartus cardinalis Zephyrus qui et fauonius ab occidente interiore flat hic in hieme frigus relaxat florem producit. / Chorus qui et argestes ex sinistra parte fauonii spirans eo flante in oriente nebulas indicat serenas. / Circius qui et tracias hic a dextris septentrionis intonat et facit nubes et grandinum coagulationes. Circius eo quod choro sit iunctus» (cp. Paris, B.N.F., lat. 5543, fol. 136v (IX s., Fleury) (воспроизведение см. *Gautier Dalché P.* Mappae mundi antérieures au XIIIe siècle dans les manuscrits latins de la Bibliothèque Nationale de France // *Scriptorium.* 1998. 52. Pl. 23, p. 117); Bern, Burgerbibliothek, MS 212 / I, fol. 109r (воспроизведение см. *Obrist B.* Wind Diagrams and Medieval Cosmology // *Speculum.* 1997. 72 [№ 1]. P. 50)).

л. 2: *Imagines uirtutum.*

без загл.

(текст): «Prudentia / Temperantia / Fortitudo / Iustitia».

л. 2об.: *Fragmentum tractatus cuiusdam musici.*

Библиография. Латинские рукописи. № 92; *Рамм Б.Я.* Новонайденный ленинградский экземпляр макробиевой карты и его научное значение // *Ученые записки ЛГУ. Серия историч. наук.* 1951. Вып. 130. С. 250–270; *Рамм Б.Я.* Неизвестная средневековая миниатюра с изображением «Добродетелей» // *Средние века.* 1966. Вып. 29. С. 221–227; *Thibaut.* P. 99–100.

MARTIANVS CAPELLA

№ 29.

Cl. lat. F. v. 10

X в., Франция (Корби).

Пергамен, I + 62 лл. (в рукописи 9 тетрадей, еще 5 тетрадей утеряны, их объему соответствуют лакуны в тексте после 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 7-й сохранившихся тетрадей), 264 × 198 мм (л. 1–8), 275 × 224 мм (л. 9–62). Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый оранжевым бархатом со слепым тиснением, форзацы из оранжевой бумаги. Каролингский минускул, несколько почерков, 20 строк (л. 1–8), 28 строк (л. 9–62), 1–2 столбца (стихотворный текст в 2 столбца). Малые инициалы чернилами. Интерлинейные глоссы на л. 1–34. На л. I аннотация П.П. Дубровского: «L' Auteur de cet ouvrage étoit Proconsul Africain de naissance: il vivait vers la fin du 5me siècle...—... Ce Mss. du VIIIe ou IXme siècle...—... il vient originairement de la fameuse et antique abbaye de St. Pierre de Corbie et en dernier lieu de l'abbaye de St. Germain des Près de Paris, ruiné dans la dernière Révolution. Paris 1971. Pierre Doubrowsky».

л. 1–62об.: MARTIANVS CAPELLA, *De nuptiis Philologiae et Mercurii* (28–1000 с лакунами – рукопись P (№ 12) в издании Дж. Виллиса).

без загл.

~ л. 1–8об. (1-я тетрадь): 28–97.

inc. mutil.: « // sed scandente foebo musarum pedissecus adherensque comitatus ...» (28).

expl.: «sedes proprias cursusque repetiuit. Martiani Minei Felicis Capelle liber I explicet. Incipit liber II feliciter» (97).

утрачена одна тетрадь, в тексте лакуна: 98–200.

~ л. 9–14об. (2-я тетрадь): 200–292.

inc. mutil.: « // post labores maximos recreati paululum conquerunt. Ipsa quippe Philologia lectica desiliens...» (200).

expl. imperf.: «... item Anio que in sua declinatione unica sunt et sine exemplis // « (292).

утрачена одна тетрадь, в тексте лакуна: 292–326.

~ л. 15–28об. (3-я тетрадь): 327–449.

загл.: «Incipit de arte dialectica liber IV».

inc.: «Naec quoque contortis stringens effamina nodis...» (327).

expl. imperf.: «... sed illud potius dicendum: murum ascendisti ut si negauerit non sit pugna // » (449).

утрачена одна тетрадь, в тексте лакуна: 449–566.

~ л. 29–34об. (4-я тетрадь): 567–658.

без загл.

inc.: «Virgo armata decens rerum sapientia Pallas...» (567).

expl. imperf.: «... deinde promuntoria contraria ceronessin (*sic*) in quo terminatur // » (658).

утрачена одна тетрадь, в тексте лакуна: 658–724.

~ л. 35–50об. (5-я, 6-я, 7-я тетради): 725–848.

загл.: «Incipit de arithmetica liber VII feliciter».

inc.: «Postquam conticuit prudens premensio terrae...» (725).

expl. imperf.: «... aequalibus respondere. Verum hac quaestione summtota // » (848).

утрачена одна тетрадь, в тексте лакуна: 848–887.

~ л. 51–62об. (8-я, 9-я тетради): 888–1000.

загл.: «Incipit de musica liber nonus feliciter».

inc.: «Iam facibus lassos spectans marcentibus ignes...».

expl.: «... secute nugis ignosce lectitans» (изд.: Martianus Capella ed. J. Willis. Lipsiae: Teubner, 1983).

История рукописи. Корби (л. 1, верхнее поле: «Martianus Capella liber S. Petri Corbeiensis»); Сен-Жермен-де-Пре (л. 1, нижнее поле: «529», л. I: «hic continentur... – ... de Musica liber nonus»); П.П. Дубровский (л. 1, 62: «Ex Museo Petri Dubrowsky», на форзаце: «В сей книге перемеченных листов шестьдесят два. Библиотекарь А. Красовский», его же нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Латинские рукописи. № 84; *Петрова*. С. 171–172; *Staerk*. I, 220–222; *Thibaut*. P. 95–97; *Dobiasz*. Corbie. P. 105; *Mérindol*. II, 1050–1052; *Leonardi C.* I codici di Marziano Capella // *Aevum*. 1960. 34. P. 69–70, рукопись № 92; *Preaux J.* Les manuscrits principaux du «De nuptiis Philologiae et Mercurii» de Martianus Capella // *Lettres latines du Moyen Age et de la Renaissance*. Bruxelles, 1978. P. 79, 121, 123; *Martianus Capella* ed. J. Willis. Lipsiae: Teubner, 1983. P. XIV; *Ganz D.* Corbie in the Carolingian Renaissance. Sigmaringen, 1990. P. 154–155.

NONIVS MARCELLVS

№ 30.

Lat. O. v. XVI. 2

XIII–XIV вв., Франция.

Пергамен, V + 8 лл. + V' (одна тетрадь, на л. 8об. реклама «incipiunt»), 170 × 125 мм.

Переплет начала XIX в. – картон, оклеенный крапчатой светло-коричневой бу-

магой, корешок из светло-коричневой кожи. Мелкое готическое письмо, 36 строк, 3 столбца (л. 1), 4 столбца (л. 2), 1 столбец (л. 2об.–8).

л. 1–2: *Glossae Graecolatinae*.

praef. (текст:) «Noscere multa uolens nostris aduescito scriptis

Plurima de priscis releges incognita libris

Balnea propolas tentoria templa theatra

lunge precor quid sim propola nescius errat

Incipiunt glose de grecis nominibus».

inc.: «Achataletus – incomprehensibilis / Acephalos – sine capite...».

expl.: «... Eous – aurora, lux, stella, sol» (изд.: *Corpus glossariorum Latinorum* rec. G. Goetz. Vol. II: *Glossae latinograecae et Graecolatinae*. Lipsiae et Berolini, 1888).

л. 2об.–8: NONIVS MARCELLVS, *De compendiosa doctrina* (извлечения).

загл.: «Incipit de honestis et nouis ueterum dictis ex libris Noni Marcelli».

inc. «Appendix dicitur quod alii est adiunctum quia ex alio aliquid pendat M. Tullius in Ortensio: uidit enim quod...» (42).

expl.: «... Ligurrire degustare unde abligurrire multa auide consumere Horatius semessos pisces tepidumque ligurrierat ius Catullus priapo de meo ligurrire libido est» (134 – изд.: *Nonii Marcelli de compendiosa doctrina libros XX* ed. W.M. Lindsay. Vol. I–III. Lipsiae: Teubner, 1903).

История рукописи. П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена).

AVLVVS PERSIVS

№ 31.

Cl. lat. Q. 23

Середина XV в., Италия.

Бумага (филигрань: Zonghi № 756: 1415 г.), II + 16 лл. + I', 212 × 148 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный розовой бумагой, уголки и корешок из красного сафьяна. Гуманистический курсив, несколько почерков, 21 строка. Большой золотой инициал на цветном фоне с растительным орнаментом, малые синие инициалы. Оглавление рукой Дубровского: «Auli Persii Satyrae XV-mi saec.» (л. II), «Persii Satyrae» (л. 1).

л. 1–16: PERSIVS, *Saturae* (prologus, sat. I–VI).

загл.: «Aulii Persii uulterani satirae liber incipit».

каждая сатира имеет заглавие, пролог называется первой сатирой, первая сатира обозначена как «satyra secunda» и т.д.

expl.: «... tui finitor acerui. Laus deo Amen. Aulii Persii Claudii Vulterani Satyrarum liber explicit» (изд.: *A. Persii Flacci et I. Iuni Iuuenalis saturae* ed. W.V. Clausen. Oxonii, 1992).

История рукописи. Сен-Жермен-де-Пре (?); П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; нет записи о проверке); с 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 40; *Бернадская* (2). № 16; *Петрова*. С. 174.

GAIVS PLINIUS CAECILIUS SECVNDVS

№ 32.

Cl. lat. Q. 4

XV в., Италия.

Бумага (филигрань: Br. № 8439–8440: 1445–1451 гг.), I + 140 лл. + I', 230 × 163 мм. Переплет начала XIX в. – картон, обтянутый коричневым сафьяном. Крупный гуманистический курсив, 30 строк. Большой красный инициал с линейным орнаментом на л. 1, малые инициалы красными чернилами. Маргинальные глоссы. л. 1–2: IOHANNES MANSIONARIVS, Veronensis, *Breuis annotatio de duobus Pliniis Veronensibus*.

загл.: «Breuis adnotatio de duobus Pliniis Veronensibus oratoribus ex multis hinc collecta per Johannem Mansionarium Veronensem».

inc.: «Plini duo fuisse noscuntur eodem nomine...».

expl.: «... que superius memorauit diligens lector inueniet. Finis adnotationis feliciter» (изд.: Merrill E.T. On the eight-book tradition of Pliny's «letters» in Verona // *Class. philol.* 1910. 5. P. 175–186).

л. 2об.–118: PLINIVS minor, *Epistulae* (I–VII, IX – рукопись класса 8 книг).

загл.: «Caii Plinii Secundi epistolarum liber primus incipit feliciter».

отсутствуют книги VIII и X, книга IX имеет номер «VIII».

expl.: «... de nocte prandium (*sic*) acquirunt. Vale. Caii Plinii Secundi Veronensis epistolarum liber octauus ac ultimus explicit» (изд.: Plini Secundi epistularum libri nouem. *Epistularum ad Traianum liber. Panegyricus* edd. M. Schuster et R. Hanslik. Lipsiae: Teubner, 1958 (= 1992)).

л. 118об.–140: AVRELIVS VICTOR, *De uiris illustribus Urbis Romae*.

загл.: «Caii Plinii Secundi Veronensis de uiris illustribus ornatissimus libellus incipit quem lege feliciter. De Proca rege Albanorum et filiis eius».

expl.: «... odoribus cremandum curauit. Finis» (изд.: Aurelii Victoris de Caesaribus liber ed. F. Pichlmayr. Lipsiae: Teubner, 1911 (=1993)).

История рукописи. П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена); с 1836 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 42; *Бернадская (2)*. № 21; *Петрова*. С. 174; *Kristeller P.O. Iter italicum*. Vol. V. P. 192.

PRISCIANVS

№ 33.

(non uidi).

Cl. lat. F. v. 7

IX в., Франция (Корби).

Конволют из двух рукописей. Пергамен, 124 лл. (при переплете нарушен порядок листов), 295 × 225 мм (рукопись 1), 245 × 190 мм (рукопись 2). Переплет XVII в. – доски, обтянутые кожей (*Dobiaš. Corbie*. P. 160). Каролингский минускул, несколько почерков, 34 строки, 2 столбца. Маргинальные глоссы.

Рукопись 1 (л. 1–40):

л. 1–10, 34об.–40: PS. AVGVSTINVS, *De cathgoriis Aristotelis*.

л. 10об.–18: PS. AVGVSTINVS, *Principia dialecticae*.

л. 19–34: BOETHIVS, *Interpretatio Porphyrii Isagogae ad Aristotelis Categorias* (извлечения).

Рукопись 2 (л. 41–124):

л. 41–124об.: PRISCIANVS, *Institutiones grammaticae* (II–XV с лакуной).

без загл.

~ л. 41–43об.: II, p. 76, 5 – II, p. 91, 21.

inc. mutil.: « // et quia diximus diuersas in his esse...» (H. Keil, op. cit. infra, II, p. 76, 5).

expl.: « ... de his quae componuntur a uerbo facio» (H. Keil, op. cit. infra, II, p. 91, 21).

в тексте лакуна: II, p. 91, 21 – II, p. 104, 4.

~ л. 44–124: II, p. 104, 4 – III, p. 62, 27.

inc.: «et neutri generis maius...» (H. Keil, op. cit. infra, III, p. 104, 4).

expl.: «... par(ticipiis)» (III, p. 62, 27 – изд.: Grammatici Latini rec. H. Keil. Vol. II–III. Lipsiae, 1857–1880).

История рукописи. В Корби находился в одном переплете с кодексом Lat. Q. v. XIV. 1 (Латинские рукописи. № 36). Корби (л. 1об.: «liber S. Petri Corbeiensis»); Сен-Жермен-де-Пре; П.П. Дубровский (л. 1, 40, 41, 124: «Ex Museo Petri Dubrowsky»). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Латинские рукописи. № 68; *Staerk*. I, 127–128; *Dobiaš*. Corbie. P. 160–161; *Mérindol*. II, 1082–1085; *Aristoteles latinus*. Codices. Suppl. P. 173, № 1698; *Gibson M.* Priscian, Institutiones grammaticae. A Handlist of Manuscripts // *Scriptorium*. 1972. 26. P. 113; *Passalacqua M.* I codici di Prisciano. Roma, 1978. P. 132, рукопись № 298; *Ballaira G.* Per il catalogo dei codici di Prisciano. Torino, 1982. P. 256–257, рукопись № 298*.

№ 34.

Lat. O. v. XVI. 1

Первая половина X в., Англия.

Пергамен, I + 16 лл. + I' (старая пагинация: 121–136), 232–240 × 153 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый красным сафьяном с золотым тиснением. Англо-саксонский минускул (л. 1–15), каролингский минускул (л. 15об.–16об.), 22–25 строк. Инициалы с линейным орнаментом.

л. 1–15: PRISCIANVS, *Institutio de nomine, pronomine et uerbo*.

без загл.

inc.: «Omnia nomina quibus latina utitur eloquentia...».

expl.: «... in tribus libris quos de uerbo scripsimus latius deserendum esse inuenies» (изд.: Grammatici Latini rec. H. Keil. Lipsiae, 1857–1880. Vol. III. P. 443, 3 – p. 456, 37).

л. 15об.: *Scripta liturgica*.

л. 16–16об.: *Sequentiae*.

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsky», л. 16: «В сей книге перемеченных листов шестнадцать. Библиотекарь В. Двигубский»). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Латинские рукописи. № 83; *Петрова*. С. 171; *Mérindol*. II, 983–986; *Gneuss H.* A preliminary list of manuscripts written or owned in England up to 1100 // *Anglo-Saxon England*. 1980. 9. P. 53, № 844; *Jeudy C.* Nouveau complément à un catalogue récent des manuscrits de Priscien // *Scriptorium*. 1984. 38. P. 147–148; *Ker N.R.* Catalogue of manuscripts containing Anglo-Saxon. Oxf., 1990. P. 575, № 415; *Ex insula lux*. P. 56–57, pl. 17; *Prisciani Caesariensis opuscula*. Edizione critica a cura di M. Passalacqua. V. II. Roma, 1999. P. XXI.

№ 35.

Cl. lat. O. v. 7

XIII в., Франция.

Пергамен, 52 л. (у л. 49 оторвана нижняя половина), 202 × 138 мм. Переплет, современный рукописи, – доски, обтянутые светло-зеленой кожей с металлическими клепками в углах и в центре. Мелкое книжное готическое письмо, 33 строки. Красно-фиолетовые инициалы, бордюры с животно-растительным орнаментом. Глоссы, современные тексту и более поздние (XIV–XV вв.).

л. 1–52об.: PRISCIANVS, *Institutiones grammaticae*.

без загл.

inc. mutil.: «// Quoniam in ante expositis libris de partibus orationis in plerisque appollo-
nis (*sic*) auctoritate sumus secuti...» (Н. Keil, op. cit. infra, III, p. 107, 23).

expl. imperf.: «... Nec posse Italia tenerorum (*sic*) auertere gentem Cicero in V phi // »
(III, p. 277, 10 – изд.: *Grammatici Latini* rec. Н. Keil. Vol. III. Lipsiae, 1857–1880).

Библиография. Петрова. С. 175; Романова. С. 86, 144; Ballaira G. *Per il catalogo dei codici di Prisciano*, Torino, 1982. P. 63, рукопись № 36.

SEXTVS PROPERTIVS

№ 36.

Cl. lat. Q. 12

1463 г., Рим, писец Marianus de Magistris (Mariano dello Mastro, Мариан де Магистрис; колофоны на л. 76об., 113об.).

Бумага (филигрань: Br. № 5574: 1462 г.), I + 113 лл. + I' (не хватает одного листа в начале рукописи), 214 × 142 мм. Переплет начала XIX в. – картон, обтянутый красным сафьяном с орнаментированным тиснением и золотой рамкой, форзацы из мраморной бумаги, золотой обрез. Гуманистический курсив, 27 строк. Золотые инициалы в начале каждой книги и малые синие инициалы в начале каждой элегии. Глоссы на л. 1–39об. (к I и II книгам Проперция).

л. 1–76: PROPERTIVS, *Elegiae*.

без загл.

inc. mutil.: «// surgat et in solis formosius arbutus antris...» (I. 2. 11).

(л. 13об.) загл.: «Incipit secundus liber».

expl.: «... ossa uehantur aquis. Finis» (изд.: *Properti elegiarum libri IV* ed. P. Fedeli. Lipsiae: Teubner, 1994).

л. 76об.: *Monobibli etymologia*.

без загл.

inc.: « Propertii Aurelii Nautae Monobyblos ad Cynthiam aliosue liber quartus et postremus finit. Qui quidem dicitur Monobyblos...».

expl.: «... qui mihi iunctus erat» (изд.: J. Butrica, op. cit. infra, appendix, p. 335–339).

(колофон:) «Deo laus et honor. Scripsi ego Marianus de Magistris Romae anno MCCCCLXIII III Kalendis Martiis».

л. 77–113: TIBVLLVS, *Elegiae*.

загл. (другой рукой): «Albius Tibullus».

нет деления на книги; элегия II. 5 разделена на две элегии (новая элегия начинается с 39 стиха); III. 6 разделена на две элегии (новая с 33 стиха); IV. 2 переписана дважды: после III. 6. 64 и после IV. 11 (оба раза без интервала).

л. 113об.: DOMITIVS MARSVS, *Epitaphium Tibulli*.

загл.: «Epitaphium Tibulli».

inc.: «Te quoque Virgilio comitem...» (4 стиха – изд.: *Albii Tibulli aliorumque carmina* ed. G. Luck. Ed. altera, Stutgardiae et Lipsiae: Teubner, 1998. P. 111).

~ л. 113об.: *Vita Tibulli*.

inc.: «Albius Tibullus eques Romanus insignis forma ...».

expl.: «... epitaphium suprascriptum» (изд.: G. Luck, op. cit., p. 112).

(колофон:) «Scripsi ego Marianus de Magistris de Urbe. Anno Domini MCCCCLXIII Idibus Martiis Rome. Lege feliciter» (ср. *Colophons de manuscrits occidentaux des origines au XVIe siècle*. Fribourg, 1965. T. IV, № 13057, № 13061).

История рукописи. П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена); с 1836 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 36; *Бернадская (2)*. № 12; *Петрова*. С. 174; *Антонец Е.В., Надель Н.Н.* Место Петербургской рукописи Тибулла Cl. lat. Q. 12 (РНБ) в рукописной традиции // *Классическая филология и индоевропейское языкознание* II. СПб., 2000. С. 195–207; *Антонец Е.В.* Мариан де Магистрис (1441–1503) и маргиналии рукописи Cl. lat. Q. ch. 12 (РНБ) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 28. СПб., 2002. С. 220–234; *Bradley J.W.* A dictionary of miniaturists, illuminators, calligraphers and copyists. Vol. 2. New York, 1973. P. 246; *Bianca C.* Marianus de Magistris de Urbe. Citta del Vaticano, 1983; *Butrica J.L.* The manuscript tradition of Propertius. Univ. of Toronto Press, 1984. P. 112–114, 337 (рукопись № 49, p. 242); *Hausmann F.-R.* *Kontinuitat und Wandel: Franco Munari zum 65. Geburtstag*, Berlin, 1986. P. 621; *Albii Tibulli aliorumque carmina* ed. G. Luck. Ed. altera, Stutgardiae et Lipsiae: Teubner, 1998. P. XXXVII.

№ 37.

Cl. lat. Q. v. 3

Середина XV в., Италия.

Пергамен, 52 лл. + I' (в тексте 4 лакуны, не хватает одного листа в начале рукописи и одной тетради в конце), 263 × 153 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского?) – картон, обтянутый коричневым сафьяном. Гуманистическое книжное письмо, несколько почерков, 30 строк. Красные и синие инициалы в начале каждой элегии.

л. 1–52об.: PROPERTIVS, *Elegiae* (I. 2. 19–IV. 6. 28 с лакунами).
без загл.

не хватает одного листа в начале, в тексте лакуна: I. 1. 1–I. 2. 18.

~ л. 1–1об.: I. 2. 19–I. 3. 42.

inc. mutil.: « // Nec frigium falso traxit candore maritum... » (I. 2. 19).

expl. imperf.: «... Rursus et orphee carmina fessa lyre // » (I. 3. 42).

пропущено 4 листа, в тексте лакуна: I. 3. 43–I. 10. 20.

~ л. 2–6об.: I. 10. 21–I. 19. 14.

inc. mutil.: « // Tu caue ne tristi cupias pugnare puellae... » (I. 10. 21).

элегия I. 12 не отделена от предыдущей.

expl. imperf.: «... Quas dedit argiuis dardana preda uiris // » (I. 19. 14).

пропущено 2 листа, в тексте лакуна: I. 19. 15–II. 1. 30.

~ л. 7–12об.: II. 1. 31–II. 10. 18.

inc. mutil.: « // Aut canerem egiptum et nilum cum tractus in urbem... » (II. 1. 31).

нет элегии II. 2, элегии II. 4 и II. 10 не отделены от предыдущих, элегия II. 7 разделена на две (1–12, 12–20).

expl. imperf.: «... Sentiat illa tuas post modo capta manus // » (II. 10. 18).

пропущено 2 листа, в тексте лакуна: II. 10. 19–II. 14. 16.

~ л. 13–48об.: II. 14. 17–IV. 2. 44.

inc. mutil.: « // Ante pedes cecis lucebat semita nobis » (II. 14. 17).

элегии II. 20 и II. 32 не отделены от предыдущих, элегия III. 11 разделена на четыре элегии (1–16, 17–20, 21–38, 39–72), элегия III. 15 разделена на две элегии (1–10, 11–46).

expl. imperf.: «... Me notat et iunco batsica (sic) uincta leui // » (IV. 2. 44).

пропущен 1 лист, в тексте лакуна: IV. 2. 45–IV. 3. 38.

~ л. 49–52об.: IV. 3. 39–IV. 6. 28.

inc. mutil.: « // Que tellus sit lenta gelu que putris ab estu...» (IV. 3. 39).

элегия IV. 6 разделена на две (1–10, 11–28).

expl. imperf.: «... nam tulit iratos mobilis unda notos // » (IV. 6. 28 – изд.: Properti elegiarum libri IV ed. P. Fedeli. Lipsiae: Teubner, 1994).

в конце не хватает 8 листов (= 1 тетрадь), в тексте лакуна: IV. 6. 29 – IV. 11. 102.

История рукописи. Сен-Жермен-де-Пре (?); П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; л. 52об.: «Ce manuscrit contient cinquante deux feuillets numerotés. L'abbé de Grandidieu», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу); с 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 37; *Бернадская (2)*. № 13; *Петрова*. С. 174; *Butrica J.L.* The manuscript tradition of Propertius. Univ. of Toronto Press, 1984 (рукопись № 50, р. 242–243).

PVBLILIVS SYRVS

№ 38.

Cl. lat. O. v. 6

XIII в., Франция, писец Hainricus Rieden (л. 1–17; колофон на л. 17).

Пергамен, II + 32 л. + I' (л. 17об., 29об.–32 – чистые), 160 × 116–119 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный розовой бумагой, корешок и уголки из красного сафьяна. Готический курсив, несколько почерков, 31 строка (л. 1–17), 39–42 строки (л. 18–20), 33 строки (л. 21–29), л. 26об.–29–2 столбца. Пометы на полях. Оглавление на л. II рукой Дубровского: «Auiani fabulae aesopicae XIII^{mi} saec.».

л. 1–9об.: AVIANVS, *Fabulae soluta oratione*.

загл.: «Incipiunt fabulae Auiani ciuis Romani» (на полях:) «De uerbis fallicibus (*sic*) mulieris non est credendum».

inc.: «Nota quod uerbis mulieris non est statim adhibendum unde recitat Auianus fabulam quot rustica quaedam...».

прозаическое изложение всех 42 басен Авиана.

л. 9об.–17: AESOPVS, *Fabulae*.

загл.: «Expliciunt fabulae auiani ciuis Romani et incipiunt fabulae Esopi. Prima de gallo». латинский перевод 30 басен из эзоповского сборника.

expl.: «Expliciunt fabulae esopi et cetera finito libro sit laus et gloria cristo Hainricus Rieden scripsit».

л. 18–25: *Passionis cuiusdam (X ?) fragmentum*.

без загл.

inc.: «Nec est uita eterna et tertio (?) XVII...».

expl.: «... non est comes hominis sed totius mundi, quantum in se est, ad quam sufficiens est passio X/10.11. ipse est [1-е слово неразб.] pro patribus nostris».

л. 25–26: *Enarrationis cuiusdam in Apocalypsin excerptum*.

без загл.

inc.: «Cantabant sancti canticum nouum. Ista est dicta in tres res: nobiles et ignobiles, malas et bonas, corruptibiles et incorruptibiles...».

expl.: «... quo potest cognoscere et uoluntas quo potest amare linguam per quam potest laudare sanctus dicitur quod isti cantabant canticum nouum et d(?)».

л. 26об.–29: PVBLILIVS SYRVS, *Sententiae* (извлечения).

без загл.

inc.: «Ab alio exspectes alteri quod feceris. Absentem ledit qui cum ebrio litigat...».

expl.: «... Utiles mores educatio et disciplina facit. Ut summum bonum occupemus [scr?...] pectus piget» (изд.: Publilii Syri mimi sententiae rec. G. Meyer. Lipsiae: Teubner, 1880).

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsly», л. 29: «Ce manuscrit contient vingt neuf feuillets numérotés. L'abbé de Grandidieu», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: Петрова. С. 176; Романова. С. 93, 145.

LVCIVS ANNAEVS SENECA

№ 39.

Cl. lat. O. 4

XV в., Франция.

Бумага (филигрань: Вг. № 14179: 1434 г. или Вг. № 14186: 1436 г.), I + 119 лл. + I', 205 × 140 мм. Переплет начала XIX в. – картон, оклеенный светло-коричневой бумагой, корешок из светло-коричневой кожи. Готический курсив, 18–20 строк. Красные инициалы. Комментарий и интерлинейные глоссы рукой писца.

л. 1–108об.: SENECA, *Epistolae ad Lucilium* (1–37; 53; 38–52; 54–56; ?; 59–82; 58; 83; ?; 85–88).

загл.: «Epistola prima de [1 слово срезано при переплете] temporis».

нет деления на книги; у каждого письма заглавие, подчеркнутое красным
inc. (text.): «Seneca Lucillio suo salutem. Ita fac mi lucilli uendica (*sic*) te tibi...» (изд.: L. Annaei Senecae Epistolae morales ad Lucilium ed. O. Hense. Lipsiae: Teubner, 1914).
(comment.) inc.: «suo discipulo [1 слово неразб.] iste est liber epistularum seneca ad Lucilium qui erat dilectus discipulus senecae...».

л. 109–119: ANONYMVS, *De quattuor uirtutibus*.

загл. (на верхнем поле): «Incipit Seneca de quattuor uirtutibus».

inc.: «Quattuor uirtutis species multorumque sapientium...».

История рукописи. Henricus Cromer (?) (записи на л. 1, нижнее поле и л. 119, нижнее поле) (ср. Colophons de manuscrits occidentaux des origines au XVIe siècle. Fribourg, 1965. Т. II, № 6513); П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена).

Библиография. Петрова. С. 175.

MAVRVS SERVIVS HONORATVS

№ 40.

Cl. lat. F. 1

Середина XV в., Италия.

Бумага (филигрань: Вг. № 1446–1448: 1440–60е годы), II + 278 лл. + I', 345 × 240 мм. Переплет начала XIX в. – картон, обтянутый светло-коричневой кожей с темным узорчатым тиснением. Гуманистическое книжное письмо, 42 строки. Большие многоцветные инициалы на золотом фоне с растительным орнаментом, солнышками и бордюрами из цветов.

л. 1–278: SERVIVS, *Commentarius in Vergilium*.

~ л. 1–208: *in Aeneidem*.

загл.: «Mauri Seruii Gramatici in Aeneidos primum librum comenta incipiunt. Lege diligenter».

expl.: «... sic Homerus. Mauri Seruii Gramatici ex Virgilio comenta in duodecimum et ultimum librum Aeneidos expliciunt».

~ л. 209–231: *in Eclogas seu Bucolica*.

загл.: «Mauri Seruui Gramatici comenta ex Virgilio in Bucolicis incipiunt. Lege diligenter». expl.: «... se uoluit esse principem in scribendis bucolicis. Mauri Seruui Gramatici ex Virgilio comenta in decimam et ultimam aeglogam expliciunt feliciter».

~ л. 232–278: *in Georgica*.

загл.: «Mauri Seruui Gramatici ex Virgilio comenta in primum librum georgicorum incipiunt feliciter et lege».

expl.: «... primum librum praeter hunc significat. Amen. θεω χαρισ αμην» (изд.: Seruui Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii rec. G. Thilo, H. Hagen. Lipsiae, 1881–1887. Vol. 1–3).

История рукописи. XVIII в. – Пьер Ренан (л. 1, верхнее поле: «Ex libris Petri Rhenani. Societatis [стерто 2 слова] ex donatione Domini Rhenani»); П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышке переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена, на л. 1 штамп «Bibliotheca Suchtelen»); с 1836 г. – ПБ.

Библиография: Боровский Я.М. Заметки к Сервию по рукописи ГПБ в Ленинграде // Доклады АН. 1928. Серия В. № 4–6. С. 103–108; Петрова. С. 173; Бернадская. № 45; Бернадская (2). № 24; Rand E.K. et al. Servianorum in Vergilii carmina commentariorum editionis Harvardianae volumen II. Lancaster, 1946. P. XX; Murgia C.E. Prolegomena to Servius 5. The Manuscripts. Berkeley, Los Angeles & Londres, 1975. P. 70 («Codices Not Inspected»).

PVBLIVS PAPINIVS STATIVS

№ 41.

(non uidi)

Lat. Q. v. XIV. 7

1454 г., Италия, писец Petrus de Rubeis.

Пергамен, 24 лл., 193 × 142 мм. Гуманистическое письмо. Большой золотой инициал на л. 1; герб на л. 1; малые красные и синие инициалы.

л. 1–24: STATIVS, Achilleis.

inc.: «Magnanimum eaciden formidatamque tonanti...».

expl.: «... et memini et meminisse iuuat scit caetera mater. Finis adest».

(колофон:) «Iste liber Stacii Achilleydos accopiatu fuit per me Petrum de Rubeis de quadraginta Venetigenam sub anno natiuitatis domini Jhesu Xpisti millesimo quadringentesimo quinquagesimo quarto, inditione secunda die uigesimo octauo mensis octobris».

История рукописи. XX в. – собрание В.Ф. Груздева; с 1983 г. – ГПБ.

Библиография. Бернадская (2). № 18.

QVINTVS AVRELIVS SYMMACHVS

№ 42.

Lat. O. v. XIV. 2

Конец XI – начало XII в., Франция.

Пергамен, II + 81 лл., 170 × 98 мм. Переплет XVIII в. – картон, обтянутый коричневым сафьяном с золотым тиснением, форзацы из мраморной бумаги, золотой обрез. Раннеготическое письмо, 27–28 строк. Красные инициалы, инициалы чернилами. Немногочисленные глоссы XVII–XVIII вв. На л. 1 оглавление рукой П.П. Дубровского: «Prudentii Opera poetica 11 mi saec.».

л. 2–23: PRVDENTIVS, *Apotheosis*.

л. 23–42 об.: PRVDENTIVS, *Hamartigenia*.

л. 42об.–80: PRVDENTIVS, *Contra Symmachum*.

загл.: «Explicit liber II Prydencii Amartigenia. Incipit contra Simmacum liber I».

(prae-f.) inc.: «Paulus praeco Dei qui fera gencium...».

expl.: «... quemque ducem belli sequitur uirtute (sic) sequatur. Finit liber prudencii contra Simmacum» (изд.: Q. Aurelii Symmachi quae supersunt ed. O. Seeck. Berlin, 1883 (MGH AA, I), p. 1–195).

История рукописи. Сен-Жермен-де-Пре ? (л. I: «N. 18» – Т.В. Луизова считает, что этот номер поставлен П.П. Дубровским); П.П. Дубровский (л. 2, 80об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky», л. 80об.: «Ce present manuscrit contient quartevingt un feuillets numerotes. L'abbé de Grandidieu»). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Луизова. С. 255–256; Латинские рукописи. № 139; *Staerk*. I, 295; *Gillert*. V, 613.

FLAVIVS VEGETIVS RENATVS

№ 43.

Cl. lat. Q. 13

XV в., Франция.

Бумага (филигрань: Br. № 5433: 1370 г.) и пергамен, I + 86 лл. + II' (л. 13, 24, 25, 38, 39, 52, 65, 66, 79, 80 – пергаменные; сигнатуры), 220 × 143 (бум.), 212 × 138 (перг.). Переплет реставрирован в XIX в. – доски, обтянутые коричневой замшей; металлические застежки, современные рукописи. Готический курсив, 22–24 строки. Красные инициалы с линейным орнаментом, рубрики.

л. 1–86: VEGETIVS, *Epitoma rei militaris*.

загл.: «Flauii Vegecii Renati uiri illustris comitis Constantinopolis Valentino Augusto Ephetoma institutorum rei militaris de Commentariis Catonis Traiani et Adriani Augustorum ac Frontini in libros III» (изд.: P. Flauii Vegetii epitoma rei militaris ed. A. Önnersfors. Lipsiae: Teubner, 1995).

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 1, 86: «Ex Museo Petri Dubrowsky», нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Петрова. С. 175.

PVBLIVS VERGILIVS MARO

№ 44.

Cl. lat. F. v. 18

IX в., Франция.

Пергамен, 1 л., 285 × 165 мм. Переплет отсутствует. Каролингский минускул, 36 строк.

л. 1: VERGILIVS, *Georgica* IV. 39–74.

История рукописи. Лист был наклеен на верхнюю крышку переплета рукописи Lat. F. v. I. 12. (Латинские рукописи. № 43).

Библиография. Латинские рукописи. № 69; *Gillert*. V, 248–249; *Munk Olsen*. III/2, 145.

№ 45.

Cl. lat. F. v. 16

XIII в., Франция.

Пергамен, I + 137 лл. + I' (у л. 137 часть отрезана; между форзацем и л. I вклеен бумажный лист с описанием рукописи), 247 × 127 мм. Переплет начала XIX в. –

картон, обтянутый зеленым сафьяном с золотым тиснением; форзацы из малиновой бумаги; золотой обрез. Мелкое готическое книжное письмо, 48 строк. Цветные инициалы, один (на л. 9об.) с золотом. Маргинальные и интерлинейрные глоссы рукой писца (на л. 25об.–43).

л. 1–9: VERGILIVS, *Bucolica*.

без загл.

expl.: «... ite capelle. Explicit (другой рукой:) bucolica».

л. 9об.: PS.OVIDIVS, *Argumentum georgicon* (Anthol. lat. 2, I).

без загл.

~ inc.: «Quid faciat letas segetes que sidera seruet...» (4 строки: AL 2, I; PLM IV, p. 444; Schaller, № 13463).

л. 9об.–32: VERGILIVS, *Georgica*.

без загл.

~ inc.: «Quid faciat letas segetes quo sidere terras (sic)...»

expl.: «... cecini sub tegmini fagi. Hic finiunt georgica Virgillii (другой рукой:) incipiunt eneida ut pateat (?)».

л. 32об.: *Varia*.

~ BASILIVS, *De XII libris Aeneidos* (Anthol. lat. 634).

без загл.

inc.: «Primus habet libicam ueniant ut troes in urbem...» (12 строк – Staerk, 287; AL 634; PLM IV, 151; Walther, № 14661; Schaller, № 12542).

~ PS. OVIDIVS, *Argumentum primi libri Aeneidis* (Anthol. lat. 1).

без загл.

inc.: «[E]neas primo libie depellitur horis...» (11 строк – PLM, IV, 176; AL 1; Walther, № 580; Schaller, № 363).

~ PS. VERGILIVS.

без загл.

«[I]lle ego qui quondam gracili modulatus auena...» (4 строки – Walther, № 8699; Schaller, № 7713; изд.: *Vitae Vergilianae antiquae*. Ed. C. Hardie. Editio altera. Oxonii, 1966. P. 16, 23).

~ *Glossae*.

inc.: «Unius ob noxam – In istis sermonibus unius alius ipsius naturaliter media produci-tur sillaba si suum opus est corripitur hac excusatione...».

л. 33–137: VERGILIVS, *Aeneis*.

без загл.

(comment.) inc.: «Arma instrumentum quo bellum fit ponitur pro bello sicut toga quoque ponitur pro pace quia ea utimur in pace. Metonymia est...».

expl. (text.): «... sub umbras. Explicit feliciter deo gratias» (изд.: P. Vergili Maronis opera post R. Sabbadini rec. M. Geymonat. Torino, 1973).

Библиография. Боровский Я.М. Заметки к Сервию по рукописи ГПБ в Ленинграде // Доклады АН. 1928. Серия В. № 4–6. С. 103–108; Петрова. С. 172–172; Киселева. Готич. курсив. С. 113; Романова. С. 86, 144.

№ 46.

Cl. lat. F. 8

Конец XV в.

Бумага (филигрань: Вр. № 9749: 1469 г.), I + 104 лл. + I' (л. 70об., 71, 72 лиц. – чистые), 281 × 218 мм. Переплет начала XIX в. – картон, обтянутый коричневым сафьяном. Готический курсив, 22 строки. Красные инициалы. Маргинальные и

интерлинейные глоссы рукой писца (на л. 73–104); пометы, рисунки, пробы пера рукой XVII в. по всей рукописи.

л. 1–19 об.: VERGILIVS, *Bucolica*.

без загл.

expl.: «... ite capelle. Virgilio Publii Maronis liber bucolicorum explicit amen deo gratias».

л. 20–70: VERGILIVS, *Georgica*.

без загл.

expl.: «...Virgilio maronis mantuani georgicorum liber quartus et ultimus explicit amen» (изд.: P. Vergili Maronis opera post R. Sabbadini rec. M. Geymonat. Torino, 1973).

л. 73–88 об.: PROBA, *Cento Vergilianus*.

без загл.

expl.: «... in regione nepotes. Explicit cento Probe. Deo gratias amen».

л. 89–104: PERSIVS, *Saturae*.

без загл.

expl.: «...tui finitor acerui. Explicit sexta persii satira. Deo gratias amen» (изд.: A. Persii Flacci et I. Iuni Iuuenalis saturae ed. W. V. Clausen. Oxonii, 1992).

История рукописи. Начало XVIII в. – Pierre Morisset (1683?–1737?) (л. 1: «Ce fuit livre... moy Pierre Morisset...») (о Pierre Morisset см. Catalogue chronologique des libraires et des libraires-imprimeurs de Paris. Chez Jean-Roch Lottin de S. Germain, Imprimeur-libraire. Paris, 1789; repr.: Amsterdam, 1969. P. 129, 173, 208, 210; Mellot J.-D., Queval E. Répertoire d'imprimeurs / libraires XVIe–XVIIIe siècle. Etat en 1995. P., 1997. P. 446, № 2803); П.К. Сухтелен (на внутренней стороне верхней крышки переплета наклеен экслибрис П.К. Сухтелена).

Библиография. Петрова. С. 173.

№ 47.

Cl. lat. O. 1

XVI в.

Бумага, I + 40 лл. + I', 208 × 138 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный розовой бумагой; уголки и корешок из красного сафьяна. Готический курсив, 9–12 строк. Большой черный инициал в начале рукописи. Маргинальные и интерлинейные глоссы рукой писца по всей рукописи. На л. 1 оглавление рукой П.П. Дубровского: «Valerii Flacci Argonauticon XVI saec.».

л. 3–40 об.: VERGILIVS, *Aeneis* (VII. 1–799).

без загл.

inc.: «Cum quoque litoribus nostris Aeneia nutrix...».

expl. incompl.: «Circaeumque iugum quis Iuppiter Anxurus aruis» (799 – изд.: P. Vergili Maronis opera post R. Sabbadini rec. M. Geymonat. Torino, 1973).

История рукописи. П.П. Дубровский (нет владельческой записи и пометы о проверке; принадлежность устанавливается по переплету). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Петрова. С. 173.

№ 48.

Cl. lat. O. 5

XVI в.

Бумага, 64 л. (л. 5 об., 6, 7, 8 лиц. – чистые; пагинация рукой писца: (стр.) 2–111 (на л. 9 об.–64)), 157 × 103 мм. Переплет конца XVIII в. – картон, обтянутый коричневым сафьяном, на корешке и на торцах крышек переплета золотое тиснение.

ние. Каллиграфический курсив, л. 1–5 (index) – 2 столбца. Комментарий рукой писца. На внутренней стороне верхней крышки переплета оглавление рукой П.П. Дубровского: «Publii Virgilii Maronis Bucolica cum commentariis ineditis anonymi XVI-mi saec. autographum».

л. 1–5: *Index*.

загл.: «Index rerum et uerborum uariorum. Numerus paginam indicat».

л. 9–64: VERGILIVS, *Bucolica*.

загл.: «Publii Virgilii Maronis Bucolica. Ecloga I cui nomen Tityrus».

(comment., л. 8об.–63об.) inc.: «Fagus arbor est glandifera cuius glandem omnium dulcissimam Plinius tradit, unde deriuatum faginus, a, um...».

(comment.) expl.: «... Epanodos qualis fuit Ecloga I fol. 9 vers. 11. Bucolicorum finis».

expl.: «... ite capellae. Bucolicorum finis» (изд.: P. Vergili Maronis opera post R. Sabbadini rec. M. Geymonat. Torino, 1973).

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 9, 64об.: «Ex Museo Petri Dubrowsky», нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Петрова. С. 173.

№ 49.

Cl. lat. Q. 27

XVI в.

Бумага, III + 28 лл. + XVIII', 203 × 155 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный синей бумагой, уголки и корешок из красного сафьяна. Несколько почерков, 19–28 строк. Маргинальные и интерлинейрные глоссы на л. 1–20об. (к тексту Вергилия).

л. 1–20 об: VERGILIVS, *Bucolica*.

загл.: «Publii Virgilii Maronis III Bucolicorum. Aegloga Prima inter locutores eius Tityrus».

expl.: «... ite capellae. Catastrophen eclogarum» (изд.: P. Vergili Maronis opera post R. Sabbadini rec. M. Geymonat. Torino, 1973).

л. 20об.–23об.: *Euangelia dominicalia* (извлечения).

л. 24–26об.: *Nouum Testamentum* (извлечения).

л. 27–28: GREGORIVS TIFERNAS, *Elegia in Hierusalem* (Bertalot, IHL, p. 142).

л. 28об.: DAMASVS, пара, *De laudibus Pauli apostoli*.

История рукописи. П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsky»; нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Петрова. С. 173.

PS. VERGILIVS

№ 50.

Lat. F. v. XIV. 1

Первая четверть IX в., Франция (Корби).

Пергамен, V + 145 лл. + V' (сигнатуры I–XVIII), 283 × 200 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, обтянутый красным сафьяном, инкрустированным темно-коричневыми, зелеными и светло-коричневыми вставками, с орнаментированным золотым тиснением и миниатюрами в медальонах; дублюры из темно-коричневой кожи с золотым тиснением; футляр из картона, обтянутого красной кожей с золотым тиснением. Корбийский минускул с элементами англосаксонского минускула, несколько почерков, 32–35 строк. Малые цветные инициалы (зеленая, желтая, оранжевая и коричневая краски). Оглавление

рукой П.П. Дубровского на л. 1b: «Fortunati et aliorum Veterum Poetarum Opera Poetica. Mss.: en Écriture Lombardique du VIIIme Siécle. Voyez Mabillon De re Diplomatica Editio Neapolitana tome 1er, pag. 368–369, N. 1; Traité de Diplomatie tome VI pag. 640, 1re col., N. 783 qui indique le vol. et les pag. de ses facsimilés».

л. 1об.: *Carmen acrostichon*.

л. 2–6об.: BONIFATIVS MOGVNTINVS, *Aenigmata*.

л. 6об.–105об.: VENANTIVS FORTVNATVS, *Carmina selecta, De uita S. Martini*.

л. 105об.–111: CYPRIANVS GALLVS, *De martyrio Maccabaeorum*.

л. 111об.–123: ALDHELMVS MALMESBVRIENSIS, *De uirginitate*.

л. 123–134: *Sylloge Centulensis*.

л. 134: ANGILBERTVS CENTVLENSIS, *Epitaphium s. Chaidoci confessoris*.

л. 134–139об.: ALDHELMVS SCHIREBVRNENSIS, *Aenigmata*.

л. 139об.–144: SYMPOSIVS SCHOLASTICVS, *Aenigmata* (Anthol. lat 286) (рукопись М (Petropolitanus) в издании А. Ризе 1894 г.).

л. 144–144 об: PS. VERGILIVS (Anthol. lat. 160) (рукопись Petropolitanus в издании А. Ризе 1894 г.).

загл.: «Nos uersus homerus de euandro fratre alexandri regis errante in silua et pugnante contra apum et draconem et inuenti sunt postea tres mortui».

(текст): «Anguis aper iuuenis pereunt ui uulnere morsu

Sus iacet extinctus serpens pede ille ueneno

Qui pede dum premitur subtrahit ille pedem» (изд.: *Anthologia latina. Pars prior: carmina in codicibus scripta recensuit A. Riese. Editio altera. Lipsiae: Teubner, 1894. Fasc. I. P. 148; Schaller, № 798; MGH AA IV 1, p. XII n. 20*).

л. 144об.:

~ *Anthol. lat. 950* (рукопись Petropolitanus издании А. Ризе 1906 г.).

загл.: «De diuerso usu hominem tres uersus».

(текст): «Mille hominum species set (sic) mille discolor usus

Velle suum cuique est nec uoto uiuitur uno

Dissimilis cunctis uox uultus uoluntas uita» (изд.: *Anthologia latina. Pars prior: carmina in codicibus scripta recensuit A. Riese. Editio altera. Lipsiae: Teubner, 1906. Fasc. II. P. 371*).

~ PS. VERGILIVS (*Anthol. lat. 256*) (рукопись Petropolitanus в издании А. Ризе 1894 г.).

загл.: «Virgilius hos duos uersiculos transmisit ad Cesarem cum esset foris et non mittebant eum intus ministri ignorantes quis esset».

(текст): «Nocte pluit tota redeunt spectacula mane

Diuis sum imperium tibi cum ioue caesar augustus» (2 строки – изд.: *Anthologia latina. Pars prior: carmina in codicibus scripta recensuit A. Riese. Editio altera. Lipsiae: Teubner, 1894. Fasc. I. P. 212; PLM, IV, p. 156; Walther, № 11887; Schaller, № 10279*).

~ *Оглавление рукописи в стихах* (той же рукой (X–XI вв.), что оглавление на л. 1b).

без загл.

inc.: «Iure sibi librum corbeia uendicat istum...»

expl.: «... Ultima uirgilium cecinisse docet proba christum» (13 строк).

История рукописи. Корби (X–XI вв. – оглавление на л. 1b (той же рукой, что стихотворное оглавление на л. 144об.): «Codex in quo uersus Fortunati de diuersis rebus / Et in eodem in laudes sanctae mariae liber I bis scriptus. Et de uita sancti martini libri IV / Et multa alia de diuersis rebus. Et de uirginitate laudanda in sanctis ueteris et noui testamenti / Et enigmata althelmi episcopi. Et simphosii scolastici. Et uersus

Probae»; XVII в. – л. 1b, верхнее поле: «*Liber sancti Petri corbeiensis*»); Сен-Жермен-де-Пре (л. 1a: «*Nic habetur / Multa Fortunati carmina aliaque auctoris incerti de uirtutibus et uitiis / De laude sanctae Mariae / Libri quattuor de uita S. Martini / S. Aldehelmi carmen de Virginitate aliquorum ss. Veteris et Noui Nestamenti / Eiusdem Epitaphia itemque Simphosii Scholastici / Versus Probae de Christo auulsi sunt ex codice*»; л. 1a, 143об.: «N. 398»); П.П. Дубровский (л. 1b, 143об.: «*Ex Museo Petri Dubrowsky*»; л. 143об.: «В сей книге перемеченных листов сто сорок три. Листы 1-й и 30-й вдвойне, так что всего листов сто сорок пять. Франц Ласковской», его же рукой нумерация листов в правом верхнем углу). С 1805 г. – ПБ.

Библиография. Латинские рукописи. № 65; *Добиаиш*. II. С. 139–146; *Бахтин В.В.* К истории корбийского письма. *Codices Petropolitani F. v. XIV.1* и *F. v. I. 11* // АМЕ. II. С. 61–78; *Staerk*. 30–34; *Mérindol*. II, 1043–1046; *Gillert*. V, 255–258; *CLA*. XI, 570; *Probae cento recensuit C. Schenkl* // *Poetae christiani minores* (CSEL XVI, 1) Vienne, 1888. P. 516; *de Rossi I.B.* *Inscriptiones christianae urbis Romae septimo saeculo antiquiores*. Vol. 2. Romae, 1888. P. 72–77, 465; *Anthologia latina*. Pars prior: carmina in codicibus scripta recensuit A. Riese. Editio altera. Lipsiae: Teubner, 1894. Fasc. I, p. 148, 212, 221, fasc. II, p. 38–39, 371, 398; *Munk Olsen*. III/2, 142; *Schaller*. P. 38, 458; *Ganz*. P. 142; *Ex insula lux*. P. 50–53, pl. 16.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложение вынесены две рукописи. Одна из них (№ 49), по-видимому, написана знаменитым немецким гуманистом Конрадом Певтингером (1465–1547)¹⁰¹ и содержит выписки из различных авторов, посвященные вопросам права и законодательства. Среди этих заметок есть точные цитаты из трактатов, писем и речей Цицерона, взятые из некоего печатного издания, точного аналога которому найти пока не удалось. В описании рукописи мы привели все Цицероновские цитаты, снабдив их указанием произведения и места.

Текст второй рукописи (№ 52) Е.В. Бернадская ошибочно приписала Цицерону (*Бернадская*. № 34; *Бернадская* (2). № 10 и с. 240). В действительности в рукописи нет точных цитаций из Цицерона, а различные места из его произведений даются в свободном и сокращенном пересказе на латинском языке с параллельным переводом на итальянский язык. Имеется пример первопечатного издания, содержащего такого рода переработку Цицерона: *Cicero: Epistulae selectae*. Mailand: Antonius Zarotus. ca. 1480 (см. *Gesamtkatalog der Wiegendrucke*. Bd VI. Lpz, 1934. S. 599–600). Возможно, этот жанр заслуживает дальнейшего изучения.

№ 51.

Cl. lat. Q. II. 356

Первая половина XVI в., Германия.

Бумага (без в. з.), I + 15 лл. + I', 223 × 162 мм. Переплет начала XIX в. (П.П. Дубровского) – картон, оклеенный розовой бумагой, уголки и корешок из красного сафьяна. Гуманистический курсив, 21 строка. На л. I оглавление рукой П.П. Ду-

¹⁰¹ Опубликован первый том исследования, посвященного библиотеке Певтингера, содержащий составленный им каталог: *Die Bibliothek Konrad Peutingers. Edition der historischen Kataloge und Rekonstruktion der Bestände*. Bd 1: *Die autographen Kataloge Peutingers. Der nicht-juristische Bibliotheksteil* / Bearb. von H.-J. Künast und H. Zäh. Tübingen, 2003.

бровского: «Peutingeri Adnotationes in Leges et in Ius Civile propria manu Peutingeri scripta» и его же заметка о К. Певтингере.

л. 2–15об.: CONRADVS PEVTINGER, *Adnotationes*.

~ л. 2: CICERO, *Verr.*, II. 1. 26.

(текст:) «utram igitur putas legem...–... tarde condemnari licebat».

~ PINDARVS (latinus), IVSTINVS, AMBROSIVS (извлечения), de Alciato adnotatio.

~ л. 2об.–4об.: *Argumentum Digestorum lib. 20–36*.

~ л. 5–9: CICERO, *Орера* (извлечения).

Topica, 9 (ius ciuile est aequitas... ergo iuris ciuilis scientia); *De oratore*, I. 191–193 (nonne uidetis equitem romanum... ac partibus duodecim tabulis contineri uidebitis); *Pro Caecina*, 74–75 (quid enim refert aedes aut fundum... sine magno incommodo civitatis); *Pro Caecina*, 70 (nihil enim in ciuitate tam diligenter quam ius... sed leges ac iura labefactat); *De legibus*, I. 16–18 (et recte quidem nam sic habetote... ac pocius ignoratio iuris litigiosa est); *De officiis*, II. 65–66 (nam in iure cauere consilio... astringendos homines accomodata); *De officiis*, III72 (est enim ius quo deuincta...); *De legibus*, I. 42 (... hoc secundum esse neminem id agere); *Epist. ad Quintum fratrem*, I. 1. 20–21 (quare sit summa in iure dicendo seueritas ... satisfaciendo ac disputando diligentia).

~ л. 9об.–12об.: PLATO (latinus) (извлечения).

~ л. 12об.–13: MARSILIVS FICINVS, *Epistula ad Petrum Philippum Perusinum*.

~ л. 13: CICERO, *De officiis*, II. 40–42.

(текст:) «cum igitur tanta uis iustitiae sit...–...atque eadem uoce loquerentur».

~ л. 13об.–15: DIGESTA et PLATO (latinus) (извлечения).

~ л. 15об.: CICERO, *De oratore*, II. 83–84.

(текст:) «de iure ciuili hesterno die Crassus...–...sunt enim innumerabiles de his rebus libri neque abditum neque obscurum».

История рукописи. XVI в. – К. Певтингер (аннотация П.П. Дубровского на л. I); П.П. Дубровский (л. 1: «Ex Museo Petri Dubrowsky», нет записи о проверке). С 1805 г. – ПБ.

Библиография: *Бернадская*. № 29.

№ 52.

Rasn. Q. XVIII. 72

Вторая половина XV в., Италия.

Бумага (филигрань: Вг. № 12127: 1467 г.), 83 лл. + VII', 200 × 245 мм. Переплет, современный рукописи, – доски, обтянутые желтой кожей с металлическими уголками и остатками застежек. Гуманистическое книжное письмо, 25 строк. Золотой инициал на синем фоне с растительным орнаментом, малые красные и синие инициалы, на л. 1 герб.

л. 1–83: *Operum Ciceronis breuis expositio* (латинский текст и его перевод на итальянский язык).

~ л. 1–46: *Epistulae ad familiares* (II. 1. 1.–X. 10. 1).

загл.: «Marci Tullii Ciceronis epistolae familiares uulgariter exposita incipiunt».

inc.: «Me nomine negligentiae suspectum esse doleo...» (II. 1. 1).

expl.: «... qui miserit laudem consecuturam» (X. 10. 1).

~ л. 46–57: *De amicitia* (1–104).

загл.: «Expliciunt epistolae. Incipit de amicitia».

inc.: «Quo ad possis et te liceant a senis huius latere nunquam discedas...» (1).

expl.: «... excepta uirtute nil prestabilius amicitia esse putetis» (104).

~ л. 57об.–66: *De senectute* (1–84).

загл.: «Finit de amicitia incipit de senectute feliciter».
 inc.: «Est homo fide plenus...» (1).
 expl.: «... inter nos digressum et discessum fore» (84).
 ~ л. 66–74: *Paradoxa ad Brutum* (I. 1–VI. 52).
 загл.: «Finit de senectute feliciter incipit paradoxa».
 inc.: «Hec sententiae sunt abhorrentes ab usu forensi...» (I. 1).
 expl.: «... auaro quod habet non est satis et plus habere semper appetitu est» (VI. 52).
 ~ л. 74об.–77об.: *Somnium Scipionis*.
 загл.: «Finiunt paradoxa incipit de Somno Scipionis».
 inc. (ремарка автора): «Penas malorum et eorum in inferno perpetuas ambitiones reticuit...».
 expl.: «... ego somno solutus sum».
 ~ л. 77об.–83: *Tusculanae disputationes* (I. 1–II. 13).
 загл.: «Finit de somno Scipionis De tusculanis incipiunt feliciter».
 inc.: «Diis immortalibus gratias habeo cum defensionum laboribus senatoriisque muneribus sim aliquando liberatus...» (I. 1).
 expl.: «... ut adulta fructus uberimos ferant. τελοσ» (II. 13).
История рукописи. Рукопись приобретена ПБ в 1844 г.
Библиография: *Бернадская*. № 34; *Бернадская* (2). № 10.

(1) УКАЗАТЕЛЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ (РУССКИЕ СОБРАНИЯ)

Рукописи собрания П.П. Дубровского:
 № 2; № 4 (Корби, Сен-Жермен-де-Пре); № 8; № 9; № 10; № 12 (Корби, Сен-Жермен-де-Пре); № 14; № 15 (Сен-Жермен-де-Пре); № 16; № 19 (Корби, Сен-Жермен-де-Пре); № 20; № 22; № 23; № 26 (Сен-Жермен-де-Пре); № 27; № 29 (Корби, Сен-Жермен-де-Пре); № 31; № 33 (Корби, Сен-Жермен-де-Пре); № 34; № 37 (Сен-Жермен-де-Пре?); № 38; № 42 (Сен-Жермен-де-Пре?); № 43; № 47; № 48; № 49; № 50 (Корби, Сен-Жермен-де-Пре); № 51. Предположительно: № 5.
 Рукописи собрания П.К. Сухтелена:
 № 3; № 11; № 25; № 30; № 32; № 36; № 39; № 40; № 46.
 Рукопись собрания Д.Г. Гинцбурга:
 № 1.
 Рукописи собрания В.Ф. Груздева:
 № 21; № 41.
 Рукописи, купленные библиотекой или поступившие от неизвестных лиц:
 № 6; № 7; № 13; № 18; № 23; № 27; № 34; № 42; № 43; № 52.

(2) УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ

PS. ACRO, *Scholia in Horatium*: № 1; *Vita Horatii* I: № 16.
 AESOPVS, *Fabulae*: № 38.
 ANONYMVS, *De quattuor uirtutibus*: № 39.
Anthol. lat. 1: № 45; 2. I: № 45; 160: № 50; 256: № 50; 485a: № 3; 634: № 45; 959: № 50.
 ARISTOTELES, *Economica, recensio Durandi*: № 21.
 AVIANVS, *Fabulae soluta oratione*: № 38.
 AVRELIVS VICTOR, *De uiris illustribus Urbis Romae*: № 32.
 BAEBIVS ITALICVS, *Ilias latina*: № 21; № 22.
 BASILIVS, *De XII libris Aeneidos* (*Anthol. lat.* 634): № 45.

PS. BEDA, *De signis coeli*: № 20.
 BENEVENTVS CAMPESANVS, *Epigramma de resurrectione Catulli*: № 3.
 FVRIVS BIBACVLVS, *Carmina*: № 3.
 CATVLLVS, *Carmina*: № 3.
 PS. CATO, *Disticha*: № 2.
 CICERO, *De inuentione*: № 4; № 5; № 6; *De lege Manilia* (De imperio Cn. Pompei): № 7; *Pro Archia*: № 7; *Pro Ligario*: № 7; *Oratio cum senatui gratias egit*: № 7; *Topica*: № 8.
 PS. CICERO, *Rhetorica ad Herennium*: № 4; № 5; № 6; *Oratio pridie quam in exsilium iret*: № 7; *Synonyma*: № 7.
 CLAVDIANVS, *Carmina maiora*: № 9; *Carmina minora 51*: № 10.
 CODEX IVSTINIANI: № 11.
 COLVMELLA, *De re rustica*: № 12.
De ordine ac positione stellarum in signis: № 20.
 DIGESTA: № 13.
 DOMITIVS MARSVS, *Epitaphium Tibulli*: № 36.
 EVTROIIVS, *Breuiarium ab urbe condita*: № 14.
Glossae Graecolatinae: № 30.
 PS. HEGESIPPVS, *Antiquitates Iudaicae*: № 15; *De bello Iudaico*: № 15.
 HORATIVS, *Carmina seu Odae*: № 16, № 17; *Ars poetica*: № 16; *Epodon liber*: № 16, № 17; *Carmen saeculare*: № 16, № 17; *Epistulae*: № 16; *Sermones*: № 16, № 18.
 PS. HYGIVS, *Excerptum de astrologia Arati*: № 19.
 ISIDORVS HISPALENSIS EPISCOPVS, *De rerum natura* 37, 1–4: № 28.
 IVSTINVS, *Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi*: № 23, № 24, № 25.
 IVVENALIS, *Saturae*: № 18, № 26.
 TITVS LIVIVS, *Ab urbe condita*: № 27.
 MACROBIVS, *Mappa mundi*: № 28.
 IOHANNES MANSIONARIIVS, *Breuis annotatio de duobus Pliniis Veronensibus*: № 32.
 MARTIANVS CAPELLA, *De nuptiis Philologiae et Mercurii*: № 29.
Monobibli etymologia: № 36.
 NONIVS MARCELLVS, *De compendiosa doctrina*: № 30.
 OVIDIVS, *Heroides*: № 3.
 PS. OVIDIVS, *Argumentum georgicon* (Anthol. lat. 2, I): № 45 ; *Argumentum primi libri Aeneidis* (Anthol. lat. 1): № 45.
 PERSIVS, *Saturae*: № 31, № 46.
 PLINIVS minor, *Epistulae*: № 32.
 PRISCIANVS, *Institutiones grammaticae*: № 33, № 35; *Institutio de nomine, pronomine et uerbo*: № 34.
 PROPERTIVS, *Elegiae*: № 36, № 37.
 PRVDENTIVS, *Contra Symmachum*: № 42.
 PVBLILIVS SYRVVS, *Sententiae*: № 38.
Rota uentorum: № 28.
 SENECA, *Epistulae ad Lucilium*: № 39.
 SERVIIVS, *Commentarius in Vergilium*: № 40.
 SVETONIVS, *Vita Horatii*: № 16.
 TIBVLLVS, *Elegiae*: № 36.
 VEGETIVS, *Epitoma rei militaris*: № 43.

VERGILIVS, *Bucolica*: № 45, № 46, № 48, № 49; *Georgica*: № 44, № 45, № 46; *Aeneis*: № 45, № 47.

PS. VERGILIVS: № 45, *Anthol. lat.* 160: № 50; *Anthol. lat.* 256: № 50.

MARIVS VICTORINVS, *Explanationes in Ciceronis rhetoricam*: № 4.

THE MANUSCRIPTS OF ROMAN CLASSICAL AUTHORS IN THE RUSSIAN NATIONAL LIBRARY

E. V. Antonets

This article presents the catalogue of Latin classical manuscripts preserved in the Russian National Library (St.-Petersburg). The catalogue covers manuscripts of the works of all non-Christian Latin authors before 400. It also includes ancient translations of, and commentaries on, the classical authors and some authors of later date: Priscianus, Martianus Capella, etc. (after the model of «Les manuscrits classiques latins de la bibliothèque Vaticane»). As there is no printed catalogue of all Latin manuscripts for the Russian National Library (although there exists an inventory of the manuscripts before 1200, a catalogue of Italian Renaissance manuscripts and descriptions of certain groups of manuscripts), the catalogue of Latin classical manuscripts presented here is preliminary and does not exclude the possibility of omissions. In printed catalogues and publications I have found 52 manuscripts, which contain works of 40 classical Latin authors. Some of these manuscripts are well-known and have been throughout examined by editors and classical scholars, such as the manuscripts of Columella (Cl. lat. F. v. 1), Cicero (Cl. lat. F. v. 8), Claudian (Cl. lat. O. v. 3), Horace (Cl. lat. O. v. 4), Priscianus (Cl. lat. F. v. 7; Cl. lat. O. v. 7; Lat. O. v. XVI. 1), etc. Other manuscripts (namely the manuscripts of XIII–XVI cent.) were more difficult to find; therefore, they were not investigated before and were not included in the lists of manuscripts of individual classical works: thus, the manuscript of Horace Erm. lat. 36 (№ 18 in the present catalogue) is not to be found in C. Villa's «I manoscritti di Orazio», the manuscript of Seneca's Letters Cl. lat. O. 4 (№ 39) is not included in J. Fohlen's «Les manuscrits des *Épistulae ad Lucilium*», the manuscript of Vegetius Cl. lat. Q. 13 (№ 43) is omitted in C.R. Schrader's «A Handlist of Extant Manuscripts Containing the “*De re militari*” of Flavius Vegetius Renatus» (to name a few other notable examples: codex Iustiniani (№ 11), *Digesta* (№ 13), *Macrobij mappa mundi* (№ 28), *Rota uentorum* (№ 28), *Ilias latina* (№ 21), *Nonius Marcellus* (№ 30), *Ps. Cato* (№ 2), *Publius Syrus* (№ 38), *Statius* (№ 41), *Persius* (№ 31) etc.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

© 2005 г.

Ю. Б. Циркин

КВИНТ КАССИЙ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Крушение Римской республики и становление империи в цивилизационном плане имели очень большое значение. Если финикийская и греческая колонизации положили начало процессу соединения различных цивилизаций Средиземноморья в единую средиземноморскую цивилизацию, то в рамках Римской империи этот процесс завершился. Можно говорить, что в рамках Римской империи существовала античная средиземноморская цивилизация, а в отдельных регионах – ее локальные варианты. И роль Испании в становлении этого процесса универсализации Средиземноморья была довольно велика. Она стала ареной многочисленных эпизодов гражданских войн, которые привели к крушению республики и образованию империи. А среди этих войн заметное место занимают те, которые вели на Пиренейском полуострове Цезарь и его заместители. Естественно, наибольшее внимание привлекает фигура самого Цезаря. Но и события, связанные с деятельностью его представителей, тоже играли в истории этого бурного и трагического времени значительную роль.

Цезарь явно ошибся, посчитав после победы при Илерде и капитуляции Варрона «испанский вопрос» решенным. Через некоторое время на Пиренейском полуострове вновь начались военные действия. И против Цезаря на этот раз выступила не Ближняя Испания, которой он особенно опасался из-за наличия там помпеянской клиентелы, а Дальняя.

В 1986 г. группа испанских исследователей опубликовала интереснейшую надпись, относящуюся к самому началу гражданской войны между Цезарем и Помпеем¹:

L(ucio) Lentulo C(aio) Marcello co(n)s(ulibus)
Q(uinto) Cassio C(ai) f(ilio) Longino tr(ibun) pl(ebis) pro pr(aetore)
B(ina) Vercellonis f(ilius) X vir mass(umus)
M(arcus) Coranus Acrini f(ilius) Alp(iss)is
aedilis portam faciund(am)
coer(averunt) [d]e sua pecun(ia).
«В консульство Луция Лентула и Гая Марцелла,
при Квинте Кассии, сыне Гая, Лонгине, плебейском трибуне, пропреторе,

¹ Lacort Navarro P.J., Portillo R., Stylow A.U. Nuevas inscripciones latinas de Córdoba y su provincia // Faventia. 1986. T. 8/1. P. 69–78.

Бинснес, сын Верцеллона, высший децемвир,
Марк Коран, сын Акрин Альпис,
эдил, озаботились сооружением
ворот за свой счет».

Исследование показало, что хотя надпись была найдена в Кордубе, она к этому городу не относится, и Бинснес, сын Верцеллона, и Марк Коран Альпис были магистратами другого города Дальней Испании, будущей Бетики. Надпись датирована 49 г. (здесь и далее все даты до н.э. – Ю.Ц.), когда консулами были Л. Корнелий Лентул и Г. Клавдий Марцелл. Вполне возможна и более точная датировка. Наместником Дальней Испании был уже не Помпей, управлявший этой частью Испании через своего легата М. Теренция Варрона, а Кв. Кассий, посланный Цезарем вместе с двумя легионами на юг Испании вскоре после битвы при Илерде (Caes. BC. II. 19. 1), т.е. в начале августа 49 г. Но после этого Варрон еще некоторое время распоряжался в провинции, и лишь после его капитуляции и схода в Кордубе, на которой Цезарь благодарил собравшихся римских граждан, провинциалов и гадитан, победитель поставил Кассия во главе провинции (Caes. BC. II. 21; Dio Cass. XLI. 24. 2). Разумеется, все это должно было занять определенное время. С другой стороны, 10 декабря у Кассия уже истекали полномочия народного трибуна, так что надпись должна была относиться к концу августа (скорее к сентябрю) – началу декабря 49 г. Многие стороны этой надписи внимательно исследованы ее публикаторами, и мы остановимся только на том, что эта надпись дает для лучшего понимания ситуации, сложившейся в условиях начавшейся гражданской войны, и фигуры самого Кассия.

В письме к Аттику (V. 21. 2) Цицерон называет Квинта братом (*frater*) Гая Кассия Лонгина, будущего цезареубийцы; считается, что он был его двоюродным братом². Однако в надписи Квинт Кассий назван сыном Гая. Также сыном Гая, вероятно, был и цезареубийца³. Цицерон включает Квинта Кассия в число близких (*tui*) Гаю, чьи неприятности тот должен вынести, а, намекая на назначение Квинта квестором, пишет, что таким образом Помпей привлек к себе всех Кассиев (Ad fam. XV. 14. 4; II. 15. 4). Все же более вероятно, что Квинт Кассий был родным братом Гая.

Карьера Квинта Кассия началась с того, что в 57 г. он был монетарием⁴, а через пять лет Помпей назначил его своим квестором в Дальней Испании, причем вопреки обычаю – без всякого жребия, подобно тому как это сделал Цезарь в отношении Антония (Cic. Ad Att. VI. 6. 4). Антоний к тому времени уже прославился как умелый военный командир и во время египетской экспедиции Габиния, и в качестве легата Цезаря в Галлии, так что выбор Цезаря был вполне понятен. Почему Помпей остановил свой выбор на Кассии, с первого взгляда понять трудно: на военном поприще тот себя не проявил, да и на политическом был далеко не самой известной фигурой. Но, видимо, в этих качествах своего квестора нужды у Помпея не было. После разгрома Сертория и похода Цезаря против лузитан активных военных действий в Испании не отмечено. А в случае возникновения чрезвычайных ситуаций военных качеств помпеевских легатов Афрания и Петрея и в меньшей степени Варрона было вполне достаточно.

Скорее всего, прав был Цицерон, говоря, что таким жестом Помпей привлек к своему делу род Кассиев, которые выдвинулись в первые ряды римской политической элиты в последний период истории республики. Так, Гай Кассий Лон-

² Müller F. Cassius (70) // RE. Hlbd 6. 1899. Sp. 1740.

³ Gundel H.G. Cassius (15) // Kleine Pauly. München, 1979. Bd 1. Sp. 1070.

⁴ Ibid. Sp. 1073. Cassius (21).

гин, отец, вероятнее всего, Гая, Квинта и еще одного сына, Луция, был претором, консулом, проконсулом Цизальпинской Галлии и в этом качестве разбит Спартаксом при Мутине в 72 г., что не помешало ему оставаться активным деятелем и впоследствии выступать, в частности, на процессе Верреса, а также поддерживать предложение Манилия о командовании Помпея. Луций также участвовал в процессах, в том числе обвиняя М. Сауфея, одного из активных приверженцев Милона, а затем исполнял должность монетария. Позже в отличие от своего брата он выступал на стороне Цезаря⁵. Гай, прежде чем стать знаменитым последним республиканцем, был квестором Красса. После катастрофы у Карр он не только спас остатки римских войск, но и успешно защитил Сирию от парфян⁶. В условиях обострения политической борьбы в республике и возможного столкновения с Цезарем привлечение на свою сторону столь влиятельного рода было для Помпея довольно важным.

После возвращения Кассия из Испании у него возникли неприятности в Риме. В середине октября 51 г. Цицерон в письме к Гаю Кассию пишет об этих неприятностях (*Ad fam.* XV. 14. 4), торопя славного защитника Сирии, чтобы тот вернулся в Город. А в декабре того же года в письме к Аттику (*V.* 20. 8) удивляется столь жесткому (*vehementer*) отношению к Квинту Лукцея. Речь, видимо, идет о привлечении Квинта Кассия к суду за злоупотребления в провинции. Автор «Александрийской войны» (48. 1) говорит о взаимной ненависти Кассия и Дальней Испании и о ранении там квестора в результате покушения, причем автор не только не винит провинциалов в покушении на римского магистрата, но скорее относится к ним с сочувствием. Однако какова была конкретная причина такой ненависти и спровоцированного ею покушения, неизвестно. Можно только предположить, что это было вызвано чрезмерной жадностью квестора. Но последующие события заставляют сомневаться в этом.

Забегая вперед, надо сказать, что в 49 г. Цезарь назначил Квинта Кассия пропретором Дальней Испании, и, по словам Диона Кассия (*XLI.* 24. 2), это было сделано именно из-за известности того в провинции. Сам Цезарь, объясняя свой отказ от немедленного преследования Помпея, переправившегося на Балканский полуостров, писал (*BC.* I. 29. 3), что он боялся, как бы бывшее расположение обеих Испаний к Помпею не дало бы тому новые вспомогательные войска и конницу; собственно говоря, он боялся удара в тыл из Испании, причем помпеянским легионам в таком случае оказали бы поддержку провинциалы. И хотя Цезарь отмечал, что особенно Помпею была обязана одна провинция (явно Ближняя Испания), упоминание обеих испанских провинций говорит об озабоченности Цезаря поведением и Дальней Испании тоже. После победы при Илерде он направил в Дальнюю Испанию именно Квинта с двумя легионами (*ibid.* II. 19. 1), причем тогда еще ничего не было известно о позиции Варрона, также располагавшего двумя легионами и еще тридцатью вспомогательными когортами (*ibid.* II. 18. 1). Несомненно, Цезарь рассчитывал на поддержку провинциалов; недаром он при своем выступлении в провинцию обратился к ним с особым эдиктом (*ibid.* II. 19). И в этих условиях посылать в провинцию ненавистного человека, а тем более ставить затем его своим наместником было бы проявлением полной политической близорукости, чем Цезарь явно не страдал. Заметим, что Цезарь не мог обманываться относительно чисто военных качеств Кассия. Еще в Италии он по-

⁵ Это показывает, что к идее, будто политическую борьбу в Риме в последние десятилетия республики определяли взаимоотношения семейных кланов, надо относиться с осторожностью.

⁶ *Frölich.* Cassius (58), (59) // *RE.* Hlbd 6. 1899. Sp. 1727–1728; *Münzer F.* Cassius (65) // *ibid.* Sp. 1739.

ставил Кассия во главе отдельного отряда, который захватил было Анкону, но затем был выбит оттуда (Cic. Ad Att. VII. 18. 2), что было одной из немногих неудач цезарианцев в этой кампании. Так что не военные способности, а именно положение Кассия в провинции привлекли в данном случае Цезаря. После капитуляции Варрона Цезарь созвал сходку, на которой благодарил римских граждан, находившихся в Кордубе, провинциалов и гадитан за их поведение во время испанской кампании. И он ни словом не обмолвился о покушении на Квинта. Это не значит, что покушения не было (у нас нет никаких данных для опровержения соответствующего утверждения автора «Александрийской войны»). Это значит, что в сложившейся ситуации Цезарь считал данный факт неважным, явно полагая, что для большинства провинциалов назначение Кассия ни в коем случае не станет раздражающим фактором.

Говоря о возможном привлечении Кассия к суду, необходимо иметь в виду политическую обстановку в Риме в 51–50 гг. Она к этому времени резко обострилась. Возникла коалиция помпеянцев и республиканцев, которые видели в Помпее меньшее зло по сравнению с Цезарем. Дело явно шло к разрыву между Цезарем и этой коалицией, фактически обладавшей властью в Риме, что грозило новой гражданской войной. В этих условиях, естественно, противники Цезаря были готовы воспользоваться любыми предложениями для преследования его сторонников. Инициатором преследования Кассия был Л. Лукцей – видный политический деятель, друг Цицерона, в прошлом городской претор и наместник Сардинии. В 60 г. он выступал сотоварищем Цезаря на консульских выборах, которые и финансировал, но в отличие от него потерпел поражение (Suet. Iul. 19. 1). После этого Лукцей не мог не быть противником олигархического большинства сената, но примкнул не к Цезарю, на которого мог затаить обиду за его победу и свое поражение, а к Помпею. Когда действительно началась гражданская война, Лукцей вошел в ближайшее окружение Помпея⁷. Видимо, вернувшись в Рим, Кассий ясно позиционировал себя как цезарианец. Возможно, уже тогда он заявил о своем намерении добиваться трибуната. Немногим позже, в 50 г., противники Цезаря сделали все возможное, чтобы провалить Антония на выборах авгура, и Цезарю пришлось использовать все свое влияние, чтобы Антония все же избрали ([Caes]. BG. VIII. 50). Кассий должен был вызвать еще большее раздражение помпеянцев: ведь совсем недавно он был квестором и фактически доверенным лицом Помпея, а теперь выступил на стороне его противника, и в этом они могли увидеть элементарную измену. Цицерон же, находясь вдалеке от Рима, видимо, еще не воспринимал Кассия как политического противника и поэтому удивлялся поступку Лукцея. Судебное преследование за вымогательства в провинции давно стало излюбленным и удобным предложением для расправы с негодным политическим деятелем, тем более что Кассий, видимо, давал для этого поводы. Кассий явно не отличался в лучшую сторону от большинства римских магистратов и промагистратов в провинциях, и покушение на него ясно об этом свидетельствует. Но приведенные выше данные, как кажется, говорят, что и в худшую сторону он тоже не отличался. Впрочем, до суда дело явно не дошло, и в августе 50 г. Цицерон, говоря о Кассии, уже ни о каком его преследовании не упоминает (Ad fam. II. 15. 4). А 10 декабря того же года Квинт Кассий, как и Марк Антоний, вступил в должность народного трибуна. Еще одним трибуном стал его брат Гай Кассий, который, однако, занял пропомпеянскую позицию.

⁷ Münzer F. Lucceius (6) // RE. Hlbd 26. 1927. Sp. 1554–1559; Gundel H.G. Lucceius (4) // Kleine Pauly. München, 1979. Bd 3. Sp. 749.

Как известно, бегство трибунов Антония и Кассия к Цезарю в январе 49 г. послужило для последнего поводом к началу гражданской войны. В этой войне Квинт Кассий сразу же принял активное участие, возглавляя, как говорилось выше, отдельный отряд войск Цезаря. Еще важнее была его политическая роль: после занятия Цезарем Рима Кассий и Антоний созвали заседание сената (точнее, того, что от него осталось), на котором Цезарь выступил с речью (Dio Cass. XLI. 15. 2). А уж затем Кассий с Цезарем и его войском отправился в Испанию.

Само отправление Кассия в Испанию было делом чрезвычайным и не вполне законным. Одной из основных обязанностей народного трибуна была помощь гражданину, а для этого он не только должен был круглые сутки держать открытым свой дом, но и не удаляться из Рима больше чем на один день⁸. Правда, это был не первый случай, когда трибун покидал не только Рим, но и Италию. Так в 122 г. поступил Гай Гракх, отправляясь в Африку для основания колонии Юнии на месте разрушенного Карфагена. Официально автором закона о выведении этой колонии был друг Гая Рубрий, а Гаю лишь выпал жребий руководить ее основанием (Plut. G. Grac. 10). Но и тогда, если верить Плутарху, стремление Гая взять на себя основание колонии, как и вообще многих других дел, не относившихся непосредственно к исполнению обязанностей трибуна, вызывало недовольство. Да и вообще деятельность этого трибуна была вызывающе революционной, порывающей с римскими традициями⁹. Цезарь тоже не очень-то считался с этими традициями, если полагал такое поведение полезным и необходимым. Коллегу Квинта Антония он, отправляясь в Испанию, назначил своим наместником в Италии и командиром стоявших там войск (App. BC. II. 41), но тот хотя бы оставался на италийской земле. Кассия же он взял с собой в Испанию, и это ясно говорит, что он на него рассчитывал в деле привлечения местного населения, что, отметим еще раз, было бы бессмысленно и чрезмерно рискованно в случае резкого неприятия последним Квинта¹⁰.

Как видно из надписи и из сообщения автора «Александрийской войны» (28. 1), Цезарь дал Квинту Кассию ранг пропретора. До этого должность претора Кас-

⁸ Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 315–316; Schiller H. Römische Altertümer. Nördlingen, 1887. S. 556; Lenglé. Tribunus // RE. Hlbd 12A. 1937. Sp. 2460; Volkmann H. Tribunus // Kleine Pauly. München, 1979. Bd 5. Sp. 948–949; Деметьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима. Ярославль, 2004. С. 155.

⁹ Литература по этому вопросу огромная, укажем лишь некоторые работы наших соотечественников: Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 132; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 44–45.

¹⁰ В высшей степени рискованным и необоснованным предприятием иногда кажется египетская кампания Цезаря (Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 238–240). Однако думается, что в ней присутствовал несомненный политический расчет. В условиях острых разногласий в правящей верхушке Египта вмешательство Цезаря могло способствовать победе одной из сторон, и в этом случае римское влияние в этой стране еще более бы усилилось. Выступление Цезаря на стороне именно Клеопатры, а не ее брата, было вызвано женскими чарами египетской царицы и любовью стареющего римского полководца. То, что Цезарь ввязался в египетские дела со сравнительно небольшими силами, объяснялось, с одной стороны, недостатком в условиях цейтнота информации, а с другой, безусловной верой Цезаря в свою фортуна. Положение в Испании было совершенно другим, и говорить о необдуманности цезаревского решения едва ли возможно, ибо значение испанского тыла в момент выступления против главных сил помпеянцев и республиканцев было слишком велико.

сий не занимал. Подобная практика стала входить в политическую жизнь республики на последнем этапе ее существования. В свое время против Сертория в Испанию в ранге проконсула был послан Помпей, ранее консулом не бывший (Liv. per. XCI; Val. Max. VIII. 15. 8), причем Марций Филипп саркастически заметил, что Помпей направляется не pro consule, а pro consulibus (Cic. De imp. Pomp. 62)¹¹. И Цезарь следовал этой практике. Так, на следующий год наместником Ближней Испании в ранге проконсула был назначен Лепид, должность консула не занимавший (V. Alex. 59. 2; App. BC. II. 48; Dio Cass. XLIII. 1. 1). Назначение Кассия пропретором Дальней Испании вписывается в серию назначений, сделанных Цезарем в 49 г., но стоит несколько особняком. Первые назначения были сделаны Цезарем сразу после занятия Рима. Тогда он поставил своих сторонников во главе самого Рима и Италии, Сицилии, Сардинии и Цизальпинской Галлии (App. BC. II. 41), т.е. обеспечивал безопасность столицы и ее непосредственного окружения. Вторая группа назначений относится уже ко времени, когда Цезарь вернулся из Испании и стремился обеспечить правильное функционирование провинциальной власти в той части Римской республики, которая находилась под его контролем (App. BC. II. 48). Назначение же Квинта не входило ни в одну из этих двух групп: Цезарь поставил его на должность пропретора непосредственно в Испании после победы над помпеянами (Caes. BC. II. 21; App. BC. II. 43; Dio Cass. XLI. 24. 2)¹².

Итак, какое-то время до 10 декабря 49 г. Квинт Кассий исполнял одновременно две должности – народного трибуна и пропретора Дальней Испании. В этом сообщении привлекают внимание два аспекта. Во-первых – то, что Кассий совмещал две должности. Само по себе такое соединение не было абсолютной новостью. Известно, что оба брата Гракхи занимали несколько должностей. И Ливий Друз позже был одновременно и трибуном, и членом аграрной комиссии. И все же такая практика была свойственна кризисному времени и не очень приветствовалась римским народом. Выше уже приводились сведения Плутарха о недовольстве, вызванном тем, что Гай Гракх взял на себя чрезмерно много дел. К тому же и Гракхи, и Друз оставались в Риме (кроме сравнительно кратковременного пребывания Гая в Африке) и поэтому вполне могли исполнять свои трибунские обязанности. Назначение же Кассия пропретором Дальней Испании автоматически удаляло того из Рима, так что никаких обязанностей трибуна он нести не мог. И это было революционным шагом со стороны Цезаря. В тот момент Кассий ему был нужнее в Испании, чем в Риме. Его несомненной задачей было не только принять власть в провинции от Варрона, но и обеспечить там спокойствие и верность Цезарю.

Во-вторых – то, что Квинту Кассию был дан ранг пропретора. В эпоху республики не существовало четкого разделения провинций на проконсульские и пропреторские, а в случае необходимости в провинции отправлялись и действующие консулы либо преторы. И все же были провинции, наместниками кото-

¹¹ *Twyman B. The Metelli, Pompeius and Prosopography // ANRW. Bd I. 1. 1972. P. 849.*

¹² Аппиан сообщает, что Цезарь назначил Квинта управлять Испанией вообще. Из этого, однако, не следует заключать, что Кассий стал наместником обеих испанских провинций. Аппиан в рассказе о назначениях не вдается в детали. Так, говоря немного ниже о назначении Лепида, он также отмечает, что тот был послан в Испанию вообще, хотя известно, что Лепид управлял только Ближней Испанией. И Цезарь, и Дион Кассий связывают назначение Квинта с деятельностью Цезаря в Дальней Испании. Из текста «Александрийской войны» также видно, что Кассий управлял именно Дальней Испанией.

рых чаще были либо те, либо другие. В Дальнюю Испанию довольно часто направлялись преторы, а порой и консулы, но обычно это происходило во времена открытых военных действий. Но и в такие периоды провинцию часто возглавляли промагистраты. В более же спокойное время направление промагистрата становилось обычной практикой. За период с 206 по 50 г. Дальней Испанией управляли 24 проконсула и 8 пропреторов (одним из них был в 61 г. Цезарь)¹³. Так что эта провинция была скорее проконсульской, чем пропреторской. Цезарь все-таки предпочел сделать Кассия пропретором. Через некоторое время, назначая провинциальных заместителей на следующий 47 год, Цезарь дал ранг проконсула Ближней Испании Лепиду, который до этого консулом не был, как не был претором Кассий. Однако в положении Лепида и Кассия была существенная разница. До своего назначения в Испанию Лепид в 52 г. исполнял обязанности междуцаря, а в 49 г. был претором, в то время как Квинт Кассий исполнял до этого лишь должность квестора, да и то вопреки обычаю избранного без жребия (да и вообще без какого-либо правильного избрания). Видимо, даже Цезарь при всем пренебрежении принятыми нормами¹⁴ не решался на то, чтобы при назначениях на должности его сторонники перепрыгивали через несколько ступенек *sig-sus hono-rum*. В случае Лепида Цезарь поднимал своего назначенца на одну ступеньку, делая бывшего претора проконсулом, а в случае Кассия бывшего квестора – пропретором.

В надписи сообщается о постройке в городке, где магистратами были Бинснес и Коран, новых ворот, и по весьма обоснованному мнению публикаторов, это действие вписывается в меры по укреплению городов в то время¹⁵, что явно свидетельствует о нестабильности в провинции. В не меньшей степени о том же говорит и количество войск, находившихся под командованием Кассия. Сразу после победы при Илерде Цезарь направил с Кассием на юг Испании два легиона, а после урегулирования положения в этом регионе оставил ему уже четыре (*Caes. BC. II. 19. 1; 21. 3*), из которых два ранее находились под командованием Варрона, а два были незадолго до того набраны в Италии (*B. Alex. 53. 5*). Сам Кассий несколько позже набрал еще один легион (*ibid. 50. 3*). Кроме того, в распоряжении пропретора было 3 тысячи конников (*ibid.*), отряд личных телохранителей из племени беронов и так называемые *evocati*, т.е. ветераны, добровольно оставшиеся в армии (*ibid. 53. 1*). Количество их автор не уточняет, но говорит, что они были многочисленны (*complures*). У самого Цезаря в битве при Фарсале их имелось ок. 2 тысяч (*Caes. BC. III. 88. 4*). Так что под командованием Кассия находилось не менее 30 тысяч воинов. Для сравнения можно сказать, что Афраний и Петрей, вступая в войну с Цезарем, имели вместе пять легионов, не считая, правда, вспомогательных отрядов, а Цезарь начал испанскую кампанию с шестью легионами, также без учета вспомогательных частей (*Caes. BC. I. 39. 1–2*). Сохранение такого количества войск уже после окончания кампании контрастирует с той благостной картиной, какую рисовал сам Цезарь: якобы вся провинция выступила на его стороне, провинциалы сами сокрушили противников, в результате чего на провинцию посыпались различные награды (*ibid. II. 21*). И через два с половиной века Дион Кассий (*XLI. 23. 7*) повторяет, хотя и вкратце, то же

¹³ *Castillo Garcia C. Prosopographia Baetica. Pamplona, 1965. P. 203–213.*

¹⁴ Аппиан (*BC. II. 48*), рассказывая о назначениях Цезаря, прямо говорит, что тот назначал заместителей по своему произволу.

¹⁵ *Lacort Navarro, Portillo, Stylow. Op. cit. P. 72–73.*

самое: Цезарь все города и всех воинов склонил на свою сторону. Однако факты говорят об обратном.

Вскоре после вступления в должность Кассий начал войну с лузитанами. Он захватил город Медобригу, а затем Герминеийские горы, куда бежали жители Медобриги, за что был провозглашен императором (В. Alex. 48. 2). По существу, это было повторением похода Цезаря в 61 г. Медобрига была центром сопротивления лузитан; к тому же, она была расположена у подножья Герминеийских гор и являлась центром значительного рудного района¹⁶. Автор «Александрийской войны» намекает, что поход Кассия был вызван его желанием иметь деньги для раздачи солдатам ради приобретения популярности в армии. Конечно, такая поддержка наместнику была необходима, но надо обратить внимание еще на один момент. После получения добычи в результате этого похода Кассий не только раздал деньги солдатам, но и большие суммы распределил между отдельными лицами (*multa... et magna praemia singulis concedebat* – *ibid.* 48. 3). Кто были эти *singuli*, автор не уточняет. Это явно не солдаты, ибо речь идет о суммах, заплаченных помимо (*praeterea*) выплаты воинам. Это могли быть лица из ближайшего окружения пропретора, но учитывая общую недоброжелательность автора по отношению к Квинту Кассию, думается, что он не преминул бы это отметить. Вполне возможно, что это были деньги, выплаченные каким-то лицам из гражданского населения провинции. Доказательств этому нет, но такое поведение вполне вписывалось бы в общую практику того времени. В любом случае можно себе представить, что и поход, и последующие выплаты, и укрепления городов, о чем отчасти свидетельствует надпись, являлись средствами стабилизации положения, которое явно было не столь благоприятным для Цезаря, как это хотелось бы ему самому и как он стремился показать в своем сочинении.

Однако стабилизировать положение Кассий не смог. В скором времени на него было совершено новое покушение, а затем началось и открытое антицезаревское восстание. Автор «Александрийской войны» однозначно называет виновником этого восстания самого Кассия, чья жадность и жесткость вызвали возмущение и населения, и части стоявших в провинции легионов. Эту точку зрения разделяют и современные ученые¹⁷. Факты, однако, свидетельствуют, что такая оценка довольно поверхностна. Но прежде чем говорить о них, зададимся вопросом: почему несомненный цезарианец, каким был автор этого произведения, столь резко обличал цезаревского назначенца?

«Александрийская война» не просто продолжает «Гражданскую войну» Цезаря, а практически без зазоров примыкает к ней. Свое произведение Цезарь заканчивает казнью Потина (III. 112), т.е. событием, происшедшим уже после начала военных действий в Александрии. В «Александрийской войне» начало этих действий опускается, и сразу же сообщается, что, когда война вспыхнула, Цезарь призвал себе на помощь флот с Родоса, из Сирии и Киликии (1. 1). Перед нами вольное или невольное стремление автора представить свое сочинение не только как продолжение цезаревского, но и как некое единство с ним. А между тем в «Гражданской войне» Цезарь рассказывал, как Дальняя Испания единодушно поддержала его, что и вынудило Варрона сдаться без боя, и сам по-

¹⁶ *Montenegro A.* La conquista de Hispania por Roma // *Historia de España*. Madrid, 1982. Т. II. 1. P. 152–153.

¹⁷ Из последних работ назовем: *Woytek B.* Arma et Nummi. Wien, 2003. S. 190. Эту же позицию, не называя прямо Кассия, разделяет и И.Г. Гурин (Серторианская война. Самара, 2001. С. 31).

бедитель благодарил римских граждан, живших в провинции, провинциалов и гадитан за их поведение, возвращал им награбленное Варроном и награждал местных жителей. И объяснить резкое изменение позиции жителей провинции легче всего было поведением наместника, обманувшего надежды своего вождя.

Думается, однако, что это было не единственным резонансом столь сурового осуждения Кассия автором «Александрийской войны». Независимо от того, был ли этим автором А. Гирций или кто-либо другой¹⁸, он, несомненно, входил в высший круг цезарианцев. Об этом свидетельствует и широкий охват событий, не ограниченный лишь военными действиями в Египте, как это было соответственно в «Африканской войне» и «Испанской», но включавший всю политическую историю того периода, и использование разнообразных источников, в том числе донесений самого Цезаря и архивных документов¹⁹, а при описании финансовых мероприятий Квинта Кассия и его агентов даже каких-то бухгалтерских документов²⁰. Как известно, после гибели Цезаря и появления Октавиана цезаревский лагерь раскололся на сторонников «молодого Цезаря» и приверженцев Антония. Автор «Александрийской войны» явно был противником Антония. Так, он не называет Антония по имени, но отмечает плохое управление Римом во время отсутствия Цезаря (65. 1), а всем было известно, что отправленный в Рим после победы при Фарсале Антоний управлял им в качестве начальника конницы, пока сам Цезарь находился на Востоке. А имя Кассия на начальном этапе гражданской войны было тесно связано с именем Антония. Оба они были народными трибунами, оба активно и бескомпромиссно выступали на стороне Цезаря, оба бежали к Цезарю накануне войны, оба, вернувшись в Рим, созвали сенат для оправдания действий Цезаря. Поэтому вполне вероятно, что, резко осуждая Кассия, автор в какой-то степени метил и в Антония: оба они вредили делу Цезаря.

Это не означает, что Кассий не давал повода для враждебной реакции жителей провинции. Положение последних было довольно трудным. В 49 г. Варрон, готовясь к войне с Цезарем, собрал в провинции 18 миллионов сестерциев, 20 тысяч фунтов серебра и 120 тысяч модиев пшеницы. Это вызвало недовольство, и при известии о победе Цезаря при Илерде большинство жителей Южной Испании (но не все) выступили против Варрона, что в основном и привело к его капитуляции (Caes. BC. II. 17–21). Цезарь отменил наиболее одиозные меры Варрона, хотя деньги в провинции собирал тоже (Dio Cass. XLI. 24. 1). Дальнейший же ход событий вообще заставил его наместника, в свою очередь, обратиться к весьма непопулярным финансовым мероприятиям. Как и Варрон, Кассий стал пополнять свои войска, набрав новый легион, что привело к увеличению расходов и недовольству в провинции (B. Alex. 50. 3). А последовавший вскоре приказ Цезаря переправиться с армией в Африку (ibid. 51. 1–2) привел к новым поборам, что не могло не вызвать недовольства. Выше приводились данные о распределении Кассием денег среди воинов и каких-то отдельных гражданских лиц. И это тоже требовало расходов, какие, может быть, возместить только лузитанской добычей оказалось невозможным. Отсюда и новое тяжелое обложение провинции (ibid. 49. 1). Автор называет его причиной личные долги Кассия. Рукописный текст в данном случае несколько испорчен, и перед упоминанием долгов стоит окончание -ea. Издатели дополняют его по-разному.

¹⁸ Andrieu J. Introduction // *César. La Guerre d'Alexandrie*. P., 1983. P. XVI–XLIII.

¹⁹ Ibid. P. XV.

²⁰ Woytek. Op. cit. S. 190. Anm. 145.

Большинство принимает конъектуру *antea*, и в таком случае речь идет о старых долгах Кассия. Но имеется и другое дополнение – *interea*²¹, и это может означать долги, которые Кассий наделал уже во время своего пребывания в Дальней Испании в качестве пропретора. А эти долги, в свою очередь, могли быть связаны не только с жадностью самого наместника, но и с его попытками подкупить как солдат, так и какую-то часть жителей провинции, дабы обеспечить более твердую поддержку себе и своему вождю.

Слухи о присвоении Кассием по крайней мере части собранных денег еще больше подогревали возмущение в провинции. Эти слухи, по-видимому, имели некоторое основание. Кассий далеко не был идеальным правителем. Оставшись совершенно бесконтрольным, он проявил худшие стороны своей натуры, может быть, сдерживаемые ранее, когда он находился под контролем косвенно Помпея и непосредственно Петрея. О его жадности и жестокости через много лет писал Ливий (per. ХСІ). Дион Кассий (XLII. 15. 1), не входя в подробности, тоже говорил об обидах, которые пропретор наносил провинциалам. Не отставали от него и его приближенные (В. Alex. 50. 2). И все же это не могло быть единственной и даже главной причиной восстания в Дальней Испании, ибо подобное поведение наместника едва ли было чем-то необычным.

Уже после битвы при Фарсале, когда помпеянцы и республиканцы собрались в Африке, Катон призывал старшего сына Помпея отправиться к отцовским клиентам, чтобы потребовать от них помощи (В. Afr. 22). Помпей младший после неудачного нападения на Мавретанию действительно высадился на Балеарских островах (ibid. 23). Там он укрепился, хотя и задержался из-за сопротивления города Эбеса, а затем высадился на материке, где был вынужден осаждать Новый Карфаген (Dio Cass. XLIII. 29. 2–3). И Балеары, и Новый Карфаген относились к Ближней Испании, но находились на ее периферии, а дальнейшие действия помпеянцев были целиком связаны с Дальней Испанией. В Бетике, которая тогда была частью Дальней Испании, встречаются Помпеи²², что может говорить о наличии и в данной провинции клиентов этой фамилии. Но все же основная масса клиентов Помпея была сосредоточена в Ближней Испании²³. Тем не менее ареной военных действий эта провинция, кроме упомянутой периферии, не стала. Видимо, в сложившихся обстоятельствах клиентские связи играли меньшую роль.

Цезарь, рассказывая о действиях Варрона, говорил, что тот колебался вместе с колебаниями фортуны. Видимо, такое колебание теперь обратилось против дела самого Цезаря. О деталях событий на Балканском полуострове здесь могли знать достаточно смутно, но о неудаче Цезаря под Диррахием явно было известно. Присоединение к помпеянам сил Юбы сделало помпеянскую угрозу весьма реальной. А Южная Испания издавна была связана с Африкой, и ей было не безразлично, что там происходит. Недовольство Кассием вылилось в заговор и неудачное покушение на него, а затем и в открытое восстание двух наиболее связанных с местным населением легионов, в том числе Туземного, и жителей провинции (В. Alex. 52–53; 57–63). Заговор был, по словам Диона Кассия (XLII. 15. 1), делом «немногих». Это намек на местную аристократию, относи-

²¹ Notes complémentaires // *César. La Guerre...* P. 85.

²² *Castillo Garcia*. Op. cit. P. 140–141.

²³ *Dyson S.L. The Distribution of Roman Republican Family Names in the Iberian Peninsula* // *Ancient Society*. 1980/1981. Vol. 11/12. P. 289.

тельно немногочисленную и весьма богатую²⁴, что вполне естественно, поскольку основная тяжесть поборов падала именно на нее (В. Alex. 49. 2).

Центром заговора и последующего восстания была Кордуба. Юридический статус Кордубы в 48 г. спорен²⁵, но в любом случае это был, пожалуй, самый романизованный город Дальней Испании. Значительная часть заговорщиков происходила из Италики (ibid. 52. 4), в свое время основанной еще Сципионом (App. Iber. 38)²⁶. Анализ известных имен заговорщиков показывает, что среди них были и аборигены, и потомки италийских колонистов, причем все они имели два или три имени, как Л. Лициний Сквилл или Кальпурний Сальвиан, что говорит, если и не о гражданстве, то о высокой степени романизации этих людей. И в дальнейшем во главе восстания, которое началось уже после отъезда Кассия, стояли всадники Тит Квинций Скапула и Квинт Апоний (Dio Cass. XLIII. 29. 1). Центром антицезаревского выступления опять же была Кордуба. Таким образом, против Цезаря и его наместника выступили наиболее романизованные слои будущей Бетики²⁷.

Характерна также позиция войск. При известии о якобы состоявшемся убийстве Кассия в результате покушения на него, как уже говорилось, восстали солдаты Туземного и II легионов (В. Alex. 53. 4), в то время как XXX и XXI легионы остались верны пропретору (ibid. 57. 3). Автор «Александрийской войны» объясняет причину различного поведения легионов: воины первых двух были тесно связаны с провинциалами, а вторые были недавно набраны в Италии и переданы Цезарем Кассию. И здесь с ним надо полностью согласиться: солдаты, связанные с местным населением, активно это население и поддержали.

С другой стороны, это выступление активно поддержали лузитаны. Уже поход Кассия показал, что пропретор рассматривал лузитан как серьезную угрозу стабильности в провинции. Говоря об этом походе, автор «Александрийской войны» употребляет глагол *exrignasset*. *Exrigno* обычно обозначает насильственное действие, в основном захват, завоевание. В «Александрийской войне» этот глагол встречается еще трижды (22. 1; 30. 3; 41. 1), и везде он означает ожесточенные бои. Едва ли что-либо иное имеется в виду и в данном случае. Да и провозглашение Кассия императором (ibid. 48. 2) может свидетельствовать о том, что этот поход легкой прогулкой не был. На какое-то время Кассию, видимо, удалось нейтрализовать лузитан. В период пропреторства Кассия об их активности ничего не известно. Но позже, когда будущая Бетика стала ареной последней войны между Цезарем и помпеянами, лузитаны активно участвовали в боевых действиях на стороне помпеянцев, не отказавшись поддерживать их даже после Мунды.

Особо надо отметить поведение испано-финикийских городов. После вынужденного согласия на отказ от должности и отъезд из Испании Кассий прибыл в

²⁴ Ср. *Montenegro*. Op. cit. P. 160.

²⁵ *Galsterer H.* Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. В., 1971. S. 14; *Knapp R.C.* The Coinage of Cordoba // *Annali*. 1982. Т. 29. P. 183–186, 202; *Rodríguez Neila J.F.* Historia de Córdoba. Córdoba, 1988. P. 214–216; *Canto A.M.* Algo más sobre Marcelo, Corduba y las colonias Romanas del año 45 a. C. // *Gerión*. 1997. Vol. 15. P. 255–280.

²⁶ *Rodríguez Neila*. Op. cit. P. 247–249.

²⁷ *Le Roux P.* Romains d'Espagne. P., 1995. P. 56. И в 46–45 гг. против Цезаря выступало большинство наиболее романизованных городов этого региона: *Tsirkin J.B.* The South of Spain in the Civil War in 46–45 B.C. // *Archivo Español de Arqueología*. 1981. Vol. 54. P. 91–100.

Малаку, откуда и направился в Италию (*ibid.* 64. 2). Следовательно, он мог справедливо рассматривать Малаку как верный ему город²⁸. В более поздних событиях бывшие финикийские и карфагенские колонии также оказались на стороне Цезаря²⁹. На стороне цезаревского наместника был и город Улия (*ibid.* 61. 2–3; 63. 1–3). Во время последней испанской кампании он тоже твердо занимал процезаревскую позицию. Между тем он, как и Кордуба, был расположен в наиболее романизованной зоне Испании, да и находился недалеко от Кордубы.

Можно говорить, что наряду с «большой» гражданской войной в Дальней Испании проходила своя «малая», но от этого не менее ожесточенная война. И на позицию населения оказывали влияние самые разные факторы. Конечно, определенную роль играли клиентские связи, но, как уже упоминалось, преувеличивать, а тем более абсолютизировать их воздействие на политическое поведение провинции и ее отдельных общин и племен нельзя. Ясно, что большинство римских граждан и наиболее романизованных провинциалов выступили против Цезаря и его наместника. Однако и эта констатация, как показывает пример Улии, не является абсолютной. Соседние города вообще часто выступали соперниками, что особенно ярко проявлялось именно в период гражданских войн. В качестве примера можно указать на вражду ПUTEОЛ и КАПУИ, определившую их противоположные позиции во время войны между Веспасианом и Вителлием (*Tac. Hist.* III. 57). Да и внутри самих городов могли существовать группировки с различными взглядами. Даже в Кордубе имелись сторонники Цезаря (*V. Alex.* 58. 4), а Дион Кассий, как говорилось выше, отмечал, что заговор против Кассия организовали «немногие».

Поведение лузитан было, скорее всего, более единодушным. На него могло повлиять воспоминание о сравнительно недавнем походе Цезаря, повторенном Кассием. Известно, что Цезарь уехал в Дальнюю Испанию неоплатным должником, а вернулся богачом, обогатив также своих приближенных и солдат (*Plut. Caes.* 12)³⁰. Те грабежи явно еще были памятны лузитанам, тем более что и Кассий повторил их. Возможно, выступая против Цезаря, лузитаны еще раз восставали против того, кто в тот момент правил в Риме. Так возникла довольно своеобразная коалиция наиболее романизованной и наименее романизованной частей населения Дальней Испании. В позиции, занятой испано-финикийскими городами, можно видеть отзвук старинных противоречий между финикийскими колонистами и местным населением Южной Испании.

Восстание сначала возглавил Т. Торий из Италики (*V. Alex.* 57. 3; 58. 1). Он заявил, что намерен вернуть провинцию Помпею, солдаты написали на щитах имя Помпея, и конвент кордубцев, который еще недавно столь горячо благодарил Цезаря за помощь, примкнул к восставшим. Кассий направил в Кордубу М. Клавдия Марцелла Эзернина, но тот не только перешел на сторону восставших, но и возглавил их. Правда, при этом он сумел уговорить солдат, чтобы они сняли со щитов имя Помпея, дабы показать, что они воюют не с Цезарем, а только с Кассием, будучи недовольными его произволом (*ibid.* 54–59). Дион Кассий (XLI. 15. 2–5; 16. 1) в своем более кратком повествовании рассказывает об этих событиях несколько иначе. По его словам, против Кассия выступили кордубцы и бывшие помпеянские солдаты, присоединившиеся к Марцеллу. Создается впечатление (которое, впрочем, может объясняться краткостью рассказа), что Марцелл выступил против Кассия еще до общего восстания. Но главное

²⁸ López Castro J.L. *Hispania Poena*. Barcelona, 1995. P. 241.

²⁹ *Ibid.* P. 241–242.

³⁰ Утченко. Юлий Цезарь. С. 84.

различие в другом: восставшие сразу же заняли пропомпеянские позиции, а Марцелл пытался не скомпрометировать себя ни перед Цезарем, ни перед Помпеем и поэтому стремился не допустить откровенно пропомпеянского поведения воинов, но в то же время не тронул имя Помпея, написанное на щитах. По словам автора «Александрийской войны», общее восстание началось уже после победы Цезаря при Фарсале, но поведение Марцелла показывает, что в Испании еще ничего не знали об этой победе. Во всяком случае, общее пропомпеянское настроение провинции и находившихся там войск в рассказе Диона Кассия выступает более отчетливо.

Поведение Марцелла, по-видимому, отражает позицию части цезарианцев, находившихся в Дальней Испании. Можно говорить, что там сложилось уникальное для того времени положение: помпеянцы и часть цезарианцев объединились против цезаревского наместника и поддерживающих его войск. После убийства Цезаря такое объединение уже никого не удивит, и сам Гирций, один из возможных авторов «Александрийской войны», окажется союзником республиканцев и помпеянцев в борьбе с цезарианцем Антонием. Но в 48–47 гг. это было новостью. Сам Марцелл, по-видимому, преследовал свои личные цели, но достичь их мог только при поддержке как стоявшей в провинции армии, так и самих провинциалов. Отсюда и его странная позиция: он и возглавляет антицезарианское выступление, и стремится показать свою лояльность по отношению к Цезарю. Да и дальнейшее поведение Марцелла было весьма нерешительным, хотя перевес сил был на его стороне. Если верить Диону Кассию (XLII. 16. 1), именно из-за стремления в любом случае оказаться на стороне победителя он не выступил решительно на борьбу с Кассием. Согласно «Александрийской войне», Марцелл действовал более активно, но и из ее текста следует, что решительного сражения он всячески избегал.

Положение, однако, было таково, что одними своими силами справиться с восстанием Кассий не мог, и он призвал себе на помощь мавретанского царя Богда (В. Alex. 62. 1). Военные действия сконцентрировались вокруг Улии. При всей вялости военных действий перевес был все же на стороне Марцелла, который фактически осадил Улию и находившиеся там войска Кассия. Раскол в цезарианском лагере и объединение части цезарианцев с помпеянами, а тем более успехи неожиданно возникшей коалиции создавали серьезную угрозу делу Цезаря. Хотя Помпей был уже разгромлен при Фарсале и погиб, противники Цезаря собирались в Африке в непосредственной близости от Испании, в то время как сам Цезарь застрял в Александрии. Возникла реальная угроза объединения на западе Средиземноморья всех антицезаревских сил, включая мятежную Испанию. Необходимо было, с одной стороны, предпринимать решительные меры, а с другой, предотвратить превращение Дальней Испании в еще один театр военных действий. Решение этой сложной задачи было поручено проконсулу Ближней Испании Лепиду.

Лепид прибыл под Улию с большим войском из тридцати пяти когорт, конницей и вспомогательными частями. Оказавшись там, он фактически встал на сторону Марцелла. Вероятно, Лепид понял, что большая часть провинциалов поддерживает Марцелла и поддержка Кассия означала бы начало ожесточенной войны, что в планы Цезаря и цезарианцев явно не входило. Кассий еще пытался натравить Лепида на Марцелла, обвиняя (и, надо признать, справедливо) того в мятеже, но явно неудачно. Поддержать относительно добрые отношения с населением провинции Лепид считал более важным. В конце концов, был достигнут компромисс, военные действия прекращены, Лепид и Марцелл вместе отправи-

лись в Кордубу, а Кассий, сохранив все свои богатства, в том числе и награбленные в провинции, получил свободный путь для отступления (В. Alex. 61–64).

Однако пока Кассий находился в Испании, положение там оставалось далеко не стабильным. В его распоряжении еще имелись легионы и конница (В. Alex. 64. 2), и он явно не собирался разоружаться. Не намеревался этого делать и Марцелл, с которым фактически соединил свои силы Лепид. В Африке Катон настойчиво советовал Гнею Помпею младшему пойти по стопам отца и использовать его клиентелу для восстановления республики (В. Afr. 22). В этих условиях стабилизировать положение в Дальней Испании и не допустить ее присоединения к помпеянкам можно было только удалением Кассия. И Цезарь направил ему на смену Г. Требония. Цицерон (*Ad fam.* XV. 21. 2) пишет, что тот был послан в Испанию внезапно. Видимо, Цезаря вынудила это сделать острая необходимость. Кассий еще не хотел признавать свое поражение и даже пытался оказать сопротивление Требонию (В. Alex. 64. 2). Но соотношение сил было таково, что сделать это он мог только при поддержке Богуда, а тот ему в этой поддержке отказал (*Liv. fr.* 39). Кассий был вынужден смириться. Он отправился в Малаку, а оттуда несмотря на зимнее время отплыл в Италию, но в устье Ибера был застигнут бурей и погиб (В. Alex. 64. 2–3; *Dio Cass.* XLII. 16. 2). Только после этого положение в Дальней Испании более или менее стабилизировалось (*Dio Cass.* XLIII. 29. 1), хотя и не надолго.

Рассматривая все эти события, можно заметить, что решающее значение имела позиция местного населения. Только позже, когда в Южную Испанию явился сам Цезарь со своей армией и столкнулся там с войском младшего Помпея, эта позиция уже стала играть меньшую роль по сравнению с действиями регулярных войск с обеих сторон.

Итак, можно говорить, что самые разные резоны – клиентские связи, политические пристрастия, старые традиции, личные интересы, соперничество общин, стремление примкнуть к победителю и вовремя отречься от возможного побежденного, различные тяготы, налагаемые в условиях войны наместником, и его собственная жадность – сплелись в тугую клубок, определявший позицию той или иной части населения провинции и ход событий в идущей гражданской войне. И выделять какую-либо одну причину, считая ее главной, по-видимому, едва ли возможно и продуктивно. В любом случае надо подчеркнуть, что роль Испании в событиях гражданской войны между Цезарем и помпеянками была весьма велика.

Что же касается самого Квинта Кассия Лонгина, то он, разумеется, не был идеальным администратором. Дело не только в его жадности, которая, несомненно, в его деятельности присутствовала, но едва ли превосходила общий уровень римских наместников того времени. Главное – он оказался вообще деятелем, не стоявшим на высоте задач, какие поставил перед ним Цезарь. Цезарь явно ошибся, делая его пропретором Дальней Испании.

QUINTUS CASSIUS AND THE CIVIL WAR IN SPAIN

Yu. B. Tsirkin

Spain played an important part in uniting the Mediterranean regions within the frames of the Roman state. This became evident during the civil wars, which marked the transition from republic to empire. One of important episodes was the war which broke out in Hispania Ulterior (later *Betica*) after Caesar's departure and Quintus Cassius' appointment as a governor. A recently found inscription sheds more light upon the situation in the province as well as upon Cassius' figure. In spite of the widely spread opinion, the anti-Caesarian position of the greatest part of communities in this part of Hispania Ulterior had been predetermined not so much by Cassius' personal qualities, as by objective and subjective interests of the provincials.

© 2005 г.

И. С. Архипов

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ В КАРКЕМИШЕ В 1763 г. до н.э.

Древний сирийский город Каркемиш, находившийся на месте современного Джераблуса¹, знаменит прежде всего многочисленными памятниками искусства, открытыми при раскопках экспедиции Британского музея в 1878–1920 гг., и своей яркой историей в XIV–XIII вв. до н.э.² Однако еще за многие столетия до этого царство Каркемиша было одним из самых могущественных государств Сирии: первые достаточно подробные сведения об этом содержатся в текстах из Мари времен Ясмах-Адду и Зимри-Лима (ок. 1792–1761 гг. до н.э. по средней хронологии).

Благодаря славному «будущему» Каркемиша его история в первой половине XVIII в. до н.э. стала предметом исследований сразу после открытия архива Мари³. По той же причине к настоящему времени о ней написано больше⁴, чем об истории какого-либо другого царства Передней Азии того периода, за исключением, пожалуй, самого Мари и Вавилона (несмотря на то что многие государства имели тогда большее значение и лучше документированы).

Одним из достижений историографии стало установление последовательности и хронологии правлений царей Каркемиша – современников Ясмах-Адду и Зимри-Лима. Имена двух из них – Аплаханды и Ятар-Ами – стали известны

¹ 36°50' с.ш., 37°59' в.д. (см., например, *Groneberg B. Die Orts- und Gewässernamen der altbabylonischen Zeit. Wiesbaden, 1980 (RGTC. 3). S. 133.*)

² См. *Carchemish. Report on the Excavations at Jerablus on behalf of the British Museum. Vol. I–III. L., 1914–1952; Hawkins J.D. Karkamiš // RIA. Vol. 5. 1976–1980; Kupper J.-R. Karkémish aux IIIème et IIème millénaires avant notre ère // Akkadica. 1992. 79–80.*

³ *Dossin G. Aplanhanda, roi de Carkemiš // RA. 1938. 35; Jean Ch.-F. Lettre adressée au roi de Mari Zimrilim par son ambassadeur auprès de la cour de Carkémiš // RA. 1938. 35.*

⁴ *Klengel H. Geschichte Syriens im II. Jt. v. u. Z. Bd 1. B., 1965. S. 15–30; Tocci F.M. La Siria nell'età de Mari. Roma, 1970. P. 25–34; Hawkins. Op. cit. P. 426–428; Durand J.-M. Rois de Syrie du nord // NABU. 1988. 1. № 2; Lafont B. Les successeurs d'Aplanhanda de Karkémish // NABU. 1988. 1. № 3; Charpin D. et al. Archives épistolaires de Mari I/2. P., 1988 (ARMT. 26. 2). P. 509–541; Lafont B. Un homme d'affaires à Karkémiš // Marchands, diplomates et empereurs: Etudes sur la civilisation mésopotamienne offerts à P. Garelli. P., 1991; Klengel H. Syria 3000 to 300 BC: A Handbook of Political History. B., 1992. P. 70–74; Kupper. Karkémish... P. 17–18; Lafont B. Nouvelles lettres de Šidqum-Lanasi, vizir du royaume de Karkémish // MARI. 1997. 8; Kupper J.-R. Lettres royales du temps de Zimri-Lim. P., 1998 (ARMT. 28). P. 23–34; Collon D. Seals Naming Aplanhanda of Carchemish // Languages and Cultures in Contact: At the Crossroads of Civilizations in Syro-Mesopotamian Realm. RAI XLII. Leuven, 2001 (OLA. 96); Reculeau H. nabišatum, reine de Karkemiš? // NABU. 2001. 1. № 18; Kupper J.-R. Dans les jardins de Carkémish... // Recueil d'études à la memoire d'André Parrot: Florilegium Marianum VI. P., 2002 (Mémoires de NABU. 7).*

уже в конце 1930-х годов; тогда же выяснилось, что Ятар-Ами был сыном и преемником Аплаханды⁵. Следующий шаг вперед в исследовании династийной истории города был сделан лишь сорок лет спустя, когда появилась первая реконструкция последовательности большинства датировочных формул Зимри-Лима и наконец возникла прочная основа для точной датировки текстов Мари⁶. Это позволило тогда же предложить решения для хронологии династий некоторых царств Передней Азии того времени, в том числе Каркемиша: смерть Аплаханды, вскоре после которой на престол взошел Ятар-Ами, была датирована 14.vii.10⁷.

Еще через десять лет Ж.-М. Дюран и Б. Лафон установили, что после Ятар-Ами Каркемишем правил царь по имени Яхдун-Лим. В нескольких работах этих и других авторов обосновывается датировка и восстанавливаются обстоятельства перехода власти от Ятар-Ами к Яхдун-Лиму⁸.

Ниже подробно рассматривается существующая реконструкция этого события и предлагается новый ответ на вопрос, когда и при каких обстоятельствах Яхдун-Лим сменил Ятар-Ами на троне. Но прежде будут представлены все известные в настоящее время тексты, проливающие свет на этот эпизод истории Каркемиша, чтобы читатель получил полное и объективное представление о доступных источниках.

ARMT. XXV. 48 + 39 + XXI. 252⁹

Запись о различных поступлениях во дворец Мари; приношения из Каркемиша (сткк. 23–29) датируются между 13.i и 21.i.9¹⁰.

²³MU.TU] *ia-tar-[^da-mi (...) ²⁷] MU.TU] *ia-ah-d[u-li-im* ²⁸[x GAL] *ki-ir-ru KÙ.BAB-BAR 2/3 MA.[NA* ²⁹MU.TU] *ni-i[g-na-an-di]* – «... приношение от Ятар-Ами... (...)»¹¹ ... приношение от Яхдун-Лима... ваза... серебряная в 2/3 мины... приношение от Нигунанди...».*

ARMT. XXV. 532¹²

Запись о различных поступлениях во дворец Мари, частичная копия текста XXV. 48+.

⁵ *Dossin*. *Aplahanda...* P. 120–121.

⁶ *Biro M.* *Données nouvelles sur la chronologie du règne de Zimri-Lim // Syria*. 1978. 55. По предложенной М. Биро и принятой в современной ассириологии традиции все события времен Зимри-Лима датируются годами его правления и месяцами календаря Мари, причем последние двенадцать лет правления Зимри-Лима обозначаются цифрами с апострофом от 1' до 12', а месяцы – римскими минускулами, например: 29[число].i[месяц *Urahum*].12'[последний год царствования Зимри-Лима]. По средней хронологии 12' г. примерно соответствует времени с весны 1762 по весну 1761 г. до н.э. Порядок месяцев календаря Мари был окончательно установлен в работе: *Kupper J.-R.* *Le calendrier de Mari // Symbolae biblicae mesopotamicae* F.M. Th de Liagre Böhl *dedicatae*. Leiden, 1973.

⁷ *Biro M.* *Données...* P. 342 (на основании текста ARMT. XXVI. 281 – представлен ниже).

⁸ *Durand*. *Rois...*; *Lafont*. *Les successeurs...*; *Charpin et al.* *Op. cit.* P. 525; *Kupper*. *Karkémish...* P. 17; *idem*. *Lettres royales...* P. 23; *Biro M.* *Correspondance des gouverneurs de Qattunân*. P., 1993 (ARMT. 27). P. 276.

⁹ Джойн и восстановление строк 23, 27, 29 принадлежат Ж.-М. Дюрану (*Rois...* P. 2).

¹⁰ См. стк. 12 (здесь опущена) и *Guichard M.* *La conquête de Haššum par le roi de Zarwar // NABU*. 1993. 2. № 54. P. 46.

¹¹ Здесь и далее троеточием в скобках обозначены купюры в транслитерациях и переводах.

¹² Текст переиздан в значительно исправленном виде: *Durand*. *Rois...* P. 2.

⁴] KÙ.GI 19 SU [KILÁ.BI] ⁵ša ia-ah-du-li-im ⁶1 HAR ŠU KÙ.GI 10 2 / 3 SU KILÁ.BI ⁷ša ni-gu-na-an-di – «... золотое в 19 сиклей от Яхдун-Лима; 1 кольцо... золотое в 10 2/3 сикля от Нигунанди».

ARMT. XXVI. 281

Письмо Иштаран-нацира, посланника Мари в Каркемише¹³, Зимри-Лиму¹⁴.

⁵ap-la-ha-an-da ⁶a-na ši-ma-ti-šu il-li-ik ⁷u₄-mi a-di u₄-um SISKÚR.RE ⁸[š]a ⁹nu-ba-an-da-ag ¹⁰ú-ša-li-mu ¹¹ú-sà-am-mi-šu ¹²ki-nu-nim UD 18-KAM ¹³a-wa-tam ú-ta-at-tu-ú (...) ¹⁴ia-tar-^da-mu ¹⁵[DU]MU a-bi-^dda-gan ¹⁶[iš-pu-ra]-am – «Аплаханда отправился к своей судьбе. Четыре дня, пока не совершилось жертвоприношение Нубандагу, это скрывали. 18.vii дело раскрыли. (...) Ятар-Амум, сын Аби-Дагана, написал¹⁵ мне об этом».

ARMT. XXVIII. 21

Письмо Ятар-Ами Зимри-Лиму (вероятно, незадолго до ix.10¹⁶).

³um-ma ia-tar-^da-[mi] ⁴[DU]MU-ka-a-[ma] ⁵ki-ma ni-qt-a-am ša ⁶[eš₄-tár] ⁷te-ep-pé-e-šu eš-m[e] (...) ⁸i-nu-ma AN-lum nu-ra-[am] ⁹a-na ma-a-tim iš-ta-a[k-nu] ¹⁰GIŠ.HA ma-la-a ša a-b[i] ¹¹qa-ab-bi-a-am ¹²ú-ša-ba-la-am – «Это Ятар-Ами, твой “сын”. Я узнал, что ты собираешься совершить жертвоприношение Иумар. (...) Когда бог зажжет свет над страной, я отправлю любую древесину, о какой скажет мой отец».

ARMT. XXVI. 537

Письмо Цидкум-Ланаси, суккаля (везира) Каркемиша¹⁷, Зимри-Лиму¹⁸.

¹li-iq-bi um-ma-a-[mi] ²a-bi [ap-l]a-ha-an-da ú-ul ³i-mu-ut-ma¹ ⁴[b]a-li-[i] ⁵zi-im-ri-li-im-ma a-b[i] ⁶[ia-tar]-^da-mi DUMU-ka ša ki-na-tim ⁷ú i-na q[a-t]i-ka ki-il-šu ⁸ú ki-ma a-⁹bu¹-šu a-na ši-im-tim ¹⁰li-li-ku la ú-ha-ka-am ¹¹[li]-ib-ba-am ga-am-ra-am ¹²[it-t]i-šu du-bu-ub – «... пусть он скажет: “... Мой отец Аплаханда не умер, он жив; Зимри-Лим – мой отец”. Ятар-Ами – твой истинный сын, держи его за руку! А поскольку его отец отправился к своей судьбе и он неопытен, говори с ним с открытым сердцем!».

ARMT. XXVIII. 18

Письмо Ятар-Ами Зимри-Лиму.

³u[m]-m[a] [i]a-tar-^da-mi DUMU-ka-a-ma (...) ⁴at-ta-ma i-na bu-lu-ut ⁵a-bi-ia a-na a-bi-ia ki-a-am ta-áš-ta-na-pa-ra-am ⁶um-ma-a-mi ša qa-bé-e ia-ri-im-li-im-ma ⁷e-pu-uš a-na a-wa-at ia-ri-im-li-im ⁸la te-et-ti-iq – «Это Ятар-Ами, твой “сын”. (...) Когда мой отец был жив, ты постоянно писал ему: “Выполняй приказы Ярим-Лима и слова Ярим-Лима не преступай!”».

¹³ Charpin et al. Op. cit. P. 520.

¹⁴ Дата в письме может относиться только к 10' г.: 06.v.10' Аплаханда был еще жив (Biro. Données... P. 342, по неизданному тексту; ср. Charpin et al. Op. cit. P. 511), а Ятар-Ами упоминается как царь Каркемиша уже в х месяце 10' г. (XXV. IX. 17; IAHN. 48A; см. ниже). Названный в стк. 16 Ятар-Амум был врачом из Халаба (Durand J.-M. Archives épistolaires de Mari I/1. P., 1988 (ARMT. 26. 1). P. 582) – это дополнительно указывает на то, что Аплаханда умер естественной смертью.

¹⁵ Здесь и далее курсивом отмечается не вполне уверенный перевод.

¹⁶ Главный праздник в Мари, чаще всего упоминающийся в текстах, – жертвоприношение Иштар – приходился на ix месяц; в сткк. 17-18 речь может идти о ритуале «андурарум», проводившемся в начале царствования. Известно, что Ятар-Ами взошел на престол в 10¹ г. (см. выше); следовательно, текст может датироваться временем около ix.10' (Kipper. Lettres royales... P. 24).

¹⁷ Charpin et al. Op. cit. P. 511.

¹⁸ Датировка этого и следующего текстов затруднительна, однако их содержание, вероятно, указывает на самое начало царствования Ятар-Ами (ср. Kipper. Lettres royales... P. 23).

Письмо Цидкум-Ланаси Зимри-Лиму¹⁹.

⁵*aš-šum te₄-mi-im ša ta-aš-pu-ra-am* ⁶*um-ma-a-mi i-na a-hi-ti-ia-ma* ⁷*eš-me um-ma-a-mi iš-me-^dda-gan* ⁸*a-na ia-ah-du-li-im iš-pu-[u]r* ⁹*um-ma-a-mi ah-he-ka ku-úš-ši-id* ¹⁰*ke-na iš-pu-ra-am* ¹¹*ù ia-ah-du-li-im* ¹²*ú-pa-ah-hi-ra-né-ti-ma* ¹³*iq-bi-né-ši-im* ¹⁴*um-ma šu-ma mi-nu-um i-na-an-na* ¹⁵*ša an-nu-um iš-pu-ra-am* ¹⁶*ù me-he-er a-wa-ti-šu-ma* ¹⁷*ú-ul ú-te-er-šu-um* – «Что касается послания, которое ты отправил мне: “Я слышал из моего источника: Ишме-Даган написал Яхдун-Лиму: “Схвати твоих братьев!”²⁰, – то он действительно написал. И Яхдун-Лим собрал нас и сказал нам: “Что ныне значит написанное им?”». И он не послал ему никакого ответа на его слова».

ARMT. IX. 17

Запись о поступлении во дворец Мари от 09.х.10’.

¹² ME [9]3 DUG GE[ŠTIN] ²*ša iš-tu ma-ha-ar* ³*ia-tar-^da-mi* ⁴*da-ri-i[a] {x} ub-l[a]m* (...) ¹⁵² ME 48 [DUG GEŠTIN] ¹⁶*ú-ri-quí* – «293 кувшина вина, которые Дария привез от Ятар-Ами²¹: (...) 248 кувшинов вина были опорожнены».

IAMH. 48A²²

Запись о поступлении во дворец Мари от 25.х.10’.

⁶¹ TÚG *ia-am-ha-du-ú* ⁷¹ *mar-da-tum* ⁸¹ *ba-ás-si-la-tum* ⁹ MU.TÙ *ia-tar-^da-mi* ¹⁰ LUGAL *kar-ka-mi-iš^{KI}* – «1 одежда ямхадская, 1 одежда... 1 одежда... – приношение Ятар-Ами, царя Каркемиша».

ARMT. XXVII. 162

Письмо Зимри-Адду, посланника Мари в Вавилоне²³, Зимри-Лиму (последняя четверть 11’ г.²⁴).

⁴¹ DUMU *ši-ip-ri ša DUMU ap-la-ha-an-da LÚ kar-ka-m[i-iš^{KI}]* ⁴² *il-li-kam-ma MÍ.NAR^{MEŠ} i-ri-iš ù ha-am-mu-r[a-bi]* ⁴³ *ki-a-am i-pu-ul um-ma šu-ma MÍ.NAR^{MEŠ}* ⁴⁴ *mi-ti-is-sú ú-ul DUMU LÚ šu-ú* ⁴⁵ *[am]-mi-nim a-na da-mi qa-as-sú ú-bi-il* ⁴⁶ *[i]d-da-ak DUMU ap-la-ha-an-da* ⁴⁷ *[a-na] ha-am-mu-ra-bi ma-di-iš na-zi-iq* – «Прибыл посланник сына Аплаханды, правителя Каркемиша, и попросил танцовщиц. Но Хам-

¹⁹ Издатель текста относит его 11’ г., так как тогда Ишме-Даган вел активную внешнюю политику, враждебную Мари (*Charpin et al. Op. cit. P. 521*). В действительности по этому критерию письмо может датироваться также концом 10’ г. или первой половиной 12’ г. (*Charpin et al. Op. cit. P. 154–157, 467–469*).

²⁰ Ж.-М. Дюран предлагает другой вариант чтения стк. 9 – *ah-he-ka qu-úš-ši-id* (*apud Charpin et al. Op. cit. P. 525*; ср. также *Durand J.-M. Trois études sur Mari // MARI. 1984. 3. P. 134*). Глагол *quššudum* «очищать для ритуала», «посвящать») употребляется по отношению к предметам или участникам культа и встречается в текстах Мари в единичных случаях. Намного естественнее усматривать здесь очень распространенный глагол *kuššudum* («пытаться схватить», «гнать»): Ишме-Даган, враг Зимри-Лима, скорее должен был стремиться посеять смуту среди его союзников, нежели призывать их к совершению ритуалов.

²¹ Посланник Мари Дария часто выполнял хозяйственные поручения в Каркемише (*Charpin et al. Op. cit. P. 520–521*).

²² *Dossin G. Iamhad et Qatanum // RA. 1939. 36. P. 48.*

²³ *Biro. Correspondance... P. 30–32.*

²⁴ Согласно опущенным строкам и общей реконструкции визита Зимри-Адду в Южную Месопотамию, текст написан после осады Ларсы, которую войска Хаммурапи вели около середины 11’ г. (*Biro. Correspondance... P. 34*); в то же время в сткк. 30–34 упоминаются посланники царя Андарига Атамрума, прибывшие в Вавилон. Известно, что Атамрум сам находился в Вавилоне с конца 10’ г. до середины ix.11’ и умер на рубеже 11’–12’ годов (*Charpin et al. Op. cit. P. 236, 242, 350*), следовательно, текст должен датироваться последней четвертью 11’ г.

мурапи ответил: «Ему танцовщиц не хватает! Этот человек – не наследник!²⁵ Зачем он наложил руки на свою родню? Его следует казнить!»²⁶. Сын Аплаханды весьма разозлится на Хаммурапи».

ARMT. XXV. 120²⁷

Запись о различных выдачах из средств властей Мари от 30.vi.12'.

⁴¹ *ú-nu-ıq ú-ba-nim* KÜ.GI (...) ⁶ *a-na ia-ah-du-li-im* ⁷ LUGAL *kar-ka-mi-is*^{KI} ⁸² SU Kİ.LÁ.VI ⁹ *i-na ter-qa*^{KI} – «1 кольцо золотое (...) для Яхдун-Лима, царя Каркемиша, в 2 сикля, в Терке».

A 33 k²⁸

Надпись на статуе, обнаруженной при раскопках Каркемиша²⁹.

¹ [*ia-ah*]^r *du¹-li-im* ² [DUMU *ia*]-*tar-^da-mi* ³ [LUGAL ^{URU}]*kar-ka-mi-is* – «Яхдун-Лим, сын Ятар-Ами, царь Каркемиша».

Датировка перехода власти от Ятар-Ами к Яхдун-Лиму, предложенная французскими исследователями в 1988 г., основывается на данных текста ARMT. XXV. 120. 6–7, где Яхдун-Лим впервые упоминается в качестве царя Каркемиша: этот документ был составлен 30.vi.12', из чего обычно делается вывод, что Яхдун-Лим взошел на престол около середины 12' г.³⁰ На самом деле эта дата, конечно, всего лишь *terminus ante quem* для его воцарения (подробнее см. ниже пункт 4). Впрочем, М. Биро допускает, что смена власти в Каркемише могла произойти в 11' г., однако от развития этого предположения воздерживается³¹.

Тогда же было выдвинута гипотеза, что Ятар-Ами и Яхдун-Лим являлись родными братьями (на основании текстов ARMT. XXV. 48+; 532)³². Кроме того, текст ARMT. XXVI. 531 и ряд писем о волнениях в Каркемише, датировать которые пока не представляется возможным, позволили Б. Лафону допустить, что Яхдун-Лим имел основания претендовать на трон после смерти Аплаханды и в 11' г. в городе могли произойти беспорядки, когда «еще не утвердилось наследование Ятар-Ами»³³.

Эта несколько неопределенно сформулированная гипотеза получила развитие после публикации письма ARMT. XXVII. 162, где Хаммурапи обвиняет «сына Аплаханды», имя которого не называется, в насилии над родственниками. Издатель текста М. Биро, опираясь на мнение Ж.-М. Дюрана, считает, что царь

²⁵ Издатель текста предлагает иную интерпретацию этих слов Хаммурапи: «Ему не хватает танцовщиц – (значит,) он не наследник!» (*Birot. Correspondance...* P. 276). По мнению Ж.-М. Дюрана, на которое опирается М. Биро, царь Вавилона имеет в виду, что законный наследник Аплаханды унаследовал бы гарем отца и в таком случае не испытывал бы недостатка в танцовщицах!

²⁶ Используя формулу *iddak* (досл. «он будет убит»), царь Вавилона, вероятно, цитирует правовую терминологию своего времени, в частности Законов Хаммурапи (*Birot. Correspondance...* P. 276).

²⁷ Лицевая сторона таблицы (в том числе сткк. 4–8) издана: *Durand. Rois...* P. 2; там же исправлено чтение стк. 10.

²⁸ *Güterbock H.G. Sarchemish // JNES. 1954. 13. P. 110.*

²⁹ *Ibid.* Восстанавливать в тексте имени Яхдун-Лима и Ятар-Ами предлагает Х. Кленгель (*Syria...* P. 74).

³⁰ *Durand. Rois...* P. 2; *Lafont. Les successeurs...* P. 3; *Charpin et al. Op. cit. 525; Kupper. Karkémish...* P. 17; *idem. Lettres royales...* P. 23.

³¹ *Birot. Correspondance...* P. 276.

³² *Lafont. Les successeurs...* P. 3; *Kupper. Karkémish...* P. 17; *idem. Lettres royales...* P. 23 (менее уверенно). Ж.-М. Дюран полагает, что имеющиеся данные не позволяют установить степень родства между ними (*Rois...* P. 2). См. также ниже пункт 2.

³³ *Lafont. Les successeurs...* P. 3; *Charpin et al. Op. cit. P. 521.*

Вавилона имеет в виду Ятар-Ами³⁴. По всей видимости, исследователи отталкиваются от принятой ими датировки воцарения Яхдун-Лима – середина 12' г. – на основании произвольно истолкованного текста ARMT. XXV. 120 (см. выше): ведь письмо ARMT. XXVII. 162 относится к 11' г., когда, с их точки зрения, в Каркемише еще царствовал Ятар-Ами. Какими-либо другими сведениями предположение М. Биро и Ж.-М. Дюрана не подтверждается (ср. пункт 7).

Итак, реконструкция династийной истории Каркемиша после смерти Аплаханды, принадлежащая Б. Лафону, Ж.-М. Дюрану и М. Биро, выглядит следующим образом: права на престол царства имели сыновья Аплаханды Ятар-Ами и Яхдун-Лим; первым у власти оказался Ятар-Ами, подавив выступления противников в 11' г. и пролив кровь своих родственников; однако его брат и соперник Яхдун-Лим уцелел и все же пришел к власти в середине 12' г.

На наш взгляд, эта гипотеза основывается на произвольных допущениях и не учитывает ряда свидетельств. Чтобы предложить более стройную и аргументированную реконструкцию интересующих нас событий, представим полные и систематизированные данные сообщающих о них источников.

1. Аплаханда умер естественной смертью 14.vii.10' (ARMT. XXVI. 281). Ятар-Ами засвидетельствован как царь Каркемиша начиная скорее всего с ix.10' (ARMT. XXVIII. 21) и точно с 09.x.10' (ARMT. IX. 17), т.е. он должен был унаследовать царство сразу после смерти Аплаханды³⁵.

2. Ятар-Ами был сыном Аплаханды (ARMT. XXVI. 537; XXVIII. 18). Яхдун-Лим также принадлежал к царской семье Каркемиша, поскольку упоминается вместе с Ятар-Ами еще при жизни Аплаханды как отправитель приношения для Зимри-Лима (ARMT. XXV. 48+; 532). Проще всего предположить, что Ятар-Ами и Яхдун-Лим были братьями. Однако в надписи на найденной в Каркемише статуе (А 33 к) Яхдун-Лим называется сыном Ятар-Ами; с другой стороны, этот текст, вполне вероятно, восстановлен неверно или его не следует понимать буквально: слово «сын» здесь может означать «преемник».

3. В любом случае в ARMT. XXV. 48 + приношение Яхдун-Лима называется после приношения Ятар-Ами: последовательность перечисления отправителей должна соответствовать иерархии внутри царской семьи Каркемиша³⁶ и в данном случае порядку наследования. Следовательно, Ятар-Ами стал царем по праву старшего.

4. Яхдун-Лим упоминается в качестве царя Каркемиша начиная с 30.vi.12' (XXV. 120. 6–7). Таким образом, он взошел на престол не позднее этой даты и не ранее последнего датированного упоминания царя Ятар-Ами – 25.x.10' (IAMN. 48A. 9).

5. Согласно письму ARMT. XXVI. 531, датируемому не ранее 10' г. и не позднее 12' г., Ишме-Даган, царь Экаллатума, отправлял послание Яхдун-Лиму с предложением «схватить братьев». Вероятно, он знал о напряженных отношениях в царской семье Каркемиша и подталкивал Яхдун-Лима к мятежу (или, наоборот, призывал чтить братьев – см. комментарий к переводу текста). Однако Яхдун-Лим сообщил об этом послании другим представителям власти города.

6. Датированные тексты, которые фиксировали бы контакты между Мари и Каркемишем в период с x.10' и до vi.12' г. (23 месяца), отсутствуют (или не изда-

³⁴ *Biro. Correspondance...* P. 276. Чуть ниже М. Биро все же называет «сына Аплаханды» Яхдун-Лимом, но общий смысл комментария заставляет считать это опечаткой.

³⁵ Ср. *Klengel. Syria...* P. 73.

³⁶ Ср., например: *Reculeau. Op. cit.*

ны). Возможно, это случайность; однако эта лакуна в документации – самая продолжительная для всего времени с 4' по 12' г.; остальные составляют не более года.

7. В письме ARMT. XXVII. 162. 41–47 приводятся слова царя Вавилона Хаммурапи о «сыне Аплаханды, царе Каркемиша»: «Зачем он наложил руки на семью? Его следует казнить!». Письмо датируется последней четвертью 11' г.; речь в нем может идти как о Ятар-Ами, так и о Яхдун-Лиме. Второе представляется намного более вероятным: ведь известно, что Ятар-Ами, скорее всего, унаследовал власть законно (пункты 1–3).

Все эти свидетельства могут быть легко увязаны воедино следующей реконструкцией: Яхдун-Лим был сыном Аплаханды и младшим братом Ятар-Ами (пункты 2–3; ARMT. XXV. 48+; 532; XXVI. 531; XXVII. 162); отношения между братьями были напряженными, и внешние силы подталкивали Яхдун-Лима к узурпации власти, сначала безуспешно (пункт 5; ARMT. XXVI. 531); в конце концов Яхдун-Лим захватил престол, совершив по отношению к родственникам нечто достойное смерти с точки зрения Хаммурапи (пункт 7; ARMT. XXVII. 162); это произошло не ранее конца 10' г. (пункт 4; IAHN. 48A) и не позднее конца 11' г. (пункт 7; ARMT. XXVII. 162), т.е., скорее всего, в 1763 г. до н.э.; именно смута и переворот в Каркемише почти на два года прервали контакты царства с Мари (пункт 6).

В середине 12' г. власти Мари все же признали узурпатора царем Каркемиша и возобновили отношения с городом: 30.vi.12' Яхдун-Лим находится в Мари и получает в дар золотое кольцо (ARMT. XXV. 120.4–7); есть данные и о более поздних контактах между двумя царствами³⁷. Согласно этим свидетельствам, Яхдун-Лим оставался царем по крайней мере до ix.12' и, возможно, пережил Зимри-Лима на долгие годы.

A PALACE REVOLUTION IN CARCHEMISH ABOUT 1763 BC

I. S. Arkhipov

The current reconstruction of the dynastic change in Carchemish after the death of its renowned king Aplanhanda (by J.-M. Durand, B. Lafont, and M. Birot) implies that his successor Yatar-Ami cruelly destroyed an intrafamilial opposition in order to consolidate his power, but in the middle of ZL 12' (end of 1762 BC) was nevertheless replaced by his brother Yahdun-Lim. The new examination of several Mari texts has shown with great probability that Yatar-Ami peacefully succeeded to Aplanhanda, and Yahdun-Lim deposed and probably murdered his brother already in ZL 11' (1763 or, less probably, the beginning of 1762 BC).

³⁷ *Durand. Rois...* P. 2.

Д. А. Щеглов

СИСТЕМА СЕМИ КЛИМАТОВ ПТОЛЕМЕЯ И ГЕОГРАФИЯ ЭРАТОСФЕНА

«Географическое руководство» Птолемея является вершиной развития античной географии, существенно превосходя все другие известные нам географические работы древности, как по своим методам, так и по объему информации. При этом нам крайне мало известно о предыстории формирования географии Птолемея. В данной статье рассматривается вопрос о происхождении системы семи климатов, которую мы впервые встречаем в работах Птолемея и которая затем становится одним из канонических элементов для всей позднеантичной, средневековой европейской и арабской географии¹.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О КОНЦЕПЦИИ κλίμα И О РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ КЛИМАТОВ

Система климатов – ключевых широт, формирующих основу географической карты, – была одной из базовых концепций античной математической географии². Термин κλίμα впервые встречается в «Анафорике» Гипсикла (36 De Falco-Krause-Neugebauer) и в «Комментарии к Арату» Гиппарха (I. 2. 22 Manit. 23), а затем широко используется в работах Страбона, Гемина, Клеомеда, Птолемея и других авторов. В большинстве случаев термин κλίμα можно перевести как «широта». Целый ряд работ посвящен вопросам, касающимся истории системы климатов и значения термина κλίμα³. Подробное освещение всех этих вопросов и источников выходит за рамки данной статьи. В первом разделе мы только попытаемся кратко изложить основные факты, характеризующие развитие системы климатов и важные для решения вопроса о происхождении системы семи

¹ Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929 (далее – Honigmann. SK).

² Основные работы о климатах: Kubitschek W. Klima 2 // RE. Bd XI. 1. 1921. Sp. 838–844; Honigmann. SK; Diller A. Geographical Latitudes in Eratosthenes, Hipparchus and Posidonius // Klio. 1934. 27. S. 258–269; Dicks D.R. The ΚΛΙΜΑΤΑ in the Greek Geography // CQ. 1955. 5. P. 248–255; *idem*. The Geographical Fragments of Hipparchus. L., 1960. О методах вычислений, связанных с климатами: Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Pt. 1–3. Berlin–Heidelberg–New York, 1975 (далее – Neugebauer. НАМА). P. 43–45, 333–336, 725–733; Szabó A., Maula E. Les débuts de l'astronomie de la géographie et de la trigonométrie chez les grecs. P., 1986. Недавно изданная работа не добавляет ничего нового: Marcotte D. La climatologie d'Eratosthène à Poséidonios: genèse d'une science humaine // Sciences exactes et sciences appliquées à Alexandrie (IIIe siècle av. J.-C. – Ier ap. J.-C.). Saint Étienne, 1998. P. 263–277.

³ Honigmann. SK. S. 4–7; Dicks. The ΚΛΙΜΑΤΑ... P. 249–250; *idem*. Hipparchus... P. 154–157; Aujac G. Lexique grec // Strabon. Géographie. T. I. Pt. 2. P., 1969. P. 186; Marcotte. Op. cit. P. 265, 275–276. Помимо широты термин мог обозначать сторону света, регион мира, даже административную единицу Византийской империи.

климатов. При этом будут особо отмечены некоторые обстоятельства, которые не были должным образом учтены предшествующими исследователями.

В развитии системы климатов можно выделить три этапа, которые мы далее кратко охарактеризуем: 1) использование концепции климата как способа определения широты; 2) возникновение различных вариантов системы климатов, формирующих каркас математической карты мира; 3) появление канонического варианта системы климатов – системы Птолемея.

Термин κλίμα происходит от глагола κλίνω и переводится как «наклон». Значение этого термина (в сфере географии) можно определить так: наблюдаемый в данной местности угол наклона небесной сферы⁴, который можно точно выразить в числах, а также географическая широта, которую характеризует этот угол⁵. В этом значении термин κλίμα мог использоваться для обозначения любой широты. Это определение показывает то принципиальное различие, которое первоначально существовало между понятиями κλίμα и παράλληλος. В современной географии параллель рассматривается как элемент сетки координат, тесно связанный с понятием широта. В античности термин «параллель» появился задолго до градусной сетки координат и до термина «широта» (πλάτος). Координатную сетку в географии впервые использовал Гиппарх, а термины «широта» и «долгота» впервые появились только у Птолемея⁶. Гиппарх, чтобы указать широту в градусах, использовал выражение «высота полюса» (ἕξάρματα τοῦ πόλου; Comm. I. 3. 6–7; 11. 8 Manit. 26. 15, 18; 28. 27, 114). Первоначально термин «параллель» не содержал в себе указания на измеримый характер широты⁷. Определяющей чертой параллели был ее абстрактный геометрический характер: так назывался круг, параллельный экватору и проходящий через любой произвольно выбранный пункт. Даже после появления градусной сетки античная география эпохи Гиппарха и Страбона продолжает использовать термин «параллель» не как элемент сетки координат, а как атрибут связанного с ней пункта. Там, где современный человек скажет: «Родос лежит на параллели 36°», античный географ сказал бы: «параллель Родоса отстоит от экватора на 36°»⁸. Соотношение между терминами κλίμα и παράλληλος удачно продемонстрировано в том описании способа построения карты, которое приводит Страбон (II. 5. 10 = Geogr. F III A 25)⁹ и которое, вероятно, восходит к Гиппарху¹⁰: сетка параллелей используется здесь только как удобный способ для изображения «климатов, ветров и прочих отличий» (τὰ τε κλίματα καὶ τοὺς ἀνέμους διασαφοῦμεν καὶ τὰς ἄλλας διαφορὰς), которые характеризуют широту.

⁴ Inclinationes caeli quas Graeci κλίματα dicunt, et aeris et locorum (Vitruv. I. 1. 10).

⁵ Ср. определения: Kubitschek. Klima... Sp. 838; Honigmann. SK. S. 4; Dicks. The KALIMATA... P. 248–249; idem. Hipparchus... P. 154; Neugebauer. NAMA. P. 333–334, 725; Marcotte. Op. cit. P. 264. Разумеется, ни один источник не дает определения того, что понимается под словом κλίμα.

⁶ Это отмечают: Bunbury E.H. A History of Ancient Geography. N.Y., 1959. I. P. 626. Not. 9; II. P. 550; Tannery P. Recherches sur l'histoire de astronomie ancienne. P., 1893. P. 134; Honigmann. SK. S. 4. Not. 1; Neugebauer. NAMA. P. 333; Janni P. La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984. P. 68–71.

⁷ Это обстоятельство не учитывает Хонигманн (SK. S. 11), давая следующее определение: «παράλληλος ist die mathematische Linie, die in einem bestimmten Abstände dem Äquator gleichläuft» (курсив автора. – Д.Ш.).

⁸ См. Berger H. Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Lpz, 1903. S. 420–421; Janni. Op. cit. P. 66–68.

⁹ Все ссылки без указания автора относятся к Страбону по изданию: Strabons Geographika. Bd 1. Prolegomena. Buch I–IV. Text und Übersetzung / Ed. S. Radt. Göttingen, 2002. Фрагменты Гиппарха указываются по Г. Бергеру и Д. Диксу, Эратосфена – по Г. Бергеру.

¹⁰ См. Berger. Erdkunde... S. 476–478.

До появления градусной сетки только концепция κλίμα могла дать способ для описания широты данной параллели. Поэтому оба эти термина могли без дополнительных оговорок использоваться для обозначения одного и того же предмета – местности, лежащей на данной широте, – в зависимости от требуемый контекста: климат – для того, чтобы подчеркнуть определенный и измеримый характер этой широты, параллель – чтобы связать данную местность с абстрактной сеткой координат, на основании которых строится карта. Иными словами: κλίμα в своем узком значении – это угол, который характеризует данную параллель.

Вероятно, именно эти обстоятельства послужили причиной того, что географы, занимающиеся построением карты, часто предпочитали термин «параллель» (Эратосфен¹¹, Гиппарх¹² и Страбон – *passim*, Плиний: VI. 211–219, Птолемей в «таблице теней» – см. ниже), даже тогда, когда широта, о которой шла речь, соответствовала содержанию концепции климата (см. далее).

До появления деления окружности на 360° и основанной на нем сетки координат существовало только два способа, позволявших выразить климат местности при помощи числа: 1) установить соотношение между длинами гномона и отбрасываемой им тени в день равноденствия и 2) определить максимальную (далее – *M*) или минимальную (*m*) продолжительность дня (или ночи) в дни солнцестояния или их соотношение (*M:m*)¹³. Значение этих двух способов и их связь с концепцией климата хорошо иллюстрируют две цитаты из географического трактата Гиппарха, которые приводит Страбон:

Τὸ μὲν οὖν κατὰ Μερόην κλίμα Φίλωνά τε τὸν συγγράψαντα τὸν εἰς Αἰθιοπίαν πλοῦν ἱστορεῖν, ὅτι πρὸ πέντε καὶ τεσσαράκοντα ἡμερῶν τῆς θερινῆς τροπῆς κατὰ κορυφὴν γίνεται ὁ ἥλιος, λέγειν δὲ καὶ τοῦς λόγους τοῦ γνόμονος πρὸς τε τὰς τροπακὰς σκιάς καὶ τὰς ἰσομηρινάς, αὐτόν τε Ἐρατοσθένη συμφωνεῖν ἔγγιστα τῷ Φίλωνι (II. 1. 20).

Филон, описывая [свое] плавание в Эфиопию (FGH 670 F 2), сообщает о климате Мерое, что солнце оказывается [там] в зените за 45 дней до солнцестояния¹⁴, а также называет соотношения между [длинами] гномона и [его] тени [во время] равноденствия и солнцестояния, и [слова] самого Эратосфена близко совпадают с [сообщением] Филона.

¹¹ См. *Bunbury. History...* II. P. 4. Not. 2; *Berger H. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes.* Lpz, 1880. S. 191–192. Anm. 2; *idem. Erdkunde...* S. 416–417; *Dicks. The CLIMATE...* P. 253; *idem. Hipparchus...* P. 159.

¹² Опираясь на свое ошибочное определение климата как полосы в 400 стадиев, Э. Хонигманн попытался доказать, что Гиппарх отказался от концепции климата в пользу сетки параллелей, поскольку счел, что эта концепция не соответствует его требованиям к точности расчетов: *Honigmann. SK.* S. 11–17, 19–21; ср. *Aujac G. Strabon et la science de son temps. Les sciences du monde.* P., 1966. P. 169; *eadem. Lexique grec // Strabon. Géographie.* T. I. Pt. 2. P., 1969. P. 186; *eadem. Eratosthène de Cyrène, le pionier de la géographie. Sa mesure de la circonférence terrestre.* P., 2001. P. 100. Это мнение представляется необоснованным: *Diller. Geographical Latitudes.* P. 265; *Janni. Op. cit.* P. 68–69; *Szabó, Maula. Op. cit.* P. 91–93.

¹³ Ср. об особом значении этих двух способов: *Bunbury. History...* I. P. 632–633; *Diller. Geographical Latitudes...* P. 268–269. Обозначения даются по кн.: *Neugebauer. НАМА.* P. 43–44, 725–727 etc.

¹⁴ Об истории этого способа: *Szabó, Maula. Op. cit.*

Ἐπειδὴ οὐκ ἔχομεν λέγειν οὔθ' ἡμέρας
 μεγίστης πρὸς τὴν βραχυτάτην λόγον
 οὔτε γνόμονας πρὸς σκίαν ἐπὶ τῇ
 παρωρείᾳ ἀπὸ Κιλικίαν μέχρι Ἰνδῶν,
 οὔδ' εἰ ἐπὶ παραλλήλου γραμμῆς ἕσ-
 τιν ἢ λόξωδισ, ἔχομεν εἰπεῖν, ἀλλ' ἕαν
 ἀδιόρθωτον, λοξὴν φυλάξαντες, ὡς οἱ
 ἀρχαῖοι πίνακες παρέχουσι (Π. 1. 11)¹⁵.

Так как мы не можем указать ни
 отношение самого долгого дня к самому
 короткому, ни [отношение] гномона к
 тени для [линии] предгорий от Киликии
 до Индии... нам следует оставить ее без
 исправлений, сохранив изогнутой, как
 показывают древние карты.

Сильной стороной первого способа была большая простота в применении и точность результата¹⁶. Однако второй способ благодаря своей большей наглядности имел решающее преимущество для создания системы климатов: только измерение M могло заменить отсутствующую градусную сетку, позволяя построить единую шкалу для оценки широт любых местностей¹⁷. Это позволяет нам вывести более узкое определение той концепции климата, на основании которой в античной географии формируются системы климатов: климат – это географическая широта, являющаяся функцией от продолжительности максимального дня на этой широте [$\varphi = f(M^h)$; $\Delta M^h = \text{const}$; $h = \text{час}$], служащая репером для организации географической карты¹⁸. Данные о тени гномона также являются неотъемлемым элементом всех известных нам «подробных» систем климатов (см. ниже), но используются они либо в качестве дополнения, либо для указания точных значений отдельных широт¹⁹.

Следует подчеркнуть, что такое определение не дается в прямой форме ни в одном источнике и, напротив, может противоречить употреблению термина κλίμα во многих из них. Большинство авторов, даже те, кто описывает различные системы климатов (Страбон, Гемин, Клеомед), продолжают использовать термин κλίμα в его первоначальном широком значении: т.е. климатами они называют любые широты, даже если они не связаны ни с какой системой и не соответствуют формуле $\varphi = f(M)$.

Жесткая привязка термина κλίμα к широтам, являющимся $\varphi = f(M)$, проводится в системе семи климатов Птолемея, в системе семи «астрологических» климатов, которые использовались для расчета продолжительности

¹⁵ Ср. у Гемина: καὶ τὰ μεγέθη τῶν ἡμερῶν καὶ τὸ κλίμα καὶ πάντα τὰ φαινόμενα τὰ αὐτὰ (V. 58); Géminos. Introduction aux phénomènes / Texte établi et traduit par G. Aujaç. P., 1975. P. 31.

¹⁶ Об истории этого способа: Szabo, Maula. Op. cit.

¹⁷ Это обстоятельство не учитывает Нойгебауэр (НАМА. P. 937–938), когда удивляется, что система климатов получила в античности такое широкое распространение, несмотря на то что измерить продолжительность дня M значительно сложнее, чем широту φ .

¹⁸ Ср. Neugebauer. НАМА. P. 333: «the mere fact that the length M ... appears to be the most popular description of latitudinal positions (the whole concept of «climata» was based on it) suffices to show that one was satisfied, by and large, with the least accurate but practically most important parameter, not surprising at a time when one was not yet able to transform M into φ or vice versa mathematically correctly».

¹⁹ Ср. Tannery. Recherches... P. 134; Neugebauer. НАМА. P. 333.

жизни²⁰, в таблице климатов Марциана Капеллы (VIII. 876–877 Dick 462), а также в пересказе таблицы Гиппарха у Страбона (II. 5. 34). Показательно также, что уже Гипсикл (48 De Falco-Krause-Neugebauer) и Гиппарх, который ссылается на Эвдокса (Comm. I. 2. 22 Manit. 23 = F 68 Lasserre), самые ранние авторы, упоминающие термин κλίμα, понимают его именно как широту $\varphi = f(M^h)$. Эти факты показывают, что строгое понимание значения термина κλίμα как широты $\varphi = f(M)$ действительно имело место в античной географии.

Основные вехи развития системы климатов в античной научной географии можно вкратце представить следующим образом. С Эвдоксом Книдским часто связывают появление концепции климата (см. ниже, прим. 89). С Эратосфеном, согласно гипотезе Э. Хонигманна, связано появление системы семи климатов, которую затем используют Марин Тирский и Птолемей. Гиппарх создает первую подробную таблицу климатов, в которой часто видят прототип «таблицы теней» Птолемея (см. ниже, прим. 82). Марин Тирский и Птолемей используют систему 39 параллелей «таблицы теней», среди которых они особо выделяют семь климатов. Вместе с тем, Птолемей впервые отказывается от системы климатов и делает сетку координат единственным и универсальным способом записи географических сведений²¹. Это является важнейшим новшеством Птолемея, отличающим географию «Руководства» от работ его предшественников.

Нам известны только три «подробные» таблицы климатов, широты которых являются $\varphi = f(M)$ и в которых приводятся также подробные географические сведения и данные о тени гномона: таблицы Гиппарха, Плиния и Птолемея²². «Таблицу теней» из «Альмагеста» Птолемея (II 6 Heib. I. 101–117) можно считать образцовым примером системы климатов, наиболее развитой формой такой системы. «Таблица» состоит из 39 параллелей, которые следуют от экватора до полюса, сначала – через интервал $\Delta M = 1/4^h$, а начиная с климата 18^h (58°) – через $1/2^h$, а с климата 20^h (63°) – через 1^h . Для этих параллелей указываются: 1) продолжительность дня M ; 2) широта в градусах; 3) длина тени гномона в дни солнцестояний и равноденствий; 4) для 29 параллелей от экватора до Туле на-

²⁰ Веттий Валент: Anth. I 7 Kroll 24, 157; Фирмик Матерн: Math. II. 11 Kroll-Skutsch I. 53–55; Мичиганский папирус 149: XI. 38–47. Особенностью этой системы является то, что в ней 7 широт следуют с чередующимися интервалами $\Delta M = 8^m, 16^m, 24^m$ ($m =$ минута), причем две самых южных широты связаны с Александрией и Вавилоном. Об «астрологических» климатах: Honigmann. SK. S. 31–50, подробнее: *idem*. Die Anaphorai der Alten Astrologen. Ein Versuch, die Anaphorai und Klimata des Michigan-Papyrus 149 zu erklären // Michigan Papyri. III. Papyri of the University of Michigan Collection. Miscellaneous Papyri. Ann Arbor, 1936. P. 301–321; более подробный обзор вопроса с исправлением ошибок Хонигманна: Neugebauer O. On Some Astronomical Papyri and Related Problems of Ancient Geography // Transactions of American Philosophical Society. 1942. 32. P. 251–263; *idem*. НАМА. P. 706–733.

²¹ Это отмечают: Neugebauer. НАМА. P. 937; Ptolemy's Geography: an Annotated Translation of the Theoretical Chapters / Ed. J.L. Berggren, A. Jones. Princeton, 2000 (далее – Ptolemy's Geography). P. 10, 14.

²² Перечисляя ученых, занимавшихся солнечными часами, Витрувий упоминает о недошедшей до нас работе Феодосия πρὸς πάν κλίμα (IX. 8.1). Из этого упоминания следует, что Феодосий изучал связь между климатом местности (вероятно, выраженным через M) и длиной тени в этой местности; см. об этом: Theodosii De Habitationibus liber, De diebus et noctibus libri duo / Ed. R. Fecht. B., 1927. S. 1–3; ср. Honigmann. SK. S. 16.

звания соответствующих им пунктов; 5) для широт, лежащих южнее тропика, продолжительность периода, когда тени падают на юг.

Таблица Плиния (VI. 211–219) является произвольным соединением двух разных систем климатов. Основу таблицы составляет система семи «астрологических» климатов (14^h , $14^h 24^m$, $14^h 32^m$, $14^h 40^m$, 15^h , $15^h 12^m$, $15^h 36^m$), для каждого из которых дан список городов и стран, через которые он проходит, и указано соотношение длин гномона и его тени. Поскольку система астрологических климатов охватывает только широты, проходящие через Римскую империю, то для более северных и южных областей Плиний указывает параллели, взятые из некой системы «географических» климатов, близкой к тем, которые приводят Клеомед и Марциан Капелла (см. ниже). Плиний называет все эти широты *circuli* или *paralleli*, однако источники, описывающие аналогичные таблицы – Веттий Валент (Anth. I. 7 Kroll 24, 157), Фирмик Матерн (Math. II. 11 Kroll–Skutsch I. 53–55), Мичиганский папирус 149 (XI. 38–47) и Марциан Капелла (VIII. 876–877 Dick 462) – называют их климатами.

Таблица Гиппарха известна только из краткого пересказа Страбона. Страбон упоминает в сумме 17 параллелей: 14 из них являются $\varphi = f(M)$, причем 12 основаны на $\Delta M = 1^h$, $1/2^h$, $1/4^h$, кроме Вавилона ($14 2/5^h$)²³ и Афин ($14 3/5^h$; ср. Comm. I. 3. 12; 4. 8 Manit. 28. 24; 34. 14 = F V 11 Berger)²⁴; для трех параллелей указана длина тени гномона (Александрия, Карфаген, Массалия); для четырех северных климатов (16^h , 17^h , 18^h , 19^h) – данные Пифея о высоте Солнца в день равноденствия; для пяти широт – данные о видимых звездах (Страна Корицы, Сиена, Александрия, середина Понта, устье Борисфена).

В конечном счете один из вариантов системы климатов признается каноническим, что выражается в изменении значения термина κλίμα. Источники, принявшие каноническую систему, применяют этот термин уже не к любым широтам, которые соответствуют его первоначальному значению или данному выше определению концепции климата, лежащему в основе самой канонической системы, но только к тем широтам, которые в ней содержатся.

Каноническая система климатов впервые появляется у Птолемея. Все широты «таблицы теней» (а также таблицы для расчета $\delta\alpha\phi\omicron\rho\alpha$)²⁵: П. 8 Heib. I. 134–141), по сути, являются климатами, однако Птолемей называет их только параллелями. Вместе с тем Птолемей впервые дает описание той системы семи климатов, которая впоследствии становится общепризнанной. В этой системе семь широт следуют с интервалом $\Delta M = 1/2^h$: 13^h – Мерое, $13 1/2^h$ – Сиена, 14^h – Нижний Египет, $14 1/2^h$ – Родос, 15^h – Геллеспонт, $15 1/2^h$ – середина Понта и 16^h – устье Борисфена. Только эти семь широт Птолемей называет климатами. Эта система используется им в таблице зенитных расстояний в «Альмагесте» (II. 12 Heib. I. 172–187), в «Подручных таблицах» (таблицы для расчета наклонного восхождения и параллакса Солнца) и в «Аналемме»²⁶. Эта система описывается также в

²³ Как предположил Хонигманн (Die Anaphorai... S. 312). Вопрос нуждается в отдельном рассмотрении и аргументации.

²⁴ О климате Афин у Гиппарха: Gossellin P.F.J. Recherches sur la Géographie systématique et positive des anciens. T. I. P., 1798. P. 56; Berger H. Die geographischen Fragmente des Hipparchus. Lpz, 1869. S. 50–52.

²⁵ То есть времени восхождения знаков зодиака. Таблица представляет собой сокращенный вариант «таблицы теней» и содержит 11 параллелей, следующих с интервалом $\Delta M = 1/2^h$ от экватора до устья Танаиса.

²⁶ См. Neugebauer. NAMA. P. 125–129, 852–853, 978, 990–991.

анонимном трактате *Διόγισις*, который представляет собой адаптацию географии Птолемея²⁷, и изображается на картах Птолемея²⁸.

Два обстоятельства, которые не были должным образом учтены предшествующими исследователями, необходимо отметить особо.

Во-первых, ни Э. Хонигмани, ни другие исследователи (например Ф. Гизингер, О. Диллер, Д. Дикс и О. Нейгебауер) не отметили тот очевидный факт, что своим появлением в поздних источниках и своим каноническим статусом система семи климатов обязана только Птолемею. Поэтому Э. Хонигманн а priori ошибается, когда пытается возвести данные Кассиодора и Ахилла Татия о семи климатах напрямую к Эратосфену²⁹. Э. Хонигманн ни одним словом не затрагивает вопрос об источнике сведений этих авторов, равно как и вопрос о специфике связи, существующей между системой климатов Птолемея и географией Эратосфена. Между тем, Ахилл Татий (*Isag.* 19 Maass 47) и Кассиодор (*De artibus.* VII), упоминая о семи климатах, прямо ссылаются на Птолемея³⁰. Так же безосновательны любые другие попытки в обход Птолемея приписать канонизацию системы семи климатов какому-либо иному раннему автору (например, Ф. Гизингер и Д. Дикс предлагали Гиппарха³¹, а К. Рейнхардт и В. Тайлер – Посидония³²).

На мой взгляд, общая ошибка всех упомянутых выше исследователей заключается в том, что они не придали должного значения тому факту, что появление канонической системы климатов сопряжено с изменением значения термина *κλίμα*. «Канонической» систему Птолемея делает не то обстоятельство, что она была принята большинством его преемников, а то, что в ней самой впервые появляется четкое разделение между семью климатами и множеством всех остальных возможных широт. Источники (прежде всего Страбон, Гемин, Клеомед) с достаточной полнотой описывают географические системы предшественников Птолемея – Эратосфена, Гиппарха, Посидония – и часто упоминают о

²⁷ Diller A. *Agathemerus, Sketch of Geography // Greek, Roman and Byzantine Studies.* 1975. 16. P. 59–76.

²⁸ В кодексах Vaticanus Urbinas 82, Constantinopolitanus Seragliensis 57, Fabricianus Havniensis 23, Venetus Marcianus 516. См. Schnabel P. *Text und Karten des Ptolemaeus.* Lpz, 1939. S. 87–92; Diller A. *The Parallels on the Ptolemaic Maps // Isis.* 1941. 33. P. 4–7; ср. Cuntz O. *Die Geographie des Ptolemaeus, Galliae Germania Raetia Noricum Pannoniae Illyricum Italiae.* Handschriften, Text und Untersuchung. B., 1923. S. 26–27; Honigmann. SK. S. 59–60.

²⁹ Honigmann. SK. S. 54; против этого: Dicks. *The ΚΛΙΜΑΤΑ...* P. 252; *idem.* Hipparchus... P. 157.

³⁰ Honigmann. SK. S. 102–103 – автор отмечает это, но не делает отсюда выводов.

³¹ Gisinger F. *Rez.:* E. Honigmann. *Die sieben Klimata // Gnomon.* 1933. S. 97; Dicks. *The ΚΛΙΜΑΤΑ...* P. 253–254; *idem.* Hipparchus... P. 157–158; против этого: Poseidonios. *Die Fragmente.* Bd II / Hrsg. von W. Theiler. B.-N.Y., 1982. S. 31.

³² Reinhardt K. *Kosmos und Sympathie.* München, 1926. S. 398–400; *idem.* Poseidonios 3 // *RE.* Bd 22. 1953. Sp. 677–678; Poseidonios / Hrsg. von W. Theiler. S. 29–31, 74–75; против этого: Posidonius. II. *The Commentary / Ed. I.G. Kidd.* Cambridge–New York–Melbourne, 1988. P. 737–738. Доказывая, что Посидоний использовал систему климатов, Э. Хонигманн приводит как ключевое свидетельство текст Прокла (*Ad Plat. Tim.* III 125.11–14 = F 205 Edelstein-Kidd = F 74 Theiler), в котором упоминается об измерении Земли Посидония, и при этом широта Александрии называется *третьим климатом*, как и у Птолемея: Honigmann. SK. S. 25; *idem.* *Marinos 2 // RE.* Bd XIV. 1930. Sp. 1780; Reinhardt. Poseidonios... Sp. 677. Однако более вероятно, что это выражение является лишь реминисценцией системы семи климатов Птолемея. Клеомед и Страбон, более ранние и надежные источники, говоря об измерении Земли Посидония, не упоминают ни о *втором*, ни о *третьем* климатах; ср. Kidd. *Op. cit.* P. 737. Прокл же был знающим трудом Птолемея.

климатах. Однако ни один источник из предшествующих Птолемею не пытается ограничить количество климатов определенным числом или каноническим набором. Ниже будет показано, что даже Марин, непосредственный предшественник Птолемея, не связывал термин κλίμα только с семью каноническими широтами. Поэтому нет никаких оснований приписывать кому-либо из авторов, предшествующих Птолемею, то четкое терминологическое различие между климатами и параллелями и ограничение количества климатов каноническим набором³³, какое мы встречаем у Птолемея.

Другая принципиальная ошибка Э. Хонигманна (и многих примкнувших к нему исследователей) заключается в том, что он определяет климат как узкую полосу шириной в 400 стадиев (в отличие от не имеющей ширины параллели), перемещаясь в пределах которой нельзя различить невооруженным глазом изменения в положении небесных светил, что определяет допустимые границы погрешности при измерении широты: в этих границах оценка широты может быть округлена или два пункта могут считаться лежащими на одной широте³⁴. По мнению Э. Хонигманна, именно так Эратосфен определял все семь климатов и поэтому четко отличал их от параллелей.

Гипотеза Э. Хонигманна основывается всего на двух пассажах. 1) Страбон цитирует Гиппарха (II. 1. 35 = F V 10a = F 18 = Erat. F III A 15):

Καίτοι ἐκεῖνον γε καὶ παρὰ τετρακοσίου
σταδίου αἰσθητὰ ἀποφαινεσθαι τὰ παρ-
ἀλλάγματα, ὡς ἐπὶ τοῦ δι' Ἀθηνῶν παρ-
ἀλλήλου καὶ τοῦ διὰ Ῥόδου.

[Эратосфен объявлял], что различия [в широте] ощутимы даже для четырехсот стадиев, как [например] между параллелями Афин и Родоса.

2) Гемин (без ссылки на Эратосфена) указывает, что изменения климата, длительности дня и всех небесных явлений являются неощутимыми в пределах 400 стадиев (V. 58–60 Аижас 31)³⁵.

³³ Cp. Dicks. The ΚΛΙΜΑΤΑ... P. 251, 254. Not. 2.

³⁴ В современных работах это определение получило почти всеобщее признание. Так термин κλίμα понимали уже: *Bunbury. History...* II. P. 4. Not. 2; *Berger. Eratosthenes...* S. 191–192. Anm. 2; *Fischer J. Ptolemäus und Agathodämon // Denkschriften der K. Akad. der Wiss. in Wien. Phil.-hist. Kl. 1916. 59. 4. Anhang II. S. 90; Kubitschek. Klima...* Sp. 841–842; позднее предложенное Э. Хонигманном определение приняли: *Diller. Geographical Latitudes...* P. 262, 264; *Dicks. The ΚΛΙΜΑΤΑ...* P. 250, 253; *idem. Hipparchus...* P. 154, 156, 160; *Aijac. Strabon...* P. 168; *Aijac G. Lexique grec // Strabon. T. I. Pt. 2. P. 186–187; Neugebauer. НАМА. P. 726; Дитмар А.И. География в античное время. Очерки развития физико-географических идей. М., 1980. С. 73; Nicolet C. L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. P., 1988. P. 77; Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 1988. С. 62; Engels J. Die strabonische Kulturgeographie in der Tradition der antiken geographischen Schriften und ihre Bedeutung für die antike Kartographie // *Orbis Terrarum. 1998. 4. S. 82–83; Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 142; Куртик Г.Е., Рожанская М.М. Комментарии // Клавдий Птолемей. Альмагест/Пер. И.Н. Веселовского. М., 1998. С. 483; Clarke K. Between Geography and History. Hellenistic Construction of the Roman World. Oxf., 1999. P. 208. Not. 35; Ptolemy's Geography. P. 10.**

³⁵ Οὐ κατὰ πᾶσαν δὲ χώραν καὶ πόλιν ὁ αὐτὸς ἐστὶν ὀρίζων. Ἄλλὰ πρὸς μὲν τὴν αἰσθησὶν σχεδὸν ὡς ἐπὶ σταδίου ἢ ὁ αὐτὸς ὀρίζων διαμένει, ὥστε καὶ τὰ μεγέθη τῶν ἡμερῶν καὶ τὸ κλίμα καὶ πάντα τὰ φαινόμενα τὰ αὐτὰ διαμένειν. Πλείονων δὲ σταδίων γινόμενον κατὰ τὴν παραλλαγὴν τῆς οἰκίσεως ἕτερος ὀρίζων γινόμενον καὶ πάντα τὰ φαινόμενα μεταπίπτειν. Δεῖ μέντοι τὴν παραλλαγὴν τῆς οἰκίσεως τὴν ὑπὲρ ἢ στάδια λαμβάνεσθαι κατὰ τὴν πρὸς ἄρκτον ἢ πρὸς μεσημβρίαν παράδοτον...

Наличие связи между этими двумя пассажами не вызывает сомнения. Однако ни эти пассажи, ни другие источники не подтверждают мнение Э. Хонигманна о том, что Эратосфен (или какой-либо иной древний автор) связывал указанную меру неточности в 400 стадиев именно с определением понятия «климат», а не с особенностями оценки любой широты³⁶. Показательно, что в приведенном пассаже Страбона речь идет именно о параллелях Родоса и Афин³⁷. Многие древние авторы независимо от Эратосфена приводят похожие оценки ширины полосы (от 300 до 500 стадиев), в пределах которой нельзя заметить изменение широты, однако никто из них не связывает эти оценки с определением «климата»³⁸.

Ничто не подтверждает мнение Э. Хонигманна о том, что Эратосфен применяет указанную меру неточности в 400 стадиев к оценке всех широт, которые фигурируют в его географии³⁹. Напротив, Страбон говорит только об одном конкретном случае, в котором Эратосфен признает, что различие в широте между пунктами, отстоящими на 400 стадиев друг от друга, является заметным. Правда, как справедливо подчеркивает Э. Хонигманн, на деле Страбон обычно использует выражения «параллель Афин» и «параллель Родоса» как синонимы, несомненно, следуя взглядам Эратосфена⁴⁰. Вторым примером того, что значения широт у Эратосфена могли расходиться на 400 стадиев, является его оценка широты Страны Корицы: в одном случае он помещает эту область в 3000 стадиев южнее Мерое (II. 1. 12, 17), а в другом случае, определяя максимальную ширину ойкумены, он увеличил эту оценку до 3400 стадиев (I. 4. 2 = F II C 2)⁴¹.

Даже если мы согласимся с тем, что Эратосфен понимал любой климат как полосу в 400 стадиев, это не будет означать, что наличие у климата «ширины» является его определяющим свойством. «Ширина» климата могла быть связана только с принятой Эратосфеном допустимой мерой неточности при измерении широты. Между тем Страбон часто подчеркивает, что Эратосфен, в отличие от Гиппарха, считал условными и приблизительными все используемые им числа расстояний и геометрические фигуры, формирующие основу карты мира (II. 1. 23–24 = F III B 25; II. 1. 34 = F X 4 = F 23; 37 = F III A 16; II. 1. 39 = F III A 15; II. 1. 41 = F III B 66)⁴². В согласии с этими высказываниями Страбона, большинство оценок расстояний, которыми Эратосфен оперировал в своей географии, выражены в целых тысячах стадиев. Это обстоятельство позволяет дать иное объяснение происхождения меры точности в 400 стадиев, не связанное с особенностями измерения широты. Эратосфен, хорошо понимая крайнюю степень неточности всех оценок расстояний, стремился оперировать максимально обобщенными значениями и там, где это было возможно, округлял числа до це-

³⁶ См. *Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Bd I. B., 1870. S. 288; Berger. Eratosthenes... S. 137. Anm. 4, 184; idem. Erdkunde... S. 415–416; cp. Honigmann. SK. S. 20.*

³⁷ См. *Dicks. The CLIMATE... P. 253, 254. Not. 2; idem. Hipparchus... P. 160.*

³⁸ *Poseid. F 115 Edelstein-Kidd = 290a Theiler = Cleomed. I. 7. 72–76; II. 1. 211–215, 270–276 Todd 36, 51, 53; Plin. II. 182; Marc. Capella. VI. 595; Macrob. In somn. Scip. I. 15; Saturn. VII. 14; Procl. De sphaera. 11–12. Эти примеры отмечены: Berger. Eratosthenes... S. 137–138. Anm. 4; idem. Erdkunde... S. 410.*

³⁹ Ср.: *Reinhardt. Poseidonios... Sp. 678; Dilke O.A.W. Greek and Roman Maps. Ithaca–London, 1985. P. 216. Not. 40.*

⁴⁰ Так же: *Bunbury. History... I. P. 630. Not. 7; Honigmann. SK. S. 19–20; cp. Berger. Eratosthenes... S. 187.*

⁴¹ *Berger. Eratosthenes... S. 152–153; Diller. Geographical Latitudes... S. 264.*

⁴² См. об этом: *Berger. Eratosthenes... S. 260, 264; idem. Erdkunde... S. 421.*

лых тысяч стадиев⁴³. В редких случаях, когда числа отклонялись от целых тысяч на большую величину, их следовало бы округлять до 500 стадиев⁴⁴.

СИСТЕМА КЛИМАТОВ ПТОЛЕМЕЯ И МАРИНА ТИРСКОГО

Далее мы постараемся показать, что непосредственным источником, из которого Птолемей заимствовал систему семи климатов и «таблицу теней», как и все остальные географические сведения «Альмагеста», послужила ранняя редакция географического трактата Марина Тирского. «Географическое руководство»⁴⁵ Птолемея фактически представляет собой критическую переработку последнего варианта трактата Марина. Рассмотрим подробнее характер зависимости географии Птолемея от Марина.

О Марине известно только то, что сообщает сам Птолемей: Марин был наиболее компетентным из географов его времени, он неоднократно переиздавал свой труд, дополняя и исправляя его (I. 6. 1 Müller 14–15). Необходимость в написании собственного труда по географии Птолемей объясняет тем, что Марин так и не успел подготовить карту к своему последнему изданию (I. 17. 1; 18. 3–4 Müller 43–44, 49)⁴⁶. Между тем только составление такой карты позволило бы выявить и исправить существующие ошибки и противоречия в сведениях, сообщаемых Марином (I. 17. 1 Müller 43–44). Трактат Марина отличался непоследовательностью в изложении материала, что создавало значительные трудности для всякого, кто пытался составить к нему карту (I. 6. 1; 17. 1; 18. 4–5 Müller 15, 43, 49–50)⁴⁷. Поэтому Птолемей ставит своей задачей создать настолько простое и удобное руководство для составления карты, которое позволяло бы легко начертить ее уже только на основании данных, содержащихся в самом тексте, даже при отсутствии карты-образца. Птолемей добавляет, что при этом он будет во всем придерживаться взглядов Марина, исключая явно ошибочные (I. 19 Müller 50)⁴⁸.

Реализуя эту задачу, Птолемей посвящает первую книгу «Руководства» изложению основных принципов своей работы и критике методологических недо-

⁴³ Он округляет расстояния между параллелями: Страна Корицы – Мерое с 3400 до 3000 стадиев (см. выше); Сиена – Александрия с 5300 до 5000 стадиев (XVII. 1. 2 = F III B 51; *Berger. Erdkunde...* S. 152–153, 304–305); Александрия – Лисимахия с 8100 до 8000 стадиев (I. 4. 2 = F II C 2; II. 5. 42 = F II C 5). Рассуждая о широте северной границы Индии, Эратосфен оценивает расстояние между Мерое и Афинами в 15000 стадиев, однако из чисел, которые он приводит в других местах, следует более точная оценка: 13750 или 14150 стадиев; см. *Berger. Eratosthenes...* S. 187; *Dicks. Hipparchus...* P. 123. Диллер (*Geographical Latitudes...* P. 264) приводит эти факты в качестве подтверждения того, что Эратосфен понимал климат как полосу в 400 стадиев; ср. *Aujac. Strabon...* P. 186. Not. 2. Но Эратосфен также округлял и расстояния между меридианами: от Каспийских Ворот до Тапсака с 10300 до 10000 стадиев.

⁴⁴ С. Бьянкетти отмечает, что многие числа Эратосфена кратны 500 стадиев или 1000 стадиев: *Bianchetti S. Dall'astronomia alla cartografia: Ipparco di Nicea // POIKILA-MA. Studi in onore di Michelle R. Cataudella in occasione del 60° compleanno. La Spezia, 2001. P. 152.*

⁴⁵ Издание текста: *Claudii Ptolemaei Geographia / E codd. recognovit, prolegomenis annotatione indicibus tabulis instruxit Carolus Müllerus. I. 1. P., 1883 (нем. пер. I кн.: Des Klaudios Ptolemaios Einführung in die darstellende Erdkunde / Übers. und erläuter. von H. von Mžik. Wien, 1938; ee англ. пер.: Ptolemy's Geography).*

⁴⁶ *Berger. Erdkunde...* S. 645; *Honigmann. Marinos...* Sp. 1770–1771, 1773–1774.

⁴⁷ См. *Kubitschek W. Karten // RE. Bd X. 2. 1919. Sp. 2059, 2068–2069.*

⁴⁸ *Ibid. Sp. 2068–2069; Fischer J. Introduction // Geography of Claudius Ptolemy / Transl. and ed. E.L. Stevenson. N.Y., 1932. P. 6–7, 9–10; Ptolemy's Geography. P. 23.*

статков и некоторых фактических ошибок труда Марина. Следующие шесть книг представляют собой итог работы Птолемея – систематическое описание карты в форме списков координат. Поскольку география Птолемея полностью основана на работе Марина, а работа Марина известна нам только благодаря Птолемею, мы очень часто не можем провести точную границу между теми ее элементами, которые отражают вклад самого Птолемея, и теми, которые восходят к Марину. Те немногочисленные примеры рассуждений Марина, которые приводит Птолемей, показывают, что способ изложения материала у Марина существенно отличался от способа самого Птолемея⁴⁹. В отличие от Птолемея, Марин использовал разные способы: 1) координаты широты и долготы, 2) систему климатов, 3) измерения расстояний, 4) географические описания. Трудно оценить, в какой пропорции в работе Марина соотносились эти четыре группы сведений⁵⁰: все они были переработаны Птолемеем в единообразные таблицы координат.

Птолемей прямо отмечает, что Марин указывал координаты лишь небольшого числа пунктов (I. 18. 5 Müller 50)⁵¹, и упоминает несколько параллелей Марина: зимнего тропика (I. 7. 1 Müller 16), Ароматов ($1/4^h = 4 1/4^\circ$: I. 14. 4 Müller 37), Мерое (без прямой ссылки на Марина: I. 10. 1 Müller 25), Родоса, Смирны, Геллеспонта, Византия (I. 11. 2, 5; 12. 5, 6, 7, 9; 15. 8–10; 16 Müller 27, 29, 31, 32, 41, 43), середины Понта (I. 16. Müller 43), Туле (I. 7. 1; 20. 7–8; 22. 2 Müller 16, 53, 54). Уже без ссылки на Марина Птолемей приводит список из 21 параллели, которые следует особо отмечать на карте: начиная с $4 1/4^\circ$ – через $\Delta M = 1/4^h$, а начиная с 45° – через $\Delta M = 1/2^h$ до Туле (63°), не называя пункты, через которые они проходят, за исключением Мерое, Родоса и Туле (I. 23 Müller 56–58)⁵². Все эти параллели присутствуют в «таблице теней» и по сути являются климатами [как $\Delta = f(M^h)$]⁵³. Многие ключевые пункты географии Птолемея расположены именно на этих параллелях⁵⁴, – вероятно, все эти данные восходят к Марину. Система этих параллелей, очевидно, формировала основу географии Марина. Параллели Марина тесно связаны с его системой климатов. Птолемей всего три раза упоминает о климатах Марина (I. 11. 1; 15. 6–10, 17. 1 Müller 27, 40–44) и дает только два конкретных примера того, как он их использовал: (I. 15. 8–9 Müller 41):

Τὴν Ἀμφίπολιν καὶ τὰ περὶ αὐτὴν ὑπὲρ
τὸν Ἄθω καὶ τὰς τοῦ αὐτῆς Στριμόνος
ἐκβολὰς κείμενα ἐν τῷ τετάρτῳ καὶ ὑπὸ
τὸν Ἑλλησποντον κλίματι τίθησιν...

Амфиполь и его окрестности выше
Афона и устье Стримона он помещает в
четвертом климате ниже [параллели]
Геллеспонта...

Этот пример показывает, что Марин трактовал термин κλίμα иначе, чем все другие авторы: не как параллель, а как полосу, ограниченную с двух сторон параллелями. Тот факт, что именно четвертый климат оказался ограничен с севера параллелью Геллеспонта, проще всего можно объяснить, если предполо-

⁴⁹ См. *Photinos N.G. Marinos von Tyros // RE. Supplbd XII. 1970. Sp. 795–796.*

⁵⁰ *Bunbury. History... II. P. 542–543; Berger. Erdkunde... S. 614–615; Toomer G.J. Ptolemy // Dictionary of Scientific Biography. XI. N.Y., 1975. P. 198.*

⁵¹ *Honigmann. Marinos... Sp. 1777–1778.*

⁵² Названия ряда других пунктов указываются в интерполяциях и маргиналиях: *Diller. The Parallels... P. 7.*

⁵³ Исключением является широта порта Окелис $11^\circ 24'$, основанная на наблюдениях за звездами (I. 7. 4 Müller 17).

⁵⁴ См. *Diller. Geographical Latitudes... P. 268–269.*

жить, что интервал между параллелями, разграничивающими климаты Марина, составлял $1/2^h$, а началом первого климата была параллель Мерое. В таком случае получается, что эти параллели Марина совпадают с семью климатами Птолемея. На этом основании исследователи делают закономерный вывод о том, что Марин использовал ту же самую систему семи климатов, что и Птолемей, только при этом рассматривал климаты не как параллели, а как полосы, каждая из которых была ограничена с юга соответствующим климатом Птолемея⁵⁵.

Однако следующая же фраза Птолемея показывает, что Марин в качестве границы климата мог рассматривать не только семь канонических параллелей Птолемея, но и широты $1/4^h$ из «таблицы теней»:

Ὅμοίως δὲ καὶ τῆς Θράκης σχεδὸν ὅλης
ὑπὸ τὸν διὰ Βυζαντίου παράλληλον κει-
μένης, τὰς μεσογειοῦς αὐτῆς πόλεις
ἀπάσας ἐν τῷ ὑπὲρ τοῦτον τὸν παρά-
λληλον κλίματι κατέταξεν.

Точно так же, хотя почти вся Фракия лежит ниже параллели Византия (то есть: климата $151/4^h$. – Д.Ш.), он расположил все ее внутренние города в климате выше этой параллели.

Другой пример употребления термина κλίμα в аналогичном значении Птолемея дает в описании Германии (П. 11. 12–14 Müller 266, 268, 271). Перечисляя координаты, Птолемей разделяет их между несколькими полосами, которые он называет климатами. В качестве границ этих полос здесь тоже выступают не семь климатов, а параллели «таблицы теней», идущие через $\Delta M = 1/4^h$. Кроме того, Птолемей дважды называет климатами самые северные широты ойкумены (V. 9. 16; VII. 5. 15). Скорее всего эти примеры отражают то понимание термина κλίμα, которого придерживался Марин. Это позволяет предполагать, что Марин, в отличие от Птолемея, применял термин не только к семи широтам, но и к другим параллелям «таблицы теней», хотя при этом выделял семь главных климатов среди других⁵⁶.

Несмотря на то что семь климатов ни разу не используются в тексте «Руководства», они изображены на многих дошедших картах Птолемея, а также описаны в трактате Διάγνωσις, который имеет общий источник с надписями на картах⁵⁷. Показательно, что на многих картах климаты изображены не как параллели, а как зоны, ограниченные этими параллелями⁵⁸. Некоторые исследователи предполагают, что эти упоминания климатов являются пережитком географии Марина или даже отголоском независимой традиции, восходящей к Эратосфену и Гиппарху⁵⁹. Это предположение используется как доказательство того, что карты были составлены не самим Птолемеем, а его преемниками. Такой вывод нельзя признать достаточно обоснованным: Птолемей использовал семь клима-

⁵⁵ См. Fischer. Ptolemäus und Agathodämon... S. 89–93; Honigmann. SK. S. 55–56; idem. Marinos... Sp. 1780–1781; Ptolemy's Geography. P. 161; иначе, но ошибочно: Berger. Erdkunde... S. 612–613; Abel K. Zone // RE. Supplbd XIV. 1974. Sp. 1134–1134.

⁵⁶ Honigmann. SK. S. 55–56; idem. Marinos... Sp. 1781. Автор почему-то считает, что Марин мог называть климатами только семь канонических, и поэтому приписывает данный пример Птолемею.

⁵⁷ Diller. The Parallels; idem. The Anonymous Diagnosis of Ptolemaic Geography // Classical Studies in Honor of William Abbott Oldfather. Urbana, 1943. P. 39–49.

⁵⁸ Арабские географы, опирающиеся на Птолемея, также трактуют климаты как зоны: Honigmann. SK.

⁵⁹ Fischer. Ptolemäus und Agathodämon... S. 90; Kubitschek. Klima... Sp. 841–842; Diller. The Parallels... P. 6–7.

тов в «Альмагесте» и «Подручных таблицах», поэтому нельзя утверждать, что упоминания климатов на картах не могут восходить к Птолемию только потому, что о них не сказано в «Руководстве»⁶⁰.

П. Шнабель, проанализировав географические пассажи «Альмагеста», показал, что они отражают более раннюю стадию развития географии Птолемея, чем «Руководство»⁶¹. На это указывает то, что три черты географии «Альмагеста» соответствуют тем представлениям Эратосфена и Гиппарха, от которых Птолемей отказывается в «Руководстве»: 1) южной границей ойкумены является экватор, 2) сохраняется главный меридиан географии Эратосфена, проходящий через Александрию, Родос и Геллеспонт, 3) окружность Земли принимается за 252000 стадиев, а 1° равен 700 стадиям⁶².

Ряд обстоятельств позволяет нам пойти в рассуждениях дальше и предположить, что география «Альмагеста» отражает одну из тех ранних редакций работы Марина Тирского, о которых Птолемей упоминает в «Руководстве» (I. 17. 1 Müller 43–44).

1. Система параллелей Марина и таблица 21 параллели из «Руководства» почти полностью совпадают по своему содержанию с «таблицей теней» Птолемея. За исключением нескольких незначительных расхождений, сведения «таблицы теней» совпадают с данными «Руководства», даже в столь специфических деталях, как широты ряда незначительных пунктов: Авалитский и Адулитский заливы, Напата и Птолемаида⁶³.

2. Как показано выше, Марин знал и использовал ту же систему семи климатов, что и Птолемей.

3. В «Альмагесте» после «таблиц теней», ἀναφοράι и зенитных расстояний Птолемей отмечает, что для выполнения астрономических расчетов в разных странах необходимо дополнительно указать широту и долготу относительно Александрии для всех «достойных упоминания городов каждой страны». Птолемей обещает, что в будущем он посвятит этому предмету отдельное сочинение, «следуя более всего подходящим для этого работам из [числа самых] совершенных»⁶⁴. Это обе-

⁶⁰ Ср. *Schnabel. Text und Karten...* S. 85. Anm. 1, 87–88.

⁶¹ *Schnabel P. Die Entstehungsgeschichte des kartographischen Erdbildes des Klaudios Ptolemaios // Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss. Philol.-hist. Kl. 1930. XIV. S. 214–220.*

⁶² Дополнительным подтверждением этого вывода является тот факт, что Птолемей проводит климат 14h = 30°22' через область Нижнего Египта, очевидно, следуя в этом Гиппарху. Согласно Страбону, Гиппарх проводил этот климат в 400 стадиях южнее Александрии (II. 5. 38 = F V 6 = F 48). Александрию Птолемей помещает на широте 31° (точнее 30°58' в Alm. V. 12 Heib. 407), на 38' (или 36') севернее климата 14h, что составляет 316.(6) (или 300) ≈ 300 стадиев при 1° = 500 стадиев или 443.(3) стадиев (или 420) стадиев ≈ 400 стадиев при 1° = 700 стадиев (ср. *Berger. Hipparchus. S. 49*). То есть данные Птолемея и Гиппарха согласуются друг с другом, только если 1° = 700 стадиев.

⁶³ Это отмечают: *Berger. Erdkunde...* S. 595, 612; *Schnabel. Entstehungsgeschichte...* S. 216–217.

⁶⁴ Ἐφωδευμένης δὲ καὶ τῆς τῶν γωνιῶν πραγματείας, λείποντος δὲ τοῖς ὑποτιθεμένοις τοῦ τὰς ἐποχὰς τῶν καθ' ἑκάστην ἐπαρχίαν ἐπισημασίας ἀξίων πόλεων ἐπισκέφθαι κατὰ μήκος καὶ κατὰ πλάτος πρὸς τοὺς τῶν ἐν αὐταῖς φαινομένων ἐπιλογισμοὺς τὴν μὲν τοιαύτην ἔκθεσιν ἐξαιρέτου καὶ γεωγραφικῆς ἔχουμένην πραγματείας καθ' αὐτὴν ὑπ' ὅπιν ποιησόμεθα ἀκολουθήσαντες ταῖς τῶν ἐπεξεργασμένων ὡς ἐνὶ μάλιστα τοῦτο τὸ εἶδος ἱστορίας (II. 13.1 Heib. 188). Об этом пассаже: *Kubitschek. Karten...* Sp. 2061–2062; *Polaschek E. Klaudios Ptolemaios. Das geographische Werk // RE. Supplbd X. 1965. Sp. 681–682; Berger. Erdkunde...* S. 681–682; *Ptolemy's Geography. P. 19.*

щение хорошо согласуется с той характеристикой, которую Птолемей дает в «Руководстве» (I. 6. 1 Müller 14–15):

Δοκεῖ δὴ Μαρῖνος ὁ Τύριος ὑστατός τε τῶν καθ' ἡμᾶς καὶ μετὰ πάσης σπουδῆς ἐπιβαλλεῖν τῷ μέρει τοῦτω φαίνεται γὰρ καὶ πλείοσιν ἱστορίας περιπεπτωκῶς παρὰ τὰς ἐτι ἄνωθεν εἰς γῶσιν ἐλθούσας, καὶ τὰς πάντων σχεδὸν τῶν πρὸ αὐτοῦ μετ' ἐπιμελείας διεληφώς.

Марин Тирский, как кажется, был последним из тех, кто в наше время занимался этим предметом, и притом с полным усердием. Ведь он открыл многочисленные описания, помимо тех, которые еще издавна стали известны, и старательно разобрал [работы] почти всех своих предшественников...

Птолемей выполняет свое обещание и включает в свод «Подручных таблиц» таблицу «знаменитых городов»⁶⁵, где перечислены около 360 пунктов из 82 регионов, и для каждого указаны градусы широты и долготы, отсчитываемой от меридиана Островов Блаженных. Позже эта таблица в переработанной форме составила восьмую книгу «Руководства». Здесь координаты были выражены уже не в градусах: широта – как продолжительность наибольшего дня *M*, долгота – как разница между местным временем и временем в Александрии⁶⁶. Координаты в «таблице знаменитых городов» почти полностью совпадают с данными I–VII книг «Руководства», но незначительные расхождения между ними показывают, что таблица была составлена раньше⁶⁷. Отсюда следует, что таблица, как и «Руководство», была основана на работе Марина и, возможно, отражает ее содержание в более чистой форме. Следовательно, когда Птолемей в «Альмагесте» обещал составить «таблицу знаменитых городов», опираясь на работы наиболее компетентных авторов, он скорее всего подразумевал именно Марина Тирского.

4. В основе карты Птолемея удастся выделить слой сведений, отражающий, вероятно, наиболее раннюю стадию ее формирования, которая (как и география «Альмагеста») основана на значении $1^\circ = 700$ стадиев и представляет собой математическую интерпретацию географии Эратосфена.

В географии Птолемея карта Среднего Востока явно отражает представления Эратосфена. Основу этой карты образуют три меридиана: 79° – Вавилон, 94° – Каспийские Ворота и граница второй и третьей сфрагид Эратосфена (у Птолемея: между Парфией/Карманией и Персией/Мидией) и 119° – граница первой и второй сфрагид Эратосфена (Арианы и Индии; у Птолемея: между Арахосией/Паропамисадами и Индией; VI. 18. 1; 20. 1; 21. 1 Ronca 66, 73). Если принять 1° за 700 стадиев, то указанные Птолемеем расстояния между этими меридианами точно совпадут с данными Эратосфена:

1. Расстояние от меридиана границы Кармании и Персии до меридиана Вавилона составляет 15° , что для широты Александрии (31° , где 1° долготы = 600 стадиев) равняется 9000 стадиев, что соответствует длине южной стороны третьей сфрагиды Эратосфена, т.е. расстоянию от Вавилона до восточной границы Кар-

⁶⁵ См. об этой таблице: Berger. Erdkunde... S. 617, 643; Polaschek. Klaudios Ptolemaios... Sp. 682–683.

⁶⁶ Kubitschek. Karten... Sp. 2077; Schnabel. Entschtehungsgeschichte... S. 70–71.

⁶⁷ Cuntz. Die Geographie des Ptolemaeus... S. 96–106; Kubitschek W. Studien zur Geographie des Ptolemäus. I. Die Ländgrenzen. Wien–Leipzig, 1934. S. 32–33; Schnabel. Entschtehungsgeschichte... S. 70–74; Polaschek E. Ptolemy's Geography in a New Light // Imago Mundi. 1959. XIV. P. 18–19; idem. Klaudios Ptolemaios... Sp. 684–692.

мании (точнее 9200 стадиев: П. 1. 25, 27 = F III B 25, 26; Гиппарх округляет до 9000 стадиев: П. 1. 36 = F X 8 = F 27).

2. Расстояние от меридиана 94° до меридиана границы Индии составляет 25° , что для широты Родоса (36° , где 1° долготы = 560 стадиев) равняется 14000 стадиев, что точно соответствует длине второй сфрагиды Эратосфена вдоль ее северной стороны – от Каспийских Ворот до границы Индии (I. 4. 5 = F II C 18; XV. 2. 8 = F III B 20; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 74)⁶⁸.

5. Вывод Шнабеля о том, что оценки долгот, которые Птолемей приводит в «Альмагесте», основаны на значении $1^\circ = 700$ стадиев, предполагает, что первоначально эти оценки были выражены не в градусах, а в традиционных единицах измерения расстояний (стадиях, сменах и т.д.). Между тем, именно так Марин оценивал протяженность Средиземного моря (I. 13. 10 Müller 33) и пути агентов Мая Тициана в Китай⁶⁹. По-видимому, большая часть географических сведений Марина была выражена не в координатах, а в обычных мерах измерения расстояний⁷⁰.

Таким образом, 7 климатов и 39 параллелей «таблицы теней», которые Птолемей использует в «Альмагесте» и которые затем формируют основу его географии в «Руководстве», восходят к работе Марина Тирского – к ее ранней и поздней редакциям соответственно.

СЕМЬ КЛИМАТОВ ПТОЛЕМЕЯ И ГЕОГРАФИЯ ЭРАТОСФЕНА

Согласно гипотезе Э. Хонигманна, создателем системы семи климатов был Эратосфен. Эта гипотеза нашла как убежденных сторонников, так и противников. Далее мы рассмотрим существующие интерпретации географической системы Эратосфена и те факты, которые позволяют проследить ее связь с системой семи климатов, и постараемся показать, что в споре между Э. Хонигманном и его оппонентами позиции обеих сторон верны лишь отчасти.

Существуют три варианта реконструкции системы Эратосфена, которые принципиально различаются тем, на какие свидетельства они опираются, и, соответственно, тем, насколько простую или сложную картину они рисуют. Первая реконструкция опирается только на прямые фрагменты и, соответственно, предлагает наиболее упрощенное видение системы Эратосфена⁷¹. Согласно этой реконструкции, основу географии Эратосфена составляли две «оси координат», называемые $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\alpha$, главная параллель и главный меридиан, пересекающиеся на Родосе. Эратосфен использовал эти две оси для того, чтобы, измеряя вдоль них отрезки расстояний от одного пункта к другому, получить общую оценку длины и ширины ойкумены. Если объединить данные этих измерений⁷², то получится следующая шкала расстояний⁷³:

⁶⁸ О второй сфрагиде см. *Berger. Eratosthenes...* S. 243–244, 251, 259.

⁶⁹ См. *Ptolemy's Geography*. P. 150–154.

⁷⁰ См. *Honigmann. Marinos. Sp.* 1777–1778.

⁷¹ *Mannert K. Einleitung in die Geographie der Alten und Darstellung ihrer vorzüglichen Systeme.* Lpz, 1829. S. 82, 91–92; *Bunbury. History...* I. P. 638–640; II. P. 4. Not. 2; *Reinhardt. Kosmos und Sympathie...* S. 399; *Thalamos F.A. La géographie d'Ératosthène.* Versailles, 1921; *Paassen C. van. The Classical Tradition of Geography.* Groningen, 1957. P. 39–42; *Dicks. The CLIMATA...* P. 250–255; *idem. Hipparchus...* P. 128–129, 159; *idem. Eratosthenes // Dictionary of Scientific Biography.* IV. N.Y., 1971. P. 389–390.

⁷² *Strabo.* I. 4. 2 = F II C 2, 7; II. 5. 42 = F II C 5, 7; II. 5. 35–42 = F III A 17–22; II. 1. 3 = F III A 2; II. 5. 7; *Cleomed.* I. 7. 53, 108 Todd 35, 37 = F II B 34; *Plin.* II. 183 = F II B 38; V. 132 = F II B 28. См. об этом: *Berger. Eratosthenes.* S. 152–153.

⁷³ *Berger. Eratosthenes...* S. 142–155; *idem. Erdkunde...* S. 408–409, 414–417; cp. *Diller. Geographical Latitudes...* P. 261–263; *Neugebauer. HAMA.* P. 1313. Fig. 291.

	Расстояние от предыдущего пункта (в стадиях)	Расстояние от экватора (в стадиях)
Страна Корицы		8800
Мерое	3000	11800
Сиена	5000	16800
Александрия	5000	21800
Родос	≈4000 (3750)	≈25800 (25500)
Геллеспонт	≈4000 (4350 или 4450)	≈29800 (или 29900)
Борисфен	5000	34800 или 34900
Остров Туле	11500	

Вторая реконструкция предложена Г. Бергером и предполагает, что наряду с двумя $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\alpha$ основу географии Эратосфена составляла система дополнительных параллелей и меридианов⁷⁴. Г. Бергер пытается выделить в Страбовом описании таблицы Гиппарха (II. 5. 34) чуждые ей элементы, которые согласуются с фрагментами Эратосфена, и на этом основании реконструирует систему параллелей Эратосфена, считая, что Страбон произвольно смешал ее с данными Гиппарха. В результате Г. Бергер предполагает, что в географии Эратосфена каждому пункту главного меридиана (указаны в таблице выше) соответствовала своя особая параллель⁷⁵. Только параллель середины Понта Г. Бергер считает нововведением Гиппарха.

Позиция Г. Бергера не противоречит первому варианту реконструкции, но только дополняет его. В географии Эратосфена $\sigma\tau\omicron\chi\epsilon\iota\alpha$ выполняли вторую важную функцию наряду с измерением длины и ширины ойкумены – они играли роль системы координат, относительно которой определялось положение всех остальных пунктов карты. Именно для этой цели служили дополнительные параллели и меридианы, которые проводились через рассматриваемый пункт в качестве перпендикуляров к осям⁷⁶. Описание такого метода построения карты приводит Страбон (II. 5. 16 = F III A 24; ср. II. 5. 34)⁷⁷.

Третья реконструкция географии Эратосфена была предложена Э. Хонигманном и основана на сопоставлении данных Эратосфена с системой семи кли-

⁷⁴ Ранее эта идея высказывалась в кн.: *Forbiger A. Handbuch der alten Geographie*. Bd I. Hamburg², 1877. S. 180–182, 545, но без достаточной аргументации.

⁷⁵ *Berger. Eratosthenes...* S. 188–198; *idem. Erdkunde...* S. 421–426, 476–478. Эту реконструкцию принимают: *Schoy C. Die geschichtliche Entwicklung der Polhöhenbestimmungen bei den älteren Völkern // Aus dem Archiv der Deutschen Seewarte*. Bd XXXIV. № 2. Hamburg. 1911. S. 8–9; *Kubitschek. Karten...* Sp. 2053; *Gisinger. Geographie...* Sp. 611; *Abel. Zone...* Sp. 1045; *Aujac. Strabon...* P. 197–198; *Dilke. Op. cit.* P. 33–35; *Stükelberger A. Einführung in die antiken Naturwissenschaften*. Darmstadt, 1988. S. 6–67; *Geus K. Die Welt in antiken Karten und Globen // Die Alten Sprachen im Unterricht*. 1999. 46. 4. S. 17; *idem. Eratosthenes von Kyrene. Studien zur hellenistischen Kultur- und Wissenschaftsgeschichte*. München, 2002. S. 273; *idem. Measuring the earth and the oikumene: zones, meridians, sphragides and some other geographical terms used by Eratosthenes of Kyrene // Perception and Presentation of Space (= Journal of Roman Archaeology)*. 2003; отчасти: *Paassen van. Op. cit.* P. 39–42; ср. также *Heidel W.A. The Frame of the Ancient Greek Maps*. N.Y., 1937. P. 125.

⁷⁶ *Jacob C. Cartographie et rectification // Strabone. Contributi allo studio della personalità e dell'opera*. II. Perugia, 1986. P. 52–53; *Prontera F. Sulle basi empiriche della cartographia greca // Sileno*. 1997. 23. P. 50–54.

⁷⁷ *Berger. Eratosthenes...* S. 198–200; *idem. Erdkunde...* S. 420–428, 432; *Paassen van. Op. cit.* P. 39–42; *Bianchetti. Dall'astronomia...* P. 148.

матов Птолемея⁷⁸. Э. Хонигманн подчеркивает слабость других реконструкций: они не объясняют причин выбора Эратосфеном именно тех шести пунктов на главном меридиане, между которыми он измеряет расстояния (Мерое, Сиена, Александрия, Родос, Геллеспонт, Борисфен). Поэтому непоследовательной представляется позиция тех исследователей, которые отмечают, что оценки расстояний между этими пунктами в ряде случаев основаны на измерениях широты (или даже на оценке максимальной продолжительности дня M), но отрицают знакомство Эратосфена с концепцией климата. Далее Э. Хонигманн отмечает, что все шесть пунктов географии Эратосфена присутствуют в системе семи климатов⁷⁹. На этом основании Э. Хонигманн предполагает, что: 1) существует преимущество между географией Эратосфена и системой климатов Птолемея; 2) именно система семи климатов должна была составлять основу тех измерений расстояний вдоль меридиана, которые проводит Эратосфен⁸⁰; 3) каноническое число 7 и параллель середины Понта должны восходить к Эратосфену⁸¹.

Далее мы приведем ряд дополнительных аргументов, которые подтверждают эти предположения Э. Хонигманна.

Четкое различие, которое Птолемей проводит между 7 климатами и 39 параллелями «таблицы теней», наводят на мысль о том, что эти таблицы отражают два качественно разных этапа в развитии системы климатов. Близость системы семи климатов и географии Эратосфена особо подчеркивает тот факт, что все опорные пункты климатов лежат на главном меридиане Эратосфена. «Таблица теней» имеет много общего с таблицей Гиппарха⁸²: 1) есть климаты $1/4^h$, 2) опорные пункты никак не связаны с главным меридианом, 3) охвачены все широты от экватора до полюса. По своему объему таблица Гиппарха намного превосходит систему семи климатов и более близка «таблице теней». При этом все семь климатов присутствуют как в «таблице теней», так и в таблице Гиппарха⁸³. Все это указывает на то, что система семи климатов предшествует как «таблице теней», так и таблице Гиппарха, которые могут рассматриваться только как этапы дальнейшего развития этой системы.

Ряд фактов говорит в пользу того, что параллель середины Понта не была нововведением Гиппарха, а присутствовала уже у Эратосфена, – следовательно, ему были известны все семь канонических климатов:

1. Все параллели Гиппарха проходят через конкретные пункты, а положение этой параллели, напротив, весьма неопределенное – она проходит через середину пути корабля от Геллеспонта до Борисфена (Strabo. II. 5. 41 = F V 14 = F 56).

2. Все параллели Гиппарха (не считая параллели Византия, а также тех шести, которые были уже у Эратосфена) проходят через пункты, лежащие вне главного меридиана Эратосфена, а середина Понта расположена на меридиане.

3. Пересказывая содержание таблицы климатов Гиппарха, Страбон оценивает расстояние от экватора до параллели середины Понта в 28800 стадиев, что

⁷⁸ Ее принимают: *Diller. Geographical Latitudes...* P. 261–263; *Aujac. Strabon...* P. 40–48, 168–170; *Dilke. Op. cit.* P. 178; *Дитмар А.И.* Рубежи ойкумены. М., 1973. С. 78; *он же.* География... С. 70; *Пьянков.* Средняя Азия... С. 144; *Marcotte. Op. cit.* P. 264.

⁷⁹ Во фрагментах Эратосфена отсутствует только середина Понта, а широты Туле и Страны Корицы не вошли в систему климатов Птолемея.

⁸⁰ С этим соглашается даже Нойгебауэр (НАМА. P. 334. Not. 8, 928).

⁸¹ *Honigmann. SK. S.* 13–14, 54.

⁸² Это также отмечают: *Müllenhoff. Op. cit.* S. 328–349; *Berger. Erdkunde...* S. 594, 612; *Szabó, Maula. Op. cit.* P. 85–90; *Bianchetti. Dall'astronomia...* P. 146–147.

⁸³ *Honigmann. SK. S.* 13–14.

соответствует широте $\approx 41^{\circ}10'$ – климату 15^h при наклоне эклиптики $\varepsilon = 23\frac{2}{3}^{\circ}$. Анализ других данных Страбона подтверждает, что таблица Гиппарха была основана на значении $\varepsilon = 23\frac{2}{3}^{\circ}$ ⁸⁴, а другие исследования позволяют предположить, что он использовал это значение и в астрономии: в «Комментарии» и в каталоге звезд⁸⁵. Противоречия этим данным, Страбон отмечает, что параллель середины Понта лежит на равном расстоянии от экватора и от полюса, что соответствует широте 45° – климату 15^h при $\varepsilon = 24^{\circ}$ – значению, которое принимал Эратосфен⁸⁶.

4. Система семи климатов обладает внутренним единством и завершенностью – ее основу составляют четыре климата 1^h , между которыми расположены три климата $\frac{1}{2}^h$; отсутствие климата середины Понта нарушило бы эту целостность.

Близость совпадения между семью климатами Птолемея и списком параллелей Эратосфена подчеркивает сравнение с тремя другими известными нам системами климатов: Клеомеда (П. 1. 438–444 Todd 59), Плиния (VI. 219) и Марциана Капеллы (VIII. 876–877 Dick 462):

M=	7 климатов Птолемея	Клеомед	Марциан Капелла	Плиний ⁸⁷
13^h	Мерое	Мерое	Мерое	Мерое ($12\frac{1}{2}^h$) ⁸⁸
$13\frac{1}{2}^h$	Сиена		Сиена	Сиена (13^h)
14^h	южнее Александрии	Александрия	Александрия	
$14\frac{1}{2}^h$	Родос	Родос	Родос Рим (< 15^h)	
15^h	Геллеспонт	Геллеспонт Рим (> 15^h) Массалия ($15\frac{1}{2}^h$)	Геллеспонт	Геллеспонт Рим ($15\frac{1}{9}^h$)
$15\frac{1}{2}^h$	середина Понта			
16^h	устье Борисфена	кельты Меотида (17^h) Британия (18^h)	устье Борисфена Рифейские горы (17^h)	устье Танаиса (16^h) гипербореи и Британия (17^h) Рифейские горы и Туле (24^h)

При наличии ряда расхождений, списки Клеомеда, Капеллы и Плиния имеют две общие черты: 1) они содержат основные элементы системы семи климатов

⁸⁴ Diller. Geographical Latitudes... P. 265; cp. Rawlins D. Competence Held Hostage #2: The Princeton Institute vs Aubrey Diller // DIO. 1994. 4. P. 55 (<http://www.dioi.org>).

⁸⁵ Nadal R., Brunet J.P. Le «Commentaire» d'Hipparque. I. La sphère mobile // Archive for History of Exact Sciences. 1984. 29. P. 201–236; Rawlins D. Ancient Geodesy: Achievement and Corruption // Vistas in Astronomy. 1985. 28. P. 262–253.

⁸⁶ Berger. Eratosthenes... S. 131–132, 137; idem. Erdkunde... S. 411, 414; мнение Г. Бергера принимают: Heath T.L. Aristarchus of Samos. The Ancient Copernicus. A History of Greek Astronomy to Aristarchus. Oxf., 1913. P. 131. Not. 4; Thomson J.O. History of Ancient Geography. Camb., 1948. P. 163; также см. Taisbak C.M. Eleven-Thirties. Ptolemy's Reference to Eratosthenes in Almagest I. 12 // Centaurus. 1984. 27. P. 165–167.

⁸⁷ Плиний упоминает только несколько параллелей, заимствованных из некоей известной ему системы климатов, в качестве дополнения к таблице семи «астрологических» климатов.

⁸⁸ В скобках указаны те значения M , которые не имеют соответствий в системе семи климатов Птолемея. Любопытно, что в таблице Плиния широты оказались сдвинуты к югу «на одно деление» ΔM^h по сравнению с географией Птолемея: где Мерое связано с климатом 13^h , Сиена – с $13\frac{1}{2}^h$, устье Танаиса – 17^h , а Британия – с 18^h .

(Мерое, Сиена, Александрия, Родос, Геллеспонт, Борисфен = Кельтика), 2) добавляют к ним ряд элементов явно более позднего происхождения: а) Рим, б) элементы, близкие таблице Гиппарха (Strabo. II. 5. 41–42) и, вероятно, говорящие о ее влиянии (Массалия, Меотида или устье Танаиса, Британия), в) климаты севернее $M = 16^h$ (Меотида и устье Танаиса, Британия, Рифейские горы). Эти особенности показывают, что: 1) три списка отражают разные варианты в общем одной и той же таблицы климатов, 2) в основе этой таблицы лежит система семи климатов, которая, следовательно, относится к более раннему времени, 3) система семи климатов расходится с этой таблицей намного более, чем с системой параллелей Эратосфена.

Широты по меньшей мере трех пунктов из семи канонических были известны как климаты задолго до Эратосфена. Климат Геллеспонта (15^h) был известен Эвдоксу (Hipp. Comm. I. 2. 22 Manit. 23 = F 68 Lasserre; ср. I. 3. 5, 7–8 Manit. 26; I. 3. 9–10 Manit. 28 = F 67 Lasserre)⁸⁹, климат Александрии (14^h) – Беросу (Plin. VII. 49, 160; Censor. De die natali XVII. 4)⁹⁰, климат Мерое (13^h) был установлен Филоном, о чем говорил сам Эратосфен (Strabo. II. 1. 20 = F II В 36). Возможно, Пифей (вторая половина IV в. до н.э.) выражал широту областей северной Европы, которые он посетил, через оценку M^{91} . Эратосфен также упоминал измерения тени гномона для широт Сиены, Александрии и Родоса (Strabo. II. 5. 24 = F II В 28; Cleomed. I. 7 Todd 35–37 = F II В 34, 35)⁹². Эти факты показывают, что Эратосфен мог также связывать с продолжительностью дня M как три упомянутые, так и все остальные параллели своей географии.

⁸⁹ Schoy. Op. cit. S. 7; Kubitschek. Klima... Sp. 838–839; Heidel. The Frame... P. 49, 98–99; Thomson. History... P. 116–117; Aujac. Strabon... P. 168; Neugebauer. НАМА. P. 729, 733. Not. 28; 737–746; Szabó, Maula. Op. cit. P. 154–157; Marcotte. Op. cit. P. 263–264; Prontera F. Karte (Kartographie) // Reallexikon für Antike und Christianium. 2003. 20. Sp. 196. Хонигманн (SK. S. 10–11) и Дикс (The КЛИМАТА... P. 248, 254; Hipparchus... P. 160) пытались (безуспешно) доказать, что Эвдокс вообще не был знаком с концепцией климата: Gisinger // Gnomon. 1933. S. 96; Dilke. Op. cit. P. 26–27, Szabó, Maula. Op. cit. P. 154–157.

⁹⁰ Honigmann. Die Anaphorai... S. 307–312; Neugebauer. НАМА. P. 721.

⁹¹ Aujac. Strabon. P. 40–48, 168–170; Marcotte. Op. cit. P. 264; Ptolemy's Geography. P. 9. Not. 7. Некоторые сомнения в том, использовал ли Пифей систему климатов, связаны с тем, что у нас нет прямых данных о том, в какой форме он изначально выражал оценки широт – эти оценки дошли только через передачу Гиппарха: Berger. Erdkunde... S. 337, 341.

⁹² Bunbury. History... I. P. 632, 661, 665–666. К. Гойс обращает внимание на пассаж Витрувия, где перечисляются вопросы, связанные с различными измерениями, которые должны затрагиваться в астрономических сочинениях, среди которых фигурирует и определение зависимости продолжительности дня от географической широты (Institutio logica. 12. 3; Geus. Eratosthenes... S. 234–235; ср. Heidel. The Frame... P. 124). В начале этого пассажа дается единственная ссылка на трактат Эратосфена «Об измерении Земли», касающаяся соответствующего вопроса. К. Гойс отмечает, что все остальные вопросы, которые перечисляет Витрувий – измерение расстояний между тропиками и полярными кругами, между Землей, Солнцем и Луной, размеров Солнца и Луны – также рассматривались Эратосфеном. На этом основании К. Гойс предполагает, что весь пассаж Витрувия восходит к упомянутому трактату и может служить опорным свидетельством для реконструкции его содержания. Geus. Eratosthenes... S. 235–250. С этим выводом нельзя согласиться: 1) нет оснований приписывать Эратосфену весь пассаж Витрувия – ссылка касается только измерения Земли; 2) ничто более не указывает на то, что в трактате «Об измерении Земли» рассматривались вопросы о каких-либо иных измерениях.

Характерным совпадением между системой семи климатов и географией Эратосфена является следующий факт. Эратосфен проводит явное различие между теми пунктами, которые соответствуют широтам 1^h в системе семи климатов, теми, которые соответствуют $1/2^h$, и широтами Страны Корицы и Туле. Говоря об измерении ширины ойкумены (Strabo. I. 4. 2 = F II C 2, 7; II. 5. 42 = F II C 5), Эратосфен упоминает только пункты климатов 1^h : Мерое, Александрия, Геллеспонт, Борисфен. Сиена и Родос упоминаются уже в другом контексте и, очевидно, рассматриваются как менее важные пункты; середина Понта в прямых фрагментах не упоминается вовсе. Страна Корицы и Туле не лежат на главном меридиане и обособлены от остальных пунктов, маркируя собой две крайние точки ойкумены. Неудивительно, что в системе семи климатов эти два пункта не нашли отражения⁹³.

Таблица семи «астрологических» климатов Плиния (см. выше), восходящая, вероятно, к Нигидию Фигулу⁹⁴, служит подтверждением того, что такое число климатов стало рассматриваться как нормативное, по крайней мере, к середине I в. до н.э. Близкие варианты таблицы семи «астрологических» климатов приводят более поздние источники: Веттий Валент (I. 7 Kroll 24, 157), Фирмик Матерн (Math. II 11 Kroll-Skutsch I 53–55) и Мичиганский папирус 149 (XI. 38–47). Правило, на основе которого построены все эти таблицы ($\Delta M = 8^m, 16^m, 24^m$), не ограничивает число климатов семью, в отличие от системы Птолемея, в которой при $\Delta M = 1/2^h$ на пространстве между Мерое и устьем Борисфена помещается только 7 климатов. Это заставляет предполагать, что первоначально количество климатов могло быть ограничено семью именно в системе, подобной Птолемеевой, а затем это число было перенесено на таблицу «астрологических» климатов. Следовательно, система семи климатов возникла задолго до Марина и Птолемея.

Таблица Плиния явно основана на более сложной и подробной географической системе климатов, о чем говорят следующие факты. Плиний приводит для каждой широты данные о длине тени гномона – бесполезные для астрологических расчетов, но являющиеся важнейшим элементом системы географических климатов. Плиний сохраняет климат Геллеспонта 15^h , несмотря на то, что это значение M не предусмотрено в системе «астрологических» климатов (вместо него должно было быть 14^h56^m). Седьмой климат 15^h36^m Плиний проводит через Борисфен, что следует рассматривать как реминисценцию системы семи климатов, где самая северная широта также связана с Борисфеном. К сожалению, крайняя ограниченность дошедших сведений не позволяет дать ясное и убедительное решение вопроса о времени и обстоятельствах возникновения «астрологической» системы климатов, а также о характере ее соотношения с «географической» системой и о причинах, вынудивших построить «астрологическую» систему на основе $\Delta M = 8^m, 16^m, 24^m$.

⁹³ См. о Стране Корицы: Strabo. XVI. 4. 20; Berger. Eratosthenes. S. 151, 155, 191, 207–208, 295–297; Мюлленхоф (Op. cit. S. 378, 392) считал, что Туле должен лежать на главном меридиане; его мнение принял Бергер (Erdkunde... S. 427. Anm. 3). Однако это мнение ничем не подкрепляется: в распоряжении Эратосфена не было данных, которые позволили бы ему связать Туле с главным меридианом. Эратосфен упоминает Туле вместе с пунктами этого меридиана только для того, чтобы определить наибольшую ширину ойкумены (а Туле маркирует широту ее северной границы), из этого не следует, что он помещал остров также на меридиане.

⁹⁴ Detlefsen D. Ursprung, Entstehung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas. В., 1906. S. 99; Honigmann. SK. S. 31. Литературу об «астрологических» климатах см. в прим. 20.

Оппоненты гипотезы Э. Хонигманна справедливо отмечают ее главную слабость: 1) Страбон ни разу не называет широты Эратосфена климатами и 2) никак не связывает их с продолжительностью дня M^{95} . На этом основании многие исследователи отрицают знакомство Эратосфена с концепцией климата и связь его географии с системой климатов.

Однако мне представляется ошибочным ставить знак равенства между использованием древними авторами термина κλίμα и их знакомством с той концепцией измерения широты, которая стояла за этим термином [$\varphi = f(M^h)$]⁹⁶. В действительности древние авторы могли использовать концепцию климата, но не упоминать термин κλίμα, заменяя его на παράλληλος⁹⁷, или наоборот, использовать термин κλίμα, но при этом не подразумевать под ним никакой определенной концепции. Показательно, что у многих авторов – у Гиппарха в «Комментарии», Гемина, Веттия Валента – термины κλίμα, ἔγκλωμα, ἔγκλισις часто используются как синонимы⁹⁸. Клеомед, описывая систему климатов, напротив, не употребляет ни одного из названных специальных терминов для обозначения ее широт (II. 1. 438–444 Todd 59).

Таким образом, отсутствие термина κλίμα в наиболее важных фрагментах Эратосфена не может свидетельствовать о том, что он не использовал концепцию климата.

Термин κλίμα упоминается всего в двух фрагментах Эратосфена, причем в сомнительном контексте. Первое упоминание содержится в географической поэме Псевдо-Скимна (112–114 = F 6):

Τῷ τὴν γεωγραφίαν γὰρ ἐπιμελέστα/
γεωγράφοντι, τοῖς τε κλίμασι καὶ τοῖς δχη-
μασιν, / Ἐρατοσθένει μάλιστα συμπλεεισ-
μένος.

[Я] следую более всего Эратосфену, ибо он с наибольшим старанием написал о географии [в том, что касается] климатов и схем.

Недоверие к этому свидетельству вызывает то, что Псевдо-Скимн – слишком ненадежный источник, притом единственный, кто прямо связывает Эратосфена с климатами⁹⁹. Однако исследования поэмы Псевдо-Скимна показывают, что

⁹⁵ *Bunbury*. History... II. P. 4. Not. 2, 5-11; *Berger*. Eratosthenes... S. 191–192. Anm. 2; *idem*. Erdkunde... S. 416–417; *Thalamos*. Eratosthenes... P. 187–251; *Reinhardt*. Poseidonios... Sp. 678; *Dicks*. The ΚΛΙΜΑΤΑ... P. 250–255; *idem*. Hipparchus... P. 156–160; *idem*. Eratosthenes... P. 389–390; ср. возражения против этого: *Honigmann*. SK. S. 21–22.

⁹⁶ Так, Р. Фехт связывал появление концепции климата с Посидонием, обосновывая это тем, что источники, которые широко используют термин κλίμα, относятся ко времени после Посидония (Страбон, Клеомед, Гемин): *Theodosii De Habitationibus liber*/ Ed. R. Fecht. S. 1, 2, 7, 10. Anm. 5; против этого: *Honigmann*. SK. S. 22. Э. Хонигманн отмечает, что Гиппарх предпочитал использовать термин «параллель», и на этом основании предполагает, что он отказался от использования концепции климатов (см. выше прим. 12).

⁹⁷ Многие исследователи не находят в ранних источниках качественного различия между терминами κλίμα и παράλληλος и признают, что в зависимости от контекста они могли заменять друг друга: *Berger*. Hipparchus...; *Müllenhoff*. Op. cit. S. 328–349; *Kubitschek*. Klima... Sp. 842; *Dicks*. The ΚΛΙΜΑΤΑ... P. 250–251; *idem*. Hipparchus... P. 155; *Neugebauer*. НАМА. P. 334; *Engels*. Kulturgeographie... S. 83; против этого *Honigmann*. SK. S. 14. Anm. 2.

⁹⁸ *Hipp*. I. 2. 21, 3. 5, 8, 10; 7. 22; II. 6. 1 Manit. 22, 26, 28, 74, 200; *Gemin*. Isag. V. 47, 48, 61; VI. 24, 26; XVI. 14, 17, 18 Aujac 29, 37, 38, 78, 79; *Vett. Valens*. Anthol. Kroll 317, 343. Это обстоятельство отметил Нойгебауэр (НАМА. P. 725).

⁹⁹ *Honigmann*. SK. S. 10; ср. *Dicks*. The ΚΛΙΜΑΤΑ... P. 254.

он действительно был знаком с трудом Эратосфена и использовал его сведения¹⁰⁰. Кроме труда Эратосфена, Псевдо-Скимн не знал других работ по математической географии и, судя по всему, не имел собственных познаний в этой сфере. Это заставляет предполагать, что скорее всего он мог почерпнуть упоминание о климатах именно в труде Эратосфена.

Второе упоминание приводится в контексте рассуждений Гиппарха в пересказе Страбона. Гиппарх в качестве примера того, что он понимает под термином κλίμα, приводит данные Филона о широте Мерое (текст приведен в начале первой части) и добавляет, что с Филоном во многом соглашается Эратосфен (Strabo. II. 5. 20 = F II 4 = F 17). Ф. Гизингер и В. Тайлер отмечают это сообщение как свидетельство того, что Эратосфен и Гиппарх понимали термин κλίμα одинаковым образом¹⁰¹. Д. Дикс справедливо подчеркивает, что поскольку весь этот отрывок передает рассуждения Гиппарха, то именно Гиппарх ответственен за применение термина κλίμα¹⁰². Даже если это так, то коль скоро Эратосфен рассматривал данные Филона, он был хорошо знаком с концепцией климата, хотя мог не использовать при этом термин κλίμα.

Сложнее объяснить то, что фрагменты Эратосфена ни разу не связывают широты его географии с продолжительностью дня *M*. Это обстоятельство резко противоречит тому факту, что широты Эратосфена совпадают с семью климатами Птолемея.

Возможны три объяснения этого противоречия: 1) Эратосфен действительно не связывал используемые им семь широт с *M*, эта связь была проведена уже после него – однако все изложенное выше говорит о том, что эти широты должны были изначально опираться на систему семи климатов; 2) Эратосфен связывал семь широт с *M*, но Страбон об этом умолчал; однако столь недоверчивое отношение к Страбону здесь вряд ли обосновано; 3) эти широты были связаны с *M* еще до Эратосфена, который только использовал уже существовавшую систему семи климатов и поэтому не упомянул о том, что ее широты связаны с *M*. В пользу этого варианта говорит то обстоятельство, что главная задача, которую решал Эратосфен, заключалась не в определении широты рассматриваемых пунктов на основании *M* (в чем состоит смысл концепции климата), а в измерении максимальной ширины ойкумены на основании уже известных ему расстояний между этими пунктами. Таким образом, последний вариант представляется наиболее предпочтительным. Это показывает, что некие неизвестные нам работы по математической географии существовали еще до Эратосфена.

Небольшое расхождение между данными Эратосфена и Птолемея проливает свет на преемственность между системами климатов Эратосфена, Гиппарха и Птолемея. Птолемей проводит климат 14^h через Нижний Египет, тогда как во фрагментах Эратосфена фигурирует Александрия. Очевидно, в географии Эратосфена нашло отражение наиболее простое и традиционное представление, которое связывало климат 14^h с самой Александрией, как в таблицах климатов Клеомеда (II. 1. 442 Todd 59), Марциана Капеллы (VIII. 876–877 Dick 462) и в системе «астрологических» климатов (Берос, Эпиген, Гипсикл, Плиний, Ветгий Валент, Фирмик Матерн). Гиппарх впервые уточняет это представление и проводит климат 14^h через местность в 400 стадиях южнее Александрии (Strabo. II.

¹⁰⁰ Höfer U. Pseudo-Skymnos und Eratosthenes // *Philologus*. 1928. 77; *idem*. Die Periegesis des sog. Skymnos // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1933. 82.

¹⁰¹ Gisinger // *Gnomon*. 1933. S. 96; Poseidonios / Hrg. von Theiler. S. 30.

¹⁰² Dicks. The CLIMATA... P. 252; *idem*. Hipparchus... P. 157–160.

5. 38 = F V 6 = F 48). Это число находит отражение в системе семи климатов: Птолемей помещает Александрию на широте 31° , на $38' = 443.(3)$ стадиев ≈ 400 стадиев севернее климата 14^h ($30^\circ 22'$), при $1^\circ = 700$ стадиев¹⁰³. Следовательно, если система климатов Птолемея восходит к Эратосфену, то только через Гиппарха.

В заключение отметим основные выводы. Система семи климатов, которую Птолемей использует в «Альмагесте» и которая формирует основу его географии в «Руководстве», восходит к работе Марина Тирского – к ее ранней и поздней редакциям соответственно. Только в трудах Птолемея система семи климатов впервые приобрела канонический статус, и термин κλίμα был жестко закреплен за элементами этой системы; более ранние авторы могли применять этот термин для обозначения любых широт. Гипотеза Э. Хонигманна верна в том, что в основе географии Эратосфена лежит система семи климатов, хотя источники ни разу не говорят об этом прямо. Эратосфен, вероятно, не был создателем этой системы. Скорее всего, она была создана его предшественниками, а Эратосфен просто использовал ее в своей географии.

PTOLEMY'S SYSTEM OF SEVEN CLIMATA AND ERATOSTHENES' GEOGRAPHY

D. A. Shcheglov

The problem of the origin of Ptolemy's «seven climata system» is considered and the following hypothesis is proposed: 1) «the seven climata system» was borrowed by Ptolemy from Marinus of Tyre; 2) it was due to Ptolemy that the seven climata system became canonical and the term «clima» was strictly secured for the elements of this system; while earlier authors could apply this term to other latitudes; 3) E. Honigmann's assumption that «the seven climata system» was known to Eratosthenes and formed the basis of his geography is argued to be right; 4) it is most probably that «the seven climata system» originated before Eratosthenes, who only made use of it.

¹⁰³ Это отмечали: *Diller*. The Parallels... P. 6. Not. 10; ср. *Dicks*. Hipparchus... P. 174.

А. В. Короленков

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ ЛУЦИЯ ГИРТУЛЕЯ

Ход Серторианской войны в силу скудости источников до сих пор остается во многом неясным. Вызывают споры время, место и ход целого ряда событий. Это касается осады Метеллом Лакобриги и Гиртулеем – Консабуры, боев под Бильбилисом и Сегобригой, похода Перперны в Галлецию и др. То же можно сказать и о последней битве самого способного из военачальников Сертория, квестора Луция Гиртулея. Обычно предполагается, что сначала сулланский проконсул Квинт Цецилий Метелл Пий наголову разгромил Гиртулея в сражении под Италикой, где инсургенты потеряли будто бы 20 тысяч человек убитыми (Oros. V. 23. 10). Сам серторианский полководец бежал в Лузитанию, но позднее был окончательно побежден тем же Метеллом под Сеговией и погиб вместе с братом Квинтом.

Подобная картина опирается на следующие соображения, которые вытекают из сопоставления сообщений источников, отстоящих друг от друга на века. Орозий (loc. cit.) сообщает о битве при Италике, после которой Гиртулей остался жив, а Флор – о сражении при Сеговии, где тот погиб (III. 22. 6–7). Фронтин в «Стратегемах» рассказывает, что однажды Гиртулей продержал своих воинов под палящим солнцем, вызывая врага на бой, а Метелл вывел армию лишь в шестом часу дня и одолел изнуренных зноем врагов (II. 1. 2). В другом месте тот же автор пишет, что в битве с Гиртулеем Метелл лучшие отряды (cohortes validissimae) расположил по краям, а центр в ходе боя отвел назад, «чтобы пустить его против врага лишь после того, как, сомкнув фланги, окружит со всех сторон неприятеля» (II. 3. 5. Пер. А.Б. Рановича; см. также Sall. Hist. II. 58). Это дало исследователям основание сравнивать описанную баталию с битвой при Каннах¹. Речь как будто идет о разных сражениях – одном при Италике, другом – при Сеговии. Кроме того, у Ливия (per. 91) говорится о разгроме Метеллом Гиртулея и гибели последнего (Q. Metellus pro cos. L. Hirtuleium, quaestorem Sertori, cum exercitu cecidit), у Орозия же в сообщении о битве при Италике указывается, что полководец повстанцев бежал в Лузитанию (см. выше). Опять-таки получается, что речь как будто идет о разных событиях².

Неясно при этом, однако, когда и где произошли эти сражения. В. Друман и К. Нойман относили их к 75 г.³ (здесь и далее все даты до н.э. – А.К.), Л. Парети,

¹ Schulten A. Sertorius. Lpz, 1926. S. 109–110; Gelzer M. Pompeius. München, 1949. S. 53.

² См., например: Гурин И.Г. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период Гражданских войн. Самара, 2001. С. 187, 190.

³ Drumann W. Geschichte Roms in seinem Uebergang von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd IV. Königsberg, 1838. S. 366; Neumann K. Geschichte Roms während des Verfalles der Republik. Bd II. Breslau, 1884. S. 36.

А. Товар и Х.М. Бласкес – к 76 г.⁴, Т. Моммзен – к 76 и 74 г. соответственно⁵. Наиболее распространена точка зрения, что разгром под Италикой имел место в 76 г., вскоре после битвы при Лавроне, а поражение при Сеговии – в 75 г.⁶ Что касается локализации, то известно как минимум три Сеговии (Сегобии) – в Андалусии, Кастилии и Леоне⁷. Обычно город, близ которого произошло сражение, отождествляют либо с кастильской Сеговией (в землях араваков, совр. Сеговия)⁸, либо с андалусийской (см.: В. Alex. 57. 6), в 50 км к юго-западу от Кордовы⁹.

Историки гадают, почему после сокрушительного поражения при Италике Гиртулей остался на посту командующего армией на юге Испании, а не был заменен, например, честолюбивым Перперной, и почему он вновь решил дать сражение такому опасному противнику, как Метелл. Ведь Серторий, согласно фрагменту ХСІ книги Ливия, запретил своему квестору вступать в бой с Метеллом, который превосходил его военными дарованиями и мощью армии (*ne acie cum Metello dimicaret, cui nec auctoritate nec viribus par esset* – Liv. fr. 22 WM). По мнению Ноймана, Гиртулей стремился помешать соединению сил Метелла и Помпея¹⁰. В том же духе высказался и Гельцер: Серторий заплатил поражением и гибелью Гиртулея за то, чтобы Метелл не повернул против него¹¹. Парети в свою очередь предполагал, что сам Гиртулей шел на соединение с Серторием¹². Ф.О. Spann же объясняет происшедшее тем, что серторианский полководец стал презрительно относиться к своему противнику, который тем временем предавался роскоши и справлял бутафорские триумфы (Sall. Hist. II. 70; Plut. Sert. 22. 2–3; Val. Max. IX. 1. 5)¹³, и считал его «бумажным тигром». Что же до за-

⁴ *Pareti L. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 673; Tovar A., Blázquez J.M. Historia de la Hispania Romana. La península Ibérica desde 218 a.C. hasta el siglo V. Madrid, 1983. P. 89–90.* Следует, правда, оговориться, что Парети относит к 76 г. также битвы при Валентии и Сукроне, которые обычно (в том числе в названной работе Товара и Бласкеса) датируются 75 г., так что, по сути, хронология Парети фактически совпадает с хронологией Друмана и Ноймана.

⁵ *Моммзен Т. История Рима. Т. III. СПб., 1995. С. 24–25, 27.* Правда, при этом Моммзен не локализует последнее сражение Гиртулея.

⁶ *Гурин. Ук. соч. С. 161, 180; Stahl G. De bello Sertoriano. Diss. Erlangen, 1907. P. 68–69, 74; Münzer F. Caecilius (98) // RE. Bd III. 1899. Sp. 1223; Schulten. Op. cit. S. 104, 109–110; Leach J. Pompey the Great. L., 1978. P. 47–49; Spann Ph.O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987. P. 105, 109–110; García Morá F. Un episodio de la Hispania Republicana: la guerra de Sertorio. Granada, 1991. P. 232, 241–244; Seager R. The Rise of Pompey // САН. 2nd ed. Vol. IX. 1994. P. 218.*

⁷ *Bayenni E. La geografía histórica-toponímica de la España ibero-romana. Tortosa, 1983. P. 287–288.*

⁸ *Гурин. Ук. соч. С. 180; Stahl. Op. cit. P. 74. Adn. 1; Schulten. Op. cit. S. 108; Gelzer. Op. cit. S. 52–53.*

⁹ *Cavaignac E. Métellus contre Hirtuléius: (À propos du Sertorius du M. Schulten) // REA. 1928. 30. P. 99; Spann. Op. cit. P. 110; Tovar, Blázquez. Op. cit. P. 90; García Morá. Op. cit. P. 243.* Многие исследователи вообще не уточняют, близ какой именно Сеговии произошло сражение (*Neumann. Op. cit. Bd II. S. 36; Münzer. Op. cit. Sp. 1223; Pareti. Op. cit. Vol. III. P. 673; Leach. Op. cit. P. 48–49; Seager. Op. cit. P. 218*).

¹⁰ *Neumann. Op. cit. Bd II. S. 36.*

¹¹ *Gelzer. Op. cit. S. 53.* О стремлении Гиртулея помешать соединению армий Метелла и Помпея обычно пишут применительно к битве при Италике, но вряд ли с достаточными к тому основаниями (см. *Гурин. Ук. соч. С. 162–163; Spann. Op. cit. P. 105*).

¹² *Pareti. Op. cit. Vol. III. P. 673.*

¹³ Строго говоря, «триумфы» Метелла в источниках не датированы и другими учеными относятся к более позднему времени (см. *Münzer. Op. cit. Sp. 1223; Stahl. Op. cit. P. 79–80; Schulten. Op. cit. S. 127; Cavaignac. Op. cit. P. 99*).

мены Гиртулея, то он в свое время одержал немало побед и хорошо знал местность на юге, а потому и удержался на посту командующего¹⁴.

Однако недавно американский исследователь К.Ф. Конрад предложил гораздо более радикальное решение проблемы. По его мнению, между Гиртулеем и Метеллом произошло лишь *одно* сражение, при Италике, после которого Гиртулей бежал к Серторию, ушедшему тем временем в Кельтиберию, и погиб в одном из боев под Сегонтией, сражаясь под началом либо Сертория, либо Перперны. Аргументы ученого таковы. Битву при Сеговии упоминает лишь Флор, однако это не слишком надежный источник, на что, кстати, указывал еще Э. Кавеньяк, который допускал путаницу в названиях – вместо Сеговии вполне могла иметься в виду Сегобрига¹⁵. Однако гораздо более вероятно, по мнению Конрада, что речь идет не о Сегобриге, а Сегонтии, где произошло самое крупное сражение 75 г.¹⁶ Ведь у Орозия говорится о гибели братьев Гиртулеев в связи со сражением, где погиб муж сестры Помпея Меммий, а это было как раз при Сегонтии (Plut. Sert. 21.1). Убийство Серторием вестника, сообщившего о гибели Гиртулея во время некоего сражения (Front. II. 7. 5), не может относиться к битве при Сукроне, как принято считать¹⁷. Вождь повстанцев уже *до* начала боя знал о приближении Метелла (Plut. Sert. 19.4), который мог двинуться против Сертория, лишь разгромив Гиртулея. Очевидно, речь идет о сражении при Сегонтии – иных крупных батальи после Сукрона не было. Кроме того, эпитоматор Ливия сообщает только об *одной* битве между Метеллом и Гиртулеем (per. 91), что вряд ли может быть результатом излишней краткости: рассказывая о I Митридатовой войне, он пишет о *двух* победах Суллы над понтийцами (per. 82)¹⁸.

В одной из своих статей я поддержал мнение Конрада, подкрепив его следующими аргументами. Прежде всего следует обратить внимание на то, с какой прямо-таки артистической небрежностью (вполне понятной в рамках риторических установок автора) Флор сообщает о битве при Сеговии: «Первые сражения велись легатами. На одной стороне сражались Домиций и Торий, на другой – братья Гиртулеи. После гибели одних у Сеговии, других у реки Аны свои силы испытали сами полководцы, сравнившись поражениями у Лаврона и Сукрона» (prima per legatos habita certamina, cum hinc Domitius et Thorius, inde Hirtuleius proluderent; mox hoc apud Segoviam, illis apud Anam flumen oppressis, ipsi duces comminus invicem experti apud Lauronem atque Sucionem aequavere clades – III. 22. 6–7. Пер. А.И. Немировского). Здесь неточности и ошибки громоздятся одна на другую: Гиртулеи погибли уже после сражения при Лавроне, а не до него, как утверждает Флор; Домиций, точнее, Марк Домиций Кальвин, был не легатом, а проконсулом Ближней Испании; наконец, выходит, что либо при Лавроне, либо при Сукроне победили войска сената, хотя в обоих этих сражениях успех был на стороне повстанцев. Кроме того, в другом месте Флор явно пугает города Улию и Клунию (III. 22. 9). Ничего удивительного, что Флор (или его переписчик) мог указать Сеговию вместо Сегонтии. Я также предположил, что под Италикой

¹⁴ Spann. Op. cit. P. 105, 109.

¹⁵ Cavaignac. Op. cit. P. 99. Кстати, Бласкес – явно по недоразумению – в данном случае пишет именно о Сегобриге (Blázquez J.M. La Romanización. Madrid, 1974. P. 220).

¹⁶ См. Spann Ph.O. Saguntum vs. Segontia: A Note on the Topography of the Sertorian War // Historia. 1984. 33. P. 116–119.

¹⁷ Stahl. Op. cit. P. 74; Schulten. Op. cit. S. 114. Убийство вестника, по мысли Фронтинна, имело целью временное сокрытие горестной вести от воинов.

¹⁸ Konrad C.F. Segovia and Segontia // Historia. 1994. 43. P. 440–447.

погиб только Луций Гиртулей, как о том прямо пишет эпитоматор Ливия, а его брата смерть настигла уже под Сегонтией¹⁹.

Однако недавно вышла в свет фундаментальная монография И.Г. Гурина о Серторианской войне, автор которой выступил с развернутой критикой изложенных выше соображений. Исследователь исходит из следующего.

1. «К. Конрад и А.В. Короленков, – пишет И.Г. Гуринов, – делят источники на вызывающие доверия и доверия не вызывающие, так как последние иногда сообщают явно неверные сведения». Но ошибочные данные можно найти практически в любом античном тексте, а потому, «если придерживаться такого подхода, то нельзя верить никаким сведениям никаких письменных источников». А посему сообщение Флора о битве при Сеговии необходимо принять.

2. Гибель Гиртулеев нельзя относить к сражению при Сегонтии на основании того, что у Орозия о ней сказано в том же месте, что и о смерти погибшего при Сегонтии Меммия. Ведь в данном случае дается довольно сумбурное перечисление событий войны: «Множество сражений состоялось между ними (восставшими и сулланцами. – А.К.). Меммий, квестор Помпея и муж его сестры, убит. Братья Гиртулеи погибли. Перперна, который присоединился к Серторию, потерпел поражение. Наконец, сам Серторий только на десятом году этой бесконечной войны погиб, как и Вириат, из-за козней своих (соратников), положив тем самым конец войне и дав римлянам победу без славы» (Oros. V. 23. 12–13). Вряд ли можно говорить здесь о привязке у Орозия гибели Гиртулеев к конкретной битве.

3. Если бы Гиртулей сражался при Сегонтии, то наверняка бы он, а не Перперна получил бы командование той армией, которая вела самостоятельное сражение с Метеллом. Ведь Гиртулей был квестором Сертория, а Перперна – только легатом. Сомнительно также, что убийство Серторием гонца было целесообразно при Сегонтии – армии сражались неподалеку, и весть о смерти Гиртулея все равно очень скоро распространилась бы. Наконец, последний не мог погибнуть во время битвы при Италике – он, согласно Орозию, пережил ее и погиб позже (V. 23. 10, 12), а о его участии в сражении при Сегонтии, сравнительно подробно описанной в источниках, нигде не упоминается.

4. У Фронтинана явно идет речь о двух разных сражениях между Метеллом и Гиртулеем. Один эпизод начинается словами: «Метелл Пий в Испании против Гиртулея» (II. 1. 2), другой: «Метелл в Испании в том сражении, в котором окончательно победил (devicit) Гиртулея» (II. 3. 5). Такой оборот не понадобился бы, если бы речь шла об одной и той же битве: вторая битва явно итоговая, первая – нет. Да и сами сражения выглядят неодинаково. В первом случае (II. 1. 2) Метелл напал на врагов, изнуренных солнцем, и легко разбил их. Во втором (II. 3. 5) – сначала атакует Гиртулей, а Метелл отводит назад центр и лишь после переходит в контрнаступление²⁰.

Разберем изложенные аргументы по порядку.

1. Утверждение, будто речь идет о принципиальном делении источников на заслуживающие и не заслуживающие доверия, необоснованно. Подвергаются сомнению лишь конкретные сведения Флора, а не вся его информация о Серторианской войне. Причем для такого сомнения есть серьезные причины – в соответствующем пассаже (Flor. III. 22. 6–7) содержится слишком много неточностей

¹⁹ Короленков А.В. Флор о Сертории и Серторианской войне // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. Москва–Магнитогорск, 2000. С. 137–138.

²⁰ Гуринов. Ук. соч. С. 185–190.

и ошибок. В настоящий момент, однако, я бы внес важную поправку в свою прежнюю точку зрения. Речь у Флора, действительно, может идти о сражении при Сеговии. Но убили в нем не Гиртулея, а Тория или Домиция. Ведь в данном случае указываются только две битвы, где погибли названные военачальники, которых было *трое* (а с учетом Квинта Гиртулея и четверо). Таким образом, либо двое полководцев пали в одном сражении, либо Флор не назвал еще одну битву. Друман и Нойман, например, исходили из первого предположения, считая, что Домиций и Торий успели соединиться, но были разгромлены и убиты при Ане (совр. Гвадиана)²¹. Однако Плутарх пишет о поражении Домиция²² и смерти Тория как о одновременных фактах (Sert. 12. 4). Поэтому можно предполагать, что указанные Флором Ана и Сеговия являются местами гибели этих двух военачальников²³. Гиртулей же (как я рассчитываю показать ниже) пал все-таки в битве при Италике. Тогда, правда, возникает противоречие: ведь Флор пишет, что близ одного из названных им пунктов были убиты Домиций и / или Торий, а у другого – Гиртулея, у меня же речь идет о местах смерти только двух первых. Однако такая неточность вполне возможна, ибо тут же Флор заявляет, будто затем Серторий и Помпей сравнялись поражениями при Лавроне и Сукроне, хотя в обеих этих баталиях был разбит Помпей. Стоит ли удивляться небрежности автора, когда здесь налицо и вовсе прямая ошибка?

2 и 3. Вполне вероятно, что гибель Луция Гиртулея действительно нельзя связывать с битвой при Сегонтии. Но это не доказывает, что сражение при Сеговии следует отождествлять с последним сражением Гиртулея. Сведения Орозия о том, что Гиртулей спасся под Италикой (а стало быть, погиб в другом бою, т.е. при Сеговии), не являются стопроцентным аргументом, поскольку Орозий в таких вопросах не всегда точен. Так, он сообщает, будто претор Ветилий, разбитый Вириатом, спасся (V. 4. 2), тогда как в действительности он попал в плен и погиб (App. Iber. 63)²⁴. Вопросу же о том, к какому именно сражению – при Сукроне или при Сегонтии – отнести убийство Серторием вестника, сообщившего о разгроме и смерти Гиртулея, вообще не следует придавать значения, – по всей видимости, этот эпизод является выдумкой антисерторианской пропаганды²⁵.

4. Фронтин вполне мог рассказывать в двух разных местах (II. 1. 2; 3. 5) об одном и том же сражении. Слово *devicit* ничего не доказывает – если Метелл и до этого теснил Гиртулея (причем дело могло обходиться и без крупных схваток), то этот глагол вполне уместен – под Италикой противостояние двух полководцев завершилось. То, что Фронтин не отождествляет обе описываемые им битвы, также ни о чем не говорит. Подобным образом он рассказывает, например, в двух разных фрагментах об одной и той же схватке Красса с восставшими рабами под предводительством Ганника и Каста (II. 4. 7; 5. 34)²⁶. Но и в том, и в другом случае прямого противопоставления нет. То, что два описания сражений Метелла с Гиртулеем несовместимы (ибо в одном случае первым наступает сулланский полководец, в другом – повстанческий), на мой взгляд, неверно. В II. 1. 2 вовсе не говорится, будто Метелл, дождавшись, когда спадет жара, начал атаку.

²¹ *Drumann*. Op. cit. Bd IV. S. 357; *Neumann*. Op. cit. Bd II. S. 28.

²² В этой битве Домиций, судя по всему, и погиб (Eutrop. VI. 6. 2).

²³ Кстати сказать, еще Парети указывал, что Флор связывает битву при Сеговии с поражением Домиция (*Pareti*. Op. cit. Vol. III. P. 665. Not. 4).

²⁴ См. *Gundel H. Vetilius* (1) // RE. 2. R. Hlbd 26. 1958. Sp. 1836.

²⁵ См. подробнее: *Короленков А.В. Sertorius taticus* // *Studia historica*. Вып. III. М., 2003. С. 99–100.

²⁶ См., например: *Gelzer M. Licinius* (68) // RE. Hlbd 25. 1926. Sp. 305.

Сказано лишь, что он «легко победил изнуренных зноем врагов». Это отнюдь не исключает, что в ходе начавшейся битвы войска сената отступили в центре, а затем прорвали фланги противника, как то описано в другом месте (II. 3. 5).

Таким образом, между Метеллом и Гиртулеем было, видимо, только одно крупное сражение – при Италике, которое и стало для серторианского полководца роковым. Тем самым, кстати, снимаются вопросы и о том, почему Серторий оставил своего квестора во главе армии, противостоявшей Метеллу, и почему Гиртулей решил на новое столкновение со столь грозным и явно превосходящим его противником – после Италики он не остался на посту командующего и не давал больше сражений.

Что же касается битвы при Сеговии, то она, по-видимому, произошла при иных обстоятельствах и закончилась поражением и гибелью другого военачальника. Но какого именно – остается только гадать.

THE LAST BATTLE OF LUCIUS HIRTULEIUS

A. V. Korolenkov

In what battle was L. Hirtuleius defeated and killed? It is generally assumed that Sertorius' best commander L. Hirtuleius was defeated by Metellus near Italica and after that in Segovia, where he died. In 1994 C.F. Konrad put forward the idea that Hirtuleius had been defeated near Italica and died near Segontia, cited erroneously as Segovia by Florus. In other words, there was no battle of Segovia. The author admits that there was only one major battle between Hirtuleius and Metellus, that of Italica, where the Sertorian leader breathed his last. Orosius' account that Hirtuleius survived the battle of Italica (V. 23. 10; *pace* Liv. Per. XCI) could have been a mistake, as it was the case with his account of Vetilius' flight after the fight with Viriatus (V. 4. 2), while in fact Vetilius was killed (App. Iber. 63). As for the battle of Segovia, it must very probably have taken place, but defeated in it was not Hirtuleius, but, as it seems, Thorius or Domitius, whose death gave Florus an occasion to mention the battle (III. 22. 6–7).

© 2005 г.

Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Выпуск 3. Издание текстов, исследование, перевод и комментарий Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятовской, Э.Н. Темкина. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2004. 535 с.

Книга является очередным томом «Bibliotheca Buddhica». XL и одновременно томом серии «Памятники письменности Востока». LXXIII, 3.

За последние два десятилетия возрождаемая школа отечественных буддологических исследований прошла большой путь. Среди нескольких направлений научного поиска есть одно магистральное направление, которое правильнее называть срединным, проходящим не только через сердце (*хридайя-патха*) буддологии, но и через центральные области востоковедения как исторической и гуманитарной дисциплины.

Следующие этим труднейшим путем адепты обязаны владеть самым искусным арсеналом науки: не просто знать четыре основных языка буддийского духовного наследия, но и такие редкие, как хотано-сакский, тохарский, древнеуйгурский и др., оставившие после себя памятники словесности, освещающие Законоучение Просветленного (*Буддха*). Ученые адепты должны знать как базовые системы древней письменности, так и палеографические диковинки, сохранившиеся поврежденными и требующие дешифровки. Кроме того, нужно уметь развернуть свиток (из кожи, бересты, бумаги) или «сброшюрованные» листы древней книги (*потхи*), пролежавшие в земле тысячу и более лет. Сделать это нужно так, чтобы реликвии не рассыпались в руках исследователей. Названные условия суть лишь подготовительная стадия работы над памятниками индийской письменности из Центральной Азии как части «Центральноазиатской коллекции рукописей СПбФ ИВ РАН».

Первый выпуск вышел в свет в 1985 г., второй – в 1990 г., и вот долгожданный третий выпуск. Объем каждого следующего тома возрастал более чем на 100 страниц. Но главная особенность *срединности* данного рода исследовательского поиска состоит, очевидно, в преданности авторов настоящей науке. Ибо без этого вряд ли можно создать столь кропотливый труд, требующий тщательности, постоянного внимания, напряженного проникновения не только в форму и содержание определенной рукописи, но и «пролистывания» в памяти других источников, и пр., и пр. К сказанному нужно добавить и необычайную ответственность творцов тома перед их предшественниками, создателями этого необыкновенного Фонда – дипломатами, путешественниками, географами и буддологами.

Авторы тома не просто прекрасные специалисты, знатоки сложнейших дисциплин востоковедного знания, но и подлинные продолжатели традиций отечественной буддологии. Их труды – вклад первостепенной важности в мировую науку.

Третий выпуск оказался самым структурно сложным и содержательно богатым. Том посвящен Сергею Федоровичу Ольденбургу. Об этом великом исследователе древних цивилизаций Центральной Азии авторами написана всеобъемлющая статья, которая открывает том. В томе помещены также образцы его многогранного таланта: первые публикации санскритских фрагментов, увидевшие свет 110 лет назад (с. 34–74), а также его статья «Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837–1908» – одного из основоположников данной коллекции рукописей. В остальном же книга сохраняет структуру прежних выпусков: публикация в транскрипции текстов, фрагментов, листов, и все это сопровождается исследованиями, анализом, комментариями, переводами отдельных частей, указателями, факсимиле.

Содержательное богатство тома определяется изданием ранних махаянских текстов, таких, как фрагменты «Махапраджня-парамита-сутры» и других сутр (с. 209–272), и, конечно, критическим изданием почти полного санскритского манускрипта «Кашьяпа-париварта-сутры» (с. 89–208) в качестве одной из главных составных частей «Драгоценного собрания» («*Ратна-кута*») из 49 сутр, входящего в китайский и тибетский каноны Слова Будды. Важное значение имеет также продолжающаяся из выпуска в выпуск публикация материалов из Винаи сарвастивадинов (с. 273–342).

Все группы текстов сопровождаются исчерпывающими историографическими, историколингвистическими, палеографическими и прочими описаниями. Наиболее детальное исследование посвящено «Кашьяпа-париварта-сутре» (К.), которая изначально «на рубеже первого века нашей эры, очевидно, называлась «*Ратна-кута-сутра*», или «*Сутра о Собрании драгоценностей*», а затем передала это название целому собранию 49 сутр (с. 88), что обстоятельно доказывается исследователем, как и то, что свод сутр под общим названием сложился в VII–VIII вв. (с. 97–100). Работу над этой сутрой следует рассматривать как исполнение завета отечественной буддологии.

Во-первых, это старейшая махаянская сутра, существование которой «до II в. н.э. документально подтверждено наличием китайского перевода эпохи Хань». Во-вторых, «...до сих пор известен только один полный санскритский текст этого сочинения – в рукописи VII–VIII вв. письмом брахми из Хотана, которая хранится в собрании восточных рукописей СПбФ ИВ РАН в Санкт-Петербурге... Рукопись относится к коллекции российского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского и поступила из Восточного Туркестана в конце XIX в.» (с. 92). В-третьих, ее первая публикация в транслитерации латиницей была осуществлена отечественным буддологом А. фон Сталь-Гольштейном в 1926 г., который разбил текст на параграфы, положив в основу такой разбивки содержание и деление текста на разделы в китайских переводах. Из 166 параграфов сунского перевода ... в санскритской рукописи, с некоторыми лакунами, сохранился 161 параграф» (там же).

Сутра давно и успешно изучается в мировой науке. Она трижды переводилась на европейские языки (Ф. Веллером – на немецкий, Бхиккху Пасадиной – на английский, группой китайских ученых из Буддийской ассоциации США под руководством Гарма Чанга – на английский), а также Нагао Сакурабэ – на японский язык. М.И. Воробьева-Десятковская проводит детальнейший обзор истории изучения сутры и ее переводов (с. 92–100). Интересен анализ полемики между Линь Ли-Гуаном и Ж. де Йонгом относительно того, стихотворные ли части сутры создавались раньше прозаических частей или наоборот. Последний полагал: рассматриваемая сутра «...являет редкий пример того, что гаты в период становления текстов махаяны могли быть не только ядром, вокруг которого складываются тексты сутры, но и поздним добавлением. О том, что в данном случае дело происходило именно так ... свидетельствует язык прозаической части и гат: в прозе значительно меньше отклонений от норм классического санскрита, чем в гатах».

М.И. Воробьева-Десятковская приходит к выводу первостепенной важности, исправляющему сложившийся в науке стереотип. «Обе точки зрения на язык кажутся нам необоснованными, они идут против очевидности: язык прозы находится под большим влиянием пракритов и сакского языка... В тексте много сложных слов, составленных с нарушением норм классического санскрита. Часты случаи отсутствия согласования между подлежащим и сказуемым в числе... Грамматика языка гат этих особенностей не содержит...» (с. 94). Таким образом, большие (*вайнулья*) махаянские сутры очень сложные и разновременные текстовые образования, на собиране и создание которых оказывали влияние самые разные условия: от тех локальных мест, где памятник «обрастал текстовой плотью» на некоем местном литературном языке, до конкретных лиц, занимавшихся неоднократным переписыванием и редактированием Слова Просветленного. Их знание санскрита и готовность «выправлять» текст далеко не всегда отвечали требованиям индийских пандитов. Стихи и проза могли быть как разновременными произведениями, так и одновременными. Причем, стихи вовсе не обязательно предшествовали прозе. «Представляется, что ядром К. был прозаический текст § 1–64. Постепенно он обрастал примерами, гатами, дополнениями по отдельным конкретным вопросам» (с. 102, см. также с. 120).

В источниковедческом разделе значительное место занимает изучение идейно-содержательных и буквальных совпадений с творчеством Нагарджуны (II–III вв.). Относительно того, цитировал ли Нагарджуна в «Коренных строфах о Срединности» («Муламадхьямака-карика» XXVI) § 61–62 из «Ратна-куты», посвященные 12-членной цепи взаимозависимого происхождения (*пратитья-самутпада*), я бы не был столь категоричен (с. 108–109). Эта тема настолько традиционна и отшлифована веками текстовой деятельности буддистов (на пали, «гибридном» санскрите, санскрите), что практически одинаково формулируется десятками сутр. Нагарджуна первым попытался сделать из этого учения широкой мост к махаянскому учению о пустотности.

Нагарджуна излагал это учение в трактатах, адресованных самым разным слоям древнеиндийского общества: образованным неофитам, кто только знакомится с буддизмом, светским людям, знающим буддизм, ученым философам-полемистам, знатокам буддийских доктрин (как *абхидхармистам*, так и *махаянистам*). На первый взгляд, терминология и структура этих изложений и его истолкований идентичны. Но при более внимательном рассмотрении обнаруживаются нюансы различий, которые показывают многофункциональность учения в зависимости от целей и задач автора в конкретном произведении, а также в конкретном контексте.

Хрестоматийный канонический (как для палийского канона, так и для санскритских сутр *Хинаяны* и *Махаяны*) список терминов (*матрика*) приводится в нагарджуновом «Собрании основоположений Закона» («*Дхарма-санграха*», XLII, далее – ДС)¹. Тем не менее следует отметить особенность *матрики* 12 звеньев цепи взаимозависимого происхождения в ДС, которая помещена между списком 20 видов пустотности (*шуньята*) и списком 37 навыков, способствующих Просветлению (*бодхи-пакишика-дхарма*). Первый список является знаменательным махаянским учением², а второй был полностью переят из палийских *сутт*³ в качестве *матрик* различных техник медитации. Это может служить косвенным свидетельством того, что Нагарджуна относил учение о 12 звеньях к кругу йогическо-медитационной деятельности буддистов. В жизнеописаниях Будды (Просветленного) Шакьямуни сообщается, что в первую же ночь после обретения Просветления Он размышлял над Законом взаимозависимого происхождения, применяя медитацию прямого и обратного порядка звеньев цепи⁴.

В знаменитой махаянской «Щалистамба-сутре» («Сутра о зерне и ростке риса»), которую Нагарджуна не только комментировал (*тика*), но и создал в дополнение к ней

¹ Санскритский оригинал, тибетский и русский переводы см. Андросов В.П. Собрание основоположений Закона (Дхарма-санграха). Издание санскритского и тибетского текстов, русский перевод, комментарий и исследование // Религии мира. Ежегодник. М., 1999. С. 306–443; он же. Буддизм Нагарджуны: религиозно-философские трактаты. М., 2000. С. 513–514.

² ШУНЬЯТА (скр.: śūnyatā, или пустота, пустотность) – краеугольная философская категория махаянского буддизма, являющаяся, во-первых, символом неопишемого абсолютного единства реальности, во-вторых, понятием, передающим значения всеобщей относительности, обусловленности, взаимосцепленности мироздания, отсутствия в нем какой бы то ни было самостоятельной, независимой сущности, в-третьих, объектом высших практик медитации. Термин «шуньята» встречается уже в *суттах* палийского канона, а также в текстах хинаянских школ, обозначая, как правило, отсутствие вечной души (*атман*) в индивидах и нетленных начал во вселенной. В *суттах Махаяны шуньята* интерпретировалась как отсутствие самосущего в *дхармо-частицах* потока сознания, которые в *Хинаяне* обозначали подлинную и дискретную реальность. Категорией *шуньяту* сделала школа *мадхьямиков*, планомерно подвергавших деструкции все другие категории индийской философской мысли. Доказывая их несовершенство, недовершенство и абсурдность, *Нагарджуна* и его последователи тем самым обращали их в «пустые», не достойные внимания. Результаты полемики-теоретического «опустошения» сферы философского дискурса применялись в занятиях йогической медитацией, количество видов которых постоянно росло (в VIII в. было известно уже 20 видов пустотности). Но *мадхьямики* и *йогачары* (в этом вопросе полностью разделявшие взгляды первых) вовсе не стремились установить категорию *шуньята* вместо других категорий: поскольку пустотность свойственна всему, постольку это означает, что она свойственна и самой себе (или пустота пустотности).

³ См. Андросов. Буддизм Нагарджуны... С. 514–519.

⁴ См. Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001. С. 106–107, 185–188. См. также *Минаев И.П.* Материалы и заметки по буддизму. Переводы из «Сутта-нипаты» и «Махавагги». Издал С.Ф. Ольденбург // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. X. 1896.

ученый трактат («Шалистамба-карика») в 70 строф⁵, говорится: «О монахи, кто видит взаимозависимое происхождение, тот видит Закон (*дхарма*), кто видит Закон, тот видит Просветленного (*буддха*)»⁶.

Однако столь практически значимая и по сути сотериологическая функция данного учения не стала основанием для сужения рамок его применимости, для того, чтобы его пользователями были только адепты. Так, в одном из самых «общеобразовательных» произведений Нагарджуны «Дружественном послании» («Сухрил-лекха», 109–112) сообщаются эти же 12 звеньев цепи в качестве «правильного» предмета для сосредоточенного размышления, предлагаемого вместо 14 ложных философских «непрояснимых» положений о мироздании (см. ДС, СХХХVII), кои суть безответные вопросы⁷. В последней из указанных строф «Послания» сказано:

Таково учение Победителя о взаимозависимом происхождении –
Самое сокровенное и драгоценное достояние [буддизма].

Кто правильно постигает его,

Тот увидит Просветленного – высочайшего знатока Истинносущего⁸.

Таким образом, *пратитья-самутпада-вада* относится к классу тех учений Закона Будды, которые, составляя его сердцевину, можно и должно передавать любому умеющему слушать: учению (*шравака*), послушнику и даже просто любопытному. При этом его не нужно упрощать, оно не теряет своей глубины и не вредит уму, не слишком сведущему в вопросах религии и философии. В этом смысле оно столь же уникально, как и четыре Благородные истины, как и пять и десять главных заповедей буддийской нравственности, как и три Драгоценности буддизма.

В трактатах, которые принято считать религиозно-философскими, это учение используется либо в качестве доказательной опоры понятия пустотности, отождествляемой с взаимозависимым происхождением, например в «Рассмотрении разногласий» («*Виграха-вьавартани*», 22, 28, 66, 70; далее – ВВ), либо в обоснование религиозной практики (ВВ, 54–56). Знаменательна концовка этого произведения:

Я преклоняюсь пред несравненным Просветленным (Буддой),

Который учил, что пустотность,

Взаимозависимое происхождение и Срединный путь

Равнозначны (*эка-артха*)⁹.

Многогранно применение рассматриваемого учения в «Семидесяти строфах о пустотности» («*Шуньята-сантати*», далее – ШС), в которой его понимание является предметом философской полемики с оппонентами из школ Малой колесницы. Поскольку Нагарджуна фактически отождествил пустотность и взаимозависимое происхождение, постольку для него все взаимозависимо по происхождению (как установил Будда) и потому все пусто. Против этого отождествления возражали философы *сарвастивады*. Весь трактат посвящен различным аспектам этих споров. Наиболее акцентировано идеи взаимозависимого происхождения и махаянские следствия этого учения применены в следующих строфах и автокомментарии к ним: 7–26, 53, 58–73. И здесь последние строфы (ШС, 62–73) суть обоснование махаянской религиозной практики, способной разорвать цепь из двенадцати звеньев и даровать «состояние видения высшей реальности»¹⁰.

Сохранившийся не полностью трактат «Установление обусловленности» («*Вьявахара-сиддхи*») отождествляет взаимозависимое происхождение с еще одним махаянским учением – об иллюзорности (*майя-вада*). Посредством него Нагарджуна прихо-

⁵ Тексты, переводы, исследования см. *Schoening J.D. The «Śālistamba-Sūtra» and its Indian Commentaries. Pt 1–2. University of Washington. Diss. 1991.*

⁶ *The Śālistamba-Sūtra Tibetan Original, Sanscrit Reconstruction / English Transl., Critical Notes by N. Ross Reat. Delhi, 1993. P. 27.*

⁷ См. *Андросов*. Буддизм Нагарджуны... С. 105–106, 596–597.

⁸ «Истинносущее» (скр.: *tathatā*, тиб. *de nyid*, истинно сущее) – один из буддийских терминов *Махаяны* для обозначения абсолютной реальности, один из синонимов Просветления, высшее состояние сознания, в котором снимается различие субъекта и объекта медитации, сливающихся в единстве.

⁹ См. *Андросов*. Буддизм Нагарджуны... С. 304–305, 310, 326–327, 334, 337–338.

¹⁰ Там же. С. 347–358, 373–374, 377–384.

дит к выводу: «Все составляющие бытия (суть 12 звеньев цепи взаимозависимого происхождения) являются лишь условными обозначениями (*вьавахара-праджняпти*, тиб.: *tha snyad kyis ni gdags pa*)... Все существует во взаимозависимости. [И значит], нет ни причины, ни следствия [самих по себе, независимых]»¹¹.

В «Двадцати строфах о Великой колеснице» («*Махаяна-вимщика*») Нагарджуна вновь прибегает к отождествлению взаимозависимого происхождения с пустотностью (10) и иллюзорностью (15), и делает еще одно заключение:

Люди придумывают о себе, а также о мире,
Что они имеют происхождение.
Происхождение есть вымысел (26)¹².

В сугубо религиозно-медитативных «Четырех гимнах Буддам» («*Чатух-става*»), в которых автор обращается непосредственно к Просветленному, Нагарджуна воздвиг еще одну опору по укреплению Махаяны, соединив учение о взаимозависимом происхождении с учением о двух истинах, не упуская из поля внимания названных прежде отождествлений. Пожалуй, это одна из самых ярких экспозиций многогранной сердцевины Великой колесницы через призму закона взаимообусловленности.

С точки зрения относительной истины Ты говорил,
Что творящий [деяние] столь же самостоятелен, как и его деяние.
Но доподлинно (с абсолютной точки зрения) Тобой установлено,
Что все совершается во взаимозависимости друг от друга...

Твое совершенное знание гласит,
Что этот мир производится силой воображения
И он, по сути, нереален,
Он не порождался и не исчезнет.

Что вечно, то не рождается вновь,
И что не вечно, то тоже не рождается вновь.
Тобой – лучшим знатоком истины – сказано,
Что рождение подобно сновидению.

Философы соглашаются, что страдание причиняется
Либо самим собой, либо другим, либо обоими,
Либо оно появляется беспричинно. Ты же провозгласил,
Что оно порождается во взаимосвязи [причин и условий].

Что взаимообусловлено по происхождению,
То Тобой рассматривалось как пустота.
Твой бесподобный львиный рык гласит,
Что нет независимой сущности.

Учение о бессмертии и пустоте
Предназначено устранять все догмы [вымыслы].
Но если кто-то ухватился за него как за догму,
То Ты предрек тому погибель.

О Господин, Ты разъяснил, что поскольку все дхармо-частицы
Возникают во взаимосвязи, а сами по себе они
Бездеятельны, обусловлены, пусты и подобны иллюзии,
Постольку у них нет самостоятельной сущности (I, 8, 18 –24).

Ты учил, что возникшее благодаря условиям
[И причинам] не есть возникшее [с высшей точки зрения]
И что нет ничего, порожденного самосущим,
Поэтому оно видится пустым.

Как эхо здесь,
Зависит от [силы] звука,
Точно так же и [любое] существование зависит [от неких причин],
Поэтому-то оно и подобно иллюзии, миражу, [как и эхо].

Поскольку иллюзии, миражи, города небесных музыкантов (*гандхарвов*)
И отражения [в зеркале, воде и прочем], а также сновидения
Не имели реального происхождения,
Постольку все это не воспринимается ни зрением, ни прочим.

¹¹ Там же. С. 386–388.

¹² Там же. С. 395–398.

Коль все, произведенное от причин и условий,
Обычно называется созданным,
То Тобой, о Господин, сказано,
Что все, рожденное от условий [и причин], является относительным.

Тобой постигнуто, что есть взаимообусловленное,
Оно и есть именно пустота.
Таковым является Истинное Законоучение,
И вот почему Истинносуший (*Татхагата*) равен Тому.

Пустотность не является чем-то иным,
Нежели существования, но и без нее нет никакого существования.
Поэтому Тобой провозглашено, что существования,
Порождаемые обусловленно, суть пусты.

Зависимое от другого и относительное
Производится причинами и условиями.
Зависимое провозглашается [Тобой] «наивысшей истиной»
И невымышленной (не созданной) [целью духовного познания],

А также самосущим, праприродой, высшей реальностью,
Подлинной действительностью, основой, сущим». Конечно, [с наивысшей точки зрения] нет того, что существует [в нашем] воображении,
Но оно есть, будучи данным в зависимости.

Преподнесенный [Тобой] дар Закона
Есть Учение просветленных (будд) о бессмертии.
Оно указывает точный смысл,
Состоящий в пустотности дхармо-частиц.

Однако и [Твое] Учение о происхождении,
Прекращении, о существах, живой душе и тому подобном
Имеет лишь условный смысл.

Тобой, о Господин, названо оно Учением об относительном (Ш, 3–6, 40, 43–45, 56–57)¹³.

Особое место в творчестве Нагарджуны занимают два текста, посвященных исключительно учению о взаимозависимом происхождении. Первый из них – это 26-я глава «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика») с автокомментарием, называемым «Бесстрашным» («Акутобхайя»). Как известно, ММК считается главным философско-религиозным трактатом основоположника *мадхьямики*. Второй текст, относящийся к очеркам основных положений нагарджунизма¹⁴, называется «Строфы о сущности взаимозависимого происхождения» («Пратитья-самутпада-хридайя-карика»), далее – ПХК с автокомментарием (*вьякхьяна*). Их подробное изучение и перевод уже подготовлены к печати автором рецензии.

Приведенные материалы, надеюсь, показывают как родство К. с многоплановой текстовой деятельностью Нагарджуны, так и их отличие. Перед Нагарджуной стояли принципиально иные задачи – создать школу ученой герменевтики (*ишастра*) для махаянского Слова Просветленного с методикой доказательства идей Великой колесницы и опровержения тех, кто их критиковал.

В заключение стоит отметить, что приведенные мною пассажи из Нагарджуны не только не умаляют непреходящие достоинства рецензируемой монографии, а лишь являются подтверждением того, что данная работа, выполненная на самом высоком научном уровне как комплексное востоковедное исследование, побуждает к продолжению работы, дает стимул для новых исследований, служит надежной опорой для всестороннего рассмотрения обширной и важной проблематики. Правда, авторы «Памятников» скромно заметили: «Многого в становлении махаяны мы еще не знаем» (с. 100).

В.П. Андросов

¹³ Контексты и пояснения к данным строфам см. там же, с. 414–415, 417–419, 431–432, 441–443, 446–447.

¹⁴ Относительно этого понятия см. там же, с. 37–46, а также *Андросов В.П.* Нагарджуна и его учение. М., 1990. С. 52–67 и др.

ПЯТЫЙ ТОМ
 “ИНВЕНТАРЯ ЮЖНОАРАВИЙСКИХ НАДПИСЕЙ”

SERGUEI FRANTSOUSOFF. Raybūn. Hadrān, temple de la déesse ‘Athar^{um}/‘Astar^{um}. Avec une contribution archéologique d’Alexandre Sedov. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié avec les soins de Christian Robin. Tome 5 (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente. Académie des Sciences de Russie, Institut d’Études Orientales, Expédition Pluridisciplinaire Soviéto-Yéménite). Paris–Rome, 2001. 318 p., 374 pl.

В 1987 г. на Десятой авторско-читательской конференции «Вестника древней истории» выдающийся отечественный арабист А.Г. Лундин говорил в своем выступлении о «широких перспективах, открываемых работами Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) в “наименее исследованном” государстве – Хадрамауте»¹. Речь шла прежде всего о прогрессе сабеистики, резком росте числа эпиграфических документов и вкладе отечественных историков и филологов в изучение этого региона. В 1993 г. СОЙКЭ трансформировалась в Российскую комплексную экспедицию, продолжающую раскопки и разведки в Республике Йемен, а спустя несколько лет настало и время подведения некоторых итогов. «Широкие перспективы», о которых говорил А.Г. Лундин, воплотились в настоящее время в публикации первых двух томов трудов экспедиции², а также в рецензируемое издание, вышедшее в серии «Инвентаря южноаравийских надписей», инициированной крупнейшим французским сабеистом Кр. Робеном. Особенностью этой серии является публикация надписей по отдельным памятникам³. В очередном, пятом, томе представлены надписи из храма Хадран, храма богини ‘Астарум, раскопанном СОЙКЭ на городище Райбун I. Том состоит из двух частей: публикации текстов и иллюстраций (преимущественно фотографий) найденных надписей. Подготовлен он С.А. Французовым, учеником А.Г. Лундина, и посвящен памяти Г.М. Бауэра и А.Г. Лундина.

Райбун – один из крупнейших древних земледельческих оазисов Внутреннего Хадрамаута – представляет собой систему древних поселений, отдельно стоящих памятников и сооружений, расположенных в низовьях вади Да’уан, одного из западных притоков вади Хадрамаут. Здесь обнаружено более полутора десятков памятников, объединенных под общим названием Райбун. Поселения Райбуна окружены остатками древних полей с хорошо развитой ирригационной системой. Вблизи поселений и на склонах гор расположено несколько некрополей и отдельно стоящих храмов и святилищ. Центральное поселение оазиса, городище Райбун I (170 × 450 м) включает более 30 строительных комплексов и два колодца⁴. Храм Хадран, обозначенный как Здание 1 на городище Райбун I, был раскопан СОЙКЭ в 1983 г. под руководством Г.А. Кошеленко⁵. При раскопках было обнаружено более 500 надписей, составивших основу рецензируемого выпуска «Инвентаря».

¹ Лундин А.Г. Древнеарабская культура (50 лет изучения) // Десятая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. Тез. докл. М., 1987. С. 17.

² Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования // Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I. М., 1995; Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.) // Там же. Т. II. М., 1996.

³ Robin Chr. Inabba’, Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Harāshif. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // IDIS. T. 1. Paris-Rome, 1992; Gnoli G. Shaqab al-Manassa // IDIS. T. 2. Parigi-Roma, 1993; Bron F. Ma’in. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // IDIS. T. 3. Paris-Rome, 1998; Avanzini A. As-Sawdā’ // IDIS. T. 4. Parigi-Roma, 1995. См., кроме того, Arbach M. Les noms propres du Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pt IV. Inscriptiones Himyariticas et sabæas continens // IDIS. T. 7. Paris-Rome, 2002.

⁴ Результаты работ СОЙКЭ в Райбуне представлены в ряде статей, опубликованных в первых двух томах трудов экспедиции (см. прим. 2).

⁵ Кошеленко Г.А., Кропоткин А.А. Исследование храма ‘Астарам Зат Хадран на городище Райбун I // Городище Райбун... С. 35.

Начало формирования корпуса надписей из Райбуна связано с именем Теодора Бента, посетившего этот оазис в 1890 г. и скопировавшего там несколько фрагментов. К началу работ СОЙКЭ было известно приблизительно 35–40 (?) райбунских текстов, из которых опубликовано было лишь 30. Только за первые два сезона работ на Райбуне, а также в ходе разведок на близлежащих памятниках было обнаружено 1015 фрагментов и целых надписей и ок. 50 граффити⁶. В целом же в ходе девяти сезонов полевых работ на памятниках оазиса (1983–1991 гг.) найдено более 2700 текстов на хадрамаутском языке. Полевая фиксация надписей в 1983–1984 гг. велась Г.М. Бауэром и М.Б. Пиотровским, позднее к этой работе подключился А.Г. Лундин.

Первый том рассматриваемого выпуска «Инventаря южноаравийских надписей» открывается Введением (с. 7–17), состоящим из трех параграфов, в первом из которых дается история открытия оазиса Райбун. Как отмечает автор, ссылки на Райбун в арабской исламской литературе крайне немногочисленны. Знакомство с древними руинами оазиса начинается с путешествия Адольфа фон Вреде, отчет о котором был опубликован в 1870 г. Дальнейшая история изучения Райбуна связана с именами таких путешественников и ученых, как Л. Хирш, Т. и М. Бент, М.Дж. Боскавен, Д. Ван дер Мейлен и Х. фон Виссманн, Г. Инграмс, Ф. Старк, Г. Катон-Томпсон, С.А. Хузайин, А.Ф.Л. Бистон, Г. Ланкастер Хардинг, и участников экспедиций во главе с Г. ван Биком и Ж.-Ф. Бретеном. Во втором параграфе (с. 12–15) представлена история создания СОЙКЭ, связанная в основном с именами П.А. Грязневича, первого начальника экспедиции, и Б.Б. Пиотровского, ее научного руководителя. Именно Б.Б. Пиотровский вместе с Р.М. Мунчаевым остановили свой выбор на Райбуне как объекте раскопок во время поездки в Южный Йемен перед подписанием соглашения о научном сотрудничестве. 27 августа 1982 г. Совет министров СССР принял решение о создании СОЙКЭ. Этот день можно считать днем рождения СОЙКЭ, хотя полевые исследовательские работы начались в феврале 1983 г. Третий параграф Введения (с. 15–17) посвящен принципам публикации эпиграфических материалов СОЙКЭ. Данный выпуск «Инventаря», как указывает автор, должен открыть серию подобных публикаций. По мнению С.А. Французова, должно понадобится не менее пяти выпусков, чтобы ввести в научный оборот весь корпус райбунских надписей. Первые четыре выпуска должны быть посвящены эпиграфическим документам из храмов, а заключительный мог бы включить в себя прочие тексты из Райбуна и других городищ, исследованных СОЙКЭ. В данный выпуск «Инventаря» вошли 458 текстов, которые содержат хотя бы один читаемый знак.

Глава I тома «Храм 'Астарум Зат Хадран: археологическое описание» (с. 20–29), написанная нынешним начальником Российской комплексной экспедиции Института востоковедения РАН в Республике Йемен А.В. Седовым, предоставляет суммарные сведения по археологии городища Райбун I и храма Хадран. Более подробно российский читатель может ознакомиться с результатами изучения этого храма в упомянутой выше статье Г.А. Кошеленко и А.В. Кропоткина (с. 35–53). Для изучения эпиграфического корпуса из храма 'Астарум Зат Хадран важное значение имеет археологическая датировка храма. По мнению А.В. Седова, археологические материалы свидетельствуют о том, что храм Хадран существовал с начала IV до конца I в. до н.э., однако не исключено, что на его месте располагалось более раннее святилище, возможно, этой же богини (с. 29).

Глава II «Датировка надписей (новый подход к палеографии райбунских текстов и их относительная хронология)» (с. 32–48), как и следует из ее названия, посвящена палеографическому анализу текстов и определению их относительной хронологии. Принимая во внимание тот факт, что палеографические и хронологические схемы, выработанные Ж. Пиренн⁷ и Х. фон Висманном⁸, не смогли доказать свое право на существование, С.А. Французов справедливо определяет, что установление «новой южноаравийской хронологии является приоритетной задачей всех заинтересованных исследователей». На ее решение и может быть ориентировано такое издание, как «Инventарь южноаравийских надписей», в котором, памятник за памятником, будут изданы все тексты, как уже известные, так и еще неопубликованные. Это «позволит из-

⁶ Бауэр Г.М. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983–1984 гг., общий обзор) // Хадрамаут... С. 112–113.

⁷ Pirenne J. Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution a la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du Sud antique. T. I. Des origines jusqu'à l'époque himyarite (Verhandel. van de Koninklijke Vlaamse Acad. voor wetenschappen, letteren en schone kunsten van België. Kl. der letteren. Verhandel. № 26). Brussel, 1956.

⁸ Wissmann H. von. Die Geschichte von Saba'. II. Das Großreich der Sabäer bis zu seinem Ende im frühen 4. Th. vor. Chr./Hrsg. von W.W. Müller. Wien, 1982. Ссылка на эту работу в библиографическом списке рецензируемого тома «Инventаря» не приведена.

бежать спекуляций без прочного основания, глобальных выводов, всякой системы, которая обнимала бы весь спектр письменных свидетельств из древнего Йемена. Наоборот, нужно ограничиться каким-либо одним городищем или даже одним археологическим памятником... и мало-помалу переходить к тщательно выверенным обобщениям» (с. 34). Этим определяются задачи, которые поставил перед собой С.А. Французов, этим определяется и исследовательский метод, им избранный. Автором предложено 16 критериев, по которым описаны издаваемые надписи.

Тщательный количественный анализ всех издаваемых текстов позволил С.А. Французову прийти к выводу, несколько изменяющему представления о палеографии райбунских надписей, выработанные Г.М. Бауэром: вместо четырех этапов уместнее говорить о двух («древний» и «новый») периодах, притом что первый – «древний» период – подразделяется на три фазы (с. 37). Эти периоды и составляют этапы относительной хронологии надписей. Абсолютная датировка райбунских надписей обоснована, по мнению автора, датировкой археологической. Так, согласно С.А. Французову, радиоуглеродная датировка выделенных археологами строительных периодов храма Хадран позволяет определить верхнюю палеографическую границу надписей «нового» периода: III в. до н.э. (с. 37–38). Самые же древние монументальные надписи Райбуна восходят к VIII или началу VII в. до н.э. То обстоятельство, что под руинами храма богини 'Астарум находилось, предположительно, другое, более раннее святилище, в определенной степени усложняет палеографическую датировку райбунских надписей. Особенно это касается надписей «древнего» периода. Возможно, что «раннее святилище» существовало в течение первой фазы «древнего» периода (лингвистические критерии позволяют отнести к этой фазе 90 надписей) и в ходе второй было разрушено (с. 38). Анализ всех имеющихся данных, основанный на предварительных работах Г.М. Бауэра, привел С.А. Французова к выводу, важному для изучения не только райбунских надписей: форма того или иного знака могла значительно варьироваться не только в ходе одной фазы, но и в одной и той же надписи (с. 43), а ведь именно на вариации тех или иных знаков были построены многие соображения Ж. Пиренн относительно южноаравийской палеографии и хронологии.

Глава III посвящена анализу языка и формуляра публикуемых надписей. Несмотря на то что надписи из храма Хадран «в основной массе очень лаконичны, фрагментарны и не содержат лингвистических данных, достойных упоминания... наши знания о хадрамаутской эпиграфике столь ограничены, что тщательный анализ этих текстов поможет внести вклад в реконструкцию его грамматической системы» (с. 50). Формуляр публикуемых надписей подразделяется на четыре основных типа и следует четкому стандарту.

Предложенное С.А. Французовым деление райбунских надписей на периоды и этапы на основе лингвистических и археологических данных подтверждается и анализом ономастики, которому посвящена IV глава данного выпуска «Инвентаря» (с. 56–61). Интересно, что из 27 имен, встречающихся в надписях первой фазы «древнего» периода, пять засвидетельствованы впервые в северо- и южноаравийской ономастике, три (или шесть: точное число зависит от принятия той или иной реконструкции) имени впервые засвидетельствованы в Райбуне в составе надписей второй фазы «древнего» периода. Ономастика «нового периода» характеризуется наличием значительного числа имен, зарегистрированных только в Райбуне. Отмечая наличие матронимов в райбунской эпиграфике (Rb I/89 éd 4, niv. I n. 279 etc. = EPSY 1850 + 1866, ll. 1–2), С.А. Французов, ссылаясь на «важную роль женщин в социальной и религиозной жизни Райбуна», предполагает наличие матрилинейного счета родства (с. 56). Мне кажется, что вряд ли эта ссылка, предполагающая приниженное положение мужчины в хадрамаутском обществе, может служить основанием для таких глобальных заключений. Лучше было бы воздержаться от таких выводов или обосновывать их на конкретном документальном материале.

По заключению А.М. Коротаева, «лишь надпись Fa 76 является однозначным свидетельством существования матрилинейных родов в доисламской Аравии. Во всех остальных соответствующих надписях матрилинейная структура... могла бы рассматриваться лишь как одна из возможных интерпретаций (хотя иногда и в качестве наиболее вероятных)... Данные надписи Fa 76 сами по себе достаточны для того, чтобы допустить со значительной долей вероятности, что в III в. н.э. некоторые определенно матрилинейные группы существовали в Южной Аравии»⁹. Нельзя не учитывать того, что надпись Fa 76 происходит из Саба', т.е. из весьма отдаленного от Внутреннего Хадрамаута региона, и восходит к III в. н.э., т.е. к тому времени, когда жизнь на Райбуне уже три столетия как прекратилась.

⁹ Korotayev A. Were there any Truly Matrilineal Lineages in the Arabian Peninsula? // PSAS. 1995. 25. P. 92.

Глава V посвящена реконструкции роли богини 'Астарум, владычицы храма Хадран, и ее культа (с. 64–68). Само открытие такого персонажа хадрамаутского пантеона является одним из важнейших результатов усилий российских археологов и филологов. К сожалению, фрагментарный и лапидарный характер надписей не позволяет в точности определить функции богини, как и существо ее культа (с. 64). Впрочем, эта проблема относится не только к 'Астарум. Тем не менее, это единственное южноаравийское божество, чьи «родственные связи» устанавливаются с достаточной степенью надежности (с. 67). Гипотеза о ее связи с планетой Венера, видимо, должна быть отвергнута как необоснованная (с. 68).

Возвращаясь к тезису о «возвышенном положении женщины в райбунском обществе», С.А. Французов, как кажется, снова уходит в область мало обоснованных предположений о финансовой независимости женщины. Основанием для такого вывода служит, по его мнению, тот факт, что 44.1% надписей – посвящений 'Астарум – были оставлены женщинами, а стоимость установки монументальной надписи в древней Южной Аравии, считает автор, была чрезвычайно велика. Для подкрепления этого тезиса дается ссылка на то, что среди посвященных надписей в крупнейшем сабейском храме Аввам только 5.3% были оставлены женщинами, что должно отражать не только разницу в культах хадрамаутского и сабейского божеств 'Астарум и Алмаках, но и влияние различных общественных структур в Саба' и Внутреннем Хадрамауте на рубеже нашей эры (с. 65–66).

Думается, что вывод о финансовой самостоятельности женщин, посвящавших надписи богине 'Астарум, даже если принять характеристику хадрамаутского общества как предгосударственного, в котором важнейшую роль играли жрицы¹⁰, чрезмерно поспешен. Помимо того, что ему нет никаких прямых (да и косвенных) доказательств, он совершенно исключает ситуацию, при которой установка надписи могла быть оплачена мужчиной. Сравнение с культом Алмаха вряд ли уместно, тем более что вне Райбуна следов культа 'Астарум обнаружить не удается. Следует, видимо, признать этот вывод поспешным. Такие заключения, как и в случае с матрилинейным счетом родства, не могут быть локальными, свойственными одному лишь оазису. Для подтверждения их основательности нужно привлекать более широкий материал, покрывающий по меньшей мере весь Хадрамаут. Следуя методу, обозначенному самим С.А. Французовым, на имеющемся материале источников сейчас следует воздержаться от глобальных обобщений по структуре хадрамаутского общества в целом и по культовой практике в храме богини 'Астарум в частности.

В главе VI представлена публикация самих надписей, распределенных по шести секциям: 1.1) «древний» период, фаза 1 (сабейское влияние); 1.2) «древний» период, фаза 2; 1.3) «древний» период, фаза 3; 2) «новый» период; 3) надписи «древнего» периода, классификация которых по фазам не представляется возможной; 4) надписи, палеографическая датировка которых не представляется возможной; 5) прочие надписанные предметы; 6) прочие надписи, определенно происходящие из храма Хадран. Надписи обработаны по одному формуляру: номер со ссылкой на иллюстрацию; обозначения археологическое и эпиграфическое; музейный номер; происхождение; описание; размеры; стиль письма; копия и транскрипция, перевод и комментарий. Завершает том библиографический список и список цитированных надписей. Второй том данного выпуска «Инвентаря» содержит карты, археологические планы городища, реконструкции здания храма богини 'Астарум, график распределения надписей по палеографическим периодам, фотографии публикуемых текстов.

С одной стороны, изучение древнеюжноаравийского языка – стремительно развивающаяся дисциплина, словарный запас, естественно, известен далеко не полностью, что подтверждает постоянный приток новых надписей, содержащих новые, ранее неизвестные термины. С другой стороны, фрагментарное состояние многих надписей, в том числе и происходящих из Райбуна, неизвестное место происхождения и иные обстоятельства не позволяют однозначно установить значение тех или иных понятий. В связи с этим следующие ниже замечания, не претендуя на абсолютную истинность, как я надеюсь, могут все же послужить некоторым вкладом в более точное понимание надписей с городища Райбун.

С. 70 (Raybūn-Ḥaḍra'n 1/2). На фотографии (pl. 1) читаются лишь первые три знака второй строки и словоразделитель. Притяжательное местоимение, следующее после qny, реконструируется полностью: [-hw].

¹⁰ Сам автор гипотезы, однако, признает, что нет никакой информации о служителях культа 'Астарум.

С. 73 (Raybūn-Ḥaḍrān 6). Надпись состоит из двух слов: ḥrmt-h. В качестве перевода предлагается два варианта: «...son sanctuaire (ou son impureté rituelle)» со ссылкой на «Сабейский словарь»¹¹. Предложенная трактовка, безусловно, возможна, хотя и не является единственной.

Термин ḥrmt встречается в посвячительных надписях Gl 1677, Fa 34/1, СИН 366; СИН 439/2, СИН 869, RES 2653 (ḥr[mt]). Под ḥrmt в этих надписях подразумевается как некое благоволие, приносимое в жертву¹², так и место (асс. loci), в котором жертва приносилась¹³. Предполагается даже, что греческое ἄρωμα, чья этимология не прояснена¹⁴, восходит к названию др.-южноар. благоволий, т.е. ḥrmt¹⁵. Более поздняя трактовка надписи СИН 366 (ywm/h'ḥrmtm/šlṭ'd), предложенная В.В. Мюллером¹⁶, подразумевает под ḥrmt возведение храма, осуществленное в третий раз. Против этого говорят, однако, данные археологических исследований¹⁷.

Вполне возможно, что название упомянутого в «Перипле Эритрейского моря» отдельного сорта благоволий ἄρωμα, продающегося на восточноафриканском Рынке ароматов (XII. 4. 28), отражает именно др.-южноар. ḥrmt. Ср. также акк. armanu (armānu, arwānu, armanū, ramannū): «a tree and the aromatic substance obtained from it; an aromatic used in fumigations»¹⁸. С другой стороны, под ḥrmt в древнеюжноаравийском, как под ḥrmat в г'э'э¹⁹, может иметься в виду само жертвоприношение. Абсолютной определенности в трактовке ḥrmt в данных контекстах нет.

С. 106 (Raybūn-Ḥaḍrān 62): Ḍmr'l/wḌr'[k]rb/bnw/Ḥṣ[r]m/hqnyw/'ttm.

В этой надписи (ок. VI в. до н.э.) два подлежащих: Ḍmr'l/wḌr'[k]rb/bnw/Ḥṣ[r]m. В предложенном переводе («fils»), следует уточнить, что речь идет о двух сыновьях. Обращаясь к форме hqnyw, С.А. Французов отмечает: «l'emploi du verbe au pluriel pour une action faite par deux personnes suggère, qu'en ḥaḍramoutique le duel des verbes disparaît avant la 2e moitié du Ier millénaire avant l'ère chrétienne»²⁰.

Окончание перфекта двойственного числа -w- достаточно широко распространено в катабанском, причем практически на всем протяжении истории Катабана: в периоды В в целом, В2, С и D, т.е. V–I вв. до н.э., II–I вв. до н.э., конец I в. до н.э. – II в. н.э. и II в. н.э. соответственно²¹. Два наиболее характерных примера для строительных и посвячительных надписей демонстрируют, что в катабанских надписях моделью для образования двойственного числа являлась форма f'lw, совпадавшая, но не вытесненная формой множественного числа: br'w (BA/1, CIAS 47.11/b5/2, RES 3964/1, Ry 463 для периода С; H2c/2 для периода D); sqnyw (Atlal/1, Hon 5/2 для периода В; Ja 852/8, Ja 2473/2 для периода В2; Nefer 1/1–2 для периода С). Несколько надписей (Ja 340/1, RES 3902 n. 147) не могут быть с уверенностью отнесены ни к одной из хронологических групп. Надписи Ry 367/1–2, MuB 554/1–2 и MuB 601/1–2 демонстрируют, что по модели f'lw образовывалось и множественное число перфекта:

¹¹ Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J. Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvain-la-Neuve–Beiruth, 1982 (Publication of the University of Sanaa. YAR). P. 70–71.

¹² Лундин А.Г. Надписи Йада'ила Зариха, сына Сумху'алай, мукарриба Саба' // ВДИ. 1960. № 3. С. 14, 20; *idem*. Yada' il Darih, fils de Sumuhu'alay, Mukarrib de Saba' (XXV Congrès International des Orientalistes. Conférences présentées par la délégation de l'URSS). Moscou, 1960. P. 6; *Wissmann H. von*. Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien. Wien, 1964 (SAWW. Bd 246. Sammlung Eduard Glaser III). S. 397; Müller W.W. Rez.: Höfner M. Inschriften aus Širwāh, Ḥaulān (T. I). Wien, 1973 (SEG VIII. SAWW. 291/1) // ZDMG. 1977. 127. S. 126.

¹³ Höfner. Op. cit. S. 7.

¹⁴ Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch von Hjalmar Frisk. Bd I: A-Ko. Heidelberg, 1960. S. 159.

¹⁵ Müller. Rez. S. 126; *idem*. Noch einmal ugaritisch ṯlṯt = altsüdarabisch šlṯt 'ḍ // UF. 1978. 10. S. 442.

¹⁶ «als er zum dritten Mal ein Heiligtum ausführte». См. Müller W.W. Altsüdarabische Miscellen (I) // Raydān. 1980. 3. P. 63.

¹⁷ Glanzman W.D. An Examination of the Building Campaign of Yada' il Dharih bin Sumhu'alay, mukarrib of Saba', in Light of Recent Archaeology // PSAS. 2003. 33. P. 186, 193.

¹⁸ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. A. Pt II. Chicago, 1968. P. 291.

¹⁹ Leslau W. Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic). Ge'ez/English/English-Ge'ez: with an Index of the Semitic Roots. Wiesbaden, 1991. P. 242.

²⁰ Эта же точка зрения высказана С.А. Французовым и в последующей работе: *Frantsou-zoff S.A.* En marge des inscriptions de Raybūn. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥaḍramoutique épigraphique // Arabia. 2003. 1. P. 45.

²¹ Хронология катабанских надписей разработана А. Аванцини: *Avanzini A.* Corpus of South Arabian Inscriptions. I–III. Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions. Pisa, 2004 (Arabia antica. 2). P. 25–33.

«Šrh'1/wZyd'1/wbnsn/dtw/Zyd'1/w'lšrh'1'dmn/sqnyw...»,
«[š'bn'/h]rbn/hwr/hgrn/Z[fr]/sqnyw...»,
«Rt'/wMt'm/wMtn'/Hbrtm/sqnyw...».

В новейшей литературе «не исключается, что форма двойственного числа в катабанском f'lw морфологически соответствует сабейскому f'ly и, таким образом, совпадая с написанием формы множественного числа, обнаруживает иное огласование»²². На то, что формы двойственного числа перфекта не были вытеснены формами множественного числа, а совпадали с ними, могут указать на различия в образовании форм двойственного и множественного числа в имперфекте, следовавшие моделям yf'ln (bqnyw в надписи Ry 367/9, by'dwn в RES 4337B/3) в двойственном и yf'ln²³ во множественном числе.

Трудно было бы найти объяснения для вытеснения форм двойственного множественным числом в перфекте при различии этих форм в имперфекте. Можно предположить, что в хадремаутском наблюдается такое же явление, как и в катабанском: совпадение (но не вытеснение одной формы другой) номинальных форм двойственного и множественного числа при различном огласовании.

Для обоснования тезиса о вытеснении форм двойственного числа перфекта формами множественного числа С.А. Французов ссылается на сабейские надписи Ja 662/3–5 и Ja 720²⁴, подкрепляющие этот тезис. Для позднесабейских, а также этио-сабейских надписей доаксумского периода характерна и другая особенность: использование глагольных форм перфекта множественного числа при том, что подлежащее стоит в единственном (СН 540/1–6, СН 541/3, возможно, и Ry 509/4), а также форм hf'ln (Ja 708/9) и tf'ln (Ja 702/13)²⁵. Вряд ли на основе этих примеров можно утверждать, что и формы единственного числа были вытеснены множественным, инфинитивом или формами множественного числа имперфекта женского рода. Вытеснение форм двойственного числа перфекта формами множественного числа в позднесабейском, хотя и предполагается²⁶, выглядит достаточно странным еще и потому, что в позднесабейский период, как и раньше, активно используются формы двойственного числа притяжательных и указательных местоимений -hny и -dy²⁷.

Более логичным выглядело бы предположение об изменении в вокализации рассматриваемых глагольных форм. Этот феномен наблюдается при переходе от раннесабейского к средне-сабейскому: форма двойственного числа перфекта с нулевым окончанием в раннесабейском, совпадавшая с формой единственного числа f'1, в надписях III в. до н.э. – V в. н.э. превратилась в f'ly. Нулевое окончание в формах двойственного числа в раннесабейском интерпретируется как -ā, в среднесабейском как -ī или -ē²⁸. Можно было бы предположить, что при переходе в позднесабейский период снова происходит изменение в вокализации: знак -w в формах двойственного числа становится *mātes lectionis* для долгого -ā при сохранении обычного огласования (-ū) во множественном числе.

С. 122–123 (Raybūn-Ḥaḍḗrān 92).

Трактовка bhṭ как «phallus (votif)» восходит к Ж. Рикмансу и М. ал-Гулу. По их мнению, др.-южноар. bhṭ нужно трактовать, согласно арабскому būḥ («penis») ²⁹ + окончание женского рода -t³⁰. Эту же точку зрения поддержал С.А. Французов и в других своих публикациях³¹. Подобная интерпретация все же не является наиболее убедительной, и она была уже подвергнута критике

²² Stein P. Untersuchungen zur Phonologie und Morphologie des Sabäischen. Rahden (Westf.), 2003 (Epigraphische Forschungen auf der Arabischen Halbinsel. 3). S. 171.

²³ В этом состоит одно из отличия катабанского от сабейского диалекта: Beeston A.F.L. Sabaic Grammar. Manchester, 1984 (Journal of Semitic Studies Monograph. 6). P. 64.

²⁴ Frantsouzoff. En marge des inscriptions de Raybūn... P. 46. К этим примерам можно добавить еще и надпись E 71.

²⁵ На эти особенности указал П. Штайн: Stein. Op. cit. S. 168 (Anm. 78), 173.

²⁶ Ibid. P. 171–172.

²⁷ Ibid. P. 172. Anm. 99.

²⁸ Ibid. P. 170.

²⁹ Lane E.W. An Arabic-English Lexicon, derived from the Best and Most Copious Eastern Sources; Comprising a Very Large Collection of Words and Significations Omitted in the *Ḳāmoos*, with Supplements to Its Abridged and Defective Explanations, Ample Grammatical and Critical Comments, and Examples in Prose and Verse. In Two Books. Book 1. Part 1. Cambr., 1984 (1st ed. 1863). P. 273.

³⁰ al-Ghul M. New Qatabani Inscriptions // BSOAS. 1959. 22. P. 2–3; также с сомнением эта точка зрения представлена в «Сабейском словаре»: Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans. Op. cit. P. 33.

³¹ Frantsouzoff S.A. The Inscriptions from the Temples of Ḍat Ḥimyam at Raybūn // PSAS. 1995. 25. P. 15–28; *idem*. Le «tailleur de pierre» dans les inscriptions sudarabiques // Raydān. 2001. 7. P. 129; *idem*. En marge des inscriptions de Raybūn... P. 43, 45.

А. Симой³². Такая критика не была учтена С.А. Французовым. Впрочем, выход обеих публикаций разделял слишком небольшой временной промежуток, так что это обстоятельство вполне объяснимо. К аргументам, представленным А. Симой, можно добавить следующее.

Наличие таких форм как bhhty (Raybūn-Ḥaḍrān 92/2) и bhhtm (Rb i/84 n. 253 a-e/2-3, Rb v/91 n. 38/3) не исключает трактовку -t как корневого согласного, ср., например, название порта Sm-tn/Smhgm. Труднее всего понять, каким образом bh̄t в предложенном значении может быть женского рода, что следует из надписи Ja 672/2: kl'ty/bh̄tmhn.

В посвячительных надписях bh̄t снабжен kl/šgr's (JRy. WBrashear 1/3). Если придерживаться использованной С.А. Французовым трактовки bh̄t, трудно представить себе, как должно выглядеть «все его оснащение». Посвящение божеству bh̄t за дарование длительной (54 года!) жреческой деятельности (надпись VL 1) или наличие имени собственного B̄htn (Ja 865/2-3) также выглядит в таком случае мало объяснимым. bh̄t посвящался иногда в очень значительных количествах. Надпись СИН 423/1 говорит о посвящении 90, а Raybūn-Ḥaḍrān 92/2-3-94 bh̄t. При этом материального подтверждения ни из Саба³³, ни из Катабана, несмотря на относительно неплохую археологическую изученность основных городских центров, не получено. Единственная находка, которая лишь с некоторой долей натяжки может интерпретироваться как посвященный фаллос³⁴, выполнена из глины. Вызывает удивление, что ни каменные, ни бронзовые bh̄t, предположительно, фаллосы, многократно упоминаемые в надписях, не сохранились или до сих пор не обнаружены, а глиняные bh̄t не упоминаются, хотя посвящения предметов из глины весьма многочисленны.

Этимология ар. baḥata также вполне соответствует статусу посвящения: «it was, or became, unmixed, free from admixture, or pure, he was unmixed, or pure, in race, lineage, or parentage»³⁴. На это в частности указывают следующие, определенные параллельные по смыслу фразы: hqny/...ḡhb/bh̄t³⁵ (RES 4189/4) и tmny/bh̄tm/ḡhb (СИН 423/1-2)³⁶.

Нельзя не обратить внимания и на основное значение корня bāh: «it became apparent, or manifest, he revealed, or disclosed a thing», ср. ibāḥa: «the showing a thing to the beholder in order that he who will may take it», abāḥa: «he made a thing allowable, or free, or lawful»³⁷. В соответствии с этими определениями, др.-южноар. bh̄t следует интерпретировать как нечто, сделанное «доступным», «открытым», т.е. посвященным божеству. Во всяком случае, перевод bh̄t «votive object» в «Корпусе катабанских надписей»³⁸, хотя и менее конкретен, но не вызывает столько возражений.

С. 188 (Raybūn-Ḥaḍrān 213). Трактовка m̄snd как «надпись», хотя и возможна, но не всегда является наиболее подходящей. Термином m̄snd, как, например, в надписях Гр 64/2, 'Abadan 1/2, 4 и др.³⁹, действительно могла обозначаться надпись. Ср. араб. musnad: «The Himyeree, or himyeritic character of writing... differing from the modern Arabic character»⁴⁰. Это значение, определенно, является вторичным: древнеюжноаравийские надписи наносились на посвящения (m̄snd), и сами надписи получили в арабской традиции такое наименование. Для повествовательной (а не посвячительной) надписи 'Abadān 1, в частности смысл понятия m̄snd, нужно искать в основном значении арабского musnad: «A tradition traced up, or ascribed, or attributed to the author thereof»⁴¹, т.е. рассматривать m̄snd прежде всего как повествование о деяниях, изложенное в надписи.

Некоторые контексты указывают на то, что основное значение m̄snd нужно искать в другой плоскости, например, m̄snd/tyb/w'fz[h]wḡhb (RES 2771/4). Традиционно этот фрагмент переводится как «надпись из золота, серебра и бронзы»⁴². Однако трудно представить себе надпись, отлитую из трех металлов – золота, серебра и бронзы, тем более что бронза сама по себе явля-

³² Sima A. Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche Untersuchung. Wiesbaden, 2000 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission, 46). S. 298-299.

³³ Frantsouzzoff. The Inscriptions from the Temples of Ḍat Ḥimyam at Raybūn. Pl. II.

³⁴ Lane. Op. cit. P. 155.

³⁵ Посвятил... из чистой бронзы.

³⁶ Восемь посвящений (мер?) из чистой бронзы.

³⁷ Lane. Op. cit. P. 273.

³⁸ Avanzini. Corpus of South Arabian Inscriptions. I-III. Passim.

³⁹ Ссылки см. Biella J.C. Dictionary of Old South Arabic. Sabaeen Dialect. Harvard, 1982 (Harvard Semitic Studies. 25/Ed. Frank Moore Cross Jr.). P. 507.

⁴⁰ Lane. Op. cit. P. 144.

⁴¹ Ibid.

⁴² al-Ghul M.A. Early Southern Arabian Languages and Classical Arabic Sources. A Critical Examination of Literary and Lexicographical Sources by Comparison with the Inscriptions. Ibrid-Jordan, 1993. P. 135; Bron F. Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 3. Ma'in. Fascicule A: Les documents. Paris-Rome, 1998. P. 46; Sima. Op. cit. S. 285, 318, 337.

ется сплавом. Ни одна надпись такого рода до сих пор не обнаружена где-либо в Южной Аравии. Существительное *mšnd* является производным от *šnd* – «ставить», «помещать» (*set up/place*)⁴³. Для обозначения собственно «надписи» можно было бы ожидать *štr* (*RES 2980bis = M 203/5*), *šhft* – от *šhf* [«писать»] (*СИН 314 + 954/8–9*) или *wf* (*Ja 2484/4*). Трактовка А.Ф.Л. Бистона, рассматривавшего *mšnd* как «offering»⁴⁴, представляется более соответствующей контексту. Вероятно, за этим термином скрывался один из видов посвящений, отличие которого от иных⁴⁵, не вполне ясно.

С. 209 (*Raybūn-Ḥaḍrān 250*). На фотографии (pl. 240) четко видно, что сохранившиеся фрагменты знаков должны читаться как (t)г, а не (m)г: «лучи» верхней части знака χ , сохранившейся на надписи, направлены от центра кверху, а не сверху вниз, как у знака ζ . Соответственно само слово может быть реконструировано как [ʿt](t)г.

С. 211 (*Raybūn-Ḥaḍrān 254*). Надпись представляет собой фрагмент, на котором читается только знак -т. Судя по фотографии, этот знак стоит в конце строки и, вероятно, слова. По аналогии с такой же фрагментарной надписью *Raybūn-Ḥaḍrān 253*, *Raybūn-Ḥaḍrān 254* можно дополнить как [bn]t.

С. 230 (*Raybūn-Ḥaḍrān 298*). Судя по фотографии (pl. 285), второй знак во второй строке должен быть реконструирован как -ś (ξ).

Пятый выпуск «Инвентаря южноаравийских надписей» нужно признать несомненной удачей. Удачей не только лично С.А. Французова, взявшего на себя такую сложную задачу, как публикацию райбунских надписей, с первой частью которой он блестяще справился, но всей Российской комплексной экспедиции ИВ РАН, преемницы СОЙКЭ. Следует отметить, что данным выпуском завершена первая часть работы, основа которой была заложена Г.М. Бауэром и А.Г. Лундиным, и остается лишь скорбеть, что им не довелось увидеть ее выход в свет. Несомненно, все, кто интересуется историей и филологией древней Южной Аравии, будут с нетерпением ожидать от С.А. Французова следующих четырех уже анонсированных⁴⁶ выпусков корпуса райбунских надписей в рамках данного «Инвентаря».

М.Д. Бухарин

© 2005 г.

НОВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 1–3. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2002–2004

В 2002 г. кафедра истории древней Греции и Рима и Центр антиковедения Санкт-Петербургского государственного университета приступили к изданию нового сборника статей – альманаха «Мнемон», продолжившего традицию публикаций по античной истории и культуре в Санкт-Петербургском университете. Сейчас, по прошествии трех лет, можно с уверенностью сказать, что задуманное тогда предприятие стало весьма важным моментом в развитии петербургского антиковедения, да и не только петербургского, поскольку в число ученых, регулярно сотрудничающих с альманахом, в настоящее время, помимо петербуржцев, входят антиковеды из Москвы, Новгорода Великого, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Ярославля, Казани, Йошкар-Олы, Сыктывкара, Риги и других городов. Роль инициатора и главного организатора издания по праву принадлежит проф. Э.Д. Фролову, руководителю кафедры истории древней Греции и Рима и Центра антиковедения на историческом факультете СПбГУ. Все технические работы,

⁴³ *Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans*. Op. cit. P. 138.

⁴⁴ *Beeston A.F.L. Notes on Old South Arabian Lexicography III // Le Muséon*. 1951. 64. P. 131–132.

⁴⁵ Известны и другие: *bht* (см. выше), *šmry*, или *sqny* (*sqnyt*).

⁴⁶ *Frantsouzzoff S.A. Raybūn et La Mecque (politique et religion en Arabie préislamique). Notes prééliminaires // Arabia*. 2003. 1. P. 64.

связанные с подготовкой материалов к публикации, выполняются сотрудниками кафедры. Статьи публикуются в авторской редакции.

Что касается тематики и направления нового альманаха, то его организаторы вполне сознательно отдают предпочтение тому научному направлению, которое являлось своего рода визитной карточкой Петербургской исторической школы со времен ее основателя М.С. Куторги (1809–1886). Отличительными особенностями данной школы были и остаются трезвый прагматический подход к предмету исследования, повышенный интерес к античной исторической традиции, бережное отношение к свидетельствам древних источников и категорическое неприятие любых призывов пожертвовать заветными древностями сведениями в угоду умозрительным схемам новейших знатоков¹. Тематика публикуемых в «Мнемоне» научных исследований охватывает все стороны жизни античного, греко-римского общества, однако преимущественное внимание уделяется традиционной, т.е. политической истории, античной культуре и традициям классицизма в Новое время в Западной Европе и России, а также источниковедческим и историографическим сюжетам. Важность последних особо подчеркивается самим названием издания – «Мнемон», что по-гречески означает «памятливый», и латинским эпитафием «Ex ipso fonte».

Нижеследующий обзор имеет своей целью ознакомление читателей с содержанием первых трех выпусков альманаха «Мнемон». Хочется надеяться, что он окажется небесполезным для всех тех, кто всерьез интересуется историей и культурой античности, для кого греко-римская древность не просто «дела давно минувших дней, преданье старины глубокой», но дело и любовь всей жизни, будь то профессиональные ученые или энтузиасты-любители.

* * *

Первый выпуск альманаха «Мнемон» (СПб., 2002) открывается статьей Э.Д. Фролова «Петербургская кафедра античной истории», в которой прослеживается история антиковедческих штудий в Санкт-Петербургском университете, начиная от их зачинателей, М.С. Куторги и Ф.Ф. Соколова, до наших дней. Автор особо подчеркивает приоритет Петербурга в деле создания первой национальной школы антиковедения, ставшей затем основой более широкого научного направления, известного как Петербургская историческая школа (с. 10). Говоря о современном состоянии антиковедческих занятий на историческом факультете СПбГУ, Э.Д. Фролов касается в частности направленной научной деятельности кафедры, выделяя три основных – политическая история античного мира (с особым упором на проблемы древней государственности), античная культура во всех ее проявлениях и история науки об античности – и обзоре важнейшие научные результаты по каждому из вышеозначенных направлений (с. 13 сл.).

Большинство статей, опубликованных в разделе «Исследования» первого выпуска, так или иначе затрагивает тему властных структур и потестарных идеологий в античности, активно разрабатывавшуюся петербургской кафедрой истории древней Греции и Рима в 2001–2002 гг. Данной теме целиком посвящен подраздел «Политическая жизнь и властные структуры в древней Греции и Риме», куда вошли публикации по следующим темам: греческое право (Л.А. Пальцева и Е.В. Никитюк), проблемы древней государственности (О.Ю. Владимирская, А.Л. Дарвин, В.В. Шувалов, Э.Д. Фролов), вопросы распространения информации в античном мире (В.М. Строгоцкий), дипломатия и межгосударственные отношения в античном мире (М.М. Холлод), закат Птолемеев (Л.П. Гороховская), история Рима эпохи Гражданских войн и периода Империи (А.В. Еремин, М.В. Белкин, Н.В. Чеканова, А.Б. Егоров, К.В. Вержбицкий, А.Ю. Рябов и Ю.Б. Циркин). Обзор некоторых из них, показавшихся нам наиболее интересными, приводится ниже.

Статья Э.Д. Фролова «Греческая тирания и римский принципат (опыт типологического сопоставления)» вводит читателя в круг наиболее общих вопросов типологии власти. Черты сходства или близости двух вышеназванных режимов проявляются, по мнению автора, во-первых, в общих обстоятельствах, сопутствовавших возникновению соответственно греческой (в том числе сицилийской) тирании и принципата, во-вторых, в политическом курсе, проводимом данными режимами, и, наконец, в-третьих, в присущих обоим режимам элементах государственно-правового дуализма, игравших роль своего рода «республиканского прикрытия» авторитарной власти реального хозяина положения, будь то тиран Дионисий или император Август (с. 92, 94 сл.). К сожалению, менее выпукло в статье Э.Д. Фролова обрисованы различия обеих систем. Автор ограничивается простым указанием на сравнительно быстрое перерастание тирании Ди-

¹ Фролов Э.Д. Петербургская кафедра античной истории // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 1. СПб., 2002. С. 7.

онисия в настоящую монархию при Агафокле и Гиероне, и напротив, достаточно долгое сохранение в римском принцепате республиканских элементов и черт, в силу большого консерватизма римлян, сравнительно с греками, не потерявших своего значения и в эпоху поздней античности (с. 97).

В статье М.М. Холода «Демадов мир: к истории афинско-македонских отношений» прослеживается череда событий, увенчавшихся заключением мира между Филиппом II и Афинами вскоре после битвы при Херонее (338 г. до н.э.), вскрываются причины, побудившие победителя-Филиппа отказаться от вторжения в Аттику и пойти на переговоры с афинянами, исследуется содержание мирного договора и его значение для исторических судеб Греции. Много внимания автор уделяет источникам и историографии вопроса, и в частности вопросу о достоверности свидетельств Диодора и Полибия о заключении между Филиппом и Афинами не только мира, но и военного союза (с. 108 сл.). Данный вопрос оживленно дискутировался в трудах В. Швана, Ф. Хампля и К. Реубака; точку зрения последнего, считавшего заключенный при участии Демада договор простым соглашением о мире и отрицавшего факт заключения союза, М.М. Холод подвергает критике, доказывая, в свою очередь, наличие соглашения о союзе (с. 109 сл.). Оценивая значение Демадова мира, автор вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает его неравноправный характер и зависимую роль Афин: афинское могущество было существенно ослаблено, а в самих Афинах усилилась промакедонская партия (с. 112 сл.).

Поддерживая в целом авторские выводы, позволим себе высказать и некоторую критику, касающуюся тезиса о наличии в условиях Демадова мира соглашения об афино-македонском союзе. Сам автор достаточно много говорит о сомнительности свидетельств Диодора и Полибия по данному поводу (с. 108), так что его собственный вывод оказывается в некотором противоречии с его же оценкой свидетельств источников.

В статье М.В. Белкина «Цицерон и Марк Антоний: истоки конфликта» прослеживаются взаимоотношения этих двух выдающихся деятелей эпохи поздней Республики, приведшие, как известно, к столкновению, повлекшему за собой гибель Цицерона. Указанный конфликт представляется автору изначальным, восходящим едва ли не к тем годам, когда будущий триумвир вместе с другими молодыми людьми посещал дом великого оратора для изучения искусства красноречия (с. 135). В дальнейшем предметом тщательного анализа становятся семейные связи Марка Антония, во многом определившие его негативное отношение к Цицерону (с. 135 сл.), у которого, разумеется, также существовали свои причины ненависти Антония или по крайней мере испытывать к нему неприязнь (с. 138 сл.). Эти причины состояли, по мнению автора статьи, в том, что Антоний представлял собой до мозга костей порочную личность (данный тезис автор обильно подкрепляет цитатами из «Филиппик»); к тому же он имел претензию считаться красноречивым оратором, что вызывало раздражение Цицерона (с. 138, 140). Не касаясь вопроса о том, можно ли создать адекватный портрет Марка Антония на основании устремленных против него инвектив его смертельного врага, отметим лишь явную несогласованность вышеприведенной характеристики Антония с мнением о нем, как о вполне типичном представителе знатной молодежи той поры, из среды которой будущий триумвир нисколько не выделялся ни поведением своим, ни моральным обликом (с. 140). Далее поэтапно (начиная с 50-х годов и до августа 44 г. до н.э.) рассматриваются отношения Цицерона и Антония, характеризующиеся постепенным нарастанием напряжения, не доходящего, однако, до прямого противостояния (с. 141 сл.). Сам конфликт («смертельная схватка», по выражению М.В. Белкина) остается, таким образом, за кадром. Автор оставляет своих героев в тот драматический момент, когда Цицерон, собравшийся было отправиться на Восток, возвращается в Рим, чтобы сразиться и пасть в своей последней битве за Республику (с. 160 сл.).

Поздняя античность в первом выпуске «Мнемона» представлена статьей Ю.Б. Циркина «Испания и узурпация Магненция». Автор отмечает, что Испания, далекая от политических бурь того времени (середина IV в. н.э.), все же сыграла известную роль в событиях, связанных с узурпацией Магненция (с. 220). Будучи для правителей Запада глубоким тылом и важной базой снабжения, Испания подверглась атаке войск Констанция на последнем этапе войны между ним и Магненцием (с. 218 сл.). Целью данной операции было лишить последнего путей для бегства и финансовых средств для продолжения войны, поступавших к нему с золотых приисков Галлеции, а ее успех стал причиной самоубийства узурпатора и победы августа Констанция, объединившего Империю под своей властью (с. 211 сл., 219 сл.).

Ряд интересных публикаций (статьи А.В. Хазиной, А.С. Мельниковой, А.С. Степановой, А.Д. Пантелеева, Л.В. Софроновой, Харийса Туманса) был представлен в подразделе «Античная культура», но, по понятным причинам, у нас нет возможности рассказать обо всех одинаково подробно, и мы позволим себе ограничиться рассмотрением статьи Н.С. Широковой, посвя-

щенной столь популярной ныне теме религии и мифологии кельтов, «Огмий – кельтский бог “связыватель”». «В кельтской мифологии – пишет автор – имеется бог, основная характеристика которого представляет важное свойство индоевропейского божества, которым в большой степени наделены скандинавский Один и индийский Варуна. Этим свойством является искусство “связывания”, представляющее магический образ действий обоих богов» (с. 253). Кельтский Огмий тоже «бог-связыватель», наподобие Одина или Варуны; это его основное качество, от которого зависят конкретные функции Огмия: бог-воитель, проводник душ умерших в потусторонний мир, бог-покровитель искусства красноречия, каким он изображен на увиденной Лукианом галльской фреске, покровитель науки и искусства и изобретатель сакральной письменности (с. 259–262). Таким образом, заключает Н.С. Широкова, Огмий являет собой важное дополнение к образу Луга, верховного бога кельтской мифологии, а образ нити, веревки или узла соответствует глубинному опыту человечества, представляя один из древнейших символов человека и мира (с. 262).

Еще несколько статей – К.В. Вержбицкого (о дискуссии вокруг «Анналов» римского историка Корнелия Тацита), А.В. Банникова (о проблеме датировки *Еpitoма rei militaris* Вегетия), М.В. Белкина (о творчестве Ф.Ф. Зелинского) – были представлены в подразделе «Источниковедение и историография». Из статей данного раздела особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает статья О.В. Кулишовой «Дельфийские манумиссии в современных исследованиях по античному рабству», посвященная эпиграфическим документам об отпуске рабов на волю, происходящим из Дельф и относившихся в основном к II в. до н.э. – I в. н.э.

Обозначив общий контекст изучения темы античного рабства в настоящее время, О.В. Кулишова переходит к рассмотрению непосредственно дельфийских манумиссий как источника по истории рабства в античном мире (с. 345 сл.). Автор отмечает многочисленность находок подобного рода документов на территории Дельф (более тысячи к настоящему времени) и прослеживает основные этапы их публикации и изучения, начиная с 60-х годов XIX в. (с. 346 сл.). В дальнейшем О.В. Кулишова сосредоточивает свое внимание на двух крупных проблемах, связанных с изучением дельфийских манумиссий: это, во-первых, характер и условия освобождения рабов в Дельфах и, во-вторых, возможность использования данных, полученных в ходе исследования дельфийского материала, для оценки развития античного рабства в целом (с. 350 сл.). Автор солидаризируется с преобладающей в науке точкой зрения о том, что условия отпуска рабов на волю диктовались в первую очередь экономическими интересами их хозяев (отсюда тяжелые условия освобождения, когда бывший раб в течение известного времени оставался у своего хозяина в качестве отпущенника-парамонария, и т.д.), и с сожалением констатирует отсутствие в настоящее время обобщающего исследования по дельфийским манумиссиям, выражая вместе с тем надежду на активизацию работ в указанном направлении в связи с изданием манумиссий в рамках нового Корпуса дельфийских надписей (с. 352 сл., 355 сл.).

В разделах «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни» также представлен ряд интересных сообщений. Это рецензия Н.В. Григорьевой на новый учебник по истории древнего мира для пятых классов средней школы, заметка А.Д. Пантелеева о публикациях по истории раннего христианства в интернете, рецензия Э.Д. Фролова на художественный фильм (редкость для антиковедного издания!) режиссера Ридли Скотта «Гладиатор»; публикации, посвященные важным датам в жизни крупных ученых-антиковедов: 50-летию профессора Санкт-Петербургского университета А.Б. Егорова (авторы – М.В. Белкин, К.В. Вержбицкий) и 65-летию профессора Гамбургского университета Юргена Дейнингера (автор – Э.Д. Фролов), а также очерк о деятельности европейских центров антиковедения: университетов в Лозанне и Халле и фонда Хардта в Женеве, выполненный Э.Д. Фроловым.

Центральную часть содержания второго выпуска альманаха «Мнемон» (СПб., 2003) составляют публикации, посвященные проблемам социально-политической истории античного мира. Предметом исследования здесь становятся в частности особенности древней государственности и общественной жизни греческих полисов (В.В. Шувалов, Л.А. Пальцева, С.М. Жестоканов, В.М. Строгеецкий), характер афинской демократии (статьи О.В. Кудрявцевой, Е.В. Никитюк), политическое движение в эллинистической Спарте (А.Л. Дарвин), полис в системе эллинистической монархии (М.М. Холод), просопография знатных семей поздней Римской республики (А.Б. Егоров), социально-политические и экономические основы принципата (И.П. Портнягина, С.Г. Сердюкова, В.В. Семенов, М.Н. Серафимов), правовой статус иудеев в Римской империи (Ю.К. Рогова), античная религия и мифология (Н.С. Широкова, З.С. Кузнецова), периферия античного мира (А.П. Кулакова).

Роль своеобразного введения, предпосылаемого основному содержанию сборника, играет статья Э.Д. Фролова «Вместо предисловия: культура классицизма и современная антикульту-

ра». Автор начинает с того, что прослеживает этимологию понятия «культура» (от лат. *colere* – «обрабатывать, возделывать») и проводит разграничение между понятиями «культура» и «цивилизация». Кратко коснувшись вопроса типологии культур, Э.Д. Фролов выделяет две из них, западноевропейскую и русскую, в качестве сферы своего преимущественного интереса и указывает на наличие в истории Западной Европы двух культурных циклов соответственно античности и нового времени (с. 8 сл.). После падения Западной Римской империи и вплоть до конца XIX в. классические формы античной культуры продолжали оставаться тем нормативом, на который равнялась культура западных стран; отсюда явление так называемых «возрождений», начиная от Каролингского ренессанса (конец VIII – начало IX в.) до неоклассицизма конца XVIII – начала XIX в. Однако классическими традициями были затронуты лишь образованные верхи европейского общества, главным образом дворянство, во второй половине XIX в. окончательно уступившие лидирующую роль в социальной жизни представителям третьего сословия. Эти последние, в свою очередь, поспешили отбросить традиции классицизма и связанное с ними классическое образование, тем более, что к этому побуждал их стремительный технический прогресс, вытеснявший из сферы образования гуманитарные ценности (с. 9 сл.).

Но еще более драматично сложились судьбы классического наследия в России, где поверхностная европеизация, осуществленная силами Петра Великого и его преемников, привела к глубочайшему расколу и в конечном счете отторжению гуманистической культуры русским обществом в начале XX в. (с. 12 сл.). Однако более всего беспокоит и тревоги вызывает у автора современная эпоха, с такими характерными для нее явлениями, как огрубление языка, торжество массовой псевдокультуры над подлинной духовностью, забвение завещанного нам предками культурного наследия в сочетании со слепым перениманием с Запада всего того, что не заслуживает подражания (фильмы, насыщенные сценами кровавого насилия, поп-музыка с ее механическими ритмами и т.д.) (с. 13 сл.). Некоторым диссонансом в нарисованную Э.Д. Фроловым безотрадную картину культурного упадка врывается его же утверждение о том, что для подлинной содержательной культуры еще не все потеряно; впрочем, мысль о полной и окончательной гибели культуры кажется столь непереносимой, что нам по-человечески хочется не критиковать, но поддержать автора за его нежелание быть последовательным пессимистом.

Переходя к более подробному рассмотрению некоторых, наиболее интересных, на наш взгляд, публикаций, начнем с первой части раздела «Исследования», посвященной греческой тематике. Одной из таких публикаций является статья Л.А. Пальцевой «Греческие мнемоны» об особенной магистратуре, существовавшей в ряде греческих полисов эпохи классики и эллинизма, носители которой назывались иеромнемонами, симнемонами или просто мнемонами. Автор начинает свое изложение с анализа источников по данному вопросу, специально останавливаясь на свидетельстве Аристотеля, определявшего мнемона как должностное лицо, чьи функции относились непосредственно к сфере правосудия: мнемон – это хранитель архива наиболее важных в правовом отношении актов и, одновременно, – лицо, заверяющее от имени государства наиболее важные сделки и договоры, чем в наше время обыкновенно занимается нотариус (с. 32 сл.). В дальнейшем Л.А. Пальцева рассматривает другие (преимущественно эпиграфические) свидетельства о мнемонах и их функция с точки зрения их согласованности или противоречия с вышеприведенным свидетельством Стагирита и предпринимает попытку совместить взаимно противоречивые данные относительно данной магистратуры. По мнению автора, рассматриваемая должность насчитывала более чем тысячелетнюю историю, восходя к дописьменной эпохе темных веков, когда функции мнемона в буквальном смысле состояли в запоминании важных для общины установлений, и лишь с появлением и распространением письменности мнемоны превратились в хранителей государственных архивов, какими их знает Аристотель. В дальнейшем, благодаря традиции размещать архивы в крупных святилищах и храмах, мнемоны оказались тесно связаны со жречеством (иеромнемоны) и превратились в эпонимных магистратов; впрочем, эволюция данной должности на этом не остановилась и в итоге породила множество локальных вариантов (с. 45 сл.).

Греческая архаика представлена во втором выпуске альманаха «Мнемон» статьей С.М. Жестоканова «Олигархия Бакхиадов». В ней на примере Коринфа рассматривается особый вид олигархического правления – олигархия царского клана, – существовавший в ряде греческих городов-государств: в Митилене на Лесбосе, в малоазийских городах Милете и Эфесе, в фессалийских полисах Лариссе и Кранноне (с. 62 сл.). В самом Коринфе переход от монархии к аристократии был осуществлен в рамках правления представителей одного знатного рода – Бакхиадов, возводивших свое происхождение к легендарному коринфскому царю Бакхису (с. 53 сл.). Далее в статье исследуются вопросы социально-политического устройства Коринфа в период господства Бакхиадов, в частности состав и функции высших полисных магистратов,

деление граждан по филам, и делается важный вывод о наличии схожих черт в политической системе коринфского полиса и досолоновских Афин (с. 56).

В.М. Строецкий в статье «Роль информации и проблема коммуникативных отношений в классическом полисе» рассматривает вопросы распространения информации в греческой древности. Автор указывает, что в греческих полисах постоянно циркулировали значительные объемы информации как частного, так и публичного характера, причем распространявшиеся в виде слухов сведения о частной жизни граждан существенным образом влияли на их репутацию и общественный статус. Это обстоятельство определило в целом двойственное отношение к подобной информации: с одной стороны, полисные власти (как, впрочем, и некоторые частные лица, и даже весь гражданский коллектив) были заинтересованы в получении достоверных сведений о гражданах и их частной жизни, но с другой – сами граждане порой всеми способами старались не допустить огласки тех сторон их жизни, которые могли бросить тень на их доброе имя или повредить их политической карьере (с. 140 сл., 143 сл.). Много внимания В.М. Строецкий уделяет анализу каналов, по которым циркулировали информационные потоки, а также своего рода коммуникативных центров, в качестве которых в греческих городах выступают лавки, мастерские, цирюльни, бани, рыночная площадь в целом, театр, симпози и сисситии и другие неформальные сообщества (с. 145 сл.).

Представляется, что автор мог бы дополнить нарисованную им картину аналогией с римской древностью, где важную роль в распространении информации и формировании общественного мнения играли разного рода формы общения, напоминающие греческий симпози². Впрочем, и без этого исследование В.М. Строецкого, приоткрывающее для читателя одну из любопытнейших сторон жизни греческого общества, представляется вполне целостным, а общая картина – весьма убедительной.

Из публикаций, посвященных истории Рима, хотелось бы особо выделить статью А.Б. Егорова о римской интеллигенции эпохи Гражданских войн «Муции Сцеволы, Лицинии Крассы и Юлии Цезари (римская интеллигенция и кризис конца II – начала I в. до н.э.)», представляющую собой прекрасный пример просопографического исследования. Предметом изучения становятся три знатных римских рода – Лицинии Крассы, Муции Сцеволы и Юлии Цезари, игравшие видную роль в политической жизни конца II – начала I в. до н.э. Группа Крассов–Сцевола–Юлиев Цезарей и политики-интеллектуалы их круга представляли собой, по мнению автора, «среднюю силу», игравшую выдающуюся роль в событиях 130-х–90-х годов до н.э. (достаточно сказать, что все реформаторы от Гракхов до Суллы были так или иначе связаны с этой группой), но уничтоженную в период господства марианцев в Риме (с. 196, 203). Политика этой группы отличалась рационализмом и продуманностью (с. 203). Это была политика умеренно-центристской ориентации, основанная на глубоком понимании нужд государства, стремлении к бескровному выходу из кризиса и неприятию радикальных идей, течений и политиков (с. 198). Несмотря на уничтожение большинства представителей данной группы в 80-е годы до н.э., в конечном счете восторжествовала именно их политическая линия, под знаком которой прошли реформы 70-х годов до н.э., и именно ее продолжили такие выдающиеся деятели конца Республики, как Цицерон и Цезарь (с. 204).

Основные выводы и наблюдения автора не вызывают у нас возражений, что, впрочем, не исключает критических замечаний по отдельным частным поводам. Так, продолжателями одной и той же традиции оказываются два весьма различных (если не прямо противоположных) между собою деятеля – диктатор Юлий Цезарь и Цицерон, откликнувшийся на известие о его убийстве восторженным письмом (Fam. VI. 15), а род Юлиев Цезарей имел связи не только с людьми круга Крассов и Сцевола, но, как известно, и с Гаем Марием, чем широко пользовался Юлий Цезарь на начальном этапе своей политической карьеры, выставляя себя приверженцем марианских традиций.

В статье И.П. Портнягиной «Интеграция неформальных общественных связей в систему принципата: совет друзей принцепса» поднимается важная и дискуссионная проблема о роли в политической системе ранней Империи разного рода неформальных институтов и отношений. Будучи исконным элементом системы общественных связей в архаических и традиционных обществах, в Римской республике институт дружбы (*amicitia*), наряду с клиентелой, стал основой для формирования так называемых личных партий, особенно характерных для периода Гражданских войн (с. 227). С установлением режима принципата дружеские связи в среде римской аристократии утрачивают характер политических альянсов, превращаясь в фундамент теперь

² См. Вержбицкий К.В. Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлиам–Клавдиям // Вестник Санкт-Петербургского университета, 1999. Серия 2. Вып. 2. С. 104–107.

уже придворных группировок и карьерных продвижений (с. 228). Автор отмечает характерный для политики основателя Империи Октавиана Августа протекционизм, становящийся более откровенным при его наследнике Тиберии (с. 230 сл.), и наличие в неформальном окружении принцепса своего рода иерархии, на вершине которой стояли всесильные временщики, такие как Агриппа и Сеян, отношения которых с их патронами, соответственно Августом и Тиберием, становятся в дальнейшем предметом особого рассмотрения (с. 233 сл.).

Характеризуя роль друзей принцепса в императорском совете, автор отмечает, что если при Августе *consilium principis* комплектовался из сенаторов, избранных по жребию, и представителей магистратуры, то при его преемниках совет, состоящий теперь из лиц, назначенных туда императором, приобретает характер квазидружеского объединения (с. 239 сл.), так что в целом институт *amicitia* не внес сколько-нибудь существенного вклада в формирование политико-административной системы Империи (с. 240). В некотором противоречии с приведенным выше высказыванием находится утверждение автора о значительной роли *amici* и *clientes* как опоры единой государственной власти (с. 228, 240), что само по себе, на наш взгляд, уже является определенной ролью в процессе формирования имперской структуры.

Ряд интересных сообщений был опубликован в разделах втором и третьем «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни». В частности, в разделе втором с рецензиями выступили: Э.Д. Фролов (на кн.: *Koiv M. Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Korinth*. Tallinn, 2003), К.В. Вержбицкий (на кн.: *Шалимов О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II в. н.э.* М., 2000), П.В. Шувалов (на кн.: *Вольфрам Х. Готы: от истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии)* / Пер. с нем. СПб., 2002) и А.К. Нефёдкин (о публикациях по древней истории в военно-историческом журнале «*Para bellum*»). Наконец, в «Хронике научной жизни» были представлены два очерка – М.В. Белкина о системе преподавания античной истории в СПбГУ и А.Б. Шарниной о жизни и деятельности профессора Лии Менделевны Глускиной (с приложением библиографии ее трудов).

В основу публикаций третьего выпуска альманаха «Мнемон» (СПб., 2004) легли доклады, прочитанные на конференциях «Жебелёвские чтения – V» и «Античное общество: проблемы истории и культуры – VII», прошедших соответственно в ноябре 2003 г. и в марте 2004 г. на историческом факультете СПбГУ. В разделе первом «Исследования» были представлены статьи по следующим: история Греции (М.Ю. Лаптева, Л.Г. Печатнова, А.В. Леонтьев, Э.В. Рунг, Е.В. Никитюк, В.М. Строецкий), походы Александра Македонского (В.П. Никоноров и М.М. Холод), проникновение на Восток элементов греческой культуры и государственности (Ю.Б. Циркин), культ правителя в эллинистическо-римское время (М.Ю. Серова, И.А. Ладынин, А.Б. Егоров), проблемы восточного эллинизма (А.А. Попов, Г.А. Кошеленко), античная нумизматика (А.А. Попов), эллинистическая Спарта (А.Л. Дарвин), история Рима в республиканский и императорский периоды (Л.П. Кучеренко, В.В. Семенов, М.Н. Щетинин, Е.Л. Смирнова, С.Г. Сердюкова), античная религия и раннее христианство (Л.А. Пальцева, А.Н. Горожанова, Е.А. Захарова, О.В. Кулишова, С.И. Межеричкая, Н.С. Широкова, А.Д. Пантелеев), источниковедение и историография (Д.А. Щеглов, А.К. Нефёдкин, Э.В. Рунг).

Открывается выпуск статьей Э.Д. Фролова «В канун двойного юбилея» по поводу отмечавшегося в 2004 г. юбилея исторического факультета СПбГУ, воссозданного в структуре университета в 1934 г., и столетия со дня рождения выдающегося историка античности профессора Ксении Михайловны Колобовой, принадлежавшей наряду с С.И. Ковалевым и С.Я. Лурье к плеяде новых установителей кафедры (с. 9). Эти двум памятным датам и посвящен третий выпуск альманаха «Мнемон».

Переходя к обзору содержания отдельных, показавшихся нам наиболее интересными, публикаций, начнем, разумеется, с греческой тематики. Л.Г. Печатнова в статье «Античная традиция об эфоре Хилоне» обращается к проблеме формирования политической структуры спартанского полиса, в частности к возникновению эфората в его привычном значении реального правительства Спарты. Поскольку в V в. до н.э., рассуждает Л.Г. Печатнова, эфорат, возникший в середине VIII в. до н.э., вступил уже вполне сложившимся институтом, его преобразование из магистратуры «второго плана», ответственной перед царями и герусией, в знакомый нам эфорат классического времени могло произойти только в период архаики (с. 32). В дальнейшем рассматриваются свидетельства Геродота, Платона, Диогена Лаэртского об эфоре Хилоне (556 г. до н.э.) и делается попытка связать с его именем преобразование эфората (или скорее создание принципиально новой структуры); впрочем, по мнению автора, Хилон ответственен не только за отмеченную выше реформу эфората, но и в целом за «новое направление» во внешней политике и внутренней жизни Спарты в первой половине – середине VI в. до н.э., включая сюда так называемую антиирианическую поли-

тику, создание Пелопоннесского союза и реорганизацию жизни спартиатов на принципах эгалитаризма (с. 33 слл., 48).

Аргументы Л.Г. Печатновой, крупного специалиста по истории Спарты, нельзя не признать весьма убедительными, но если нарисованная ею картина верна, масштаб деяний Хилона впечатляет настолько, что в душу читателя поневоле закрадывается сомнение: могло ли все это быть делом рук одного единственного человека? Впрочем, как признает сам автор, история архаической Спарты практически безымянна (с. 31), так что Хилон, скорее всего, лишь главный, но далеко не единственный творец тех изменений в жизни этого полиса, о которых говорилось выше.

Е.В. Никитюк в статье «"Закон о празднике" в афинском законодательстве IV в. до н.э. (религиозный аспект)» предлагает исследование в области древнегреческого права. Автор начинает с констатации неполноты наших сведений об афинском религиозном законодательстве (с. 83) и переходит непосредственно к содержанию одного из сохранившихся памятников – афинского «закона о празднике», известного нам из речей Демосфена (с. 83 слл.). Этот закон был направлен против тех, кто нарушал традиционное исполнение религиозных ритуалов, т.е. совершал асебию, причем одни нарушения разбирались и карались немедленно, так сказать, в административном порядке, тогда как другие служили основанием для возбуждавшихся позднее судебных дел (с. 85). Примером такого дела может служить процесс, начатый Демосфеном против своего политического и личного врага Мидия (с. 85 слл.). Анализ этого процесса позволяет автору определить существо предъявленного Мидию обвинения и характеризовать сам процесс скорее как гражданский, нежели религиозный (с. 92).

Статья Г.А. Кошеленко «Третья версия происхождения Аршакидов?» посвящена важной и дискуссионной теме возникновения Парфянского государства. Автор тщательно анализирует известные варианты генеалогии Аршакидов (версии Юстина–Страбона и Арриана), вскрывая как реальные события, стоящие за каждым из них, так и их идеологическое наполнение. Помимо двух вышеназванных версий автор обнаруживает у Юстина (Помпея Трога) следы еще одной, третьей версии происхождения Аршакидов (Юстин-2), согласно которой предком парфянских царей является некий Андрагор, перс по происхождению, назначенный правителем Парфии якобы самим Александром Великим (с. 221). Данная версия, имеющая мало общего с исторической реальностью, позволяет по-новому взглянуть на идеологию Аршакидов; эта последняя представляется автору более сложной, чем обычно считается: подобно правителям других полуварварских государств эллинистического Востока Аршакиды в целях легитимизации своей власти претендовали на родство (или по крайней мере преемственность) с Ахеменидами (Арриан), Александром Великим (Юстин-2), не забывая и о своем кочевническом прошлом и праве завоевания (Юстин-Страбон) (с. 224 слл.). В заключение автор отмечает, что конструкторами такой сложной идеологической схемы могли быть только греки, состоявшие на службе у парфянских владык (с. 228).

А.Д. Пантелеев в статье «Христиане и римская армия от ап. Павла до Тертуллиана» исследует в высшей степени важный и интересный вопрос об отношении ранних христиан к армии. Указав на существование в научной литературе мнения о пацифизме ранней церкви (с. 413 слл.), автор рассматривает свидетельства ряда христианских авторов (ап. Павла, Игнатия Антиохийского, Климента Римского, Климента Александрийского и др.) по этому вопросу, уделяя особое внимание сочинениям Тертуллиана (с. 415 слл.). Анализ данных источников позволяет А.Д. Пантелееву сделать вполне обоснованный вывод о лояльном отношении к армии и военной службе авторов, оставшихся в рамках церкви, не исключая и Тертуллиана до его перехода к монотанистам (с. 428).

Из публикаций историко-культурного и историографического характера хотелось бы выделить статью А.К. Нефёдкина «Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени». Автор рассматривает специальные исследования по истории фаланги в хронологическом порядке от французских и немецких трудов конца XIX – начала XX в. до английских и американских работ последних лет (с. 453 слл.). История изучения фаланги в отечественном антиковедении рассматривается отдельно (с. 460 слл.), что, на наш взгляд, не вполне правильно, так как не позволяет в полной мере раскрыть связь и взаимодействие русской и зарубежной науки. В заключение автор отмечает, что в разное время в поле зрения ученых попадали различные аспекты проблемы; так, во французских и немецких исследованиях рубежа XIX–XX веков основное внимание уделено связи военно-исторической проблематики с общественным строем, тогда как в новейших англо-американских работах преобладает интерес к тактическим и военно-техническим аспектам. Автор отмечает наметившийся в исследованиях последних лет отход от трактовки возникновения фаланги как одномоментной революции и преобладание теорий эволюционного развития данного построения (с. 464).

В разделах втором и третьем, соответственно «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни», также был представлен ряд интересных публикаций. Так, в разделе втором с рецензиями выступили Л.П. Маринович (на кн.: *Le Rider G. Alexandre le Grand. Monnaie, finances et politique.* P., 2003), М.М. Холод (на кн.: *Казаров С.С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире.* Ростов-на-Дону, 2004) и Л.А. Меньшиков (на кн.: *Широкова Н.С. Мифы кельтских народов.* М., 2004); в разделе третьем отметим статью Э.Д. Фролова, посвященную памяти выдающегося археолога и историка Ярослава Витальевича Доманского, и отчет о студенческой научной конференции «Цезарь и цезаризм», прошедшей на историческом факультете СПбГУ в марте 2004 г., написанный студентом-античником Александром Кругловым.

В заключение хотелось бы сообщить о том, что начиная с третьего выпуска альманах «Мнемон» приобрел статус вполне официального, признанного на международном уровне периодического издания, что выразилось в предоставлении ему соответствующего ISSN. Остается только пожелать, чтобы это, безусловно, позитивное событие послужило поводом к расширению круга авторов, сотрудничающих с альманахом, и, что особенно важно, читательской аудитории, чему, как мы надеемся, хотя бы в малой степени поспособствует также и наш скромный обзор.

К.В. Вержбицкий

© 2005 г.

VENIT M.S. Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead. Cambridge: CUP, 2002. XV, 267 p.

Книга профессора Мэрилендского университета (США) Марджори Сьюзен Венит посвящена монументальным гробницам греко-римской Александрии, – пожалуй, самой интересной и представительной группе памятников древнего города. В последнее время интерес к истории и археологии Александрии заметно возрос благодаря открытиям, сделанным французскими и египетскими археологами на территории города и его окрестностей. Прежде всего необходимо отметить подводные исследования в районе форта Каит-Бей (остров Фарос в древности), Восточной гавани, мыса Абукир (древний Каноп), раскопки некрополя Габари и спасательные работы на местах городского строительства (например Александрийской библиотеки), проводимые с начала 1990-х годов Центром александрийских исследований под руководством Ж.-И. Ампера и Европейским институтом подводной археологии, возглавляемым Ф. Годдио. В ходе этих исследований были получены результаты, которые дают много новой информации по истории и археологии античной Александрии: обнаружены фрагменты знаменитого маяка, зафиксированы следы «царского квартала», найдены великолепные статуи и мозаики, открыты затопленные города Гераклион и Менуфис и т.д.¹

Несмотря на впечатляющие открытия последних лет, по-прежнему мало известно о том, какими были в реальности знаменитые александрийские постройки и памятники, описания которых, зачастую фантастические, можно найти у античных и более поздних авторов, и топография древнего города в целом². Ранние слои Александрии целиком покоятся под современным городом, отстроенным на руинах в первой половине XIX в. по приказу египетского паши Мухаммеда Али³. Это обстоятельство сделало невозможным проведение здесь масштабных систематических раскопок, локальные же исследования начались довольно поздно, в конце XIX в.,

¹ См. *Empereur J.-Y. Alexandrie redécouverte.* P., 1998; *Goddio F. et al. Alexandrie. Les Quartiers gouaux submergés.* L., 1998; *La Gloire d'Alexandrie.* P., 1998. Самую последнюю информацию об археологических работах и открытиях в Александрии см. в издаваемых IFAO с 1998 г. «*Études alexandrines*» (на 2002 г. вышло шесть томов отчетов).

² Вышедшие в 1960-е – начале 1970-х годов капитальные труды А. Адриани (*Adriani A. Repertorio d'arte dell'Egitto greco-romano. Series C. Vol. I–II.* Palermo, 1966) и П. Фрэзера (*Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I–III.* Oxf., 1972) по-прежнему остаются основными справочниками по истории, памятникам и топографии греко-римской Александрии.

³ Этот считающийся просвещенным правитель мало интересовался прошлым Египта. Он даже предложил инженеру Л. де Бельфонду разрушить пирамиды, чтобы построить плотину через Нил (см. *Empereur J.-Y. Alexandria: Past, Present and Future. New Horizons.* L., 2002. P. 96–97).

причем ведущие западные археологи, которых в большей степени интересовали памятники фараоновского Египта, поначалу принимали в них слабое участие. Оживление археологической деятельности наблюдалось в межвоенный период, совпавший с экономическим и культурным подъемом города. Однако с приходом к власти Гамаль Абдель Насера, взявшего курс на сворачивание контактов с Западом, Александрия несколько десятилетий оставалась в стороне от археологических экспедиций и туристических маршрутов (и сегодня она менее посещается туристами, чем Каир, Гиза или Верхний Египет). К тому же промышленный и демографический рост современного мегаполиса, насчитывающего свыше пяти миллионов жителей, оказывает разрушительное воздействие на немногие сохранившиеся памятники и затрудняет их исследование⁴. Это касается и подземных сооружений Александрии – гробниц-гипогеев, хотя они уцелели гораздо лучше, чем наземные памятники римского и особенно птолемеевского времени⁵. Некоторые из этих гробниц затоплены и нуждаются в срочных спасательных работах⁶, другим угрожает интенсивное городское строительство (так, спасательные раскопки, организованные Центром александрийских исследований в ходе строительства дорожной эстакады в западной части города, выявили обширный некрополь Габбари, датируемый III в. до н.э. – VII в. н.э. и насчитывающий несколько сот тысяч погребений – масштабы, доселе неведомые античному миру⁷). В контексте всего вышесказанного выход в свет рецензируемой книги представляется весьма актуальным.

М. Венит в самом начале формулирует основные задачи своей работы, их как минимум три. Во-первых, привлечь внимание специалистов и широкой публики к александрийским гробницам, среди которых встречаются такие выдающиеся памятники древности, как великолепно сохранившаяся Большая катакомба в Ком эль-Шукафа. Во-вторых, запечатлеть эти гробницы хотя бы на бумаге, поскольку не все из них в конечном счете уцелели *in situ*, а посвященные им более ранние публикации (в основном датируются концом XIX – началом XX в.), как правило, труднодоступны. В-третьих, – и это собственно содержательная задача – исследовать архитектуру и декор александрийских монументальных гробниц, проследить их эволюцию и показать культурное значение. В целом автор книги рассматривает гробницы как ценный исторический документ, повествующий более подробно и наглядно, чем другие источники, о социальных, культурных и религиозных переменах, происходивших в городе на протяжении шести веков. Нельзя не согласиться с таким подходом в свете малодостоверности античного нарратива о греко-римской Александрии, скудости ее эпиграфических и папирусных источников⁸.

Содержание книги строится по хронологическому принципу – от раннеэллинистических памятников к более поздним римским. Хронологические рамки исследования, таким образом, датируются временем от основания Александрии в 331 г. до н.э. до распространения христианства в эпоху Поздней римской империи.

⁴ Особый урон наносит бесконтрольное строительство многоэтажных зданий с подземными конструкциями, нарушающее древние культурные слои, которые залегают на глубине не менее 10 метров.

⁵ К началу 1990-х годов на археологической карте Александрии было зафиксировано не более 200 топографических объектов птолемеевского времени, включая не только памятники, но и отдельные предметы (скульптура, надписи, фрагменты архитектурного декора); см. *Tkaczow B. The Topography of Ancient Alexandria (An Archaeological Map). Varsovie, 1993.*

⁶ См., например, *Vonacasa N. The Hellenistic-Roman Necropolises of Alexandria // Egyptology at the Dawn of the Twenty-First Century. Proceedings of the Eighth International Congress of Egyptologists / Ed. Zahi Hawass, L.P. Brock. Vol. I. Cairo, 2000. P. 92–96.* Автор рецензии мог лично наблюдать плачевное состояние гробниц некрополя Анфуши во время поездки в Александрию весной 2003 г.: из трех уцелевших на сегодня гробниц две затоплены и лишь одна открыта для туристов.

⁷ Первые результаты этих раскопок опубликованы в сборнике: *Nécropolis 1 / Ed. J.-Y. Empereur, M.-D. Nenna. Le Caire, 2001.*

⁸ Корпус недавно изданных греческих и латинских надписей Александрии насчитывает чуть более 200 документов – довольно скромная цифра для одной из крупнейших столиц античного Средиземноморья. См. *Bernard E. Inscriptions grecques d’Alexandrie ptolémaïque. Le Caire, 2001* – издание насчитывает лишь 79 надписей (надгробные надписи, надписи на вазах и мозаиках, а также надписи, чье происхождение спорно, не включены в сборник), оно дополняет 128 опубликованных греческих и латинских надписей римской Александрии – см. *Kaysers F. Recueil des IGL d’Alexandrie impériale (I–III siècle apr. J.-C.). Le Caire, 1994.* Что касается папирусов, то они не сохранились в Александрии, как и в других поселениях Дельты, из-за слишком высокого уровня подземных вод. Те же редкие документы, которые происходят из других мест Египта и по своему содержанию относятся к Александрии («Дикайомата», «александрийское досье» архива Зенона, отдельные оксирихские папирусы), мало что добавляют к нашим знаниям об истории и топографии города.

Работа состоит из семи глав, двух приложений и дополняется списком использованной литературы и указателями. Стремясь выполнить вторую задачу, М. Венит поместила на страницах своей прекрасно изданной большим форматом книги 10 цветных и 160 черно-белых иллюстраций.

I глава «Монументальные гробницы древней Александрии: общая картина» носит вводный характер и посвящена отдельным вопросам истории города, его социальному и этническому составу, культурным и религиозным традициям, которые существенно влияли на архитектуру погребальных памятников Александрии. Но вначале автор обращается к самой знаменитой и загадочной гробнице города (если не всего эллинистического мира) – так называемой «Семе», или «Соме», гробнице Александра Македонского.

Неоднократные упоминания о ней мы найдем у древних авторов⁹, однако до сих пор она не найдена и по-прежнему ведутся споры о ее локализации. На сегодня одна из наиболее популярных версий – связь «Семы» с Алабастровой гробницей (ее фотография помещена на с. 8 рецензируемой книги), открытой в 1907 г. в восточной части города, где располагается Латинское кладбище. По мнению автора, это сооружение можно рассматривать как часть гробницы Александра, на что указывает местоположение памятника. Именно здесь, возможно, находился символический центр изначального города, образуемый пересечением двух главных улиц. Впрочем, в этом нельзя быть полностью уверенным, поскольку, во-первых, остается найденной александрийская агора, где скорее всего должна была находиться могила ктиса, а во-вторых, основанный Александром город не обязательно имел типичную полисную планировку. Более убедителен другой аргумент автора – уникальный внешний облик Алабастровой гробницы, которая не похожа на традиционные александрийские гипогеи. Она построена из алабастровых плит, в то время как остальные гробницы высечены в материковой скале (Александрия лежит на скальном известняковом выступе, протянувшемся от Ливии до Западной Дельты, поэтому здесь удобные естественные условия для сооружения скальных гипогеев). Архитектурно Алабастровая гробница ближе к аналогичным македонским образцам, что, по мнению автора, указывает на ее исключительный характер и раннюю датировку. Даже если это не легендарная «Сема» (на мой взгляд, приведенных автором аргументов в пользу такого отождествления явно недостаточно), то наверняка мы имеем дело с птолемеевской царской гробницей, в которой отражены основные черты гробницы Александра, – в конечном счете к такому выводу приходит М. Венит, и он представляется более резонным.

Говоря о птолемеевской Александрии, автор отмечает неясность и спорность ряда важнейших сторон ее истории – от основания города (проблема Ракотис) и его политического устройства (существовали ли здесь органы самоуправления и можно ли считать их полисными) до его внешнего облика (выглядела ли Александрия как греческий полис). В частности, последний вопрос далеко не прост, ибо у нас нет надежных сведений об архитектуре и планировке столицы, а находки последнего времени, например, выполненные в типично египетской манере колоссальные статуи III в. до н.э. из портовой части города, вносят в него дополнительную сложность. Продолжая тему, начатую мэтром французской египтологии Ж. Йойоттом, который обратил внимание на сравнительно большое количество египетских памятников, недавно найденных в Александрии¹⁰, М. Венит все же придерживается традиционного взгляда на этот город как греко-македонский, эллинистический в своей основе, с отдельными египетскими вкраплениями (иными словами, не «Александрия Египетская», а «Александрия при Египте»). «Город без прошлого, Александрия настойчиво искала греческие корни» (с. 10) и находила их во многом благодаря своему географическому положению. Экономика этой средиземноморской столицы базировалась на морской торговле, отсюда – космополитизм, открытость и изменчивость городской жизни и культуры, отразившиеся и на александрийских погребальных памятниках.

Автор отдельно останавливается на широко обсуждаемой сегодня проблеме этнической принадлежности и социального статуса в птолемеевском Египте¹¹. Известно, что его население было полиэтничным: наряду с греками и египтянами здесь проживали арабы, ливийцы, иудеи, сирийцы и выходцы из других регионов Африки, Эгеиды и Восточного Средиземноморья. Однако во многих случаях, когда речь заходит об обществе птолемеевского Египта, трудно говорить об

⁹ См. *Diod. XVIII. 28. 4; Strabo. XVII. 1. 8; Curt. X. 10. 20; Jos. Flav. Contr. Apion. II. 57; Suet. Aug. 18; Calig. 52; Dio Cass. 51. 16. 3–5; 75. 13; Ps. Callisth. III. 34c; Jul. Val. III. 57; Ach. Tat. V. 1; Suid. S.v. Ἀλεξάνδριος* и др.

¹⁰ См. *Yoyotte J. Pharaonica // Goddio et al. Op. cit. P. 199–244.*

¹¹ См. *Goudriaan K. Ethnicity in Ptolemaic Egypt. Amsterdam, 1988; Bagnall R.S. Greeks and Egyptians. Ethnicity, Status, and Culture // Cleopatra's Egypt. Age of the Ptolemies. N.Y., 1988. P. 21–25; Ethnicity in Hellenistic Egypt / Ed. P. Bilde et al. Aarhus, 1992 и др.*

этно-социальной принадлежности его представителей вследствие размытости и подвижности этнических, социальных и культурных границ. Так, в тех или иных ситуациях египтяне могли быть культурно или социально «греками» и, наоборот, перенимая местные религию, обычаи, ритуалы, греки становились «египтянами». Зонам осмоса благоприятствовали объективные условия совместного проживания – к такому выводу можно прийти после знакомства с фиксируемыми повседневную жизнь документами того времени, например папирусами Зенона. Думается, что в случае с Александрией этому в значительной мере способствовал феномен средиземноморского портового города. К сожалению, М. Венит не приводит конкретных исторических и социологических примеров по данному вопросу, придерживаясь априорной точки зрения на древний этнос, которая восходит к норвежскому антропологу Ф. Барту, полагавшему, что этническое, этнос – не столько биологическая данность, сколько динамичная социальная или культурная конструкция, и ее определяющим индикатором является самосознание, а не биологическое происхождение¹². Как бы там ни было, аморфность этнических и социальных границ действительно отразилась в александрийских некрополях с характерным для них смещением похоронных обрядов (одновременно встречаемые мумификация, кремация и труположение), отсутствием четких индикаторов, позволяющих определить этнос, социальное происхождение и религию погребенных (последнее особенно заметно на примере еврейских и христианских погребений), и преобладанием больших коллективных (семейных, корпоративных, цеховых, профессиональных и т.д.) захоронений.

Отмечу также те разделы главы, которые посвящены семантике обряда погребения с его греческим и египетским ритуалами, а также описанию устройства классической александрийской гробницы-гипогея. Архитектурно монументальные гробницы Александрии не имеют четко выраженных предшественников, возможно, на них повлияли скальные гипогеи Малой Азии, Верхнего Египта или Саккары, но прямых тому подтверждений у нас нет. Еще в 1919 г. немецкий исследователь Р. Пагенштегер выделил два типа александрийских гробниц – «ойкосный» (помещения вдоль одной оси) и «перистильный» (помещения вокруг двора)¹³, с тех пор его классификация утвердилась в литературе; ее придерживается и автор книги, хотя считает на сегодня устаревшей и не отражающей реальной действительности. Александрийские гробницы, справедливо отмечает М. Венит, эволюционировали от примитивных могил раннептолемеевского времени к более поздним монументальным гипогеям с разнообразной планировкой и пышным внутренним декором.

Во II главе «Первые монументальные гробницы и их прототипы» М. Венит обращается к погребальным памятникам раннего некрополя Шатби (IV–III вв. до н.э.), расположенного в восточной части города, и показывает, как появились первые монументальные гробницы. Им предшествовали простые могилы в виде ям и колодцев, которые вырубались в скале на глубину до полутора метров; они не имели каких-либо наземных сооружений, кроме каменных или керамических надгробных плит. Позже на смену колодцам пришли подземные коридоры и галереи с погребальными камерами – прообразы монументальных гипогеев греко-римской Александрии (впрочем, рядовые погребения в виде простых колодцев существовали наряду с монументальными гробницами на протяжении всей истории города). К таким прототипам относится «Гипогей А» (его описание дано на с. 27–31), датируемый по найденной здесь вазе-гидрии, служившей погребальной урной, рубежом IV–III вв. до н.э. В планировке ранних гипогеев уже присутствуют элементы и «ойкоса», и «перистилья», а для интерьера характерны выполненные в иллюзионистской технике (имитация мрамора или алабастра) росписи. По мнению автора, именно на рубеже IV–III вв. до н.э. вырабатываются основные принципы архитектуры и декоративного оформления александрийских монументальных гробниц, в которых еще преобладают греческие мотивы.

III глава «Театр мертвых: театральность александрийских гробниц» рассматривает более поздние (III–II вв. до н.э.) гробницы из кварталов Сиди Габр, Мустафа Паша и садов Антониадиса. Автор отмечает возрастание в них роли иллюзионистского театрального начала. Некоторые гипогеи (например 1, 2 и 3 Мустафа Паша) представляют собой буквально место для постановки погребального действия – с пышным интерьером (сцена, где справлялся обряд погребения, росписи под архитектурный декор, богато украшенные *klinai* – погребальные лежа) и сложной планировкой (наземный двор, вход в подземный вестибюль, погребальные камеры с нишами-ло-

¹² См. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference* / Ed. F. Barth. Boston, 1969. P. 9–38.

¹³ *Pagenstecher R. Nekropolis. Untersuchungen über Gestalt und Entwicklung der Alexandrischen Grabenlagen und ihrer Malerein*. Lpz, 1919.

culi и ложами-*klinai*). По словам автора, на облик александрийских гробниц сильное влияние оказал античный театр, игравший, как в любом греческом полисе, важную роль в жизни города. За подтверждением М. Венит обращается к античным рассказам о театрализованных процессиях и представлениях, происходивших в раннептолемеевской Александрии. Данный аргумент, однако, мне представляется необедительным. Во-первых, дошедшие до нас немногочисленные свидетельства (кроме «помпы» Птолемея Филадельфа в описании Калликсена Родосского (Athen. V. 196b–203b) и праздника Адониса в «Сиракузянках» Феокрита (Id. XV), трудно припомнить что-либо еще) касаются не собственно театра, а организуемых царским двором театрализованных праздников. Во-вторых, археологические раскопки пока не выявили следов городского театра птолемеевской эпохи, в отличие от театра римского времени, поэтому, строго говоря, нам ничего не известно о самом его существовании¹⁴. Думается, причины «театральности» александрийских монументальных гробниц следует искать не столько в полисных учреждениях города, сколько в массовой религии той поры, в греческих и египетских мистериях, культурных и эстетических запросах горожан.

В IV главе «Гробницы острова Фарос: культурное взаимодействие и этническая принадлежность» речь идет о позднептолемеевских (II–I вв. до н.э.) некрополях Рас эль-Тин и Анфуши, расположенных в северной части города – там, где в древности был остров Фарос. Здешние монументальные гробницы демонстрируют проникновение в архитектуру и особенно интерьер египетских черт. Процесс египтизации жизни эллинистической столицы, видимо, начался с момента ее основания, но заметно ощутимым стал спустя по меньшей мере столетие. Раньше всего он проявился в распространении египетских религиозных культов (Серapis, Исиды), позже – в проникновении египетских изобразительных мотивов (например, часто встречаемая в гробничных росписях сцена люстрации мумии) в погребальный декор. В ходе этого постепенного процесса выработался неповторимый стиль александрийских гробниц – синкретичный, вобравший в себя элементы греческого и египетского стилей, но непохожий на каждый из них в отдельности. В этой же главе автор касается проблемы этнической принадлежности гробниц (с. 90–94) и приходит к выводу о том, что проследить по ним этнические признаки практически невозможно. Этот вывод чрезвычайно важен для понимания социальной и культурной жизни птолемеевской Александрии, где смешение этносов и культур действительно вело к складыванию (пусть и на локальном уровне) синкретичной эллинистической цивилизации.

Об одном из самых оригинальных памятников греко-римской Александрии говорится в V главе «Становление индивидуальности. “Сакия-гробница” и некрополь Вардиан». Речь идет о гробнице III из этого некрополя, более известной как «Сакия-гробница». Она была открыта в 1960 г., и с тех пор продолжают споры о ее датировке (от II в. до н.э. до IV в. н.э.) и ее уникальных росписях, не имеющих аналогий в античном искусстве. Гробница состоит из двора и погребальной камеры с двумя боковыми *klinai*. Обильные росписи стен двора указывает на то, что первоначально он был крытым. Сохранились изображения сцен сельской жизни (ныне украшают экспозицию Греко-римского музея Александрии): ограда, внутри нее стоит герма с ликом Пана, сад с виноградником, пастух со стадом, птицы в пруду. Уникальный сюжет – водяное колесо-сакия, которое вращают два быка под звуки свирели одетого в плащ-эксомиду мальчика. Росписи глубоко индивидуалистичные и новаторские по манере и технике исполнения; безусловно, они принадлежат большому мастеру, чье имя нам неизвестно. Автор полемизирует с мнением о позднем, христианском, происхождении рисунков и считает, что они относятся к эллинистическому (позднептолемеевскому) времени (с. 113–116). В пользу ранней датировки свидетельствуют архитектура гробницы и стилистика ее изображений. В частности, один из аргументов М. Венит опирается на факт изображения водяного колеса, которое, по ее мнению (со ссылкой на работу Олесона¹⁵), применялось в сельском хозяйстве Египта уже во II в. до н.э. При этом, однако, автор игнорирует не менее авторитетное мнение Д. Бонно, основанное на данных папирусов: сакия повсеместно внедряется в хозяйственную жизнь Египта лишь в римскую эпоху¹⁶. Таким образом, вопрос о датировке гробницы по-прежнему остается нерешенным, как и вопрос о гениальном авторе ее фресок, в любом случае намного опередившем свое время.

¹⁴ Согласно Юлию Цезарю (De bell. civ. III. 112) и Страбону (XVII. 1. 9), театр находился вблизи дворцовой портовой зоны. Современные раскопки в этом районе, правда, ничего не выявили; см. Strabon. Le Voyage en Egypte. Un regard romain / Ed. J. Yoyotte, P. Charvet. P., 1997. P. 88–89. Not. 107.

¹⁵ Oleson J.P. Greek and Roman Mechanical Water-Lifting Devices: the History of a Technology. Toronto, 1984.

¹⁶ См., например, Bonneau D. Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque, romaine et byzantine. Leiden, 1993.

Процесс взаимодействия греческой и египетской культур в области религии и искусства достиг своей кульминации в римскую эпоху. Этой теме посвящена VI глава «Египетские заимствования в римской Александрии», где на примере монументальных гробниц I–III вв. из некрополей Габбари, Рамлех и Ком эль-Шукафа показаны результаты этого процесса. Среди гробниц римского времени самая знаменитая и, пожалуй, самая египтизированная – Большая катакомба из Ком эль-Шукафа (открыта местными жителями в 1900 г.), отличающаяся очень сложной архитектурой (три подземных уровня гробницы-катакомбы насчитывают свыше ста погребальных камер и множество ниш с саркофагами) и роскошным внутренним убранством (арки, портики, колонны, обилие скульптуры, включая хрестоматийного Ануписа в доспехах римского legionera, и т.д.)¹⁷. Довольно подробно автор пишет и о гробнице Тиграна из некрополя Мустафа Паша (с. 146–159) (ныне выставлена рядом с Большой катакомбой) с ее богатой настенной живописью, в которой отчетливо видна доминирующая роль культа Исиды.

Синтез эллинской и египетской культур породил совершенно новые и неповторимые архитектуру и стиль александрийских гробниц, сами по себе плодотворные, способные на дальнейшие эволюцию и влияние, о чем говорится в заключительной VII главе «Наследие александрийских гробниц». Это влияние началось при Птолемеях и достигло пика в эпоху Римской империи, причем его география не затронула собственно Египет – по мнению М. Венит, еще одно доказательство культурной чужеродности Александрии долине Нила. Как показывают раскопки, гробницы типа александрийских гипогеев локализируются в окрестностях города и на средиземноморском побережье к западу от него (Паретоний – Марса Матрух, Марина эль-Аламейн, Плинтина – Ком эль-Нугус). Вне Египта они встречаются в основном на территориях, входивших в зону птолемеевского административного контроля (Киренаика, Келесирия, Палестина, Кипр). Влияние александрийской модели автор прослеживает в скальных гробницах Марисы в Идумее, Бет Шарима в Галилее, Тира, Сидона и даже Пальмиры. Несколько раз приводятся аналогии с боспорскими гробницами, однако М. Венит не касается вопроса о влиянии на них александрийских образцов¹⁸. Замечу, что не все примеры александрийского влияния выглядят убедительными, возможно, в ряде случаев следует вести речь о типологическом сходстве скальных гробниц античности. Говоря о распространении гробниц александрийского круга в христианское время (с. 181–186), М. Венит обращается к самой Александрии, где известны раннехристианские погребения некрополей Гадра, Габбари и Ком эль-Шукафа, и отмечает их сравнительную малочисленность на фоне большой христианской общины города. Вне его трудно проследить прямое влияние александрийских монументальных гробниц, но не исключено, что они послужили прототипом для христианских гробниц-гипогеев Позднеримской империи, в том числе знаменитых римских катакомб.

В книге два приложения, одно из которых (с. 191–200) представляет собой каталог монументальных гробниц города, составленный по топографическому принципу, с кратким описанием гробницы или некрополя и сопутствующей библиографией. Сведения каталога должны представлять интерес для историков и археологов, поскольку важны для реконструкции культурной топографии греко-римской Александрии. Другое приложение – исследование более специального характера, оно посвящено колонне с канелюрами как одной из архитектурных деталей александрийского гипогея.

Книга имеет обширную библиографию (с. 205–222), примечания (с. 223–259; все 1283 примечания вынесены в конец под общей нумерацией, что не совсем удобно при работе с текстом), именной, предметной и географической указатели (с. 261–267).

В заключение скажу несколько слов по теме, напрямую не связанной с содержанием рассматриваемой работы, но, возможно, объясняющей, почему я решил написать эту рецензию. В настоящее время все мы можем получать научную информацию через интернет. Мои попытки найти на русскоязычных сайтах что-либо заслуживающее внимания о греко-римской Александрии, увы, не увенчались успехом. В одних случаях сталкиваешься с приукрашенными по форме и банальными по содержанию текстами, сильно смахивающими на плохой перевод с французского, и, грешным делом, думаешь: не плагиат ли (см., например, посвященную Александрийской библиотеке статью А. Лялькиной «Библиотека мира» на сайте www.zerkalo-nedeli.com). В других – с претендующими на сенсационность популярными статьями в духе модных глянцевого

¹⁷ Подробное описание гробницы см. на с. 124–145 рецензируемой книги.

¹⁸ См. с. 122, 247 с прим. 854, где автор ссылается на фундаментальный труд: *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914. Попутно отмечу, что М. Венит обходит молчанием другую работу русского историка, в которой он одним из первых обратил внимание на декоративное убранство александрийских гробниц: *Ростовцев М.* Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908.

журналов (см. сайты www.maat.ru, www.sahmet.nm.ru и др., где можно встретить перепечатки из отечественной периодики). Так, на одном из подобных сайтов я нашел статью Д. Серкова с претенциозным названием «Колосс Фаросский» (впервые опубликована в журнале «Итоги» за 1 июля 2003 г.), которую предваряет следующий анонс: «Ученые Центра египтологических исследований Российской академии наук обнаружили на дне Александрийской бухты гигантский гранитный блок. Это первое вещественное доказательство того, что одно из семи чудес света – Фаросский маяк – действительно существовало». Данное утверждение, как и вся последующая информация, рассчитано исключительно на дилетантов, поскольку в статье ни слова не говорится о поисках следов Александрийского маяка, которые ведутся по крайней мере с XVIII в., не упоминается ни о капитальном труде Х. Тирша¹⁹, ни о подводных исследованиях Г. Жонде, Х. Фрост и Камали Абу эль-Саадата²⁰, ни о последних открытиях Ж.-И. Амперера и его команды²¹. Третью группу представляют сайты для туристов, содержащие откровенный бред. На сайте Travel.Ru в рубрике «Александрия и пляжи средиземноморья» (здесь и далее орфография оригинала сохранена) читаем: «Некрополь Шетби. Построен в 3 веке до н.э. по образцу древнегреческого жилища, состоящего из коридора и двух комнат» (<http://archive.travel.ru/egypt/4714.html>). После всего этого поход в библиотеку и чтение умной и содержательной книги М. Венит – истинное удовольствие.

Ю. Н. Литвиненко

¹⁹ Thiersch H. Pharos. Antike, Islam und Occident. Lpz, 1909.

²⁰ См. *Empereur J.-Y. Le Phare d'Alexandrie. La Merveille retrouvée.* P., 1998. P. 80 ss.

²¹ Характерно, что в весьма лаконичном отчете о первом сезоне (проходил с 8 по 17 апреля 2003 г.) Российской подводно-археологической миссии в Александрии, организованной Центром египтологических исследований РАН при участии Конфедерации подводной деятельности России и ставропольского ГУП «Наследие», нет и намека на какие-либо сенсационные находки и открытия; см. <http://www.cesras.ru/arch/alex/rep.htm>.

PERSONALIA

© 2005 г.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КИСЕЛЕВА

17 июля 2005 г. исполняется 100 лет со дня рождения одного из виднейших отечественных археологов и историков древнего мира и средневековья, профессора кафедры археологии Московского государственного университета, крупного организатора науки, члена-корреспондента РАН, лауреата Государственной премии СССР Сергея Владимировича Киселева. С 1949 г. до своей кончины 8 ноября 1962 г. выдающийся ученый был главным редактором «Вестника древней истории».

Сергей Владимирович родился в г. Мытищах 5 июля 1905 г. и всю жизнь прожил в Москве. В 1915 г. он поступил во 2-ю Московскую гимназию, а по окончании ее – на историко-археологическое отделение факультета общественных наук, где замечательные лекции В.А. Городцова определили избрание юным студентом археологии как основной области его интересов, а в дальнейшем и основного поля его многолетней и плодотворной деятельности. И с самого начала С.В. Киселев проявил себя горячим приверженцем историзма археологии, вывода ее на уровень исторических обобщений. В университетские годы этому в значительной мере способствовало активное его участие в семинарах таких крупнейших историков, как Д.М. Петрушевский, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин. И совершенно закономерно деятельное включение Сергея Владимировича в выработку новой методологии и методики археологической науки, явившихся предметом острой дискуссии во второй половине 20-х – начала 30-х годов. И здесь С.В. Киселев, тогда уже аспирант Института археологии и искусствоведения РАНИОН, защищал право археологии на широкие и конкретные исторические построения против схематизации и абсолютизации универсальной стадильности. Весьма показательны здесь большое оригинальное исследование «Поселение», написанное Сергеем Владимировичем в семинаре В.А. Городцова еще в конце 20-х годов и отнюдь не утратившее своего значения по сие время. В нем на основании археологических источников дан общий очерк истории поселений с каменного века до средневековья, рассмотренной на фоне общего развития человеческого общества и неразрывно с ним увязанной. Исследование беспрецедентно и по хронологическому и географическому охвату, и по интерпретации фактически всех категорий поселенческих материалов, впервые представших с такой полнотой и убедительностью в качестве многостороннего исторического источника, неотъемлемого от изучения исторического процесса.

При широчайшем диапазоне научных интересов и участии в разработке вопросов от истории древневосточного рабства до социальных движений в Древней Руси особое внимание С.В. Киселева уже с аспирантских лет привлекает Сибирь с ее огромными археологическими богатствами всех исторических периодов. Первые сведения о них появились в XVIII в., но подлинная систематизация и превращение в полноценные исторические источники начались в первой половине XX в. И здесь роль С.В. Киселева невозможно переоценить. Она может быть по праву названа научным подвигом. Начиная с конца 20-х годов великолепно распланированные экспедиции, руководимые им и его супругой Л.А. Евтюховой, более 30 лет проводили регулярные и целенаправленные раскопки на ключевых территориях Южной Сибири, включая ряд районов Минусинской котловины, а также Алтай, Туву, Забайкалье, Монголию. При этом охватывались все новые исторические периоды от энеолита и раннего бронзового века до позднего средневековья и сложившейся государственности. Источниковедческая база Южной Сибири была тем самым по меньшей мере удвоена. Были выработаны как общая периодизация, так и систематизация материалов внутри каждого из периодов. Постоянное совершенствование полевой методики определило резкое повышение информативности исследованных памятников, обоснование их места в сложном и многообразном процессе истории соответствующих регионов. Коренным образом изменились представления о древних археологических культурах (например, тагарской и таштыкской). Многие памятники этих культур получили мировую известность – такие, как портретная галерея таштыкских погребальных масок, замечательные произведения древнехакасской знати из Копенского чаа-гаса, из более поздних – остатки дворца ханьского полководца Ли-Лина под Абаканом и многие другие.

И главное: к началу 40-х годов был создан основной фонд археологических источников древней и средневековой истории Южной Сибири. Совершенно закономерно, что именно на его основании С.В. Киселевым было создано обобщающее исследование «Древняя история Южной Сибири», явившееся первой подлинной, глубоко фундированной реконструкцией далекого прошлого племен и народов этой столь мало изученной ранее и столь значительной в мировой истории части Евразии. Блестяще защищенный в 1946 г. в качестве докторской диссертации труд С.В. Киселева был в 1947 г. отмечен Ломоносовской премией МГУ, а в 1949 г. – Государственной премией СССР.

В послевоенные годы особое внимание С.В. Киселева привлек никем ранее не разрабатывавшийся вопрос о древнейших южносибирских, и прежде всего монгольских, городах. Поскольку чисто кочевой характер монгольского феодализма никем не оспаривался, Сергей Владимирович поставил этот тезис под сомнение и постулировал необходимость его пересмотра, хотя соответствующих археологических свидетельств еще не было. В 1947 г. в ходе длительной командировки в Монголию С.В. Киселев систематизировал фактически все известные тогда ее археологические материалы и впервые создал их сводку. В то же время была представлена про-

грамма систематических исследований памятников страны от бронзового века до эпохи Чингизидов и прежде всего городов средневековья.

Среди последних главным объектом был определен Кара-Корум – первая столица Чингисхана. Местоположение и даже самое существование ее оставалось дискуссионным, несмотря на яркие описания посетивших ее в XIII в. Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука и материальные свидетельства, открытые русскими путешественниками в конце XIX в. Между тем именно Кара-Корум был принципиально важен для разработки проблемы древнемонгольского города. И он был открыт окончательно по всем необходимым свидетельствам, полученным экспедициями С.В. Киселева в 1948 и 1949 годах. Было вскрыто свыше 6000 кв. м. На отдельных важных участках памятника более чем шестиметровый культурный слой городища вскрыт вплоть до материка, что позволило осветить максимальное число вопросов жизни города: общую его структуру, планировку, архитектуру, функциональную специфику конкретных районов. Полное подтверждение получили письменные свидетельства Вильгельма де Рубрука. Были полностью расчищены остатки знаменитого дворцового комплекса хана Угедея с 64-колонным залом, гранитным парапетом, павильонами, искусственным озером, каналом, соединенным с рекой Орхоном. Большой комплекс ремесленных и складских кварталов в центре города... Массивное административное (таможенное?) здание при въезде в него... Остатки фортификаций... Загородные постройки... Прямые свидетельства ключевых моментов истории города: основание его Чингисханом в 1220 г. на месте древнейшего в стране буддийского храма с богатой и характерной росписью, разграбление в 1295 г. и окончательное разрушение войсками Минской династии в 1368 г. Во дворце обнаружена колоссальная коллекция самых разнообразных находок: художественная фаянсовая, фарфоровая, селадонная посуда, сотни монет, железные орудия, оружие, втулки массивных колес армейских телег, самые различные украшения и даже чудом сохранившаяся деревянная печать императрицы со спинкой в виде фигуры льва.

Кара-Корум не являлся исключением. Подобные же городища времени Чингизидов были исследованы С.В. Киселевым в Монголии у Чин-Тологая, Хаджан и т.д., а позднее – во второй половине 50-х годов минувшего века – и в пределах России, на северной окраине центральноазиатской ойкумены. Здесь наличие городской жизни начиная с XIII–XIV вв. полностью подтвердилось раскопками Кондуйского городка с замечательным дворцовым комплексом эпохи Юань (XIV в.) и города на р. Хирхиро – также с дворцом, фортификациями и городскими кварталами (XIII в.).

В рамках общего плана разработки сформулированной С.В. Киселевым проблемы развития городов в Южной Сибири Л.Р. Кызласов успешно исследовал древнемонгольские города и в Туве. В целом столь неожиданно и смело поставленная Сергеем Владимировичем в середине 40-х годов она получила прочное обоснование для весьма значительной территории уже к началу 60-х.

Возвращаясь к первобытности Южной Сибири, следует отметить еще одно «финальное» исследование замечательного ученого – раскопки Большого Салбыкского кургана тагарской эпохи в Хакасии (IV–III вв. до н.э.). Этот грандиозный по размерам и беспрецедентный по сложности архитектуры и оформления памятник оказался предельно информативным благодаря разработке и блестящему воплощению С.В. Киселевым совершенно новой методики. Результаты же его вскрытия заставляют пересмотреть общие представления о социальной структуре его создателей – далеких предков хакасов.

Мы коснулись лишь наиболее значительных научных достижений С.В. Киселева. Но не меньшие заслуги принадлежат ему и как превосходному учителю, всю свою творческую жизнь принимавшему самое активное участие в подготовке кадров археологов и историков. С самого момента создания на историческом факультете МГУ кафедры археологии в 1939 г. он стал одним из ведущих ее профессоров, сочетая широту и глубину знаний с подлинным ораторским талантом, умением просто, образно и доступно говорить о самых сложных археологических проблемах и общесторических ситуациях. Наряду с беспримерным по широте курсом «Бронзовый век», который охватывал значительную часть Евразии, он создал ряд оригинальных специальных курсов – «Археология Сибири», «Археология Монголии», «Археология Китая». Вместе с тем, блестяще читал он и общий курс «Археология и этнография», созданный им в годы Великой Отечественной войны для оставшейся в Москве части студентов университета и тоже глубоко оригинальный, «киселевский». Десятки студентов специализировались под руководством Сергея Владимировича, многие ныне сложившиеся ученые были его аспирантами, многие работали в его экспедициях и прошли «киселевскую школу», принципам которой они следуют всю жизнь.

И, наконец, неопределима роль С.В. Киселева в жизни ВДИ, пост главного редактора которого он с большим достоинством занимал с 1949 г. до конца своих дней. Глубокое знание древней ис-

тории, талант мыслителя и организатора определяли профессионализм его отношения к состоянию конкретных проблем науки о древнем мире, к их освещению в мировой и отечественной литературе, интерпретациям и оценкам. При этом он постоянно расширял и усиливал «актив» журнала, привлекая все новых авторов, крупнейших специалистов, консультантов, участников последних открытий и посвященных им дискуссий. Он инициировал оперативные публикации в журнале материалов, документирующих становление новых проблемных направлений вплоть до открытия целых не известных ранее областей древней истории. Здесь могут быть названы такие тематические разделы, как шумерология, хеттология, микенская письменность и микенское общество, надписи древней Нисы, тексты горы Муг, вавилонские и ассирийские тексты, в том числе источники по истории Урарту. Особое внимание уделялось древнему Востоку, с которым связано в прошедшем веке столь значительное число крупнейших открытий. Но вне внимания С.В. Киселева не оставались фактически ни один из регионов древнего мира, ни одно из серьезных открытий, ни одна из требующих разработки проблем. Главный редактор и руководство журнала в целом стремились оказывать максимальную действенную поддержку новым научным свершениям в области древней истории, их всестороннему анализу, обсуждению, определению места в общем ходе исторического процесса соответствующих территорий. Постоянное освещение в журнале ближневосточной тематики, оперативное введение в научный оборот новейших открытий, как письменных источников, так и археологических материалов, несомненно сыграли свою роль в подготовке отечественных ученых к непосредственному и чрезвычайно плодотворному участию в широкомасштабных археологических исследованиях в классических областях древнего Востока – Египте, Месопотамии, Сирии.

В целом же кратко охарактеризованная выше направленность деятельности ВДИ обусловила превращение журнала в важнейший, беспрецедентный по широте охвата, научно-организационный центр разработки проблематики древнего мира. И в процессе его создания трудно преувеличить роль инициатив и мудрой, кипучей, многогранной деятельности замечательного российского ученого Сергея Владимировича Киселева.

Н.Я. Мерперт

* * *

Сергей Владимирович Киселев стал сотрудничать с «Вестником древней истории» с самого начала издания журнала. Уже в первом номере ВДИ в 1937 г. была опубликована его статья «Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г.». В следующем номере (1938, № 1) была напечатана обзорная статья «Советская археология Сибири периода металла». Регулярно печатались в ВДИ в 1938–1941 годах его сообщения об итогах работы Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1937–1939 годах, о находках монет, надписей, а также его рецензии на журналы, книги ведущих археологов. С возобновлением издания ВДИ в послевоенные годы С.В. Киселев, как и прежде, стал активно участвовать в работе журнала. Уже в № 1 за 1946 г. появились его рецензии на журнал «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК» (вып. X), на книги Л.М. Славина «Трипольская культура» и С.П. Толстова «Древняя культура Узбекистана». В журнале (1946. № 2) вышли его обзорные статьи об археологических экспедициях 1945 г. и плане работы ИИМК АН СССР на 1946–1950 годы. И в последующие годы Сергей Владимирович продолжал печатать в ВДИ свои исследовательские статьи по археологии и истории Сибири (1947. № 2; 1948. № 1).

И естественно, что в трагической для ВДИ ситуации в 1948–1949 годах, когда один за другим ушли из жизни главные редакторы журнала А.Б. Ранович и А.В. Мишулин, в Отделении истории и философии АН СССР, в ведении которого находился «Вестник древней истории», возникло намерение предложить кандидатуру С.В. Киселева на должность главного редактора журнала. В августе 1949 г. он был назначен и.о. главного редактора, а в начале 1950 г. он, его заместитель С.Л. Утченко и новый состав редколлегия были уже утверждены.

С.В. Киселев и редколлегия, в составе которой возросло влияние археологов и филологов, ввели в структуру журнала новый важный раздел – «Публикации», где стали печататься археологические и эпиграфические материалы, найденные в ходе раскопок или хранящиеся в музеях (ранее такого рода заметки публиковали в разделе «Хроника»), что несомненно увеличило значимость журнала.

Вторым, очень важным мероприятием Сергея Владимировича в руководстве ВДИ было пристальное внимание к публикациям в отделе «Приложение». Если в 1940-х годах печатались переводы греческих и римских авторов (преимущественно по вопросам техники), то в 1950-е годы

на страницах «Вестника» появляются переводы юридических клинописных документов Вавило-нии, Ассирии и хеттов (1952. № 3–4), документы по египетскому налоговому обложению (1961. № 2–4) и целая серия документов по истории Урарту – ассиро-вавилонские источники (1951. № 2–4) и урартские клинописные надписи (1953. № 1–4). Значение этих публикаций для востоковедения трудно переоценить. Не менее важной для античников была публикация переводов латинских надписей по социально-экономической истории ранней Римской империи (1955. № 2–4).

В июле 1953 г. на Бюро Отделения истории и философии АН СССР был заслушан отчет С.В. Киселева о работе ВДИ в 1951–1953 годах. В основном были одобрены проблематика и организация работы журнала, одновременно отмечены недостатки в деятельности редколлегии и принято решение о пополнении ее состава новыми специалистами. По итогам этого обсуждения в журнале (1953. № 4) была опубликована развернутая передовая статья, автор которой (С.В. Киселев) обстоятельно проанализировал все минусы в работе журнала, вызвавшие критику Бюро Отделения. Внимание было сосредоточено на подготовке и последующем обсуждении в журнале статей теоретического характера по социально-экономическим, политическим и культурно-историческим проблемам, на исследовании истории племен и государств на периферии античного мира, на активизации критики буржуазной историографии. В статье говорилось о планах работы ВДИ: проведение дискуссий на страницах журнала, расширение связей с учеными и научными учреждениями (институтами, музеями) Москвы и периферии, организация авторско-читательских конференций журнала. Эти направления и стали основными в работе главного редактора и редколлегии ВДИ в 1950–1960-х годах.

Уже в ближайшие годы в ВДИ увеличилось количество статей по проблемам социально-экономической структуры общества и процесса ее развития в странах древнего Востока и античного мира. Началась дискуссия по статье Е.М. Штаерман «Проблема падения рабовладельческого строя». На страницах «Вестника» возросло количество публикаций рецензий на зарубежные исследования, среди авторов ВДИ появились ученые из стран Восточной Европы и Китая (что в известной мере было связано с зарубежными археологическими командировками С.В. Киселева).

Весьма примечательно, что, активно выступая за расширение авторского коллектива и высказывая сожаление, что ведущие ученые редко публикуют в ВДИ критические обзоры, С.В. Киселев, так часто печатавший свои статьи и рецензии в «Вестнике» в 1930–1940-е годы, став главным редактором журнала, практически перестал в нем печататься (опубликованы лишь две рецензии на книги Л.П. Потапова в 1951 г. и А.В. Арциховского – в 1955 г.). Вероятно, это обусловлено стремлением исключить какие-либо упреки в злоупотреблении свои положением. Возможно также, что какие-то свои выводы и критические замечания он высказывал в передовых статьях, написанных им самим (но не подписанных) или с его участием (например, «Археологическое изучение территории Украины и его значение для исторической науки» – 1954. № 2).

В мае 1955 г. состоялась первая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории», открывшаяся докладом С.В. Киселева, в котором он охарактеризовал тематику журнала, его перспективный план и роль ВДИ в развитии науки – журнал должен освещать ряд общих вопросов истории древнего мира (периодизацию древней истории, проблемы экономики и социальных движений, историю племен и народов). Подводя итоги развернувшемуся обсуждению доклада, Сергей Владимирович подчеркнул, что журнал будет, как и раньше, печатать важные филологические и археологические исследования.

В своем заключительном слове на второй (апрель 1957 г.) авторско-читательской конференции ВДИ С.В. Киселев подчеркнул, что для журнала «типа ВДИ» является совершенно необходимым освещение истории рабовладельческого способа производства во всех его проявлениях и во всех странах, не ограничиваясь каким-либо одним географическим районом. И эту свою установку он проводил в жизнь до последних дней работы в журнале.

В начале 1950-х годов при Сергее Владимировиче сложился и стал традиционным в последующие годы порядок работы редколлегии и ее взаимоотношений с авторами. Присылавшиеся в редакцию статьи, обзоры и рецензии (а их в то время поступало очень много) рассылались членам редколлегии, и все материалы обсуждались на заседаниях редколлегии, рассматривались и утверждались передовые статьи, планы очередного номера и перспективные планы. Ход и стиль заседаний в основном определял проводивший их главный редактор С.В. Киселев. Энергичный, решительный и остроумный, неизменно доброжелательный, Сергей Владимирович вел заседания шумно и весело, его эрудиция и авторитет налагали свой, весьма заметный отпечаток на большую часть решений редколлегии и в целом на содержание «Вестника». Коллеги, работавшие с Сергеем Владимировичем в редакции ВДИ, помнят этого светлого и замечательного человека.

Прекрасный юбилей

Редколлегия, редсовет, редакция «Вестника древней истории», сотрудники Центра сравнительного изучения древних цивилизаций и Отдела древней истории ИВИ РАН поздравляют с юбилеем Веру Александровну Головину – крупного египтолога, члена редколлегии журнала.

Талантливый ученый, обаятельный человек с чувством необыкновенной доброжелательности и тонкого юмора уже в течение многих лет является душой коллектива ВДИ и Центра.

От всей души желаем Вере Александровне новых творческих успехов, крепкого здоровья и надеемся и в дальнейшем получать наслаждение от совместной с ней работы.

© 2005 г.

ΘΕΟΦΡΑΣΤΟΥ ΠΕΡΙ ΛΙΘΩΝ

ТЕОФРАСТ О КАМНЯХ

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии А.А. Россюса

Трактат Теофраста «О камнях» входил в одну группу с рядом других, не сохранившихся до нашего времени его сочинений, на часть из которых автор прямо или косвенно ссылается и в данном своем труде. Вместе с последним этой же сфере знаний о природе посвящались, согласно списку сочинений Теофраста у Диогена Лаэртция, трактаты «О металлах» (περὶ μετὰλλῶν, *Diog. Laert.* V. 44. 19, ср. § 1), «О солях, щелоке и квасцах» (περὶ ἄλων, νίτρον, στουπτηρίας), «Об окаменелостях» (περὶ τῶν <ἀπο>λιθουμένων, *coni. Regenbogen*, ср. § 4 и 38) и «О лавовом потоке на Сицилии» (περὶ ῥύακος τοῦ ἐν Σικελίᾳ, *Diog. Laert.* V. 49. 21, ср. § 22). Сам Теофраст дает нам *terminus post quem* для датировки своего сочинения: в § 59 (см. прим. 86) упоминается архонтство Праксибула, которое приходится на 315–314 гг. до н.э.; следовательно, трактат «О камнях» не мог быть написан раньше этого времени, причем за дату его возникновения естественно было бы принять время, не слишком отсюда удаленное, – в противном случае хронологическая ссылка Теофраста успела бы утратить актуальность¹.

Отправной точкой минералогической теории Теофраста были краткие замечания насчет образования минералов и металлов, которыми Аристотель завершает последнюю главу III книги «Метеорологики» (278a15–b6). В конце этого пассажа Аристотель обещает ниже рассмотреть поднятые вопросы более подробно, однако IV книга посвящена совсем иным предметам, своего рода химической теории². Разработкой, хотя и с

¹ Против такой датировки в своей монографии о Диокле решительно выступил В. Йегер (*Jaeger W. Diokles von Karystos*. В., 1938. S. 116–123; опираясь, в частности, на упоминание Диокла в § 28, Йегер датирует наш трактат временем после 300 г. до н.э.), однако разбирать здесь его аргументы было бы неуместно, тем более, что по крайней мере часть из них убедительно опровергает в предисловии к своему изданию Эйхгольд (см. ниже).

² См. *Düring I. Aristotle's Chemical Treatise, Meteorologica IV*. Göteborg, 1944.

довольно критических позиций, взглядов Аристотеля и стал труд Теофраста. В этом кратком введении невозможно братья за трудную задачу реконструкции учения Аристотеля об образовании минералов³, без чего нельзя разрешить и многие затруднения и неясности, возникающие в связи с минералогической теорией Теофраста. Ниже дается не более чем краткая схема этой теории и минимальные разъяснения по поводу основных составляющих ее понятий⁴: в противном случае многие места в переводе останутся непонятными.

При всей скупости и неполноте формулировок во вводных параграфах трактата процесс формирования ископаемых делится, согласно Теофрасту, на три этапа. Во-первых, с точки зрения главных составных частей ископаемые вещества делятся на камни и земли, образующиеся из земли, и металлы, образующиеся из воды. Предметом трактата «О камнях» служат только вещества, образованные из земли. Во-вторых, в процессе образования последних земля превращается в «некое чистое и однородное вещество» путем либо «истечения» (συρρόη), либо «отцеживания» (διήθησις), либо посредством какого-либо иного способа отделения (ἔκκρισις). Наконец, в-третьих, чистое и однородное вещество претерпевает «затверждение» (πῆξις) под воздействием жара или холода, превращаясь в камень или землю, служащую предметом разработки.

Гипотеза о том, что металлы состоят из воды, высказана уже в платоновском «Тимее»: в частности, золото состоит из «плавкой» разновидности воды (χυτὰ ὕδατα, 59b1). На плавкости металлов настаивает в своем минералогическом экскурсе и Аристотель (378a27: ὅσα μεταλλεύεται καὶ ἔστιν ἢ χυτὰ ἢ ἑλατά), производя и аналогичную Теофрастовой дихотомию между «ископаемыми» (ὀρυκτά), которые образуются под действием сухого испарения, и металлами, происходящими из испарения влажного и парообразного (ἀτμιδούδης). Таким образом, при помощи гипотезы о воде как главном составном элементе металлов объясняется их способность плавиться и становиться при нагревании ковкими. Однако и Платон, и Аристотель говорят о воде отнюдь не в повседневном смысле: первый из них разделяет воду на «жидкий» и «плавкий» виды (58d5: τὸ μὲν ὑγρόν, τὸ δὲ χυτὸν γένος αὐτοῦ), а второй прямо говорит, что вещество металлов было водой потенциально, но более таковым не является (378a33–34: δύναμι μὲν γὰρ ἢ ὕλη ὕδατος ἦν, ἔστι δ' οὐκέτι). И хотя Теофраст упоминает и просто о воде без каких-либо квалификаций, можно не сомневаться, что он разделяет взгляды своих предшественников: в противном случае он не выделял бы специально в § 50 земли, происходящие из сухого испарения.

Слово «земля» употребляется в трактате «О камнях» в трех смыслах: 1) в ее противопоставлении другим сферам мироздания: небу, морю и т.п.; 2) в ее противопоставлении трем прочим элементам: воде, воздуху и огню; 3) в минералогическом противопоставлении камню. Судя по словоупотреблению Аристотеля, хотя он рассматривает влажное испарение в качестве материальной причины возникновения металлов (в его формулировке с металлами данный вид испарения соединяется через простой genitivus originis, 378a27), сухое испарение выступает у него действующей причиной образования минералов (378a 21–22: ξηρὰ ἀναθυμίασις... ποιεῖ τὰ ὀρυκτὰ πάντα). Значит, состоят минералы из земли во втором из указанных выше смыслов, что подразумевает, что земля входит в них в качестве главного элемента, но наряду с тремя другими. О том, что Теофраст и в данном фундаментальном вопросе соглашается с Аристотелем, видно из § 10, где прямо говорится о наличии воды как условия расплаваемости веществ, в том числе, очевидно, и некоторых минералов; кроме того, только если вода в принципе наличествует в камнях как условие их скрепления, возможно в § 11 говорить о «полном высыхании» камней.

³ Подробный анализ сохранившихся свидетельств дается в статье Д. Эйхгольца: *Eichholz D.E. Aristotle's Theory of the Formation of Metals and Minerals // CQ. 1949. 43. P. 141–146.*

⁴ В основном я следую мастерскому разбору Эйхгольца, который он поместил в предисловии к своему изданию.

Однако, подобно воде металлов, и эта элементарная земля, составляющая камни и минеральные земли, не тождественна земле нашего обыденного опыта: повсеместное присутствие в минералах последней не могло бы объяснить все разнообразие их качеств, перечисленных Теофрастом в § 1 и 2 (цвет, гладкость, плотность, прозрачность и др.). Носителем этих потенциалов может быть только земля, преобразовавшаяся в «чистое и однородное вещество» в ходе упомянутых выше процессов истечения, отцеживания и вообще отделения. Конкретный набор качеств минерала будет зависеть от того, как протекали процессы образования его исходного вещества (именно это, по всей видимости, подразумевает, например, не вполне сохранившийся текст § 61). Подробнее понятия, обозначающие эти процессы, Теофраст не раскрывает, и об их точном содержании мы можем лишь строить более или менее обоснованные гипотезы. Об отцеживании или процеживании как механизме формирования ископаемых говорит в приведенном выше пассаже уже Платон: наиболее плотная разновидность плавкой воды, будучи процежена сквозь камень (*Plat. Tim 59b4: ἠθημένους διὰ πέτρας*), затвердевает в виде золота; один из видов земли, процеженный через воду (*id. 60b6: ἠθημένον διὰ ὕδατος*) и вдавленный в полости, освобожденные возникшим при разложении воды в ходе реакции с землей воздухом, затвердевает в виде камня. Бросающееся в глаза отличие воззрений Теофраста от Платона состоит в том, что у первого из них за затвердевание минералов отвечает вовсе не процеживание, но описываемое им как следующий, заключительный этап их формирования воздействие жара или холода (§ 3). Важно, однако, что, как подмечает Эйхгольц, сообщаемые Платоном подробности его теории позволяют предположить, что и у Теофраста значение механизма процеживания в отличие его от истечения может заключаться не столько во влиянии на качественные характеристики формируемого минерала, сколько в распределении его в земле не в виде россыпей, но в жилах. Другими словами, отличительные свойства, διαφοραί (ср. § 1, 48 и прим. 2, 6б) минералов зависят от того, как протекало отцеживание или истечение, характер залегания его в земле – от того, какой из двух процессов доминировал. Образование пород иного рода, скапливающихся не в жилах и не в россыпях, – например, пемз (§ 19–22), – объясняется в таком случае неким «иным способом отделения».

В таком случае процесс истечения, σὺρροή, должен объяснять образование пород в россыпях. И действительно, такое предположение, как кажется, подтверждается тем, что в упомянутом уже § 61 Теофраст, переходя к описанию россыпных минеральных земель, упоминает только об «истечении и выделении», но не об отцеживании. Вообще говоря, сам по себе данный термин довольно неясен, однако примерно его значение в минералогическом контексте можно вывести из таких примеров, как «слезоподобные выделения» (δακρυώδη σὺρροήν) растений у Теофраста (*Hist. plant. VI. 6. 8. 8–9*), или из следующей параллели в «Истории животных» Аристотеля: личинки комаров возникают в иле колодцев или там, где имеется «стечение воды, содержащей землистый осадок» (σὺρρευσίς ὕδατος γαῶν ἔχουσα ὑλόστασιν, 551b28–29). Таким образом, на русский язык Теофрастов термин уместнее было бы переводить как «натекание», «натечи», но, к сожалению, эта лексикологическая ниша уже занята конкретными минеральными образованиями, ничего общего с предметом теории Теофраста не имеющими (известковые натечи в пещерах). Учитывая сказанное, особую наглядность приобретает рассуждение об изготовлении искусственных минеральных земель в § 56–59, подытоживаемое мыслью о том, что искусство подражает природе. Описанный в § 58 процесс производства искусственной киновари, заключающийся в последовательной очистке образующегося при промывании песка осадка, почти наверняка подражает природному «истечению».

Что касается, наконец, третьей, финальной стадии образования камней и минеральных земель, здесь Теофраст, хотя и дает нам в § 3 скупую, но точную формулировку теоретических оснований происходящих на этой стадии процессов, бывает особенно острожен и говорит неуверенно, когда речь заходит о применении теории к конкретным случаям. Общий принцип, согласно которому два противоположные процесса затвердевания минерала (πῆξις) и его размягчения (τῆξις) должны принадлежать противопо-

ложным по роду воздействиям, неоднократно провозглашается в IV книге «Метеорологии» Аристотеля, например, следующем пассаже: «если две причины, – холодное и сухое вызывают затвердевание, то разжижение с необходимостью вызывается теплым и влажным, т.е. огнем и водой, ибо они противоположны» и т.д. (384b2–4, пер. Н.В. Брагинской; см. также § 3 прим. 7). Однако имеющийся в его распоряжении фактический материал позволяет Теофрасту с уверенностью говорить о формировании целого класса минералов посредством одного конкретного процесса только в единственном случае земель, разрабатываемых в металлических рудниках: в § 50 свои наблюдения над такими видами, как сандарак и желтая обманка, которые очевидно возникают в результате обжига, он экстраполирует и на прочие рудные минеральные земли – все они проходят затвердевание под действием «сухого дымного испарения», т.е. огня, и все они «растворяются» водой, холодным и влажным началом.

Как и в случае с другими произведениями Теофраста⁵, трактат о камнях неоднократно объявлялся филологами, особенно учеными гиперкритической эпохи, либо отрывком более обширного сочинения (Виммер), либо сокращением, экскерптами из утраченного труда (Шнейдер). Укоренению такой точки зрения немало способствовало плачевное состояние рукописной традиции и обилие в тексте трудноразрешимых интерпретационных проблем. Чтобы обоснованно судить об имеющемся у нас тексте, необходимо иметь в виду структуру трактата, которая может быть представлена следующим образом:

§ 1–3а. Вводные замечания: теория формирования минералов (камней и земель в их отличии от руд металлов).

I. § 3b–47 Камни:

§ 3b–22 редкие и необычные свойства камней (38); их способность поддаваться или не поддаваться огню (9–19); экскурс о пемзе (19–22);

§ 23–9а драгоценные камни и их свойства; экскурс о смарагде (23–27); заметки о магнитном камне (29); жемчуге (36); ископаемой кости (37); кораллах (28);

§ 39b–40 камни, добываемые в рудниках;

§ 41–47 свойства камней при обработке (41–44); экскурс о пробирном камне (45–47).

II. § 48–69 Земли:

§ 48–50а свойства земель, принцип их классификации – цвет;

§ 50b60 земли, сопутствующие металлическим рудам; использование их в качестве красок; способы получения искусственных красок (изобретения Кидия, Каллия и проч.);

§ 61–69 земли, разрабатываемые сами по себе.

Такое строение вряд ли может быть свойственно фрагментарному тексту: скорее мы здесь наблюдаем композиционные признаки законченного научного сочинения⁶. Вводная часть, несмотря на свою краткость, посвящена теории, которую иллюстрирует весь дальнейший излагаемый материал; при этом в первом параграфе обозначается различие между металлами, основной составной частью которых признается вода, и камнями и землями, где эта роль отводится земле. Тем самым трактат помещается в контекст других известных нам минералогических сочинений Теофраста, прежде всего

⁵ Проблематичными и даже подложными признавались почти все из сохранившихся малых произведений Теофраста: «Об огне», «О запахах», «О ветрах», «О приметах погоды» (о последнем см. ниже).

⁶ Сходную структуру демонстрирует и трактат «О приметах погоды» (русский перевод см. в кн.: Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / Перевод и комментарии А.А. Россиуса, вступительная статья Г.М. Дашевского. Под ред. Н.А. Федорова и П.В. Щеглова. М., 1992. С. 88–99, комментарии на с. 162–173): общее введение (§ 1–9: классификация примет в зависимости от астрономических, географических и зоологических наблюдений); приметы бури и дождя (§ 10–25); приметы ветра (§ 26–37); приметы бури и холода (§ 38–49); приметы хорошей погоды (§ 50–55); заключение: сроки действия примет (§ 56–57). Хотя явные погрешности против норм классического стиля (прежде всего несвойственный Теофрасту hiatus – см. об этом *Regenbogen O. s.v. Theophrastos* // *RE Supp.* VII (1940). Sp. 1412–1414) не позволяют считать это сочинение Теофрастовым подлинником, оно несомненно представляет собой продукт перипатетической учености, в основе своей имеющий исследование Теофраста.

утраченного исследования περί μετάλλων. Подмеченная Эйхгольцем деталь, отсутствие в первой фразе трактата (τῶν ἐν τῇ γῆ συνιστομένων...) соединительных частиц, тоже указывает на то, что эта часть текста задумывалась именно как введение. Нет никаких признаков и того, чтобы текст обрывался в конце: хотя в нем и отсутствует формально обозначенное заключение, в § 61 автор заявляет, что «еще остаются <не затронутыми описанием>» (ἐτι λοιπὰ) самородные земли, разрабатываемые независимо от руд металлов, и последние восемь параграфов как раз и посвящены соответствующим четырем разновидностям земель. Что же касается предположения о том, что дошедший до нас вариант текста представляет собой парафраз или эксцерпты, оно фактически опровергается тем, что из достаточно большого числа цитат⁷ из нашего трактата в сочинениях античных авторов только одна, приводимая Афинеем (см. § 36, прим. 53), содержит могущую претендовать на подлинность фразу, бесследно исчезнувшую из рукописной традиции Теофраста.

Итак, имеющееся у нас сочинение – скорее всего все-таки труд Теофраста, а не анонимного эксцерптора. Это не означает, однако, что в нем вовсе нет пробелов по сравнению с некогда существовавшим оригиналом – достаточно указать хотя бы на ту же цитату у Афиней или на безответную ссылку автора на самого себя в § 2 (см. прим. 5). Их возникновению могло способствовать не только очень низкое качество рукописной традиции (об этом см. ниже), но и характер самого трактата, по всей вероятности, с самого начала эзотерической. Не исключено, что античный его текст возник из неполной или несвершенной расшифровки лекционных или исследовательских заметок Теофраста, причем эта расшифровка могла принадлежать самому автору или кому-то из его учеников и последователей⁸. Особенно характерно в этом смысле введение, в котором вопросы минералогической теории обозначены в форме краткой до невразумительности, чего совершенно недостаточно для прояснения многих примеров в основном тексте трактата, которые поданы автором как иллюстрации тех или иных теоретических принципов (§ 9, 27, 48 и др.). Вряд ли можно сомневаться в том, что подобное видимое отсутствие внутренней согласованности материала должно было на протяжении всей истории рукописного предания провоцировать накопление неадекватных объяснений и дальнейшую порчу текста.

Неудивительно, что при обилии таких затруднений в тексте лишь постепенно и благодаря успехам филологической критики проступает сквозь него то, что – по слову А.И. Доватура – может быть названо «повествовательным и научным стилем Теофраста». Теофраст в еще большей мере, нежели его учитель Аристотель, – собиратель фактов; он гораздо менее склонен к абстракциям и теоретизированию. Некоторые характерные черты изложения материала в трактате «О камнях», как и в других сочинениях Теофраста, объясняются нежеланием его делать обобщения там, где в этом нет абсолютной необходимости⁹. Даже в тех случаях, когда обобщения в той или иной форме неизбежны, в его фразах почти всякий раз звучит смягчающая категоричность тона оговорка σχεδόν («примерно», «в общих чертах» – ср. § 17, 36, 48, 62). Приверженность фактам заставляет в каждом отдельном случае искать средства описания, подходящие именно к данному феномену. Вытекающее отсюда отсутствие единообразия в подаче материала создает дополнительные трудности для понимания неискушенным читателем, но имеет и свои достоинства. «Подобный углям, но обладающий тяжестью»

⁷ Античные свидетельства, цитаты и парафразы из трактата *De lapidibus* собраны в кн.: Theophrastus of Eresus. Sources for his life, writings, thought and influence / Ed. W.W. Fortenbaugh et al. Pt I. Brill, Leiden–New York–Köln, 1992. P. 372–377.

⁸ О. Регенбоген усматривает примеры такого неудачного внутришкольного редактирования даже в таком сравнительно хорошо сохранившемся сочинении Теофраста, как *Historia plantarum*: *Regenbogen O. Theophrast-Studien // Hermes*. 1934. 69. S. 75–105, 190–203, особ. 79–80.

⁹ Как подмечает Эйхгольц, весьма показательным, что в § 29 Теофраст даже не пытается объяснить силу магнитного камня, хотя эта абстрактная проблема занимала многие из лучших умов Греции; в то же время он подробно объясняет действие пробирного камня (§ 45, 47), принципы которого легко выводятся из наблюдательных данных.

(§ 39) – на первый взгляд, это или неаккуратная формулировка, или свидетельство неумения составить таковую. Однако при внимательном чтении образ, возникающий здесь, оказывается гораздо нагляднее и, как ни странно, точнее, чем то, что доступно даже самой корректной формулировке, ибо каждый помнит мелькающее в глубинах сознания ощущение парадоксальной связи между «субстанциальным» видом древесного угля и его легкостью; с человеческой – не математической – точки зрения уголь действительно «не обладает тяжестью».

На протяжении всего трактата Теофраст упорно занят не тем, что, казалось бы, должно представлять интерес с позиций свойственной его эпохе «неучености», иными словами, отсутствия надлежащих знаний о внутренней структуре вещей, – напротив, предмет его внимания а первую очередь составляют те «скучные» вопросы, которые, как стало понятно уже в Новое время, и дают ключ к пониманию подлинного строения материи: вопросы о плотности, твердости и т.п. Но трактат Теофраста так и остался первым и последним законченным памятником научной минералогической мысли античности и средневековья; только здесь мы находим попытку объяснить происхождение минералов, дать их генетическую и функциональную классификацию и осмыслить достаточно важные, хотя и разрозненные, результаты экспериментирования с ними. В этих своих предпочтениях Теофраст не имел последователей вплоть до позднего появления трудов Альберта Великого (*De mineralibus*, середина XIII в.) и Георгия Агриколы (*De re metallica*, середина XV в.). Для всей обширной эллинистической, позднеантичной и средневековой литературы, посвященной камням и землям, Теофраст стал источником фактов, которые встраивались в совсем иной интеллектуальный контекст. Лишь немногие авторы по-прежнему ставили своей целью научную классификацию и описание минералов, впрочем, смешивая почерпнутые у Теофраста сведения с предрассудками и невероятными историями, в которых фигурировали камни. Таковы были несохранившиеся сочинения Сотака (начало III в. до н.э.) и Ксенократа Эфесского (I в. н.э.)¹⁰, вошедшие, наряду с трактатом Теофраста, в число источников минералогических книг «Естественной истории» Плиния Старшего (XXXVI и особенно XXXVII). Гораздо обширнее возникшая под восточными влияниями синкретическая традиция, в которой всякий научный интерес откровенно приносится в жертву магии и религиозному символизму¹¹. В книги этого круга камни попадают не ради научного интереса, возможностей классификации и объяснения их происхождения; поздних авторов занимают лишь редкие и диковинные, а в особенности драгоценные камни. С проникновением в эллинистический мир египетских и вавилонских верований в магические и лечебные свойства камней именно эти мнимые характеристики выходят на первый план в греческих и римских лапидариях. Интенсивно развивавшиеся в XX в. исследования античной алхимии, магии и астрологии помогают нам поставить это изменение в общий контекст упадка рационализма в естественных науках этого периода¹². Так утверждаются неотъемлемые жанровые черты лапидариев: это сочинения либо анонимные, либо опирающиеся на древний, но никак не на научный в подлинном смысле слова, авторитет (ср., например, поэму о камнях, приписывавшуюся Орфею¹³); с точки зрения содержания они неизменно представляют собой компиляции, а не продукт самостоятельной мысли и исследования; наконец, одни и те же сведения переходят, смешиваясь с другими, из одного лапидария в другой на протяжении столетий. Хронологически можно выделить несколько видов античных лапидариев, хотя появление нового вида отнюдь не

¹⁰ См. *Ullmann M. s.v. Xenokrates, Auctor eines Buches über Steine // RE Suppl. XIV (1974). Sp. 974–977.*

¹¹ Подробно о магической литературе эллинистической эпохи см. в кн.: *Bidez J., Cumont F. Les mages hellénisés. T. I–II. P., 1938.*

¹² Блестящая характеристика интеллектуального климата эпохи дана была о. А.-Ж. Фестужером, см. *Festugière A.J. La révélation d'Hermès Trismégiste. T. I. L'astrologie et les sciences occultes. P., 1950².*

¹³ Эта поэма и другие сочинения той же традиции изданы в кн.: *Hakkeux R., Schamp J. Les lapidaires grecs: Lapidaire Orphique, Kérygmes lapidaires d'Orphée, Socrate et Denys, Lapidaire nautique, Damigéron-Évax. P., 1985.*

означало исчезновение старого. Во-первых, это лапидарии чисто магической направленности, к которым относятся утерянные псевдэпиграфы Зороастра¹⁴, Мага и пр. Почти одновременно во множестве появились астрологические лапидарии, цитаты и ссылки на которые мы встречаем во всех крупных прозаических астрологических трактатах – у Веттия Валента, Гестифона и различных авторов *Catalogi codicum astrologico-graecorum*; позднюю переработку такого трактата представляют собой герметические книги «Киранид»¹⁵. Наконец, потребовали своей доли в лапидарной литературе и сочинения, вдохновленные иудейской религиозностью. Содержащийся в книге «Исхода» (Исх 29:17–21, ср. 39:10–14) рассказ о 12 камнях, украшавших одеяние еврейского первосвященника, вызвал интерес уже у Филона Александрийского, символически связавшего каждый камень с одним из знаков Зодиака (*De vita Mosis*. II. 124–128); со временем к истолкованию этого места обратились и некоторые отцы Церкви¹⁶.

Текст сочинений Теофраста подвергся многочисленным испытаниям уже в античности, разделив непростую судьбу наследия перипатетической школы¹⁷. Поэтому ответственность за хаотическое состояние текста трактата «О камнях» вряд ли всецело лежит на средневековой рукописной традиции. Тем не менее в данном случае качество этой традиции таково, что в результате ее изучения оказывается невозможно получить хоть сколько-нибудь внятную отправную точку для дальнейшей работы. Даже автор последнего по времени издания Д.Э. Эйхгольц (см. ниже), привлекая к исследованию почти полтора десятка рукописей и воспользовавшийся уникальным палеографическим опытом Н. Уильсона¹⁸, вынужден расписаться в собственном бессилии. Несмотря на то что рукописи убедительно выстраиваются в стемму, отдельные ветви которой в основном даже не контаминированы, сама по себе отраженная в них традиция настолько плоха, что скорее можно говорить о систематической передаче ошибок и лакун, нежели текста. Современный издатель, таким образом, оказывается в том же положении, что и его ренессансный предшественник, опирающийся в лучшем случае на три рукописи: *gessensio* не дает ожидаемых результатов, и главной и единственной фазой работы с текстом становится *emendatio*, разумеется, на основе не одного только языкового чутья, но и геологических знаний.

¹⁴ Сочинения некоего Зороастра, персидского автора эллинистического времени, были переведены на греческий язык еще в царствование Птолемея Филадельфа (285–246 гг. до н.э.); его компендий «О драгоценных камнях» (*περὶ λίθων τιμίων*, см. *Hesych. s.v. Ζωροάστρης*), насколько позволяют судить сохранные Плинием фрагменты (HN. XXXVII. 133, 150, 157, 159), представляло собой смесь рассказов о магических и мнимых медицинских достоинствах камней.

¹⁵ Первая книга этого собрания, предположительно датируемая I в. н.э., перечисляет в алфавитном порядке, для каждой буквы, по одной птице, рыбе, растению и камню, которых объединяют общими магическими и медицинскими свойствами. Этот трактат, как гласит его предисловие, составлен из труда некоего Гарпократиона из Александрии, «адресованного его дочери», и сочинения Кирана (*Κυρανός*), «царя персидского». См. *Kaimakis D. Die Kyraniden. Meisenheim am Glan, 1976; Delatte L. Textes latins et vieux français relatifs aux Cyranides. Liège, 1942.* Та же традиция изложения материала по группам, объединенным магической «симпатией», воплощена в приписывавшемся в свое время Плутарху трактате «О реках»: его автор, повествуя о 24 реках, в связи с каждой из них приводит невероятную мифологическую историю и рассказывает о встречающемся в ее окрестностях растении и о камне с магическими свойствами.

¹⁶ Важнейших из памятников данного рода – дошедший до нас лишь в эксцерптах комментарий св. Епифания (PG. 43. 293–301, конец IV в.), полное название которого гласит: «Книга о 12 камнях на ризах Аарона» (*Περὶ τῶν ἱβ' λίθων τῶν ὄντων ἐν τοῖς στολισμοῖς τοῦ Ἀαρῶν*). Подробнее об отношении этого памятника к трактату Теофраста см. *Россиус А.А. Эксцерпты анонимного лапидария в cod. Marc. gr. Z 308 и античная традиция трактатов о камнях // Балканские чтения – 4: ELLAS / Под ред. Т.В. Цивьян. М., 1997. С. 22–23.*

¹⁷ *Regenbogen. Theophrastos. Sp. 1367–1379.*

¹⁸ В частности, Уильсон указал, что текст трактата *De lapidibus* содержится в восьми из рукописей, использованных Ф.Г. Фобсом в известном оксфордском издании Теофрастовой «Метафизики» (*Theophrastus. Metaphysics / Ed. W.D. Ross, F.H. Fobes. Oxf., 1929*). Эти рукописи были сверены Эйхгольцем для его издания.

Пожалуй, самая большая заслуга в очищении текста нашего трактата от наслоившихся искажений принадлежит Адриану Турнебу. Первое отдельное издание этого произведения после публикации его Альдом во втором томе сочинений Аристотеля (editio princeps 1497 г.) вышло в Париже в 1577 г.¹⁹, и хотя издатель книги Морель не упоминает имени Турнеба, автором напечатанного им же в следующем году латинского перевода²⁰ уже прямо назван знаменитый парижский гуманист. Этот перевод не оставляет сомнений в том, что редакция греческого текста 1577 г. принадлежит тому же ученому, хотя в переводе имеются и новшества, в прежнем издании еще не учтенные. Впрочем, работа над подготовкой обеих книг должна была быть выполнена намного раньше, так как Турнеб умер в 1565 г. Прогресс, достигнутый в течение следующих четырех веков, был незначительным. Отдельные удачные исправления предложены были в изданиях Д. Фурлана²¹ и Й. де Лата²² (работа последнего ценна главным образом тем, что в ней учитываются исправления Салмазия, вдвинутые им для Теофраста в его «Упражнения над "Естественной историей" Плиния»²³). Остающиеся авторитетными и по сей день для корпуса сочинений Теофраста в целом издания Й.Г. Шнейдера²⁴ и Ф. Виммера²⁵ дают нечто новое и ценное для трактата «О камнях» лишь эпизодически. В 1956 г. совместную работу опубликовали филолог Дж. Ричардс и минералог Э. Кейли²⁶, хотя рукописная база их издания не расширилась по сравнению с Шнейдером и Виммером, группа трех важнейших рукописей была ими изучена несравнимо более тщательно, а геологические познания одного из авторов помогли понять некоторые места в тексте, прежде считавшиеся искажениями. Однако только книге Д. Эйхгольца, появившейся через четыре века после смерти Турнеба, удалось совершить столь же решительный шаг вперед на пути к реконструкции текста нашего трактата и минералогического учения Теофраста²⁷. Подобно изданию Кейли-Ричардса, эта работа задумывалась как совместный труд филолога и историка философии Эйхгольца с палеонтологом и минералогом С. Смитом, преждевременно скончавшимся. Из-за этого печального обстоятельства собственно минералогическая часть замысла осталась незавершенной, однако во всем, что касается установления греческого текста и его интерпретации, понимания минералогической теории Теофраста в контексте его философии, издание Эйхгольца следует признать поистине замечательным.

Когда пятнадцать лет назад я впервые взялся за перевод трактата «О камнях», другого русского текста не существовало. Спустя некоторое время мне стало известно, что свой перевод сделала Е.В. Приходько, однако, как кажется, он так и не был опубликован. Совсем недавно в продаже появилась книга: *Теофраст. О камнях: Первый полный перевод на русский язык древнегреческого трактата с комментариями к нему / Пер. с англ. Куликова Б.Ф.; сост. Бобылев В.В. М., Издательский Дом МСП, 2004 г., 256 стр.* При ближайшем знакомстве обнаружилось, что этот труд представляет собой в высшей степени оригинальную затею – перевод перевода и комментария из описанного выше издания Кейли-Ричардса. Авторы, взявшиеся за столь опасное предприятие, наивно полагают, что это издание и сопровождающий его английский перевод – последние по времени (неоднократно, например, с. 6, 188), и строят свой труд на весьма

¹⁹ Theophrasti Lib. De Lapidibus, ex officina Federici Morelli. Lutetiae, 1577.

²⁰ Theophrasti De Lapidibus Liber, ab Adriano Turnebo Latinitati donatus, ex officina Federici Morelli. Lutetiae, 1578.

²¹ Theophrasti Eresii... / Ed. D. Furlanus. Hanoviae, 1605.

²² Theophrasti Liber De Lapidibus / Ed. J. de Laet. Lugduni Batavorum, 1647.

²³ Plinianae Exercitationes. Parisiis, 1629.

²⁴ Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia / Ed. J.G. Schneider. Vol. I-IV. Lipsiae, 1818; Vol. V. Lipsiae, 1821 (текст в I томе, латинский перевод Турнеба во II томе, комментарий в IV томе, дополнения к комментарию в V томе).

²⁵ Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia / Rec. F. Wimmer. Firmin Didot. Parisiis, 1866.

²⁶ *Theophrastus. On Stones / Introduction, Greek Text, English Translation and Commentary* by E.R. Caley, J.F.C. Richards. Columbus, 1956.

²⁷ *Theophrastus. De Lapidibus / Edited with Introduction, Translation and Commentary* by D.E. Eichholz. Oxf., 1965.

шатком основании слегка поправленного текста редакции Шнейдера. Не удовлетворяясь тем, что перевод самого трактата выполнен Б.Ф. Куликовым с английского, они привлекают к своей работе «филолога Е.С. Лазарева, который выверил и откорректировал русский перевод трактата по греческому тексту ватиканских кодексов» (с. 7). Судя по добавленным им примечаниям, филолог не до конца понял верные интерпретации, заимствованные его предшественником из английского варианта (например, на с. 60 о свинцовых белилах и медной яри); изобретенный им на с. 62 $\gamma\iota\psi\omicron\varsigma$ объясняется, очевидно, плохо пропечатанным словом в § 61 греческого текста, воспроизведенного на с. 10–21 (хотя то же слово в § 64 дважды читается без ошибок). Впрочем, и в этой книге есть свои достоинства – сохранение в переводе минералогических идентификаций Кейли-Ричардса (хотя и подпорченных калькированием английских транслитераций греческих слов) и минералогического же характера дополнения самих авторов на с. 188–208. Все это, однако, скорее говорит о том, что потребность в грамотном переводе трактата Теофраста на русский язык не стала менее насущной. Поэтому я решил отдать в печать мой собственный перевод, заново сверенный с оригиналом и откомментированный.

Окончательный вариант перевода сделан по изданию Эйхгольца; ввиду очевидных достоинств последнего мера оригинальности моего труда очень невелика. Хотя первоначальная его версия была выполнена по изданиям Шнейдера и Виммера и хотя в дальнейшем я также старался реконструировать смысл, вложенный в каждую фразу Теофрастом, самостоятельно, опираясь прежде всего на сохранившиеся античные свидетельства и на исправления, предложенные Турнебом, Салмазием и другими старыми филологами, и только потом сверять результат с интерпретациями Эйхгольца, в конечном итоге я счел необходимым отстаивать свою, отличную от его точку зрения лишь в немногих случаях. Примечания, которыми я снабдил перевод, могут показаться излишне подробными как раз в части разбора текстологических вариантов и принимаемых или отвергаемых исправлений, однако иначе невозможно было бы дать читателю представление о том, до какой степени имеющийся у нас памятник восстановлен усилиями многих поколений филологов и ученых, выбор которых во многих случаях определялся не столько грамматической, сколько содержательной интерпретацией. При этом в комментарии, разумеется, анализируются только те контексты, которые безусловно требуют от издателя и переводчика осознанного решения; все те случаи, когда Эйхголец, вслед за другими издателями, выбирает очевидный вариант или исправляет банальную ошибку в рукописях (как, например, $\alpha\rho\rho\epsilon\nu\iota\kappa\omicron\upsilon$ вместо $\epsilon\rho\rho\epsilon\nu\iota\kappa\omicron\upsilon$ в § 51 или $\delta\omicron\iota\delta\upsilon\kappa\iota$ вместо рукописного $\delta\upsilon\delta\upsilon\kappa\iota$ в § 60), оставлены без внимания. Кроме того, особое место было уделено разъяснению ходов теоретической мысли автора, в большинстве случаев крайне скупно выраженных в трактате: без должной их оценки текст остается непонятен. Учитывая специальный характер журнала, в котором публикуется настоящий перевод, реалии, отождествление которых не вызывает серьезных сомнений (например, что упоминаемый в § 24 храм Зевса – это храм Амона в Карнаке, или что Геракл в § 25 – это финикийский Мелькарт), в примечаниях не объяснялись.

Для облегчения ориентации читателя в Теофрастовой номенклатуре минералов ниже приводится попытка свести воедино (в алфавитном порядке греческого языка) все упоминаемые в трактате названия. В идентификации камней и земель я большей частью следую изданиям Эйхгольца и иногда Кейли-Ричардса; полезными в этой работе для меня оказались две книги отечественных авторов: *Ферман А.Е.* Цвета минералов. М.-Л., 1935; *Яковлев А.А.* Минералогия для всех. М.-Л., 1947.

КАМНИ

Греческое название	Название в переводе	Предположительная идентификация	Контекст
ἀδάμας	адамант	твердый камень (вряд ли алмаз)	19
αἷματις	кровавик	гематит либо красная яшма	37
ἀκόνη	оселок	наждак	44
ἀλαβαστρίτης	алебастрит	ониксовый мрамор, восточный алебастр	6, 65
τὸ ἀμέθυσον	аметист	аметист	30
ἀνθράκιον	антракий из Орхомена	темный мрамор ?	30, 33
ἄνθραξ	гранат (8), уголь	гранат	8, 18
ἀχάτης	агат	агат	31
ὁμοία τὴν χροῶν τοῖς ἀνθραξί	цветом подобный углям	пирролюзит ?	39
ἡ βασανίζουσα τὸν χρυσοῦν	пробирный камень	черный кремнистый слат	45, срв. 4
οἱ περὶ Βίνας λίθοι	камни из руды вблизи г. Бины	лигнит, срв. ниже σπίνος	12
διάβωρος λίθος	изъеденный камень	разновидность пемзы ?	20
ἐλέφας ὁ ὀρυκτός	ископаемый бивень	ископаемая слоновая кость	37
ἤλεκτρον	янтарь	янтарь	16, 28, 29
Ἡρακλεία λίθος	гераклеийский камень	магнитный железняк	4, 29
Θηβαϊκὸς λίθος	фиванский камень	мрамор	6
ἴασπις	яшма	зеленый хальцедон (27); бирюза (35)	23, 27, 35
Ἰνδικὸς κάλαμος ἀπολελιθωμένος	окаменевший индийский бамбук	вид коралла (так называемый «органчик») ?	38
κίσσηρις	пемза	вспененное вулканическое стекло	14, 19–22
Κορινθίος λίθος	коринфский камень	серпентин ?	33
κουράλιον	коралл	красный коралл	38
κρύσταλλος	хрусталь	горный хрусталь	30
λιγγούριον	лингурий	желтый и коричневый турмалин	28, 31
Λιπαράϊος λίθος	липарский камень	вулканическое стекло	14
Λυδη λίθος	лидийский камень	пробирный камень, см. выше	4, срв. 45 сл.
μαγνήτης λίθος	магнесийский камень	слоистый тальк	41
μαργαρίτης	жемчуг	жемчуг	36
μάμαρος	мрамор	известняк, кристаллический известняк (мрамор); кристаллы гипса (69)	9, 69
μέλας διαφανής λίθος	черный прозрачный камень	базальт ?	7
ὁ ἐν Μήλῳ λίθος	мелосский камень	обсидиан ?	14
ὁ περὶ Μίλητον	камень из окрестностей Милета	гранат из месторождения Алабанда к востоку от Милета	19
μυλίας	мельничный камень	кислая магматическая порода ?	9, 22
ξανθὴ λίθος	желтый камень	желтая яшма либо лимонит (коричневый гематит)	37
ὄμφαξ	омфакс	хризопраз (вид хальцедона) ?	30
τὸ ὀνύχιον	оникс	оникс	31

КАМНИ

Греческое название	Название в переводе	Предположительная идентификация	Контекст
Πάριος λίθος	паросский камень	мрамор	6
Πεντελικὸς λίθος	пентелийский камень	мрамор	6
πόρος Αἰγύπτου	египетский пор	разновидность известняка	7
πόρος	пор	разновидность известняка	7
πρασίτις	прасит	скрытокристаллическая разновидность кварца	37
πυρόμαχος	огнеупорный камень	огнестойкая кремнистая порода ?	9
σάφειρος	сапфир	ляпис-лазурь	8, 23, 37
σάρδιον	сердолик	сардоникс (мужской); корнелиан (женский)	8, 23, 30
ὁ ἐν Σίφνῳ λίθος	сифносский камень	стеатит (разновидность талька) ?	42
ἐν τοῖς ἐν Σκαπτῇ Ὑλῃ	камень в рудниках Схптегилы	асбестиморфный минерал палигорскит ?	17
σμάραγδος	смарагд	зеленый базальт; асуанский гранит (24); зеленый кварц (27) ?; бирюза (35) ?	4, 8, 23, 24, 26, 27, 35
σπίνος	спин	лигнит, срв. ниже ἄνθρακες	13
οἱ τίκτοντες	камни, способные рожать	лимонит с сердечником ?	5, 8
Τροισζήνιος λίθος	трезенский камень	серпентин ?	33
ἡ ὑαλοειδής	стекловидный камень	оливин (перидот) ?	30
χερνίτης	хернит	ониксовый мрамор ?	6
Χίος λίθος	хиосский камень	темный мрамор ?	6, 7, 33

ЗЕМЛИ

[ἀμπελίτις γῆ]	[садовый вар]	твердый асфальт	49
ἄνθρακες	уголь	лигнит ?	16
ἄρρενικόν	желтая мышьяковая обманка	аурипигмент	40
ἰός	медная ярь	базовый ацетат меди	57
[Καδμεία γῆ]	[кадмейская земля, кадмия]	каламин, водный силикат цинка	49
Κιμωλία γῆ	кимолосская земля	сукновальная глина	62
κύανος	азурит	азурит, синий карбонат меди; кристаллы (31) и россыпь	31, 37, 39, 55: натуральный (массивный азурит) и искусственный (египетский фрит)
Μηλιάς γῆ	мелосская земля	каолин	62, 63
Σαμία γῆ	самосская земля	плотный белый каолин	62, 63
σανδαράκη	сандарак	оранжевая мышьяковая обманка, реальгар	40 (50), 51
Τυμφαϊκή γῆ	тимфейская земля, гипс	гипс, водная серноокислая соль кальция	62, 64
ὕελιτις γῆ	стеклянная земля	гиллита	49
χρυσόκολλα	хризоколла	водосодержащий силикат меди; малахит, зеленый карбонат меди (39)	26, 39, 40, 51
ψιμόθιον	свинцовые белила	свинцовые белила	55, 56

ТЕОФРАСТ О КАМНЯХ

1. Среди пород, образующихся в недрах земли, одни состоят из воды, другие – из земли¹. Из воды состоят руды металлов, такие как серебро, золото и другие, а из земли – камень, в том числе и необычные его виды, а также любые особенные породы самой земли, отличающиеся цветом, гладкостью, плотностью или иными свойствами². Металлы рассмотрены нами в других книгах³; теперь мы скажем об образованиях земли.

2. Надо полагать, что все они, говоря в общих чертах, образуются из некоего чисто и однородного вещества, которое возникает либо путем истечения⁴ и отцеживания, либо, как уже сказано было выше⁵, посредством какого-либо иного способа отделения⁶. И в самом деле, легко допустить, что одни породы возникают одним путем, другие – другим, а третьи – совсем иным. Отсюда у них и такие качества, как гладкость, плотность, блеск, прозрачность и тому подобное; и чем более однородно и чисто в каждой из них исходное вещество, тем в большей степени будут в них присутствовать эти свойства, поскольку вообще от того, насколько приближается к совершенству подверженное сгущению или затвердению вещество, зависят все определяемые этим веществом качества.

3. Затвердевание происходит в одних случаях под действием жара, в других – из-за холода: ничто, пожалуй, не препятствует тому, чтобы отдельные виды камней образовывались под воздействием того или другого, тогда как земли любых видов образуются, по всей видимости, под воздействием огня⁷, ибо затвердение и распад в каждом случае принадлежат к противоположным породам. Что же касается особых свойств, то их больше у камней. Дело в том, что большинство различий⁸, присущих землям, касаются цвета, клейкости, гладкости, плотности и тому подобного, различия же по другим признакам редки.

4. А камням свойственны как эти различия, так и, помимо них, различия по способности воздействовать и поддаваться или не поддаваться воздействию: одни из них расплавляются, другие не расплавляются; одни горят, другие нет; то же и с прочими подоб-

¹ О минералогической теории, лежащей в основе исследования Теофраста, см. Введение.

² Теофраст употребляет здесь слово *δύναμις* в весьма общем значении «свойства», «качества», тогда как в целом понятийный аппарат трактата «О камнях» исходит из противопоставления отличительных свойств более общего порядка (*διωφοραί*), свойствам более частным и в первую очередь связанным со способностью минерала воздействовать на другие вещества или поддаваться воздействию с их стороны (*δυνάμεις*); см. ниже § 4 и 48.

³ В списке трудов Теофраста у Диогена Лаэртция имеется заголовок *περὶ μετὰλλων* (V. 44. 19).

⁴ Перевод основан на варианте *συρροή*, который Шнейдер предложил во исправление рукописного *ροή*. Согласно Теофрасту, «истечение» (*συρροή*) и «отцеживание» (*διήθησις*) представляют собой два фундаментальных процесса образования минералов с участием воды, из которых первый отвечает за образование массивных отложений, а второй – жильных месторождений. Ср. также упоминание об этом во вводном рассуждении о землях (§ 50).

⁵ «Выше» в существующем тексте, разумеется, об этом не говорится ничего; с другой стороны, характер только что прозвучавшего упоминания об утраченном для нас трактате «О металлах», кажется, исключает возможность понимания его как единого сочинения с книгой «О камнях». Все это, наряду с чрезвычайной краткостью и невняtnостью теоретической части, заставляет сомневаться в литературной законченности дошедшего до нас текста. Подробнее см. Введение.

⁶ Т.е. от окружающей массы пород.

⁷ Ввиду того, что «распад» (*τῆξις*) земель происходит под воздействием воды, представляющей собой холодный элемент, началом, обеспечивающим их затвердевание (*πῆξις*) должен быть огонь, так как эти процессы «принадлежат к противоположным (*ἐν τοῖς ἐναντίοις*) <подр. родам>». Согласно требованию перипатетических дефиниций, «все противоположности с необходимостью относятся или к одному и тому же роду, или к противоположным родам (*ἐν τοῖς ἐναντίοις γένεσι*), или сами они суть роды» (*Arist. Cat.* 14a19–20). Такая абстрактная схема побуждает Теофраста вообще преувеличивать «огненные» свойства в землях. Ср. в конце § 68–69.

⁸ Перевод следует варианту Турнеба *αἱ πολλὰὶ διαφοραί*, исправившего абсурдный рукописный текст *αἱ πνοαὶ διαφοραί* («различные дыхания»).

ными свойствами. Кроме того, в самом течении стгорания и обжига они имеют много различий. Некоторые из камней – например, смарагд, – могут, как считается⁹, уподоблять себе по цвету воду; другие – превращать в камень все, что оказалось в них включено¹⁰; третьи обладают некоей силой притяжения, а четвертые – способностью проверять золото и серебро: это так называемый гераклейский камень¹¹ и камень лидийский.

5. Особенно заслуживает удивления великая сила тех камней, которые – если только это правда – обладают способностью рожать¹²; но более известно и среди большего числа камней наблюдается свойство, делающее их пригодными к ремеслам: в самом деле, некоторые из них подходят для высекания, другие – для токарной обработки, третьи – для пиления; есть и такие, что их вовсе не берет железо, или же только насилию и с трудом. Есть между ними и другие различия по ремеслам.

6. Итак, отличительные свойства, касающиеся цвета, жесткости, мягкости, гладкости и прочего в том же роде, благодаря которым и появляется особое качество, могут присутствовать во множестве камней сразу, а в иных случаях и в целых месторождениях. Среди последних славятся каменоломни паросского камня, пентелейского, хиосского и фиванского; то же можно сказать и об алебастрите, который есть в Фивах египетских: его тоже вырезают большими кусками, – и о так называемом херните, похожем на слоновую кость: в сделанном из него гробе¹³, говорят, покоится Дарий.

7. Есть также камень пор, цветом и плотностью подобный паросскому камню, при этом из свойств настоящего пора обладающий лишь легкостью: вот почему египтяне выкладывают из него пояса¹⁴ на парадных зданиях. Там же имеется черный камень, прозрачный наподобие хиосского, а в других местах – многие другие камни. Словом, как уже говорилось выше, отличительные свойства такого рода, бывают общими для множества камней, в то время как упомянутые различия в присущих камню силах¹⁵ не распространяются ни на месторождения целиком¹⁶, ни на сплошные объемы камня, ни на особо крупные отдельные камни.

⁹ Перевод исходит из текста Турнеба ἔξομοιοῦν φαίνονται δυνάμενοι (при рукописном ἔξομοιοῦνται δυνάμενοι); он лучше соответствует греческому узусу, чем вариант Эйхгольца ἔξομοιοῦσθαι δύνανται.

¹⁰ Речь об окаменелостях еще раз заходит ниже в § 38. Вере в описываемое свойство камня способствовало изготовление саркофагов из известняка; о саркофагах и камне для их изготовления Теофраст упоминает в трактате «Об огне», § 46. Ср. о саркофагах у Плиния (NH. XXXVI. 131. 2–5): «Установлено, что мертвые тела, похороненные в этом камне, истлевают, исклячая лишь зубы, за 40 дней. По сообщению Муциана, зеркала, скребки, одежды и башмаки, похороненные с усопшим, также превращаются в камень».

¹¹ Ср. Plat. Ion. 533d : «камень, который Еврипид назвал магнесийским, а большинство зовет гераклейским», т.е. магнитный железняк; силой притяжения Теофраст наделяет также лингурий и янтарь, упоминаемые в § 28–29. Лидийский камень – пробирный, свойства разновидностей которого излагаются в § 45–47.

¹² Согласно Эйхгольцу, Теофраст описывает узлы лимонита с отдельным сердечником, считавшиеся беременными. По-другому интерпретирует свойства таких камней Плиний (NH. XXXVI. 149. 2–8): «Этот камень <азтит> находят в гнездах орлов... Рассказывают, что их обнаруживают всегда по два, мужской камень и женский, и без них, как сообщают, описанные нами виды орлов не могут размножаться; именно поэтому у них бывает только по два птенца. Камней этих четыре вида: тот, что происходит из Африки, мягок и невелик, а внутри, в своем, так сказать, животе, содержит сладкую белую глинистую землю. Будучи рыхл, он считается камнем женского пола и т.д.».

¹³ Салмазий исправляет бессмысливающее текст рукописное искажение πέλλω на исконное πούλω.

¹⁴ Так интерпретирует выражение Теофраста διάζωια τῶρασ в своем латинском переводе 1578 г. Турнеб (cingulis distinguunt). Очевидно, он объясняет это место с помощью пассажи из Афиней (V. 39. 43 Kaibel): «<египтяне> украшают стены белыми и черными тягами, а иногда и карнизам из камня, именуемого алабастритом». Эйхгольц идентифицирует черный и белый камень соответственно как темный сиенский гранит и белый известняк (т.е. Теофрастов пор).

¹⁵ Т.е. способность притягивать и т.п. (в данном случае Теофраст употребляет слово δυνάμετς), в противоположность отличительным свойствам более общего порядка (цвет, плотность и проч.).

¹⁶ Контекст говорит в пользу верности конъектуры Шнейдера τόλοις ὄλοις, исправившего рукописное τοῖς ὄλοις.

8. Некоторые из таких камней¹⁷ и вовсе редки и малы, как, например, смарагд, сердолик, рубин, сапфир и почти все прочие, из которых вырезают печати. А есть такие камни, которые находят внутри других при их разбивании. Немногочисленны и камни, особенности которых связаны с обжигом и горением: пожалуй, следует начать с перечисления и описания их отличительных свойств.

II. 9. Под воздействием огня некоторые камни расплавляются и текут, как, например, те, что добываются в рудниках: в самом деле, вместе с серебром, медью и железом начинает течь и происходящий от них камень¹⁸ – то ли из-за наличествующей в составляющих его частях влаги, то ли под воздействием металлов. Точно так же текут огнеупорные и мельничные камни вместе с теми веществами, которые подкладывают к ним обжигалы. Кое-кто и вовсе говорит, что плавятся все камни за исключением мрамора, который перегорает, так что в конце концов получается известь.

10. Но такие утверждения очевидно слишком смелы: ведь многие камни, как бы сопротивляясь¹⁹ огню, трескаются и разлетаются в стороны сильнее, чем даже глиняные черепки²⁰. Так и должно быть с камнями, утратившими влагу, ибо все, что может быть расплавлено, с необходимостью должно быть влажным и содержать как можно больше влаги.

11. Рассказывают также, что под воздействием солнца некоторые камни совершенно высыхают и становятся бесполезны, пока их снова не намочат и не увлажняют; другие, напротив, становятся более мягкими и хрупкими. Очевидно, что и у тех, и у других солнце отнимает влагу, но плотные камни при этом затвердевают, а те, что обладают разреженным строением, становятся хрупкими и рыхлыми²¹.

12. Некоторые из хрупких камней при сжигании уподобляются углям и так пылают длительное время – например, камни в руде, которую находят вблизи города Бины в породе, приносимой течением реки: они горят, когда к ним прикладывают угли, и горят до тех пор, пока кто-нибудь поддувает; в противном же случае они угасают, но могут быть зажжены вновь. Использовать их поэтому можно длительное время, однако запах их весьма тяжел и неприятен.

13. Камень, который именуется спином и который раньше находили в этом²² руднике, будучи расколот и сложен столбцом, под воздействием солнца начинает гореть, и тем сильнее, если его еще кропят и смачивать водой.

14. Липарский камень при горении исходит дырами и становится похож на пемзу, изменяя одновременно и цвет, плотность, ибо прежде чем отведать огня, такой камень был черным, гладким и плотным. Образуется он в пемзе, нечасто разбросанный там и сям словно по сотам²³, а не собранный в большие объемы; и точно так же, говорят, на Мелосе в некоем другом камне образуется пемза: можно сказать, что этот камень словно меняется местами²⁴ с липарским, за тем исключением, что мелосский камень на камень липарский непохож.

¹⁷ Т.е. камней, наделенных особыми исключительными «силами», о которых говорилось двумя параграфами выше.

¹⁸ Т.е. шлак.

¹⁹ Переводимый текст основан на исправлении Шнейдера ὄμοιοχόμενοι. Рукописный вариант οὐ μοχομένοι противоречит контексту.

²⁰ Согласно Аристотелю (Meteor. 384b19-22), изделия из глины не плавятся, так как глина состоит «только из земли, потому что затвердевает она мало-помалу при высушивании; вода не может проникнуть в нее через поры, <размера> которых хватило, лишь чтобы дать выйти испарению; огонь не может растопить ее, ибо он и вызвал затвердевание».

²¹ Эйхгольц с полным основанием исправляет рукописное чтение τῆκτοῦς, что означало бы «плавкие», на κατακτοῦς, «хрупкие», так как первое противоречило бы теории, излагавшейся непосредственно перед тем в § 10: потеря влаги не может приводить к плавкости породы, если главным условием наличия этого свойства признается присутствие влаги.

²² Если следовать в этом месте рукописному чтению τοιοῦτος, получается невнятный рассказ о камне, который «находили в рудниках»; при этом переход к прошедшему времени оказывается никак не мотивирован. Перевод основан на исправлении Эйхгольца τοῦτοῦς, οὗτος.

²³ В переводе принимается вариант κυτταρεῖω, который предложил в издании 1605 г. Furlanus; рукописи содержат чтение, из которого Эйхгольц реконструирует χυττιδίω, «горшочками».

²⁴ Теофраст пользуется математической метафорой: τοῦτω ὥσπερ ἀντιπελοπῶς буквально означает, что мелосский камень «словно бы обратно пропорционален» липарскому.

15. Исходит дырами и камень, встречающийся в сицилийской Тетраде, в месте, расположенном напротив Липары; камень же, в изобилии обжигаемый на мысе, именуемом Эринеедой, наподобие того, что делают с камнем из Бин²⁵, источает запах асфальта, причем остатки от его горения оказываются похожи на пережженную землю.

16. Камни, из числа выкапываемых ради употребления, которые называются просто «углем», представляют собой земельную породу, но зажигаются и горят они точно как угли. Эти камни есть в Лигурии, где имеется и янтарь, и в Элиде, в тех местах, где горной тропой люди идут в Олимпию; там их используют кузнецы.

17. В рудниках Скаптегилы²⁶ был некогда найден камень, видом весьма напоминающий гнилое дерево; если налить на него масла, он горел вместе с ним, но стоило сгореть маслу, тотчас погасал и он, оставаясь при этом вовсе нетронутым огнем. Таковы, в общих чертах, отличительные свойства камней, подверженных огню.

III. 18. Есть другой вид камней, тоже именуемый «углем»²⁷, но словно возникший из вещества с противоположной природой и совершенно не поддающийся огню. Из этого камня вырезают печати: он красного цвета и, будучи положен на солнце, светится как пылающий уголь. Из всех камней это, пожалуй, самый ценный: даже крошечный камушек стоит не менее сорока золотых²⁸. Ввозится он из Карфагена и Массилии.

19. Не горит и камень из окрестностей Милета: он угловат, а встречаются и шестиугольные образцы. Его тоже называют углем, и вот что удивительно: судя по всему – и примерно так же дело обстоит со свойствами адаманта, – причина его несгораемости отнюдь не в том, что в нем будто бы вовсе нет влаги, как в пемзе или в пепле²⁹. Эти последние не горят и не поддаются огню действительно из-за того, что из них уже изъята вся влага; более того, некоторые полагают, что пемза вообще возникает при сгорании, за исключением того вида, который образуется из морской пены.

20. Доказательства они черпают из наблюдений над пемзой, появляющейся вокруг жерл вулканов, а также над так называемым изъеденным камнем, который, воспламеняясь, превращается в пемзу. Об этом же, похоже, свидетельствуют и сами месторождения: где горит земля³⁰, там и пемза.

21. Впрочем, возможно, что один из видов ее образуется так, другие по-иному, и что существует много способов их возникновения. Например, пемза, встречающаяся на Нисиресе, выглядит так, словно она сложена из какого-то песка. Свидетельством в

²⁵ Бессмысленный рукописный текст τὰς κίνας исправлен Турнебом на τὰς ἐν Βίνας на основании § 12.

²⁶ Рукописная традиция сохранила вариант ἐυκαπτήσ ὕλης, который ранние издатели дополнили до ἐν τοῖς Σκαπτησίῳ ὕλης. Однако, как показывает Эйхгольц, родительный падеж единственного числа не употребляется в топонимах, характеризующих рудники и копи; его исправление ἐν τοῖς ἐν Σκαπτῆ ὕλη принимается в переводе. Само название «Скаптесила» засвидетельствовано крайне слабо, в то время как альтернативный вариант (который буквально можно перевести как «Копальщический лес») хорошо известен и означает место, расположенное на границе Фракии и Македонии.

²⁷ Одна из ветвей рукописной традиции дает вариант ἕνεος... ἄνθραξ καλοῦμενον, и этим пользуется часть издателей, однако это несомненный случай тривиализации; предпочтительнее более трудное чтение καλοῦμενος, которое объяснимо как аттракция определения, зависящего от аппозитивного существительного. Предлагаемый перевод сохраняет буквальное значение слова ἄνθραξ (часто передаваемого с помощью латинизированной формы «карбункул»), так как в противном случае остается непонятным рассуждение Теофраста о противоположной природе. Этим названием может обозначаться как рубин (несгораемый – ср. *Arist. Meteor.* 387b17–18), так и красный гранат (подверженный действию огня).

²⁸ Подразумевается: статеров.

²⁹ Подробнее о механизмах горючести и огнестойкости рассуждает Аристотель (*Meteor.* 387a12): «Тела бывают горючими, если их поры пропускают огонь, а влага, содержащаяся в их продольных порах, слабее огня. Тела, в которых влаги нет вообще либо, как в случае со льдом или сырым деревом, влага сильнее огня, несгораемы». Причиной несгораемости адаманта и карбункула у Теофраста, по всей видимости, служит то, что поры этих камней не пропускают огонь.

³⁰ Лакуну в рукописях убедительно восполняет предположение Шнейдера: ἐν τοῖς <καλοῦ-ἐνοῖς> [ср. τὸν τὸλων]. Речь идет о местностях с выраженной вулканической активностью.

пользу этой точки зрения служит то, что некоторые куски, будучи найдены, буквально рассыпаются в прах в руках нашедшего, потому что камень еще не устоялся и ничем не скреплен. Если снять верхний слой земли, встречаются и цельные куски – размером такие, что можно их взять рукою, или чуть покрупнее, – которые состоят из множества слипшихся мелких камней. Весьма легок и сам песок. В то же время вся пемза, которая есть на Мелосе, прочна³¹, а некоторые ее виды, как уже говорилось ранее, образуются внутри других пород.

22. Все эти разновидности отличаются одна от другой цветом, плотностью и весом. Если говорить о цвете, то пемза из лавового потока на Сицилии³², к примеру, черная; плотностью же и весом она весьма подобна мельничному камню. В самом деле, пемза может выступать и в такой разновидности – тяжелой, плотной и в употреблении более ценной, чем другие. Так и пемза из лавового потока обладает лучшими трущими³³ свойствами, нежели легкая и белая; но замечательнее всего в этом отношении пемза, возникающая прямо из моря³⁴. Но довольно о пемзе: о ней сказано достаточно. Что же касается камней, поддающихся или не поддающихся действию огня, от исследования которых мы отвлеклись ради настоящего рассуждения, причины этой их способности нам придется рассмотреть в другом месте.

IV. 23. Есть и другие камни с необычными³⁵ свойствами: из них вырезают печати. Некоторые из таких камней примечательны только своим видом, как, например, сердолик, яшма, сапфир – этот последний камень словно обрызган золотом³⁶. Однако смарагд обладает и некоторыми особыми способностями: как мы уже говорили, он уподобляет себе по цвету воду – средний камень умеренный ее объем, очень большой – весь сосуд, а маленький – только воду вокруг себя.

24. Хорош смарагд и для глаз: для того и носят печати из него, чтобы глядеть на них. Он редок и размером, как правило, невелик, если только не верить записям о деяниях египетских царей: кое-кто ведь утверждает, что некогда им в числе даров от царя вавилонского был привезен смарагд длиной четыре локтя, а шириною три. Также якобы в святилище Зевса хранятся четыре смарагдовых обелиска, высотой сорок локтей каждый, шириною же с одного конца четыре локтя, а с другого – два. Так обстоит дело согласно этим записям.

25. Из тех камней, что большинство людей зовет лаконским³⁷ смарагдом, самый большой находится в Тире: там в храме Геракла стоит сработанный из него огромный столб (если только это не ложный смарагд – есть ведь и такая порода). Залежи этих камней встречаются и в доступных нам пределах, в местах хорошо известных, в особенности же в двух: в медных коях на Кипре и на острове, лежащем напротив Халке-

³¹ Очевидную лауну в рукописном тексте Эйхгольц восполняет прилагательным βαρεῖα, «тяжелая»; однако тему тяжести как отличительного свойства пемз Теофраст вводит впервые в § 22. Я предлагаю чтение σκληρά, которое и отражено в переводе.

³² В списке сочинений Теофраста Диоген Лаэртский (V. 49. 21) приводит произведение с таким названием (Περὶ ῥύακος τοῦ ἐν Σικελίᾳ), в одной книге.

³³ Перевод основан на исправлении σμηκτικῆ, предложенном Турнебом в переводе 1578 г.; рукописный вариант τμηκτικῆ представляет собой тривиализацию, связанную с неточным пониманием значения глагола τέμνω в минералогическом контексте: не «резать», но «ломать» камень, т.е. «добывать в каменоломнях».

³⁴ Т.е. из морской пены. Ср. § 19.

³⁵ Теофраст продолжает перечисление камней с особыми свойствами, начатое в § 9; поэтому для восстановления имеющейся здесь в рукописях лауны следует предпочесть вариант, предложенный Эйхгольцем (ἄλλα <περιτταῖ>), а не Виммером (ἄλλα <διάφοροι>: «есть и другие различные камни»).

³⁶ За счет золотистых частиц пирита, включенных в кристаллы лазурита, который Теофраст называет здесь сапфиром.

³⁷ Испорченный текст рукописей αὐὼν исправлен Эйхгольцем на Λακωνῶν: перевод следует этому варианту, а не старому Βακτριανῶν (Furlanus 1605), поскольку о бактрийских смарагдах ничего не известно, в то время как единственное на территории Греции месторождение зеленого порфира у подножия горы Тайгет пользовалось достаточной славой, чтобы дать этому камню эпонимическое название (Λακωνία λίθος).

дона³⁸, где они добываются весьма своеобразным способом. Там эта порода разрабатывается так же, как и все другие, тогда как на Кипре она сосредоточена в нескольких особых жилах.

26. Камни, размер которых достаточен для изготовления печатей, находят редко, но камни меньшей величины попадают в множество³⁹, поэтому их используют даже для пайки золота: для этого они пригодны не менее, чем хризоколла, и кое-кто предполагает в них ту же самую природу – тем более, что они очень похожи на хризоколлу и окраской. Однако хризоколла в изобилии встречается не только в золотых копях, но даже еще чаще в медных, например в тех, что располагаются в этих же местах.

27. А смарагд, как уже упоминалось, редок: вполне вероятно, что он образуется из яшмы: так, рассказывают, что некогда на Кипре был найден камень, половина которого была смарагдовой, а другая – яшмовой, словно превращение из влаги в камень в нем еще не завершилось. Для полного блеска смарагд требует некоторой обработки: в естественном виде он довольно тускл.

V. 28. Подобно смарагду, необычной способностью наделен и лингурий, из которого вырезают печати и который твердостью не уступает камню⁴⁰: подобно янтарию, он обладает силой притягивать к себе, причем, по некоторым сообщениям, не только соломинки и листья⁴¹, но, как утверждал Диокл⁴², также медь и железо, если куски достаточно тонкие. Камень этот весьма прозрачен и холоден, причем лучше тот вид его, что образуется из мочи диких зверей, нежели тот, что происходит от ручных, и тот, что от самцов, нежели тот, что от самок: дело в том, что те и другие различаются соотношением тела, более сухого у первых, более влажного у вторых⁴³. Опытные искатели выкапывают лингурий из земли, ибо зверь скрытен и всякий раз наскребает землю, как помычится⁴⁴. Этот камень также требует немалой обработки.

29. Также и камень янтарь – в Лигурии ведь янтарь выкапывают из земли⁴⁵ – имеет необычайное свойство: ему также приписывают способность притягивать. Однако в наибольшей степени эта сила очевидна в камне, притягивающем железо. Он тоже редок и встречается лишь в немногих местах; наряду с другими его необходимо причислить к камням, обладающим данной способностью.

³⁸ Рукописное чтение Καρχηδόνι было исправлено на Χαλκηδόνι еще Салмазием, потому что о месторождениях зеленых камней в окрестностях Карфагена античные источники не упоминают ни разу, тогда как медные копи на о. Демонес вблизи Халкедона были прекрасно известны.

³⁹ Это место удачно иллюстрируется характеристикой, которую дает смарагдам халкедонского месторождения Плиний (NH. XXXVII. 72. 3–5), который, правда, помещает его не на острове, а на некоей горе Смарагдит: «...эти камни всегда были самыми мелкими и малоценными. Их отличала хрупкость и невнятный цвет; окраской они похожи были на перья в хвосте павлина или на шее у голубя».

⁴⁰ Твердость лингурия, изготовление из него гемм и, в некотором смысле, ископаемый характер мотивируют включение его в перечень редких камней наряду с истинными камнями, образующимися в почве благодаря различным процессам «отделения» и затвердевания. Ср. ниже о янтаре.

⁴¹ Виммер исправляет рукописное чтение ξύλον, «дерево», на φύλλα, основываясь на скептическом изложении этого места у Плиния (NH. XXXVII. 53, 1–3): nec folia tabtum aut stramenta ad se rapere, sed aeris etiam ac ferri lamnas.

⁴² Диокл из Кариста, знаменитый врач IV в.; Гален (De nat. fac. Vol. III. P. 32 Kühn) относит его, вместе с Гиппократом, Эрасистратом и Праксагором, к числу авторитетнейших знатоков анатомии и физиологии мочевой системы, в том числе мочекаменной болезни.

⁴³ Теофраст рассуждает в рамках общепринятой теории: так, автор приписывавшихся Аристотелю «Проблем» пишет (961а6–7): «...левые части <организмов> более влажные и вообще в большей мере женские».

⁴⁴ Турнеб делает необходимое исправление οὐρήση; рукописный вариант εὐρήση («найдет») – ошибка, дублирующая значение сказуемого главного предложения.

⁴⁵ Топоним Λιγυστικίη восстановлен Салмазием: ошибка рукописей (Λυγυστήν) объясняется влиянием контекста, посвященного лингурию (λυγγοῦριον). Замечание об ископаемом характере данного вида янтара нужно Теофрасту для того, чтобы оправдать рассмотрение этого минерала вместе с камнями. Согласно теории, имевшей хождение в его время, янтарь имел растительное происхождение (ср. Arist. Meteor. 388b19–27; Plin. NH. XXXVII. 31–42).

30. Есть много и других камней, из которых изготавливают печати, например, стекловидный камень, который и отражает свет, и пропускает его сквозь себя; затем антракий и омфакс, а также хрусталь и аметист: оба они прозрачны, и находят их, как и сердолик, разбивая некоторые скалы. Есть, наконец, такие камни, которые, как уже говорилось ранее, хотя и носят одно и то же имя, отличаются друг от друга. Так, например, один вид сердолика, который прозрачен и имеет красный оттенок, называется женским, а тот, который хотя и прозрачен, но отликает черным, – мужским.

31. Точно так же и лингурий, из видов которого женским называется более прозрачный и желтоватый. Мужским или женским бывает и азурит, причем мужской потемнее. В камне онихи белые слои чередуются с серыми, аметист же цветом подобен вину. Красив камень агат, название которого происходит от реки Ахата⁴⁶ на Сицилии; он дорого продается.

32. В золотых копях Лампсака был некогда найден удивительный камень, доставленный в Астиру⁴⁷, где из него была высечена печать, поднесенная, ввиду своей необычности, самому царю⁴⁸.

VI. 33. Всем названным выше камням наряду с красотой присуща и редкость; те же самые камни, происходящие из Греции, менее ценны, например, антракий из аркадского Орхомена⁴⁹: он темнее хиосского камня, и из него делают зеркала. Также и трезенский камень, который пестр из-за чередующихся в нем пурпурного и белого цветов; точно так же пестр и коринфский камень, за исключением разве того, что белизна в нем имеет зеленоватый оттенок.

34. Таких камней вообще большинство, а замечательные камни редки и возникают лишь в немногих местах, например, в Карфагене, или в окрестностях Массилии, или в Египте возле первого порога Нила и возле Сиены – около города Элефантины, – или в области, именуемой Псефо⁵⁰.

35. На Кипре это смарагд и яшма. Камни, употребляемые в финифтях⁵¹, происходят из бактрийской земли, из области пустынь, где их собирают конники, совершая туда наезды в пору летних ветров: именно тогда эти камни становятся видимы, ибо великая сила ветра сдвигает песок; размером они не велики и даже малы.

⁴⁶ Отождествляется с современной рекой Караби (Carabi), вблизи истоков которой добывают агаты.

⁴⁷ Если соглашаться с рукописным текстом (στῖράν), камень был доставлен в маленький город Стиру на Евбее; везти его туда из золотоносных полей возле малоазийского Лампсака было бы довольно нелепо. В переводе условно принимается не подкрепленное никакими внешними свидетельствами исправление Шнейдера, предложенное читать в этом месте "Астура". Город Астира располагался в нескольких десятках километров к юго-востоку от Лампсака и, по сообщению Страбона (XIII. 1. 23. 2–3: ...τὰ Ἀστύρα...κατεσκαμμένη πόλις), известен был своими золотыми рудниками.

⁴⁸ Цитируя это место, Плиний (NH. XXXVII. 193) добавляет имя царя: Александр; на этом основании старые издатели вслед за Турнебом дополняли и греческий текст. Однако всякий раз, когда Теофраст пишет об Александре, он употребляет его имя без каких-либо определений (например, Hist. plant. IV. 4. 1 и 5). Греческие авторы вообще, в отличие от римских, когда говорят о царе (βασιλεύς), подразумевают царя персидского, что, очевидно, имеет место и в настоящем случае.

⁴⁹ Рукописное чтение ἐξερχομένου исправлено на ἐξ Ὀρχομένου Турнебом на основе параллельного пассажа из Плиния (NH. XXXVII. 97).

⁵⁰ Сиена (Συήνη) – совр. Асуан, расположенный на восточном берегу Нила ниже первого порога; Псефо – (рукописно Ψεφό; конъектура Салмазия Ψεβῶ восстанавливает эллинистическую ученую норму, но поправляет, возможно, не только рукописи, но и Теофраста) – озеро к северу от Мероэ, столицы Нубии; совр. озеро Тана. Об этих местах в связи с фантастическими «бездонными» источниками Нила пишет Геродот (II. 28).

⁵¹ Шнейдер справедливо исправляет рукописную галлографию λιθόκολλα («цемент») на λιθόκόλλητα. Плиний неверно понял это слово и оттого ошибочно истолковал весь пассаж (NH. XXXVII. 65): «<Бактрийские изумруды>, как говорят, собирают в расщелинах скал (in commissuris saxorum), когда дуют Этесии: в это время покрывающая их земля бывает удалена, и заметным становится их сверкание, потому что при этих ветрах песок приходит в движение». Очевидно, Теофраста занимали инкрустации металла драгоценными камнями: в XXIII главе его «Характеров» хвастун рассказывает о том, сколько украшенных камнями кубков (λιθόκολλα ποτήρια) он привез из походов Александра Великого. По предположению Эйхгольца камень, о котором здесь идет речь, – так называемая бирюза.

36. Среди высоко ценимых камней и так называемый жемчуг, по природе своей прозрачный⁵²: из него делают драгоценные ожерелья. Возникает он в некоей раковине, весьма похожей на мидию, но несколько меньшей; размером он равен крупному рыбьему глазу⁵³. Дает этот камень Индийская страна и некоторые острова в Красном море. Вот, пожалуй, все камни, в которых есть нечто исключительное.

37. Есть и другие камни, например, ископаемый бивень, расцветенный черным и белым; есть камень, именуемый сапфиром, который темен и не особенно отличается от мужского азурита, и камень прасит, ржавого цвета. Плотен камень кровавик: он мутен и, оправдывая свое имя, выглядит как свернувшаяся кровь. Другой камень, так называемый желтый, на самом деле не желт, а скорее белесый, но дорийцы все же называют его желтым камнем.

38. Между прочим, коралл – ведь и он совершенно как камень – цветом красен, а по форме округл, как корень; рождается он в море. В известном смысле недалеко от него по природе окаменевший индийский бамбук. Но это – для другого исследования⁵⁴.

VII. 39. Среди камней есть немало и таких видов, которые добываются в рудниках. Некоторые из них содержат одновременно золото и серебро, но глазу видно только серебро: они гораздо тяжелее и весом, и запахом. Бывает и самородный азурит, содержащий в себе хризоколлу. Есть и другой камень, цветом подобный углям, но наделенный тяжестью.

40. Можно было бы перечислить и другие особенности, присущие таким камням⁵⁵.

41. А некоторые камни, как мы отмечали выше, обладают свойством не уступать воздействию – например, не режутся железом, но лишь другими камнями. И вообще даже крупные камни сильно различаются по применяемой к ним обработке: одни пилются, другие, как уже говорилось, высекаются, третьи обрабатываются на токарном станке, как тот магнесийский камень, который замечателен и внешним видом, так что многие изумляются его сходству с серебром при отсутствии какого бы то ни было родства между ними.

42. Но в то же время очень многие камни поддаются любой обработке: такой камень в ископаемом виде встречается на Сифносе, на расстоянии трех стадиев от моря, круглый и комковатый – его можно и точить, и долбить ввиду его мягкости, но если его раскалить и опустить в масло, он становится весьма плотен и черен. Из него изготавливают настольную посуду.

43. Все подобные камни уступают силе железа, а некоторые можно резать только другими камнями, железом же – бесполезно, как мы уже указывали. Некоторые камни можно резать железными орудиями, но только притупленными⁵⁶; есть и другие различия⁵⁷. Равным образом странно⁵⁸, что некоторые камни невозможно ло-

⁵² Этот пассаж – первое упоминание о жемчуге в греческой литературе, чем, возможно, объясняется неточная его характеристика как «прозрачного» (διαφανής); по предположению Эйхгольца, Теофраст мог неверно истолковать свой анонимный источник, в котором было употреблено прилагательное διαυγής («полупрозрачный», «светящийся») или сходное с ним. Весь этот отрывок процитирован у Афиня (III. 45 Kaibel).

⁵³ Начиная с союза но остаток фразы в рукописной традиции утратился; он восстановлен Шнейдером по тексту Афиня.

⁵⁴ Ср. в списке трудов Теофраста у Диогена Лаэртца (V. 42. 16) упоминание о сочинении περὶ τῶν <ἀλο>λίθουμένων в двух книгах.

⁵⁵ Все начало этого параграфа, по содержанию плохо согласующееся с контекстом, в переводе вслед за текстом Эйхгольца перенесено в § 50.

⁵⁶ Рукописный текст данного параграфа испорчен и изобилует искажениями и лакунами. В этом месте рукописи дают чтение σιδηροῖς (исправлено Эйхгольцем на σιδηροῖς) (μὲν ἄψ* δέ; пропуск убедительно восполнен Турнебом (ἀψβλυτέροισ δέ) на основе параллели из Плиния (NH. XXXVII. 200. 6-8): iam tanta differentia est, ut aliae ferro scalpi non possint, aliae non nisi retuso («Различие <в степени их твердости> так велико, что одни можно резать железом, другие – только тупым»).

⁵⁷ В рукописях лакуна после καὶ εἰσὶν*; перевод следует восстановлению Эйхгольца: καὶ εἰσὶν ἄλλαι διαφοραί.

⁵⁸ Рукописи здесь содержат лишенный смысла текст παραλλησίως δὲ κάτω, который Виммер и Эйхголец разумно предлагают исправить на παραλλησίως δὲ καὶ ἄτοπον: это тем вероятнее, что следующий § 44 начинается со слов ἄτοπον δὲ κάκεινο.

мать⁵⁹ железом, при том, что железо, будучи вообще-то тверже камня, с большей силой разбивает и более жесткие породы.

44. Станным выглядит и то, что оселок съедает железо, тогда как железо само способно разделять его на части и придавать ему желаемую форму, хотя для камня, из которого вырезают печати, силы его не хватает. Но камень, которым вырезают печати, в свою очередь, относится к тому же роду, что и оселок, или к весьма с ним схожему: наилучшие⁶⁰ из таких камней ввозятся из Армении.

45. Изумляет и природа камня, проверяющего золото: создается впечатление, что он обладает теми же свойствами, что и огонь, ибо и огнем оценивается золото. Из-за этого кое-кто теряется в сомнениях; впрочем, сомнения эти не особенно оправданны. Дело в том, что в том и другом случае проба совершается разными путями: огонь проверяет золото по изменению и чередованию⁶¹ цветов, а пробирный камень – посредством оставленных рядом следов от трения, поскольку он, по всей видимости, способен выделять природу каждого образца.

46. Рассказывают, что теперь уже найден пробирный камень много лучше прежнего: он будто бы распознает не только очищенное золото, но и сплавы его с медью, равно как и сплавы меди с серебром, а также сколько и каких примесей приходится на один статер. Эти люди делают на камне метки, начиная с наименьшего количества примеси, а за таковое принимается [ячменное зерно, затем золотник, затем] четверть обола или полуобол⁶²: так по меткам они распознают точную пропорцию металла.

47. Все эти камни находят в реке Тмоле⁶³. По природе своей они гладкие и похожи на шашки⁶⁴, плоские, а не округлые; размером они примерно вдвое больше самой крупной шашки. В отношении пробирных достоинств различают их верхнюю и нижнюю, по направлению к солнцу, стороны, причем для проверки лучше верхняя сторона: это оттого, что верхняя сторона суше, так как сырость препятствует взятию пробы. Поэтому и при нагревании пробирные свойства камня также ухудшаются, ибо он испускает из себя некую влагу и делается скользким. То же самое происходит и с другими камнями, в том числе с теми, из которых высекают изваяния богов: это принимают за знамение, полагая, что истукан покрывается потом⁶⁵.

⁵⁹ В предыдущей фразе говорилось об обработке (γλύφονται) камня инструментом; здесь речь идет о его добыче в каменоломнях (τέμνεσθαι).

⁶⁰ Хотя явной лакуны в тексте и нет, без добавления качественного эпитета (βελτίστη Эйхгольц по аналогии с § 52 и 55) синтаксис фразы невозможен.

⁶¹ В переводе принимается исправление ἀλλοιοῦν, внесенное Турнебом вместо рукописного ἄξιον (последнее, если интерпретировать его значение как «указывать цену», влечет за собой синтаксическую несообразность). Параллель к этому высказыванию Теофраста дает следующее место из Плиния (NH. XXXIII. 59. 3–7): «...это единственное вещество, которое не терпит от воздействия огня никакого ущерба... огонь служит испытанием для качества золота: оно должно краснеть и светиться, как огонь; это испытание называется obrussa». Различные примеси при нагревании окрашивают золото по-разному.

⁶² Вслед за К. Шварце (*Schwarze C.A. De lapide Lydio commentatio. I–II. Gortitz, 1805–1806*) Эйхгольц принимает помеченные квадратными скобками слова [κρίθη, εἶτα κολλυβος, εἶτα] за глоссу, объясняющую аттическую систему мер. В противном случае пробирный камень должен был бы способен определять примеси объемом в 1/288 часть статера (8,747 г) – именно такова разница между наименьшей величиной, κρίθη (0,0606 г) и следующей за нею, т.е. золотником (κολλυβος = 0,0909 г). Это, конечно, неправдоподобно.

⁶³ Известна лишь гора в Лидии, но не река с таким названием.

⁶⁴ Тессеры (ψήφοι) для голосования, счета, игры и прочих надобностей могли быть самой разной величины; согласно Плинию (NH. XXXIII. 126), размеры пробирного камня в среднем равнялись 2 × 4 дюйма.

⁶⁵ Перевод вслед за Эйхгольцем принимает принадлежащий анонимному филологу вариант ὡς ἰδιοντος τοῦ ἔδου, сохранившийся на полях хранящегося в Британском музее экземпляра издания Турнеба 1577 г. Аналогичный феномен, касающийся деревянных статуй, описан Теофрастом в «Истории растений» (Hist. plant. V. 9. 8): «...поэтому и говорят иногда, что изваяния потеют (τὰ ἀγάλματα φασὶν ἰδεῖν), – ведь их делают и из такого дерева [т.е. из кедра и пород с маслянистым соком]». Рукописное чтение ὡς ἰδιον τὸ τοῦ εἶδου («[что полагают знаком], свойственным данному виду») малоубедительно.

VIII. 48. Таковы в общих чертах различия и свойства⁶⁶ камней. У видов земли таковых меньше, но они более своеобразны. В самом деле, земле также присуща способность расплавляться, размягчаться и потом вновь затвердевать. Расплавляется она, так же как и камень, вместе с расплавляемыми ископаемыми⁶⁷, но она может и размягчаться, и из нее изготовляют камни, – к примеру, разноцветные и прочие виды, производимые искусственно⁶⁸. Все они изготовляются путем размягчения и обжига земли.

49. И если стекло, как сообщают, образуется из стеклянной земли, то происходит это именно благодаря обжигу⁶⁹. В высшей степени своеобразна земля, примешиваемая к меди: помимо способности расплавляться и смешиваться, замечательная способность ее состоит в том, что она улучшает красоту цвета меди. В Киликии есть некая земля, которую варят и она становится клейкой; ею вместо липучки⁷⁰ обмазывают виноградные лозы против древесного червя.

50. Можно было бы взять те отличительные свойства⁷¹ земли, которые делают ее пригодной к затвердению до плотности камня, однако⁷² и те свойства, что придают каждой земле свой вкус, точно так же имеют особую природу, как те, что придают различные вкусы растениям. Удобнее же всего земли расположить по цветам, которыми пользуются и живописцы. (40) Вообще говоря⁷³, наиболее многочисленные и наиболее своеобразные их породы обнаруживаются в рудниках; некоторые из них, как охра желтая и красная, состоят из земли, другие из своего рода песка, как хризоколла и азурит, а

⁶⁶ Открывая вторую главную часть своего трактата, посвященную землям, Теофраст еще раз сверяет материал с формальными рамками теории: подобно тому как в рассуждении о камнях основой классификации были из отличительные свойства, διαφοράι (букв. «отличия») и, внутри таковых, свойства более частного порядка, – δυνάμεις, «силы» минералов, с этих же позиций будут рассматриваться и земли (ср. § 3-4). К «силам» относятся описываемые здесь же такие способы взаимодействия с другими веществами, как способность расплавляться (τήκεσθαι) и размягчаться (μαλάττεσθαι, здесь этот инфинитив предложен Турнебом в качестве исправления рукописного ἀλλοιοῦσθαι, «изменяться», что вполне оправдывается содержанием и словоупотреблением следующей фразы). Хотя глагол τήκομαι в греческой научной прозе может употребляться как в значении «плавиться от огня», так и «размягчаться от воды» (например, *Arist. Meteor.* 383b14), а глагол μαλάττομαι даже скорее может означать размягчение от огня, смысл, приданный им в переводе, вполне оправдывается параллельным узусом в § 61, интерпретация фактического содержания которого не оставляет места для сомнений.

⁶⁷ τοῖς χυτοῖς καὶ ὀρυκτοῖς: имеются в виду металлические руды, при обработке которых часть шлаков и минеральные добавки могут сплавляться с металлом, как, например, описываемый тут же в § 49 процесс сплавления каламина с медью для образования бронзы.

⁶⁸ Речь идет, очевидно, о кирпичях, в том числе о цветных глазурованных камнях, производимых на Ближнем Востоке; о них еще раз упоминается ниже в § 61. Этот пример иллюстрирует два свойства земель – способность размягчаться с водой и вновь отвердевать.

⁶⁹ Рукописи дают чтение πυκνώσει («уплотнением»), которое Эйхгольц, следуя старой конъектуре де Лата (*de Laet*, изд. 1647 г.) и руководствуясь контекстом, с полным основанием исправляет на πυρώσει.

⁷⁰ ἀντὶ ἰξοῦ, букв. «вместо птичьего клея», вещества, получаемого из ягод омелы белой (*viscus albus*) и используемой для ловли мелких птиц; однако расширительно слово ἰξός могло употребляться для обозначения любой липкой субстанции. Существо вопроса проясняет параллель из Плиния (NH. XXXV. 194. 7): *bitumini simillima est ampelitis*, «виноградная земля весьма похожа на асфальт».

⁷¹ διαφοράς: в этом параграфе Теофраст рассуждает о том, каким признаком следует руководствоваться при классификации земель. Наиболее ценным, с этой точки зрения, свойством, по сравнению со способностью к затвердеванию и вкусом, оказывается цвет.

⁷² Синтаксис трактата дает в данном случае яркий пример эллиптической конструкции εἴη δ' ἄν – ἐλεῖ ... ἔς с уступительным значением. Понимание протазиса как причинного предложения провоцирует затуманивающий смысл конъектуру τῶν τόλων (sc. διαφοράι) вместо рукописного τοῖς τοῦτων, впервые предложенную Турнебом, за которым последовали все дальнейшие издатели, кроме Эйхгольца. При таком чтении влияние местности на различие между «соками» земель оказывается причиной, объясняющей разную их способность к затвердеванию.

⁷³ Перевод повторяет текст Эйхгольца, который переносит в это место большую часть § 40. Эта фраза, совершенно выбивающаяся из контекста рассказа о камнях, оказывается весьма к месту в рассуждении о видах земель, причем не только содержательно, но и синтаксически: благодаря такому переносу отпадает надобность в конъектуре Шнейдера, в рукописное τὸ ὄλον добавившего противительную частицу: τὸ δὲ ὄλον; заодно получает объяснение и причинный союз ἄρ в начале следующего предложения.

некоторые – из пыли, как сандарак, желтая обманка и подобные им. (50) В самом деле, как уже говорилось вначале, их возникновение происходит путем некоего истечения и отцеживания. Впрочем, некоторые виды образовались, по всей вероятности, путем частичного или полного обжига, как, к примеру, сандарак, желтая обманка и подобные. Одним словом, все подобные вещества образуются из некоего сухого и дымного испарения⁷⁴.

51. Находят все эти земли в серебряных и золотых копях, некоторые – в медных копях, а именно, желтую обманку, сандарак, хризоколлу, красную и желтую охру, азурит; последний вид, впрочем, реже всего и в наименьших количествах. Из прочих некоторые земли залегают в жилах, но про охру рассказывают, что она бывает собрана в целые глыбы; красная же охра встречается всяческих оттенков, поэтому живописцы⁷⁵ пользуются ею для получения телесного цвета; кстати, охру употребляют вместо желтой обманки, от которой цвет ее, вопреки первому впечатлению, ничем не отличается.

52. А в некоторых местах, например, в Каппадокии, имеются рудники, где промывают вместе и красную, и желтую охру, причем помногу. Но для рудокопов, как говорят, эта жила крайне опасна из-за угрозы задохнуться – там это происходит внезапно и мгновенно⁷⁶. Наилучшей – ведь есть много разновидностей – считается красная охра с Кеоса. Частью⁷⁷ она происходит из рудников, ибо и железные копи содержат красную охру. (53) Но в малом руднике она добывается сама по себе. (52) Есть, впрочем, и лемнийская охра, и та, которую называют синопской. Эта последняя на самом деле – каппадокийская, и в Синопу она просто ввозится.

53. Красной охры существует три вида: темно-красная, белесая и средняя. Последнюю мы зовем «самодостаточной», так как ее не приходится ни с чем смешивать, тогда как другие виды смешивают. Кроме того, красная охра, хоть и худшего качества, получается также путем пережигания охры обыкновенной. Изобретение это принадлежит Кидию⁷⁸: он придумал его, как говорят, когда после пожара в одной лавке он приметил, что полусожженная охра покраснела.

54. В печь ставят новые горшки, запечатанные глиной⁷⁹: хорошенько прокалившись, они запекают находящуюся в них охру, и чем сильнее обжигаются они сами, тем темнее и тем более похожей на уголь становится охра. Свидетельством в пользу сказанного служит сам способ возникновения: действительно, если исходить из того, что в данном случае он тождествен или подобен естественному способу, мы должны будем

⁷⁴ С этим комбинированным контекстом нашего трактата можно сравнить следующее место из 4-й книги «Метеорологии» Аристотеля (*Arist. Meteor.* 378a 26): «Сухое испарение – это то, что своим жаром создает все минералы, т.е. всякого рода камни, не способные плавиться: сандарак, охру, сурик, серу и все такое прочее. Большая часть минералов – это окрашенная пыль или камень, образованный из такого состава, например киновар» (пер. Н.В. Брагинской). Теофраст придерживается более разветвленной теории относительно структуры земель, чем его учитель.

⁷⁵ Рукописи содержат вариант βαφεῖς, «красильщики» (тканей), однако контекст со всей ясностью подтверждает верность исправления γραφεῖς, которое предложил в издании 1605 г. Furlanus; о «телесном цвете» (ὄνδρεῖκελον) в живописи речь идет и в Платоновом «Кратиле», 424e.

⁷⁶ В списке сочинений Теофраста у Диогена Лаэртца (V. 45. 17) упоминается трактат «Об удушении» (περὶ πνιγμοῦ) в одной книге.

⁷⁷ Текст в этом месте несомненно испорчен. Открывающему эту фразу сочетанию ἢ μὲν в начале этой фразы, в дальнейшем не находится ожидаемого соответствия. Принимая предложенную Эйхгольцем перестановку фразы из § 53, мы получаем искомое соответствие (ἐν δὲ τῷ μικρῷ <μετάλλῳ>), и хотя интерпретация данного места держится на довольно искусственном добавлении слова «рудник» к невятному рукописному «в малом», общая верность этого исправления подтверждается тем, что для Теофраста противопоставление земель, сопровождающих месторождения металлов, и тех, что добываются самостоятельно в особых рудниках, имеет фундаментальное значение. Последним посвящена вся глава IX трактата (начиная с § 61).

⁷⁸ Плиний (NH. XXXV. 130) говорит о Кидии как о (кажется, младшем) современнике Евфранора (расцвет которого приходится на 104 Олимпиаду, т.е. 364 г. до н.э.); оратор Гортезий, по словам Плиния, приобрел картину Кидия «Аргонавты» за 144000 сестерциев и воздвиг для ее хранения особое святилище в своей тускуланской усадьбе.

⁷⁹ В рукописном предании текст очевидно испорчен; современные издатели следуют исправлениям Турнеба: κολύς вместо κενός (ошибка объяснима фонетически) и πτλήφ вместо маловразумительного πολύν. Такая интерпретация подтверждается параллельным местом из Плиния (NH. XXXV. 35): fit ochra exusta in ollis novis luto circumlitis.

принять, что превращения, которые претерпевают все такие вещества, происходят под воздействием огня⁸⁰.

55. Подобно тому, как красная охра бывает природная и искусственная, точно так же есть самородный азурит, а есть и приготовленный, как делают его в Египте. Есть три вида азурита: египетский, скифский и кипрский, из которых для неразведенных красок наилучший египетский, а для разведенных – скифский. Египетский азурит – приготовленный, и царские летописцы отмечают, между прочим, что из царей первым произвел плавленный азурит в подражание натуральному; они сообщают также, что наряду с дарами, шедшими из других стран, из Финикии подать присылали азуритом, частью обожженным, а частью необожженным. Растирщики красок утверждают, что скифский азурит уже сам по себе дает четыре оттенка, причем первый, самый бледный из них, получается из самых тонких частиц, а второй, самый темный, – из самых грубых. Искусственно получают не только эти земли, но и свинцовые белила.

56. Кусок свинца размером с кирпич кладут в бочку на уксус. Когда он прибавит в толщине – а происходит это дней за десять, – бочку открывают, и со свинца соскребают нечто вроде плесени, после чего кладут его назад, и так до тех пор, пока весь он не будет израсходован. Оскребки толкут в ступе и отцеживают⁸¹; то, что остается в конце, и есть свинцовые белила.

57. Сходным образом получается и ярь-медянка. Красную медь кладут на винный отстой и соскребают возникающий на ней налет: образующаяся медная ярь появляется на ее поверхности⁸².

58. Также и киноварь бывает самородная, а бывает и изготовленная. Весьма твердая и камнеподобная киноварь, которую находят в Испании, – самородная, равно как и киноварь, добываемая в Колхиде: там, как рассказывают, она залегает на обрывах, откуда ее сбивают выстрелами из луков. Искусственная киноварь вся происходит из единственного места неподалеку от Эфеса вглубь материка, <в области Кильбийцев>⁸³. Там есть песок, который светится как червленая ягода⁸⁴; его собирают и основательно толкут в каменные сосуды, а когда получат мельчайший порошок, моют в медных сосудах, отделяют осадок и вновь толкут и моют. Дело требует сноровки: из равных количеств одни извлекают много киновари, а другие – мало или вообще ничего; остающиеся же сверху обмывки используют для покраски – ровно столько, сколько их есть⁸⁵.

⁸⁰ Искусственный процесс образования минерала объясняется по аналогии с естественным, в котором для Теофраста роль *causae efficientis* играет огонь. Ср. об этом же § 68–69; см. также Введение.

⁸¹ Перевод вместе со Шнейдером исправляет искаженное чтение рукописей $\alpha\phi\iota\theta\omicron\upsilon\sigma\tau\nu$ на $\alpha\phi\eta\theta\omicron\upsilon\sigma\tau\nu$ «отжимают», или, лучше, вместе с Эйхгольцем на фонетически корректную и зафиксированную у Теофраста (Hist. plant. IX. 8. 3) форму $\alpha\lambda\eta\theta\omicron\upsilon\sigma\tau$.

⁸² Греческий текст испорчен и не поддается однозначному восстановлению, однако общий смысл не вызывает сомнений.

⁸³ Текст этого и следующего предложения в значительной мере реконструирован издателями, в частности, осмысленный раздел между фразами найден был Турнебом: $\epsilon\zeta\ \epsilon\nu\omicron\varsigma\ \tau\omicron\lambda\omicron\upsilon\ \mu\omicron\nu\omicron\nu\ .\ \epsilon\sigma\tau\iota\ \delta'\ \omicron\upsilon\sigma\tau\omicron\varsigma\ \kappa\tau\lambda$. Когда ниже речь заходит о медных сосудах, рукописи добавляют бессмысленное сочетание $\mu\iota\kappa\rho\nu\ \epsilon\nu\ \kappa\omicron\lambda\omicron\upsilon\varsigma$; необходимость избавиться от него дает Эйхгольцу некоторое основание к словам $\iota\lambda\epsilon\rho\ \epsilon\phi\epsilon\sigma\omicron\upsilon\ \mu\iota\kappa\rho\nu$ добавить (этно)топоним $\epsilon\nu\ \text{Κιλβιανοῖς}$. Подобная правка находит частичное подтверждение в сообщениях (ни одно из которых, к сожалению, нельзя признать совершенно внятным) нескольких античных авторов, в том числе Плиния (NH. XXXIII. 114): «Этот (колхидский) вид киновари, однако, поддельный; лучший из всех происходит из Кильбийской равнины выше Эфеса (supra Ephesum Cilbianis agris); это песок, наделенный цветом червеной ягоды».

⁸⁴ $\kappa\omicron\kappa\kappa\omicron\varsigma$ – согласно античным представлениям, ягода, из которой добывается краска кармин; в действительности это не ягода, а насекомое кермес, вид кошенили.

⁸⁵ Эйхгольц в своем комментарии интерпретирует употребленный здесь оборот $\epsilon\nu\ \pi\rho\omicron\varsigma\ \epsilon\nu$ как «в первую очередь» («above all», Eichholz. P. 126), основанием для чего, по его мнению, служит использование его в сравнениях и якобы приобретенный им оттенок значения, аналогичный родственному выражению $\epsilon\nu\ \acute{\alpha}\nu\theta'\ \epsilon\nu\omicron\varsigma$, которое несомненно наделено усилительной функцией в таких пассажах, как *Plat. Resp.* 331b6, *Phileb.* 63c1–2. Однако ближайшее рассмотрение нашего контекста показывает, что Теофраст, говоря о результатах описанного им технологического процесса, сопоставляет выход киновари, который непостоянен ($\epsilon\kappa\ \tau\omicron\upsilon\ \iota\theta\omicron\upsilon\ \mu\omicron\lambda\upsilon\ -\ \delta\lambda\iota\gamma\omicron\nu\omicron\nu$), и выход побочного продукта, используемого как грунт ($\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota\phi\omicron$, по всей видимости, означает здесь «грунтовать»): участвующая в процессе вода превращается в готовый грунт практически полностью.

Киноварь образуется в осадке, скапливаемом внизу, а то, что сверху, – и это большая часть всего, – обмывки.

59. Этот способ выработки киновари изобретен был, как говорят, неким Каллием, афинянином из серебряных рудников, который собирал и исследовал песок, из-за его сияния полагая, что он содержит золото. Обнаружив, что золота в нем нет, но по-прежнему восхищаясь прекрасным цветом песка, он пришел к открытию своего способа. Этот последний отнюдь нельзя назвать древним: он насчитывает всего около девяносто лет до архонства Праксидула в Афинах⁸⁶.

60. Из сказанного ясно, что искусство подражает природе⁸⁷, но создает и собственные свои вещества – одни ради их пользы, другие только ради их вида, как краски, а третьи ради того и другого, как, например, жидкое серебро⁸⁸ – ведь и ему находится применение⁸⁹. Его получают, перетирая киноварь⁹⁰ с уксусом в медной ступе медным же пестом. Можно, по-видимому, найти и другие примеры в том же роде.

IX. 61. Из числа разрабатываемых земель еще остаются те, которые добываются в земляных раскопах⁹¹. Они возникают, как уже говорилось вначале, из некоего истечения и выделения⁹², отличающегося особой чистотой и равномерностью. Цвета получают из них всевозможные, в силу различий как между самими веществами, так и между способами их приготовления⁹³: одни из них размягчают, другие размалывают и плавят, чтобы изготовить камни того рода, что ввозятся из Азии⁹⁴.

⁸⁶ Как следует из хронологии Диодора Сицилийского (XIX. 55. 1. 2), Праксидул был архонтом Афин во второй год 116 Олимпиады, т.е. в 315 г. Следовательно, открытие Каллия, судя по данному контексту, промышленника, первоначально ведшего разработки в Лаврии и изгнанного оттуда Пелопоннесской войной, приходится на 495 г.

⁸⁷ Эта важная для перипатетической школы мысль, противостоящая учению Платона о подражании как несовершенному «соучастию», высказана Аристотелем уже в «Протретики» (Fr. 11 Rose); она встречается и в 4-й книге «Метеорологии» (*Arist. Meteor.* 381b8); наиболее близкое к рассматриваемому месту у Теофраста ее выражение мы находим в «Физике» (*Arist. Phys.* 199a12): «...искусство в одних случаях завершает то, что природа не в состоянии произвести, в других подражает ей».

⁸⁸ Такое обозначение ртути мы встречаем также у Аристотеля в трактате «О душе» (*Arist. De anima.* 406b19): «Некоторые утверждают, что душа движет тело, в котором она находится, потому что она сама движется. Таково мнение Демокрита, сходное с высказыванием постановщика комедий Филиппа о том, что Дедал сообщил движение деревянному изваянию Афродиты, влив в него ртуть (ἐγχέαντ' ἄργυρον χρύτον)» (пер. П.С. Попова).

⁸⁹ В переводе принимается исправление рукописного χρῶα на χρῆα, которое предложил в своем издании Furlanus.

⁹⁰ Слово «киноварь» (κιννάβαρι) добавлено Турнебом на основе параллельного контекста у Плиния (NH. XXXIII. 123, 3–4): «Есть два способа приготовления этого вещества – или растирая киноварь медным пестом в медной ступе (*aereis mortariis pistillisque trito minio ex aceto*), или...».

⁹¹ Теофраст переходит к последнему предмету своего исследования – землям, которые, в отличие (ср. противопоставление в начале параграфа: τῶν δὲ μεταλλευτῶν) от других земель, разрабатываемых как побочный продукт в месторождениях металлической руды (§ 52), служат предметом самостоятельной разработки в особых рудниках. Для обозначения последних он пользуется описательным названием τὰ γεωφάνη («землистые [руды]»), которое, возможно, превратилось в самосский топоним. Хотя в такой форме это название больше нигде не встречается, параллельный его вариант τὰ γεωφάνεια хорошо засвидетельствован у лексикографов – в словаре Поллука (VII. 99. 7–8: πολλὰ δ' ἂν καὶ ἄλλα εἶη μέταλλα, ὥσπερ ἐν τῷ Σάμῳ τὰ καλοῦμενα γεωφάνεια), в *Etymologicum Magnum* (229. 21) и в «Суде», где передается рассказ Эфора о некоем Мандробуле, который, обнаружив на Самосе земляной рудник, сперва посвятил божеству золотого овна, затем серебряного, затем медного и поменьше, а в конце концов и вовсе ничего.

⁹² συρροῖς καὶ ἐκκρίσεως – о перипатетической теории формирования минералов см. Введение.

⁹³ Рукописная традиция сохранила испорченный текст: ὑλοκεμένων... διὰ τὴν ... τῶν *οὐντων. Последнее слово на основании дальнейшего контекста убедительно восстановлено Турнебом до ποιούντων, однако по-прежнему отсутствующая внутри фразы синтаксическая связь делает ее интерпретацию заведомо ненадежной. Этого стремится избежать предложенное Эйхгольцем дополнение (διὰ τὴν τῶν) ὑλοκεμένων φύσιν καὶ («в силу природы самих субстанций»), однако само по себе оно вполне произвольно и не имеет никакой опоры в тексте.

⁹⁴ Речь, по всей видимости, идет о месопотамских глазурованных кирпичках: такому предположению хорошо соответствуют описанные здесь технологические процессы.

62. Есть, вообще говоря, три или четыре самородные земли, которые наряду с необычными имеют полезные свойства: мелосская, кимолосская, самосская и, помимо названных, тимфейская⁹⁵, то есть гипс. Художники пользуются только мелосской землей, но не самосской⁹⁶, невзирая на красоту последней, ввиду того, что ее отличают жирность, плотность и нежный состав. В самом деле, для живописи лучше подходит умеренная жесткость⁹⁷ строения и отсутствие жира, что как раз и свойственно мелосской земле наряду с рыхлостью.

63. Есть много и других различий между видами земли на Мелосе и на Самосе. В самосском руднике работник не может копать стоя, и ему приходится лежать на спине или на боку. Хотя жила имеет большую протяженность, высота ее составляет всего примерно два фута⁹⁸, тогда как глубина намного больше; с обеих сторон ее заключает скальная порода, откуда и приходится извлекать землю. Посередине жилы проходит слой⁹⁹, качеством превосходящий окружающие его пласты, затем идет еще один такой же слой, потом еще один, третий, и так вплоть до четвертого, который лучше всех остальных и называется «звездой»¹⁰⁰.

64. Землю из этого слоя употребляют едва ли не исключительно для выделки плащей. Так же используют и тимфейскую землю, которую жители Фессалии¹⁰¹ и окрестных мест называют гипсом. Больше всего гипса и заметнее всего его месторождения на Кипре: копающим его приходится снять лишь небольшой слой почвы. В Финикии и Сирии его производят, обжигая камни, так же как и в Фуриях, где его добывается весьма много. Третий вид гипса – в Тимфее, Перребии и других местах.

65. Своеобразна природа этих видов, больше похожая на камень, чем на землю, причем на камень вроде алебастрита¹⁰², – правда, при этом он имеет узловатое строение и оттого не режется на крупные куски. Замечательна клейкость и жар, который он производит, если его намочить. Этими свойствами гипса пользуются в строительстве: его наливают непосредственно вокруг камня¹⁰³ или других подобных вещей, когда требуется скрепить их.

⁹⁵ По названию горы Τύμφη в Эпире и соседнему селению Тимфее (см. ниже § 64).

⁹⁶ Названия земель в этом месте в рукописях сильно искажены; современный текст и вслед за ним перевод основаны на исправлениях Салмазия (Μηλιάδι μόνον вместо рукописного μιλία διὰ μόνον) и Турнеба (τῆ Σαμίᾳ вместо τῆς μίας), впрочем, в контексте предыдущей фразы, весьма убедительных.

⁹⁷ Правка безнадежно испорченного рукописного текста (ἤρερον καὶ *δες) облегчается необходимостью назвать здесь свойства, противоположные перечисленным в предыдущей фразе свойствам самосской земли; в то же время предложенные варианты – как старая конъектура Салмазия ἀραιὸν [в аппарате у Эйхгольца ошибочно ἀραλὸν] καὶ ἤρεμα τραχῶδες, так и позднейшая упрощенная ее версия ἤρεμα τραχῶδες (которая имеется уже у Шнейдера, хотя Эйхгольц и приписывает ее себе), – имеют слабую опору в палеографии.

⁹⁸ Смысл повествования требует принять здесь конъектуру Турнеба, который рукописное διπλοῦς «двойной» исправляет на δίπλους «двухфутовый». В описании рудника не вполне ясным остается противопоставление высоты (ὕψος) глубине (βάθος). По предположению Эйхгольца, первое из этих слов могло бы означать истинную высоту штольни, а второе – кажущуюся высоту; такое возможно только в жиле, расположенной под большим наклоном. Сама по себе малая толщина разработки вполне типична для древности: в Лаврийских рудниках высота большинства галерей не превышает 3 футов.

⁹⁹ Еще одно необходимое исправление Турнеба: διαφυῖν вместо сохраненного традицией инфинитива διαφύειν.

¹⁰⁰ Речь, видимо, идет о торговой марке, которой помечали готовые брикеты добытой из этого слоя глины.

¹⁰¹ Бессмысленный текст рукописей θεάτων δέ требует правки, при этом предложенный Эйхгольцем вариант Θετταλίαν τε предпочтительнее по сравнению с τε Ἄθων Турнеба, так как упоминаемая чуть ниже местность Перребия (Περρραιβία) находилась в северной Фессалии и соседствовала с эпирской Тимфеей.

¹⁰² См. выше § 6.

¹⁰³ Перевод основан на исправлениях, внесенных издателями в рукописный текст: περιέχοντες (περιχέοντες Turnebus) τοῦτον τὸν λίθον (ἀντὶ τῷ λίθῳ Eichholz), который в исходном своем виде создавал бессмыслицу (нечто вроде «окружая этот камень (т.е. гипс)»).

66. Разбив гипс на куски, его заливают водой и перемешивают палками, так как руками делать это невозможно из-за жара. Воду добавляют прямо перед употреблением, потому что если приготовить раствор хотя бы немного загодя, он тут же застывает, и его уже невозможно расколоть. Замечательна и его прочность: даже когда камни лопаются и расходятся, гипс ничуть не ослабляет свою хватку, и нередко бывает, что низ строения обрушился и его убрали, а верхняя часть по-прежнему остается на весу, удерживаемая связующей силой гипса.

67. Старый гипс можно удалить и, обжигая его, вновь и вновь делать пригодным к употреблению. Вот для чего, главным образом, пользуются гипсом на Кипре и в Финикии, а в Италии еще и для изготовления вина¹⁰⁴. Применяют его в некоторых приемах своего искусства и художники, а также валяльщики, обрызгивающие им плащи. Считается, что благодаря своей клейкости и равномерному составу он не имеет себе равных при изготовлении оттисков с печатей, и именно для этого дела его в первую очередь употребляют в Греции.

68. В таких и подобного рода вещах проявляется сила гипса; природа же его, очевидно, каким-то образом соединяет свойства извести и земли, то есть клейкость и жар, а точнее, обладает тем и другим в превосходящей степени, делая его более жарким, чем известь¹⁰⁵, и намного более клейким, чем земля. О присутствии в нем огненного начала говорит и такой случай. Однажды корабль вез груз гиматиев, которые, намокнув, загорелись, и с ними сгорел и сам корабль.

69. Далее, в Финикии и Сирии гипс изготавливают путем пережигания его в печи. Пережигают в первую очередь мрамор, и именно самый прочный, ради более скорого и глубокого сгорания добавляя навоз¹⁰⁶. считается, что как только он займется, навоз горит чрезвычайно жарко и продолжительно. После того как сырье запеклось, его разбивают на куски как известь. Из всего этого с достаточной очевидностью явствует, что в целом причиной возникновения гипса служит огонь.

¹⁰⁴ Такой смысл дает предложенное Турнебом исправление рукописного τὸν οἰκεῖον на τὸν οἶνον. Гипс (чаще – родственный ему и обычно смешанный с ним сернокислый ангидрит) в самом деле добавляют в виноградное сусло в процессе декантации и осветления. Конъектура Салмазия – τὴν κοινότητα «для побелки, грунтования» – менее убедительна палеографически.

¹⁰⁵ В реальности термическая реакция гипса выражена довольно слабо и в любом случае гораздо менее ярко, чем у (негашеной) извести. Преувеличивая ее интенсивность, Теофраст делает вывод о том, что гипс обладает внутренним жаром и рассматривает, в духе своей теории, огонь в качестве действующей причины его образования (ср. § 69).

¹⁰⁶ Рукописный текст в этом месте явно испорчен: нет смысла при пережигании мрамора (за который Теофраст ошибочно принимает кристаллы природного гипса) для жара добавлять более прочный мрамор; тем более бессмысленно говорить в таком контексте о «просто» мраморе. Поэтому предлагаемый перевод ориентируется не на рукописный вариант καὶ ἀπλουτέρους στερεωτάτους μὲν παρατιθέντες *τα κτλ., а на синтетическое исправление καὶ ἀπλῶς τοὺς στερεωτάτους (Schneider), βόλιτον παρατιθέντες ἔνεκα (Eichholz) κтл.; основанием для такой правки может служить параллельное место из Плиния (NH. XXXVI. 182): «Камень, обжигаемый для этой цели, должен быть похож на алебастрит или зернистым, как мрамор; в Сирии для этой цели берут самые твердые камни и пережигают их с коровьим навозом (sospitque cum fumo bubulo) для ускорения процесса».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ПИФК** – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск
AAH – Acta archaeologica hungarica. Budapest
AHB – Ancient History Bulletin. Calgary
AJA – American Journal of Archaeology. New York
ANRW – Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin – New York, 1972– ...
ARMT – Archives royales de Mari. Transcription et traductions
BA – Bibliothèque augustinienne. Oeuvres de saint Augustin. Paris
BSA – Annual of the British School of Athens. Athens
BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies
CAH – Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1962–
CCSL – Corpus christianorum. Series latina. Turnhout
CIL – Corpus inscriptionum latinarum. Berolini, 1862– ...
CPh – Classical Philology. Chicago
CQ – Classical Quarterly. Oxford
CRIPPEL – Cahier de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille
ERE – Encyclopedia of Religion and Ethic. New York, 1928
FgrHist – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin–Leiden, 1923–
GM – Göttinger Miszellen. Göttingen
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
HThR – Harvard Theological Review. Harvard
HUCA – Hebrew Union College Annual. Cincinnati
IG – Inscriptiones graecae. Berolini, 1873– ...
JE – Jewish Encyclopedia. Electronic version
JEA – Journal of Egyptian Archaeology. London
JHS – Journal of Hellenic Studies. London
JJS – The Journal of Jewish Studies. London
JNES – Journal of Near East Studies. Chicago
MARI – Mari: Annales des recherches interdisciplinaires
MDAI(R) – Mitteilungen der Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung
NABU – Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires
PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca
PSAS – Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. London
RA – Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale
RAI – Rencontre assyriologique internationale
RdE – Revue d'égyptologie. Paris
RE – *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
REA – Revue des études anciennes. Bordeaux
RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Bonn
RIA – Reallexicon der Assyriologie
RIB – *Collingwood R.G., White R.* Roman Inscriptions of Britain. Vol. I. Oxf., 1965

- SC – Sources chrétiennes. Paris – Lyon
- SEG – Supplementum epigraphicum graecum. Amsterdam, 1923–...
- TDNT – Theological Dictionary of the New Testament. Electronic version
- TLL – Thesaurus linguae Latinae. Lipsiae, 1900– ...
- VS – Vorderasiatische Sprachdenkmäler
- Wb. – Wörterbuch der ägyptischen Sprache. I–V. Blgzt. I–V. Hrsg. von A. Erman und H. Grapow. B., 1982⁴
- ZÄS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig – Berlin
- ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
- ZRGG – Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. Leiden

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богданов И.В.</i> (Санкт-Петербург) – Свидетельства о <i>smdt</i> в египетских источниках Среднего царства	3
<i>Рунг Э.В.</i> (Казань) – Феномен мидизма в политической жизни классической Греции	14
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) – Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме	36

Памяти Сергея Сергеевича Аверинцева

<i>Бонгард-Левин Г.М., Гаилов В.А., Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Распространение христианства на Востоке (<i>В свете исследований памятников Дура-Европос</i>)	58
<i>Брагинская Н.В.</i> (Москва) – «Иосиф и Асенет»: «Мидраш» до Мидраша и «роман» до романа	73
<i>Виноградов А.Ю.</i> (Москва) – Три крещальных гимна с алфавитным акростихом	97
<i>Муравьев А.В.</i> (Москва) – Враг Рима – «благочестивый персидский царь» (<i>Образ Шапура II в двух позднеантичных текстах</i>)	115
<i>Семенченко Л.В.</i> (Москва) – Были ли саддукеи эпикурейцами? К вопросу о соотношении судьбы, промысла и свободы воли в произведениях Иосифа Флавия	125
<i>Степанцов С.А.</i> (Москва) – «Как потоки на южном ветру»: стих Пс 125:4b в интерпретации Августина	143
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы	151
<i>Фонкич Б.Л.</i> (Москва) – Венецианская рукопись «Альмагеста» Птолемея (Mss. gr. 313/690): о датировке и происхождении кодекса	162

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Антонец Е.В.</i> (Москва) – Рукописи римских классических авторов в Российской национальной библиотеке	168
---	-----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

<i>Ю.Б. Циркин</i> (Новгород) – Квинт Кассий и гражданская война в Испании	222
--	-----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Архипов И.С.</i> (Москва) – Дворцовый переворот в Каркемише в 1763 г. до н.э.	236
<i>Щеглов Д.А.</i> (Санкт-Петербург) – Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена	243
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) – Последнее сражение Луция Гиртулея	266

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Андросов В.П.</i> (Москва) – Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Издание текстов, исследование, перевод и комментарий Г.М. Бонгард-Левина, М.И. Воробьевой-Десятковской, Э.Н. Тёмкина. М., 2004	272
<i>Бухарин М.Д.</i> (Москва) – Пятый том «Инventаря южноаравийских надписей» (S. F r a n t s o u s o f f. Raybūn. Hadrān, temple de la déesse 'Athar ^{um} /Astar ^{um} . Avec une contribution archéologique d'Alexandre Sedov. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié avec les soins de Christian Robin. Tome 5 (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Académie des Sciences de Russie, Institut d'Études Orientales, Expédition Pluridisciplinaire Soviétó-Yéménite). Paris–Rome, 2001	278

<i>Вержбицкий К.В.</i> (Санкт-Петербург) – Новое периодическое издание по античной истории (МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 1–3. СПб., 2002–2004).....	285
<i>Литвиненко Ю.Н.</i> (Москва) – <i>M.S. Venit. Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead.</i> Camb., 2002	293

PERSONALIA

К 100-летию со дня рождения Сергея Владимировича Киселева	300
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Теофраст. О камнях. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии А.А. Россуца (Москва).....	306
---	-----

CONTENTS

<i>I.V. Bogdanov</i> (St.-Petersburg) – Evidence on <i>smdt</i> in Middle Kingdom Egyptian Sources	3
<i>E.V. Rung</i> (Kazan) – The Phenomenon of Medism in the Political Life of Classical Greece	14
<i>A.V. Makhlayuk</i> (Nizhni Novgorod) – On Military Clientele in Rome of the Late Republican and Early Imperial Periods	36

In Memory of Sergei Sergeevich Averintsev

<i>G.M. Bongard-Levin, V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko</i> (Moscow) – The Spread of Christianity in the East (<i>In the Light of Dura Europos Studies</i>)	58
<i>N.V. Braginskaya</i> (Moscow) – «Joseph and Aseneth»: a «Midrash» before Midrash and a «Novel» before Novel	73
<i>A.Yu. Vinogradov</i> (Moscow) – Three Baptismal Hymns with Alphabetical Acrostic	97
<i>A.V. Muraviev</i> (Moscow) – The Enemy of Rome, «The Pious Persian King» (<i>The Image of Shapur II in Two Texts of the Late Antiquity</i>)	115
<i>L.V. Semenchenko</i> (Moscow) – Were Sadducees Epicureans? The Problem of Interrelation of Fate, Providence and Free Will in the Works of Flavius Josephus	125
<i>S.A. Stepantsov</i> (Moscow) – «Sicut Torrens in Austro»: PS 125:4b in St. Augustine's Interpretation.....	143
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Solon in Plutarch: Some Problems of Interpretation of the Source	151
<i>B.L. Fonkich</i> (Moscow) – The Venetian Manuscript of Ptolemy's <i>Almagest</i> (Marc. gr. 313/690): Date and Origin of the Codex	162

PUBLICATIONS

<i>Antonets E.V.</i> (Moscow) – The Manuscripts of Roman Classical Authors in the Russian National Library	168
--	-----

DISCUSSIONS

International «Round Table» «Hispania in the System of Ancient Mediterranean Civilizations»

<i>Yu.B. Tsirkin</i> (Novgorod) – Quintus Cassius and the Civil War in Spain	222
--	-----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>I.S. Arkhipov</i> (Moscow) – A Palace Revolution in Carchemish about 1763 BC	236
---	-----

<i>D.A. Shcheglov</i> (St.-Petersburg) – Ptolemy's System of Seven Climata and Eratosthenes' Geography	243
<i>A.V. Korolenkov</i> (Moscow) – The Last Battle of Lucius Hirtuleius.....	266

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>V.P. Androsov</i> (Moscow) – Pamyatniki indijskoj pismennosti iz Tsentral'noj Azii. Vyp. 3. Izdanie tekstov, issledovanie, perevod i kommentarii G.M. Bongard-Levina, M.I. Vorob'evoi-Desyatovskoi, E.N. Temkina. M., 2004.....	272
<i>M.D. Bukharin</i> (Moscow) – The Fifth Volume of the «Inventaire des Inscriptions Sudarabiques» (S. Frantsousoff. Raybūn. Hadrān, temple de la déesse 'Athar ^{um} /Astar ^{um} . Avec une contribution archéologique d'Alexandre Sedov. Fasc. A: Les documents. Fasc. B: Les planches // Inventaire des inscriptions sudarabiques. Publié avec les soins de Christian Robin. Tome 5 (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Académie des Sciences de Russie, Institut d'Études Orientales, Expédition Pluridisciplinaire Soviéto-Yéménite). Paris–Rome, 2001	278
<i>K.V. Verzhbitskii</i> (St.-Petersburg) – Novoe periodicheskoe izdanie po antichnoj istorii (MNE-MON. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira / Pod redaktsiej E.D. Frolova. Vyp. 1–3. SPb., 2002–2004).....	285
<i>Yu.N. Litvinenko</i> (Moscow) – M.S. Venit. Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead. Cambr., 2002.....	293

PERSONALIA

Centennial of Sergei Vladimirovich Kiselev.....	300
---	-----

SUPPLEMENT

Theophrastus. On Stones. Introduction, Translation and Commentary by A.A. Rossius (Moscow).....	306
---	-----

Сдано в набор 11.05.2005 Подписано к печати 06.07.2005 Формат бумаги 70×100^{1/16}
Печать офсетная Усл. печ. л. 25,8 Усл.кр.-отт. 27,3 тыс. Уч.изд.л. 31,6 Бум.л. 10,5
Тираж 935 экз. Зак. 526

Свидетельство о регистрации № 01101070 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6